ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ

А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ 29 декабря 1861 года.

Цензоръ Веселаго.

Къ 3 тому будетъ приложенъ:

НЕКРОЛОГЪ Ф. ШЛОССЕРА.

Г. ГЕРВИНУСА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. Народы греко-римскаго періода. (Продолженіе).

VII. Подпаденіе Греціи подъ владычество македонянъ.

VIII. Умственная жизнь и нравственное состояніе грековъ въ періодъ отъ начала Персидскихъ войнъ до Александра Великаго.

IX. Эпоха Александра Великаго.

Стр.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. НАРОДЫ ГРЕКО-РИМСКАГО ПЕРІОДА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

V. ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ
ПОСЛѢ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ.

I. До возстановленія прежняго государственнаго устройства Аѳинъ.

Послѣ Пелопоннесской войны гегемонія въ Греціи принадлежала снова спартанцамъ, но они не могли долго удержать ее за собой, и, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, уступили преобладаніе ѳиванцамъ, обязаннымъ своимъ могуществомъ Пелопиду и Эпаминонду. Со смертью этихъ гражданъ ѳиванцы утратили первенство, а господство надъ Греціей перешло къ македонянамъ. Вмѣстѣ съ этой перемѣной преобладанія, — составляющей главную черту событій ближайшихъ семидесяти лѣтъ, — въ государственной жизни грековъ постепенно происходили значительныя измѣненія; такъ, въ теченіе четвертаго столѣтія передъ р. Х. пало республиканское устройство греческаго міра и было подготовлено торжество монархическихъ учрежденій, пріобрѣвшихъ въ немъ господство въ слѣдующій періодъ.

Этотъ переходъ къ монархической формѣ правленія, составляющій самую важную сторону греческой исторіи первыхъ годовъ послѣ Пелопоннесской войны, былъ вызванъ потребностью времени.

Дѣйствительно, всюду чувствовалась необходимость сильной власти, соединенной въ одномъ лицѣ: до того измѣнились нравы, перемѣнилось направленіе, такъ великъ былъ недостатокъ въ безкорыстіи и патріотизмѣ. Греція совершенно забыла свою прежнюю свободу и основные ея принципы; развращеніе нравовъ и упадокъ кореннаго греческаго духа повлекли за собой паденіе республиканскихъ учрежденій. Въ то же время взаимная зависть нѣкоторыхъ государствъ, порождая между ними, по прежнему, безпрерывныя войны, ожесточеніе которыхъ имѣло много общаго съ междоусобицами, ускорила паденіе республикъ. Возможность дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія свободныхъ греческихъ государствъ исчезла уже въ концѣ предшествовавшаго періода. Правда, являлись еще великіе люди, какъ Агесилай въ Спартѣ, Эпаминондъ и Пелопидъ въ Ѳивахъ, Ификратъ и другіе въ Аѳинахъ, спасавшіе отъ гибели свои государства, но они не могли помочь общему разстройству и водворить порядокъ во всей Греціи. Только диктаторская власть могла сдѣлать это, — но она была немыслима въ греческихъ республикахъ. Духъ времени и положеніе дѣлъ требовали, для сохраненія цвѣтущаго состоянія Греціи, монархическаго правленія, которое не имѣло бы противозаконнаго и насильственнаго происхожденія, но было бы законно, согласно съ прежними обычаями и народными потребностями, а потому прочно и сильно. Одна Македонія, гдѣ съ давнихъ поръ существовала монархія, подобная конституціонной, была государствомъ, изъ котораго такое правленіе могло перейти къ грекамъ, — и ходъ событій привелъ къ тому, что страна эта получила наконецъ преобладаніе въ Греціи.

Такова внутренняя связь событій, образующихъ греческую исторію ближайшихъ семидесяти лѣтъ послѣ Пелопоннесской войны, и начинающихся съ того времени, какъ спартанцы стали злоупотреблять вновь пріобрѣтеннымъ преобладаніемъ. Спартанцы, подобно остальнымъ грекамъ, развратились и утратили свой историческій характеръ. Высшіе классы перестали уже посѣщать сисси-

тіи, т. е. публичные общественные обѣды, а роскошничали, вмѣсто того, дома; прежняя простота и строгость нравовъ замѣнились чувственными наслажденіями и алчностью къ деньгамъ. Съ перемѣною въ направленіи и образѣ жизни отдѣльныхъ гражданъ измѣнился и характеръ внутреннихъ и внѣшнихъ государственныхъ отношеній. Спартанское государство, не испытывавшее въ теченіе столѣтій внутреннихъ несогласій, и потому часто восхваляемое какъ противоположность безпокойныхъ демократій, подверглось теперь опаснымъ потрясеніямъ, такъ, что съ началомъ четвертаго столѣтія передъ р. Х. замолкли прежніе хвалебные гимны Спартѣ. Въ сношеніяхъ съ другими государствами корыстолюбіе и властолюбіе сдѣлались характеристическими чертами спартанцевъ. Стоя во главѣ народовъ Греціи, они, вмѣсто того чтобъ справедливо и безкорыстно управлять общественными дѣлами, злоупотребляли своимъ превосходствомъ, опираясь на военную силу, и обходились жестоко даже съ своими прежними союзниками. Идя во всемъ по стопамъ аѳинянъ, они не только сдѣлались столь же ненавистными, но стали въ противорѣчіе сами съ собой и съ своими коренными государственными учрежденіями. Завоевательныя стремленія спартанцевъ поставили ихъ въ совершенно новое положеніе, несоотвѣтствовавшее ни ихъ характеру, ни основнымъ принципамъ ихъ государства.

Во всѣхъ городахъ, завоеванныхъ спартанцами на берегахъ Малой Азіи, и на покоренныхъ греческихъ островахъ, Лисандръ установилъ ненавистныя олигархіи изъ десяти человѣкъ, дѣйствовавшія исключительно въ духѣ партіи и злоупотреблявшія властью для преслѣдованія своихъ противниковъ. Самъ Лисандръ помогалъ свирѣпымъ олигархамъ и, пользуясь своимъ могуществомъ, жестоко наказывалъ ненавистныхъ ему демократовъ. На островѣ Тасосѣ онъ велѣлъ убить восемьсотъ гражданъ, женъ и дѣтей ихъ продалъ въ рабство, съ Самоса прогналъ всѣхъ жителей демократовъ, а въ Милетѣ олигархическая партія умертвила съ его помощью триста сорокъ гражданъ и принудила до тысячи человѣкъ бѣжать въ Малую

Азію. Во главѣ учрежденныхъ Лисандромъ правленій, называвшихся декархіями или правленіемъ десяти, стоялъ обыкновенно спартанецъ подъ именемъ гармоста или военачальника, имѣвшій почти всегда въ своемъ распоряженіи спартанскій гарнизонъ. Насиліе и произволъ гармостовъ были тѣмъ невыносимѣе жителямъ подвластныхъ городовъ и острововъ, что спартанцы были гораздо склоннѣе аѳинянъ къ строгости и жестокости. По всѣмъ особенностямъ Спартанскаго государства, гнетъ, претерпѣваемый греческими городами долженъ былъ быть гораздо тяжелѣе во время преобладанія спартанцевъ, чѣмъ прежде при господствѣ аѳинянъ. Спартѣ было труднѣе удерживать за собой владычество безъ угнетенія союзниковъ, чѣмъ Аѳинамъ съ ихъ цвѣтущей торговлею и промышленностью.

Аѳины тоже подпали подъ позорное иго олигарховъ. Учрежденіе олигархическаго правленія, по числу членовъ равнаго спартанскому, было условлено между Лисандромъ и Тераменомъ еще до сдачи города; народъ долженъ былъ согласиться на это, потому что, въ случаѣ непринятія олигархіи, Лисандръ угрожалъ самому существованію Аѳинъ. Тридцать человѣкъ, составлявшихъ это правительство, называются обыкновенно тридцатью тиранами или просто тридцатью. Они были назначены собственно только для пересмотра законодательства и составленія новыхъ учрежденій но, по обычаю, существовавшему въ подобныхъ случаяхъ у грековъ и римлянъ, сосредоточивали на это время въ своихъ рукахъ все управленіе. Народъ почти не участвовалъ въ выборѣ членовъ новаго правительства; двѣ трети ихъ были уже заранѣе назначены Лисандромъ и олигархической партіей въ Аѳинахъ. На десятерыхъ указалъ Тераменъ, десять другихъ были назначены олигархическимъ клубомъ, образовавшимся въ Аѳинахъ тотчасъ послѣ несчастной битвы при Эгоспотамѣ, — и только десять остальныхъ избраны самимъ народомъ. Всѣ тридцать тиранновъ принадлежали къ числу тѣхъ четырехъ сотъ, которые въ 411 году участвовали

въ заговорѣ Писандра и его сообщниковъ и завладѣли правленіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Тридцать, тотчасъ по вступленіи въ управленіе, назначили изъ числа своихъ приверженцевъ должностныхъ лицъ и новый сенатъ, которому предоставлена была судебная власть. Первыя дѣйствія тиранновъ были суровы, но ихъ нельзя назвать несправедливыми: они хотѣли уничтожить сикофантовъ, что́ сенатъ и сдѣлалъ законнымъ порядкомъ. Классъ людей, называвшійся сикофантами и увеличившійся въ послѣднее время, былъ истинною язвою для государства. Прозвище это, переведенное слово въ слово, означало „указателя смоквъ"; первоначально оно было даваемо только гражданамъ, доносившимъ на торговцевъ смоквами, вывозившихъ этотъ продуктъ за границу вопреки закону. Впослѣдствіи это названіе было перенесено на лицъ, которые изъ злости или корыстолюбія клеветали въ судахъ на гражданъ, стараясь погубить ихъ ложными и коварными доносами. Со времени Перикла число такихъ людей постоянно увеличивалось; они вели жизнь опасную для честныхъ гражданъ и были страшнымъ зломъ, искорененіе котораго сдѣлалось необходимостью для благосостоянія государства. Поэтому тиранны несовсѣмъ несправедливо начали свое правленіе съ того, что велѣли схватить и обвинить передъ сенатомъ тѣхъ, которые такими средствами волновали народъ и распускали въ немъ ложные слухи. Многіе изъ нихъ были осуждены и казнены по судебному приговору.

Лучшіе изъ гражданъ были сначала довольны правленіемъ тридцати, но нѣкоторые изъ новыхъ правителей не хотѣли ограничиться однимъ введеніемъ новаго устройства, а питали совершенно другіе замыслы. Они намѣревались захватить въ свои руки высшую власть, а это не могло быть сдѣлано безъ насильственныхъ мѣръ, въ особенности потому, что многіе изъ ихъ товарищей, преимущественно Тераменъ, хотѣли, чтобъ тридцать выполнили главную свою задачу въ интересахъ олигархической партіи, и для достиженія этой цѣли старались приготовить себѣ под-

держку между гражданами. Вслѣдствіе этого крайніе олигархи убѣдили своихъ товарищей просить спартанцевъ о присылкѣ войскъ. Просьба ихъ была исполнена и спартанскій отрядъ подъ начальствомъ пріятеля Лисандра, грубаго солдата Каллибія, получавшій содержаніе изъ аѳинской государственной казны, занялъ Акрополь.

Во главѣ крайней олигархической партіи между тридцатью тираннами стоялъ Критій, своего рода геній, человѣкъ знатный, богатый и образованный. Онъ былъ, также какъ Алкивіадъ, ученикомъ Сократа, но никогда не имѣлъ склонности къ нравственнымъ принципамъ своего наставника, а заботился только о пріобрѣтеніи образованія, нужнаго для государственнаго человѣка. Властолюбивый по характеру, Критій искалъ сверхъ того случая отмстить народу за прежнее свое изгнаніе изъ Аѳинъ (причина его изгнанія намъ неизвѣстна). Этотъ человѣкъ, игравшій главную роль между тридцатью и бывшій душою тогдашняго правительства, составилъ себѣ послѣдовательную систему тиранніи, и съ энергіей, достойною лучшаго дѣла, стремился провести ее во что бы то ни стало. По поводу этого между нимъ и Тераменомъ тотчасъ возникли несогласія, неимѣвшія однако дальнѣйшихъ послѣдствій. Критій умѣлъ въ продолженіе нѣкотораго времени успокоивать своего противника, стараясь между тѣмъ склонить на свою сторону остальныхъ товарищей и увлечь ихъ за собой.

Подъ руководствомъ Критія тридцать систематически преслѣдовали всѣхъ гражданъ опасныхъ ихъ владычеству и раздражавшихъ своимъ богатствомъ ихъ корыстолюбіе. Спартанскія войска Каллибія были въ этихъ случаяхъ ихъ надежными помощниками. Подъ предлогомъ освобожденія отечества отъ безпокойныхъ и опасныхъ людей, отъ тысячи трехъ сотъ до полуторы тысячъ гражданъ и метэковъ сдѣлались жертвою грабежа и были казнены. Знаменитѣйшими между ними были: Никератъ, сынъ Никія, замѣчательный благородствомъ и, къ своему несчастью, богатствомъ, богачъ Антифонъ, котораго не должно смѣшивать съ знамени-

тымъ ораторомъ того же имени, (т. 1. стр. 480) и Леонъ Саламинскій, прославленный своею безукоризненною жизнью. Многіе граждане, въ числѣ ихъ и Трасибулъ, были изгнаны изъ города, или же избѣжали ярости жестокихъ правителей добровольнымъ удаленіемъ изъ Аѳинъ. Число преслѣдованій и казней постоянно увеличивалось, потому что соединенная съ ними конфискація имуществъ не удовлетворяла текущимъ расходамъ казны, истощенной войною.

Жестокости эти возбудили между двумя главными членами правительства, — Критіемъ и Тераменомъ, — новый споръ, имѣвшій важныя послѣдствія. Критій хотѣлъ безусловнаго господства своей партіи, Тераменъ же убѣждалъ дѣйствовать умѣренно и съ большей снисходительностью, желая пріобрѣсти олигархіи расположеніе и поддержку гражданъ. Этимъ онъ сдѣлался еще болѣе подозрителенъ своему властолюбивому противнику. Критій опасался, что Тераменъ образуетъ противъ него партію, въ надеждѣ низвергнуть крайнихъ олигарховъ, опираясь на умѣренныхъ. Для предупрежденія этого, онъ склонилъ своихъ товарищей постановить, чтобъ всѣ граждане, за исключеніемъ трехъ тысячъ, на которыхъ полагались, были обезоружены и исключены отъ занятія должностей и участія въ управленіи. Когда оружіе, выданное гражданами, было сложено въ крѣпость, тиранны еще настойчивѣе стали преслѣдовать свою цѣль. Они положили умертвить тридцать богатѣйшихъ метэковъ и отобрать ихъ имущества, согласившись, чтобы каждый изъ тридцати написалъ на спискѣ по одному имени. Тераменъ отказался исполнить это и сильно возставалъ противъ всякаго преслѣдованія, основаннаго на одномъ корыстолюбіи. Этимъ воспользовался Критій, чтобы погубить своего противника. Онъ созвалъ сенатъ, бывшій въ то время единственнымъ судебнымъ мѣстомъ въ Аѳинахъ, окружилъ его вооруженной толпой своихъ приверженцевъ, и обвинилъ Терамена какъ человѣка враждебнаго существующему порядку. Но Тераменъ защищался такъ искусно,

что сенатъ, бывшій съ давнихъ поръ покорнымъ орудіемъ всякаго насилія, склонился на его сторону.

Критій не могъ допустить оправданія Терамена, не рискуя своею жизнью, и потому долженъ былъ рѣшиться на крайнія мѣры. Онъ объявилъ сенату, указывая на вооруженную толпу, что именемъ своимъ и своихъ товарищей вычеркиваетъ Терамена изъ списка тридцати. Этимъ Тераменъ былъ отданъ на жертву своихъ товарищей, такъ какъ прежде было постановлено, что только тридцать правителей и три тысячи гражданъ, сохранившихъ право носить оружіе, судятся сенатомъ, всѣ же остальные аѳиняне были предоставлены произволу тридцати. Вслѣдъ за тѣмъ Критій объявилъ, что онъ и его товарищи приговариваютъ обвиненнаго къ смерти. Тераменъ, неожидавшій никакой защиты отъ слабыхъ сенаторовъ, искалъ себѣ убѣжища у жертвенника, стоявшаго въ залѣ собранія. Тщетно напоминалъ онъ присутствовавшимъ, что, если они допустятъ произвольно вычеркнуть его имя, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть покоенъ за свою жизнь; напрасно говорилъ, что знаетъ очень хорошо, какъ мало вниманія обращаетъ Критій на алтари и боговъ, и хочетъ только показать гражданамъ, что онъ попираетъ ногами не только человѣческое правосудіе, но и благоговѣніе передъ богами. Слабодушные сенаторы не смѣли возвысить голоса въ защиту Терамена; Критій велѣлъ оттащить его отъ жертвенника и бросить въ темницу, гдѣ онъ долженъ былъ выпить ядъ. Принявъ ядъ, Тераменъ вылилъ на полъ оставшіяся капли, воскликнувъ: „это для Критія“! Въ древности часто восхваляли Терамена за то, что онъ встрѣтилъ смерть съ такою мужественною рѣшимостью, погибая жертвою собственной умѣренности и неистовой ярости своихъ товарищей; но онъ заслуживалъ смерти. Въ теченіе своего политическаго поприща, Тераменъ нерѣдко употреблялъ незаконныя, иногда гнусныя средства и былъ справедливо умерщвленъ олигархіей, паденіе которой онъ приготовилъ, будучи самъ первымъ ея основателемъ. Точно также не несправедливо былъ бы онъ осужденъ демократіей, потому что дважды помогалъ ея уничтоженію и разъ

даже, для достиженія своей цѣли, предалъ родной городъ непріятелю.

Съ этихъ поръ жестокости, грабежи, казни и изгнанія не имѣли границъ. Дошло до того, что никому не хотѣли позволять оставаться въ городѣ, кромѣ трехъ тысячъ, сохранившихъ право носить оружіе; многіе граждане были изгнаны изъ помѣстій, которыми завладѣли тиранны и ихъ приверженцы. Ѳивы, Мегара и другіе города наполнились аѳинскими изгнанниками.

Свирѣпые тиранны, терзавшіе Аѳины, не оставили въ покоѣ и Алкивіада, жившаго въ далекомъ изгнаніи. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о кончинѣ этого человѣка, очень разнорѣчивы; не рѣшено, кто виновенъ въ его смерти: спартанцы и друзья ихъ аѳинскіе олигархи, или персидскій намѣстникъ Фарнабазъ. Спартанцы, опасаясь его честолюбія и геніальныхъ способностей, запретили Алкивіаду жить въ принадлежавшихъ ему ѳракійскихъ помѣстьяхъ; онъ бѣжалъ въ Малую Азію, гдѣ былъ радушно принятъ Фарнабазомъ. Но и здѣсь его преслѣдовали ненависть и опасенія спартанцевъ, возбуждаемыхъ противъ него партіею Критія, боявшеюся великаго государственнаго человѣка болѣе, чѣмъ кого либо изъ аѳинскихъ изгнанниковъ. Алкивіадъ погибъ въ одной фригійской деревнѣ, по однимъ извѣстіямъ, сдѣлавшись жертвою мести частныхъ лицъ, по другимъ, убитый Фарнабазомъ по требованію спартанцевъ, желавшихъ смерти человѣка, опаснаго для спокойствія Греціи и Персіи. Наконецъ, быть можетъ, его умертвилъ Фарнабазъ и для того, чтобы помѣшать Алкивіаду, знавшему тайные замыслы Кира противъ Артаксеркса III, отправиться въ Сузу и склонить царя на войну съ спартанцами, поддерживавшими царевича. Отрядъ, посланный убить Алкивіада, не смѣя вторгнуться въ домъ, окружилъ его и зажегъ. Алкивіадъ выбѣжалъ съ обнаженнымъ мечемъ, устрашенные солдаты разбѣжались, но убили его издали своими стрѣлами. Тѣло Алкивіада было похоронено гетерою Тимандрою, послѣдовавшею за нимъ въ Малую Азію.

Жестокостями, а въ особенности изгнаніемъ столькихъ граждaнъ, тиранны приготовили свое паденіе; дѣйствительно, черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ ихъ назначенія, они лишились власти. Трасибулъ съ семьюдесятью изгнанниками, внезапно двинувшись изъ Ѳивъ, захватилъ пограничную крѣпость Филе. Здѣсь собралось такое множество изгнанниковъ и недовольныхъ, что вскорѣ составился отрядъ до семисотъ человѣкъ, и тиранны сами были принуждены сдѣлать нападеніе на Филе. Предпріятіе ихъ не удалось. Трасибулъ, напротивъ того, завладѣлъ гаванью Пиреемъ и Мунихійскимъ предмѣстьемъ. Съ этой минуты кровь не переставала литься въ ежедневно происходившихъ схваткахъ. Въ одной изъ стычекъ пали Критій и Гиппомахъ, самые властолюбивые изъ тридцати тиранновъ и единственные люди, способные продолжать начатое, съ энергіей и мужествомъ. Смерть ихъ давала возможность согласить партіи. Клеокритъ употребилъ всѣ усилія для примиренія съ остальными гражданами трехъ тысячъ, которые одни пользовались при тираннахъ высшими политическими правами. Старанія его увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ; на слѣдующій день тиранны со своими приверженцами бѣжали въ Элевзинъ, а на ихъ мѣсто назначена новая правительственная коммиссія изъ десяти человѣкъ, по одному изъ каждой филы или отдѣла гражданъ (403).

Чтобъ вполнѣ оградить себя отъ вліянія изгнанныхъ олигарховъ, новыми правителями аѳиняне избрали враговъ Критія, предполагая, что поэтому самому они будутъ друзьями прежнихъ изгнанниковъ. Но ожиданія не сбылись. Какъ олигархи, они, подобно изгнаннымъ тираннамъ, стремились къ неограниченной власти, нисколько не старались о примиреніи съ изгнанниками и не оправдали надеждъ многихъ гражданъ, желавшихъ возстановленія древней демократіи. Раздраженные этимъ, друзья народнаго правленія стремились къ Трасибулу въ Пирей, чтобъ въ соединеніи съ его приверженцами завоевать оружіемъ то, чего нельзя было достигнуть мирными средствами.

Десять правителей, понявъ вскорѣ невозможность удержать за

собой власть въ Аѳинахъ, просили помощи у спартанцевъ, къ которымъ отправили депутатовъ и тиранны, бѣжавшіе въ Элевзинъ. Изъ Спарты немедленно посланы были небольшая эскадра подъ командою брата Лисандра, Либиса, и сухопутное войско подъ начальствомъ Лисандра. Либисъ блокировалъ Пирей, а Лисандръ окружилъ его съ сухаго пути. Аѳинамъ опять угрожала гибель, но счастливый случай спасъ городъ. Спартанскій царь Павсаній II и большинство тогдашнихъ эфоровъ недоброжелательствовали Лисандру; они видѣли, что властолюбивый полководецъ своими дѣйствіями внушалъ всѣмъ ненависть къ Спартѣ, опасную для ея преобладанія, и потому склонились на сторону миролюбивой и умѣренной политики. Дѣйствительно, ненависть къ спартанцамъ до того усилилась, что даже маленькая Мегара осмѣлилась, не смотря на ходатайство Лисандра, отказать въ правѣ гражданства командиру одного корабля, наиболѣе способствовавшему Эгоспотамской побѣдѣ. А за годъ передъ тѣмъ сама Спарта признала полезнымъ уничтожить въ нѣкоторыхъ городахъ олигархіи, учрежденныя Лисандромъ. Противники Лисандра всѣми силами способствовали отправленію въ Аттику новаго войска подъ предводительствомъ Павсанія, которому было поручено уладить аѳинскія дѣла. Тотчасъ по прибытіи въ Аттику, Павсаній помѣшалъ Лисандру продолжать военныя дѣйствія, и старался какъ можно скорѣе заключить миръ. Онъ предложилъ партіи Трасибула прислать уполномоченныхъ для веденія въ Спартѣ переговоровъ о прекращеніи войны. По прибытіи этихъ депутатовъ въ Спарту, оттуда немедленно были посланы пятнадцать коммисаровъ для приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ вмѣстѣ съ Павсаніемъ.

Такимъ образомъ, между спартанцами и аѳинянами скоро заключенъ былъ миръ (лѣтомъ 403), по которому войско первыхъ возвращалось домой, а Трасибулъ съ своей партіей вступалъ въ городъ. При заключеніи этого выгоднаго для аѳинянъ договора, Павсаній не выговорилъ ничего для упроченія спартанскаго вліянія, не столько впрочемъ изъ желанія щадить аѳинянъ, сколько

потому, что всѣми дѣйствіями его руководила одна зависть къ Лисандру. Вслѣдствіе этого, по возвращеніи въ Спарту, онъ былъ обвиненъ въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей, и оправданъ только очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ. По заключенному съ Павсаніемъ договору, изгнаннымъ демократамъ было позволено вернуться въ Аѳины и возвращены конфискованныя имущества, а тридцать тирановъ и ихъ соучастники должны были оставить городъ и поселиться въ Элевзинѣ. Всѣмъ остальнымъ гражданамъ была объявлена полная амнистія; тѣмъ же изъ трехъ тысячъ, которые боялись оставаться въ Аѳинахъ, дано было позволеніе переселиться въ Элевзинъ. По договору аѳинянамъ предоставлено было ввести у себя такія учрежденія, какія они пожелаютъ.

Такимъ образомъ, мирный договоръ раздѣлилъ Аттику на два враждебныя государства, возникшія изъ одного и того же города. Естественно, что эти государства не могли долго оставаться въ мирѣ. Элевзинскіе олигархи стали скоро готовиться къ новой войнѣ противъ аѳинскихъ демократовъ, а послѣдніе, узнавъ объ этомъ, выступили противъ нихъ со всѣми своими силами. Дѣло однако не дошло до войны; предводители элевзинцевъ, обманутые мирными предложеніями аѳинянъ, сошлись для переговоровъ съ предводителями противной партіи и были убиты измѣнническимъ образомъ. Остальнымъ гражданамъ, переселившимся въ Элевзинъ, было дозволено вернуться въ отечество и дарована полная амнистія (октябрь 403), въ которую включены были всѣ, кромѣ тридцати тирановъ и одиннадцати ихъ помощниковъ, совершавшихъ казни, и десяти другихъ гражданъ, бывшихъ представителями тирановъ въ Пиреѣ. Умерщвленіе знаменитѣйшихъ олигарховъ было послѣднимъ злодѣйствомъ аѳинянъ въ эту эпоху. Граждане поклялись предать все старое забвенію. Даже лицамъ, исключеннымъ изъ амнистіи, обѣщано было прощеніе, если они съумѣютъ оправдать свои дѣйствія. Амнистія, распространившаяся и на дѣтей тирановъ, была объявлена преимущественно по инициативѣ Трасибула. Рево-

люція эта была единственнымъ переворотомъ, совершившимся въ Греціи безъ казней и изгнаній побѣжденной партіи. Впрочемъ благотворное вліяніе амнистіи продолжалось не долго. Многіе изъ гражданъ были скоро потребованы къ суду за дѣйствія, совершенныя во время, и даже ранѣе, правленія тридцати, и даже самого Сократа враги его упрекали за то, что Критій былъ въ числѣ его учениковъ.

По обнародованіи амнистіи было рѣшено ввести прежнее государственное устройство и законодательство Солона. Для необходимыхъ дополненій и преобразованій избрана была изъ пяти сотъ гражданъ законодательная коммиссія, которая должна была сначала опубликовывать всѣ проекты законовъ, а затѣмъ утверждать ихъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Во время этихъ совѣщаній, каждому гражданину были дозволены входъ въ сенатъ и участіе въ совѣщаніяхъ. Законодательство, пересмотрѣнное и измѣненное такимъ порядкомъ, было поставлено подъ охрану ареопага, который долженъ былъ наблюдать, чтобъ правительство дѣйствовало согласно предписаніямъ законовъ. Нѣкоторыя постановленія и законы были написаны на стѣнѣ одного портика, гдѣ они и прежде находились, но въ послѣднее время стерлись, и гдѣ каждый имѣлъ право ихъ списывать. При этомъ обстоятельствѣ ясно выказывается огромная польза, доставляемая новѣйшимъ народамъ книгопечатаніемъ, которое даетъ возможность каждому частному человѣку имѣть въ своихъ рукахъ законы и избавляетъ отъ того огромнаго труда, съ которымъ сопряжено было въ тѣ времена изданіе подлиннаго и вѣрнаго свода законовъ. Аѳиняне, напримѣръ, были принуждены писать всѣ свои законы на стѣнахъ, а наблюденіе за этой работой поручить человѣку, дѣйствовавшему при этомъ столь произвольно, что полный сводъ законовъ вовсе не былъ приведенъ къ концу, потому что до изданія его обстоятельства совершенно измѣнились. Никомахъ употребилъ на исполненіе своего порученія шесть лѣтъ, вмѣсто назначенныхъ ему четырехъ мѣсяцевъ, и въ продолженіе всего этого времени только у него одного

можно было узнавать законы. Полагаютъ, что онъ позволялъ себѣ всякаго рода подлоги, потому что нерѣдко при процессахъ обѣ стороны опирались на противорѣчащіе законы, и каждая утверждала, что получила текстъ ихъ отъ него. Наконецъ, принуждены были отнять у Никомаха возложенную на него работу, а его самого предать суду.

Съ возвращеніемъ Аѳинъ къ старому демократическому устройству и съ выступленіемъ спартанскаго войска, далеко еще не была возстановлена полная независимость государства. Съ того времени какъ, по приказанію Лисандра, были разрушены крѣпостныя стѣны, Аѳины оставались во власти спартанцевъ. Пока длился миръ, невозможно было возстановить стѣнъ, потому что спартанцы не согласились бы на это; и дѣйствительно Аѳины укрѣплены были только вслѣдствіе благопріятнаго для нихъ исхода новой войны въ Греціи.

Впрочемъ, аѳиняне никогда уже болѣе не достигали прежняго могущества и величія, даже сдѣлавшись вполнѣ независимыми чрезъ возобновленіе своихъ стѣнъ, и не проникались болѣе духомъ и стремленіями своихъ отцевъ. Испорченность нравовъ аѳинскаго народа, явившаяся въ немъ въ эпоху его преобладанія, не исчезла ни съ потерею самостоятельности, ни съ возвращеніемъ прежняго счастья, напротивъ того, развращеніе постепенно возрастало. Богатство и роскошь убили духъ народа, граждане лишились прежней своей энергіи, изнѣженность сломила лучшія жизненныя силы аѳинянъ. Система наемныхъ войскъ, появившаяся въ предшествовавшій періодъ, наполнила городъ негодяями всей Греціи, пріучила къ лѣни гражданъ, которые не хотѣли болѣе нести военной службы. Праздный народъ, не имѣвшій отечества, люди, опозорившіе себя всѣми возможными пороками и преступленіями, стремились въ Аттику и составляли ядро аѳинскаго войска и солдатъ флота, хотя было очень хорошо извѣстно, что они готовы за высшую плату сражаться и противъ Аѳинъ. Прежніе аѳиняне, стремясь къ преобладанію, шли сами на войну, даже во времена

процвѣтанія государства. Теперь же,—не смотря на многочисленное населеніе города и бѣдность государства, расходы котораго не могли покрываться собственными средствами и принуждали аѳинянъ обременять налогами зависѣвшихъ отъ нихъ союзниковъ, — войско состояло, какъ и у персидскихъ царей, почти исключительно изъ наемниковъ. Даже солдаты аѳинскаго флота набирались изъ иностранцевъ; только гребцы и матросы были изъ гражданъ. Но стремленіе къ преобладанію надъ Греціею было въ нихъ всетаки такъ сильно, что аѳиняне, не останавливаясь передъ трудностями войны, вступили въ новую борьбу, но старались достигнуть желанной цѣли чужимъ мужествомъ, купленнымъ за деньги. Ко всему этому нужно прибавить, что въ войнахъ, веденныхъ аѳинянами въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, погибла большая часть древнихъ аѳинскихъ фамилій. Мѣсто ихъ заняли иностранцы, привлеченные въ Аѳины тѣми же войнами, и, такимъ образомъ, большинство гражданъ состояло уже не изъ древне-аттическаго племени, но изъ смѣси людей различныхъ греческихъ племенъ и странъ.

2. Персидскія дѣла и отступленіе десяти тысячъ.

Съ Дарія I Персія пришла въ то состояніе, о которомъ мы прежде говорили (т. I стр. 142); войны же ея съ Греціей, способствовавшія быстрому развитію послѣдней, ускорили паденіе Персидскаго государства. Монархія достигла своего высшаго блеска при Даріѣ I, но, послѣ смерти этого царя, могущество ея быстро пало. Исторія персовъ при наслѣдникахъ Дарія интересна и поучительна въ особенности потому, что указываетъ на огромное превосходство греко-европейскихъ нравовъ и жизни надъ персидско-восточными, и даетъ намъ ясное понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились основные принципы персидскаго управленія, введенные Даріемъ, и теорія огнеслуженія къ тому, что дѣлалось въ дѣйствительной жизни и государствѣ. Не смотря на порядокъ, заведенный Даріемъ I, въ Персидской монархіи не было и слѣ-

довъ правильной администраціи. Такъ же мало опиралось государство персовъ на національное чувство и способности гражданъ, и уже по одной этой причинѣ не могли удасться предпріятія ихъ противъ Греціи, жители которой по своему національному духу, патріотизму, мужеству и свободнымъ учрежденіямъ, были гораздо сильнѣе персидскаго царя съ безчисленнымъ множествомъ его подданныхъ и огромнымъ количествомъ благородныхъ металловъ, стекавшихся въ государственную казну изъ провинцій обширной монархіи. Какія силы могъ онъ извлечь изъ всѣхъ подвластныхъ ему земель и безчисленныхъ подданныхъ, которые, въ противоположность страстно любившимъ свободу грекамъ, гордились даже своимъ раболѣпствомъ? Въ обширной монархіи персидскаго царя были цѣлыя области, населеніе которыхъ служило только въ обозахъ арміи во время войны, не неся никакихъ другихъ обязанностей, или же оставалось совершенно независимымъ. Едва исчезло, при Ксерксѣ I, вслѣдствіе неудачнаго похода въ Грецію, очарованіе, окружавшее престолъ и представлявшее царя какимъ-то полубогомъ, какъ возникло и неповиновеніе. Вслѣдъ за пораженіемъ Ксеркса отпали Македонія, Ѳракія, и цѣлыя области на берегахъ Малой Азіи, а приморскіе города этихъ странъ превратились въ крѣпости и военныя гавани, откуда греки съ успѣхомъ стали нападать на Персидскую монархію. Такимъ образомъ, въ свою очередь, могущественные и гордые персы сдѣлались добычею незначительныхъ греческихъ государствъ; потому что у нихъ не было ни кораблей для преслѣдованія враговъ на морѣ, ни національнаго чувства, которое бы могло побудить часть націи или хотя одного изъ сатраповъ къ отмщенію за позоръ персидскаго имени. Въ Египтѣ, со времени Дарія, одно возстаніе слѣдовало за другимъ. Предводители народныхъ движеній скоро пріобрѣтали себѣ прочную независимость и намъ извѣстенъ цѣлый рядъ египетскихъ владѣтелей, боровшихся почти сто лѣтъ съ персидскимъ колоссомъ.

Сами цари сдѣлались игрушкою интригъ; при Сузскомъ дворѣ имѣлъ силу только тотъ, кто лестью и ловкостью умѣлъ пріо-

брѣсти вліяніе. Если способному человѣку удавалось возвыситься и оказать монархіи услуги, какъ Мегабизу при Артаксерксѣ I, его свергали по интригамъ женщинъ и подлыхъ царедворцевъ, лишали жизни или ссылали на границы монархіи. Иностранцу было еще труднѣе держаться при дворѣ, какъ доказываетъ примѣръ Конона, бывшаго лѣтъ десять спустя послѣ Пелопоннесской войны персидскимъ адмираломъ, сдѣлавшаго въ первый разъ страшными ихъ морскія силы и доставившаго имъ господство въ Эгейскомъ морѣ. Въ награду за все это, онъ былъ измѣническимъ образомъ закованъ въ цѣпи однимъ сатрапомъ. Такъ въ началѣ четвертаго столѣтія передъ р. Х. Персидская монархія, не смотря на свою громадность и богатство, лишилась большей части своего могущества и значенія, и походила на слабыхъ и малодушныхъ людей, которые склоняются всегда на сторону того, кто внушаетъ имъ бóльшій страхъ. Страшнѣе всего для нихъ были тогда спартанцы, сдѣлавшіеся поэтому союзниками персовъ. Вскорѣ однако Персидская монархія получаетъ бóльшее внѣшнее значеніе и вліяніе, не пріобрѣтя ни силы, ни лучшаго внутренняго устройства. Положеніе ея измѣнилось вслѣдствіе отношеній возникшихъ тогда между греками, чтó мы и увидимъ при послѣдующемъ изложеніи греческой исторіи.

Персидская исторія послѣ Дарія I,—единственнымъ источникомъ которой служатъ для насъ лѣтописи грековъ, — представляетъ въ своемъ теченіи все чаще и чаще зрѣлище жестокостей, измѣнъ, убійствъ и гнуснѣйшаго варварства. Мы не станемъ подробно излагать всего этого во всемірной исторіи, потому что разсказъ о презрѣнныхъ, развратныхъ и подлыхъ дѣйствіяхъ людей долженъ быть отвратителенъ для всякаго порядочнаго человѣка и можетъ имѣть интересъ только для подобныхъ имъ негодяевъ. Но, для того, чтобъ не прерывать связи съ предъидущимъ изложеніемъ персидской исторіи, (т. I, стр. 140) мы представимъ въ краткихъ словахъ главный ходъ событій со смерти Дарія I до Артаксеркса II.

Сынъ Дарія, Ксерксъ I, началъ царствованіе свое (485) по-

давленіемъ египетскаго возстанія, вспыхнувшаго еще при его отцѣ, а затѣмъ велъ несчастную войну съ Греціей, разсказанную уже нами подробно подъ именемъ третьей Персидской войны. (т. I стр. 368). Греки тѣмъ безопаснѣе могли воспользоваться своими побѣдами, что Ксерксъ, занятый отвратительными семейными отношеніями, предоставилъ всѣ военныя дѣла сатрапамъ. Прежде всего, онъ поссорился съ братомъ Масистомъ, жена котораго была жестоко изуродована по приказанію Ксеркса, а когда Масистъ произвелъ возстаніе, Дарій приказалъ убить его со всѣмъ семействомъ. Возъимѣвъ подозрѣніе противъ старшаго своего сына Дарія, женатаго на одной изъ дочерей Масиста, Ксерксъ вызвалъ его изъ ввѣреннаго ему намѣстничества. Дочь его, Амитиса, жена могущественнаго Мегабиза или Мегабаза, вела такую развратную жизнь, что отецъ принужденъ былъ дѣлать ей публично выговоръ. Наконецъ, первые любимцы царя, Артабанъ, начальникъ тѣлохранителей, и царедворецъ Спамитръ, составили заговоръ противъ Ксеркса и умертвили его. Заговорщики обвинили въ убійствѣ старшаго сына царя, Дарія, и потомъ посягнули на жизнь Артаксеркса, когда онъ убилъ брата, но были преданы и казнены.

Новый царь, Артаксерксъ I, прозванный греками Долгорукимъ, достигъ такимъ образомъ престола, на который не имѣлъ никакого права, и царствовалъ съ 476 по 424. Царствованіе его началось опасной войной, возбужденной сыновьями и приверженцами Артабана, въ которой полководецъ Мегабизъ съ трудомъ спасъ дѣло царя. Затѣмъ Артаксерксу предстояло усмирить другое, столь же опасное возстаніе, возбужденное старшимъ его братомъ, намѣстникомъ Бактріи, предъявлявшимъ свои права на престолъ. Мятежъ этотъ былъ усмиренъ только формальною войною.

Ближайшей заботой новаго царя было подавленіе новаго возстанія. Египетъ тотчасъ послѣ смерти Ксеркса свергнулъ персидское иго, объявилъ себя независимымъ подъ предводительствомъ Инара и Амиртея, и заключилъ союзъ съ аѳи-

нянами, пославшими ему на помощь флотъ изъ двухъ сотъ кораблей. Властитель огромной Персидской монархіи отправилъ для усмиренія египтянъ дядю своего, Ахемена, сына царя Дарія I, съ несмѣтными сухопутными и морскими силами. Но самъ Артаксерксъ такъ мало надѣялся на это громадное войско, выступившее противъ одной возмутившейся провинціи, которой помогали аѳиняне, что прибѣгнулъ къ подкупу другихъ греческихъ государствъ. Когда ему не удалось вновь подчинить египтянъ, онъ послалъ одного знатнаго перса съ большими суммами въ Пелопоннесъ, чтобъ склонить спартанцевъ къ нападенію на Аттику и тѣмъ принудить аѳинянъ отозвать изъ Египта свой флотъ. Попытка эта однако не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ Египтѣ, вскорѣ по прибытіи персидскаго войска, произошло сраженіе при мѣстечкѣ Папреми, въ Дельтѣ, кончившееся рѣшительнымъ пораженіемъ и смертью Ахемена. На морѣ персы тоже потерпѣли большія потери. Послѣ побѣды египтянъ, Артаксерксъ выслалъ новую двухъ-сотъ-тысячную армію подъ предводительствомъ Мегабиза и флотъ, имѣвшій до трехъ сотъ кораблей. Но прежде чѣмъ Мегабизъ могъ двинуть это войско въ Египетъ, оно должно было цѣлый годъ готовиться къ войнѣ. Египтяне между тѣмъ тѣснили остатки прежняго персидскаго войска, занявшаго часть города Мемфиса, и упорно защищавшагося до прибытія Мегабиза. Новый персидскій полководецъ скоро и счастливо окончилъ войну. Однимъ ударомъ онъ разсѣялъ союзныя войска египтянъ и аѳинянъ, выгналъ враговъ изъ Мемфиса и успокоилъ египтянъ, предложивъ Инару выгодныя условія; а потомъ искусными дѣйствіями до того стѣснилъ аѳинянъ, что они лишились всѣхъ своихъ кораблей и только небольшая часть аѳинскаго войска возвратилась на родину. Инаръ былъ взятъ въ плѣнъ и, не смотря на данное обѣщаніе сохранить ему жизнь, его пригвоздили къ кресту по проискамъ персидской царевны, ожесточенной на него за смерть Ахемена.

Египетское возстаніе было подавлено только послѣ шестилѣт-

ней борьбы (455); но одинъ изъ предводителей его, Амиртей, укрылся въ болотахъ Дельты, продолжая набѣгами тревожить намѣстника страны. Ему опять помогли аѳиняне (450) небольшимъ флотомъ, но помощь союзниковъ не имѣла никакихъ послѣдствій, потому что со стороны аѳинянъ это было не болѣе какъ демонстрація, сдѣланная съ намѣреніемъ отвлечь изъ Кипра часть персидскихъ силъ и на время прекратить войну съ персами послѣ смерти Кимона. Волненія въ Египтѣ длились однако еще сто лѣтъ. Въ царствованіе Дарія Нота, одного изъ сыновей Артаксеркса I-го, Египетъ сдѣлался даже независимымъ и съ тѣхъ поръ въ теченіе долгаго времени въ немъ правили цари, отношеніе которыхъ къ персамъ ограничивались только платежемъ ежегодной дани.

Вскорѣ послѣ покоренія Египта Мегабизомъ, Артаксерксу предстояло усмирить въ другой части монархіи мятежъ, виновницами котораго были женщины царской фамиліи, пользовавшіяся большимъ вліяніемъ при дворѣ. Мегабизъ, глубоко оскорбленный матерью царя, отправился въ свое сирійское намѣстничество и тамъ поднялъ возстаніе противъ Артаксеркса. Двѣ арміи, высланныя противъ него одна за другой, были разбиты, и онъ примирился съ царемъ только при посредничествѣ своей жены. Скоро однако Мегабизъ вторично впалъ въ немилость за свое неуваженіе къ придворному этикету, былъ сосланъ въ одинъ изъ городовъ, лежащихъ на берегу Чермнаго моря, но черезъ пять лѣтъ опять былъ прощенъ, благодаря вліянію своей могущественной жены. Онъ вернулся ко двору, и черезъ нѣсколько времени умеръ. Сынъ его, Зопиръ, возбудилъ послѣ смерти отца возстаніе, но, не будучи въ силахъ держаться противъ царя, бѣжалъ въ Аѳины. Онъ хотѣлъ основать независимое царство въ Каріи, но при этой попыткѣ лишился жизни.

Артаксерксъ I, умершій (424) естественной смертью, имѣлъ только одного сына отъ своей законной жены. Кромѣ того, онъ оставилъ отъ своихъ наложницъ семнадцать сыновей, которые всѣ занимали въ монархіи своего отца высшія государственныя должности

или намѣстничества. Едва законный наслѣдникъ, Ксерксъ II, вступилъ на престолъ, какъ былъ свергнутъ съ него Согдіаномъ, своимъ побочнымъ братомъ. Согдіанъ составилъ противъ царя заговоръ съ однимъ изъ царедворцевъ и, черезъ сорокъ пять дней послѣ смерти Артаксеркса, умертвилъ Ксеркса во время сна. Убійца вступилъ на престолъ, который надѣялся удержать за собой, пригласивъ въ Сузу могущественнѣйшаго изъ своихъ побочныхъ братьевъ, Оха, намѣстника одной провинціи, имѣвшаго сильную партію при дворѣ. Но Охъ вооружился и выступилъ противъ Согдіана съ войскомъ; къ нему присоединились другіе сатрапы и предводитель царской конницы. Обманутый предложеніемъ вступить въ переговоры, Согдіанъ попалъ въ руки брата, которымъ и былъ убитъ, процарствовавъ всего шесть съ половиною мѣсяцевъ.

Охъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Дарія II. Греки, въ отличіе отъ другихъ персидскихъ царей, прозвали его Нотомъ, т. е. незаконнорожденнымъ, побочнымъ. Въ его царствованіе, продолжавшееся съ 423 по 404, Персидская монархія пришла въ совершенный упадокъ, сатрапы сдѣлались почти независимыми владѣтелями въ своихъ областяхъ, царемъ управляли жена его, Парисатида, женщина властолюбивая, и трое любимцевъ. Исторія Персіи при Даріѣ Нотѣ была длиннымъ рядомъ звѣрствъ, измѣнъ и возстаній, въ которыхъ почти всегда принимала дѣятельное участіе Парисатида. Заговоръ, составленный Парисатидою въ пользу ея любимаго сына, Кира Младшаго, былъ важнѣйшимъ по своимъ послѣдствіямъ. Парисатида, управлявшая государствомъ при Даріѣ, имѣла тринадцать дѣтей, изъ которыхъ девять умерло въ ранней молодости. Изъ четырехъ, оставшихся въ живыхъ, старшій, Артаксерксъ, былъ назначенъ отцемъ наслѣдникомъ престола. Мать старалась всѣми средствами возвысить одного изъ младшихъ, названнаго ею Киромъ (солнце), — именемъ, которое носили только цари или наслѣдники престола. Она доставила ему мѣсто главнаго намѣстника на западѣ Малой Азіи, гдѣ онъ во-

шелъ въ сношенія съ греками и получилъ возможность сдѣлаться опаснымъ брату, держа у себя наемныя греческія войска. Киръ болѣе всего старался склонить на свою сторону спартанцевъ, и потому имѣлъ большое вліяніе на исходъ Пелопоннесской войны.

Лишь только умеръ Дарій Нотъ, Тиссафернъ, подчиненный Киру намѣстникъ Іоніи и Каріи, донесъ новому царю, Артаксерксу II-му, что Киръ готовится къ возстанію. Получивъ это извѣстіе, Артаксеркъ хотѣлъ казнить брата, но Парисатида умѣла отговорить его отъ этого, и даже убѣдила возвратить Киру его прежнее намѣстничество. Такимъ образомъ, молодой царевичъ могъ безпрепятственно продолжать свои вооруженія противъ брата. Напрасно Тиссафернъ сдѣлалъ вторичный доносъ. Киръ воспользовался несогласіемъ, возникшимъ у него съ Тиссаферномъ за нѣкоторые іоническіе города, чтобъ имѣть благовидный предлогъ для военныхъ приготовленій, а царь тѣмъ легче дался въ обманъ, что самъ желалъ войны между Киромъ и Тиссаферномъ, потому что оба, для охраненія своихъ правъ, вносили въ царскую казну подати за спорные города. Собравъ большую армію, Киръ двинулся во внутрь монархіи подъ предлогомъ усмиренія возстаній въ Писидіи и Киликіи. Лучшую часть его войска составляли 13,000 греческихъ наемниковъ, навербованныхъ съ помощью спартанцевъ въ разныхъ частяхъ Греціи и находившихся подъ начальствомъ спартанца Клеарха.

Киръ проникъ далеко во внутрь Персидской монархіи, и встрѣтился съ царскимъ войскомъ, которымъ командовалъ самъ Артаксерксъ, въ девяти миляхъ отъ Вавилона, при мѣстечкѣ Кунаксѣ. Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ Киръ, ранивъ собственноручно брата своего, былъ убитъ его свитой. Послѣ смерти Кира, азіатская часть его войска обратилась въ бѣгство, а тринадцать тысячъ грековъ не только разбили войско, стоявшее противъ нихъ, но и одержали блистательную побѣду надъ всей персидской арміей (401). Лагерь ихъ былъ разграбленъ во время сраженія, но они отвергли пред-

ложеніе персидскаго царя, требовавшаго безусловной сдачи. Не смотря на то, что ихъ оставалось всего десять тысячъ, они рѣшились оружіемъ проложить себѣ дорогу въ Малую Азію, и совершить чрезъ непріятельскую землю переходъ въ четыреста нѣмецкихъ миль.

Этотъ походъ грековъ, обыкновенно называемый отступленіемъ десяти тысячъ, описанъ въ особомъ сочиненіи предводителемъ ихъ — Ксенофонтомъ. Отступленіе это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ подвиговъ древности, представляющій въ полномъ блескѣ все превосходство греческаго міра. Смѣлое предпріятіе, счастливо совершенное десятью тысячами грековъ, приноситъ честь не имъ только однимъ, но составляетъ общее достояніе ихъ времени, ихъ націи и тогдашняго ихъ образованія; оно выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ различіе между достоинствами персидскихъ и греческихъ государственныхъ учрежденій и цивилизаціи. Горсть грековъ самымъ блистательнымъ образомъ сопротивлялась царю обширной монархіи, его несмѣтнымъ полчищамъ и всѣмъ козням его сатраповъ. Греческое образованіе и искусство одержали побѣду надъ механическими, неподвижными персидскими учрежденіями, греческія науки — надъ восточной слабостью духа, греческая тактика — надъ персидскимъ безпорядкомъ, наконецъ истинное чувство чести и народная гордость надъ интригами, трусостью и раболѣпствомъ.

Путь отступленія десяти тысячъ шелъ чрезъ Месопотамію, Мидію, Арменію и по южному берегу Чернаго моря до Ѳракіи. Храбрые греки, не зная въ этихъ странахъ ни мѣстностей, ни дорогъ, не имѣя ни картъ, ни надежныхъ проводниковъ, должны были пролагать себѣ путь чрезъ степи и пустыни, горы и ущелья, подвергаясь нападенію варварскихъ народовъ и населеній цѣлыхъ странъ, призванныхъ къ оружію Артаксерксомъ; не смотря на всѣ эти препятствія, они достигли, сравнительно съ небольшими потерями, границъ той части свѣта, гдѣ находилось ихъ отечество.

Вскорѣ послѣ того, какъ началось отступленіе грековъ, Артаксерксъ заключилъ съ ними, чрезъ сатрапа Тиссаферна, назначеннаго главнымъ намѣстникомъ Западной Малой Азіи вмѣсто Кира, договоръ, по которому они могли спокойно возвратиться домой, въ сопровожденіи персидскаго войска подъ начальствомъ Тиссаферна; сверхъ того, обѣщано было снабжать ихъ на пути съѣстными припасами. Но сатрапъ заставилъ грековъ ждать болѣе двадцати дней своего возвращенія изъ царскаго лагеря; провожая грековъ на пути въ Мидію, онъ выказывалъ къ нимъ большое недовѣріе и возбуждалъ постоянныя столкновенія между обоими войсками, вслѣдствіе чего Клеархъ просилъ у него свиданія. Тиссафернъ согласился на это, и Клеархъ, полный довѣрія къ честности непріятельскаго полководца, отправился въ персидскій лагерь, въ сопровожденіи своего военнаго совѣта, состоявшаго изъ двадцати четырехъ главныхъ военачальниковъ. По прибытіи къ непріятелю они были измѣннически схвачены, свита ихъ изрублена, а сами они отведены въ столицу Артаксеркса и тамъ казнены.

Этимъ измѣнническимъ поступкомъ персы надѣялись привести грековъ въ замѣшательство и легко одолѣть ихъ; но велико было удивленіе азіатцевъ, когда у грековъ мгновенно явились новые полководцы и начальники отрядовъ. Въ греческихъ войскахъ не было, какъ у насъ, производства, и ни одинъ офицеръ не имѣлъ постояннаго чина, нерѣдко даже случалось, что занимавшій въ одномъ году мѣсто начальника служилъ въ слѣдующемъ простымъ солдатомъ. Всѣ мѣста ежегодно замѣщались новыми лицами. Вслѣдствіе такого устройства, каждый солдатъ могъ легко замѣнять офицера, и назначеніе новыхъ командировъ для большихъ и малыхъ отрядовъ не представляло никакихъ затрудненій. Ксенофонтъ, сдѣлавъ походъ волонтеромъ, какъ другъ одного изъ полководцевъ, первый, послѣ измѣнническаго поступка Тиссаферна, сталъ уговаривать своихъ соотечественниковъ отвергнуть требованіе персовъ о сдачѣ, и пробиться съ оружіемъ въ рукахъ чрезъ непріятельскую землю. Изъ всѣхъ начальниковъ, собравшихся около

Ксенофонта, только одинъ не соглашался съ его предложеніемъ и этимъ возбудилъ къ себѣ презрѣніе; когда ближе вглядѣлись въ его лицо, въ немъ узнали уроженца Персіи по проткнутымъ ушамъ. Онъ немедленно былъ изгнанъ, а на мѣсто полководцевъ, взятыхъ персами въ плѣнъ, были избраны Ксенофонтъ и четверо другихъ грековъ.

Съ этой минуты Ксенофонтъ сталъ душою греческаго войска, обязаннаго ему спасеніемъ. Не желая возбуждать противъ себя спартанцевъ, господствовавшихъ въ Греціи послѣ Пелопоннесской войны, и думая сохранить лучшую дисциплину между соотечественниками страхомъ передъ спартанскимъ предводителемъ, Ксенофонтъ командовалъ именемъ спартанца Хейрисофа, хотя у послѣдняго не было ни способностей, ни знаній, необходимыхъ для того, чтобъ вывести грековъ изъ персидскихъ владѣній. Превосходными тактическими движеніями, приспособленными къ мѣстностямъ и обстоятельствамъ, встрѣчавшимся на пути, Ксенофонту удалось довести грековъ до крутыхъ и непроходимыхъ горъ, въ верховьяхъ Тигра. Здѣсь наткнулись они на дикихъ и воинственныхъ кардуховъ, отвергнувшихъ всѣ предложенія о свободномъ переходѣ черезъ ихъ страну; народъ этотъ, подобно нынѣшнимъ курдамъ, — быть можетъ его потомкамъ, — никогда не зналъ чужеземнаго владычества. Персы, не смѣвшіе проникать въ этотъ край, перестали преслѣдовать грековъ, которые вступили въ дикую горную страну и, не смотря на постоянныя нападенія кардуховъ, въ семь дней достигли противоположнаго ската горъ и границъ Арменіи. Переходъ чрезъ страну кардуховъ былъ самою трудною частью всего ихъ похода и стоилъ имъ гораздо болѣе потерь, чѣмъ всѣ нападенія персидскаго войска.

Въ Арменіи грекамъ опять пришлось бороться съ интригами персовъ. Тирибазъ, персидскій намѣстникъ этой страны, заключилъ съ ними такой же договоръ, какъ Тиссафернъ, но также скоро нарушилъ его. Въ отмщеніе за это, греки захватили и разграбили персидскій лагерь. Впрочемъ, проходя Арменію въ янва-

рѣ мѣсяцѣ, греки терпѣли гораздо болѣе отъ зимнихъ стужъ, снѣга, и стычекъ съ незначительными племенами страны, чѣмъ отъ своихъ трусливыхъ враговъ. Наконецъ, черезъ четыре мѣсяца послѣ сраженія при Кунаксѣ, они достигли Трапезунта, перваго греческаго города, гдѣ были радушно встрѣчены жителями, праздновавшими ихъ счастливое возвращеніе жертвоприношеніями и военными играми. Отсюда одна часть войска продолжала отступленіе сухимъ путемъ, другая — моремъ. Но теперь, когда на нихъ опять повѣяло греческимъ воздухомъ и исчезла опасность отъ варваровъ, между ними возникли несогласія и пробудилась страсть къ грабежу, такъ что даже граждане греческихъ колоній южнаго берега Чернаго моря, тяготясь своими гостями, старались скорѣй сбыть ихъ съ рукъ. Съ значительными потерями достигли они чрезъ Виѳинію до Византіи, а оттуда прошли во внутрь Ѳракіи. Тогдашній владѣтель страны, Севтъ, принялъ въ свою службу уцѣлѣвшую часть войска. Эти воинственные искатели приключеній помогли ему распространить въ нѣсколько мѣсяцевъ его владычество надъ различными племенами Ѳракіи. Наконецъ, они были завербованы спартанцами, воевавшими тогда съ персами, и, такимъ образомъ, опять вернулись въ Азію.

Изъ всего войска осталось въ живыхъ только около шести тысячъ человѣкъ; путь, пройденный ими съ Кунакскаго поля до середины южнаго берега Чернаго моря, составлялъ до четырехъ сотъ сорока шести нѣмецкихъ миль. Они совершили его въ восемь мѣсяцевъ. Весь походъ отъ Эфеса до Кунаксы и оттуда до Чернаго моря продолжался пятнадцать мѣсяцевъ (съ февраля 401 до начала іюня 400), а отсюда до соединенія съ спартанскимъ войскомъ въ Малой Азіи (мартъ 399) — девять мѣсяцевъ.

Ксенофонтъ, отличавшійся болѣе всѣхъ въ этомъ достопамятномъ походѣ, приведя въ Малую Азію къ спартанцамъ остатки десяти тысячъ, самъ вернулся въ Грецію. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, онъ принялъ участіе въ походѣ, предпринятомъ противъ персовъ его другомъ, спартанскимъ царемъ Агесилаемъ и,

по возвращеніи его, участвовалъ въ битвѣ при Коронеѣ. Въ то время какъ онъ вмѣстѣ съ Агесилаемъ сражался въ Азіи противъ персовъ, народъ изгналъ его изъ отечества за участіе въ войнѣ противъ персовъ, союзниковъ аѳинянъ, за его аристократическое направленіе и предпочтеніе къ спартанскому государственному устройству, — все это возбуждало ненависть демагоговъ и недовѣріе народа. Послѣ Коронейской битвы, Ксенофонтъ отправился съ Агесилаемъ въ Спарту, а затѣмъ поселился, недалеко отъ Олимпіи, въ имѣніи, подаренномъ ему спартанцами или купленномъ на огромныя богатства, пріобрѣтенныя въ Азіи. Здѣсь, и потомъ въ Коринѳѣ, была написана имъ часть его твореній. Наконецъ ему позволено было вернуться въ Аѳины, но, по всей вѣроятности, онъ никогда болѣе не возвращался въ отечество, хотя впослѣдствіи уговорилъ своего сына, Грилла, принять участіе въ одномъ походѣ аѳинянъ. Гриллъ былъ убитъ въ сраженіи при Мантинеѣ. Разсказываютъ, что извѣстіе о смерти сына было передано Ксенофонту въ ту минуту, когда онъ стоялъ у алтаря, готовясь приносить жертву, украшенный, по греческому обычаю, вѣнкомъ. Онъ немедленно снялъ съ головы вѣнокъ и, выслушавъ это извѣстіе съ большимъ спокойствіемъ, сказалъ, что знаетъ, что произвелъ на свѣтъ смертнаго человѣка. Когда ему разсказали, что Гриллъ сражался очень храбро, онъ снова надѣлъ вѣнокъ и совершилъ жертвоприношеніе, соединивъ его съ молитвою, въ которой благодарилъ боговъ за доблести сына. Ксенофонтъ умеръ въ Коринѳѣ на девяностомъ году своей жизни (355).

3. Исторія Греціи отъ возстановленія государственнаго устройства Аѳинъ до начала Беотійской войны.

Участіе тринадцати тысячъ грековъ въ возстаніи Кира было частнымъ предпріятіемъ грековъ, нанятыхъ Киромъ, и потому не имѣло никакого непосредственнаго вліянія на отношенія, существовавшія между Персіей и Греціей. Но самая война, для ко-

торой были напяты греки, имѣла связь съ ходомъ греческой исторіи, послуживъ отдаленной причиной къ возстановленію аѳинской независимости. Тиссафернъ, оказавшій въ этой войнѣ большія услуги царю, въ награду за нихъ былъ облеченъ почетнымъ и важнымъ званіемъ главнаго намѣстника, принадлежавшимъ прежде Киру. Прибывъ въ Малую Азію, онъ всѣми силами старался подчинить Персіи греческіе города Іоніи, сдѣлавшіеся въ послѣднее время независимыми. Они тотчасъ обратились за помощью къ Спартѣ и здѣсь просьба ихъ была услышана. Тысяча гелотовъ, получившихъ въ награду за будущую службу право гражданства, и 4000 человѣкъ изъ другихъ пелопоннесскихъ государствъ, были посланы подъ предводительствомъ Тимброна (осенью 400) въ Малую Азію. Тимбронъ, усилившій свою армію войсками греческихъ городовъ Малой Азіи и остатками десяти тысячъ, велъ войну довольно счастливо, но по неопытности въ осадномъ искусствѣ не соотвѣтствовалъ требованіямъ войны въ этой мѣстности. Кромѣ того, его войско, состоявшее изъ всякаго сброда, до того грабило союзные Спартѣ малоазійскіе города, что по ихъ жалобамъ онъ былъ скоро отозванъ назадъ. На мѣсто Тимброна (осенью 399) былъ избранъ Деркиллидъ, превосходившій своего предшественника и военными и дипломатическими талантами. Онъ счастливо продолжалъ войну до 397 года, когда было заключено перемиріе.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Малой Азіи, когда умеръ спартанскій царь Агисъ I, и на престолъ Спарты вступилъ, съ помощью Лисандра, его братъ Агесилай (397). Въ то время Лисандръ уже не пользовался въ отечествѣ прежнимъ вліяніемъ, а на островахъ и въ малоазійскихъ городахъ даже были постепенно отмѣнены введенныя имъ учрежденія. Но ему хотѣлось во что бы то ни стало снова играть роль, а исполненіе этого желанія могло осуществиться только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ опять сталъ во главѣ войска. Смерть спартанскаго царя послужила отличнымъ поводомъ къ тому. Агисъ, оставившій послѣ себя од-

ного сына, Леотихида, утверждалъ при жизни, что онъ сынъ Алкивіада, и хотя, умирая, призналъ Леотихида, но Агесилай все таки оспаривалъ у него законность рожденія. При этомъ Лисандръ помогалъ дядѣ противъ племянника, думая, что хромой и плохой съ виду Агесилай не будетъ имѣть значенія на войнѣ, и вообще сдѣлается простымъ орудіемъ въ рукахъ того, кто поможетъ ему вступить на престолъ. Но скоро Лисандръ увидѣлъ, что ошибся въ своихъ расчетахъ. Агесилай тотчасъ по вступленіи на престолъ получилъ главное начальство надъ войскомъ въ Азіи и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ спартанскихъ полководцевъ и однимъ изъ величайшихъ людей спартанской исторіи. Онъ получилъ предводительство, котораго такъ добивался, и хотя сначала Лисандръ сопровождалъ его въ походѣ, но между ними не замедлили возникнуть несогласія. Лисандръ, желая свергнуть съ престола Агесилая и его соправителя и сдѣлаться царемъ, старался произвести революцію въ Спартѣ. Но смерть, постигшая его въ первомъ сраженіи такъ называемой беотійской войны (394), помѣшала осуществленію этого плана.

Начальствуя въ азіатской войнѣ, Агесилай имѣлъ тайное намѣреніе не только отнять у персовъ малоазійскіе города, но произвести нападеніе на ихъ собственныя земли и сдѣлать завоеванія внутри Азіи. Многіе изъ грековъ помышляли о томъ же, и вѣроятно тогда бы послѣдовало паденіе Персидской монархіи, еслибъ беотійская война не принудила Агесилая вернуться въ Грецію. Спартанскій царь при самомъ началѣ войны выказалъ большіе военные таланты, пользуясь совѣтами опытнаго Ксенофонта, присоединившагося къ войску. Весною 396 Агесилай высадился около Эфеса, къ удивленію Тиссаферна, который, въ надеждѣ на перемиріе, заключенное Деркиллидомъ, не ожидалъ такого внезапнаго нападенія. Тиссафернъ просилъ о продленіи перемирія, обѣщая въ замѣнъ того испросить у персидскаго царя признаніе независимости малоазійскихъ грековъ. Агесилай согласился на предложеніе сатрапа и остался съ войскомъ въ Эфесѣ. Въ кратковременное пребы-

ваніе здѣсь спартанскаго царя обнаружились несогласія между нимъ и Лисандромъ. Лисандръ, занимавшій важное мѣсто въ военномъ совѣтѣ, снова пріобрѣлъ у малоазійскихъ грековъ прежнее значеніе, собралъ около себя толпу приверженцевъ, и являлся постоянно окруженный многочисленной свитой людей, заискивавшихъ его милости. Этимъ онъ страшно вооружилъ противъ себя Агесилая и своихъ товарищей въ военномъ совѣтѣ, и, потерявъ наконецъ всякое вліяніе, сталъ играть въ глазахъ войска и малоазійскихъ грековъ такую ничтожную роль, что самъ пожелалъ удалиться изъ арміи. Агесилай отправилъ его съ порученіемъ въ Геллеспонтъ, откуда Лисандръ скоро вернулся въ Спарту.

Тиссафернъ, окончивъ военныя приготовленія и получивъ значительныя подкрѣпленія изъ внутреннихъ областей монархіи, объявилъ спартанцамъ о прекращеніи перемирія и потребовалъ немедленнаго ихъ удаленія изъ Малой Азіи. Агесилай, силы котораго были значительно слабѣе Тиссаферновыхъ, въ теченіе лѣта съумѣлъ отлично воспользоваться несогласіями, возникшими между Тиссаферномъ и Фарнабазомъ, двумя сатрапами Малой Азіи, ловко уклоняясь отъ рѣшительнаго сраженія. Зимой онъ занимался обученіемъ войска, значительно усилилъ его и получилъ изъ греческихъ городовъ Малой Азіи конницу, которой у него прежде не было. Слѣдующимъ лѣтомъ, обманувъ Тиссаферна, онъ двинулся противъ Сардъ, разбилъ персидское войско, спѣшившее на помощь городу, и овладѣлъ богатою добычей. Тиссафернъ имѣлъ при дворѣ опаснаго врага въ лицѣ царицы Парисатиды, которая не могла ему простить смерти любимаго сына Кира, и потому теперь, за успѣхи Агесилая, онъ долженъ былъ поплатиться жизнью. На мѣсто Тиссаферна былъ назначенъ Титраустъ, убившій его по повелѣнію царя. Новый намѣстникъ немедленно вступилъ въ переговоры съ Агесилаемъ, заключилъ съ нимъ шестимѣсячное перемиріе, и уговорилъ его вторгнуться въ провинцію Фарнабаза. Опустошая все на пути, Агесилай вступилъ во Фригію, заключилъ перемиріе съ Фарнабазомъ, и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы вторгнуться въ самое

сердце Азіи. Весною 394 приготовленія къ походу были кончены; такимъ образомъ Персидской монархіи угрожало распаденіе, какъ вдругъ дѣла въ Греціи заставили спартанскаго царя вернуться въ Европу.

4. Беотійская война.

Въ большей части греческихъ государствъ господствовало сильное негодованіе на образъ дѣйствій Спарты противъ слабѣйшихъ государствъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Аѳины, стремились, кромѣ того, достигнуть полной независимости, исчезнувшей въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны. Наглость спартанцевъ, посылаемыхъ съ порученіями въ различные города, только усиливала ненависть къ Спартѣ. Жестокое обращеніе ихъ съ нѣкоторыми особенно ненавистными Спартѣ городами, хотя и заставляло трепетать передъ ея громаднымъ могуществомъ, но за то возбуждало еще сильнѣйшую злобу и страстное желаніе перемѣнъ, которыя оградили бы слабѣйшія государства отъ подобнаго произвола. Между прочимъ, тотчасъ послѣ Пелопонисской войны спартанцы самымъ свирѣпымъ образомъ отмстили элидцамъ и мессенцамъ, поселившимся въ Навпактѣ и на островѣ Кефалленіи. Первые въ наказаніе за то, что заключили въ 420 союзъ съ Аргосомъ и Аѳинами и потомъ запретили спартанскимъ гражданамъ участвовать въ олимпійскихъ играхъ, подверглись нападенію огромнаго спартанскаго войска; вся ихъ страна въ теченіе цѣлаго года была предана систематическому опустошенію, пока наконецъ они не купили спокойствія и мира цѣною очень тяжелыхъ условій. Наказавъ такъ жестоко элидцевъ, спартанское войско двинулось противъ послѣднихъ свободныхъ остатковъ несчастнаго мессенскаго народа; мессенцы были изгнаны съ обоихъ острововъ и должны были покинуть Грецію. Они удалились въ Сицилію и въ африканскую колонію Кирену, гдѣ и поступили на службу въ наемныя войска.

Такимъ образомъ, гнетомъ и злоупотребленіями спартанцы почти всюду возбудили противъ себя негодованіе, которое естественно должно было при первой возможности повлечь за собой войну. Поводомъ къ ней послужилъ походъ Агесилая въ Азію. Сатрапъ Титраустъ, еще не зная намѣренія Агесилая вторгнуться въ сердце Персидской монархіи, уже рѣшился воспользоваться ненавистью грековъ къ Спартѣ. Чтобы побудить ихъ къ открытому возстанію, онъ послалъ въ Грецію съ большими суммами искуснаго дипломата, Тимократа родосскаго, которому легко удалось склонить на свою сторону вліятельныхъ людей Ѳивъ, Коринѳа, Аргоса и другихъ государствъ.

Въ то же время спартанскому могуществу угрожала другая опасность изъ Азіи. Аѳинскій полководецъ и адмиралъ Кононъ, удалившійся въ Кипръ съ небольшими остатками флота, уничтоженнаго при Эгоспотамѣ, нашелъ тамъ радушный пріемъ у Эвагора, владѣтеля города Саламина. Вдали отъ родины, Кононъ не переставалъ стремиться къ возстановленію ея независимости, и пришелъ къ тому убѣжденію, что вѣрнѣе всего можно достигнуть цѣли только съ помощью хорошо вооруженнаго персидскаго флота, потому что Спарту можно было побѣдить только на морѣ. Эвагоръ, бывшій вассаломъ персидскаго царя, указалъ своему государю на опытнаго аѳинскаго моряка какъ на человѣка, который можетъ возстановить морскія силы Персіи и оказать ей въ войнѣ съ Спартою большія услуги. Кононъ даже отправился къ персидскому двору, чтобъ представить царю свои планы. Артаксерксъ согласился на его предложеніе и велѣлъ выдать деньги для вооруженія достаточнаго числа кораблей. Въ короткое время значительный флотъ подъ командою Фарнабаза и Конона вышелъ въ море.

Въ Греціи, весною 394, вспыхнула война противъ Спарты. Поводомъ къ ней былъ споръ между фокидцами и опунтскими локрійцами, — одно изъ безконечныхъ несогласій, безпрестанно повторявшихся между различными народами Греціи. Ѳиванцы помогли локрійцамъ и этимъ принудили фокидцевъ просить помощи

у спартанцевъ. Спарта давно уже искала случая отмстить Ѳивамъ, потому что ѳиванцы, болѣе гордые, чѣмъ остальные греки, часто не исполняли спартанскихъ повелѣній, показывая такимъ образомъ, что они не намѣрены безусловно подчиняться господствующему государству. Случай этотъ давалъ возможность унизить ѳиванцевъ, и фокидцамъ была послана помощь. Лисандръ получилъ приказаніе отправиться въ Фокиду и организовать тамъ войско, а царь Павсаній II долженъ былъ въ то же время собрать войска пелопоннесскихъ союзниковъ. Оба войска должны были соединиться у беотійскаго города Галіарта. Ѳиванцы съ своей стороны обратились къ аѳинянамъ, которые послали имъ на помощь войско. Такъ вспыхнула война противъ Спарты, сосредоточившаяся почти исключительно въ Беотіи, и потому названная Беотійскою.

Въ назначенный день Лисандръ появился передъ Галіартомъ, но Павсаній, шедшій въ Беотію медленно, не поспѣлъ во время. Довѣрившись своему счастью, Лисандръ вступилъ въ битву одинъ. При Галіартѣ (іюнь 394) побѣда осталась нерѣшенной, но самъ Лисандръ былъ убитъ, а его войско, набранное въ Фокидѣ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ государствахъ, разбѣжалось на слѣдующую ночь. На другой день на полѣ сраженія появились въ одно время Павсаній и вспомогательный аѳинскій отрядъ подъ начальствомъ Трасибула. Павсаній и его военный совѣтъ не рѣшились аттаковать непріятеля, а вступили съ нимъ въ переговоры, прося позволенія похоронить тѣла соотечественниковъ, павшихъ въ битвѣ. Заключено было перемиріе, по которому, въ первый разъ съ незапамятнаго времени, спартанскій царь соглашался купить выдачу павшихъ воиновъ обѣщаніемъ выступить немедленно изъ непріятельской земли. Преслѣдуемое насмѣшками аѳинянъ и ѳиванцевъ, спартанское войско отступило съ поля сраженія и вернулось въ Спарту, гдѣ Павсаній былъ преданъ за это суду, и, подобно своему отцу, Плистонаксу, (т. I стр. 432) только бѣгствомъ избавился наказанія. Онъ удалился въ аркадскій городъ Тегею, гдѣ и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Послѣ того въ Греціи образовался сильный союзъ противъ Спарты. Ѳивы, стоявшія во главѣ беотійскихъ городовъ, Аѳины, Коринѳъ и Аргосъ соединились для низверженія спартанскаго преобладанія; къ нимъ скоро присоединились эвбейскіе города, акарнанцы и другіе народы. Это принудило спартанцевъ вызвать изъ Азіи Агесилая съ его войскомъ. Гонецъ привезъ ему приказаніе вернуться въ Европу въ то самое время, когда онъ готовъ былъ приступить къ осуществленію своего громаднаго завоевательнаго плана. Агесилай не медля исполнилъ приказаніе, поспѣшно выступилъ изъ Фригіи и переправился черезъ Геллеспонтъ, оставивъ четыре тысячи человѣкъ для защиты городовъ Малой Азіи. Между тѣмъ въ Греціи произошло новое сраженіе. Союзники послали въ Лаконію двадцатипяти-тысячное войско, спартанцы выслали противъ нихъ только пятнадцать тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Аристодема, управлявшаго государствомъ за малолѣтствомъ своего двоюроднаго брата, сына Павсанія. Оба войска встрѣтились при Сикіонѣ (іюль 394), гдѣ произошло сраженіе, въ которомъ спартанцы имѣли, правда, нѣкоторый перевѣсъ, но далеко не одержали полной побѣды.

На морѣ счастье совершенно измѣнило спартанцамъ. Агесилай сдѣлалъ большую ошибку, отнявъ у искуснаго моряка Фарака начальство надъ спартанскимъ флотомъ и передавъ его своему зятю, храброму и смѣлому Писандру, неимѣвшему достаточной опытности для веденія войны на морѣ. Близъ карійскаго города Книда произошло сраженіе между спартанскимъ флотомъ и персидскимъ, которымъ командовали Кононъ и Фарнабазъ, кончившееся совершеннымъ пораженіемъ спартанцевъ и уничтоженіемъ ихъ преобладанія на морѣ. Писандръ и множество спартанцевъ были убиты, пятьдесятъ большихъ кораблей съ пятью стами человѣкъ досталось въ плѣнъ непріятелю (въ началѣ августа 394). Вслѣдствіе этой битвы спартанскіе гармосты должны были бѣжать почти изъ всѣхъ городовъ малоазійскаго побережья и сосѣднихъ острововъ, флотъ спартанцевъ пересталъ гос-

подствовать на морѣ, и аѳиняне могли теперь безпрепятственно возстановить свой флотъ.

Агесилай, возвращавшійся изъ Азіи тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ прежде Ксерксъ, получилъ на границахъ Беотіи извѣстіе объ этой несчастной битвѣ. Онъ принужденъ былъ оружіемъ пролагать себѣ путь чрезъ Ѳессалію, потому что союзники ѳиванцевъ, жители городовъ Лариссы, Скотуссы и Фарсала, препятствовали переходу его черезъ ихъ страну. Въ Беотіи ждали его соединенныя силы беотійцевъ, аѳинянъ, аргивцевъ, коринѳянъ, эніанцевъ и эвбейцевъ, озолійскихъ и опунтскихъ локрійцевъ. Опасаясь, что извѣстіе о пораженіи Писандра лишитъ войско бодрости, Агесилай обманулъ его, объявивъ, что Писандръ дѣйствительно погибъ, но что флотъ одержалъ побѣду. 20 августа 394 онъ далъ сраженіе, близъ беотійскаго города Коронеи. По увѣреніямъ друга Агесилая, Ксенофонта, спартанцы одержали полную побѣду, по разсказамъ же другихъ историковъ они только удержали за собой поле сраженія. Оба войска дрались отчаянно и потери противниковъ были одинаково велики; самъ Агесилай получилъ нѣсколько ранъ, а свита его, состоявшая изъ пятидесяти молодыхъ людей, была почти вся истреблена. Спартанское войско удержало за собой поле сраженія, и на другой день воздвигло на немъ памятникъ въ честь побѣды; непріятель просилъ перемирія, чтобъ имѣть возможность похоронить мертвыхъ, а это у грековъ считалось признаніемъ пораженія. Но и Агесилай не могъ продолжать войны, и долженъ былъ скоро послѣ сраженія удалиться въ Спарту. Кому бы ни приписывать побѣду, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этой битвою преобладаніе спартанцевъ на сушѣ не было возстановлено.

5. Коринѳская война.

Продолженіе войны послѣ Коронейской битвы обыкновенно называется Коринѳской войной, потому что съ этихъ поръ

борьба ведется преимущественно въ окрестностяхъ Коринѳа. Главная квартира спартанцевъ была въ Сикіонѣ, а ихъ противниковъ — въ Коринѳѣ. Въ этой войнѣ не было ни одного значительнаго сраженія и перевѣсъ на сушѣ оставался по большей части за спартанцами, на морѣ — за аѳинянами. Аѳинянамъ принесла Коринѳская война ту выгоду, что дала имъ возможность возстановить ихъ флотъ въ теченіе семилѣтней борьбы со спартанцами. Судьба войны была главнымъ образомъ рѣшена на морѣ. Война на сухомъ пути имѣла значеніе только потому, что тогда впервые была примѣнена совершенно новая тактика, созданная аѳинскимъ полководцемъ Ификратомъ.

Преобразованія, введенныя въ греческомъ военномъ искусствѣ, были тѣсно связаны съ общимъ развитіемъ греческаго народа; они повели къ тому, что война съ этихъ поръ перестала быть ремесломъ и сдѣлалась наукой. До Ификрата греческое военное устройство находилось въ тѣсной связи съ учрежденіями каждаго отдѣльнаго государства. Тактическія движенія, устройство лагеря, выборъ позицій и тому подобныя вещи конечно измѣнялись съ теченіемъ времени, но военныя упражненія, составъ и вооруженіе войска были чисто національнымъ дѣломъ и завиcѣли отъ нравовъ и учрежденій каждаго государства. Всякій гражданинъ былъ обязанъ нести военную службу, на которую не смотрѣли какъ на дѣло, требовавшее особаго призванія, но какъ на часть гражданскихъ обязанностей. Поэтому классъ гражданъ, стоявшій во главѣ государства и управлявшій дѣлами, составлялъ въ то же время главную часть войска, тяжело-вооруженную пѣхоту. Число легкихъ войскъ было весьма незначительно. По той же причинѣ у всѣхъ греческихъ народовъ, кромѣ ѳессалійцевъ, конница была очень немногочисленна. Такой составъ войска обусловливался частью свойствами мѣстности, не позволявшей ни употреблять въ дѣло большихъ массъ кавалеріи, ни продовольствовать ихъ, частью же тѣмъ, что всѣ граждане были обязаны нести военную службу, а большинство ихъ не было въ состояніи содержать лошадь. Спар-

танцы всегда ограничивались немногочисленною конницей и никогда не нуждались въ сильной кавалеріи, кромѣ какъ во время похода Агесилая въ Азіи, гдѣ они впрочемъ легко сформировали значительную кавалерію изъ мѣстныхъ жителей. Напротивъ того, аѳиняне, гораздо менѣе спартанцевъ придерживавшіеся своихъ древнихъ учрежденій, рано поняли всю пользу кавалеріи, и въ первой же войнѣ противъ спартанцевъ съ большимъ успѣхомъ пользовались своими ѳессалійскими союзниками. Вскорѣ они завоевали на островѣ Эвбеѣ равнины, болѣе годныя для пастбищъ, чѣмъ гористая Аттика, и съ этихъ поръ стали имѣть собственную конницу.

Старая греческая система войны сохранялась до Ификрата почти безъ всякихъ измѣненій. Она была совершенно измѣнена имъ, ѳессалійскимъ царемъ Язономъ, ѳиванцами Эпаминондомъ и Пелопидомъ и великими царями Македоніи Филиппомъ и Александромъ. Эти преобразованія были введены вслѣдствіе того, что свободные граждане стали избѣгать военной службы и старались замѣнять себя наемниками. Съ тѣхъ поръ въ военную службу вступали люди только по особой склонности къ ней, а военное устройство, менѣе завися отъ государственныхъ учрежденій, развивается самостоятельнѣе и становится спеціальнымъ ремесломъ и наукою. То же самое видимъ мы въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія, когда кондотьери или предводители наемныхъ войскъ становятся изобрѣтателями новой тактики и стратегіи или, вѣрнѣе, кладутъ основаніе обѣимъ этимъ наукамъ.

Съ начала четвертаго столѣтія греческія войны ведутся большей частью наемными солдатами, и нерѣдко цѣлыя войска состоятъ исключительно изъ наемниковъ. Пользуясь постоянными распрями греческихъ государствъ, они продавали себя тому, кто предложитъ болѣе, или поступали на службу къ персамъ, на которую они смотрѣли какъ на главное средство къ существованію и изъ которой возвращались въ отечество съ чужими деньгами и чужими подарками. Естественно, что греческія государства должны были ввести въ этихъ наемныхъ войскахъ совершенно другую дисцип-

лину и порядокъ, чѣмъ въ прежнихъ войскахъ, состоявшихъ изъ гражданъ, качества и искусство которыхъ соотвѣтствовали законамъ и обычаямъ ихъ государствъ. Вслѣдствіе того всѣ военныя силы перешли, какъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ въ Италіи, въ руки предводителей наемныхъ отрядовъ. Между послѣдними особенно замѣчателенъ Ификратъ, изъ Аѳинъ. Его солдаты пользовались въ то время такою же славою, какъ въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія въ Италіи войска Браччо, Карманьолы и Франческо Сфорцы.

Ификратъ, сынъ сапожника, принадлежалъ къ самому низкому классу свободныхъ гражданъ въ Греціи; подобно Франческо Сфорцѣ, онъ возвысился своими военными подвигами и, женившись на дочери одного ѳракійскаго владѣтеля, замѣчательнаго богатствомъ и роскошью, велъ въ этой странѣ самую развратную жизнь. Его великое значеніе въ греческой исторіи состоитъ въ томъ, что онъ усовершенствовалъ тактику и вооруженіе своихъ соотечественниковъ и, подобно Фридриху Великому, создалъ хорошее войско изъ ненадежной толпы наемниковъ. У Ификрата главную роль играли такъ называемые пельтасты, введенные имъ въ первый разъ въ греческихъ войскахъ. Они составляли середину между тяжело вооруженными и легкими войсками, и были вооружены короткими и легкими щитами и длинными копьями и мечами. Пельтасты соединяли въ себѣ всѣ преимущества тяжелыхъ и легкихъ войскъ. Введеніемъ ихъ Ификратъ облегчилъ своему войску движеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было поразить быстрымъ нападеніемъ, окружить или обмануть непріятеля; пельтасты были также особенно полезны тѣмъ, что своимъ новымъ вооруженіемъ сбивали съ толку непріятеля, болѣе искуснаго, чѣмъ они, и съ которымъ потому трудно было сражаться одинаковымъ оружіемъ. Этого вполнѣ достигъ Ификратъ, прославившійся пораженіемъ спартанскаго отряда, на который онъ внезапно напалъ (392) близъ Истма и принудилъ положить оружіе,—дѣло, само по себѣ, далеко не важное.

Коринѳская война, въ которой впервые были примѣнены преобразованія Ификрата, продолжалась до 387, и была рѣшена событіями на морѣ. Побѣда Конона и Фарнабаза въ самомъ началѣ войны (394) лишила спартанцевъ всѣхъ ихъ владѣній по ту сторону Эгейскаго моря; за ними остались только Абидосъ и Сестъ, города, лежащіе у Геллеспонта. Весною слѣдующаго года (393) непріятельскій флотъ опустошилъ берега Лаконіи, а персы заняли важный островъ Китеру. Въ то же время Кононъ убѣдилъ Фарнабаза, что возстановленіе аѳинскихъ укрѣпленій выгодно для персовъ, потому что могущество и величіе Аѳинъ послужатъ сильнѣйшимъ оплотомъ противъ преобладанія Спарты. Получивъ отъ сатрапа персидскій флотъ и значительныя суммы денегъ, Кононъ немедленно поплылъ къ Аѳинамъ, гдѣ граждане употребили всѣ свои усилія, чтобы какъ можно скорѣе возстановить стѣны. Имъ помогали матросы персидскаго флота, множество рабочихъ, нанятыхъ на персидскія деньги, беотійцы и граждане другихъ союзныхъ государствъ; такимъ образомъ въ короткое время аѳинскія укрѣпленія были вновь воздвигнуты. Матросы аѳинскаго флота содержались съ этихъ поръ на персидскія деньги. — Спартанцы скоро поняли, что они не будутъ въ состояніи удержать въ Греціи своего прежняго положенія, если не привлекутъ на свою сторону персовъ. Они старались достигнуть этого дипломатическимъ путемъ, пожертвовавъ свободою своихъ малоазійскихъ соотечественниковъ, и послали къ сатрапу Т и р и б а з у, управлявшему частью Малой Азіи, граничившей съ провинціей Фарнабаза, А н т а л к и д а, человѣка очень ловкаго и знакомаго съ персидскими дворцовыми интригами. Цѣль посольства Анталкида состояла въ томъ, чтобъ склонить Тирибаза на сторону спартанцевъ и съ его помощью дѣйствовать противъ Фарнабаза, друга аѳинянъ. Аѳиняне, беотійцы, коринѳяне и аргивцы, узнавъ объ этомъ, отправили тоже пословъ къ Тирибазу. Анталкидъ объявилъ намѣстнику, что спартанцы уступаютъ персидскому царю всѣ города Малой Азіи, предоставляютъ всѣмъ государствамъ и островамъ Греціи полную независи-

мость, и слѣдовательно со стороны персовъ будетъ безразсудно проливать кровь и расточать деньги на войну со Спартою. Тирибазъ понялъ всю выгоду этихъ предложеній, и кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ Турецкой имперіи, тотъ не удивится, что сатрапъ этотъ рѣшился интриговать противъ Фарнабаза, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Сузѣ. Онъ не смѣлъ однако дѣйствовать противъ него открыто, но тайно помогалъ спартанцамъ деньгами, а аѳинянъ и ихъ союзниковъ обнадеживалъ, говоря, что будетъ ждать дальнѣйшихъ приказаній царя. Передъ отправленіемъ своимъ въ Сузу, Тирибазъ велѣлъ заключить въ тюрьму Конона, опаснѣйшаго врага спартанцевъ. Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Конона: одни говорятъ, что его отвезли въ Сузу и умертвили тамъ; другіе утверждаютъ, что, освобожденный изъ продолжительнаго заключенія, онъ вскорѣ умеръ естественной смертью.

Около того же времени аѳиняне лишились другаго отличнаго полководца, прежняго своего избавителя — Трасибула. Въ 390 Трасибулъ сдѣлалъ съ небольшимъ флотомъ удачную диверсію на берегахъ Ѳракіи и Малой Азіи, но весной слѣдующаго года, собирая контрибуціи на берегахъ Памфиліи, былъ убитъ въ своей палаткѣ жителями страны.

По неизвѣстнымъ причинамъ Тирибазъ не достигъ своей цѣли при персидскомъ дворѣ, и война между персами и спартанцами длилась еще годъ. Но въ 388 Анталкидъ вторично съ той же цѣлью высадился на берегахъ Малой Азіи и отправился немедленно въ Сузу вмѣстѣ съ Тирибазомъ; на этотъ разъ онъ былъ счастливѣе. Тирибазъ получилъ отъ персидскаго царя полномочіе вести переговоры, а Анталкидъ достигъ того, что миръ былъ заключенъ на предложенныхъ имъ условіяхъ. Ему позволено было требовать отъ грековъ, чтобъ они приняли миръ, а въ случаѣ отказа со стороны аѳинянъ и ихъ союзниковъ угрожать имъ войной съ персами.

Аѳиняне, достигнувъ снова могущества и надѣясь сохранить свое господство на морѣ, не обратили сначала никакого вниманія

на эту угрозу и не приняли мира, предложеннаго именемъ персидскаго царя. Но счастье скоро измѣнило имъ и они не могли долго сопротивляться. Другъ ихъ Фарнабазъ отправился въ Сузу и тамъ женился на дочери царя, а преемникъ его, или намѣстникъ въ Малой Азіи, Аріобарзанъ, держалъ сторону спартанцевъ. Аріобарзанъ и Тирибазъ усилили небольшой спартанскій флотъ, которымъ начальствовалъ тогда Анталкидъ, присоединивъ къ нему персидскіе корабли, и такимъ образомъ помогли спартанцамъ не только завладѣть моремъ, но и лишить Аѳины продовольствія, отрѣзавъ подвозъ къ городу съѣстныхъ припасовъ изъ Чернаго моря. Затруднительнымъ положеніемъ аѳинянъ воспользовался хитрый спартанскій сенатъ, чтобъ отдѣлить сильнѣйшаго изъ своихъ противниковъ отъ остальныхъ его союзниковъ. Онъ уговорилъ персидское правительство, или вѣрнѣе Тирибаза, уполномоченнаго привести въ порядокъ греческія дѣла, уступить аѳинянамъ въ одномъ изъ условій. Уступка эта состояла въ томъ, что острова Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ, находившіеся во власти аѳинянъ во время Кимона, оставались за ними и на будущее время, тогда какъ по предварительнымъ условіямъ, заключеннымъ между Анталкидомъ и Тирибазомъ, всѣ греческіе города должны были получить независимость. Измѣненіемъ этой статьи аѳиняне остались вполнѣ довольны; — теперь персы могли просто предписать миръ грекамъ (въ іюлѣ 387).

Изъ всѣхъ греческихъ государствъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, отправлены были послы къ Тирибазу. Сатрапъ призвалъ къ себѣ пословъ для того, чтобъ они выслушали его приказанія и узнали, на какихъ условіяхъ должны заключить миръ. Когда они собрались, Тирибазъ показалъ имъ царскую печать на актѣ договора, а затѣмъ прочелъ его содержаніе, или, другими словами, объявилъ имъ царское повелѣніе, какъ будто имѣлъ дѣло съ подданными царя. Условія этого, такъ называемаго, Анталкидова мира, начинались буквально слѣдующимъ образомъ: „Царь Артаксеркс признаетъ справедливымъ, чтобъ ему принадлежали всѣ го-

рода Малой Азіи, а изъ острововъ — Клазомены и Кипръ; всѣ же остальные греческіе города большіе и малые должны быть независимы, кромѣ Лемноса, Имброса и Скироса, которые по прежнему остаются во власти аѳинянъ. Государствамъ же, которыя не примутъ этого мира, я объявляю войну — на морѣ и на сушѣ, кораблями и деньгами, — въ союзѣ съ тѣми, которыя принимаютъ его.„ Изъ всѣхъ греческихъ государствъ только Ѳивы не приняли этого мира, но спартанцы, взявшіеся быть исполнителями воли персовъ, отправили Агесилая съ войскомъ, чтобъ принудить ѳиванцевъ подчиниться повелѣніямъ персидскаго царя. Оставленные всѣми союзниками, ѳиванцы должны были уступить, не смѣя отважиться на войну.

Этотъ постыдный для Греціи миръ повлекъ за собой важныя перемѣны въ сношеніяхъ между греками и персами. Спартанцы, дѣйствовавшіе все время подъ вліяніемъ эгоистическаго разсчета, не обращая никакого вниманія на національную честь и общественное благо греческаго народа, получили отъ персовъ право наблюдать за исполненіемъ условій Анталкидова мира, и, слѣдовательно, достигли прежняго преобладанія въ Греціи. Греческія же государства стали, вслѣдствіе этого мира, въ совершенно другія отношенія къ Персидской монархіи, получившей вдругъ значительное внѣшнее вліяніе. Съ этихъ поръ персидскій царь становится, на нѣкоторое время, руководителемъ общественныхъ дѣлъ Греціи; — такимъ образомъ вѣчные споры греческихъ государствъ между собой привели ихъ къ полной зависимости отъ сузскаго двора и сатраповъ Малой Азіи.

Новое важное значеніе Персидской монархіи продолжалось до тѣхъ поръ, пока великіе македонскіе цари — Филиппъ и Александръ — соединили въ своихъ рукахъ силы греческаго народа, и наконецъ разрушили призракъ монархіи, продолжавшей существовать только вслѣдствіе несогласій грековъ. Но внѣшнее вліяніе пріобрѣтенное персами не имѣло никакого вліянія на внутреннее состояніе страны, дѣла оставались въ томъ же положеніи или

вѣрнѣе, постоянно ухудшались. То, что мы знаемъ о внутренней исторіи Персіи этого времени представляетъ омерзительную картину внутренняго разложенія. Между прочимъ, по проискамъ Парисатиды всѣ, содѣйствовавшіе какимъ бы то ни было образомъ смерти Кира, даже лица, награжденныя прежде царемъ, были подвергнуты мучительной смерти. Тиссафернъ также сдѣлался жертвою мстительной царицы. Воспользовавшись успѣхами Агесилая (т. II стр. 30), она старалась возбудить въ Артаксерксѣ подозрѣніе, что Тиссафернъ заключилъ тайный союзъ съ спартанцами, и уговорила царя казнить сатрапа. Напротивъ, Статира, жена царя, глубоко ненавидѣвшая свою свекровь, убѣдила Артаксеркса, несмотря на просьбы его матери, умертвить всѣхъ предводителей греческаго войска, помогавшихъ Киру и взятыхъ Тиссаферномъ въ плѣнъ. Въ отмщеніе за это, она была отравлена Парисатидой, хотя и принимала всѣ мѣры, чтобъ предохранить себя отъ ея злобы. Такъ, на обѣдахъ у Парисатиды она не брала ни одного кушанья, котораго не ѣла ея свекровь. Но, опытная во всякихъ злодѣйствахъ, Парисатида велѣла однажды намазать ядомъ одну сторону ножа, которымъ рѣзала мясо, и подать Статирѣ кусокъ отрѣзанный этой стороной, а сама взяла другой. Такимъ способомъ удалось ей извести ненавистную царицу. Артаксерксъ, подозрѣвая мать въ скоропостижной смерти жены, велѣлъ подвергнуть жестокой пыткѣ ея слугъ и въ отмщеніе убилъ наперсницъ Парисатиды.

Въ провинціяхъ, также, какъ при дворѣ, все дѣлалось по личнымъ расчетамъ и интригамъ. Около конца царствованія Артаксеркса II-го возстали въ одно время тогдашній владѣтель Египта и поддерживаемые спартанцами сатрапы Фригіи, Мизіи и Лидіи, составившіе заговоръ съ мелкими вассалами персидскаго царя и греческими городами морскаго прибрежья. Но намѣстникъ Мидіи, выбранный ими главнымъ предводителемъ, воспользовался возстаніемъ, чтобъ погубить своихъ союзниковъ и самому возвыситься въ глазахъ царя. Онъ вступилъ съ Артаксерксомъ въ тайные пе-

реговоры, и такимъ образомъ далъ ему возможность скоро подавить возстаніе. Точно также при возстаніи намѣстника Капподокіи, Датама, зять его измѣнилъ ему, чтобъ достигнуть почестей. Съ вассальными владѣтелями Египта, помогавшими возстанію въ Малой Азіи и Сиріи, было тоже ведено нѣсколько войнъ, которыя всѣ не имѣли никакихъ результатовъ. Персы не могли вновь подчинить Египта и напрасно теряли людей и деньги.

6. Отношенія спартанцевъ къ Ѳивамъ и Олинту послѣ Анталкидова мира.

Отношенія спартанцевъ къ другимъ государствамъ послѣ Анталкидова мира, доставившаго имъ снова перевѣсъ въ Греціи, отличались тѣмъ же высокомѣріемъ и произволомъ, какъ прежде, и вслѣдствіе того, они скоро опять лишились своего преобладанія. Еще въ первый годъ по заключеніи этого мира, подъ тѣмъ предлогомъ, что Мантинея выказывала въ послѣднее время враждебное настроеніе противъ Спарты, они потребовали отъ гражданъ этого аркадскаго города, — возникшаго постепенно изъ четырехъ селеній и казавшагося теперь опаснымъ для спартанцевъ, — чтобъ они срыли свои стѣны, и такимъ образомъ вернулись къ своему прежнему беззащитному состоянію. Когда мантинейцы отказались исполнить это, противъ нихъ было выслано войско, подъ начальствомъ сына Павсанія II-го, царя Агесиполя I-го, опустошившаго ихъ владѣнія и осадившаго самый городъ. Запрудивъ рѣчку, протекающую чрезъ Мантинею, онъ произвелъ внезапное наводненіе, отъ котораго не только пострадали городскіе дома, но развалились и крѣпостныя стѣны, построенныя изъ нежженаго кирпича. Такимъ образомъ, мантинейцы увидѣли себя во власти спартанцевъ. Они должны были оставить городъ, разрушенный спартанцами, и опять распасться на четыре сельскія общины (385). Столь же жестоко поступили спартанцы и съ небольшимъ государствомъ Флiунтомъ, на сѣверѣ Пелопоннеса.

Угрожая войной, они принудили его обратно принять изгнанныхъ имъ гражданъ, не смотря на то, что Анталкидовъ миръ призналъ независимость и самостоятельность всѣхъ государствъ Греціи.

Властолюбивый спартанскій сенатъ насильственно вмѣшивался всюду, гдѣ только обнаруживались признаки стремленія къ соединенію нѣсколькихъ государствъ. Въ то время зачатки федеративнаго устройства появились между аркадцами, — и вотъ почему могущество Мантинеи казалось страшнымъ для спартанцевъ. На македоно-ѳракійскомъ полуостровѣ Халкидикѣ, тоже образовался союзъ государствъ. Городъ Олинтъ, обогатившійся торговлею, и содержавшій десяти-тысячное войско, господствовалъ тогда надъ сосѣдней частью Македоніи и предложилъ греческимъ городамъ Халкидики составить союзъ, такъ, чтобы уполномоченные каждаго изъ нихъ сбирались въ Олинтѣ и вмѣстѣ управляли общественными дѣлами всѣхъ городовъ. Подобное соединеніе государствъ, къ которому приступило значительное число городовъ, было настоящей конфедераціей въ тѣсномъ и современномъ смыслѣ этого слова. До тѣхъ поръ подобное устройство оставалось совершенно чуждо грекамъ; всѣ союзы ихъ были или столь шатки, что едва заслуживали этого названія, или же служили только для сильныхъ государствъ средствомъ подчинять себѣ слабѣйшихъ союзниковъ. Акантъ и Аполлонія, два халкидскіе города, смотрѣли на предложенный олинтянами союзъ какъ на соединеніе подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что олинтяне угрожали имъ въ случаѣ отказа войною. Города эти просили помощи у спартанцевъ, ссылаясь на Анталкидовъ миръ, обязательный для всѣхъ грековъ за исполненіе котораго поручилась Спарта.

Еслибъ спартанцы, поставленные Анталкидовымъ миромъ во главѣ Греціи, дорожили греческой свободой, они должны бы были помогать олинтянамъ, вмѣсто того, чтобъ объявлять имъ войну, потому что Олинтъ, образовавъ могущественный союзъ греческихъ государствъ и выгнавъ сосѣдняго македонскаго царя изъ резиденціи его, Пеллы, полагалъ прочное основаніе греческой свободѣ отъ

границъ Өессаліи до Македоніи и Босфора. Но спартанцы, понимая, что распространеніе этого союза государствъ угрожаетъ ихъ собственному политическому значенію, охотно согласились помочь жителямъ Аканта и Аполлоніи. Они тотчасъ выслали вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Эвдамида (382), а брату его, Фебиду, поручили набрать войско изъ союзныхъ Спартѣ государствъ и послѣдовать за Эвдамидомъ. Была въ Спартѣ партія соединившая съ этимъ походомъ и другой планъ: внезапнымъ нападеніемъ во время мира на Өивы, стоявшія во главѣ 14-ти беотійскихъ городовъ и казавшіяся Спартѣ опасными могуществомъ своимъ, унизить ихъ и подчинить спартанскому вліянію. Фебидъ дѣйствительно осуществилъ этотъ планъ, но неизвѣстно, дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ спартанскій полководецъ произвольно или съ позволенія своего правительства; изъ послѣдующихъ отношеній правительства къ Фебиду этого также нельзя разъяснить. Хотя, по занятіи өиванской крѣпости, Фебидъ былъ приговоренъ въ Спартѣ къ денежной пенѣ за то, что самовольно рѣшился на такой важный поступокъ, но спартанцы всетаки не вывели изъ Өивъ своего гарнизона.

Въ Өивахъ граждане были раздѣлены на двѣ партіи, во главѣ которыхъ стояли два полемарха или высшихъ сановника города. Предводителемъ демократической былъ Исменій, олигархической—Леонтіадъ. Первый обнародовалъ запрещеніе гражданамъ принимать участіе въ спартанскомъ походѣ; Леонтіадъ, напротивъ того, вступилъ въ тайные переговоры съ Фебидомъ, расположившимся лагеремъ недалеко отъ Өивъ, обѣщая ему значительное подкрѣпленіе, если онъ поможетъ олигархической партіи одолѣть противниковъ и достигнуть господства въ Өивахъ. Фебидъ согласился, и Леонтіадъ избралъ для выполненія этого плана одинъ изъ праздниковъ, въ который крѣпостные ворота были отперты, потому что всѣ женщины Өивъ приходили въ этотъ день въ крѣпость для совершенія религіознаго обряда. Спартанцы внезапно явились пе-

редъ Ѳивами, и Леонтіадъ ввелъ ихъ въ крѣпость, не встрѣтя сопротивленія со стороны жителей.

Съ помощью спартанскаго гарнизона, занявшаго крѣпость, Леонтіадъ и его партія произвели желаемый переворотъ въ государственномъ управленіи. Олигархическая революція эта совершилась безпрепятственно и сопровождалась послѣдствіями, обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ: заключеніемъ Исменія, жестокимъ преслѣдованіемъ его партіи, и бѣгствомъ многихъ гражданъ. Послѣдніе, въ числѣ четырехъ сотъ, удалились почти всѣ въ Аѳины. Леонтіадъ немедленно отправился въ Спарту, чтобъ оправдать тамъ дѣйствія спартанскаго войска. Фебидъ хотя и былъ приговоренъ къ денежной пенѣ, но не за то, что сдѣлалъ несправедливость въ отношеніи къ Ѳивамъ, а за нарушеніе спартанской дисциплины и за самовольное дѣйствіе; самый поступокъ его не былъ неодобренъ Спартою и спартанскій гарнизонъ не былъ выведенъ изъ ѳиванской крѣпости. Напротивъ того, въ Ѳивы были посланы три спартанскіе коммисара, которые, вмѣстѣ съ депутатами отъ союзниковъ Спарты, должны были составить судъ, для разбора жалобъ. Пригласивъ въ судъ депутатовъ изъ другихъ греческихъ городовъ, Спарта хотѣла придать дѣйствіямъ своимъ видъ безпристрастія, но депутаты эти, руководимые спартанскими коммисарами, находились совершенно подъ ихъ вліяніемъ. Исменія обвинили въ сношеніяхъ съ персидскимъ царемъ, въ полученіи отъ него денегъ, и особенно въ возбужденіи беотійской и коринѳской войны. Такимъ образомъ, Исменію были вмѣнены въ преступленіе сношенія съ персами, въ которыхъ Анталкидъ и другіе греки были гораздо виновнѣе. Обвинители не могли ничего возразить на его защиту, но, не смотря на то, Исменій былъ осужденъ на казнь,— только за то, что казался вообще безпокойнымъ и опаснымъ человѣкомъ.

Подчинивъ себѣ такимъ образомъ Ѳивы, спартанцы обратились съ значительными силами противъ Олинта. Олинтяне, хотя и основали союзъ греческихъ городовъ на македонскихъ и ѳракійскихъ

берегахъ и соединили въ своихъ стѣнахъ огромныя оборонительныя средства, но не могли долго бороться противъ спартанцевъ. Эвдамидъ началъ войну счастливо, но былъ убитъ послѣ непродолжительной битвы подъ стѣнами Олинта. Тогда появился въ Халкидикѣ съ десятитысячнымъ войскомъ братъ Агесилая Телевтій, получившій, вмѣсто Фебида, главное начальство надъ спартанцами. Войско его было еще усилено наемными солдатами македонскаго царя и другихъ сосѣднихъ владѣтелей, которымъ угрожала опасность что они будутъ отрѣзаны олинтянами отъ берега. Телевтій въ самомъ началѣ получилъ нѣкоторый перевѣсъ, но въ слѣдующемъ году (381) проигралъ подъ стѣнами Олинта рѣшительное сраженіе, въ которомъ самъ лишился жизни. Тогда спартанцы, убѣдившись, что побѣдить олинтянъ не такъ легко, какъ подчинить какое нибудь одно греческое государство, послали противъ Олинта царя Агесиполя I съ значительными подкрѣпленіями.

Это было въ томъ году, когда другой царь Спарты, Агесилай, посланъ былъ противъ другаго свободнаго государства. Онъ долженъ былъ силой заставить фліунтцевъ, принужденныхъ незадолго передъ тѣмъ принять изгнанныхъ ими гражданъ и возвратить послѣднимъ отнятыя у нихъ имущества. Они отчаянно сопротивлялись; но, угрожаемые голодомъ, были принуждены сдаться, послѣ двадцати-мѣсячной осады. Олинтяне подверглись той же участи. Самъ Агесиполь не долго начальствовалъ надъ войскомъ; вскорѣ по прибытіи въ Халкидику, онъ умеръ отъ болѣзни. Преемникъ его, Полибіадъ, обложилъ городъ съ моря и съ сухаго пути. Олинтяне не могли бороться противъ такихъ превосходныхъ силъ, а голодъ, свирѣпствовавшій въ городѣ, заставилъ ихъ наконецъ покориться обстоятельствамъ. Имъ данъ былъ миръ подъ условіемъ сдѣлаться союзниками Спарты, возвратить македонскому царю завоеванную часть его владѣній, и расторгнуть союзъ съ другими городами ѳракійско-македонскаго побережья. Такимъ образомъ, были снова разъединены силы этихъ городовъ, и слѣдовательно сами они подчинены спартанцамъ.

VI. ѲИВАНСКАЯ ЭПОХА.

I. Освобожденіе Ѳивъ изъ-подъ спартанскаго владычества.

Сокрушивъ силы олинтянъ и подчинивъ себѣ Ѳивы, спартанцы, казалось, упрочили свое владычество и сдѣлались могущественнѣе чѣмъ когда либо. Тѣмъ неожиданнѣе было, что незначительный самъ по себѣ заговоръ нѣсколькихъ ѳиванскихъ эмигрантовъ внезапно показалъ, какъ шатко стало могущество спартанцевъ, вслѣдствіе ихъ злоупотребленій. Ѳиванская революція особенно ярко выказала это, вспыхнувъ въ ту самую минуту, когда господство Спарты въ Греціи снова казалось упроченнымъ. Освобожденіе Ѳивъ совершилось внезапно, черезъ три года по занятіи ихъ спартанцами. Изъ трехъ великихъ людей, которые одни между всѣми ѳиванцами понимали истинныя потребности своего отечества и старались возвратить ему свободу,—Пелопидъ игралъ сначала второстепенную роль въ заговорѣ, Эпаминондъ и Горгидъ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ только послѣ сверженія господствовавшей партіи.

Господствовавшая въ Ѳивахъ олигархическая партія,—предводителемъ которой былъ Леонтіадъ и оба полемарха, Архій и Филиппъ,—приготовила себѣ паденіе своею полной беззаботностью, полагаясь вполнѣ только на спартанскій гарнизонъ. Без-

печностью ихъ рѣшился воспользоваться Филлидъ, пользовавшійся довѣріемъ полемарховъ и представлявшій изъ себя человѣка, преданнаго олигархіи. Для сверженія властителей Ѳивъ, онъ вступилъ въ переговоры съ нѣкоторыми изъ бѣжавшихъ въ Аѳины изгнанниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Меллонъ. По условленному плану, предводители олигархіи должны были быть умерщвлены: одни — на пиршествѣ, другіе — въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Меллонъ былъ убѣжденъ, что, по убіеніи главныхъ олигарховъ, народъ, призванный къ свободѣ, немедленно объявитъ себя въ пользу демократовъ.

Только семеро изъ сообщниковъ, въ числѣ ихъ Меллонъ и Пелопидъ, приняли участіе въ исполненіи этого плана. Переодѣтые поселянами, заговорщики отправились изъ Аѳинъ въ Беотію, приблизились къ Ѳивамъ, не узнанные никѣмъ вошли въ ворота при наступленіи ночи, собрались въ домъ своего сообщника Харона и скрывались въ немъ весь слѣдующій день. Вечеромъ того же дня оба полемарха присутствовали на роскошномъ ужинѣ. Едва успѣли они сѣсть за столъ, какъ имъ сказали, что въ городѣ ходитъ слухъ, будто многіе изгнанники вернулись тайно и собрались въ домѣ Харона. Его тотчасъ же призвали, но онъ умѣлъ ловко обмануть полемарховъ, увѣривъ ихъ, что это одинъ ложный слухъ. Даже письмо, присланное изъ Аѳинъ и сообщавшее планы заговорщиковъ, было отложено въ сторону Архіемъ, сказавшимъ, что теперь не время заниматься дѣлами. Филлидъ обѣщалъ полемархамъ привести къ столу женщинъ, переодѣтыми въ которыхъ явились заговорщики, бросившіеся на полемарховъ и умертвившіе ихъ безъ всякаго сопротивленія. Затѣмъ заговорщики отправились къ Леонтіаду и другимъ олигархамъ, съ которыми также легко справились. Леонтіадъ, человѣкъ умѣренной жизни, сидѣлъ поужинавъ, у своей жены, которая, по обычаю греческихъ женщинъ, пряла. Филлидъ велѣлъ ему сказать, что имѣетъ порученіе отъ полемарховъ; впущенный въ домъ, онъ поспѣшно прошелъ въ комнату Леонтіада, сопровождаемый тремя сообщниками. Леонтіадъ схватился за оружіе,

убилъ одного изъ противниковъ, но самъ палъ подъ ударами другаго (декабрь 379). Умертвивъ такимъ образомъ главныхъ предводителей противной партіи, заговорщики освободили изъ темницъ всѣхъ государственныхъ преступниковъ и сдѣлали воззваніе къ народу. Оно было встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Вскорѣ вернулись съ границы Аттики остальные изгнанники и демократія была возстановлена.

Съ этой минуты личности большей части заговорщиковъ отступаютъ на второй планъ, а во главѣ управленія становятся Пелопидъ, Эпаминондъ и Горгидъ. Къ счастью, крѣпость не была снабжена съѣстными припасами, такъ мало думали спартанцы о возможности внезапнаго нападенія. Она была немедленно окружена, и уже въ январѣ гарнизонъ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію, по которой получилъ свободный выходъ. Въ отношеніи спартанцевъ условія капитуляціи были честно выполнены, но ѳиванцы, скрывавшіеся въ крѣпости, были умерщвлены и даже дѣти ихъ перебиты съ полнымъ хладнокровіемъ. Спартанскій полководецъ былъ казненъ въ Спартѣ за то, что сдалъ крѣпость, не дождавшись вспомогательнаго отряда.

Послѣ выступленія спартанцевъ предводителямъ ѳиванскаго народа надобно было прежде всего позаботиться о томъ, чтобъ склонить аѳинянъ помогать имъ въ предстоявшей войнѣ со Спартою, приготовить соотечественниковъ къ неминуемому нападенію спартанцевъ и, для сохраненія достигнутой свободы, возстановить гегемонію Ѳивъ надъ свободными городами Беотіи. Счастливый случай доставилъ ѳиванцамъ помощь аѳинянъ, а остальнаго они достигли благодаря талантамъ Эпаминонда и Пелопида. У ѳиванскихъ демократовъ было много друзей въ Аѳинахъ; двое изъ тогдашнихъ стратеговъ или высшихъ военныхъ сановниковъ тайно помогали имъ при сверженіи олигархіи. Аѳинскіе граждане, преданные ѳиванцамъ, ждали только удобнаго случая, чтобъ возбудить народъ къ войнѣ противъ Спарты. Неосторожность спартанца Сфодрія доставила имъ предлогъ къ этому. При пер-

вомъ извѣстіи объ осадѣ ѳиванской крѣпости, царь Клеомбротъ I, вступившій въ предшествовавшемъ году (380) на спартанскій престолъ послѣ смерти брата своего Агесиполя I, поспѣшилъ отправиться съ войскомъ въ Беотію, но аѳиняне не пропустили его черезъ Аттику; онъ долженъ былъ сдѣлать обходъ и, къ счастію Ѳивъ, явился слишкомъ поздно. Оставивъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ Сфодрія въ беотійскомъ городѣ Теспіи, онъ воротился домой. Въ Аѳинахъ большинство гражданъ не хотѣло помогать ѳиванцамъ, чтобъ не вступать въ враждебныя столкновенія со спартанцами. Обоихъ стратеговъ, помогавшихъ ѳиванской революціи, потребовали къ суду, и одного изъ нихъ казнили,— другой спасся бѣгствомъ отъ той же участи. Но Сфодрій, по собственному побужденію или подговоренный лицами, преданными ѳиванцамъ, рѣшился напасть на аѳинскую гавань Пирей, не имѣвшую тогда укрѣпленій, думая, что завладѣвъ главной аѳинской гаванью, онъ удержитъ городъ отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ спартанцевъ. Едва вступивъ въ Аттику, онъ долженъ былъ оставить свое намѣреніе, но глубоко оскорбилъ имъ аѳинянъ. Попытка Сфодрія нарушить миръ, заключенный между Спартою и Аѳинами, оставшаяся ненаказанной по ходатайству Агесилая, дала друзьямъ ѳиванцевъ въ Аѳинахъ законный предлогъ къ войнѣ. Аѳиняне вооружили флотъ и заключили съ Ѳивами и нѣкоторыми другими государствами союзъ противъ Спарты. Благодаря въ особенности помощи аѳинянъ, которыми предводительствовалъ тогда на сухомъ пути и на морѣ счастливый и искусный Хабрій, спартанцы въ теченіе слѣдующихъ годовъ не могли нанести ѳиванцамъ никакого вреда. Войска ихъ, высланныя противъ Ѳивъ сначала подъ предводительствомъ Агесилая, потомъ Клеомброта, должны были всякій разъ возвращаться домой послѣ безуспѣшнаго похода.

2. Эпаминондъ и Пелопидъ.

Таланту двухъ своихъ единственныхъ великихъ людей обяза-

ны Ѳивы учрежденіями и значеніемъ, благодаря которымъ они не только могли сопротивляться спартанцамъ, но и сдѣлались на нѣкоторое время первенствующимъ городомъ Греціи. Пелопидъ и Эпаминондъ доставили своему родному городу первенство въ Греціи, принадлежавшее до сихъ поръ спартанцамъ и аѳинянамъ. Ихъ управленіе оставило неизгладимые слѣды въ ходѣ всѣхъ послѣдующихъ событій ѳиванской исторіи; безъ нихъ Ѳивы никогда не достигли бы положенія, занятаго ими въ средѣ греческихъ государствъ въ слѣдующее десятилѣтіе и потеряннаго послѣ смерти этихъ великихъ гражданъ.

Ѳиванцы, какъ и вообще жители Беотіи, отличались своимъ племеннымъ характеромъ отъ аѳинянъ и спартанцевъ и не были способны на долго удержать свое значеніе. Подобно жителямъ одной благословенной страны въ южной Германіи, они съ давнихъ поръ были преданы грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ, страсть къ роскоши составляла столь отличительную черту ихъ характера, что вошла даже въ поговорку у грековъ. Народъ же, у котораго ѣда и питье играютъ такую важную роль, не можетъ сохранить за собой умственнаго превосходства и въ теченіе долгаго времени стремиться къ достиженію высшихъ цѣлей. Преобладающее направленіе беотійцевъ получило съ теченіемъ времени оттѣнокъ грубости и жестокости, сластолюбіе развило въ нихъ эгоизмъ, уничтожило чувство чести и патріотизма, такъ что ихъ государственная жизнь не представляла поприща для стремленій, которыя могли бы побуждать цѣлыя поколѣнія посвящать свои силы государству. Въ Беотіи, напримѣръ, существовали, какъ и вездѣ въ Греціи, учрежденія, возникшія у греческаго народа изъ стремленія связать жизнь и наслажденія съ искусствомъ, служеніемъ государству и его высшимъ цѣлямъ; и въ беотійскихъ городахъ религіозные праздники сопровождались общественными пирами отдѣльныхъ общинъ. Но у беотійцевъ этотъ чисто греческій обычай рано потерялъ свое первоначальное значеніе и принялъ совершенно иной характеръ, чѣмъ у аѳинянъ и другихъ грековъ. Въ Аѳинахъ, даже

въ позднѣйшее время, когда нравы этого города уже развратились, рядомъ съ подобными общественными торжествами возникало множество частныхъ клубовъ, члены которыхъ жертвовали суммы на устройство пировъ въ извѣстные дни года. Такія пожертвованія дѣлались не для одной только ѣды, но чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ наслаждаться обществомъ, серьёзными и учеными бесѣдами. Философскія школы въ Аѳинахъ, какъ напримѣръ послѣдователи Платона и Аристотеля, собирались на такіе общественные обѣды и имѣли для устройства ихъ особые фонды; жертвователи составляли правила, въ которыхъ было опредѣлено, какъ устроивать эти обѣды. Совсѣмъ другое было въ Ѳивахъ. Тамъ также учреждались въ то время клубы и братства, но съ единственной цѣлью предаваться еще бо́льшей роскоши и чувственнымъ наслажденіямъ. Общества ѣды въ Беотіи сдѣлались наконецъ столь многочисленны, что многіе изъ гражданъ имѣли право въ теченіе дня присутствовать на нѣсколькихъ обѣдахъ.

Не удивительно, что при такомъ настроеніи ѳиванскаго народа преобладаніе, пріобрѣтенное имъ въ управленіе Эпаминонда и Пелопида, продолжалось недолго или, какъ выразился одинъ греческій писатель: могущество ѳиванцевъ было погребено вмѣстѣ съ тѣломъ Эпаминонда. Неспособность ѳиванцевъ сохранить за собою гегемонію въ Греціи выставляетъ еще ярче величіе обоихъ гражданъ, характеристику которыхъ необходимо представить, прервавъ на время нить разсказа.

Эпаминондъ и Пелопидъ, рано связанные узами тѣсной дружбы, трудились вмѣстѣ для возвышенія Ѳивъ, но не были похожи другъ на друга ни по общественному положенію, ни по личнымъ свойствамъ. Оба они были знатнаго происхожденія, но Пелопидъ имѣлъ большое наслѣдственное состояніе, тогда какъ другъ его былъ бѣденъ и оставался такимъ всю жизнь. При всей громадности ума Пелопида, вниманіе его было преимущественно обращено на внѣшніе предметы; онъ родился исключительно для практической жизни и рядомъ съ государственными занятіями и войной болѣе всего

любилъ гимнастическія упражненія и охоту. Пелопидъ уступалъ другу своему въ умственномъ образованіи, но, по своему чисто практическому направленію и житейской опытности, былъ способнѣе Эпаминонда для дипломатическихъ переговоровъ. Въ дипломаціи онъ отличался особенно тѣмъ, что, вмѣстѣ съ искусствомъ вести переговоры, всегда сохранялъ достоинство человѣка, руководящагося благородными побужденіями. Высокое благородство составляло главную черту характера Эпаминонда и Пелопида; всѣ поступки и дѣйствія ихъ отличались истинно гуманнымъ направленіемъ. По цѣлямъ своихъ стремленій и по той проницательности и искусству, съ которыми они старались ихъ достигнуть, оба они принадлежатъ къ величайшимъ государственнымъ людямъ древняго міра. Оба, но въ особенности Эпаминондъ, были отличными полководцами и превосходили своихъ современниковъ — Агесилая, Ификрата и Хабрія — не только военными подвигами, но и всеобъемлющимъ творческимъ духомъ, которымъ они возвели военное искусство на новую степень развитія. Они создали совершенно новую систему тактики и стратегіи, усовершенствованную впослѣдствіи македонскими царями, Филиппомъ и Александромъ. Войско ихъ состояло исключительно изъ однихъ гражданъ, хотя господствовавшее въ Греціи направленіе и совершенно измѣнившаяся система войны ввели почти всюду вербованіе наемниковъ. Пелопидъ и Эпаминондъ умѣли не только отлично обучить свое войско, пріучить его къ ловкому обращенію съ оружіемъ и къ тактическимъ движеніямъ, но и оживили его тѣмъ воинственнымъ духомъ, благодаря которому оно сравнялось въ храбрости съ спартанцами, а въ военномъ искусствѣ съ прославленными наемными отрядами.

Эпаминондъ отличался столько же своими нравственными достоинствами и высокимъ образованіемъ, сколько талантами полководца и практическими знаніями государственной жизни. Получивъ философское образованіе, онъ въ теченіе всей жизни посвящалъ ученымъ занятіямъ свои свободныя минуты. Его краснорѣчіе, знаніе человѣческой природы и знакомство съ современнымъ поло-

женіемъ дѣлъ въ Греціи были такъ велики, что, находясь при мирныхъ переговорахъ въ Спартѣ вмѣстѣ съ уполномоченными другихъ государствъ, онъ такъ живо представилъ имъ спартанское властолюбіе и тираннію, что, быть можетъ, этимъ столько же повредилъ спартанцамъ, сколько Пелопидъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ побѣдою при Тегирѣ. Нравственные принципы Эпаминонда были до того противоположны правиламъ аѳинскихъ и спартанскихъ полководцевъ, что ихъ сравнивали съ ученіемъ пиѳагорейской школы и его самого иногда называли пиѳагорейцомъ, потому что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые могли похвалиться, что сохранили чистыми принципы этой школы. Его отъ природы мягкая и любящая душа была полна самыхъ благородныхъ стремленій, а простой образъ жизни, воздержность и безкорыстіе рѣзко отличались отъ господствовавшаго въ то время направленія.

Сужденіе современниковъ и потомковъ народа, къ которому принадлежалъ Эпаминондъ, о его вліяніи, основанномъ на этомъ нравственномъ превосходствѣ, указываетъ на большое различіе между древнимъ взглядомъ на жизнь и воззрѣніемъ новаго времени. Эпаминондъ, родившійся бѣднымъ, хотѣлъ остаться бѣднымъ всю жизнь, и, не смотря на это, не только пользовался уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, но до конца жизни игралъ первую роль въ цѣлой Греціи. Тогда какъ и въ республиканскихъ государствахъ нашего времени внѣшняя представительность кажется необходимою принадлежностью высшихъ государственныхъ должностей, у грековъ, даже во времена упадка, богатство никогда не могло замѣнить собою заслугъ. Греки были очень далеки отъ того, чтобъ смѣяться надъ простымъ и самымъ естественнымъ образомъ жизни и называть чудакомъ, какъ это бываетъ у насъ, того, кто ведетъ скромную жизнь. Лучшимъ доказательствомъ того служитъ примѣръ Эпаминонда, выказывающій самымъ блистательнымъ образомъ похвальную сторону греческаго національнаго духа. Эпаминондъ, также какъ философы Сократъ, Антисѳенъ и Діогенъ, былъ предметомъ удивленія своихъ сограж-

данъ именно вслѣдствіе своего глубокаго пренебреженія къ матеріальнымъ удобствамъ жизни. Сознавая, что простота и воздержность, — эти характеристическія черты свойственныя грекамъ и чуждыя новому времени, — производятъ такое впечатлѣніе на его народъ, Эпаминондъ отчасти потому и велъ такой умѣренный образъ жизни. Въ его домѣ недоставало, какъ говорятъ, многихъ принадлежностей самыхъ небогатыхъ хозяйствъ; даже тогда, когда онъ стоялъ во главѣ отечества, у него былъ всего одинъ плащъ, такъ что въ то время, когда плащъ мыли, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не могъ выходить изъ дому. Живя въ такой бѣдности, которую легко можно было отстранить, онъ имѣлъ благородную цѣль показать соотечественникамъ какъ мало требуетъ жизнь, и какъ безразсудно постоянно жаловаться на недостатокъ средствъ.

Однажды, персидскій посланникъ хотѣлъ его подкупить, предложивъ тридцать тысячъ золотыхъ монетъ. Эпаминондъ не только не принялъ ихъ, но велѣлъ ему выѣхать изъ Ѳивъ. „Если царь твой, сказалъ онъ, желаетъ добра моему отечеству, то ему не нужно дѣлать подарковъ; если же нѣтъ, то золота всего міра недостаточно, чтобы подкупить меня. Лично я прощаю тебѣ, что ты по себѣ судишь о моемъ сердцѣ, но не могу позволить тебѣ оставаться долѣе въ Ѳивахъ, потому что ты можешь своимъ золотомъ ввести другихъ въ искушеніе.“ Въ другой разъ онъ отвергъ двѣ тысячи золотыхъ монетъ, предложенныхъ ему могущественнымъ ѳессалійскимъ владѣтелемъ Язономъ, во время пребыванія послѣдняго въ Ѳивахъ, только потому, что деньги были имъ предложены, хотя самъ Эпаминондъ находился въ такомъ затруднительномъ положеніи, что при предстоящемъ походѣ принужденъ былъ занять у одного изъ друзей денегъ на свое вооруженіе. Узнавъ однажды на полѣ сраженія, что его оруженосецъ отпустилъ плѣннаго за большой выкупъ, онъ прогналъ его, сказавъ: „отдай мнѣ щитъ и заведи себѣ лавку, ты сдѣлался теперь богатъ, и потому не будешь имѣть ни мужества, ни охоты подвергать свою жизнь опасности.“ Кто поступалъ и дѣйствовалъ такимъ образомъ, тотъ

могъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ всякій другой, бороться противъ разврата, грубости и обжорства беотійцевъ, корыстолюбія и невоздержности, господствовавшихъ во всей Греціи. Разъ на праздникѣ въ Ѳивахъ одинъ изъ знакомыхъ Эпаминонда спросилъ его, отчего онъ не принимаетъ участія въ общемъ весельѣ. „Чтобы дать вамъ возможность безопаснѣе предаваться безпечности“, отвѣчалъ Эпаминондъ. Государство, во главѣ котораго стоялъ такой человѣкъ, должно было быть счастливѣе въ своихъ предпріятіяхъ, чѣмъ напримѣръ Аѳины, передовые люди которыхъ, Ификратъ, Хабрій и Тимоѳей, стремились преимущественно къ роскоши, наслажденіямъ и блеску, не обращая вниманія ни на какіе нравственные законы.

3. Отъ освобожденія Ѳивъ до сраженія при Левктрѣ.

Вскорѣ послѣ того какъ и аѳиняне взялись за оружіе противъ Спарты, Эпаминондъ и Пелопидъ доставили Ѳивамъ необходимыя средства для успѣшной борьбы съ непріятелемъ. Участіе аѳинянъ въ войнѣ удержало спартанцевъ отъ немедленнаго нападенія на Ѳивы; этимъ временемъ воспользовались великіе ѳиванцы: Эпаминондъ преобразовалъ военныя силы роднаго города, а Пелопидъ усовершенствовалъ такъ называемый священный отрядъ, учрежденный Горгидомъ. Отрядъ этотъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій себѣ такую громкую славу, состоялъ изъ трехъ сотъ избранныхъ молодыхъ людей, связанныхъ между собой болѣе тѣсною дружбою, чѣмъ воины другихъ частей войска, одушевленныхъ патріотизмомъ и проникнутымъ гордымъ сознаніемъ, что они первые и храбрѣйшіе воины ѳиванскаго войска. Молодежь эта сначала была распредѣлена между прочими войсками, но съ битвы при Тегирѣ она составляла особый, нераздѣльный отрядъ.

Спартанцы между тѣмъ дважды (378 и 377) высылали противъ аѳинянъ и ѳиванцевъ войско подъ начальствомъ Агесилая, но не достигли никакого успѣха. Въ первый разъ Агесилай встрѣ-

тился съ непріятелемъ при Китеронской горѣ, но вновь придуманнымъ манёвромъ аѳинскаго полководца Хабрія былъ принужденъ удалиться, не вступая въ сраженіе. Когда Агесилай готовился сдѣлать нападеніе, Хабрій, тѣсно сомкнувъ ряды своихъ воиновъ, приказалъ имъ упереться щитами въ колѣни, и, выставивъ копья впередъ, спокойно ждать приближенія непріятеля, не трогаясь съ мѣста. Агесилай, которому уже не удалась попытка оттѣснить ѳиванцевъ, угрожавшихъ его флангу, отступилъ, не надѣясь прорвать этой плотной массы, и, послѣ незначительныхъ схватокъ, вернулся въ Спарту. Успѣхомъ этого манёвра аѳинскій полководецъ пріобрѣлъ себѣ такую славу, что аѳиняне воздвигнули ему впослѣдствіи статую, на которой онъ былъ изображенъ въ упомянутой выше позѣ. Появленіе Агесилая въ Беотіи въ слѣдующемъ году было столь же безуспѣшно: приблизившись къ Ѳивамъ, онъ принужденъ былъ къ отступленію жителями города, и, опустошивъ окрестности, снова возвратился въ Спарту.

На третій годъ (376) болѣзнь помѣшала Агесилаю предводительствовать войскомъ, главное начальство надъ которымъ было передано соправителю его, Клеомброту І-му. Онъ былъ также принужденъ поспѣшно отступить, встрѣтивъ при Китеронѣ соединенныя силы ѳиванцевъ и аѳинянъ. Тогда Спарта выслала флотъ, чтобъ отрѣзать подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Аѳины, и такимъ образомъ принудить городъ отстать отъ союза. Но и эта попытка неудалась: спартанскій флотъ былъ разбитъ при островѣ Наксѣ аѳинскимъ флотомъ, бывшимъ подъ командою Хабрія, и лишился половины своихъ кораблей. Когда затѣмъ (375) спартанцы выслали новое войско въ Беотію, аѳиняне старались помѣшать ихъ дѣйствіямъ, вооруживъ вторую эскадру (первая крейсировала въ то время на сѣверѣ Эгейскаго моря) и отправивъ ее подъ начальствомъ отличнаго полководца Тимоѳея, сына Конона, тревожить берега Пелопоннеса. Тимоѳей выполнилъ свое порученіе съ большимъ успѣхомъ; онъ обогнулъ Пелопоннесъ, покорилъ островъ Коркиру, и, когда наконецъ спартанцы выслали

противъ него флотъ, одержалъ надъ ними значительную побѣду.

Около того же времени спартанцы проиграли важное сраженіе на сухомъ пути. Два спартанскіе отряда внезапно напали на Пелопида, стоявшаго лагеремъ съ священнымъ отрядомъ и небольшимъ числомъ конницы около беотійскаго городка Тегиры, но потерпѣли полное пораженіе, хотя имѣли покрайней мѣрѣ вдвое болѣе войска, чѣмъ непріятель. Здѣсь въ первый разъ, послѣ долгаго времени, спартанцы были разбиты слабѣйшимъ непріятелемъ въ открытомъ полѣ. Побѣда эта прославила Пелопида между всѣми греческими народами, которые, по преувеличенному выраженію одного греческаго писателя, въ первый разъ убѣдились, что не на однихъ берегахъ Еврота родятся воинственные и храбрые люди. Сраженіе это также впервые внушило ѳиванцамъ полное довѣріе къ собственнымъ силамъ; въ особенности отличился здѣсь подвигами храбрости священный отрядъ, сохранившій репутацію своей непобѣдимости до самаго Херонейскаго сраженія, гдѣ онъ погибъ съ такою славой.

Событіями и обстоятельствами перваго года войны воспользовались очень искусно Эпаминондъ и Пелопидъ, бывшіе отчасти виновниками счастливаго исхода военныхъ дѣйствій, чтобъ снова возвратить Ѳивамъ утраченное первенство между беотійскими городами и, такимъ образомъ, соединить всѣ силы Беотіи въ одно большое государство. Беотія, по числу жителей равнявшаяся Аттикѣ, издавна составляла союзъ государствъ, уполномоченные которыхъ сбирались въ городѣ Коронеѣ подъ предсѣдательствомъ особыхъ должностныхъ лицъ, избранныхъ союзомъ и называвшихся беотархами. Главою беотійскаго союза были прежде Ѳивы, утратившія свое значеніе вслѣдствіе Анталкидова міра. Эпаминондъ и Пелопидъ возстановили преобладаніе своего роднаго города, и съ тѣхъ поръ Ѳивы не только управляли союзными дѣлами какъ первенствующій городъ, но и сдѣлались совершенными властелинами Беотіи. Еслибъ все вниманіе Аѳинъ не сосредоточивалось тогда на войнѣ со Спартою,

оня едва ли бы допустили, чтобъ всѣ силы такой значительной сосѣдней страны перешли въ руки ѳиванцевъ. Аѳиняне обратили на это вниманіе, когда соединеніе совершилось, и уже было поздно помѣшать ему; они разорвали союзъ съ Ѳивами и присоединились къ спартанцамъ. Поводъ къ разрыву между обоими государствами дали сами ѳиванцы, злоупотребляя своимъ могуществомъ и стараясь распространить свое владычество за предѣлы Беотіи.

Ѳиванцы напали на враждебные имъ Платею и Теспію, и, завладѣвъ этими городами, срыли стѣны послѣдняго, а первый разрушили до основанія. Граждане Платеи бѣжали съ женами и дѣтьми въ Аѳины и просили помощи у жителей этого города, смотрѣвшихъ съ завистью на возраставшее могущество Ѳивъ. Аѳиняне приняли къ себѣ изгнанниковъ, даровали имъ право гражданства, и даже рѣшились вступить въ союзъ съ Спартою, потому что не хотѣли дозволить ѳиванцамъ владѣть Платеей и Теспіей. Другою причиною разрыва было то, что ѳиванцы угрожали независимости фокидцевъ и начинали строить флотъ. Ѳивы обогатились войной, тогда какъ Аѳины, торговлю которыхъ безпокоили каперы близь-лежащаго города Эгины, обѣднѣли. Такимъ образомъ, Аѳины вступили въ переговоры съ Спартою, вмѣшавъ снова въ греческія дѣла персидскаго царя, котораго уже прежде осаждали посольствами. Переговоры эти, прерывавшіеся вслѣдствіе различныхъ событій, привели наконецъ къ конгрессу греческихъ государствъ, собравшемуся въ Спартѣ (372).

Ѳиванцы, также принявшіе предложеніе участвовать на конгрессѣ, отправили Эпаминонда посломъ въ Спарту. Тутъ, передъ представителями цѣлой Греціи, онъ выказалъ блистательнымъ образомъ свое краснорѣчіе. Самостоятельности всѣхъ греческихъ государствъ желали теперь и Аѳины, которымъ угрожало возраставшее могущество ѳиванцевъ, господствовавшихъ надъ цѣлой Беотіей, и Спарта, утратившая свое вліяніе всюду, кромѣ Пелопон-

неса. Потерять при этомъ должны были только Ѳивы, лишавшіяся такимъ образомъ своего преобладанія. Спарта и Аѳины согласились заключить миръ, сходный по условіямъ съ Анталкидовымъ и вынуждаемый, какъ кажется, угрозами персидскаго посланника. Всѣ греческія государства приняли этотъ мирный договоръ, но Ѳивы соглашались на него только съ тѣмъ условіемъ, что подпишутъ его отъ имени цѣлой Беотіи, также какъ Аѳины подписывали за Аттику, а Спарта — за Лаконію и Мессенію. Въ своихъ убѣдительныхъ рѣчахъ Эпаминондъ раскрылъ посланникамъ греческихъ государствъ политику Спарты, требовавшей самостоятельности беотійскихъ городовъ, и, указавъ при этомъ на прошедшія событія и на политическое положеніе Греціи, предостерегалъ соотечественниковъ отъ властолюбія спартанцевъ. Этимъ онъ поставилъ въ затруднительное положеніе царя Агесилая, который велъ переговоры отъ имени Спарты, открылъ глаза посламъ другихъ государствъ, и надолго повредилъ вліянію спартанцевъ. Хотя изъ страха передъ спартанцами договоръ былъ принятъ всѣми остальными государствами, но впечатлѣніе, произведенное словами Эпаминонда, осталось и вскорѣ произвело свое дѣйствіе, когда значительная побѣда ѳиванцевъ нанесла ударъ могуществу Спарты.

Послѣ того, какъ Ѳивы отказались заключить миръ, наступила минута, когда должно было обнаружиться, дѣйствительно ли удалось Пелопиду и Эпаминонду пересоздать Ѳивы и дать имъ могущество. Оба они становятся теперь главными личностями всемірной исторіи, тѣмъ болѣе, что болѣзнь Агесилая не позволяла ему принимать дѣятельнаго участія въ войнѣ. Рѣшительная борьба становилась теперь неизбѣжною, вслѣдствіе общаго положенія дѣлъ въ Греціи. Согласно условіямъ мира спартанцы вызвали изъ всѣхъ странъ и городовъ свои войска и гармостовъ, но приказали Клеомброту, стоявшему съ войскомъ въ Фокидѣ, не возвращаться тотчасъ въ Спарту, а вторгнуться сначала въ Беотію и принудить ѳиванцевъ возстановить независимость

тамошнихъ городовъ. Клеомбротъ дѣйствительно двинулся со всѣмъ войскомъ въ Беотію. Ѳиванцы немедленно выслали противъ него всѣ свои военныя силы подъ предводительствомъ Эпаминонда и Пелопида, и хотя войско ихъ уступало числительностью спартанскому, но война должна была быть рѣшена битвою въ открытомъ полѣ съ отборными спартанскими войсками. Разсказываютъ, что ѳиванцы не безъ страха ожидали предстоящей борьбы; древніе писатели оставили намъ много анекдотовъ, справедливыхъ или вымышленныхъ, но во всякомъ случаѣ доказывающихъ это настроеніе и въ противоположность ему твердость и рѣшительность обоихъ вождей ѳиванскаго народа. Говорятъ, Пелопидъ при выступленіи войска прощаясь съ женой, со слезами молившей его беречь свою жизнь, отвѣчалъ ей: „объ этомъ долженъ думать простой солдатъ, обязанность же предводителя заботиться о сохраненіи жизни другихъ.“ Однажды, во время похода дурная примѣта испугала войско. Эпаминондъ тотчасъ привелъ имъ стихъ Гомера: „примѣта имѣетъ значеніе только тогда, когда предсказываетъ спасеніе отечества.“

Оба войска встрѣтились на равнинѣ Левктры, и тамъ 8-го іюля 371 произошло сраженіе, — Эпаминондъ и Пелопидъ уговорили большинство беотарховъ, часть которыхъ не довѣряла счастливому исходу борьбы, принять смѣлое рѣшеніе. Обѣ стороны дрались отчаянно, но отвага священнаго отряда, искусство и храбрость ѳиванской кавалеріи, и въ особенности великій военный талантъ Эпаминонда, въ первый разъ примѣнившаго въ сраженіи при Левктрѣ введенный имъ косой боевой строй, доставили побѣду ѳиванцамъ. Клеомбротъ расположилъ свое войско въ видѣ полулунія, образовавъ правое крыло изъ лучшей части его, которой самъ начальствовалъ. Вслѣдствіе того, Эпаминондъ построилъ ѳиванцевъ въ видѣ треугольника въ пятьдесятъ рядовъ и, поставивъ впереди отборнѣйшихъ воиновъ, аттаковалъ такимъ образомъ огромной массой правое крыло спартанцевъ. Спартанская боевая линія была скоро прорвана и разстроена неожидан-

нымъ родомъ нападенія, превосходствомъ ѳиванской кавалеріи и храбростью священнаго отряда, а когда царь и его свита пали, никакія усилія не могли возвратить спартанцамъ потерянной побѣды. Они бѣжали и сами признали противниковъ побѣдителями, приславъ къ нимъ герольда съ просьбою заключить перемиріе и выдать убитыхъ.

Побѣда ѳиванцевъ при Левктрѣ была самымъ тяжелымъ ударомъ, какой могъ только быть нанесенъ спартанцамъ, потому что съ самаго начала достовѣрной исторіи спартанцы тутъ въ первый разъ были разбиты въ открытомъ полѣ слабѣйшимъ непріятелемъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ пораженіемъ на другія греческія государства, не смотря на незначительность потери, понесенной въ битвѣ, было гибельно для значенія Спарты. Репутація непобѣдимости, которою съ давнихъ поръ пользовалось спартанское войско, исчезла навсегда. Въ самой Спартѣ, по полученіи печальнаго извѣстія, прежде всего озаботились высылкою новаго войска. Агесилай, еще не оправившійся послѣ болѣзни, не могъ принять команду надъ этимъ войскомъ, и главное начальство надъ нимъ было поручено сыну Агесилая, Архидаму. Ѳиванцы тотчасъ послѣ сраженія отправили герольда къ аѳинянамъ, чтобъ склонить ихъ къ возобновленію союза и съ помощью ихъ отрѣзать отступленіе побѣжденному спартанскому войску. Но аѳиняне, завидуя могуществу ѳиванцевъ, отвергли ихъ предложеніе и, такимъ образомъ, спартанцы безопасно прошли изъ Беотіи въ Мегару, гдѣ соединились съ Архидамомъ, который привелъ ихъ въ Спарту. Къ нимъ слѣдовало примѣнить древній спартанскій законъ, наказывавшій лишеніемъ чести бѣгство съ поля сраженія; но виновниковъ на этотъ разъ было такъ много, что дѣло оставили безнаказаннымъ. „Положимте“, сказалъ Агесилай на совѣщаніи, „что законы спали въ этотъ несчастный день.“

4. Отъ сраженія при Левктрѣ до мира съ персами.

Сраженіе при Левктрѣ положило бы конецъ всякой борьбѣ въ

Греціи, еслибъ ѳиванцы могли возвыситься до мысли объ освобожденіи Пелопоннеса, такъ давно подчиненнаго произволу спартанцевъ, не ища при этомъ выгодъ для себя. Стремленіе къ соединенію въ тѣсный союзъ, появившееся непосредственно за левктрскимъ сраженіемъ во всѣхъ государствахъ Аркадіи, представляло удобный поводъ вмѣшаться въ дѣла Пелопоннеса. Большинство аркадцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ликомедъ изъ Мантинеи, желало, чтобъ всѣ города ихъ страны составили союзъ подъ однимъ общимъ демократическимъ управленіемъ. Планъ этотъ имѣлъ противъ себя аристократовъ нѣкоторыхъ государствъ, а спартанцы тотчасъ же рѣшились употребить всѣ усилія, чтобъ помѣшать соединенію нѣсколькихъ разъединенныхъ и слабыхъ сосѣднихъ городовъ въ одинъ большой и опасный союзъ. Воспользовавшись просьбою аристократическихъ правительствъ Аркадіи о помощи, чтобъ подавить это опасное направленіе, они отправили (369) туда войско подъ начальствомъ Агесилая, не достигшаго однако никакихъ результатовъ и вернувшагося въ Лаконію съ наступленіемъ зимы. Между тѣмъ аркадскіе демократы просили помощи у элидянъ, аргивцевъ и ѳиванцевъ. Послѣдніе, вскорѣ послѣ выступленія спартанцевъ, появились въ Аркадіи, гдѣ къ нимъ присоединились аргивскія и элидскія войска.

Войскомъ этимъ, состоявшимъ изъ четырехъ тысячъ тяжело-вооруженныхъ воиновъ, предводительствовали Эпаминондъ и Пелопидъ, которымъ остальные беотархи предоставили главное начальство. Соединеніе въ одномъ войскѣ локрійцевъ, фокидцевъ, акарнанцевъ, ѳессалійцевъ и жителей всѣхъ эвбейскихъ городовъ показываетъ, какъ велики были тогда силы ѳиванцевъ. Съ этимъ войскомъ и большинствомъ аркадцевъ Эпаминондъ рѣшился напасть на Лаконію, не смотря на то, что аѳиняне опять соединились съ спартанцами и выслали подъ начальствомъ Ификрата войско, которое должно было тревожить ѳиванцевъ въ Аркадіи и преграждать имъ путь къ отступленію изъ Пелопоннеса. Эпа-

минондъ никакъ не могъ надѣяться покорить Лаконію, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя пелопонесскія государства послали спартанцамъ вспомогательные отряды. Онъ проникъ однако почти до самой Спарты, на почву которой болѣе пятисотъ лѣтъ не вступалъ ни одинъ непріятель, и этимъ прославилъ имя ѳиванцевъ въ цѣлой Греціи (въ январѣ 368). Возвращеніемъ жизни народу, уничтоженному спартанцами за триста лѣтъ, онъ совершилъ самый блистательный подвигъ этой войны. Опустошивъ Лаконію въ различныхъ направленіяхъ, Эпаминондъ вторгнулся въ Мессенію и возвратилъ свободу порабощеннымъ жителямъ этой страны. Съ помощью аркадцевъ и другихъ союзниковъ, онъ основалъ новый городъ, названный Мессеною, оставилъ въ немъ небольшой постоянный ѳиванскій гарнизонъ, раздѣлилъ поля между освобожденными жителями и отправилъ пословъ звать въ отечество потомковъ древнихъ мессенцевъ, жившихъ на чужбинѣ.

Распорядившись въ Пелопоннесѣ какъ первенствующій народъ Греціи, ѳиванцы возвратились въ Беотію, не встрѣтивъ ни малѣйшихъ препятствій со стороны аѳинянъ. Въ томъ же году Эпаминондъ вторично вторгнулся въ Пелопоннесъ. Аѳиняне и спартанцы заключили тѣсный союзъ и обратились за помощью къ персидскому царю и могущественному владѣтелю Сиракузъ, Діонисію I-му. Персидскій царь прислалъ денегъ, а Діонисій — вспомогательный отрядъ; такимъ образомъ, противъ Ѳивъ составилось многочисленное войско. Вслѣдствіе того, Эпаминондъ былъ вторично посланъ въ Пелопоннесъ, гдѣ аркадцы подъ предводительствомъ Ликомеда уже начали войну опустошительнымъ походомъ въ Лаконію. Аѳиняне и спартанцы быстро заняли Коринѳскій перешеекъ, чтобы помѣшать вторженію ѳиванцевъ въ Пелопоннесъ и соединенію ихъ съ аркадскими, элидскими и аргивскими союзниками. Но Эпаминондъ быстрою сообразительностью и искусствомъ безъ труда открылъ себѣ проходъ чрезъ слабѣйшіе пункты непріятельской линіи, опустошилъ часть непріятельскихъ владѣній и овладѣлъ бы важнымъ Коринѳомъ, еслибъ не военные таланты аѳин-

скаго полководца Хабрія, спасшаго городъ. Вскорѣ ѳиванцы опять оставили Пелопоннесъ и возвратились въ Беотію; по всей вѣроятности ненадежность аркадцевъ, и угрожающее положеніе, принятое **Александромъ**, владѣтелемъ ѳессалійскаго города Феръ, были причиною такого поспѣшнаго отступленія.

Соединеніе въ одно союзное государство, смутное положеніе дѣлъ въ Пелопоннесѣ, ослабленіе спартанцевъ и процвѣтаніе города Мессены доставили аркадцамъ такое могущество, какого они еще никогда не достигали. Сознаніе своего значенія дало имъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и возбудило у нихъ желаніе пріобрѣсти первенство въ Пелопоннесѣ. Ликомедъ изъ Мантинеи, человѣкъ предпріимчивый и талантливый, очень искусно пользовался обстоятельствами, руководя стремленіемъ своихъ соотечественниковъ. Онъ содѣйствовалъ постройкѣ новой столицы Аркадіи, названной **Мегалополемъ**, въ которой поселились выборные граждане аркадскаго народа въ числѣ десяти тысячъ, для управленія общественными дѣлами. По совѣту Ликомеда, эти десять тысячъ старались въ интересахъ аркадцевъ препятствовать усиленію могущества ѳиванцевъ, и тѣмъ уничтожили замыслы Эпаминонда, желавшаго сдѣлать Ѳивы, вмѣсто Спарты, главою пелопоннесскихъ народовъ.

Перемѣна направленія аркадцевъ, вмѣшательство персовъ и событія въ Ѳессаліи, о которыхъ будетъ сказано ниже, совершенно измѣнили положеніе дѣлъ. Отношенія въ Греціи запутывались все болѣе и болѣе, и тремъ великимъ людямъ Ѳивъ — Эпаминонду, Пелопиду и Горгиду — приходилось каждому имѣть дѣло съ разными врагами. Эта путаница отношеній и усилившееся вслѣдствіе того значеніе персовъ, дали теперь перевѣсъ дипломатическому оружію надъ военнымъ. Ѳиванцы принуждены были отправить посла къ персидскому царю, сатрапъ котораго Аріобарзанъ былъ оскорбленъ ихъ отказомъ принять предписанныя имъ условія, когда, для возстановленія мира въ Греціи, онъ въ 368 посылалъ туда предводителя своихъ греческихъ наемниковъ **Филиска**. Это важное

посольство поручено было Пелопиду; другія греческія государства отправили также уполномоченныхъ въ Сузу (367). Такимъ образомъ ко двору персидскаго царя съѣхалась цѣлая толпа греческихъ пословъ, просившихъ у него мира и готовыхъ согласиться на условія, которыя онъ предпишетъ.

Переговоры при персидскомъ дворѣ прославили Пелопида едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ его походы. Онъ умѣлъ привлечь персовъ на сторону своего роднаго города ловкимъ и вполнѣ честнымъ образомъ дѣйствій, при чемъ ему очень много помогали характеръ персидскаго правительства и низость одного изъ двухъ аѳинскихъ пословъ. Трусливые царедворцы, управлявшіе Персіей, готовые всегда склоняться на сторону сильнѣйшаго, увидѣвъ, что преобладаніе надъ Греціей принадлежало ѳиванцамъ, перешли теперь на ихъ сторону. Изъ аѳинскихъ пословъ только одинъ, Леонъ, заботился объ интересахъ своего государства, другой, Тимагоръ, думалъ исключительно о почестяхъ и богатствахъ, которыя доставляло ему пребываніе при персидскомъ дворѣ. Пелопидъ отлично воспользовался раздорами аѳинскихъ пословъ и особенно низостью одного изъ нихъ: онъ предоставилъ Тимагору всѣ подарки, почести и удобства, предлагаемыя персами, и этимъ вполнѣ привязалъ его къ себѣ. Такимъ образомъ Пелопидъ достигъ преобладающаго вліянія при веденіи переговоровъ; персы предоставили ему постановить условія мира, которыя должны были быть предложены греческимъ государствамъ именемъ персидскаго царя. Обманутые аѳиняне осудили на смерть Тимагора, возвратившагося въ Аѳины съ множествомъ золота, серебра, ковровъ, невольниковъ и другихъ подарковъ, но, при господствовавшемъ нравственномъ развращеніи грековъ, подобные приговоры не мѣшали гражданамъ пользоваться посольствами для собственнаго обогащенія. За нѣсколько времени передъ этимъ, аѳинскій посолъ Эпикратъ, обвиненный передъ народнымъ собраніемъ въ подкупѣ персидскимъ царемъ, помогъ себѣ шутливой выходкой, сказавъ вмѣсто всякаго оправданія, что аѳиняне, вмѣсто того, чтобъ выбирать архонтовъ,

лучше бы отправляли ежегодно по девяти бѣднѣйшихъ гражданъ послами въ Персію. Народъ смѣялся забавному предложенію и простилъ Эпикрату его продажность.

Составленный Пелопидомъ и скрѣпленный персидской государственной печатью мирный договоръ былъ прочитанъ посламъ отъ имени царя. Условія его заключались въ томъ, чтобъ Спарта признала независимость мессенцевъ, а Аѳины отозвали домой свои корабли; въ случаѣ же отказа, Персія объявляла имъ войну. Съ этимъ мирнымъ договоромъ Пелопидъ отправился въ Грецію въ сопровожденіи знатнаго перса, а ѳиванцы тотчасъ разослали пословъ во всѣ государства, съ приглашеніемъ собраться въ Ѳивахъ. Только Аѳины и Спарта отвергли эти предложенія, прочія государства отправили своихъ пословъ въ Ѳивы. Здѣсь персъ, провожавшій Пелопида, указавъ на царскую печать, прочелъ отъ имени своего повелителя мирный договоръ и потребовалъ немедленнаго его принятія и клятвы хранить его. Собраніе разошлось, объявивъ, что не уполномочено на это. Тогда ѳиванцы отправили пословъ въ отдѣльныя греческія государства, чтобы склонить ихъ принять мирныя условія, предложенныя персидскимъ царемъ. Коринѳяне, къ которымъ первымъ явились послы, отвѣчали, что не понимаютъ почему они должны принять повелѣніе персидскаго царя, до котораго имъ нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ миръ, котораго такъ добивался Пелопидъ, не принесъ ѳиванцамъ никакой пользы; переговоры его имѣли только то важное послѣдствіе, что теперь персидскій царь долженъ былъ, для сохраненія собственной чести, давать ѳиванцамъ деньги, посылавшіяся прежде спартанцамъ.

5. Исторія ѳессалійцевъ до смерти тиранна Александра.

Около того времени какъ ѳиванцы становятся первенствующимъ государствомъ Греціи, ѳессалійцы также получаютъ въ первый разъ большое значеніе въ исторіи греческаго народа. Нѣкоторое время казалось даже, что они будутъ играть главную роль въ

Греціи, но этому воспрепятствовали особенныя условія ихъ быта. При другихъ политическихъ учрежденіяхъ, болѣе развитой промышленности и большемъ единствѣ, быть можетъ преобладаніе надъ Греціей вмѣсто македонянъ досталось бы ѳессалійцамъ.

Ѳессалійцы, отличаясь отъ остальныхъ грековъ своими нравами и учрежденіями, походили болѣе на македонянъ. Они раздѣлены были на небольшія государства, соединенныя въ одинъ союзъ, управлявшійся одной верховной коммиссіей или, вѣрнѣе, призракомъ правительства. Союзное собраніе, состоявшее изъ уполномоченныхъ всѣхъ государствъ и народовъ, собиралось отъ времени до времени, но подверглось участи всѣхъ собраній, составленныхъ изъ неравныхъ государствъ. Оно было пустой формою, получавшей временное значеніе только тогда, когда имъ овладѣвалъ способный и энергическій человѣкъ.

Отдѣльныя государства имѣли родъ феодальнаго устройства, основаннаго на существовавшей съ давнихъ поръ крѣпостной зависимости такъ называемыхъ пенестовъ или порабощенныхъ поселянъ. Земля и прикрѣпленные къ ней поселяне принадлежали господствовавшей части народа, — дворянству, которое по своему положенію, вооруженію, нравамъ и привычкамъ представляло большое сходство съ средневѣковымъ рыцарствомъ. Ѳессалійское дворянство вмѣстѣ съ македонскимъ составляло единственную тяжелую кавалерію, которая встрѣчается въ древней Греціи, тогда какъ ихъ вассалы служили въ легковооруженныхъ войскахъ. Одѣтые съ головы до ногъ въ латы, верхомъ на лошадяхъ, покрытыхъ бронею, ѳессалійскіе дворяне и въ этомъ отношеніи походили на средневѣковыхъ рыцарей. Рыцарскія игры и походы, обѣщавшіе большую добычу, были для нихъ наслажденіемъ. Ѳессалійскіе рыцари, служившіе въ македонскихъ войскахъ Филиппа и Александра Великаго, подобно сѣвернымъ героямъ и варягамъ въ Константинополѣ, получали всегда богатѣйшую часть добычи и отъ времени до времени отпускались домой, чтобы наслаждаться прі-

обрѣтенными сокровищами въ кругу своихъ, и уступали свои мѣста болѣе юнымъ рыцарямъ.

При скоромъ и удобномъ способѣ обогащенія и при существованіи знатныхъ дворянскихъ фамилій, желающихъ перещеголять другъ друга, воинственная жизнь легко соединяется со страстью къ наслажденіямъ и стремленіемъ къ пышности и роскоши. Эти качества и составляли главную характеристическую черту ѳессалійскаго дворянства, расточительность котораго вошла въ поговорку у остальныхъ грековъ. Поэтому самому ѳессалійское дворянство имѣло ту же участь, какая постигла венеціанскую, римскую и испанскую аристократію въ среднихъ вѣкахъ. Оно рано подчинилось небольшому числу фамилій, обладавшихъ большими помѣстьями или, примѣняясь къ средневѣковымъ понятіямъ, первыми баронствами, и потому обыкновенно управлявшихъ страною. Къ этому должно прибавить, что испорченная олигархія, особенно въ военныхъ государствахъ, какъ указываетъ примѣръ позднѣйшихъ спартанцевъ, такъ же легко переходитъ въ тираннію, какъ и выродившаяся демократія. По этой причинѣ въ Ѳессаліи отъ времени до времени удавалось нѣкоторымъ изъ дворянъ дѣлаться властелинами отдѣльныхъ государствъ. Эти владѣтели порабощали тогда и другія государства, и такимъ образомъ создавали себѣ обширныя и могущественныя владѣнія. Всѣ подобныя государства существовали однако недолго, частью вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, приготовлявшихъ ихъ паденіе, частью же по трудности удержать въ повиновеніи ѳессалійское дворянство, привыкшее къ своеволію. Ненадежность и недостатокъ привязанности, составлявшія также одну изъ характеристическихъ чертъ ѳессалійскаго народа, не мало способствовали паденію такихъ государствъ.

Около того времени, какъ Ѳивы освободились изъ подъ спартанскаго ига, въ городѣ Фарсалѣ завладѣлъ правленіемъ — Полидамантъ, а въ Ферахъ — Язонъ. Полидамантъ основывалъ свое владычество на честности, патріотизмѣ и гостепріимствѣ, кото-

рыми отличалось рыцарское дворянство Өессаліи, но въ особенности на личномъ довѣріи и преданности, которыя онъ умѣлъ снискать между дворянскими фамиліями своего родиаго города. Они добровольно передали ему фарсальскую крѣпость, предоставивъ управлять государственными финансами. Только разъ въ годъ Полидамантъ давалъ имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и управлялъ казною такимъ образомъ, что недостатокъ доходовъ пополнялъ изъ собственныхъ средствъ, возвращая себѣ израсходованную сумму, когда оставался излишекъ. Язонъ старался упрочить свою власть совсѣмъ другими средствами. Онъ тоже былъ человѣкъ нравственный и благородный, что рѣдко случалось между тогдашними владѣтелями, но нравственные принципы отходили на задній планъ, когда становились въ противорѣчіе съ его властолюбіемъ. Кромѣ того, онъ старался поддерживать свое владычество богатствомъ, сильнымъ наемнымъ войскомъ и сношеніями съ Өивами.

Язонъ, увеличившій свои владѣнія подчиненіемъ многихъ другихъ городовъ и превосходившій Полидаманта могуществомъ, богатствомъ и блескомъ, желалъ соединить подъ своею властью оба владѣнія и образовать изъ Өессаліи одно нераздѣльное государство. Не видя возможности низвергнуть владѣтеля Фарсала, онъ старался дружбою съ нимъ достигнуть своей цѣли. Вскорѣ послѣ сраженія при Левктрѣ онъ пригласилъ Полидаманта на свиданіе, чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о томъ, какъ извлечь изъ войны между Спартой и Өивами наибольшую пользу для Өессаліи. Язонъ съумѣлъ убѣдить владѣтеля Фарсала, что соединенными силами Өессаліи можно подчинить всю Грецію, и этимъ склонилъ его въ пользу своего плана. Они заключили тѣсный союзъ, ближайшей цѣлью котораго было соединеніе Өессаліи въ одно цѣлое. При содѣйствіи Полидаманта, дворянство назначило Язона тагомъ или главнымъ военачальникомъ всей Өессаліи.

Язонъ создалъ постоянное войско, которому не было равнаго въ Греціи, и такъ усовершенствовалъ его, что оно могло помѣ-

риться силами со всякимъ другимъ. Его армія состояла изъ 20,000 гоплитовъ или тяжеловооруженныхъ, огромнаго числа легковооруженныхъ воиновъ и хорошо организованной кавалеріи. Послѣдняя была вполнѣ національной и состояла изъ дворянъ; лошади и всадники были покрыты латами. Человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, закаленный въ трудахъ, Язонъ, подобно великому македонскому царю Филиппу, постоянно самъ обучалъ свое войско. Занимая и въ мирное время свои войска постоянными передвиженіями, онъ старался наградами и наказаніями, заботливостью о состояніи войска и постояннымъ исключеніемъ изъ него неспособныхъ поддерживать въ немъ дисциплину и воинственный духъ. Имѣя большія военныя дарованія, онъ нерѣдко измѣнялъ организацію войска, и такимъ образомъ постепенно совершенствовалъ его. Съ этимъ войскомъ Язонъ распространилъ свое владычество далеко за предѣлы Өессаліи. Дріопы, долопы и другіе воинственные народы пограничныхъ өессалійскихъ горъ были имъ покорены, и самъ владѣтель Македоніи, раздираемой тогда внутренними раздорами, былъ, подъ именемъ союзника, его вассаломъ. Грубые жители Эпира должны были также слѣдовать за его знаменами и, познакомившись такимъ образомъ въ первый разъ съ цивилизаціей, стали пріобрѣтать значеніе въ средѣ государствъ древняго міра.

Отъ сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей Өессаліи, Язонъ обратился къ государствамъ собственной Греціи и старался постепенно проложить себѣ путь къ владычеству надъ греками. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Аөины и Өивы, вступилъ въ дружескія сношенія съ великими полководцами этихъ государствъ Пелопидомъ и Тимоөеемъ, и старался великодушіемъ и блескомъ склонить на свою сторону образованные народы Греціи и передовыхъ ея людей. Өиванцу Эпаминонду онъ предложилъ однажды, хотя и безуспѣшно, подарокъ въ двѣ тысячи золотыхъ монетъ, а когда Тимоөей долженъ былъ защищаться противъ обвиненія, угрожавшаго его чести и жизни, Язонъ поѣхалъ въ Аөины, и тамъ, какъ частный человѣкъ, ходатайствомъ своимъ склонялъ народъ въ его поль-

зу. Впрочемъ, не однимъ только употребленіемъ подобныхъ средствъ Язонъ походилъ на македонскаго царя Филиппа, выступившаго на историческое поприще скоро послѣ него; и въ другихъ отношеніяхъ онъ шелъ по тому же пути, которымъ впослѣдствіи Филиппъ достигъ преобладанія въ Греціи. Подобно Филиппу, Язонъ старался прежде всего стать твердой ногой въ Фокидѣ, чтобъ оттуда при первой возможности вторгнуться въ Беотію, и когда созрѣли его планы противъ Греціи, онъ точно также началъ съ того, что велѣлъ срыть крѣпости городовъ, лежавшихъ на его пути. Тотчасъ послѣ сраженія при Левктрѣ ѳиванцы пригласили его приступить къ союзу. Язонъ принялъ предложеніе и явился съ войскомъ къ Левктрѣ, но, вмѣсто того, чтобъ помочь ѳиванцамъ уничтожить побѣжденное спартанское войско, старался играть роль посредника, чтобъ, водвореніемъ мира, пріобрѣсти себѣ бо́льшее значеніе въ глазахъ грековъ.

Язону не удалось достигнуть той цѣли, къ которой онъ стремился; смерть, похитившая его раньше времени, лишила Ѳессалію возможности занять во всемірной исторіи то мѣсто, которое впослѣдствіи доставилъ Македоніи Филиппъ. Впрочемъ, еслибъ внезапная смерть и не постигла Язона, его стремленія остались бы безуспѣшны, потому что онъ встрѣтилъ бы непреодолимыя препятствія, съ которыми не нужно было бороться счастливому македонскому царю. Язонъ былъ узурпаторъ и потому дворянство ѳессалійское завидовало его власти, — а повелѣнія Филиппа, какъ законнаго государя, охотно исполняло преданное ему дворянство Македоніи. Онъ не опирался, какъ Филиппъ, на національныя силы; его войско состояло изъ наемниковъ, слѣдовательно Язонъ подвергался всегда опасности, что при малѣйшемъ неудовольствіи оно оставитъ его. Наконецъ, онъ жилъ въ такое время, когда во главѣ ѳиванцевъ стояли два человѣка, превосходившіе его талантами и вліяніемъ, а Спарта и Аѳины имѣли лучшихъ полководцевъ, чѣмъ во времена Филиппа.

Язонъ погибъ отъ рукъ убійцъ. Чтобъ показать греческому народу все свое могущество и блескъ, онъ сдѣлалъ огромныя приготовленія къ пиѳійскимъ играмъ, — приказалъ приготовить до тысячи быковъ и десяти тысячъ другихъ животныхъ для принесенія въ жертву во время игръ. Его войско уже готово было выступить съ нимъ въ Дельфы, когда онъ былъ умерщвленъ во время публичной аудіенціи семью молодыми ѳессалійцами (370), составившими противъ него заговоръ. Двое изъ убійцъ были тутъ же изрублены тѣлохранителями Язона; пяти остальнымъ удалось бѣгствомъ избавиться отъ подобной участи. Въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ государствахъ, куда они бѣжали, ихъ встрѣчали съ торжествомъ и великими почестями, какъ убійцъ тиранна.

Послѣ смерти Язона, владѣніе его перешло безъ всякихъ споровъ къ двумъ его братьямъ Полидору и Полифрону, нисколько не походившимъ на своего предшественника. Полифронъ скоро лишилъ жизни брата и умертвилъ фарсальскаго владѣтеля Полидаманта, но въ свою очередь, въ непродолжительномъ времени, былъ убитъ близкимъ родственникомъ Александромъ (369), однимъ изъ самыхъ ужасныхъ тиранновъ Греціи. Александръ владычествовалъ надъ Ѳессаліей въ теченіе одиннадцати лѣтъ и, достигнувъ власти убійствомъ, сохранялъ ее самыми ужасными жестокостями; правленіе его представляло цѣлый рядъ беззаконій и безконечныхъ войнъ. Въ самомъ началѣ его правленія возстали нѣкоторые изъ ѳессалійскихъ городовъ, во главѣ которыхъ стояла Ларисса, а въ ней могущественная фамилія Алевадовъ. Возставшіе призвали на помощь себѣ македонскаго царя Александра II-го, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ расширить собственныя владѣнія, занялъ своими войсками Лариссу и другіе города. Чтобы избавиться отъ него, ѳессалійцы обратились къ Ѳивамъ, а ѳиванцы послали имъ войско, подъ начальствомъ Пелопида, не задолго до отправленія его посломъ въ Сузу.

Пелопидъ появился въ Ѳессаліи при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Македонскій царь самъ нуждался въ чужой по-

мощи, потому что незаконный братъ его, Птолемей Алоритъ, оспаривалъ у него престолъ, и потому охотно оставилъ ѳессалійскіе города. Примиривъ ѳессалійцевъ съ ихъ владѣтелемъ, Пелопидъ отправился въ Македонію, чтобъ и тутъ явиться посредникомъ. Прекративъ споры македонскихъ владѣтелей, онъ возвратился въ Ѳивы (367). По всей вѣроятности въ то время и былъ имъ взятъ въ Ѳивы заложникомъ братъ Александра II, впослѣдствіи столь знаменитый Филиппъ, остававшійся тамъ нѣкоторое время. Пребываніе въ Ѳивахъ и постоянныя сношенія съ Эпаминондомъ и Пелопидомъ много способствовали развитію и образованію Филиппа.

Согласіе, водворенное Пелопидомъ въ Македоніи, длилось не долго, и тотчасъ по возвращеніи изъ Персіи, онъ долженъ былъ опять заняться дѣлами этой страны. Царь Александръ былъ умерщвленъ своими ближайшими родственниками. Птолемей Алоритъ овладѣлъ престоломъ, и ѳиванцы послали въ Македонію двухъ коммисаровъ, Пелопида и Исменія, для огражденія правъ Пердикка и Филиппа, несовершеннолѣтнихъ братьевъ убитаго царя. Посольство достигло желаннаго успѣха. Птолемей тотчасъ согласился управлять только именемъ Пердикка, на правахъ опекуна, и передать ему власть по достиженіи имъ совершеннолѣтія.

Во время проѣзда своего чрезъ Ѳессалію въ Ѳивы, Пелопидъ и Исменій, полные вѣры въ могущество и величіе своего города, сдѣлали неосторожность, принявъ приглашеніе Александра ферскаго, и явились на переговоры съ нимъ безъ войска. Александръ велѣлъ схватить ихъ и связанными бросить въ темницу. Такое нарушеніе международнаго права не могло быть оставлено ѳиванцами безнаказаннымъ; они немедленно выслали противъ ѳессалійцевъ войско подъ предводительствомъ беотарха Клеомена. Исходъ этого похода ясно показалъ, что не Ѳивы, но Эпаминондъ и Пелопидъ отняли у спартанцевъ и аѳинянъ первенство въ Гре-

ціи. Предпріятіе Клеомена не только не удалось, но само войско подверглось большой опасности, и спаслось отъ гибели только тѣмъ, что Эпаминондъ принялъ, вмѣсто беотарха, главное начальство. Аѳиняне, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ встрѣтившіе съ торжествомъ убійцъ благороднаго, справедливаго и дружественно расположеннаго къ нимъ Язона, заключили теперь союзъ съ тиранномъ Александромъ и послали ему на помощь небольшой флотъ и тысячу человѣкъ войска, противъ Пелопида, освободителя Греціи. Между тѣмъ ѳиванскій полководецъ, разсчитывая на ѳессалійцевъ, вторгся далеко во внутрь страны, но не былъ ими поддержанъ. Вслѣдствіе того, ѳиванскому войску угрожала страшная опасность и оно непремѣнно бы погибло, еслибъ Эпаминондъ, не занимавшій тогда никакой должности, добровольно не присоединился къ войску. Беотархъ, не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, предоставилъ ему командованіе, и Эпаминондъ счастливо привелъ войско домой. Ѳиванцы тотчасъ предприняли въ Ѳессалію вторичный походъ, имѣвшій желанный успѣхъ. Александръ нашелъ, что ему выгоднѣе отпустить обоихъ плѣнныхъ, чѣмъ продолжать борьбу съ Ѳивами; ѳиванцы, занятые другими греческими государствами, удовольствовались однимъ освобожденіемъ плѣнныхъ.

Исторія Ѳессаліи въ эпоху Александра ферскаго прикрашена романтическими разсказами нѣкоторыхъ писателей древности. Они оставили намъ очевидно вымышленные анекдоты о тираннѣ и его плѣнникѣ Пелопидѣ, представляющіе холоднаго и хитраго Александра человѣкомъ безразсуднымъ, а умнаго и разсудительнаго государственнаго человѣка Пелопида — безумнымъ хвастуномъ. По ихъ словамъ Пелопидъ, находясь въ темницѣ, послалъ сказать Александру, что неблагоразумно съ его стороны убивать столькихъ невинныхъ подданныхъ и оставлять живымъ врага, который воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отмстить ему. Когда эти слова были переданы Алексан-

дру, онъ сказалъ окружавшимъ его: „Отчего Пелопиду такъ хочется умереть?" — „Чтобы моя смерть сдѣлала тиранна еще ненавистнѣе богамъ и людямъ, и такимъ образомъ ускорила его паденіе", отвѣчалъ Пелопидъ тюремщику, передавшему ему вопросъ тиранна. Такъ же мало правдоподобенъ разсказъ объ отношеніяхъ жены Александра къ Пелопиду. Говорятъ что Теба, дочь Язона, содѣйствовавшая впослѣдствіи смерти своего мужа, восхищенная величіемъ Пелопида, выпросила у Александра позволеніе навѣстить плѣнника въ темницѣ. Когда она сказала Пелопиду, что жалѣетъ его жену и дѣтей, онъ отвѣчалъ ей: „Ты сама жалка, потому что жена тиранна." Разсказчикъ этого анекдота заходитъ такъ далеко, что утверждаетъ, будто именно только разговоръ Тебы съ Пелопидомъ внушилъ ей отвращеніе къ Александру, и подалъ мысль умертвить мужа.

Воспользовавшись запутанностью дѣлъ въ Греціи, Александръ такъ душилъ ѳессалійцевъ, что его власть сдѣлалась наконецъ невыносима для нихъ и они просили помощи у ѳиванцевъ. Ѳиванцы послали Пелопида съ сильнымъ войскомъ, надѣясь, что ихъ походъ увѣнчается успѣхомъ, потому что общее неудовольствіе возбудило противъ Александра сильную партію въ Ѳессаліи. По прибытіи Пелопида, къ нему присоединились многіе ѳессалійцы. Скоро произошло сраженіе, въ которомъ ѳиванцы одержали побѣду, не смотря на то, что Александръ имѣлъ на своей сторонѣ выгоды мѣстности и численное превосходство войска. Въ этомъ сраженіи лишился жизни самъ Пелопидъ. Желая отмстить врагу и ища встрѣчи съ нимъ, онъ проникъ до самыхъ тѣлохранителей тиранна, но былъ окруженъ ими и убитъ послѣ геройской защиты (364). Смерть полководца и желаніе отмстить за него воодушевили ѳиванцевъ, они сдѣлали страшныя усилія и одержали полную побѣду. Тѣло Пелопида было съ торжествомъ отвезено въ Ѳивы, а ѳессалійскіе союзники почтили его похороны многочисленными проводами, пышными церемоніями, и воздвигли въ честь его статуи.

Пораженіе Александра доставило свободу многимъ ѳессалій-

скимъ городамъ. Но власть тиранна еще далеко не была сокрушена; въ непродолжительномъ времени онъ опять пріобрѣтаетъ такое могущество, что высылаетъ небольшой флотъ грабить греческіе острова и отнимаетъ у аѳинянъ корабли. На морѣ и на сушѣ его разбои продолжались до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не сдѣлался жертвою заговора. Теба сговорилась съ своими братьями **Тисифономъ** и **Ликофрономъ**, и они умертвили Александра во время сна. Вся страна ликовала и воздавала почести Тебѣ и ея братьямъ, призвавшимъ ѳессалійцевъ къ свободѣ. Но завладѣвъ богатствами тиранна и склонивъ на свою сторону его наемныя войска, убійцы его не хотѣли возстановить свободы народа. Они захватили власть въ свои руки, и вступили въ борьбу съ городами страны, — борьбу, которая дала поводъ Филиппу македонскому вмѣшаться въ дѣла Ѳессаліи и подчинить ее своему владычеству.

6. Исторія грековъ отъ мира съ персами до сраженія при Мантинеѣ.

Въ то время какъ ѳиванцы были заняты безпрерывными войнами въ Ѳессаліи, у аркадцевъ все сильнѣе развивалось направленіе, измѣнившее существовавшія до сихъ поръ отношенія между Ѳивами и Пелопоннесомъ. Конгресъ аркадцевъ, не смотря на продолжающуюся войну со Спартою, рѣшилъ, по совѣту Ликомеда, предложить аѳинянамъ союзъ. Послѣднимъ казалось сначала страннымъ въ одно время быть союзниками спартанцевъ и ихъ враговъ, но они приняли предложеніе аркадцевъ, думая отвлечь ихъ отъ союза съ ѳиванцами и этимъ оказать услугу Спартѣ. Ликомедъ отправился въ Аѳины для опредѣленія точнѣйшихъ условій союза. Заключивъ союзъ, онъ на возвратномъ пути присталъ къ одной пелопоннесской гавани, гдѣ находилось много изгнанныхъ демократами аркадскихъ аристократовъ. Они убили его (366), а со смертью Ликомеда рушился задуманный имъ планъ. Аркадцы удовольствовались опустошительными набѣгами на Лаконію и другія

союзныя страны, дѣлали нападенія на элидянъ, съ которыми были въ сильной враждѣ, и ограбили богатый олимпійскій храмъ. Мантинейцы и жители другихъ городовъ Аркадіи не одобряли этого грабежа, и такимъ образомъ между самими аркадцами возникли несогласія. Аркадцы, участвовавшіе въ грабежѣ, обратились къ ѳиванцамъ и просили ихъ о присылкѣ вспомогательнаго войска. Хотя остальная, бóльшая часть аркадцевъ, и объявила себя въ пользу мира, избѣгая вмѣшательства ѳиванцевъ, но Эпаминондъ, опасаясь, чтобъ Ѳивы не потеряли своего вліянія въ Пелопоннесѣ, рѣшился предпринять походъ въ Аркадію. Тогда Мантинея и другіе аркадскіе города противной партіи отправили пословъ въ Аѳины и Спарту, и получили отъ обоихъ государствъ обѣщаніе сильной поддержки.

Весной 362 Эпаминондъ вступилъ въ Пелопоннесъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ беотійцевъ, эвбейцевъ, локрійцевъ и ѳессалійцевъ, къ которымъ кромѣ аркадскихъ городовъ, просившихъ помощи у ѳиванцевъ, присоединились еще войска сикіонцевъ, аргивцевъ и месенцевъ, и расположился лагеремъ у аркадскаго города Тегеи. Онъ надѣялся, что одинъ страхъ предъ ѳиванскимъ именемъ заставитъ города Аркадіи подчиниться добровольно, но скоро увидѣлъ, что ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Узнавъ потомъ, что Агесилай вступилъ съ войскомъ въ Аркадію, Эпаминондъ рѣшился воспользоваться удаленіемъ спартанскаго войска изъ Спарты, чтобъ неожиданно напасть на нее. Онъ быстро снялся съ позиціи и, пройдя безостановочно цѣлую ночь, съ разсвѣтомъ явился передъ городомъ. Но Агесилай во время узналъ о тайномъ выступленіи Эпаминонда и послалъ въ Спарту гонцевъ, которые прибыли туда только за нѣсколько минутъ до появленія непріятеля. Архидамъ, сынъ Агесилая, принялъ тотчасъ необходимыя мѣры для защиты города и всѣ жители, даже дѣти и старики, взялись за оружіе. Ѳиванцы ворвались въ городъ, незащищенный стѣнами, и проникли до самой площади, но необыкновенное мужество спартанцевъ и внезапное появленіе Агесилая, подоспѣвшаго съ вой-

скомъ на помощь, распространили паническій страхъ между непріятелемъ, и принудили Эпаминонда выступить изъ Спарты. Онъ остановился невдалекѣ отъ города, но, узнавъ что всѣ силы мантинейцевъ послѣдовали за Агесилаемъ, двинулся далѣе, чтобы нападеніемъ на Мантинею вознаградить себя за неудачную попытку противъ Спарты. Но и тутъ счастіе было противъ него; аѳинскій отрядъ, вступившій не задолго передъ тѣмъ въ Мантинею, отбилъ аттаку ѳиванцевъ и спасъ городъ.

До сихъ поръ появленіе Эпаминонда въ Пелопоннесѣ не принесло никакихъ выгодъ ѳиванцамъ; напротивъ того, неудачи этихъ двухъ походовъ помрачили его славу, какъ полководца. Возстановить ее можно было только сраженіемъ въ открытомъ полѣ, и онъ рѣшился дать битву. 4-го іюля 362 произошелъ рѣшительный бой при **Мантинеѣ**. Тутъ вторично судьба должна была рѣшить, кому достанется первенство въ Греціи. Лучшая часть союзныхъ спартанскихъ войскъ, состоявшая изъ 22 т. человѣкъ сражалась противъ 33 т. ѳиванцевъ и ихъ союзниковъ. Обѣ стороны дрались съ большимъ мужествомъ, но побѣда осталась за ѳиванцами. Они обязаны ей не превосходному числу своего войска, но искусству и таланту Эпаминонда, величайшаго полководца своего времени. Сначала онъ обманулъ спартанцевъ ложною аттакою, а потомъ быстро и неожиданно примѣнивъ маневръ, доставившій ему побѣду въ сраженіи при Левктрѣ, прорвалъ непріятельскія линіи. Но, въ то время, когда побѣда была одержана на всѣхъ пунктахъ и непріятель уже отступалъ, Эпаминондъ получилъ смертельную рану. Его смерть произвела замѣшательство въ ѳиванскомъ войскѣ и помѣшала ему воспользоваться выиграннымъ сраженіемъ. Разстроенный непріятель снова ободрился, и конецъ дня прошелъ въ стычкахъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Оба войска, но спартанцы первые, просили о выдачѣ убитыхъ, оба — воздвигли трофеи, и такимъ образомъ каждое приписывало себѣ побѣду. На самомъ дѣлѣ побѣдили ѳиванцы, но смерть Эпаминонда помѣшала имъ воспользоваться побѣдой.

Получивъ рану, Эпаминондъ былъ унесенъ съ поля сраженія, и лежалъ въ палаткѣ, окруженный друзьями. Дротикъ вонзился въ его грудь, и врачи объявили, что смерть должна послѣдовать въ ту минуту, когда онъ будетъ вынутъ изъ раны. Эпаминондъ спросилъ, гдѣ его щитъ, и радовался, узнавъ, что онъ не достался непріятелю. Онъ все время безпокоился объ исходѣ сраженія, но узнавъ, что ѳиванцы побѣдили, велѣлъ вынуть дротикъ изъ раны, и въ ту же минуту умеръ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое дается только сознаніемъ дѣятельной и полезной жизни. Историческія сочиненія позднѣйшихъ риторовъ, т. е. писателей обращающихъ преимущественно вниманіе на хорошее изложеніе и эффекты, — къ числу которыхъ принадлежитъ и Плутархъ, прославившійся своими интересными біографіями, — наполнены любопытными анекдотами и выдуманными рѣчами героевъ древности. Эти историки украсили смерть Эпаминонда невѣроятными выдумками. Они разсказываютъ, между прочимъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ при послѣднихъ минутахъ Эпаминонда громко сожалѣлъ, что умирающій не оставляетъ дѣтей. Эпаминондъ отвѣчалъ ему: „нѣтъ, я не умираю бездѣтнымъ, потому что оставляю двухъ безсмертныхъ дочерей — битвы при Левктрѣ и Мантинеѣ“.

Сраженіе при Мантинеѣ положило конецъ продолжительной борьбѣ Спарты съ Ѳивами. Силы обоихъ противниковъ были до того истощены, что спокойствіе водворилось само собой. По миру, заключенному еще въ томъ же году, при посредничествѣ персидскаго посланника, была признана самостоятельность всѣхъ государствъ Греціи и независимость мессенскаго народа. Спартанская гордость не допускала такихъ условій, и потому изъ всѣхъ греческихъ городовъ одна Спарта отвергла этотъ миръ. Не смотря на то, спартанцы прекратили военныя дѣйствія противъ другихъ греческихъ государствъ, и такимъ образомъ въ сущности согласились на миръ, не приступая къ нему открыто. Они старались возстановить свое значеніе другимъ путемъ и наполнить истощенную казну, отправивъ часть своего войска въ Египетъ, гдѣ царь Тахо,

сдѣлался независимымъ отъ Персіи, и даже помогалъ возставшимъ сатрапамъ передней Азіи въ ихъ борьбѣ противъ персидскаго царя. Незадолго до Мантинейской битвы, сатрапы были снова подчинены и потому Тахо, опасаясь нападенія всѣхъ персидскихъ силъ, обратился къ спартанцамъ, прося ихъ прислать на помощь войско подъ начальствомъ Агесилая. Просьба его была исполнена, и Агесилай отправился съ 1000 тяжело-вооруженныхъ воиновъ въ Египетъ, куда прибылъ также, нанятый Тахо, аѳинскій полководецъ Хабрій, которому поручено было начальство надъ египетскимъ флотомъ.

Скоро однако возникли несогласія между Агесилаемъ и Тахо, не исполнившимъ своего обѣщанія поставить спартанскаго царя во главѣ всего войска, и оставившимъ ему начальство только надъ греческими наемными войсками. Поэтому, когда Тахо двинулся въ Сирію съ частью своего войска и въ отсутствіе его возсталъ честолюбивый египтянинъ, Нектанебъ II-й, Агесилай перешелъ съ войскомъ на его сторону. Не будучи въ состояніи бороться съ греческими войсками и не надѣясь возстановить потерянное владычество, Тахо, стѣсненный съ двухъ сторонъ врагами, искалъ спасенія въ милосердіи персидскаго царя. Агесилай помогъ Нектанебу утвердиться на престолѣ и, получивъ отъ него огромныя сокровища, отправился въ Спарту. Буря заставила его пристать къ одной киренейской гавани, гдѣ онъ заболѣлъ и умеръ на 80-мъ году своей жизни (361).

7. Союзническая война аѳинянъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи борьбы съ Ѳивами, аѳиняне вступили въ опасную войну съ нѣкоторыми приморскими греческими государствами, которыя хотя и были союзниками аѳинянъ, но ихъ притѣсненіями принуждены были вооружиться противъ нихъ соединенными силами. Со времени возвращенія Конона изъ Азіи, аѳиняне мало по малу достигли прежняго пре-

обладанія на морѣ; но они не понимали или не хотѣли понимать, что времена уже измѣнились и вмѣсто того, чтобъ обращаться съ величайшимъ уваженіемъ съ союзными приморскими городами, изъ которыхъ многіе пріобрѣли большое могущество, обложили ихъ тяжелою данью и позволили своимъ полководцамъ, при сборѣ ея, употреблять самыя жестокія мѣры. Тимоѳей и Ификратъ дозволяли себѣ прибѣгать къ различнымъ злоупотребленіямъ для обогащенія казны и увеличенія собственнаго состоянія. Сильное негодованіе, возбужденное этимъ грабительствомъ, дало мысль, еще Эпаминонду, составить подъ защитою Ѳивъ союзъ греческихъ приморскихъ городовъ, если только справедливо извѣстіе, что онъ приступилъ къ постройкѣ ѳиванскаго флота. Но попытки эти во всякомъ случаѣ не имѣли большаго успѣха. Напротивъ того, царю Мавзолу, управлявшему въ Каріи на правахъ сатрапа, удалось, въ 358, соединить нѣсколько могущественныхъ приморскихъ городовъ для войны съ Аѳинами.

Изъ владѣтелей Каріи, въ теченіе долгаго времени раздѣленной на небольшія владѣнія, заслуживаетъ наиболѣе вниманія Артемизія I-я, выказавшая столько ума и энергіи въ сраженіи при Саламинѣ (т. I. стр. 385). Однимъ изъ преемниковъ Артемизіи Галикарнасской былъ Мавзолъ. Онъ отличался столько же грабительствомъ, сколько своимъ блескомъ и покровительствомъ искусствамъ и наукамъ. Артемизія II-я, управлявшая страной послѣ смерти своего мужа, тоже замѣчательна какъ покровительница ученымъ и художникамъ. Для прославленія памяти обожаемаго ею мужа, она назначила греческимъ ораторамъ награду за лучшую похвальную рѣчь, и лучшему зодчему своего времени велѣла выстроить такой великолѣпный надгробный памятникъ, что его причислили къ семи чудесамъ свѣта, и имя Мавзолей осталось до нашего времени для обозначенія особенно великолѣпнаго надгробнаго памятника.

Мавзолъ, въ теченіе всей своей жизни стремившійся увеличить свои владѣнія, старался овладѣть важнымъ островомъ Родосомъ,

и, для достиженія этого, составилъ планъ союза противъ Аѳинъ. Онъ уговорилъ жителей острововъ Хіоса, Родоса и Коса и могущественной Византіи помогать другъ другу противъ Аѳинъ. Узнавъ объ этомъ, аѳиняне тотчасъ отправили къ острову Хіосу флотъ съ дессантомъ подъ начальствомъ Хабрія и Хареса. Такимъ образомъ началась, въ 358, такъ называемая союзническая война аѳинянъ, веденная съ большимъ ожесточеніемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Союзники поспѣшно послали помощь хіосцамъ, и тѣмъ помѣшали враждебнымъ дѣйствіямъ аѳинянъ. Хабрій лишился жизни въ самомъ началѣ неудачной осады главнаго города острова Хіоса. При нападеніи на гавань этого города, одинъ только его корабль проникъ въ нее и былъ отрѣзанъ отъ остальнаго флота. Большая часть его матросовъ спаслась вплавь, но самъ онъ предпочелъ славную смерть и, храбро сражаясь, былъ убитъ непріятельскими стрѣлами. Хабрій, не смотря на свою распутную жизнь, былъ лучшимъ аѳинскимъ полководцемъ; про него говорятъ, что онъ ни разу въ теченіе всей своей жизни не потерялъ ни одного сраженія, завоевалъ 15 городовъ, привелъ 70 непріятельскихъ кораблей въ Аѳины, взялъ въ плѣнъ до 3,000 человѣкъ и доставилъ государственной казнѣ болѣе 120 талантовъ (около 160,000 руб. сер.). Даже непріятели такъ уважали Хабрія, что хіосцы сохранили статуи, воздвигнутыя въ честь его до войны съ Аѳинами.

Испытавъ значительныя потери, Харесъ былъ принужденъ снять осаду, и тогда союзники перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они опустошили острова Имбросъ, Лемносъ, древнѣйшія владѣнія аѳинянъ въ Эгейскомъ морѣ, напали на Самосъ, и ограбили другіе острова, державшіе сторону Аѳинъ. Въ началѣ втораго года войны Аѳины снарядили новый флотъ, начальство надъ которымъ было ввѣрено Ификрату и Тимоѳею. Онъ соединился съ эскадрою Хареса, и, во главѣ 120 кораблей, осадилъ Византію. Непріятель былъ принужденъ снять осаду главнаго города Самоса и поспѣшить на помощь Византіи. Когда оба флота встрѣтились въ Геллеспонтѣ, поднялась буря, и потому Ификратъ и Тимо-

оей положили не вступать въ битву. Харесъ, напротивъ того, не обращая вниманія на вѣтеръ, непремѣнно хотѣлъ дать сраженіе и, когда товарищи его не соглашались съ нимъ, онъ жаловался на нихъ въ Аѳины. Ификратъ и Тимоѳей были отозваны и отданы подъ судъ, обвиненные въ подкупѣ родосцами и хіосцами. Съ помощью людей, служившихъ прежде подъ его начальствомъ, Ификратъ съумѣлъ достичь того, что обвиняемые, вмѣсто смертнаго приговора, были подвергнуты только денежной пени. Но сумма была такъ значительна, что они не имѣли возможности уплатить ее и были изгнаны изъ отечества, въ которое никогда уже болѣе не возвращались.

Изгнаніе двухъ лучшихъ полководцевъ неожиданно положило конецъ войнѣ. Харесъ, начальствовавшій теперь одинъ, впутался въ предпріятіе, заставившее аѳинянъ заключить миръ. Артабазъ, сатрапъ Іоніи, возставшій противъ своего царя, просилъ помощи у аѳинскаго полководца. Думая деньгами сатрапа заплатить войску и этимъ оказать услугу Аѳинамъ, а можетъ быть принужденный къ тому наемными войсками, не получавшими жалованья, Харесъ помогъ возставшему персу всѣми своими силами и получилъ за это обѣщанныя деньги, которыя и употребилъ на содержаніе войска. Аѳиняне сначала очень радовались этому, но скоро съ ужасомъ увидѣли, какая имъ предстояла опасность. Персидскій царь, Артаксерксъ III или Охъ, отправилъ въ Аѳины посла, грозившаго, что персы помогутъ непріятелю деньгами и флотомъ, если аѳиняне не выведутъ войска и кораблей изъ Малой Азіи. Имъ не оставалось ничего другаго, какъ поспѣшнымъ заключеніемъ мира покончить войну съ своими прежними союзниками, тѣмъ болѣе, что Филиппъ II македонскій со дня на день становился опаснѣе для Аѳинъ, а въ самой Греціи вспыхнула новая война. По мирному договору они должны были признать своихъ враговъ совершенно свободными и независимыми государствами (355). Такъ изчезло возстановленное незадолго передъ тѣмъ преобладаніе Аѳинъ на морѣ.

VIII. ПОДПАДЕНІЕ ГРЕЦІИ
ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВО МАКЕДОНЯНЪ.

---

1. Исторія Македоніи до Филиппа II.

Начало македонской исторіи, подобно древнѣйшей исторіи всѣхъ народовъ, теряется въ преданіяхъ и миѳахъ. Происхожденіе македонянъ достовѣрно неизвѣстно, но, кажется, коренная часть этого народа ведетъ свое начало отъ грековъ; на это указываетъ, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что македонскіе цари считали Геркулеса своимъ родоначальникомъ. Такъ же думали и другіе греки, допускавшіе македонскихъ царей къ олимпійскимъ играмъ, въ которыхъ не имѣлъ права участвовать тотъ, кто не могъ доказать своего греческаго происхожденія. Преданіе называетъ намъ цѣлый рядъ царей, царствовавшихъ надъ Македоніей въ отдаленнѣйшую эпоху. Древнѣйшая династія называется Теменидами, отъ Карана, перваго царя изъ этого рода, потомка гераклида Темена.

Въ древнѣйшія времена Македонія состояла изъ страны Эматіи, лежавшей въ углубленіи Салоникскаго залива, около рѣкъ Аксія или Вардара и Эригона или Бистрицы. Жители этой страны съ раннихъ поръ должны были вести кровопролитныя войны съ пеонійцами и другими сосѣдними народами иллирійскаго и ѳракій-

скаго племени, а греческія колоніи, основанныя на морскомъ побережьѣ, почти совсѣмъ отрѣзали ихъ отъ моря. Но македоняне, преданные своимъ царямъ, легко могли устоять противъ этихъ народовъ, раздѣленныхъ на небольшія, независимыя другъ отъ друга владѣнія; притомъ же цари македонскіе не стремились поработить своихъ сосѣдей, а старались распространить между ними образованіе и включить ихъ въ составъ македонскаго государства. Сами македоняне хотя и уступали въ образованіи жителямъ собственной Греціи и ея колоній, но рано приняли участіе въ культурѣ, процвѣтавшей между греками, и этимъ отличались отъ окружавшихъ ихъ грубыхъ племенъ. Цари ихъ издавна участвовали на олимпійскихъ играхъ, во время Персидскихъ войнъ получили право аѳинскаго гражданства, съ давнихъ поръ находились съ Аѳинами въ такъ называемыхъ гостепріимныхъ отношеніяхъ, и слѣдовательно давно уже были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ остальными греками. Вліяніе греческихъ колоній, основанныхъ на морскомъ берегу, должно было также способствовать культурѣ македонскаго народа, потому что процвѣтаніе и торговля этихъ колоній находились въ тѣсной связи съ внутреннимъ состояніемъ страны.

Македонскій народъ былъ бѣденъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ своими дикими сосѣдями, — войнъ, задержавшихъ на долгое время его развитіе. При Даріѣ I онъ долженъ былъ подчиниться персамъ и платить имъ дань, но за то границы страны были значительно расширены по направленію къ Ѳракіи. Платежъ дани начался при царѣ Аминтѣ I и прекратился при его сынѣ Александрѣ I. Послѣдній долженъ былъ идти съ персидскимъ войскомъ противъ грековъ, и былъ отправленъ отъ Мардонія посломъ къ аѳинянамъ, о чемъ уже было говорено прежде (т. I стр. 388). Послѣ страшнаго пораженія персовъ при Платеѣ, онъ оказалъ услугу своимъ греческимъ соотечественникамъ, истребивъ бо́льшую часть персидскаго войска, бѣжавшаго черезъ Македонію къ Геллеспонту. Его сынъ, Пердикка II, жившій въ первой половинѣ Пелопоннесской войны, вступилъ еще въ болѣе тѣсныя связи съ гре-

ками и слѣдовалъ той же политикѣ, которой позднѣе былъ обязанъ Филиппъ своими первыми успѣхами. Въ то время, какъ свободныя греческія государства вели между собой кровопролитную войну, Пердикка старался прежде всего упрочить свою власть въ собственной странѣ, пріучить подданныхъ къ правильной военной службѣ, и уже потомъ воспользоваться несогласіемъ грековъ, для усиленія и расширенія своего государства. Въ началѣ Пелопоннесской войны онъ принялъ живое участіе въ спорѣ между Потидеей и Аѳинами, впослѣдствіи окончательно присоединился къ спартанцамъ и помогалъ греческимъ колоніямъ на полуостровѣ Халкидикѣ освободиться изъ подъ аѳинскаго ига. Конечно, поддерживая эти колоніи, онъ не предвидѣлъ что усиливаетъ Олинтъ, дѣлаетъ его ихъ средоточіемъ и оставляетъ своимъ преемникамъ враговъ болѣе опасныхъ, чѣмъ нѣкогда были аѳиняне.

По смерти его возникли горячіе споры за престолъ, кончившіеся, послѣ умерщвленія законнаго наслѣдника, вступленіемъ на престолъ Архелая, незаконнаго сына Пердикки. Изъ всѣхъ царей Македоніи до Филиппа II, онъ безспорно былъ самымъ замѣчательнымъ. Ему удалось возвести македонскій народъ на высшую степень образованности, сравнять его съ прочими греками и, такимъ образомъ, дѣйствительно совершить то, что начинали, но, вслѣдствіе различныхъ препятствій, не могли осуществить его предшественники. Онъ положилъ основаніе первымъ городамъ, дорогамъ и крѣпостямъ, поощрялъ земледѣліе и торговлю, и сформировалъ свое войско по греческому образцу. Въ его царствованіе высшая греческая цивилизація пріобрѣла большое вліяніе въ Македоніи; греки уважали Архелая за его любовь къ поэзіи и искусству. Поэты и художники находили у него радушный пріемъ, а его дворъ сдѣлался средоточіемъ образованнаго греческаго міра. Онъ вступилъ въ личныя сношенія съ Эврипидомъ и другими трагиками своего времени, принималъ ихъ у себя съ великими почестями, и приказывалъ ставить на сцену ихъ произведенія со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Комнаты его дворца были разрисованы знаменитыхъ

живописцемъ Зевксисомъ; работа эта стоила около семи талантовъ, приблизительно 9,000 р. с., — сумма, которую, по тогдашней цѣнности денегъ, нужно увеличить въ шесть или восемь разъ, чтобы оцѣнить ее на наши деньги. Эти знаменитыя картины во дворцѣ македонскаго царя привлекали любопытныхъ изъ всѣхъ странъ Греціи.

По смерти Архелая снова возникли кровавыя распри за престолъ. Пять членовъ царскаго дома изъявляли свои притязанія на него, и долго спорили, пока наконецъ одинъ изъ нихъ, Аминтъ II, не захватилъ власти съ помощью ѳессалійцевъ. Онъ также поддерживалъ постоянныя сношенія съ греками и, подобно своимъ предшественникамъ, старался ввести въ своей странѣ ихъ нравы и искусства. Въ его царствованіе, олинтяне, стремясь образовать союзъ изъ всѣхъ греческихъ городовъ, лежавшихъ по берегамъ Македоніи и Ѳракіи, угрожали навсегда отрѣзать Македонію отъ моря и поставить ее въ зависимое положеніе. Олинтяне уже очень расширили свое могущество и даже изгнали македонскаго царя изъ его столицы Пеллы, когда двѣ колоніи—Аполлонія и Акантъ — призвали на помощь спартанцевъ. Въ войнѣ, возникшей между олинтянами и спартанцами, Аминтъ держалъ сторону послѣднихъ, и послѣ побѣды надъ первыми получилъ обратно Пеллу. Но олинтяне, сдѣлавшись союзниками спартанцевъ, все таки оставались еще очень опасными сосѣдями Македоніи.

По смерти Аминта, на нѣкоторое время снова возникли замѣшательства. Его жена, Эвридика, еще прежде посягавшая на жизнь мужа, старалась теперь погубить своихъ собственныхъ дѣтей, — Александра II-го, Пердикку III-го, и Филиппа II-го, — чтобъ возвести на престолъ своего любовника Птолемея, называвшагося Алоритомъ, по городу, въ которомъ онъ родился. Интриги эти и властолюбіе Птолемея, родственныя отношенія котораго къ Аминту и его сыновьямъ неизвѣстны положительно, послужили поводомъ къ страшнымъ смутамъ и частой перемѣнѣ царей. Безпорядки повлекли за собой вмѣшательство

ѳессалійцевъ, аѳинянъ, ѳиванцевъ и фокидцевъ, имѣвшихъ попеременно болѣе или менѣе рѣшительное вліяніе на дѣла Македоніи, и ставившихъ македонскихъ царей въ нѣкоторую зависимость отъ себя. По смерти Аминта, на престолъ вступилъ Александръ II, но въ то время какъ онъ расширялъ предѣлы своего государства побѣдами надъ ѳессалійцами, Птолемей грозилъ ему сверженіемъ съ престола. Это привлекло въ Македонію Пелопида, призваннаго ѳессалійцами на помощь противъ Александра. Пелопидъ, явившись въ Македонію, прекратилъ споръ между Александромъ и Птолемеемъ, принудилъ перваго, овладѣвшаго ѳессалійскимъ престоломъ, отказаться отъ всякихъ притязаній на Ѳессалію, а юнаго Филиппа II взялъ заложникомъ въ Ѳивы. Впрочемъ, неизвѣстно съ достовѣрностью, тогда или при другихъ обстоятельствахъ отданъ былъ Филиппъ въ заложники ѳиванцамъ.

Примиреніе, совершенное при посредничествѣ Пелопида, продолжалось не долго. Птолемей Алоритъ, вмѣстѣ съ Эвридикой, убилъ царя Александра, и завладѣлъ правленіемъ подъ именемъ опекуна малолѣтняго Пердикки. Но македоняне не захотѣли признать его правителемъ, и большинство ихъ объявило себя въ пользу Павсанія, права котораго на престолъ намъ неизвѣстны. Птолемей и Эвридика призвали на помощь противъ него аѳинскаго полководца Ификрата, осаждавшаго въ то время городъ Амфиполь, лежавшій на ѳракійскомъ берегу. Павсаній былъ изгнанъ Ификратомъ, но скоро возвратился назадъ. Тотчасъ по вступленіи его на престолъ, въ Македонію явилось ѳиванское посольство, для огражденія правъ Филиппа, жившаго въ Ѳивахъ, и его брата Пердикки. Ѳиванскіе посланники, — Пелопидъ и Исменій, — вторично изгнали Павсанія и устроили дѣла страны такимъ образомъ, что Птолемей долженъ былъ сохранить престолъ до совершеннолѣтія Пердикки, давъ обѣщаніе управлять государствомъ только какъ его попечитель. Птолемей правилъ Македоніей очень недолго; уже въ слѣдующемъ году (366 или 365) онъ былъ умерщвленъ Пердиккою.

Послѣ непродолжительнаго царствованія, Пердикка III былъ убитъ въ войнѣ съ иллирійцами, оставивъ малолѣтняго сына, Аминта. Враги Македоніи старались воспользоваться этими обстоятельствами и странѣ угрожала величайшая опасность. Разбойничьи шайки иллирійцевъ, предводительствуемыя Бардилломъ, заняли часть Македоніи. Аѳины послали войско, чтобъ возвести на престолъ Аргея, внука Архелая, надѣясь потомъ съ его помощью вновь завоевать городъ Амфиполь; ѳракійцы приготовились къ нападенію на страну и хотѣли посадить на престолъ Павсанія, изгнаннаго Ификратомъ и ѳиванцами; наконецъ дикіе пеонійцы опустошали пограничные округи Македоніи. При такомъ гибельномъ положеніи страны выступилъ на сцену Филиппъ II (361) и не только спасъ отечество отъ угрожавшихъ опасностей, но мало по малу возвысилъ Македонію, сдѣлавъ ее первымъ государствомъ всего юго-востока Европы. Сначала онъ правилъ государствомъ какъ попечитель своего молодаго племянника Аминта, но вскорѣ народъ призналъ его царемъ за спасеніе свободы Македоніи. Аминта, отстраненнаго отъ престола, Филиппъ женилъ впослѣдствіи на одной изъ своихъ дочерей.

2. Филиппъ II Македонскій.

Филиппъ II, — своимъ двадцати-пяти-лѣтнимъ царствованіемъ (съ 361 до 336) сдѣлавшійся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей древней исторіи, — еще въ дѣтствѣ былъ отданъ своимъ отцемъ въ заложники иллирійцамъ, и потомъ вторично, въ началѣ юношескаго возраста, подвергся той же участи. Уже прежде было сказано, что Пелопидъ взялъ его заложникомъ въ Ѳивы. Достовѣрно не извѣстно, въ которомъ году и при какихъ обстоятельствахъ это случилось; но по всей вѣроятности онъ былъ увезенъ въ Ѳивы въ 367 году. Точно также неизвѣстно положительно сколько времени оставался Филиппъ въ Ѳивахъ. Пребываніе его тамъ продолжалось по меньшей мѣрѣ три года;

одинъ изъ древнихъ греческихъ писателей увѣряетъ даже, что Филиппъ оставался въ Ѳивахъ девять лѣтъ. Долгое пребываніе Филиппа въ Ѳивахъ принадлежитъ къ самымъ важнѣйшимъ событіямъ его жизни; здѣсь получилъ онъ умственное развитіе и образованіе, сдѣлавшія его однимъ изъ величайшихъ царей древняго міра. Ежедневныя сношенія съ Эпаминондомъ и его друзьями, поѣздки въ другія свободныя греческія государства, знакомство съ аѳинскимъ ораторомъ Исократомъ, философами Платономъ и Аристотелемъ и другими великими людьми Греціи, — дали ему возможность подробно изучить греческія искусства и науки, гражданскія учрежденія и военное устройство своего времени. Въ подробности, обстоятельства его жизни въ Ѳивахъ неизвѣстны.

Неизвѣстно также, когда онъ возвратился въ Македонію. Одни говорятъ, что Филиппъ убѣжалъ въ Македонію, получивъ извѣстіе о смерти своего брата Пердикки III; другіе утверждаютъ, что онъ возвратился въ отечество ранѣе. Послѣднее гораздо правдоподобнѣе. Вступивъ на престолъ двадцати трехъ лѣтъ, — въ то время когда смуты предъидущихъ годовъ уничтожили всѣ попытки его предшественниковъ устроить страну и образовать народъ по греческому образцу, а монархія была близка къ распаденію, — Филиппъ спасъ Македонію отъ страшныхъ опасностей и преобразовалъ все управленіе страны.

Съ большимъ искусствомъ Филиппъ скоро освободилъ свое отечество и престолъ отъ враговъ. Деньгами подкупилъ онъ корыстолюбиваго ѳракійскаго царя, и такимъ образомъ лишилъ сильной поддержки Павсанія, претендента на македонскій престолъ. Обезопасивъ себя со стороны Ѳракіи, онъ обратился противъ аѳинянъ, самыхъ страшныхъ своихъ враговъ, пославшихъ Аргею трехтысячный вспомогательный отрядъ. Аргей, не найдя себѣ нигдѣ приверженцевъ, удалился изъ Македоніи вмѣстѣ съ аѳинскимъ войскомъ. Филиппъ преслѣдовалъ его, разбилъ враговъ въ сраженіи, въ которомъ палъ самъ Аргей, и, взявъ множество плѣнныхъ, освободилъ ихъ безъ всякаго выкупа.

Особенно ласково и щедро обошелся онъ съ плѣнными аѳинянами, желая своимъ великодушіемъ пріобрѣсти дружбу Аѳинъ. Онъ принялъ ихъ очень дружественно, возвратилъ имъ весь военный обозъ, и отпустилъ ихъ съ письмомъ, въ которомъ выражалъ аѳинскому народу свое желаніе возстановить дружественныя сношенія, существовавшія нѣкогда между его отцомъ и Аѳинами. Онъ давалъ также обѣщаніе не поддерживать городъ Амфиполь, давно боровшійся съ Аѳинами за свою независимость. Аѳиняне въ благодарность за великодушный поступокъ Филиппа, приняли его предложеніе и возобновили мирный договоръ, заключенный съ Аминтомъ.

Избавившись такимъ образомъ отъ самыхъ опасныхъ враговъ, Филиппъ обратилъ оружіе противъ варваровъ. Воспользовавшись смертью пеонійскаго царя, онъ выступилъ сначала противъ этого народа, разбилъ пеонійцевъ въ открытомъ сраженіи, и обложилъ ихъ данью, выгнавъ изъ Македоніи. Затѣмъ онъ двинулся со всѣми своими военными силами противъ иллирійцевъ, пріученныхъ Вардилломъ къ правильной войнѣ. Иллирійцы были совершенно разбиты въ кровопролитномъ и упорномъ сраженіи, выказавшемъ въ первый разъ великіе военные таланты Филиппа. Иллирійцы потеряли въ этой битвѣ до семи тысячъ человѣкъ, и должны были принять миръ, по которому обязывались очистить всѣ занятые ими города Македоніи.

Событія эти происходили въ первые три года его царствованія. Царемъ Филиппъ былъ провозглашенъ черезъ годъ послѣ смерти своего брата Аминта. Побѣдивъ иллирійцевъ, Филиппъ перестал исключительно заботиться объ увеличеніи своей монархіи, но началъ вводить внутри государства учрежденія, положившія основаніе міровому владычеству Македоніи. Преобразованія, сдѣланныя имъ въ государственномъ устройствѣ и организаціи войска, по своему громадному значенію заслуживаютъ подробнаго изложенія. Но, чтобъ не прерывать самаго хода событій, удобнѣе будетъ представить сначала въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ ха-

рактера и ума великаго македонскаго царя, и исчислить вкратцѣ предпринятыя имъ реформы.

Филиппъ соединялъ въ себѣ всѣ добродѣтели и пороки своего времени. Одаренный талантами полководца, государственнаго человѣка и монарха, онъ обладалъ всѣми средствами, чтобъ заставить грековъ принять монархическую форму правленія. Конечнымъ стремленіемъ его было — господство надъ Греціей и соединеніе ослабленныхъ постоянными войнами силъ греческаго народа, для завоеванія Персидской монархіи. Но владычества своего Филиппъ не хотѣлъ основывать на угнетеніи свободы; онъ желалъ сохранить существовавшія учрежденія и формы правленія, и стать во главѣ истинно свободной націи. Этой цѣли онъ достигъ не столько необыкновенной ловкостью, руководившею его въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, — сколько своей великой проницательностью, глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы и проявленій ея, и тѣмъ положеніемъ, которое онъ занялъ относительно эпохи и націи, благодаря высокому умственному развитію. Образованіе и врожденная способность ко всѣмъ наукамъ и искусствамъ дѣлали его достойнымъ чести стать во главѣ образованнѣйшаго народа. Весь образъ дѣйствій Филиппа, каждое отдѣльное предпріятіе, выказываютъ его образованіе и способности. Онъ оказывалъ уваженіе всякому умственному стремленію, — окружалъ почестями талантливыхъ поэтовъ, художниковъ, актеровъ и ораторовъ, старался распространить въ Македоніи греческіе нравы и греческій духъ, переселяя во внутрь страны гражданъ покоренныхъ греческихъ приморскихъ городовъ своей монархіи, а македонянъ — въ приморскіе города. Это направленіе Филиппа выказывается самымъ лучшимъ образомъ въ выборѣ философа Аристотеля, соединявшаго въ себѣ всѣ знанія и умственныя стремленія грековъ, наставникомъ и воспитателемъ наслѣдника престола Александра. Но въ особенности замѣчательно приглашеніе, посланное имъ Аристотелю. Тотчасъ послѣ рожденія Александра, Филиппъ написалъ письмо философу, съ которымъ былъ знакомъ еще въ своей юности. Мы приве-

демъ здѣсь это письмо, хотя достовѣрность его и подлежитъ сомнѣнію. „Я извѣщаю тебя, что у меня родился сынъ. Благодарю боговъ не столько за то, что у меня родился сынъ, но гораздо болѣе за то, что онъ родился въ то время, когда живетъ Аристотель; потому что надѣюсь, что онъ будетъ воспитанъ и образованъ тобой и, такимъ образомъ, сдѣлается достойнымъ меня и своего высокаго назначенія. По моему, гораздо лучше совсѣмъ не имѣть дѣтей, чѣмъ оставлять такихъ, которыя приносятъ безчестіе своимъ предкамъ".

Въ нравственномъ отношеніи Филиппъ стоялъ выше развращенныхъ республиканцевъ своего времени. Его великодушіе, привѣтливость и частная жизнь составляли контрастъ съ корыстолюбивой, софистической низостью большинства государственныхъ людей, управлявшихъ въ то время республиками греческаго міра. Впрочемъ Филиппъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ даже грубыхъ пороковъ, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ гораздо ниже своего сына. Вѣроятно однако его безнравственность не была такъ велика, какъ представляютъ сохранившіяся до насъ сочиненія, написанныя въ древности политическими противниками великаго монарха или республиканскими историками. Филиппъ, между прочимъ, любилъ вино, — но это было согласно съ обычаями и учрежденіями страны. У македонскаго народа, какъ и у средневѣковыхъ германцевъ, пиры и праздиества играли важную роль, и по тогдашнимъ понятіямъ, — точно какъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія при нѣмецкихъ и сѣверныхъ дворахъ, — искусный государственный человѣкъ и дипломатъ долженъ былъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ пьяницею. Слѣдовательно, македонскому царю было столь же необходимо имѣть это качество, какъ ловкость и хитрость, которыми въ высшей степени обладалъ Филиппъ. Даже сынъ Филиппа, Александръ, не любившій вина, дѣлалъ однако видъ что пьетъ, и старался своими разговорами дать возможность полководцамъ и придворнымъ продлить время попойки. Историкъ, который сильнѣе другихъ порицаетъ македонскаго царя за склон-

ность къ вину, разсказываетъ также, что если Филиппъ не во время предавался пьянству, то полагался на трезвость своего полководца и государственнаго человѣка Антипатра.

То же можно сказать и про другіе пороки Филиппа; они были нужны ему для достиженія политическихъ цѣлей, — ими онъ тѣснѣе привязывалъ къ себѣ македонское дворянство и привлекалъ грековъ, пріѣзжавшихъ къ его двору. Самъ же онъ постоянно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ его слабости не мѣшали государственнымъ занятіямъ. Филиппъ любилъ шутки и нерѣдко выкидывалъ фарсы. Это происходило отъ его настроенія духа и любви къ общественной жизни;—впрочемъ, часто ничто такъ не освѣжаетъ серьёзный умъ, какъ сдѣланное во время ребячество. Пѣвцы, танцоры, фокусники и музыканты, которыхъ онъ иногда допускалъ къ своему двору, доставляли огромное наслажденіе его придворнымъ, развращеннымъ греческимъ патриціямъ и ѳессалійскому дворянству, привыкшему къ подобнаго рода удовольствіямъ. Тотъ же писатель древности, котораго замѣчанія о пьянствѣ македонскаго царя были приведены выше, говоритъ къ чести Филиппа, что онъ стыдился взглядовъ Антипатра, если ему случалось предаваться не во время такимъ наслажденіямъ. Если вспомнить наконецъ силы и темпераментъ Филиппа, его напряженную и многостороннюю дѣятельность, то конечно готовъ будешь простить пороки скорѣй такому человѣку, чѣмъ большинству развратныхъ и лѣнивыхъ грековъ его времени.

Внѣшній образъ жизни Филиппа также выказываетъ въ немъ великаго государственнаго человѣка и полководца. Преслѣдуя достойную цѣль, онъ презиралъ пустыя формальности и напыщенныя удовольствія,—предметъ такой важности для обыкновенныхъ людей, — и допускалъ ихъ только тогда, когда онѣ имѣли дѣйствительное значеніе. Въ кругу своихъ полководцевъ и друзей Филиппъ жилъ просто, но въ торжественные дни или въ случаѣ пріема иностранцевъ и пословъ греческихъ государствъ, его дворъ принималъ самый блестящій видъ. Роскошью и великолѣпіемъ онъ

хотѣлъ удивлять тщеславныхъ аѳинянъ и другихъ грековъ. Пріемъ пословъ, угощеніе, заботливость объ ихъ спокойствіи и удобствахъ, словомъ все, чѣмъ только можно выказать гостепріимство, было такъ приспособлено, что производило благопріятное впечатлѣніе даже на враждебно настроенныхъ противъ него пословъ.

Развращеніе тогдашнихъ грековъ помогало стремленію Филиппа пріобрѣсти преобладаніе надъ Греціей. Перемѣны, происшедшія въ направленіи и отношеніяхъ этого народа, подготовили македонскому завоевателю средства къ достиженію его цѣли. Господство чувственныхъ наслажденій и корыстолюбіе открыли доступъ его золоту, — система наемныхъ солдатъ доставила его войску лучшихъ рекрутъ. Наконецъ, поведеніе хищныхъ наемниковъ и предводителей ихъ должно было убѣдить грековъ, что свободнымъ государствамъ гораздо лучше подчиняться наслѣдственному и конституціонному монарху, чѣмъ зависѣть отъ какого нибудь грубаго солдата или искателя приключеній.

Подобно тому, какъ новый порядокъ, установленный въ Греціи Филиппомъ и его сыномъ, не былъ собственно созданъ этими царями, но вызванъ духомъ времени и только вполнѣ развитъ ими обоими; точно также и реформы, совершенныя Филиппомъ въ его отечествѣ, были уже давно подготовлены. Филиппъ собралъ и привелъ въ систему все, что было дѣлаемо по частямъ его предшественниками, содѣйствовалъ скорѣйшему развитію македонскаго народа, задержанному различными препятствіями, и достигъ цѣли стремленій прежнихъ царей Македоніи.

Чтобы яснѣе понять и правильнѣе оцѣнить новыя учрежденія и коренныя преобразованія, введенныя Филиппомъ въ Македоніи, нужно ознакомиться съ національнымъ характеромъ и старинными обычаями македонянъ. Первоначально македонскія учрежденія имѣли много общаго съ ѳессалійскими, многое въ обычаяхъ и государственномъ устройствѣ сохранилось изъ древнѣйшихъ героическихъ временъ. Подобно грекамъ временъ Гомера, македоняне

владѣли множествомъ рабовъ, любили охоту, военныя упражненія, пляски, и имѣли обычай, общій всѣмъ грекамъ древнѣйшей эпохи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сидѣть за столомъ, вмѣсто того, чтобъ лежать, какъ это дѣлали позднѣйшіе греки. Македоняне были также склонны къ пьянству, что вообще кажется свойственно всѣмъ героическимъ временамъ. Они пили обыкновенно изъ большихъ чашъ, и пьянство не было рѣдкимъ явленіемъ на пирахъ этого народа.

Учрежденія монархіи имѣли также много сходнаго съ учрежденіями древнихъ грековъ и германцевъ. Отношенія царя къ дворянству были отношеніями равнаго къ равнымъ, соединенными съ нѣкоторымъ подчиненіемъ; народъ былъ въ томъ же положеніи какъ въ Греціи во времена Гомера. Въ Македоніи, напримѣръ, какъ у героевъ Гомера, ни одно рѣшеніе не могло быть принято безъ согласія или покрайней мѣрѣ безъ видимаго одобренія народа. Жизнь отдѣльныхъ лицъ принадлежала цѣлой націи, поэтому побіеніе камнями, т. е. казнь, совершенная руками всѣхъ, была единственнымъ родомъ смертной казни. Македонское дворянство, какъ ѳессалійское, отличалось воинственностью и храбростью, но оно не имѣло, подобно послѣднему, крѣпостныхъ. Македонскіе поселяне были свободными землевладѣльцами, охотно соединявшимися съ дворянствомъ для достиженія взаимныхъ выгодъ. Слѣдовательно, отношенія народа къ дворянству были тѣ-же, какъ у послѣдняго къ царю.

По всему этому македонскій царь былъ главою болѣе или менѣе военной аристократіи. Подобно царямъ времени Гомера, онъ пользовался самостоятельною властью только тогда, когда обладалъ военными дарованіями, т. е. умѣлъ присвоить себѣ диктаторскую власть полководца и воспользоваться для своихъ цѣлей преданными ему наемниками. Постоянныя смятенія, о которыхъ говоритъ исторія Македоніи, доказываютъ, что цари, стремившіеся къ неограниченной власти, встрѣчали противодѣйствіе въ націи, и должны были бороться съ претендентами на престолъ. Эти без-

конечные внутренніе споры страшно унизили націю въ глазахъ другихъ народовъ. Ѳессалійцы, водворивъ наконецъ у себя согласіе, подчинили Македонію, возводили и свергали въ ней царей по своему произволу. Дикіе иллирійцы и другіе разбойничьи сосѣдніе народы дѣлали частыя нападенія на страну и опустошали ее. Вслѣдствіе того сильный и воинственный македонскій народъ, гордый своей національностью, не разъ подчинялся другимъ народамъ. Такимъ образомъ, частыя внутреннія несогласія, происходившія отъ политическаго устройства страны, ослабляли и разъединяли силы народа.

Филиппъ измѣнилъ существовавшее устройство Македоніи въ совершенно національномъ духѣ, такъ что его преобразованія представляются не вновь созданными политическими учрежденіями, но новымъ и сильнѣйшимъ развитіемъ націи. Онъ не отнималъ у македонянъ прежнихъ ихъ правъ, но преобразовалъ болѣе или менѣе воинственную аристократію, существовавшую съ давнихъ поръ въ монархіи, въ совершенно военную и старался подчинить ее царю. Дворянство привязалъ онъ къ себѣ — охотами, войнами и праздниками. При этомъ Филиппъ однако никогда не вводилъ у себя придворнаго этикета, т. е. разрядовъ и классовъ, существовавшихъ у персидскаго царя и его сатраповъ. Увѣренный въ своемъ превосходствѣ, онъ не нуждался въ формахъ и поэтому оставался всегда первымъ между равными. Кромѣ македонянъ, составлявшихъ главную его силу, власть его распространялась еще на Ѳракію, покоренные греческіе города и Ѳессалію, которыми онъ могъ неограниченно повелѣвать, хотя права этихъ народовъ были имъ сохраняемы только съ небольшими ограниченіями. Не смотря на то, что съ помощью такихъ силъ можно было захватить неограниченную власть въ Македоніи, ни Филиппу, ни его сыну Александру никогда не приходило на мысль превратить свою монархію въ деспотію. Оба царя, напротивъ того, постоянно выказывали уваженіе къ свободному духу грековъ и къ конституціи своего народа, и оба имѣли потому на своей сторонѣ то преимущество, что ихъ

цѣль и стремленія были цѣлью и стремленіемъ всей націи, а не одного человѣка. Старинныя права и чувство собственнаго достоинства сохранялись у македонянъ; македонское дворянство составляло въ войскѣ Филиппа политическій и военный совѣтъ, который можно почти сравнить съ римскимъ сенатомъ первыхъ временъ Рима. Подвластные ему народы управлялись по своимъ обычаямъ; Филиппъ оставилъ покореннымъ ѳессалійцамъ, грекамъ и ѳракійцамъ ихъ прежнія права и національныя учреждеія, измѣнивъ ихъ лишь на столько, на сколько нужно было для того, чтобъ упрочить надъ ними свою власть и безпрепятственно ею пользоваться. Каждый изъ этихъ народовъ, согласно особенностямъ своего характера, служилъ ему для достиженія какой нибудь особенной цѣли: одинъ употреблялся преимущественно для войны, другой — для увеличенія государственныхъ доходовъ или же наконецъ служилъ только посредствующимъ звеномъ для сношеній съ другими народами.

Не смотря на свободу и законность, сохранившіяся у народовъ подвластныхъ Филиппу, его власть опиралась главнымъ образомъ на военную силу. Вотъ почему особенно важно устройство, введенное имъ въ войскѣ. Оно было тѣсно связано съ политическими учрежденіями монархіи и послужило вмѣстѣ съ ними къ утвержденію преобладанія надъ Греціей. Филиппъ самъ усовершенствовалъ военное искусство и, примѣнивъ свои усовершенствованія къ практикѣ, приготовилъ сыну путь къ владычеству надъ міромъ. Онъ воспользовался всѣми изобрѣтеніями лучшихъ предводителей наемныхъ войскъ, но ихъ самихъ принималъ къ себѣ на службу только тогда, когда они отказывались отъ всякихъ почетныхъ мѣстъ и удовлетворялись только денежными выгодами.

Народы, входившіе въ составъ македонскаго войска, сохраняли обыкновенно свое національное вооруженіе; потому въ войскѣ Филиппа мы находимъ различнаго рода отряды, отъ тяжеловооруженнаго рыцарства, подобно средневѣковому, до легковооруженныхъ войскъ, похожихъ на пандуровъ и козаковъ 18 вѣка. Александръ и полководцы, вышедшіе изъ его школы, шли по пути, про-

ложенному Филиппомъ; они вводили въ войско свое все, что только находили годнымъ у народовъ, съ которыми приходили въ столкновеніе.

Коренную часть войска составляли македоняне, вооруженные Филиппомъ на подобіе греческихъ гоплитовъ. Къ нимъ онъ прибавилъ еще, въ отличіе отъ послѣднихъ, національную кавалерію, родъ конной гвардіи, превосходившую числомъ, обученіемъ и вооруженіемъ не только грековъ, но и римскихъ всадниковъ. Пѣхота состояла изъ низшихъ классовъ народа, образуя такъ называемую фалангу, кавалерія—изъ отборнаго македонскаго дворянства. Лучшая часть македонскаго народа шла въ военную службу, и такимъ образомъ воины Филиппа и Александра не были наемниками, служащими завоевателю, но составляли націю, сохранявшую національное чувство и собственную волю. Потому-то они никогда не могли быть мертвымъ орудіемъ, и Александръ принужденъ былъ воротиться изъ Индіи, когда его войска отказались идти далѣе. Фаланга была представительницею массы народа и созывалась всякій разъ, когда обсуживалось дѣло особой важности или нужно было произнести смертный приговоръ. Точно также кавалерія, принадлежавшая къ фалангѣ, вмѣстѣ съ пѣшею гвардіей, составлявшей собственную дружину царя, представляла собою македонское дворянство и противополагала грекамъ, гордымъ своей свободой, свою національную гордость.

Фаланга, въ которой Филиппъ сохранилъ старинныя македонскія эволюціи, а Александръ ввелъ спартанскія, состояла первоначально изъ 16,000 человѣкъ, но впослѣдствіи была значительно увеличена. Когда мѣстность и обстоятельства позволяли, вся фаланга строилась въ шестнадцать шеренгъ и образовывала такимъ образомъ плотный корпусъ, дѣйствовавшій массою. Легко вооруженныя войска и кавалерія, постоянно размѣщавшіяся на ея флангахъ, давали фалангѣ подвижность. Солдаты были вооружены мечами, которыми, подобно римскимъ, можно было рубить и колоть; они отличались отъ послѣднихъ бо́льшею тя-

жестью и длиною. Главнымъ оружіемъ была сарисса, т. е. копье, длиною болѣе двадцати футовъ. Сариссы первыхъ пяти рядовъ доставали впередъ фронта; солдаты остальныхъ рядовъ клали свои копья на плечи стоявшихъ передъ ними, что чрезвычайно облегчало стройность движеній. Щиты были такъ велики, что закрывали все тѣло.

Принадлежавшая къ фалангѣ кавалерія, называвшаяся Агемою гетеровъ, т. е. отрядомъ друзей и товарищей царя, и составлявшая часть царской гвардіи, кажется, никогда не состояла болѣе, чѣмъ изъ 1,200 человѣкъ. Она раздѣлялась на илеи или эскадроны, соотвѣтствовавшіе отрядамъ фаланги. Отдѣльные эскадроны, по всей вѣроятности, состояли изъ дворянства различныхъ мѣстностей Македоніи. Вслѣдствіе этого обстоятельства и своей знатности, командиры эскадроновъ играли важную роль. Кавалерія была особенно тяжело вооружена; образцомъ вѣроятно послужило вооруженіе ѳессалійской кавалеріи.

Гвардейская пѣхота или тѣлохранители царя (Пезетеры, т. е. пѣхота друзей и товарищей), называвшаяся часто за свои длинные щиты отрядомъ Гипаспистовъ, т. е. носящихъ щиты, состояла изъ 3,000 дворянъ. Вооруженіе ея, кажется, мало отличалось отъ вооруженія фаланги, съ тою только разницею, что щиты и сариссы пезетеровъ были длиннѣе и тяжелѣе. Другой отрядъ гвардейской пѣхоты состоялъ изъ низшаго македонскаго дворянства и назывался отрядомъ Аргираспидовъ, т. е. гвардіей съ серебряными щитами, потому что ея щиты были обложены серебряными или посеребренными листами. Образцомъ для аргираспидовъ послужили, кажется, такъ называемые пельтасты или пѣхотинцы Ификрата, на половину тяжело, на половину легко вооруженные; щиты у нихъ были легче, а копья подвижнѣе, чѣмъ у солдатъ фаланги. Вслѣдствіе удобоподвижности этого отряда, онъ часто употреблялся въ сраженіяхъ и не мало способствовалъ военной славѣ Македоніи.

Изъ этихъ отдѣльныхъ отрядовъ состояла македонская часть войска. Войска подчиненныхъ и союзныхъ народовъ Филиппъ упо-

треблялъ сообразно ихъ національному вооруженію и способности дѣйствовать. Изъ ѳессалійскаго дворянства, столь же сильнаго и искуснаго какъ македонское, онъ образовалъ тяжело вооруженную конную гвардію; полудикія ѳракійскія племена доставляли ему стрѣлковъ изъ лука и легкихъ кавалеристовъ, сходныхъ съ козаками и гусарами новѣйшихъ временъ.

3. Отношенія Филиппа къ Греціи до третьей священной войны.

Отразивъ нападенія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, Филиппъ старался расширить границы монархіи до морскаго берега и вытѣснить оттуда аѳинянъ. Аѳиняне, уже съ давнихъ поръ воевавшіе съ Амфиполемъ, защищавшимъ противъ нихъ свою независимость, были не только во враждебныхъ отношеніяхъ съ эвбейцами и ѳиванцами, но въ то же время начали союзническую войну. Филиппъ воспользовался положеніемъ аѳинянъ и предложилъ завоевать для нихъ Амфиполь, если, взамѣнъ того, они уступятъ ему принадлежавшій имъ незначительный приморскій городъ въ Македоніи — Пидну. Аѳиняне согласились на это предложеніе, и Филиппъ отправился завоевывать Амфиполь. Вступивъ въ соглашеніе съ одной изъ партій города, онъ завладѣлъ Амфиполемъ (358), но, вмѣсто того, чтобъ уступить его аѳинянамъ, присоединилъ его къ Македонской монархіи.

Съ этихъ поръ Олинтъ, прежде постоянно враждовавшій съ македонскими царями, вступаетъ въ союзъ съ Филиппомъ. Филиппъ уступилъ олинтянамъ городъ Антемъ, и обѣщалъ помочь завоевать Пидну и Потидею, лежавшіе при Салоникскомъ заливѣ и подчиненные аѳинянамъ. Оба города были взяты и немедленно переданы олинтянамъ; для хитраго царя важнѣе всего было отнять у аѳинянъ крѣпости, которыми они владѣли въ его странѣ, и изгнать ихъ изъ своего сосѣдства. Завоеваніе Пидны произошло вѣроятно въ 358. Потидея, выдержавшая долгую и упорную осаду, была взя-

та въ слѣдующемъ году. Нѣкоторые позднѣйшіе греческіе историки говорятъ, что въ день взятія Потидеи Филиппъ получилъ одновременно еще три радостныя извѣстія: извѣстіе о рожденіи сына Александра, о побѣдѣ его коня на олимпійскихъ играхъ и о другой побѣдѣ, одержанной его полководцемъ Парменіономъ надъ иллирійцами, вторгнувшимися снова въ Македонію. Но болѣе тщательныя изслѣдованія доказываютъ, что эти писатели, по всей вѣроятности, пожертвовали истиной театральному эффекту, который должно было произвести стеченіе столькихъ счастливыхъ событій. Извѣстія о побѣдѣ надъ иллирійцами и въ Олимпіи еще могли быть получены до завоеванія Пидны, но взятіе Потидеи произошло, какъ кажется, въ 357 году, а Александръ, по всей вѣроятности, родился только въ 356 году.

Съ замѣчательною хитростью старался Филиппъ изгнать аѳинянъ изъ своего сосѣдства и расширить границы Македоніи. Онъ хорошо зналъ свойство своихъ враговъ и умѣлъ искусно скрывать отъ нихъ свои планы. Особенно удачно обманывалъ онъ аѳинянъ, предавшихся полному разврату. Усыпленіе аѳинянъ было такъ велико, что они предоставляли наемнымъ иностранцамъ предводительство надъ цѣлыми войсками. Только очень немногіе аѳинскіе граждане заботились объ общемъ благѣ, всякій думалъ исключительно о себѣ и своихъ выгодахъ. По мѣрѣ того какъ возрастало богатство и торговое значеніе Аѳинъ, увеличивались роскошь и пышность; многіе граждане жили какъ цари и хвастались блескомъ и нравами развращенныхъ дворовъ. Недостатокъ честныхъ средствъ для подобнаго существованія повлекъ за собой постыдную продажность вліятельнѣйшихъ людей государства. Такимъ образомъ дальнѣйшее существованіе демократическаго устройства сдѣлалось невозможностью и Аѳинамъ, до самаго ихъ паденія, не удалось ни одно предпріятіе. Этими обстоятельствами умѣлъ, какъ нельзя лучше, воспользоваться Филиппъ. Деньгами онъ подкупилъ себѣ въ Аѳинахъ цѣлую партію, которая старалась расположить народъ въ его пользу или по крайней мѣрѣ парализировать всѣ энергическія

дѣйствія противъ македонскаго царя. Во главѣ этой партіи стоялъ сначала Филократъ, а въ послѣдствіи ораторъ Эсхинъ, во главѣ ихъ противниковъ—Демосѳенъ. Филиппъ всячески старался поддерживать своихъ приверженцевъ. Напримѣръ, при завоеваніи Потидеи онъ обошелся дружески съ плѣнными аѳинянами, отпустилъ ихъ съ почетомъ и этимъ далъ возможность македонской партіи въ Аѳинахъ восхвалять его и обманывать народъ. Воспользовавшись продажностью и тщеславіемъ вліятельныхъ людей другихъ греческихъ государствъ, Филиппъ всюду пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ, и такимъ образомъ мало по малу нравственно подчинилъ себѣ Грецію еще прежде, чѣмъ завоевалъ ее оружіемъ.

4. Предпріятія Филиппа во Ѳракіи и древнѣйшая исторія этой страны.

По завоеваніи Потидеи Филиппъ направилъ свое оружіе противъ Ѳракіи. Страна эта, не имѣвшая до тѣхъ поръ никакой важности для человѣчества, теперь, какъ провинція Македоніи и непосредственно затѣмъ, какъ отдѣльное государство, получаетъ въ первый разъ значеніе во всемірной исторіи. Поэтому, прежде чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ событій, необходимо сначала ознакомиться хотя съ главными моментами древнѣйшей исторіи ѳракійскаго народа.

Ѳракійцы населяли страну, имѣвшую въ древности по множеству лѣсовъ и болотъ климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ теперь. Раздѣленные на множество племенъ, они были отрѣзаны отъ моря греческими колоніями, основанными на ихъ берегу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій ѳракійскій народъ долго оставался на низкой степени цивилизаціи, и былъ извѣстенъ остальному міру только своею дикою храбростью и постоянными войнами различныхъ племенъ между собой. При Дарѣ I Ѳракія, въ то время значительно населенная, была покорена персами. Персидское владычество надъ Ѳракіей, продолжавшееся болѣе тридцати лѣтъ, имѣло важныя

послѣдствія для страны: оно пріучило многія тамошнія племена къ правильному управленію, и положило предѣлы набѣгамъ дикихъ жителей горъ. Несчастный походъ Ксеркса и уничтоженіе его владычества надъ европейской стороной Эгейскаго моря имѣли то важное послѣдствіе для Ѳракіи, что послужили поводомъ къ образованію въ ней обширнаго государства.

Вновь созданное государство была монархія одрисовъ, — народа, обитавшаго въ восточной половинѣ южной Ѳракіи, около рѣки Гебра или нынѣшней Марицы. Важнѣйшимъ народомъ подлѣ одрисовъ, въ западной части южной Ѳракіи, были пеонійцы, жившіе къ сѣверо-востоку отъ Македоніи, около верховьевъ рѣки Аксія или Вардара, къ которымъ принадлежали агріане, пріобрѣвшіе знаменитость какъ стрѣлки изъ лука и легкія войска. Сѣверную часть Ѳракіи, простирающуюся вдоль береговъ Дуная, занимали во времена Дарія трибаллы и геты; первые жили въ нынѣшней Сербіи, вторые — на востокѣ ея до береговъ Чернаго моря. Во времена Александра Великаго геты оставили свое прежнее мѣстопребываніе и переселились на сѣверную сторону Дуная.

Одрисы возвысились при царѣ Терѣ, когда персы перестали владычествовать надъ Ѳракіей. Они подчинили себѣ нѣкоторыя немногочисленныя племена и вступили въ болѣе близкія сношенія съ сосѣдними греческими колоніями. Сынъ Тера Ситалкъ, союзникъ Аѳинъ, жившій во время Пелопоннесской войны, расширилъ еще болѣе предѣлы своего государства. При Севтѣ, преемникѣ Ситалка, одрисы достигаютъ высшаго своего могущества. Монархія ихъ простиралась тогда отъ южнаго берега Ѳракіи и отъ рѣки Неста или Карасу до Дуная; греческія колоніи также должны были платить дань повелителю одрисовъ, а доходы государства простирались по меньшей мѣрѣ до 800 талантовъ, приблизительно 1.150,000 р. с. Но едва успѣло государство достигнуть вершины своего могущества, какъ стало быстро клониться къ упадку. Уже Ситалку въ концѣ его царствованія было нанесено трибаллами тяжелое по-

раженіе, а при его преемникѣ отпали нѣкоторыя изъ покоренныхъ племенъ. Примѣру ихъ послѣдовали другія, и, такимъ образомъ, одрисы скоро потеряли все свое могущество и значеніе. Впрочемъ, въ періодъ своего владычества одрисы не имѣли даже и начатковъ цивилизаціи; государство ихъ состояло изъ смѣси многихъ племенъ, насильственно соединенныхъ и естественно распавшихся при первомъ толчкѣ, нанесенномъ сдерживавшей ихъ силѣ. Какъ ни велико было число воиновъ, которыхъ повелители одрисовъ могли вести на войну, но они всетаки не составляли настоящаго войска; — это была безпорядочная, не дисциплированная масса, похожая на козаковъ, татаръ и подобныхъ народовъ. Ядро войска было очень не велико, и потому позднѣйшіе владѣтели одрисовъ находились въ полной зависимости отъ наемныхъ греческихъ войскъ и ихъ предводителей.

Племена, отпавшія отъ Севта, вернулись къ своему прежнему дикому состоянію. Только одно изъ нихъ образовало въ южной Ѳракіи небольшое государство, продолжавшее существовать рядомъ съ монархіею одрисовъ, но никогда не достигавшее того значенія, которое прежде имѣли послѣдніе. Вообще, послѣ Севта, Ѳракія находилась въ томъ же положеніи, какъ и прежде: — смуты и борьба разбойничьихъ племенъ, могущество которыхъ такъ же быстро возрастало, какъ и падало, не прекращались. Во времена Ификрата въ южной Ѳракіи царствовалъ Котисъ, предводитель одного изъ этихъ племенъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ съ помощью наемныхъ греческихъ войскъ такое могущество, что удивлялъ даже грековъ пышностью своего двора и роскошью пировъ. Впрочемъ, Котисъ, старавшійся расширить свои владѣнія только для того, чтобъ имѣть возможность увеличить свои безнравственныя наслажденія, — былъ настоящимъ предводителемъ разбойниковъ. Онъ отличался грубой чувственной жизнью, бѣшенствомъ и жестокостью. Въ Онокарсѣ, одной изъ его лѣтнихъ резиденцій, были разведены великолѣпные сады и рощи; здѣсь то по преимуществу и происходили его оргіи. Онъ заключилъ съ Аѳинами договоръ, но

впослѣдствіи сдѣлалъ разбойничій набѣгъ на союзные съ Аѳинами города Ѳракіи, долженъ былъ вести съ аѳинянами войну, и до того притупилось уже въ то время національное чувство грековъ, что Ификратъ помогалъ этому варвару противъ своего роднаго города. Ификратъ женился на дочери Котиса, но, не смотря на это, у него было отнято начальство надъ войсками и передано Харидему, одному изъ самыхъ грубыхъ и развратныхъ предводителей наемниковъ. Звѣрство, сластолюбіе и жестокость Котиса дошли наконецъ до безумія и онъ былъ умерщвленъ двумя гражданами ѳракійско-греческаго приморскаго города Эноса.

Смерть Котиса вызвала въ южной Ѳракіи страшныя смуты, которыми воспользовались аѳиняне. Сыновья Котиса Керсоблептъ, Берисадъ и Амадокъ, которые по волѣ отца должны были раздѣлить между собой владѣнія, тотчасъ перессорились. Керсоблептъ сманилъ къ себѣ Харидема и его наемниковъ, аѳиняне приняли сторону двухъ другихъ братьевъ. Вслѣдствіе того возникла война, въ которой Керсоблептъ долженъ былъ наконецъ уступить аѳинянамъ Херсонесъ или полуостровъ, лежащій на западной сторонѣ Геллеспонта. Въ тоже время несогласія владѣтелей южной Ѳракіи дали возможность и Филиппу II-му распространить свое владычество въ этой странѣ.

Для македонскаго царя, предпринимавшаго уже во времена Котиса походъ въ южную Ѳракію, страна эта была важна по многимъ причинамъ. На сѣверъ отъ города Амфиполя находились богатыя золотыя розсыпи, изъ которыхъ ежегодно добывалось до тысячи талантовъ (1,300,000 р. с.); слѣдовательно завладѣніе ими представляло для Филиппа новый и обильный источникъ дохода. Кромѣ того, подчиненіе ѳракійскихъ племенъ, способныхъ для легкой пѣхотной и кавалерійской службы, значительно увеличивало составъ македонскаго войска. Наконецъ, Филиппъ понималъ очень хорошо, что если онъ сдѣлается господиномъ внутри этой страны, приморскимъ греческимъ колоніямъ трудно будетъ устоять противъ него, а покореніе этихъ городовъ должно будетъ немину-

ему ослабить могущество аѳинянъ, которымъ они были частью подчинены, частью же находились съ ними въ союзѣ. Вскорѣ послѣ взятія Потидеи, Филиппъ завладѣлъ золотыми розсыпями, и для упроченія своей власти надъ ними заложилъ вблизи ихъ укрѣпленный городъ, названный Филиппы и заселенный греками и македонянами. Занятый затѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени въ другой части своей монархіи, онъ воспользовался спорами владѣтелей южной Ѳракіи, одинъ изъ которыхъ призвалъ его на помощь, для дальнѣйшихъ завоеваній въ этой странѣ. Филиппъ отнялъ у Керсоблепта часть принадлежавшей ему области, и уже оттуда старался тревожить херсонесскія владѣнія аѳинянъ.

5. Дальнѣйшія предпріятія Филиппа и третья священная война до завоеванія Олинта.

Увеличивая и упрочивая свои завоеванія во Ѳракіи, Филиппъ въ то же время подготовлялъ на югѣ Македоніи осуществленіе своего великаго плана подчиненія Греціи. Призванный ѳессалійцами на помощь противъ могущественной фамиліи Алевадовъ, Филиппъ не замедлилъ исполнить ихъ просьбу. Онъ поспѣшно двинулся въ Ѳессалію и скоро освободилъ ее отъ владычества ненавистнаго рода. За это ѳессалійцы предоставили ему право собирать пошлины въ нѣкоторыхъ изъ своихъ гаваней и торговыхъ городовъ. Такимъ образомъ, Филиппъ получилъ большія выгоды, сталъ твердой ногой въ этой странѣ, и теперь уже не только легко могъ распространить свое владычество въ самой Ѳессаліи, но и проникнуть въ собственную Грецію.

Усиливъ себя завоеваніями во владѣніяхъ Керсоблепта, Филиппъ пошелъ на Метону, единственный независимый еще городъ между Македоніей и Ѳессаліей, лежавшій въ Піеріи. Онъ неожиданно явился передъ Метоною, но овладѣлъ ею только послѣ долгой и упорной осады, во время которой былъ раненъ стрѣлою въ правый глазъ. Раздраженный сопротивленіемъ метонцевъ, онъ

приказалъ срыть ихъ городъ, жителямъ же дозволилъ свободный выходъ и указалъ другое мѣсто для поселенія (353).

Едва успѣлъ Филиппъ открыть себѣ свободный путь въ Ѳессалію, какъ фокидская или третья священная война доставила ему благопріятный случай окончательно присоединить Ѳессалію къ своей монархіи и въ то же время вмѣшаться въ дѣла собственной Греціи. Война эта, длившаяся въ 356 — 346 до р. X., дала возможность македонскому царю достигнуть законнымъ въ извѣстной степени путемъ преобладанія надъ Греціей, и такимъ образомъ пріобрѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ двѣ прежнія священныя войны. Первыя священныя войны имѣли для всемірной исторіи только второстепенную важность; третья же не только поставила Македонію во главѣ греческихъ государствъ, но и содѣйствовала, вслѣдствіе сдѣланнаго во время этой войны ограбленія богатаго дельфійскаго оракула, перевороту въ религіозной и нравственной жизни грековъ и во всѣхъ имущественныхъ и финансовыхъ отношеніяхъ. Предлогъ къ этой важной войнѣ былъ данъ самими амфиктіонами.

Главною цѣлью союза амфиктіоновъ, существовавшаго съ древнѣйшихъ временъ, (т. I, стр. 270) была защита дельфійскаго храма и сохраненіе древняго родственнаго союза двѣнадцати племенъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ раздѣленныхъ между собою. Страшная священная клятва обязывала членовъ союза поддерживать и защищать дельфійскій храмъ Аполлона, заботиться объ общественныхъ праздникахъ и щадить союзниковъ на войнѣ. Въ клятвѣ говорилось, что если кто нибудь покусится на собственность дельфійскаго бога, то членъ амфиктіоніи долженъ всѣми силами и средствами стараться отмстить ему. Каждое изъ двѣнадцати племенъ, входившихъ въ составъ дельфійской амфиктіоніи, могло посылать въ союзное собраніе сколько угодно пословъ, но имѣло только два голоса, подававшіеся ихъ уполномоченными сообща; такой способъ подачи голосовъ былъ тѣмъ необходимѣе, что нѣкоторыя древнія племена, какъ напримѣръ доряне и іоняне, распались на многія от-

дѣльныя государства, изъ которыхъ каждое требовало для себя участія въ двухъ голосахъ, принадлежавшихъ цѣлому племени. Древнѣйшіе законы союза амфиктіоновъ, одинаково обязательные для сильныхъ и слабыхъ государствъ, сохранялись неизмѣнными во всѣ времена, хотя въ большей части случаевъ нельзя было и думать о приведеніи ихъ въ исполненіе. Собраніе естественно находилось подъ вліяніемъ того государства, которое было въ ту минуту преобладающимъ, и уполномоченные только тогда приносили жалобу на союзное государство, когда заранѣе были увѣрены, что обвиненіе ихъ будетъ принято. Поэтому до ѳиванской эпохи дѣятельность союзнаго собранія ограничивалась только устройствомъ праздниковъ и жертвоприношеній дельфійскаго храма, и развѣ изрѣдка амфиктіоны произносили какой нибудь приговоръ. По всей вѣроятности это происходило отъ того, что три первенствующіе народа Греціи, спартанцы, аѳиняне и ѳиванцы, имѣвшіе на своей сторонѣ въ собраніи почти по равному числу подчиненныхъ имъ государствъ, находились большей частью въ войнѣ между собой, и потому не нуждались въ духовномъ оружіи амфиктіонова суда. Послѣ сраженія при Левктрѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Ѳиванцы, сдѣлавшіеся первенствующимъ народомъ Греціи, располагали съ тѣхъ поръ большинствомъ голосовъ и желали сдѣлать изъ союза амфиктіоновъ политическое орудіе для униженія другихъ грековъ. Вслѣдствіе того, они старались доставить собранію амфиктіоновъ бóльшее значеніе, дѣлая видъ, что хотятъ возстановить древній порядокъ богослуженія и святость данной присяги.

Тотчасъ послѣ сраженія при Левктрѣ, ѳиванцы обвинили Спарту передъ судомъ амфиктіоновъ въ несправедливомъ занятіи ѳиванской крѣпости. Вскорѣ они вторично жаловались на спартанцевъ за опустошеніе Беотіи и разрушеніе цѣлыхъ городовъ ея, что конечно было нарушеніемъ амфиктіоновой клятвы. По настоянію ѳиванцевъ, собраніе амфиктіоновъ приговорило спартанцевъ къ денежной пенѣ въ пять сотъ талантовъ (650,000 р. с.), и вмѣстѣ

съ тѣмъ объявило, что сумма эта будетъ удвоена, если они не выплатятъ ея въ теченіе опредѣленнаго срока.

Около того же времени ѳиванцы воспользовались союзомъ амфиктіоновъ противъ другихъ своихъ враговъ — фокидцевъ, союзниковъ Спарты. Они были обвинены въ томъ, что завладѣли пустынными полями, принадлежавшими дельфійскому богу, но въ которыхъ они крайне нуждались. Амфиктіоны предписали фокидцамъ очистить эти земли, и въ то же время присудили ихъ къ денежному взысканію, которое, также какъ и пеня, назначенная спартанцамъ, превышало средства осужденныхъ. Фокидцы не хотѣли, да и не могли подчиниться наказанію; тогда амфиктіоны произнесли новый приговоръ, относившійся также и къ спартанцамъ, по которому всѣ государства, незаплатившія денежной суммы, наложенной судилищемъ амфиктіоновъ, изгонялись изъ союза (356). Такое рѣшеніе вынудило фокидцевъ и спартанцевъ начать войну. Оба народа вооружились; но спартанцы, находя неразсчетливымъ согласиться на просьбу фокидцевъ вступить съ ними въ союзъ, воспользовались ихъ войною съ ѳиванцами для возстановленія своего прежняго значенія въ Пелопоннесѣ. Они напали (354) на мессенцевъ и на жителей аркадскаго города Мегалополя, желая подчинить мессенцевъ прежнему игу, а аркадцевъ принудить разселиться по деревнямъ, изъ соединенія которыхъ возникъ Мегалополь. Ѳиванцы спѣшили отправить войско на помощь своимъ союзникамъ, и за непродолжительной войной, веденной съ перемѣннымъ счастіемъ, скоро послѣдовало перемиріе, оставившее дѣла въ прежнемъ положеніи (352).

Между тѣмъ фокидцы также начали войну, извѣстную подъ именемъ фокидской или третьей священной и своимъ окончаніемъ получившую великое и всеобщее значеніе. Одинъ изъ фокидскихъ гражданъ — Филомелъ, изъ личныхъ расчетовъ желавшій войны, обнадеживалъ фокидцевъ помощью аѳинянъ и спартанцевъ, уговаривая ихъ начать войну скорѣй, чтобы внезапнымъ нападеніемъ завладѣть Дельфами и ихъ богатымъ храмомъ, и такимъ образомъ

въ самомъ началѣ получить перевѣсъ надъ врагами. Филомелъ былъ избранъ главнымъ военачальникомъ и тотчасъ отправленъ въ Спарту. Спартанцы не согласились послать войско на помощь фокидцамъ, но обѣщали впослѣдствіи прислать денегъ для вербованія наемниковъ.

Филомелъ собралъ въ Пелопоннесѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ наемниковъ, тотчасъ повелъ ихъ на Дельфы, почти безъ сопротивленія завладѣлъ городомъ и храмомъ, и прогналъ жителей Амфиссы, поспѣшившихъ на помощь храму. Приказавъ затѣмъ уничтожить приговоръ объ изгнаніи, вырѣзанный на одной изъ колоннъ храма, онъ объявилъ дельфійцамъ, что фокидцы не имѣютъ противъ нихъ никакихъ враждебныхъ замысловъ, но съумѣютъ поддержать свои древнія права относительно храма. Дельфійцы уже съ давнихъ поръ объявили, что надзоръ за храмомъ принадлежитъ имъ однимъ, но остальные жители Фокиды требовали для себя того же права. Не разъ и прежде возникали изъ-за этого споры, однажды даже окончившіеся войной. Фокидцы одержали тогда верхъ съ помощью аѳинянъ (т. I стр. 432); но во времена Лисандра, находясь во враждебныхъ отношеніяхъ съ беотійцами и другими народами, лишились опять права надзора за храмомъ. Они однако никогда не отказывались отъ своихъ притязаній, и потому Филомелъ, взявъ Дельфы, предъявилъ снова свои требованія.

Тогда ѳиванцы, вмѣстѣ съ остальными беотійцами, ѳессалійцами и другими племенами, взялись также за оружіе, чтобъ соединенными силами изгнать фокидцевъ изъ Дельфъ и поддержать достоинство союза амфиктіоновъ. Такъ началась десятилѣтняя война, въ которой фокидцы сначала сражались одни противъ значительнаго числа союзныхъ государствъ, да и впослѣдствіи были только слабо поддерживаемы своими союзниками. Какимъ образомъ небольшая Фокида могла вести такую важную и тяжелую войну, объясняется географическими свойствами страны. Фокида, почти вся покрытая горами, имѣла двадцать городовъ, сосредоточивавшихъ въ себѣ все населеніе страны. Хорошо укрѣпленные города эти ле-

жали почти всѣ на вершинахъ скалъ, а двѣ главныя крѣпости: Элатея — на ѳессалійской дорогѣ и Парапотаміи — на беотійской, были построены при двухъ единственныхъ проходахъ, которые вели во внутрь страны. Такимъ образомъ, не смотря на свою малочисленность, фокидцы, благодаря физическимъ условіямъ страны, могли легко и удобно защищаться. Кромѣ того народъ этотъ всегда отличался храбростью и страстной любовью къ свободѣ, а въ этой войнѣ ему благопріятствовали еще и другія обстоятельства. Аѳиняне и спартанцы были непримиримыми врагами ѳиванцевъ, и хотя сначала оказывали фокидцамъ только незначительную помощь, но уже одно всѣмъ извѣстное настроеніе прежнихъ первенствующихъ государствъ должно было поддерживать мужество въ фокидцахъ и, на оборотъ, ослаблять энергію ихъ противниковъ. Наконецъ, фокидцы, въ самомъ началѣ войны завладѣвъ дельфійскимъ храмомъ и несмѣтными его сокровищами, имѣли возможность, при массѣ голодныхъ наемниковъ, бродившихъ по Греціи, скоро навербовать себѣ многочисленное войско.

Чтобъ увеличить число своихъ наемниковъ, Филомелъ тотчасъ обратилъ въ деньги часть сокровищъ дельфійскаго храма. Это былъ первый случай похищенія греческимъ государствомъ сокровищъ главнаго храма Греціи. Въ теченіе войны фокидцы еще разъ обобрали храмъ, и вслѣдствіе того фокидская война имѣла по своимъ результатамъ продолжительное и огромное вліяніе на всю Грецію. Похищеніе сокровищъ, принадлежавшихъ дельфійскому богу, поколебало до основанія религіозныя вѣрованія грековъ. Священнѣйшій храмъ Греціи оставался десять лѣтъ въ рукахъ тѣхъ, которые завладѣли имъ святотатственнымъ образомъ и вели войну на похищенныя изъ него сокровища. Какое разрушительное вліяніе должно было имѣть это десятилѣтіе на нравы впечатлительныхъ грековъ! Они увидѣли, что благочестивыя приношенія ихъ предковъ обращены въ деньги и послужили средствомъ для достиженія преступныхъ цѣлей, что сокровища Аполлона расточались предводителями войска, ограбившаго храмъ, на непотребныхъ женщинъ и самыхъ

отъявленныхъ развратниковъ. Нерѣдко случалось, что созданія подобнаго рода украшали себя сокровищами бога и священными приношеніями, и разъ въ городѣ Метапонтѣ, женщины, игравшія на цитрѣ, даже явились на праздникъ съ золотыми вещами, подаренными нѣкогда отъ гражданъ этого города дельфійскому богу. Могло ли наконецъ сохраниться религіозное чувство у грековъ, служившихъ наемниками въ фокидскомъ войскѣ и ограбившихъ такую великую святыню!

Уничтоженіе древнихъ вѣрованій, и безъ того уже поколебленныхъ развращеніемъ нравовъ, было важнѣйшимъ, но не единственнымъ послѣдствіемъ несчастной фокидской войны. Съ ограбленіемъ священнаго мѣстопребыванія божества, естественно исчезло довѣріе въ неприкосновенность храма. Храмы были съ давнихъ поръ надежнѣйшимъ мѣстомъ храненія денегъ — священными банками — и потому имѣли большое значеніе для торговли. Теперь, когда исчезло довѣріе въ ихъ неприкосновенность, должны были произойти и въ торговлѣ значительныя перемѣны. Всѣ деньги перешли въ руки такъ называемыхъ трапезитовъ или мѣнялъ, а вслѣдствіе того денежныя спекуляціи и ростовщичество возрасли въ страшныхъ размѣрахъ.

Сверхъ того, похищеніе дельфійскихъ сокровищъ быстро и значительно увеличило количество денегъ, находившихся въ обращеніи между греками. Въ Греціи это обстоятельство сопровождалось такими же важными послѣдствіями, какими въ новой Европѣ привозъ благородныхъ металловъ изъ вновь открытой Америки, т. е. чрезмѣрнымъ увеличеніемъ количества денегъ въ обращеніи и уменьшеніемъ въ такой же степени ихъ цѣнности. Но въ Европѣ приливъ денегъ произошолъ постепенно и не въ какой нибудь одной странѣ, но въ цѣлой части свѣта; притомъ увеличившееся количество денегъ распредѣлилось между всѣми сословіями и отраслями промышленности. Въ Греціи, напротивъ того, увеличеніе количества денегъ произошло мгновенно, ограничившись сравнительно очень небольшимъ пространствомъ; къ тому же деньги,

появившіяся въ обращеніи, перешли въ руки людей, расточавшихъ ихъ самымъ гнуснымъ образомъ и потому содѣйствовавшихъ развитію такого промысла, которому стараются препятствовать во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ. Единственный, сколько нибудь подобный примѣръ такого мгновеннаго прилива денегъ, оставшагося безъ послѣдствій для промышленности, представляетъ Испанія, паденіе которой, послѣдовавшее непосредственно за открытіемъ Америки, отчасти объясняется быстрымъ увеличеніемъ количества денегъ, попавшихъ большей частью въ руки высшихъ сословій или искателей приключеній.

Мы не имѣемъ вѣрныхъ данныхъ, чтобъ опредѣлить какъ велико было количество благородныхъ металловъ, хранившихся въ дельфійскомъ храмѣ и пущенныхъ въ обращеніе фокидской войной. Приношенія, посылавшіяся туда съ древнѣйшихъ временъ, были очень цѣнны, но не всѣ находились въ храмѣ въ то время, когда фокидцы завладѣли его сокровищами. Невозможно вычислить, на какую сумму простиралась добыча фокидцевъ, и древній міръ не оставилъ намъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ этомъ. Если положиться на далеко не достовѣрнаго греческаго историка Діодора, то вся сумма, похищенная изъ Дельфъ въ теченіе десятилѣтней войны и появившаяся въ обращеніи, простиралась болѣе чѣмъ на 10,000 талантовъ или 13 милл. р. с., а по тогдашней цѣнности денегъ до 80 милл. Уменьшивъ эту сумму на половину, и принявъ въ соображеніе, какъ незначительно въ наше время количество обращающихся денегъ даже въ богатѣйшихъ странахъ, легко поймешь, какой внезапный и гибельный переворотъ совершился во всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ отношеніяхъ вслѣдствіе обращенія въ монету сокровищъ дельфійскаго бога. —

Завладѣвъ дельфійскимъ храмомъ, Филомелъ прежде всего увеличилъ фокидское наемное войско съ трехъ тысячъ до десяти и укрѣпилъ Дельфы. Первый годъ возникшей затѣмъ войны замѣчателенъ только жестокостью дѣйствій обѣихъ сторонъ. Враги фокид-

цевъ казнили, какъ грабителей храма, всѣхъ плѣнныхъ,—фокидцы отплачивали имъ тѣмъ же, и убійство плѣнныхъ прекратилось только тогда, когда враги фокидцевъ отказались отъ своихъ жестокостей. Въ первый годъ войны силы противниковъ были почти равны; но во второй — беотійцы и ихъ союзники выставили болѣе многочисленное войско. Филомелъ не могъ уже вступать въ открытый бой и всячески избѣгалъ непріятеля. Нѣкоторое время манёвры эти удавались ему, но наконецъ онъ принужденъ былъ, при очень неблагопріятной обстановкѣ, вступить въ сраженіе, кончившееся пораженіемъ и бѣгствомъ фокидцевъ и смертью самого предводителя. Тщетно стараясь соединить бѣгущія войска, Филомелъ былъ загнанъ въ горы, на край пропасти; видя неминуемую гибель, онъ рѣшился лишить себя жизни, чтобъ не попасться въ руки враговъ, и послѣ отчаяннаго сопротивленія, бросился въ пропасть (354). Братъ его, Ономархъ, соединилъ остатки разбитаго войска и счастливо провелъ его назадъ въ Дельфы.

По смерти предводителя, часть фокидцевъ считала необходимымъ прекратить несчастную войну и примириться съ врагами, но Ономархъ, изъ личныхъ видовъ желавшій продолженія войны, съумѣлъ въ собраніи своихъ соотечественниковъ доставить побѣду противному мнѣнію, и былъ избранъ полководцемъ съ неограниченною властью. Онъ похитилъ изъ дельфійскаго храма еще болѣе сокровищъ, чѣмъ его братъ, навербовалъ новыя войска и просилъ помощи у ѳессалійцевъ. Между тѣмъ беотійцы, подкупленные персидскими деньгами, отправили часть своихъ войскъ въ Виѳинію на помощь тамошнему сатрапу противъ царя, и такимъ образомъ дали Ономарху время окончить всѣ нужныя приготовленія. Вслѣдствіе этого война приняла другой оборотъ.

Въ Ѳессаліи надъ большей частью страны владычествовалъ въ то время Ликофронъ, одинъ изъ убійцъ Александра ферскаго, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Питолаемъ. Ономархъ склонилъ его на свою сторону деньгами, вычеканенными изъ золотыхъ и серебрянныхъ вещей, похищенныхъ въ Дельфахъ. Помощью подобныхъ

же средствъ онъ успѣлъ сблизиться съ Аѳинами и Спартою. Такимъ образомъ, тайное соглашеніе съ этими двумя государствами, помощь оказанная Ликофрономъ, и сверхъ того несогласія и бездѣйствіе враговъ способствовали въ теченіе извѣстнаго времени счастливымъ дѣйствіямъ Ономарха. Онъ опустошилъ цѣлые округи въ земляхъ локрійцевъ и дорійцевъ, обложилъ контрибуціей многіе изъ ихъ городовъ и завоевалъ важный Орхоменъ въ Беотіи. Успѣхи фокидцевъ устрашили не только беотійцевъ, но и ѳессалійскую аристократію. Послѣдняя, понявъ, что возрастаніе могущества фокидцевъ усилитъ власть тиранна Ликофрона, союзника Ономарха, искала помощи у македонскаго царя, не заставившаго долго просить себя. Онъ появился съ войскомъ своимъ въ Ѳессаліи въ то самое время, когда туда прибылъ 7 тысячный отрядъ фокидцевъ, которыхъ послалъ Ономархъ подъ начальствомъ брата его Ф а и л л а, на помощь ферскому тиранну. Филиппъ скоро разбилъ обоихъ противниковъ въ рѣшительной битвѣ, и обратилъ въ бѣгство вспомогательныя войска фокидцевъ.

Получивъ извѣстіе о пораженіи брата, Ономархъ прекратилъ начатыя имъ враждебныя дѣйствія противъ Беотіи и поспѣшилъ со всѣми своими силами въ Ѳессалію. Филиппъ былъ разбитъ имъ въ двухъ сраженіяхъ, и только искуснымъ отступленіемъ въ Македонію спасъ остатокъ своего войска (353). Македоняне не могли уже болѣе помогать ѳессалійцамъ; впрочемъ, и Ономархъ вернулся назадъ въ Беотію. Когда фокидцы снова начали производить здѣсь опустошенія, и наконецъ завладѣли даже городомъ Коронеею, Филиппъ опять появился въ Македоніи. Это принудило Ономарха вторично двинуться въ Беотію со всѣми своими силами. Къ войску его, состоявшему изъ 20 тысячъ пѣхоты и 500 всадниковъ, присоединился Ликофронъ, — а аѳиняне, увидѣвшіе теперь, что ихъ интересы тѣсно связаны съ фокидцами, выслали флотъ съ дессантомъ для поддержки ихъ противъ Филиппа и его союзниковъ ѳессалійцевъ. Но флотъ явился слишкомъ поздно къ берегамъ Ѳессаліи. Пѣхота Ономарха, мало поддерживаемая незначительною

конницею не могла устоять противъ тяжелой ѳессалійской кавалеріи: она была разбита въ двухъ сраженіяхъ и потерпѣла страшный уронъ. При окончаніи второй битвы, къ мѣсту сраженія подошелъ ѳессалійскій флотъ подъ начальствомъ Хареса; но дѣло было уже проиграно, и онъ могъ только спасти немногихъ бѣжавшихъ. Три тысячи фокидцевъ попались въ плѣнъ Филиппу, а число убитыхъ простиралось болѣе чѣмъ до шести тысячъ. Между послѣдними находился самъ Ономархъ. Говорятъ, тѣло его, по приказанію Филиппа, было пригвождено къ кресту; а тѣла остальныхъ убитыхъ были брошены въ море, какъ людей, преданныхъ проклятію и потому недостойныхъ быть похороненными (353).

Ближайшимъ слѣдствіемъ пораженія фокидцевъ было сверженіе Ликофрона и Питолая. Тиранны Феры, видя невозможность удержать за собой власть, добровольно отдали городъ побѣдителю, и удалились съ своими наемными войсками въ Фокиду. Филиппъ не считалъ благоразумнымъ воспользоваться побѣдой для вторженія въ Фокиду, тѣмъ болѣе что аѳиняне уже заняли единственный проходъ, который велъ изъ Ѳессаліи въ эту страну. По смерти Ономарха начальство надъ войскомъ было передано Фаиллу; онъ еще разъ ограбилъ дельфійскій храмъ, навербовалъ новое войско, къ которому вскорѣ присоединились тысяча спартанцевъ, пять тысячъ аѳинянъ и двѣ тысячи ахейцевъ. Филиппъ, между тѣмъ, оставался въ Ѳессаліи и принималъ мѣры для упроченія тамъ своего владычества. Онъ занялъ македонскими войсками нѣсколько ѳессалійскихъ крѣпостей, ввелъ въ городахъ и областяхъ Ѳессаліи учрежденія, которыми связалъ съ македонской монархіей не только дворянство, но и самый народъ. Прежде всего Филиппъ уничтожилъ общее союзное собраніе ѳессалійцевъ, ввелъ вмѣсто него существовавшее въ древнія времена раздѣленіе страны на четыре области, и каждой изъ нихъ далъ особое управленіе и отдѣльнаго правителя; въ городахъ онъ учредилъ строгую олигархію, такъ что большею частью управленіе сосредоточивалось въ рукахъ десяти фамилій. Раздѣленіе страны на четыре

отдѣльныя области дѣлало невозможнымъ единство Θессаліи, опасное для владычества Филиппа; олигархія же была формою правленія, съ помощью которой онъ думалъ всего легче обуздать народъ, не терпѣвшій подчиненія. Кромѣ того, олигархическія фамиліи въ городахъ уравновѣшивали политическое значеніе правителей областей. Наконецъ, всѣ эти учрежденія открывали поприще для честолюбія господствующаго сословія, и вызывали безпрестанные споры между дворянствомъ, которое, обращаясь къ Филиппу, какъ единственному судьѣ, поставило себя такимъ образомъ въ полную зависимость отъ него. Вообще, Филиппъ обращался съ θессалійцами крайне осторожно, видя какъ полезна и даже необходима эта нація для его дальнѣйшихъ войнъ, и какъ неохотно подчинится она насильственному набору. Понимая это, онъ ограничивалъ свободу, къ которой привыкли θессалійцы, только тогда, когда того требовала крайняя необходимость, даже подарилъ имъ горные проходы и земли, не принадлежавшіе въ послѣднее время Θессаліи, но имѣвшіе для нихъ важность, и, взамѣнъ того, требовалъ только участія θессалійскихъ всадниковъ въ его походахъ.

Въ то время какъ главныя государства собственной Греціи были заняты фокидской войной, Филиппъ преслѣдовалъ свою цѣль въ другихъ странахъ. Съ той минуты какъ онъ сдѣлался властелиномъ Θессаліи, энергія его удвоилась. Онъ сталъ уже твердой ногой въ южной Θракіи, воспользовался очень искусно раздѣленіемъ этой страны между незначительными владѣтелями, выгналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и, покровительствуя другимъ, тѣмъ самымъ поставилъ ихъ въ зависимость отъ себя. Въ то же время имъ приняты были всѣ нужныя мѣры для созданія македонскаго флота. Вслѣдъ за тѣмъ, тяжело заболѣвъ отъ неутомимой дѣятельности и постояннаго напряженія, Филиппъ, тотчасъ по выздоровленіи, еще слабый тѣломъ, принялся за осуществленіе своего давно задуманнаго плана. Подчиненіе Олинта, — важнѣйшаго изъ городовъ на полуостровѣ Халкидикѣ, — было любимою мечтою македонскаго царя.

Филиппъ дѣйствовалъ противъ Олинта преимущественно подкупомъ — средствомъ, имѣвшимъ въ то время вѣрный успѣхъ во всѣхъ греческихъ государствахъ; оно употреблялось хитрымъ македонскимъ царемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Въ числѣ многихъ любимыхъ поговорокъ, приписанныхъ Филиппу потомствомъ, извѣстнѣе всѣхъ его выраженіе, что нѣтъ крѣпостной стѣны, которой бы не могъ перепрыгнуть оселъ, навьюченный золотомъ. Справедливость этой поговорки, относительно тогдашнихъ грековъ, доказывается какъ тѣмъ, что деньгами Филиппъ пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ значительныхъ греческихъ городахъ, такъ и обстоятельствами, доставившими ему владычество надъ Олинтомъ. Два знатнѣйшихъ гражданина этого города, Ластенъ и Эвтикратъ, подкупленные, въ числѣ другихъ, македонскимъ царемъ, сдѣлались предателями своей родины. Нравственное развращеніе того времени было такъ велико, что эти продажные люди имѣли наглость публично хвалиться подарками, полученными ими отъ Филиппа; впослѣдствіи же, когда война уже возгорѣлась, этимъ измѣнникамъ удалось даже получить начальство надъ олинтской конницей.

Долго скрывая свои замыслы подъ личиною дружбы, Филиппъ наконецъ рѣшился открыто выступить противъ Олинта. Поспѣшно собравъ войско, онъ быстро напалъ на городъ (349). Поздно послушались олинтяне убѣжденій друзей свободы, совѣтовавшихъ имъ просить помощи у аѳинянъ, и время было уже потеряно, когда Демосѳену и другимъ противникамъ Филиппа удалось убѣдить аѳинянъ вступить въ союзъ съ Олинтомъ. Давъ наконецъ свое согласіе, аѳиняне очень медлили высылкою вспомогательнаго отряда, тогда какъ заключеніе этого союза заставило Филиппа дѣйствовать еще энергичнѣе, и онъ употребилъ всѣ усилія для скорѣйшаго завоеванія ѳракійскихъ городовъ, союзныхъ Олинту. Краснорѣчіе Демосѳена побудило аѳинянъ дважды посылать помощь олинтянамъ, но въ главѣ ихъ войска стояли люди низкіе и развратные — Харесъ и Харидемъ; послѣдній продавалъ себя попеременно аѳинянамъ, ѳракійцамъ и персидскимъ намѣстникамъ. Ни эти предводители,

ни ихъ войска не годились для борьбы съ такимъ человѣкомъ, какъ Филиппъ. Харидемъ и наемники его вели себя такъ безпорядочно, распутно и надменно, что, вмѣсто того, чтобъ принести помощь, стали только въ тягость олинтянамъ. Третье войско, которое аѳиняне по настоянію Демосѳена хотѣли отправить въ Олинтъ, было вооружено слишкомъ поздно: прежде чѣмъ помощь подошла къ городу, онъ уже испыталъ печальную участь.

Завоевавъ ѳракійскіе города, союзные съ Олинтомъ, Филиппъ быстро двинулся къ этому городу и потребовалъ покорности отъ олинтянъ, объявивъ имъ свое непреклонное и неизмѣнное намѣреніе поступить съ ними какъ съ метоицами, т. е. выселить изъ города. Получивъ отказъ, онъ тотчасъ началъ осаду. Олинтяне, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ и апатію своихъ друзей, упорно защищались, но, преданные находившимися между ними измѣнниками, должны были подчиниться Филиппу. Предводителемъ олинтской конницы былъ Аполлонидъ, человѣкъ чрезвычайно талантливый; его храбрости и искусству обязаны были олинтяне нѣсколькими удачными вылазками. Противъ него начали интриговать подкупленные Филиппомъ граждане, которымъ удалось очернить Аполлонида въ глазахъ народа, и способнѣйшій человѣкъ во всемъ войскѣ былъ изгнанъ изъ города по доносу измѣнниковъ. Клевреты Филиппа уговорили народъ передать командованіе конницей Ластену и Эвтикрату. Эти измѣнники, воспользовавшись первымъ представившимся случаемъ, навели свое войско на непріятельскую засаду и отдали его на жертву македонянамъ. Вскорѣ и самый городъ долженъ былъ отворить ворота Филиппу.

Олинтянъ постигла страшная участь. Городъ былъ разграбленъ, жители отданы въ рабство и частью проданы, частью подарены приверженцамъ македонскаго царя въ другихъ греческихъ городахъ. Филиппъ поступилъ такъ жестоко съ олинтянами по всей вѣроятности потому, что былъ сильно озлобленъ противъ нихъ за упорную защиту и за пріемъ, сдѣланный ими двумъ македонскимъ государственнымъ измѣнникамъ; кромѣ того онъ хотѣлъ дать ужасающій

примѣръ другимъ городамъ и нуждался въ деньгахъ для своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Наконецъ, Филиппъ не могъ сохранить Олинта, который по своему богатству, вліянію на другіе города Халкидики и гордому сознанію своего прежняго величія, былъ слишкомъ опаснымъ сосѣдомъ для Македоніи.

При мысли о страшной участи, постигшей олинтянъ, остается по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что предатели родпаго города не избѣгли наказанія. Ластенъ, Эвтикратъ и другіе измѣнники были отданы Филиппомъ, который хотя и пользовался измѣной, какъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей, но презиралъ самихъ измѣнниковъ, на жертву войскамъ и убиты ими. Вскорѣ послѣ паденія Олинта, Филиппъ, воспользовавшись однимъ македонскимъ національнымъ праздникомъ, далъ пиръ въ память покоренія этого важнаго города. Подъ конецъ обѣда гостямъ раздавались подарки. Одному изъ знаменитѣйшихъ аѳинскихъ актеровъ — Сатиру, котораго Филиппъ очень уважалъ, было предложено попросить что нибудь у царя. Сатиръ просилъ Филиппа подарить ему дочь его друга Аполлофана изъ Пидны, взятую въ плѣнъ въ Олинтѣ и обращенную въ рабство, отказываясь отъ всякихъ другихъ подарковъ и обѣщаясь, если царь исполнитъ его просьбу, дать несчастной свободу и надѣлить ее хорошимъ приданымъ. Аполлофанъ былъ личнымъ врагомъ македонскаго царя и принималъ дѣятельное участіе въ умерщвленіи его старшаго брата, потому Филиппъ считалъ дѣломъ чести задержать дочь этого человѣка. Однако, не смотря на то, онъ пожертвовалъ чувствомъ мести, потому что не хотѣлъ уступить въ благородствѣ актеру, и не хотѣлъ отпустить безъ подарковъ высоко уважаемаго артиста.

6. Филиппъ II и окончаніе третьей священной войны.

Въ то время, какъ Филиппъ расширялъ свои завоеванія въ Ѳессаліи и Ѳракіи, фокидская война продолжалась безостановочно, а общее положеніе дѣлъ въ Греціи постепенно принимало такой

видъ, что преобладаніе Македоніи становилось неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. Фаиллъ, принявшій по смерти Ономарха начальство надъ фокидцами и собравшій значительное войско съ помощью богатствъ, вновь награбленныхъ въ дельфійскомъ храмѣ, опустошалъ цѣлыя области въ Беотіи и Локридѣ, но, встрѣчаясь съ противниками въ открытомъ полѣ, всякій разъ терпѣлъ пораженія. На второй годъ послѣ принятія начальства надъ войскомъ, у него открылась чахотка, отъ которой онъ вскорѣ и умеръ (352). Фокидцы назначили на его мѣсто сына Ономарха, молодаго Фалека, въ совѣтники которому дали Мнасея. Мнасей былъ убитъ въ слѣдующемъ же году во время ночнаго нападенія ѳиванцевъ, и съ того времени Фалекъ остался одинъ во главѣ войска. Онъ не имѣлъ достаточно способностей, чтобъ руководить взволнованнымъ народомъ и, не смотря на свои побѣды надъ беотійцами, былъ смѣненъ (347) по обвиненію въ ограбленіи дельфійскаго храма. По всей вѣроятности, это было сдѣлано только въ угоду аѳинянамъ и спартанцамъ, очень слабо поддерживавшимъ въ то время фокидцевъ, которыми они были недовольны за оскверненіе святыни.

Скоро однако фокидцы принуждены были возвратить Фалеку его прежнее назначеніе, потому что онъ имѣлъ сильную партію въ народѣ и былъ страшенъ своимъ врагамъ наемниками, которыхъ удержалъ при себѣ. Получивъ съ помощью народа и войска главное начальство, Фалекъ пріобрѣлъ слишкомъ сильное вліяніе, оказавшееся гибельнымъ для фокидцевъ. Государство было поставлено въ самое запутанное положеніе и счастливый ходъ войны затрудненъ надменнымъ образомъ дѣйствій Фалека и предводителей его войска, заставившимъ аѳинянъ отказаться помогать фокидцамъ. Послѣднее обстоятельство въ особенности имѣло дурныя послѣдствія для фокидцевъ, тѣмъ болѣе, что сокровища дельфійскаго храма были истощены и у нихъ недоставало денегъ для упорнаго продолженія войны. Къ несчастью фокидцевъ, въ то самое время, какъ Фалекъ принялъ снова главное начальство надъ войскомъ, беотійцы вторично просили помощи у македонскаго царя, который,

устроивъ дѣла во Ѳракіи и Ѳессаліи, могъ теперь направить лучшія свои войска противъ Греціи. Всѣ усилія спартанцевъ и аѳинянъ отклонить приближавшуюся изъ Македоніи опасность остались тщетными; Фалекъ не допустилъ соотечественниковъ окончить переговоры съ этими государствами, а Филиппъ умѣлъ ловко обмануть аѳинянъ, фокидцевъ и беотійцевъ. Такимъ образомъ, фокидцы были предоставлены собственнымъ силамъ, и когда Филиппъ выступилъ противъ нихъ, имъ измѣнили ихъ собственные вожди.

По завоеваніи Олинта, Филиппъ сосредоточилъ все свое вниманіе на двухъ пунктахъ, завладѣніе которыми должно было неминуемо повести за собой подчиненіе Греціи, — на Термопильскомъ проходѣ, который велъ изъ Ѳессаліи внутрь Греціи, и на Геллеспонтѣ, ключѣ Чернаго моря, по своему торговому значенію имѣвшемъ особую важность для Аѳинъ. Македонскій царь, находившійся со времени взятія Олинта въ открытой войнѣ съ Аѳинами, старался всѣми средствами успокоить и усыпить аѳинянъ, чтобъ удержать ихъ отъ занятія Термопилъ и отъ принятія мѣръ для защиты Херсонеса. Политика его вполнѣ удалась. Онъ выслалъ въ море корабли для того, чтобы препятствовать торговлѣ аѳинянъ и опустошить принадлежавшіе имъ острова Лемносъ и Имбросъ; флотъ его высадилъ даже на берега Аттики войска, опустошившія поля и обратившія въ бѣгство высланный противъ нихъ аѳинскій отрядъ. Наконецъ Филиппъ велѣлъ даже напасть на Саламинъ и Эвбею. Въ то же время онъ заключилъ союзъ съ нѣкоторыми пелопоннесскими городами, объявилъ войну ѳракійскому царю Керсоблепту, и чрезъ своихъ приверженцевъ старался расположить въ свою пользу аѳинскій народъ. Все это заставляло аѳинянъ желать скорѣйшаго окончанія войны съ Филиппомъ, и они дѣйствительно рѣшились отправить въ Македонію пословъ для переговоровъ о мирѣ.

Предварительныя условія этого мирнаго договора были составлены двумя аѳинскими актерами, Аристодемомъ и Неоптолемомъ, безпрестанно переѣзжавшими изъ Македоніи въ

Аѳины и обратно. Этихъ артистовъ, пользовавшихся у древнихъ грековъ, подобно всѣмъ ихъ товарищамъ по искусству, несравненно большимъ почетомъ, чѣмъ актеры нашего времени, Филиппъ цѣнилъ такъ высоко, что считалъ особеннымъ одолженіемъ, если аѳиняне дозволяли имъ пріѣзжать въ Македонію играть на его театрѣ. Условія мира, составленныя Неоптолемомъ и Аристодемомъ, были переданы аѳинскому народу нѣкоторыми знатнѣйшими гражданами, которымъ Филиппъ возвратилъ принадлежавшія имъ имущества, захваченныя на корабляхъ, зная очень хорошо какимъ значеніемъ пользовались въ Аѳинахъ богатые. Народъ, уже подготовленный къ миру, согласился на сдѣланныя ему предложенія тѣмъ охотнѣе, что даже такіе люди, какъ Демосѳенъ, совѣтовали ему принять ихъ. Рѣшено было отправить къ Филиппу оффиціальное посольство. Въ числѣ десяти лицъ, посланныхъ въ Македонію, находились оба великіе аѳинскіе оратора, Эсхинъ и Демосѳенъ, и первый актеръ своего времени, Аристодемъ.

Важнѣйшій вопросъ для аѳинянъ при переговорахъ и мирѣ (347) заключался не столько въ обезпеченіи Херсонеса отъ войскъ Филиппа, а острововъ и приморскихъ городовъ отъ его каперовъ, сколько въ томъ, чтобы удержать македонскаго царя отъ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Эвбеи, спасти Керсоблепта и включить въ миръ фокидцевъ, противъ которыхъ ѳиванцы призвали Филиппа. На послѣднее условіе Филиппъ могъ согласиться всего менѣе. Напротивъ того, переговорами онъ хотѣлъ только обезпечить себя со стороны Аѳинъ на время войны съ фокидцами, до тѣхъ поръ, пока соединеніе обоихъ народовъ не будетъ уже представлять для него никакой опасности. Чтобъ достигнуть своей цѣли, Филиппъ употреблялъ различныя средства и пустилъ въ дѣло всю свою хитрость. Прежде всего онъ старался поссорить между собой пословъ, и сталъ оказывать особое вниманіе и дружбу двумъ изъ нихъ, давнему своему приверженцу Филократу, и великому оратору Эсхину, бывшему до сихъ поръ его рѣшительнымъ противникомъ. Эсхина Филиппъ совершенно обворожилъ своимъ обра-

щеніемъ. Удерживая пословъ въ Македоніи подъ различными предлогами, онъ наконецъ отпустилъ ихъ къ аѳинянамъ съ письмомъ, наполненнымъ самыми миролюбивыми дружественными увѣреніями и заключавшимъ въ себѣ предложеніе мирнаго договора.

Въ то время какъ въ Аѳинахъ обсуждали содержаніе этого письма и свѣдѣнія, сообщенныя послами, Филиппъ продолжалъ свои завоеванія во Ѳракіи. Онъ послалъ въ Аѳины трехъ своихъ искусныхъ государственныхъ людей, полководцевъ Антипатра, Парменіона и Эврилоха, подъ предлогомъ заключенія мира, собственно же для того, чтобъ сколь возможно замедлить его новыми затрудненіями. Когда наконецъ аѳиняне, послѣ долгихъ переговоровъ, согласились въ условіяхъ, къ Филиппу было отправлено второе торжественное посольство для того, чтобъ подписать договоръ и поклясться въ его исполненіи. Большинство пословъ, въ числѣ которыхъ находился и Эсхинъ, было подкуплено Филиппомъ. Они старались подъ разными предлогами откладывать свой отъѣздъ, и, выѣхавъ наконецъ, вслѣдствіе формальнаго приказанія народнаго собранія, оставались въ дорогѣ болѣе трехъ недѣль, тогда какъ изъ Аѳинъ въ Пеллу, резиденцію Филиппа, можно было поспѣть въ шесть дней. Прибывъ въ Пеллу, они нѣсколько недѣль ждали возвращенія царя, вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ нему во Ѳракію. Этими проволочками Филиппъ достигъ своей цѣли; онъ выигралъ нужное время, покорилъ остальную часть царства Керсоблепта и другія области Ѳракіи, завоевалъ важный городъ Кардію въ Херсонесѣ, и отнялъ у аѳинянъ нѣсколько крѣпостей на ѳракійскомъ берегу.

Послѣ такихъ успѣховъ Филиппа, о мирѣ на условіяхъ, какія были постановлены между его послами и аѳинянами, не могло быть и рѣчи. Аѳинскимъ посламъ, къ которымъ, по отъѣздѣ ихъ изъ города, присоединился Демосѳенъ, Филиппъ объявилъ, что готовъ оставить за аѳинянами обладаніе Херсонесомъ, но что фокидцы должны быть предоставлены ихъ собственной участи. Въ то же время онъ обманывалъ пословъ всевозможными обѣщаніями, которыя

однако передавалъ имъ большею частью тайно, чрезъ своихъ приближенныхъ, нисколько не связывая себя. Онъ объявилъ имъ, напримѣръ, что въ мирномъ договорѣ не хочетъ формально упоминать о фокидцахъ единственно изъ опасенія ѳиванцевъ, но что главная цѣль его заключается въ униженіи не фокидцевъ, а самихъ ѳиванцевъ. Наконецъ миръ былъ подписанъ въ Ѳессаліи, куда вслѣдъ за царемъ, двинувшимся въ походъ противъ Фокиды, отправились и аѳинскіе послы. Обманутые аѳиняне вскорѣ увидѣли свою ошибку и отправили къ царю третье посольство, чтобы протестовать противъ исключенія фокидцевъ изъ мирныхъ условій; но уже было поздно: прежде чѣмъ послы прибыли къ Филиппу, онъ нанесъ Фокидѣ рѣшительный ударъ.

До заключенія мира между Филиппомъ и аѳинянами, фокидцы старались отвратить угрожавшую опасность, прося помощи у послѣднихъ. Они предложили аѳинянамъ занять гарнизонами Никею, Троній и Алпенъ, — крѣпости, находившіяся недалеко отъ Термопилъ. Аѳиняне согласились на это, но Фалекъ, расположившій въ Никеѣ свою главную квартиру, не хотѣлъ уступать этихъ крѣпостей и оскорбилъ фокидскихъ пословъ, заключившихъ союзъ съ Аѳинами. Когда потомъ аѳиняне заключили союзъ съ Филиппомъ, Фалекъ дерзко отвергъ предложеніе спартанскаго царя, Архидама III-го, занять эти крѣпости. Во время мирныхъ переговоровъ, Филиппъ обманулъ своими дѣйствіями и фокидцевъ и аѳинянъ. Фокидцы успокоились, когда Филиппъ высказалъ имъ свои дружескія чувства, въ особенности же когда увидѣли, что аѳиняне, бывшіе заклятыми врагами ѳиванцевъ, заключили миръ съ Филиппомъ, и въ аѳинскомъ народномъ собраніи важнѣйшими государственными людьми были даны положительныя увѣренія въ доброжелательствѣ Филиппа къ фокидскому народу. Послѣ такого объявленія, аѳинскій народъ потребовалъ, чтобъ фокидцы передали дѣло свое на судъ амфиктіоновъ, которымъ Филиппъ предоставлялъ произнести рѣшеніе. Довѣрившись положительнымъ обѣщаніямъ Филиппа быть ихъ заступникомъ передъ ам-

фиктіонами, фокидцы дозволили македонскому войску вступить въ ихъ страну. Впрочемъ Филиппъ и не опасался сопротивленія, принявъ съ своей стороны всѣ нужныя мѣры и занявъ вслѣдствіе переговоровъ съ Фалекомъ укрѣпленія, господствовавшія надъ Термопилами. Устрашенный положеніемъ дѣлъ, Фалекъ тотчасъ же согласился на предложеніе Филиппа, и чтобъ спасти себя и своихъ наемниковъ измѣнилъ своимъ соотечественникамъ. Онъ передалъ македонянамъ крѣпости, и получилъ за то дозволеніе безпрепятственно отступить въ Пелопоннесъ, откуда впослѣдствіи эта буйная толпа искателей приключеній отправилась въ Критъ и потомъ въ Сицилію.

Несчастные фокидцы должны были безусловно подчиниться македонскому царю (346), и страшно поплатились за то, что собственно было сдѣлано наемниками, которыми они столько же тяготились, сколько и ихъ сосѣди. Для рѣшенія участи фокидцевъ, Филиппъ собралъ амфиктіоновъ, которые произнесли надъ ними жестокій приговоръ. Фокидцы были исключены изъ союза, а на мѣсто ихъ въ число членовъ былъ принятъ Филиппъ. Ихъ коней и оружіе рѣшено было продать, вырученныя деньги отдать въ дельфійскій храмъ, и обложить ихъ ежегодною податью до тѣхъ поръ, пока не будетъ пополнена сумма, похищенная изъ храма. Кромѣ того, положено было разрушить всѣ ихъ города и дозволить фокидцамъ на будущее время жить только въ деревняхъ. Наконецъ всѣ, убѣжавшіе изъ Фокиды и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые принимали участіе въ ограбленіи храма, были преданы проклятію. Филиппъ, которому поручено было исполненіе этого приговора, получилъ въ то же время отъ амфиктіоновъ право наблюдать за дельфійскимъ храмомъ и предсѣдательствовать на пиѳійскихъ играхъ. Почетное право предсѣдательства на этихъ играхъ, принадлежавшее съ давнихъ поръ коринѳянамъ, было теперь отнято у нихъ за союзъ съ фокидцами. По той же причинѣ и Спарта была исключена изъ союза амфиктіоновъ. Филиппъ со всей строгостью и жестокостью выполнилъ произнесенный надъ Фокидою

приговоръ, который и произнесенъ былъ, разумѣется, только по его волѣ. Города Фокиды были разрушены, страна обращена почти въ пустыню, жители тысячами отданы въ рабство и отосланы въ Македонію, гдѣ актеръ Сатиръ, великодушіемъ и благородствомъ пристыдившій своихъ соотечественниковъ при взятіи Олинта, выкупилъ на собственныя деньги многихъ изъ плѣнныхъ.

Жестокость, какую выказалъ Филиппъ надъ несчастными фокидцами, была скорѣе слѣдствіемъ политическихъ цѣлей, чѣмъ качествъ его характера. Сосѣдніе съ фокидцами народы, беотійцы и ѳессалійцы, въ которыхъ Филиппъ нуждался для дальнѣйшихъ своихъ предпріятій, были страшно озлоблены противъ фокидцевъ, превратившихъ Фокиду въ какой-то вертепъ разбойниковъ, грабившихъ въ теченіе десяти лѣтъ пограничныя земли. Какъ пріятно было обоимъ этимъ народамъ жестокое обращеніе Филиппа съ фокидцами, всего лучше видно изъ того, что депутаты одного ѳессалійскаго племени требовали въ собраніи амфиктіоновъ умерщвленія всѣхъ безъ исключенія взрослыхъ фокидцевъ, и только благодаря усиліямъ аѳинскихъ пословъ требованія ихъ не были исполнены. Исходъ фокидской войны заставилъ аѳинянъ понять свое прежнее заблужденіе; они поспѣшно собрали войско и сначала не хотѣли и слышать о принятіи Филиппа въ союзъ амфиктіоновъ. Но гнѣвъ ихъ, быстро вспыхнувшій, также скоро и потухъ: они увидѣли всю свою слабость передъ Филиппомъ и примирились съ обстоятельствами. Филиппъ вскорѣ отправилъ на пиѳійскія игры, гдѣ присутствовали послы большей части греческихъ государствъ, македонскихъ уполномоченныхъ, отъ его имени управлявшихъ праздникомъ. Македонскій царь не упустилъ и тутъ случая, удовлетворивъ тщеславіе грековъ, привлечь на свою сторону тѣхъ изъ нихъ, которые не были еще покорены силою оружія.

7. Филиппъ II и состояніе Греціи между третьей и четвертой священной войной.

Подчиненіемъ фокидцевъ и положеніемъ, которое, вслѣдствіе этого, Филиппъ занялъ между греческими государствами, преобладаніе его было уже рѣшено;—вотъ почему, когда гнѣвъ и жажда мщенія овладѣли аѳинянами, озлобленными на него за дѣйствія противъ фокидцевъ, даже его непримиримый врагъ Демосѳенъ совѣтовалъ соотечественникамъ заключить съ нимъ миръ. Между тѣмъ хитрому македонянину казалось, что еще не пришло время стремиться открыто къ осуществленію своихъ цѣлей. Онъ выжидалъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдовалъ той же политикѣ, какъ до вмѣшательства въ фокидскую войну. Дѣйствіями во Ѳракіи и другихъ странахъ, и постояннымъ ослабленіемъ аѳинянъ, македонскій царь готовилъ себѣ вѣрное достиженіе своей главной цѣли.

Филиппъ вывелъ свои войска изъ Фокиды и привелъ ихъ обратно въ Македонію, оставивъ гарнизоны только въ Никеѣ и другихъ ѳессалійскихъ городахъ, чтобъ такимъ образомъ имѣть свободный проходъ чрезъ Термопилы въ Грецію. Затѣмъ, все вниманіе его сосредоточилось на Ѳракіи. Онъ провелъ въ этой странѣ весь слѣдующій годъ (345), принимая тамъ различныя мѣры для упроченія своего владычества, и основалъ много новыхъ городовъ, поселивъ въ нихъ македонянъ вмѣстѣ съ плѣнными фокидцами. Въ слѣдующемъ году этотъ неутомимый дѣятель предпринялъ походъ въ Иллирію, чтобы обезпечить себя отъ горныхъ племенъ, жившихъ на западѣ его монархіи, прежде чѣмъ устремиться съ соединенными силами всей Греціи на Персидскую монархію, — нападеніе на которую было его конечной цѣлью. Онъ подчинилъ себѣ значительную часть Иллиріи и въ томъ же году отправился въ Ѳессалію, чтобы еще болѣе упрочить введенныя въ ней учрежденія, и наказать городъ Феры, не хотѣвшій ему повиноваться.

Въ слѣдующіе годы Ѳракія была опять главнымъ театромъ его дѣйствій. Расширяя предѣлы своей монархіи въ этой странѣ, Филиппъ въ то же время становился твердой ногой вокругъ Греціи, и преимущественно старался постоянно ослаблять Аѳины, усиливая свое вліяніе въ лежавшихъ около нихъ государствахъ. Эвбея все болѣе и болѣе становилась въ зависимость отъ него. Филиппъ деньгами пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ даже въ отличавшейся трудолюбіемъ и дѣятельностью жителей Мегарѣ, которая была въ особенности важна для него, потому что лежала при входѣ въ Пелопоннесъ. На западѣ Греціи онъ отнялъ у коринѳянъ города Левкасъ (въ Акарнаніи) и Амбракію (въ Эпирѣ), и наконецъ заключилъ новые союзы съ государствами Пелопоннеса. Покоряя одинъ городъ за другимъ, Филиппъ въ то же время старался блескомъ своимъ и привѣтливостью внушать къ себѣ уваженіе и привлекать на свою сторону греческій народъ. Талантливые греческіе художники, поэты и ученые приходили въ восторгъ отъ почета, оказываемаго имъ при его дворѣ, всѣ знаменитые люди Греціи, изгонявшіеся изъ отечества, находили въ Македоніи радушный пріемъ.

Предпринимая снова походы во Ѳракіи (съ 343 по 339), Филиппъ опять таки стремился не только покорить дикія племена этой страны, находившіяся уже до самаго Дуная въ большей или меньшей зависимости отъ него, но и подчинить себѣ аѳинскихъ союзниковъ и владѣнія аѳинянъ въ Херсонесѣ. Это снова доставило въ Аѳинахъ вліяніе враждебной ему партіи, и мало по малу привело аѳинянъ къ новой войнѣ съ Филиппомъ. Сильнѣе другихъ убѣждалъ аѳинянъ начать войну Демосѳенъ, говорившій въ то время нѣкоторыя изъ тѣхъ знаменитыхъ рѣчей, которыя были названы, по своему главному содержанію—Филиппиками. Энергія ихъ была такъ велика, что впослѣдствіи этимъ именемъ стали называть всѣ рѣчи, написанныя въ страстномъ тонѣ и наполненныя нападками. Аѳинскій полководецъ Діопейтъ, посланный съ значительнымъ флотомъ для защиты Херсонеса, первый нарушилъ

миръ. Онъ напалъ на владѣнія македонянъ въ Ѳракіи, въ то время какъ Филиппъ находился на сѣверѣ этой страны. Филиппъ потребовалъ наказанія виновника нарушенія мира, но аѳиняне отвергли требованія царя, оставили Діопейту начальство надъ войскомъ въ Херсонесѣ, выслали противъ македонскихъ судовъ каперовъ и начали непріятельскія дѣйствія.

Въ отмщеніе за то, Филиппъ напалъ на Селимбрію и Перинтъ, города, лежавшіе на западномъ берегу Мраморнаго моря: онъ блокировалъ Селимбрію и аттаковалъ сильнымъ войскомъ Перинтъ (341). Персидскіе сатрапы, съ безпокойствомъ слѣдившіе за успѣхами Филиппа на границахъ ихъ, рѣшились помочь Перинту; они послали туда отрядъ наемниковъ, которому удалось проникнуть въ городъ и помѣшать Филиппу взять его. Съ своей стороны аѳиняне тоже послали въ Селимбрію двадцать кораблей съ припасами. Но эскадрѣ этой не удалось достигнуть мѣста своего назначенія: на пути она была захвачена флотомъ Филиппа и отведена въ одну изъ македонскихъ гаваней. Аѳиняне отправили въ Македонію посольство съ жалобою на такія дѣйствія. Филиппъ возвратилъ имъ корабли, но въ то же время написалъ аѳинянамъ насмѣшливое письмо, въ которомъ совѣтовалъ имъ не поручать начальства такимъ лицамъ, которыя злоупотребляютъ силами государства, и обѣщалъ стараться о поддержаніи мира, если они съ своей стороны также будутъ соблюдать миръ и строго накажутъ тѣхъ, которые, помогая осажденному имъ городу, нарушили въ отношеніи къ македонянамъ обязательства аѳинскаго народа.

Противники македонскаго царя, не смотря на всѣ старанія его приверженцевъ, сохранили преобладаніе въ Аѳинахъ, и организовали въ сѣверной части Эгейскаго моря систему каперства. Филиппъ, взбѣшенный въ то время отказомъ Византіи заключить союзъ противъ аѳинянъ, снова послалъ въ Аѳины длинное письмо, которое было почти оффиціальнымъ объявленіемъ войны. Наконецъ, онъ напалъ и на Византію. Аѳиняне, по предложенію Демосѳена, объявили, что миръ нарушенъ и рѣшили послать

помощь византійцамъ. Въ то время какъ Филиппъ, напрягая всѣ свои усилія, тщетно осаждалъ Перинтъ и Византію (341 и 340), аѳиняне, выславшіе на помощь послѣдней флотъ съ дессантомъ, аттаковали македонянъ на островѣ Эвбеѣ. Предводительствуемые Фокіономъ, они выгнали македонскіе гарнизоны и доставили во всѣхъ городахъ перевѣсъ врагамъ Филиппа.

Не смотря на всѣ свои усилія и опытность въ осадномъ искусствѣ, Филиппъ не могъ взять Перинта и Византіи. Первый изъ этихъ городовъ былъ спасенъ мужествомъ его жителей, второй помощью, посланною аѳинянами и ихъ старыми союзниками, жителями Родоса, Хіоса и Коса. Здѣсь ясно выказалось, какъ велика была ненависть союзниковъ къ аѳинянамъ. Когда аѳинскій флотъ, подъ командою Хареса, явился въ Византію, жители города, не смотря на угрожавшую имъ страшную опасность, не хотѣли пускать аѳинянъ въ городъ и принудили ихъ полководца удалиться. Только когда главное начальство надъ флотомъ было передано благородному Фокіону, личныя свойства котораго внушали довѣріе, византійцы впустили его въ свою гавань.

Филиппъ рѣшился наконецъ оставить осаду Византіи, Селимбріи и Перинта; онъ хотѣлъ прежде всего новымъ походомъ возстановить въ войскѣ довѣріе къ своимъ военнымъ талантамъ. Онъ обратился противъ номадовъ, обитавшихъ на сѣверномъ берегу нижняго Дуная, вмѣстѣ съ другими подобными племенами, извѣстныхъ у грековъ и римлянъ подъ общимъ именемъ скиѳовъ (т. 1 стр. 122), преслѣдовалъ варваровъ въ ихъ степяхъ и завладѣлъ множествомъ оружія, повозокъ, лошадей и плѣнныхъ, но на возвратномъ пути изъ Скиѳіи подвергся нападенію трибалловъ, отнявшихъ у него всю добычу; самъ Филиппъ получилъ при этомъ опасную и неизлечимую рану.

8. Четвертая священная война и подчиненіе Греціи Македонскому владычеству.

Въ Греціи въ то время не предвидѣли, что уже наступила ми-

нута подчиненія греческой націи Филиппу. Дѣйствительно, еще такъ недавно аѳиняне заставили его прекратить походъ, успѣхъ котораго, казалось, былъ несомнѣненъ, и изгнали его войска съ Эвбеи. Кромѣ того, Фокіонъ, послѣ снятія осады Византіи, освободилъ многіе македонскіе города на берегу Ѳракіи и опустошилъ другія ѳракійскія владѣнія Филиппа, а значительно увеличившееся число аѳинскихъ каперовъ держало Македонію въ тѣсной блокадѣ. Но всѣ эти неудачи Филиппа нисколько не поколебали его могущества, а общее положеніе дѣлъ было такое, что греки никакъ не могли избѣжать опасности, угрожавшей имъ изъ Македоніи.

Новая такъ называемая священная война опять привела македонскаго царя во внутрь Греціи. Неизвѣстно, возбудили ли эту войну приверженцы Филиппа, какъ утверждаетъ Демосѳенъ, или же поводомъ къ ней послужилъ простой случай. Жители локрійскаго города Амфиссы заладѣли полями Кирры. Поля эти, еще за нѣсколько сотъ лѣтъ передъ тѣмъ, были посвящены дельфійскому богу, и амфиктіоны тогда же разъ навсегда предали проклятію того, кто когда нибудь завладѣетъ ими (т. I. стр. 311). Теперь жители Амфиссы были обвинены въ собраніи амфиктіоновъ Эсхиномъ, присутствовавшимъ на немъ въ качествѣ аѳинскаго посла. Многіе предполагаютъ, что это было сдѣлано по соглашенію съ Филиппомъ. Самъ Эсхинъ утверждаетъ въ одной изъ сохранившихся до насъ рѣчей, что онъ былъ принужденъ къ тому уполномоченнымъ изъ Амфиссы, обвинившимъ аѳинянъ передъ амфиктіонами за содѣйствіе, оказанное ими фокидцамъ при ограбленіи дельфійскаго храма. Эсхинъ отвергъ это обвиненіе, объявивъ, что жители Амфиссы, завладѣвъ киррскими полями, должны быть преданы проклятію. Съ мѣста собранія онъ указалъ на эти поля, и силою своей рѣчи убѣдилъ самихъ амфиктіоновъ отправиться туда въ сопровожденіи нѣкоторыхъ жителей Дельфъ и разрушить построенныя тамъ жилища. Рѣшеніе это было дѣйствительно исполнено на слѣдующее утро. Возвращаясь къ дельфійскому храму,

амфиктіоны подверглись нападенію озлобленныхъ владѣтелей полей и едва не сдѣлались жертвою ихъ мщенія и ярости (339).

Въ слѣдующее собраніе амфиктіоновъ, на которомъ по предложенію Демосѳена не должны были присутствовать аѳинскіе послы, рѣшено было наказать жителей Амфиссы. Для исполненія приговора немедленно было собрано войско, двинувшееся подъ предводительствомъ Коттифа на Амфиссу и смирившее ея жителей. Амфисцы, приговоренные къ денежной пенѣ, отказались уплатить ее, и изгнали всѣхъ своихъ гражданъ, одобрявшихъ рѣшеніе амфиктіоновъ. Этимъ воспользовались амфиктіоны,—въ совѣтѣ которыхъ большинство составляли ѳессалійцы, зависѣвшіе отъ Филиппа, а самъ онъ имѣлъ два голоса, — чтобы привлечь въ это дѣло македонскаго царя. Амфиктіоны отправили Коттифа къ Филиппу просить его помочь Аполлону и амфиктіонамъ и не допустить оскорбленія бога безбожными жителями Амфиссы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они велѣли сказать ему, что греки, участвующіе въ собраніи амфиктіоновъ, избрали его ихъ предводителемъ съ неограниченною властью.

Филиппъ, тогда только что возвратившійся изъ Скиѳіи, не заставилъ долго просить себя. Быстро появившись въ Терпомилахъ, онъ тотчасъ выказалъ, что не Амфисса, но Аѳины и Ѳивы были цѣлью его похода, что онъ хотѣлъ владычествовать надъ Греціей, а не мстить за оскорбленіе боговъ. Аѳиняне выслали на помощь амфисцамъ 10 т. наемниковъ. Филиппъ двинулся противъ нихъ и нанесъ имъ полное пораженіе. Потомъ онъ завоевалъ Амфиссу,—городъ преданный проклятію. Понявъ теперь замыслы македонскаго царя, аѳиняне отправили къ нему посольство, которое должно было уговорить его не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не будутъ предложены условія мира. На это странное требованіе, Филиппъ отвѣчалъ насмѣшливымъ письмомъ. Отправивъ посольство къ Филиппу, аѳиняне въ тоже время послали уполномоченныхъ и къ большей части греческихъ государствъ, чтобы склонить ихъ дѣйствовать соединенными силами противъ македонянъ.

Эвбейцы, мегаряне, коринѳяне, ахейцы и города Левкасъ и Коркира согласились на предложеніе аѳинянъ; но ѳиванцы, которые по самому положенію Беотіи, находившейся между Фокидой, гдѣ стоялъ Филиппъ, и Аѳинами, были бы для послѣднихъ важнѣйшими союзниками, колебались приступить къ союзу. Филиппъ съ своей стороны всячески старался привлечь ихъ на свою сторону; написалъ имъ очень дружелюбное письмо, и отправилъ въ Ѳивы искуснѣйшаго изъ своихъ дипломатовъ, Питона, чтобъ помѣшать ихъ союзу съ Аѳинами. Ѳиванцы со времени фокидской войны были въ разрывѣ съ Филиппомъ, который не исполнилъ тогда ихъ надеждъ и не возстановилъ ихъ прежняго владычества надъ Орхоменомъ и другими беотійскими городами. Теперь они колебались между Филиппомъ и Аѳинами, не зная на что рѣшиться. Пока ѳиванцы мѣшкали, Филиппъ внезапно двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ на фокидскій городъ Элатею, лежавшій на пути отъ Термопилъ въ Беотію, и потому чрезвычайно важный для Беотіи въ военномъ отношеніи. Элатея была занята македонскими войсками и наскоро укрѣплена.

Извѣстіе о взятіи Элатеи произвело въ Аѳинахъ необыкновенное впечатлѣніе. Гонецъ, привезшій это извѣстіе, прибылъ вечеромъ въ аѳинскій пританей. Пританы, сидѣвшіе въ то время за столомъ, тотчасъ вскочили и спѣшили одни звать стратеговъ и герольдовъ, другіе ломать и жечь лавки, находившіяся на площади, чтобы на другое утро могъ собраться туда народъ. Въ городѣ мгновенно началось безпокойство и движеніе. На другой день съ разсвѣтомъ собрались сенаторы въ своей залѣ, а народъ на площади. Прежде чѣмъ сенатъ успѣлъ переговорить съ послами и составить законнымъ порядкомъ рѣшеніе, которое должно быть прочитано народу, всѣ граждане уже стояли на площади. Сенатъ и пританы явились въ народное собраніе, гражданамъ было объявлено полученное извѣстіе и сдѣланъ обычный вопросъ, не имѣетъ ли кто изъ присутствующихъ сказать что нибудь. Герольды нѣсколько разъ повторили вопросъ, но всѣ молчали; даже стратеги, присут-

ствовавшіе всѣ въ собраніи, раздѣляли общее смущеніе и не знали что посовѣтовать. Тогда началъ наконецъ говорить Демосѳенъ и, воспользовавшись господствовавшимъ настроеніемъ умовъ, убѣждалъ гражданъ немедленно рѣшиться на войну. По его предложенію было положено выслать противъ Филиппа всю аѳинскую молодежь подъ начальствомъ Хареса и Лисикла, и въ тоже время еще разъ постараться убѣдить всѣ греческія государства, въ особенности ѳиванцевъ, принять участіе въ войнѣ противъ македонскаго царя. Демосѳенъ былъ отправленъ посломъ въ Ѳивы, но его старанія пріобрѣсти родному городу этихъ важнѣйшихъ союзниковъ долго оставались безплодными. Только весной, послѣ того, какъ небольшая часть аѳинскаго войска два раза уже вступала въ сраженіе съ македонянами, краснорѣчію Демосѳена удалось побѣдить старинную ненависть ѳиванцевъ къ Аѳинамъ, и склонить ихъ къ союзу.

Тогда аѳинскія и ѳиванскія войска, усиленныя отрядами нѣсколькихъ другихъ государствъ, выступили противъ Филиппа. Соединенныя силы ихъ простирались до 50 т. Филиппъ могъ выставить противъ нихъ только 30 т. пѣхоты и 2 т. кавалеріи; но отлично организованное, испытанное цѣлымъ рядомъ походовъ македонское войско, во главѣ котораго стояли такіе полководцы какъ Филиппъ, Парменіонъ и Антипатръ, уже заранѣе было почти увѣрено въ побѣдѣ, вступая въ борьбу съ юношами, наскоро вооруженными, непривычными къ войнѣ и предводительствуемыми Харесомъ и Лисикломъ. Демосѳенъ не понималъ громаднаго различія между обѣими сторонами: онъ не видѣлъ неравенства силъ и талантовъ, вступавшихъ теперь по его настоянію въ борьбу, и напрасно ожидалъ, что свобода Греціи можетъ быть спасена этимъ минутнымъ порывомъ одушевленія. Рѣшительное сраженіе было дано въ августѣ 338 при беотійскомъ городѣ Херонеѣ. Аѳинянамъ, составлявшимъ лѣвое крыло союзнаго войска, удалось отбросить стоявшихъ противъ нихъ македонянъ, но на другомъ флангѣ 19-ти лѣтній Александръ, командовавшій лѣвымъ

крыломъ македонянъ и выказавшій тутъ въ первый разъ свои военные таланты, оттѣснилъ непріятельскіе ряды и, приведя ихъ въ разстройство, принудилъ къ бѣгству. Лѣвое крыло аѳинянъ, вмѣсто того, чтобъ аттаковать еще не побѣжденную часть фаланги, преслѣдовало отступавшее правое крыло македонянъ и этимъ приготовило свою гибель. Замѣтивъ ошибку аѳинскихъ полководцевъ, Филиппъ, говорятъ, воскликнулъ: „наши враги не умѣютъ побѣждать!“ Поспѣшно направивъ плотно сомкнутую фалангу противъ непріятеля, увѣреннаго уже въ своей побѣдѣ, онъ скоро нанесъ ему постыдное пораженіе. Разсказываютъ, что Демосѳенъ одинъ изъ первыхъ бросилъ свой щитъ и въ бѣгствѣ искалъ спасенія; впрочемъ извѣстіе это остается совершенно недоказаннымъ. Болѣе тысячи аѳинянъ осталось на полѣ сраженія, двѣ тысячи попались въ плѣнъ; также не мало ѳиванцевъ было убито и взято непріятелемъ. Непобѣдимый до тѣхъ поръ священный отрядъ погибъ въ этотъ день до послѣдняго человѣка. Триста юношей, его составлявшихъ, остались вѣрны своей клятвѣ и пали всѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли во время сраженія. Ѳиванцы похоронили убитыхъ соотечественниковъ въ одной общей могилѣ, надъ которою воздвигли колоссальнаго каменнаго льва. Въ новѣйшія времена въ окрестностяхъ древней Херонеи найдены обломки огромнаго мраморнаго льва, которые считаютъ остатками этого памятника.

Вечеромъ, послѣ битвы, Филиппъ праздновалъ побѣду съ своими полководцами. Послѣ пира, продолжавшагося до глубокой ночи, Филиппъ, упоенный побѣдой, обошелъ со своими гостями поле сраженія. Прежде всего они пришли къ тому мѣсту, гдѣ, покрытые ранами, одинъ подлѣ другаго лежали ѳиванцы священнаго отряда; видъ героевъ, погибшихъ со славою, пробудилъ удивленіе и участіе въ душѣ побѣдителей. Напротивъ того, увидѣвъ трупы аѳинянъ, Филиппъ презрительно отозвался объ аѳинскомъ народѣ съ высокомѣріемъ счастливца опьяненнаго виномъ, и съ насмѣшкою повторилъ торжественное и полное увѣренности въ побѣдѣ

объявленіе войны, сдѣланное его врагами. Но, говорятъ, аѳинскій ораторъ Демадъ, находившійся тутъ въ числѣ плѣнныхъ, съ полной откровенностью сказалъ царю: „къ чему ты хочешь быть Терситомъ, когда судьба назначила тебѣ роль Агамемнона?“ (т. I. стр. 207) Разсказываютъ, что, приведенный въ сознаніе этими смѣлыми словами, Филиппъ сорвалъ съ головы вѣнокъ, которымъ былъ украшенъ, и даровалъ свободу Демаду.

Чтобы ни дѣлалъ и ни говорилъ Филиппъ въ пьяномъ видѣ, но своими дѣйствіями послѣ битвы онъ выказалъ себя истинно великимъ, и доказалъ міру, что не желаетъ разрушать свободы греческой націи, но хочетъ царствовать, сохраняя всѣ существующія учрежденія и формы правленія.

Филиппъ не вступалъ въ Аттику, не смотря на то, что послѣ Херонейской побѣды могъ безпрепятственно занять ее, потому что видѣлъ, что эта скалистая страна, лишенная свободы, потеряетъ всякое значеніе. Онъ добровольно отпустилъ плѣнныхъ аѳинянъ, не взявъ за нихъ выкупа, и даровалъ Аѳинамъ миръ на очень выгодныхъ условіяхъ. Они должны были отказаться отъ владычества надъ Самосомъ, но сохранили полную свободу, прежнія учрежденія и даже получили городъ Оропъ, составлявшій долгое время предметъ кровавыхъ войнъ между ними и ѳиванцами. Понимая очень хорошо, что Аттика всегда будетъ открыта тому, кто владѣетъ Ѳивами, Филиппъ совсѣмъ иначе поступилъ съ ѳиванцами, поплатившимися за аѳинянъ. Они должны были замѣстить всѣ высшія государственныя должности преданными Филиппу лицами и принять въ свою крѣпость македонскій гарнизонъ.

9. Послѣдніе годы царствованія Филиппа II.

Конечной цѣлью стремленій Филиппа II было завоеваніе Персидской монархіи. Притомъ, основавъ свою Македоно-греческую монархію полною побѣдою надъ греками, онъ былъ вынужденъ начать

войну необходимостью дать занятіе своему войску и помочь разстроенному состоянію финансовъ. Вскорѣ послѣ сраженія при Херонеѣ, Филиппъ пригласилъ всѣ греческія государства собраться слѣдующей весной на народное собраніе въ Коринѳѣ, для совѣщаній о персидскомъ походѣ.

Кажется, что въ самый годъ Херонейскаго сраженія Филиппъ проникъ съ частью своего войска въ Пелопоннесъ; впрочемъ, извѣстія объ этомъ походѣ не достовѣрны, такъ что нельзя положительно утверждать, чтобъ походъ этотъ дѣйствительно былъ совершенъ. Но какъ говорятъ, Филиппъ, цѣлью котораго при этомъ предпріятіи было поддержать своихъ союзниковъ на полуостровѣ, расположившись лагеремъ при Мантинеѣ, опустошилъ всю Лаконію, не тронувъ однако столицы страны, и такимъ образомъ принудилъ спартанцевъ согласиться на его требованія относительно сосѣднихъ государствъ. Филиппъ разрѣшилъ при этомъ пограничные споры Спарты съ аргосцами, мессенцами и двумя аркадскими городами.

Весною 337 собрался въ Коринѳѣ конгрессъ греческой націи, на которомъ имѣли своихъ представителей всѣ государства, за исключеніемъ Спарты и Аркадіи. Филиппу легко было заставить и ихъ подчиниться его волѣ и принять участіе въ предполагавшейся національной войнѣ; но онъ не сдѣлалъ этого потому, что не хотѣлъ дѣйствовать силою, точно также какъ никогда не думалъ обращать Грецію въ провинцію Македоніи. Это ясно выказаваетъ какъ искусно онъ умѣлъ пользоваться своими силами и какое уваженіе питалъ онъ къ свободной энергіи грековъ. Филиппъ очень хорошо понималъ, что при его великихъ планахъ національнаго греческаго похода противъ Персіи, повиновеніе вынужденное силою принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. По той же причинѣ, онъ подкупилъ на конгрессѣ въ Коринѳѣ нѣкоторыхъ изъ пословъ, чтобы заставить ихъ просить себя о томъ, что въ сущности онъ тогда могъ сдѣлать силою. Своимъ дружественнымъ об-

ращеніемъ онъ склонилъ на свою сторону и остальныхъ уполномоченныхъ, и добился того, что никто не возражалъ на его предложеніе предпринять соединенными силами всей Греціи походъ въ Персію и отмстить за оскорбленія, нанесенныя ею греческому народу. Персидскій походъ былъ рѣшенъ единодушно, Филиппъ назначенъ главнокомандующимъ съ неограниченною властью, и (что всего важнѣе) македонскому царю предоставлено было назначить, сколько каждое отдѣльное государство должно было выставить солдатъ и какую сумму внести на общее предпріятіе. Соединенныя силы одной Греціи, безъ Македоніи, доходили по словамъ одного историка позднѣйшей древности до 200 тыс. пѣхоты и 15 тыс. кавалеріи. Быть можетъ, эти цифры и преувеличены.

Такимъ образомъ, уже близко было осуществленіе главной цѣли Филиппа; но ему не удалось исполнить того, къ чему онъ съ неутомимой энергіею стремился въ теченіе всей своей жизни. Насильственная смерть постигла его въ ту самую минуту, когда долженъ былъ начаться персидскій походъ. Уже контингенты греческихъ государствъ были собраны, а часть македонскаго войска, подъ начальствомъ Парменіона и Аттала, вступила въ Малую Азію, когда Филиппъ сошелъ въ могилу, оставивъ политическое поприще сыну, который болѣе чѣмъ кто либо былъ способенъ подчинить себѣ Востокъ и сдѣлаться властелиномъ міра.

Семейныя отношенія Филиппа, въ послѣдніе его годы, были очень дурны. Онъ долго жилъ въ несогласіи съ своей женой Олимпіадой, дочерью эпирскаго царя Неоптолема, и наконецъ развелся съ ней, чтобъ жениться на Клеопатрѣ, племянницѣ своего полководца Аттала. На свадьбѣ, когда всѣ гости были разгорячены виномъ, произошла жаркая сцена между Атталомъ и Александромъ, сыномъ Олимпіады, и дѣло чуть не дошло до драки между отцомъ и сыномъ. Вслѣдствіе того Александръ удалился въ Иллирію, а Олимпіада оставила Македонію, и отправилась въ Эпиръ, гдѣ царемъ былъ ея братъ Александръ I. Вскорѣ однако Филиппъ примирился съ Александромъ, который вернулся въ Пеллу. Изъ Эпира

болѣе отдаленные поводы къ этому преступленію. Многіе писатели повѣрили этимъ толкамъ и приписали смерть Филиппа мщенію Олимпіады, но въ такомъ случаѣ Павсаній былъ бы только орудіемъ Олимпіады, и вѣроятно Александръ зналъ бы объ этомъ. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ этого событія можно, кажется, довольно положительно сказать, что Филиппъ сдѣлался жертвою частной мести. Гордый и вспыльчивый, молодой Павсаній былъ глубоко оскорбленъ Атталомъ и тщетно умолялъ царя объ удовлетвореніи. Филиппъ, не желая наказывать одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ, старался подарками и почестями вознаградить молодаго человѣка, требованія котораго были вполнѣ справедливы. Но Павсаній не удовлетворился этимъ, и сердился на царя. Послѣ женидьбы царя на дочери Аттала, потерявъ всякую надежду получить должное удовлетвореніе, Павсаній, желая отмстить самому царю, рѣшился умертвить его, думая, что Олимпіада и ея сынъ будутъ довольны этимъ. Такимъ образомъ, Филиппъ заплатилъ жизнью за то, что не удовлетворилъ требованій обиженнаго юноши. Олимпіада громко одобряла Павсанія; но Александръ велѣлъ схватить его и казнилъ вмѣстѣ со всѣми соучастниками убійства.

Извѣстіе о смерти Филиппа праздновалось великолѣпными торжествами во многихъ греческихъ государствахъ, преимущественно же у аѳинянъ, доказавшихъ при этомъ всю свою легкомысленность и непостоянство. Изъ свободныхъ государствъ, приславшихъ на свадьбу дочери Филиппа вѣнки и льстивыя поздравленія, раболѣпнѣе всѣхъ вели себя аѳиняне. Ихъ народное собраніе поставило даже Филиппа подъ охрану своихъ законовъ, и рѣшило, что всякій, кто покусится на его жизнь, будетъ ими схваченъ и выданъ. Но лишь только Филиппъ былъ умерщвленъ, тѣ же аѳиняне, по предложенію Демосѳена, принесли благодарственныя жертвы богамъ и народное собраніе признало Павсанія достойнымъ почетнаго вѣнка.

VIII. УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ГРЕКОВЪ

ВЪ ПЕРІОДЪ ОТЪ НАЧАЛА ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

1. Нравы.

Полтораста лѣтъ, протекшіе отъ начала Персидскихъ войнъ до вступленія на престолъ Александра, обнимаютъ собою періодъ высшаго процвѣтанія греческой цивилизаціи, но въ то же время и начало ея паденія. Въ теченіе всего этого времени Аѳины были средоточіемъ греческаго міра; преобладаніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ было такъ велико, что по внутреннему состоянію и умственнымъ стремленіямъ этого города можно изучить характеръ всей греческой жизни. Нравственное вліяніе аѳинянъ сохранялось даже тогда, когда исчезло ихъ политическое значеніе; Аѳины давали направленіе умственной жизни и нравамъ націи еще долго послѣ того, какъ господство надъ Греціей перешло къ Ѳивамъ и Македоніи. Впрочемъ, нравы аѳинянъ, какъ и всего греческаго народа, находились въ тѣсной связи съ развитіемъ ихъ политической жизни. Аѳины обязаны были высокимъ образованіемъ своихъ гражданъ своимъ превосходнымъ государственнымъ учрежденіямъ и побѣ-

дамъ, одержаннымъ надъ персами,—побѣдамъ, возвысившимъ духъ гражданъ и преисполнившимъ ихъ высокими стремленіями. Но, мало по малу, государственное устройство превратилось въ необузданную демократію, могущество аѳинянъ развило въ нихъ высокомѣріе и властолюбіе, пріобрѣтенныя богатства ввели роскошь и мотовство; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ Аѳинскаго государства должно было начаться и нравственное развращеніе его гражданъ.

Жизнь древнихъ грековъ въ демократическихъ государствахъ была полна движенія, и вмѣстѣ до того сосредоточена, замкнута внутри себя, что всѣ ея проявленія, всѣ наслажденія, занятія и стремленія грековъ возникали одно изъ другаго, зависѣли другъ отъ друга. Явленій отдѣльныхъ, разобщенныхъ у нихъ не было, и, подобно тому, какъ ихъ государство, по своему управленію, дѣйствительно состояло изъ совокупности гражданъ, тѣсно связанныхъ между собою и трудившихся другъ для друга, точно также и всѣ частныя и общественныя отношенія имѣли постоянное вліяніе на государство, и мѣнялись въ свою очередь вслѣдствіе происходившихъ въ немъ перемѣнъ. По этой то причинѣ въ періодъ сильнѣйшаго политическаго развитія Аѳинъ, съ одной стороны должны были быстрѣе развиться поэзія и искусства, а съ другой ненависть партій и властолюбіе произвели въ нравственныхъ понятіяхъ значительныя измѣненія, естественно отразившіяся во всѣхъ классахъ общества и отношеніяхъ гражданъ. Объ этихъ измѣненіяхъ, совершавшихся одновременно съ перемѣнами въ политическихъ событіяхъ, было говорено выше при изложеніи политической исторіи Греціи. Поэтому, чтобы охарактеризовать нравственное состояніе грековъ передъ эпохою Александра, нужно только связать вмѣстѣ и подробнѣе развить сказанное нами прежде.

Въ теченіе всего этого періода нравственное состояніе народа постоянно клонилось къ упадку, а при концѣ его религіозныя вѣрованія, нравственность и понятіе объ истинной чести почти совсѣмъ исчезли изъ той части общества, которая пользовалась пре-

обладающимъ вліяніемъ въ греческихъ государствахъ. Глубокое развращеніе большинства государственныхъ людей высказывается почти въ каждомъ событіи внутренней исторіи того времени, также какъ и въ судебныхъ процессахъ, частью сохранившихся въ сочиненіяхъ греческихъ ораторовъ. Одинъ примѣръ Тимоѳея, одного изъ лучшихъ аѳинскихъ полководцевъ, достаточно показываетъ, что большинство людей, стоявшихъ во главѣ свободныхъ греческихъ государствъ, утратило всякое понятіе о нравственномъ достоинствѣ, всякій стыдъ передъ публичнымъ безчестіемъ. Тимоѳей поклялся въ народномъ собраніи обвинить Ификрата, для того чтобы онъ былъ исключенъ изъ числа гражданъ, и въ подтвержденіе своей клятвы произнесъ проклятіе надъ собой и своимъ родомъ, но, вмѣсто того, чтобъ исполнить обязательство, торжественно принятое на себя передъ цѣлымъ народомъ, онъ вскорѣ изъ личныхъ выгодъ выдалъ свою дочь за сына Ификрата. Демосѳенъ, ведя однажды, за другаго, процессъ въ нѣсколько тысячъ рублей противъ Тимоѳея, не задумался публично передъ судьями упрекнуть въ нарушеніи клятвы человѣка, столь высоко стоявшаго въ государствѣ. Онъ объявилъ, что по своему дѣлу не нуждается въ присягѣ Тимоѳея, зная, что для него нѣтъ ничего святаго, и что онъ не побоится дать ложную клятву. Конечно, въ то время люди были такими же, каковы они всегда въ большихъ городахъ, гдѣ соединены всѣ возможныя богатства и всякія дозволенныя и запрещенныя наслажденія; но во всякомъ случаѣ растлѣніе должно было быть очень велико, когда лица, стоявшія во главѣ государства, сохраняли свое положеніе, не смотря на публичное обвиненіе ихъ въ нарушеніи клятвы.

Религія утратила всякое значеніе и силу, и сдѣлалась только орудіемъ обмана, съ помощью котораго вліятельные люди старались достигать своихъ цѣлей. Фокидцы и нанятая ими толпа хищниковъ не побоялись грабить священнѣйшій храмъ Греціи и употребить приношенія своихъ предковъ на войну и грубыя чувственныя наслажденія. Такое оскверненіе святыни дѣлалось не одинъ

разъ; еще до ограбленія фокидцами дельфійскаго храма, въ другихъ государствахъ происходило то же самое. Діонисій Старшій, тираннъ сиракузскій, жившій въ четвертомъ столѣтіи до р. Х., чтобъ достать денегъ, ограбилъ въ нижней Италіи и Сициліи важнѣйшіе храмы, презрительно насмѣхаясь при этомъ надъ богами. Приказавъ однажды снять со статуи Юпитера золотой плащъ, онъ сказалъ, смѣясь, окружающимъ, что хочетъ освободить Юпитера отъ излишней тягости, такъ какъ его плащъ слишкомъ тяжелъ для лѣта и слишкомъ холоденъ для зимы. Ификратъ и его наемники поступали точно также, какъ Діонисій и предводители фокидцевъ. Когда, по взятіи Коркиры, Ификратъ спросилъ у своихъ матросовъ, что ему дѣлать съ приношеніями, найденными въ городскомъ храмѣ, они отвѣчали, чтобъ онъ не заботился о томъ, что принадлежитъ богамъ, но подумалъ бы лучше, чѣмъ заплатить своему войску.

Оскорбленія религіи, усиливавшія развращеніе нравовъ, не ограничивались нападками на одни внѣшніе обряды и собственность боговъ, но глубоко потрясли и самыя вѣрованія. Вмѣсто нравственныхъ чувствъ, высказанныхъ въ твореніяхъ Гомера, вмѣсто поэтической религіи трагиковъ, народу проповѣдывалась политическая ловкость и прозаическая практичность. Софистика или искусство остроумно перетолковывать все въ свою пользу сдѣлалась мудростью, къ достиженію которой всѣ стремились, необходимостью для каждаго, управляющаго государственными дѣлами. При такомъ положеніи религія утратила весь свой внутренній смыслъ. Въ Греціи произошло то же самое, что уже давно мы видимъ въ Италіи, благодаря дѣйствіямъ іезуитовъ: въ боговъ вѣровалъ только простой народъ, правительственныя же лица пользовались народными вѣрованіями для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, исполняя религіозные обряды только тогда, когда они имъ были нужны и выгодны. Средніе классы, воспитанные софистами, составили свое собственное воззрѣніе на міръ и человѣка, осмѣивая религіозныя понятія, завѣщанныя отцами. Наконецъ простой

народъ, слишкомъ лѣнивый чтобъ думать, глубоко погрязъ въ суевѣріи, поражаемый блескомъ храмовыхъ праздниковъ и обрядовъ богослуженія, дѣйствовавшихъ на его чувственную сторону. Рядомъ съ безвѣріемъ развился мистицизмъ, которому такъ охотно предается разслабленное поколѣніе, сохранившее еще достаточно силъ для фантазированья, и вялый пассивный умъ котораго ищетъ себѣ дѣятельности въ неясныхъ ощущеніяхъ и смутныхъ представленіяхъ. Потому мечтательность, развившаяся изъ ученія пиѳагорійской школы, была встрѣчена въ то время въ Греціи съ большимъ сочувствіемъ, и самъ Платонъ не мало способствовалъ тому, что мистическое направленіе стало брать верхъ надъ древней чувственной и поэтической религіей греческаго народа.

Вмѣстѣ съ упадкомъ религіозныхъ вѣрованій появилась страшная грубость и безчеловѣчіе, не смягчавшіяся господствовавшимъ тогда умственнымъ образованіемъ. Эти отвратительныя характеристическія черты были слѣдствіемъ рабства. Совершались самыя ужасныя мерзости, одинаково унижающія и несчастныхъ рабовъ и ихъ владѣльцевъ. За малѣйшія вещи рабовъ подвергали пыткамъ, чтобъ вынудить у нихъ признаніе въ собственныхъ проступкахъ, или даже заставить ихъ дать показанія о какомъ нибудь происшествіи. Случалось, что и частныя лица пытали рабовъ безъ всякаго судебнаго слѣдствія, единственно на основаніи какого нибудь подозрѣнія. Подобныя же мерзости и злоупотребленія совершались и надъ свободными гражданами, но виновники конечно подвергались строгимъ наказаніямъ, если дѣло доходило до суда.

Рѣзкую противоположность такому варварству составляло изящество манеръ и внѣшній лоскъ тогдашнихъ грековъ, въ особенности аѳинянъ. Сочиненія того времени указываютъ, что въ обращеніи господствовала самая утонченная вѣжливость; аттическая манера выражаться оставалась даже въ позднѣйшія времена образцомъ языка мягкаго, лишеннаго всякой жесткости и рѣзкости. И, не смотря на это, безчеловѣчныя дѣйствія были дѣломъ

обыкновеннымъ для тонкихъ и чувствительныхъ аѳинянъ. Даже между людьми, пользовавшимися наибольшимъ уваженіемъ, происходили самыя грубыя сцены. Такъ, напримѣръ, Демосѳенъ и Эсхинъ, два величайшихъ оратора древности, сочиненія которыхъ въ особенности отличаются аттическою утонченностью выраженій, въ своихъ рѣчахъ говорили другъ другу такія вещи, какія въ наше время не скажетъ никому ни одинъ порядочный человѣкъ. Въ образцовыхъ по своему краснорѣчію твореніяхъ этихъ ораторовъ встрѣчаются самыя площадныя ругательства. Въ сочиненіяхъ Демосѳена находится обвинительная рѣчь противъ Мейдія, также одного изъ знатнѣйшихъ аѳинскихъ гражданъ, за побои, нанесенные имъ въ театрѣ великому оратору.

Внѣшняя жизнь того времени въ своихъ проявленіяхъ представляетъ также разительные контрасты. Съ одной стороны сохранялась еще древняя простота и истинное величіе образа мыслей, и можно было, какъ доказываетъ примѣръ Эпаминонда, достигнуть высшихъ государственныхъ степеней, не имѣя богатствъ и внѣшняго блеска; но съ другой, страсть къ чрезмѣрной роскоши успѣла уже проникнуть изъ Азіи во всѣ греческія государства. Славныя стороны древней греческой жизни исчезали въ то время, такъ что Эпаминондъ, Сократъ, Діогенъ и другіе, отличавшіеся простотой и скромнымъ образомъ жизни, уже казались своимъ современникамъ явленіемъ, достойнымъ особаго удивленія. Но, не смотря на это, прежній духъ еще на столько сохранялся въ грекахъ того времени, что у нихъ, — какъ, между прочимъ, доказываетъ примѣръ Ификрата, вышедшаго изъ самыхъ низшихъ классовъ общества и достигшаго высшихъ степеней, — заслугамъ былъ открытъ болѣе легкій и удобный путь къ достиженію высшихъ государственныхъ должностей, чѣмъ въ древнемъ Римѣ или въ средніе вѣка и новѣйшее время въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ. Какъ велика однако была страсть къ роскоши у государственныхъ людей того времени и какъ усилилось стремленіе къ тщеславному блеску, лучше всего видно изъ словъ Демос-

ѳена, въ одной изъ своихъ рѣчей представившаго аѳинскому народу простоту прежнихъ государственныхъ людей и роскошь знатнѣйшихъ граждавъ своего времени. „Въ прежнія времена, говоритъ Демосѳенъ, было иначе. Тогда все, что привадлежало государству, отличалось богатствомъ и блескомъ, но за то между гражданами не было никакого различія во внѣшности. Каждый изъ васъ можетъ и въ сію минуту удостовѣриться собственнымъ взглядомъ, что жилища Ѳемистокла, Мильтіада и другихъ великихъ людей прежнихъ временъ не были ни красивѣе, ни богаче жилищъ прочихъ гражданъ. Напротивъ того, воздвигнутые при нихъ памятники и публичныя зданія такъ величественны, что навѣки останутся образцовыми; — я говорю о пропилеяхъ, арсеналахъ, колоннадахъ, постройкахъ въ Пирейской гавани и о другихъ общественныхъ зданіяхъ нашего города. Теперь же у насъ много государственныхъ людей, частныя жилища которыхъ гораздо роскошнѣе многихъ публичныхъ зданій, — людей, скупившихъ такія огромныя помѣстья, что поля всѣхъ васъ, граждане, собравшихся здѣсь въ качествѣ судей, не сравнятся съ ними по обширности. Все же, построенное теперь на счетъ государства, такъ ничтожно и бѣдно, что стыдно даже говорить объ этомъ."

Вмѣстѣ съ чрезмѣрной роскошью, увеличившейся вслѣдствіе частыхъ посольствъ въ Персію, вкралось въ греческія государства мотовство и гнусные пороки, заразившіе нравы. Распутство господствовало въ то время въ большихъ греческихъ городахъ; вмѣстѣ съ тщеславіемъ оно было самымъ страшнымъ общественнымъ зломъ, и рѣзко противорѣчило правиламъ закона. Рѣчи, сохранившіяся отъ судебныхъ процессовъ, свидѣтельствуя о страшномъ развратѣ, служатъ въ то же время доказательствомъ, что государства, гдѣ такъ часто совершаются гнуснѣйшіе поступки, о которыхъ почти ежедневно публично говорится въ судѣ, не могутъ долѣе жить самостоятельной республиканской жизнью.

Тщеславіе и мотовство, всегда влекущія за собою себялюбіе и корыстолюбіе, дѣйствительно были главнѣйшими характеристи-

ческими чертами того времени. Жадность къ деньгамъ господствовала всюду до такой степени, что человѣкъ, какъ Эпаминондъ, не имѣвшій этого порока, казался своимъ соотечественникамъ очень страннымъ. Слѣдствіемъ этой страсти къ пріобрѣтенію были продажность и злоупотребленіе ввѣренной властью. Сохранившіяся до насъ судебныя рѣчи наполнены примѣрами постыднѣйшей подкупности и самаго грубаго нарушенія государственныхъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, однажды въ Аѳинахъ было доказано въ судѣ, что ораторъ Демосѳенъ, чтобъ повредить своему противнику, обѣщалъ одному бѣдняку денегъ, если онъ публично обвинитъ свою жену въ прелюбодѣяніи, и обѣщалъ удвоить обѣщанную сумму, если онъ согласится подтвердить свою ложь присягою въ судѣ. Къ чести человѣчества мы можемъ прибавить, что этотъ простой гражданинъ превосходно отвѣчалъ знаменитому оратору, сказавъ, что хотя онъ и очень бѣденъ, но Демосѳенъ ошибается, думая, что онъ готовъ на все ради денегъ, и что онъ никогда не сдѣлаетъ того, чего отъ него требуютъ.

Какъ велика была продажность государственныхъ людей, уже извѣстно намъ изъ персидской и македонской исторіи, въ особенности же изъ обстоятельствъ, относящихся до посольства Пелопида въ Сузу. Для удовлетворенія своей алчности къ деньгамъ, военачальники дѣйствовали какъ разбойники, которыми дѣйствительно и была большая часть изъ нихъ. Во времена Филиппа они обложили настоящею данью жителей морскаго побережья и острововъ, и принуждали многіе союзные съ Аѳинами торговые города откупаться отъ захвата ихъ купеческихъ кораблей. Впрочемъ, финансовое положеніе Аѳинскаго государства было таково, что его полководцы и адмиралы принуждены были вести разбойничью войну и грабить союзниковъ, потому что не рѣдко войско, долго не получая содержанія, предавалось грабежу.

При такомъ положеніи дѣлъ предводители войскъ и государственные люди конечно пріобрѣтали себѣ бо́льшія богатства, чѣмъ аѳинскіе патріоты во времена персидскихъ войнъ, или, такіе люди,

какъ Кимонъ и Периклъ, жертвовавшіе собственнымъ состояніемъ для увеличенія славы своего роднаго города. Напримѣръ, прославившійся своей продажностью Эпикратъ (т. II стр. 68) пріобрѣлъ себѣ черезъ посольство въ Персію состояніе въ 600 талантовъ (приблизительно 800.000 р. с.), что, по цѣнности денегъ въ наше время, равняется почти 6 1/2 м. р. с. Между тѣмъ, какъ частныя лица обогащались несмѣтными суммами, общее достояніе цѣлаго государства уменьшалось и рядомъ съ огромными богатствами являлась страшная бѣдность, что бываетъ вездѣ, гдѣ трудолюбіе и промышленная дѣятельность не служатъ главными средствами пріобрѣтенія. Доходы государства и всей массы его гражданъ постоянно падали. Количество добываемаго металла также очень уменьшилось, потому что нѣкоторые изъ рудниковъ были уже истощены, тѣ же, которыми аѳиняне въ теченіе столькихъ лѣтъ владѣли во Ѳракіи, перешли въ другія руки. Владѣнія аѳинянъ въ другихъ странахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ острововъ и городовъ, были тоже потеряны; а торговля почти вся перешла въ другія мѣстности. Притомъ, первыя жизненныя потребности нужно было привозить изъ отдаленныхъ краевъ, и Аттика, вывозя изъ приморскихъ городовъ Чернаго моря хлѣбъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ другія греческія государства, ежегодно тратила на него значительную сумму. По мѣрѣ того какъ падала торговля Аѳинъ, возвышались Родосъ, Византія и города сѣвернаго берега Малой Азіи, и, не смотря на свою незначительность въ политическомъ отношеніи, собрали мало по малу огромныя богатства.

Кромѣ торговли и нѣкоторыхъ особенныхъ занятій, главнымъ промысломъ богатыхъ аѳинянъ были: грабежъ, къ которому они пріучались въ походахъ, общественныя должности получаемыя подкупомъ, отдача въ наемъ рабовъ и составленіе наемныхъ отрядовъ. Впрочемъ, послѣдній источникъ дохода не принадлежалъ къ значительнымъ, потому что число всѣхъ рабовъ въ Аттикѣ простиралась всего отъ 100 до 120 тысячъ, и рабъ стоилъ въ то

время въ Аѳинахъ въ пять разъ дешевле хорошей лошади. Напротивъ того, промыслы, возникшіе вслѣдствіе нравственнаго развращенія, также какъ науки и искусства, сдѣлались въ Аѳинахъ и другихъ городахъ важнымъ источникомъ дохода. Аѳины были главнымъ мѣстопребываніемъ софистовъ, льстецовъ, адвокатовъ и страшнаго распутства, служившаго обильнымъ источникомъ дохода для нѣкоторой части жителей. Искусства и науки сдѣлались въ Коринѳѣ, Родосѣ, Сиракузахъ и другихъ свободныхъ греческихъ государствахъ, а въ особенности въ Аѳинахъ, ремесломъ цѣлаго класса. Музыка, живопись, ваяніе, зодчество, танцы и театръ обязаны своимъ развитіемъ монархическимъ учрежденіямъ, укоренявшимся въ то время въ Греціи, и разцвѣли преимущественно вслѣдствіе обстоятельствъ, пагубно дѣйствовавшихъ на поэзію, исторіографію и нравы. До какой степени поощренія, оказываемыя царями, подняли искусства, можно судить потому, что Александръ Великій велѣлъ созвать до трехъ тысячъ художниковъ на гимнастическія и музыкальныя состязанія, устроенныя имъ по случаю похоронъ друга его Гефестіона. Многіе греческіе актеры, бывшіе и шутами и настоящими трагиками и комиками, ѣздили къ Филиппу II, къ сиракузскимъ тираннамъ Діонисію I и II, къ кипрскимъ владѣтелямъ, и даже къ персидскимъ царямъ, при дворахъ которыхъ талантами и лестью пріобрѣтали себѣ значительныя богатства. Аѳины оставались центромъ всѣхъ искусствъ, и сохраняли свое древнее значеніе даже послѣ утраты всего своего политическаго могущества. Большинство тогдашнихъ художниковъ, имена которыхъ сохранились до насъ, были аѳинскіе уроженцы или по крайней мѣрѣ получили въ Аѳинахъ образованіе. Аѳинскій театръ считался образцомъ для всѣхъ странъ, гдѣ говорили по гречески. Мнѣніе аѳинской публики имѣло всюду большое значеніе, а лучшіе изъ аѳинскихъ актеровъ пользовались такимъ почетомъ у владѣтелей и царей, что пріобрѣтали даже вліяніе на государственныя дѣла, — примѣръ, единственный въ исторіи.

2. Образованіе и умственная жизнь.

Разсматривая умственную жизнь народа, всеміpная исторія имѣетъ другую цѣль, чѣмъ исторія литературы и искусствъ. Чтобы понять ходъ человѣческаго развитія не достаточно опредѣлить одно эстетическое достоинство отдѣльныхъ произведеній человѣческаго ума, или ихъ вліяніе на успѣхи наукъ; — необходимо еще изслѣдовать, въ какомъ отношеніи находились произведенія націи къ понятіямъ, господствовавшимъ въ ту или другую эпоху. Слѣдовательно литературныя произведенія каждаго народа должны разсматриваться какъ выраженіе того, въ чемъ существенно отразились различныя степени народнаго развитія. Такимъ образомъ, для опредѣленія большаго или меньшаго значенія какого нибудь произведенія съ исторической точки зрѣнія, мѣркою не можетъ служить его эстетическое или чисто литературное достоинство; — весь вопросъ будетъ о томъ въ какомъ отношеніи находилось произведеніе писателя къ его времени, или же на сколько въ немъ отразилась эпоха, въ которую оно написано, и на сколько оно способствовало народному развитію или задерживало его. Въ произведеніяхъ націи отражается ея культура и духъ всѣхъ политическихъ, нравственныхъ и соціальныхъ отношеній извѣстной эпохи.

Полтораста лѣтъ, отъ начала персидскихъ войнъ до смерти Филиппа II-го, обнимаютъ собою тотъ періодъ, въ который всѣ формы греческой образованности, всѣ не вполнѣ развившіяся въ предшествовавшую эпоху роды греческой литературы и всѣ отрасли греческихъ наукъ, за исключеніемъ математики и реальныхъ наукъ, достигли высшей степени совершенства. Сначала процвѣтала драматическая поэзія, потомъ исторія, затѣмъ философія и ораторское искусство и наконецъ математическія и реальныя науки. Изъ этихъ отраслей человѣческаго знанія, первыя четыре во всей полнотѣ и оконченности развились у аѳи-

нянъ, а пятая въ монархіи Александра и возникшихъ изъ нея государствахъ.

Въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода, Аѳины были средоточіемъ и душою умственной жизни грековъ. Весь ходъ образованія самаго талантливаго народа въ мірѣ и перемѣны въ характерѣ его литературы соотвѣтствовали ходу дѣлъ Аѳинскаго государства и его отношеніямъ въ данную минуту. Быстрое развитіе греческаго образованія было вызвано національной борьбой съ персами. Но нападеніе персовъ было преимущественно направлено на Аѳины; аѳиняне болѣе всѣхъ остальныхъ греческихъ государствъ способствовали счастливому исходу войны, и потому этотъ важный внѣшній толчекъ, возбудившій всѣ умственныя стремленія грековъ, сильнѣе всего отозвался на аѳинянахъ.

Этотъ періодъ греческаго образованія, центромъ и источникомъ котораго были Аѳины. по своему основному характеру распадается на двѣ главныя эпохи, постепенно перешедшія одна въ другую: на эпоху высшаго процвѣтанія, простирающуюся до пелопоннесской войны, и на эпоху упадка, начавшуюся съ злоупотребленій побѣдою надъ персами. Произведенія обоихъ періодовъ запечатлѣны характеромъ господствовавшаго политическаго и нравственнаго направленія. Въ произведеніяхъ первой эпохи еще виденъ народъ, полный юной энергіи и живаго сознанія своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ; въ нихъ вездѣ выставляется рѣзкая противоположность между страстно преданными свободѣ греками, съ ихъ врожденною любовью къ порядку и строгимъ повиновеніемъ богамъ и гражданскимъ законамъ, и персами съ ихъ дикою фантазіею, слѣпымъ рабскимъ послушаніемъ и вообще грубою силою Востока. Напротивъ того, въ произведеніяхъ второй эпохи также ясно и опредѣленно выражается злоупотребленіе побѣдой, развращеніе нравовъ и упадокъ политической и нравственной жизни. Точно также въ твореніяхъ писателей обѣихъ эпохъ можно прослѣдить снача-

ла свойственное великому времени чистое вдохновеніе и свѣжія силы, потомъ постепенный переходъ отъ истинно высокаго образованія къ произведеніямъ отличающимся преимущественно внѣшней отдѣлкой, принадлежащимъ хотя и къ образованному, но болѣе слабому духомъ времени. Представителями первой эпохи служатъ преимущественно тѣ великіе люди, произведенія которыхъ запечатлѣны характеромъ высшаго образованія и творческой способностью генія, который знакомъ съ правилами и законами разума, но сила и полнота фантазіи котораго далеко не ослаблена этимъ. Вторая эпоха состоитъ изъ образцовыхъ произведеній одного искусства, управляемаго, вмѣсто истиннаго вдохновенія, правилами и примѣрами, не имѣющаго творческой силы, но отличающагося логическимъ и изящнымъ выраженіемъ мыслей; это произведенія одного таланта.

Въ какой степени уменьшалась сила, простота и безъискуственность, и рѣже становились произведенія чистаго вдохновенія, въ такой же мѣрѣ увеличивалось образованіе, и мѣсто природныхъ силъ занимало искусство. Люди стали богаче свѣдѣніями и образованиѣе, но взамѣнъ того утратили истинное пониманіе прекраснаго и высокаго; они сдѣлались утонченнѣе, воспріимчивѣе, но лишились сильнаго природнаго чувства прежняго времени. Прежде внутреннее сознаніе высокаго, идеальнаго, присущее всѣмъ людямъ, наполняло и оживляло душу; теперь стремились къ чисто интеллектуальному пониманію жизни и ея основныхъ причинъ. При этомъ люди сдѣлались опытнѣе, стали болѣе философами, но ослабѣли духомъ и силами, мѣсто которыхъ заступили знанія и искусства; они стали ловче и любезнѣе, но за то прозаичнѣе, апатичнѣе и черствѣе. Прежнее равенство образованія гражданъ исчезло, они раздѣлились по своимъ способностямъ и умственнымъ потребностямъ на классы. Вслѣдствіе того и литературныя произведенія не могли уже быть одинаково доступны всей націи, но писались только для одной ея избранной части.

Естественно, что при такомъ ходѣ умственной жизни грековъ, къ образованію перестали стремиться ради его самаго, или, другими словами, оно съ теченіемъ времени обратилось въ средство для другихъ цѣлей, и слѣдовательно стало одной простой формой. Оно служило преимущественно двумъ цѣлямъ: приготовленію къ утонченной свѣтской жизни, которая, требуя нѣкотораго рода свѣдѣній, заставляла стремиться къ пріобрѣтенію извѣстной образованности, и чисто матеріальнымъ цѣлямъ, давая познанія и умственное развитіе необходимыя для общественной дѣятельности. Пока существовала самостоятельная республиканская свобода, жизнь сосредоточивалась на государственныхъ интересахъ, и потому до Александра образованіе было почти исключительно политическимъ. Но лишь только монархическій элементъ получилъ перевѣсъ въ греческомъ народѣ, наука и образованіе обратились къ частной жизни и пріобрѣли значеніе преимущественно въ промышленности и свѣтской жизни. Другими словами, образованіе греческой націи становилось съ теченіемъ времени формальнѣе, внѣшнѣе, ученѣе и поверхностнѣе. По этой причинѣ у грековъ сначала процвѣтала поэзія, потомъ исторія, философія и краснорѣчіе, и наконецъ уже математическія и реальныя науки.

Вслѣдствіе такого хода греческаго образованія должно было обнаружиться явленіе, дѣлавшееся все болѣе очевиднымъ съ эпохи Филиппа. Чѣмъ научнѣе, обширнѣе, и необходимѣе для жизни становилось образованіе. тѣмъ болѣе значенія пріобрѣтали отдѣльныя личности, извѣстныя своею ученостью, и государства, бывшія средоточіемъ науки и литературы. Вслѣдствіе того писатели и государства, служившія средоточіемъ литературы, получили во времена Филиппа и Александра такое вліяніе, которое прежде пріобрѣталось только могуществомъ и богатствомъ. Доказательствомъ тому служатъ Эврипидъ, Платонъ и другіе, которыхъ съ такимъ великимъ почетомъ встрѣчали македонскій царь Архелай и сиракузскіе тиранны Діонисіи, и ува-

женіе, которымъ пользовалось мнѣніе аѳинскаго народа. Но еще сильнѣе выказывается это отношеніями Аристотеля къ Филиппу и особенно Александру, щедростью, съ которою послѣдній поддерживалъ ученые труды философа, и наконецъ ролью, которую Аѳины не переставали играть въ эпоху Филиппа и Александра. Хотя Филиппъ лишилъ аѳинянъ всего ихъ политическаго вліянія въ Греціи, но благодаря одной своей литературной славѣ и преимуществу, которое имѣлъ ихъ голосъ въ ученомъ и художественномъ мірѣ, они сохранили такую нравственную силу, что можно сказать, что оба великіе македонянина были столько же подчинены имъ въ этомъ отношеніи, сколько сами аѳиняне зависѣли отъ нихъ въ политическихъ дѣлахъ.

3. Поэзія.

Лирическая поэзія, преобладавшая въ Греціи въ предшествовавшее время, уступила теперь мѣсто драматической поэзіи, которая и господствовала въ теченіе всего этого періода. Великій лирическій поэтъ древности, Пиндаръ, хотя и жилъ во времена Персидскихъ войнъ, но стоялъ одиноко, и не имѣлъ никакого положительнаго вліянія на прогрессивное развитіе греческаго народа. Произведенія его представляютъ собою какъ бы последнее слово лирической поэзіи и вмѣстѣ образецъ совершенства, котораго она достигла въ періодъ своего высшаго процвѣтанія.

Пиндаръ, жившій приблизительно съ 522 по 440, родился въ Ѳивахъ или въ одномъ изъ ѳиванскихъ мѣстечекъ, и слѣдовательно принадлежалъ къ той части греческаго народа, которая всегда отличалась грубостью нравовъ и невоздержностью. Имена Пиндара и поэтессы Коринны почти единственныя беотійскія имена, пріобрѣвшія себѣ значеніе въ исторіи греческой литературы. Пиндаръ жилъ нѣсколько лѣтъ при блестящемъ дворѣ сиракузскаго владѣтеля Герона I, прославленнаго имъ въ стихахъ за богатые подарки, вмѣстѣ съ Тирономъ, тиранномъ Агригента и нѣкоторыми дру-

гими владѣтелями Сициліи и Ѳессаліи. Изъ произведеній Пиндара, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ другихъ его стихотвореній, сохранились только сорокъ пять такъ называемыхъ эпиникій или хвалебныхъ пѣсней побѣдителямъ на четырехъ главныхъ національныхъ играхъ Греціи. —

Драматическая поэзія создана греками, у которыхъ она и пользовалась бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ народовъ земнаго шара. Греческая драма имѣла религіозное происхожденіе, а по внѣшней своей формѣ возникла изъ лирической поэзіи и танцевъ. У грековъ было обыкновеніе прославлять боговъ хоровымъ гимномъ, въ посвященные имъ праздники. Гимнъ этотъ сопровождался пляскою, которая имѣла, подобно всѣмъ греческимъ танцамъ, символической характеръ и должна была возбуждать въ зрителѣ различнаго рода представленія и ощущенія. Содержаніемъ гимна было какое нибудь преданіе, сопровождавшій его танецъ, соотвѣтствовалъ содержанію его и, такимъ образомъ, на религіозныхъ празднествахъ представлялись извѣстныя событія въ пѣніи и плясках. Изъ этихъ представленій мало-по-малу развивалось драматическое искусство; но намъ неизвѣстно, какъ совершался этотъ постепенный переходъ. Мы знаемъ только, что драматическая поэзія возникла преимущественно изъ праздниковъ Вакха, имѣвшихъ особенно разнообразный характеръ, что она впервые появилась въ Аттикѣ, и что, по мнѣнію древняго міра, поэтъ Теспісъ, изъ Аттики, современникъ Солона, первый поставилъ на сцену актера рядомъ съ хоромъ, и такимъ образомъ ввелъ въ представленіе разговорную рѣчь. Поэтому Тесписа называютъ отцомъ драмы, хотя по другимъ извѣстіямъ древнихъ писателей можно думать, что этотъ родъ поэзіи возникъ ранѣе. Въ 500 г. Эсхилъ ввелъ на сцену втораго актера, и собственно этимъ въ первый разъ придалъ драмѣ истинную ея форму. Впрочемъ, еще до Эсхила преданія не составляли исключительнаго сюжета представленій, но были перенесены на сцену и современныя событія. Такъ ученикъ Тесписа, Фринихъ, пред-

ставилъ въ драматической формѣ совершившееся въ 494 г. покореніе Милета персами.

Драма — названіе данное греками этого рода поэзіи — означаетъ дѣйствіе. О происхожденіи словъ трагедія и комедія мнѣнія ученыхъ различны. Большинство переводитъ послѣднее слово веселой пѣснью. Нѣкоторые же даютъ ему другое производство, и утверждаютъ, что оно означаетъ деревенскую пѣснь, основываясь на томъ, что трагедія гораздо раньше комедіи была введена въ городскихъ театрахъ, и потому комедія, оставаясь долгое время только въ деревняхъ, получила отъ нихъ свое названіе. Слово трагедія означаетъ пѣснь козла. Оно возникло вслѣдствіе того, что въ праздникъ Вакха приносили въ жертву козла, или, какъ думаютъ другіе, отъ того, что въ этотъ день происходило состязаніе между поэтами, и тотъ изъ нихъ, пѣснь котораго признавалась лучшей, получалъ въ подарокъ козла. Наконецъ, названіе это могло произойти и отъ того, что пляска и пѣніе хора представляли сатировъ, бывшихъ, по преданію, спутниками Вакха и изображавшихся съ козлиными ногами. Греческая драма, подробные разсказы которой не составляютъ предмета всемірной исторіи, во многихъ отношеніяхъ очень различна отъ нашей. Хоръ, составлявшій лирическій элементъ пьесы, и чуждый новому драматическому искусству, былъ ея необходимой принадлежностью; кромѣ того, на театральныя представленія греки смотрѣли какъ на часть общественнаго богослуженія, и потому въ Аѳинахъ давали ихъ только два раза въ годъ, въ два большіе праздника, посвященные Вакху. Наконецъ, — что особенно важно для исторіи греческаго народа, — театръ, какъ политическое учрежденіе, находился въ тѣсной связи съ государственной жизнью. Онъ былъ національнымъ учрежденіемъ, соотвѣтствовавшимъ тогдашнимъ нравамъ, общественной жизни и государственному устройству, и въ эпоху своего процвѣтанія служилъ преимущественно для распространенія между гражданами идей и впечатлѣній, соотвѣтствовавшихъ духу времени, все равно, было ли содержаніе пьесы миѳическое или современное.

Изъ двухъ родовъ, на которые распадается драма, трагедія первая достигла высшаго развитія. Настоящій періодъ ея процвѣтанія начался съ Эсхила, одного изъ величайшихъ трагическихъ поэтовъ; она достигла совершенства при Софоклѣ, и начала падать при Эврипидѣ, третьемъ знаменитѣйшемъ трагикѣ древняго міра. Время жизни этихъ трехъ великихъ людей опредѣляется Саламинскою битвою (480 г.): Эсхилъ сражался въ ней, имѣя сорокъ пять лѣтъ, Софоклъ, будучи пятнадцатилѣтнимъ юношею принималъ участіе въ праздникѣ, устроенномъ послѣ битвы, а Эврипидъ родился въ самый день битвы на островѣ Саламинѣ, куда вмѣстѣ съ другими аѳинянами бѣжали его родители.

Эсхилъ, принадлежавшій къ одной изъ древнѣйшихъ благородныхъ фамилій Аттики, родился 525 въ Элевсинѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ битвахъ при Мараѳонѣ, Артемизіи, Саламинѣ и Платеѣ, и отличался въ нихъ, подобно своему брату Кинегиру (т. I, стр. 363), убитому при Мараѳонѣ. Въ 484 г. Эсхилъ одержалъ побѣду на драматическомъ состязаніи, и въ первый разъ удостоился награды, которую потомъ получалъ еще двѣнадцать разъ. Старикомъ оставилъ онъ родной городъ, будучи недоволенъ тогдашнею демократіею, и удалился въ Сиракузы, гдѣ былъ встрѣченъ съ великимъ почетомъ при дворѣ Гіерона 1-го. Оттуда онъ еще разъ пріѣзжалъ въ Аѳины, но скоро опять вернулся въ Сицилію, и умеръ (456) въ городѣ Гелѣ.

Эсхилъ, говорятъ, написалъ до семидесяти, а по другимъ извѣстіямъ восемьдесять трагедій, изъ которыхъ до насъ сохранилось только семь. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ передъ нами является картина великаго времени и свойственное ему величіе настроенія общественнаго духа. Каждая его трагедія, какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ подробностяхъ, не человѣчески возвышена и запечатлѣна характеромъ колоссальнаго. Эсхилъ, придавъ своимъ трагедіямъ мрачный и суровый характеръ мистерій, думалъ этимъ сдерживать крайнихъ демократовъ; таинственное богослуженіе, введенное въ Греціи всего за нѣсколь-

ко поколѣній до Эсхила, представлено имъ въ тѣсной связи съ временемъ перваго развитія грековъ, и слѣдовательно какъ бы существовавшимъ съ древнѣйшихъ временъ. Вообще, Эсхилъ вездѣ старается защитить отъ нападковъ крайнихъ демократовъ тѣ изъ аѳинскихъ учрежденій, которыя носили аристократическій характеръ. Наконецъ, почти всѣ его трагедіи имѣютъ бо́льшее или меньшее отношеніе къ національной борьбѣ грековъ съ персами и выставляютъ всю противоположность между направленіемъ и образомъ жизни грековъ и персовъ. Такимъ образомъ, идеи Эсхила вращаются около религіи и государства, къ нимъ направлены всѣ стремленія и цѣли поэта; частныя же дѣла являются у него только какъ побочныя обстоятельства. Основная мысль каждой трагедіи Эсхила точно также почти всегда принадлежитъ не столько самому поэту, сколько его времени, или же это мысль, взятая изъ преданія и религіи, которую поэтъ стремится только олицетворить въ драмѣ.

Основныя идеи трагедій Эсхила всегда политическія или религіозныя, или же и тѣ и другія вмѣстѣ. Напримѣръ, въ „Скованномъ Прометеѣ" олицетворена та мысль, что истинная свобода человѣка никогда не можетъ быть побѣждена, истинное величіе души сильнѣе всякаго насилія, и что каждаго тиранна, какъ бы онъ ни былъ могуществен, ожидаетъ мщеніе. Здѣсь изображена борьба деспотизма и грубой власти съ свободой, энергіей и здравымъ разсудкомъ; выставлена противоположность между величіемъ и благородствомъ героя, сражающагося для достиженія умственныхъ благъ, и рабскою натурою презрѣннаго человѣка, готоваго на все изъ за денегъ, — или мягкою и нѣжною душою, сочувствующею хорошему и ненавидящею насиліе и деспотизмъ, но неимѣющею силъ, чтобъ сопротивляться и помочь другому, — или наконецъ съ дюжинными людьми, сгибающимися передъ каждымъ, и не умѣющими сказать человѣку въ несчастіи ничего другаго, кромѣ нѣсколькихъ заученныхъ утѣшительныхъ фразъ и нравоучительныхъ изреченій. Въ другой трагедіи „Персы," —

содержаніемъ которой послужило уничтоженіе могущества персовъ на морѣ, — представлено государственное устройство грековъ, основанное на законѣ и справедливости, ихъ общественное направленіе, чувство собственнаго достоинства, которымъ проникнутъ каждый гражданинъ, сила, которую можетъ создать свободный народъ, когда ему предстоитъ борьба за свою независимость; и, въ противоположность греческому быту — характеръ персидскаго государства, безпорядочная, не связанная никакими нравственными узами, масса народовъ, произволъ, основанный на подавленіи личной свободы, боготвореніе царя, и безсиліе огромнаго войска, не понимающаго куда его ведутъ, но идущаго умирать по одному безсмысленному повиновенію.

Третья трагедія Эсхила, „Агамемнонъ“, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ намековъ, содержитъ въ себѣ предостереженіе Аѳинамъ, упоеннымъ побѣдою, въ томъ, что высокомѣріе въ счастіи влечетъ за собой паденіе (какъ указываетъ примѣръ Агамемнона). Въ четвертой трагедіи, представляющей убійство Орестомъ своей матери и названной „Хоэфоры“, высказывается съ одной стороны сочувствіе сверженію узурпатора, какъ торжеству справедливости надъ владычествомъ наглаго насилія, съ другой же — порицается убійство совершенное Орестомъ, какъ страшное преступленіе противъ религіи и нарушеніе священнѣйшихъ законовъ природы. Въ „Эвменидахъ“, — той трагедіи, въ которой Оресту прощается убійство, Эсхилъ представляетъ своимъ аѳинскимъ согражданамъ ихъ священное древнее судилище ареопагъ, члены котораго состояли изъ самыхъ доблестныхъ и опытныхъ старшинъ народа. Въ этомъ судилищѣ, которое должно произнести приговоръ надъ Орестомъ, являются у Эсхила даже два главнѣйшія божества Аѳинъ, Минерва и Аполлонъ, окруженныя всѣмъ, что только было дорого и свято аѳинянамъ. Намѣреніе поэта было выставить въ этой трагедіи древнія аѳинскія учрежденія, сильно измѣненныя демократами, какъ самое священное устройство, нераздѣльно связанное съ благосостояніемъ государства. Ему хотѣлось, чтобъ въ Аѳинахъ сохра-

нились древнія судилища, старинные обычаи культа, наслѣдственность жрецовъ и аристократіи, которой угрожало паденіе. Въ этой трагедіи онъ всюду вводитъ боговъ и заставляетъ покровительницу аѳинянъ сказать гражданамъ, что цѣль всѣхъ аѳинскихъ учрежденій, законовъ, правилъ заключается въ удержаніи законнаго порядка и въ удаленіи отъ разврата варварскихъ народовъ, но что достигнуть этого можно только тогда, когда боги возстановятъ прежній порядокъ, и что слѣдовательно каждый, старающійся его разрушить, совершаетъ преступленіе противъ боговъ.—

Софоклъ, родившійся 495 въ незначительномъ мѣстечкѣ Аттики и умершій 405, жилъ въ ту эпоху, замѣчательную политическими событіями, когда въ Аѳинахъ господствовали крайніе демократы, а государство достигло вершины своего могущества. Софоклъ, какъ почти всѣ граждане свободныхъ греческихъ государствъ, принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ событіяхъ своего роднаго города, и, между прочимъ, въ войнѣ съ Самосомъ (т. I. стр. 434) занималъ важное мѣсто въ аѳинскомъ флотѣ. Въ 468 г. онъ одержалъ побѣду надъ Эсхиломъ на драматическомъ состязаніи. Подобно Эсхилу, его не разъ приглашали къ себѣ чужеземные властители, но онъ никогда не ѣздилъ къ нимъ, и всю свою жизнь прожилъ въ Аѳинахъ. Нѣкоторые говорятъ, что Софокломъ написано до 130-ти трагедій, но, по всей вѣроятности, число ихъ не превосходило семидесяти. До насъ сохранилось только семь полныхъ его трагедій.

Хотя Софоклъ былъ только 30 годами моложе Эсхила, и оба поэта въ теченіе нѣкотораго времени даже блистательно соперничали другъ съ другомъ, но въ ихъ произведеніяхъ замѣтна огромная разница образованія, убѣжденій и взгляда на общественную жизнь. Въ трагедіяхъ Софокла видѣнъ уже вѣкъ Перикла, полный жизни, художественныхъ стремленій и той подвижности, которая поддерживалась живымъ словомъ и поэзіей. Въ произведеніяхъ Софокла нѣтъ и слѣдовъ того аристократическаго направленія, котораго держался его предшественникъ. Возвышенное и ужасное

въ трагедіяхъ Эсхила является у Софокла веселымъ и мягкимъ, даже тогда, когда говорится о страшныхъ богиняхъ мести. Женщины, не принимавшія у Эсхила никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, получаютъ у Софокла то значеніе, которое дѣйствительно имѣли во времена Перикла Аспазія и подобныя ей развитыя и энергичныя женщины.

Краткій очеркъ нѣкоторыхъ трагедій Софокла яснѣе представитъ характеръ поэта и его времени. Въ двухъ трагедіяхъ, гдѣ представлена исторія Эдипа, даже грозное имѣетъ радостный видъ. Напримѣръ, Эвмениды, имѣющія вліяніе на судьбу Эдипа, и являвшіяся въ трагедіяхъ Эсхила при страшной обстановкѣ, глубоко потрясавшей впечатлительныхъ аѳинянъ, у Софокла совсѣмъ не показываются на сценѣ. Уже по этому можно судить, какъ сильно измѣнилось въ короткое время направленіе образованной части общества: теперь не хотѣли болѣе смотрѣть на то, что производило непріятное впечатлѣніе, и Софоклъ, выпуская все чудовищно-ужасное, долженъ былъ стараться трогательно дѣйствовать на свою публику. — Въ „Электрѣ“ Софокла встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ трагедіяхъ Эсхила, намеки на вырожденіе аѳинской свободы, развращеніе нравовъ и злоупотребленія. Въ этой трагедіи, какъ почти вездѣ у Софокла, женщины играютъ важную роль. Въ одной изъ героинь представленъ тотъ благородный и нѣжный женскій характеръ, который, не составляя особенности исключительной натуры, развивается въ большинствѣ образованныхъ женщинъ только при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ.

Въ „Аяксѣ“ заключается скрытый упрекъ аѳинянамъ за участь, которой они подвергли столькихъ великихъ и благородныхъ людей. Въ то же время въ характерѣ Улисса отражается бытъ тогдашнихъ аѳинянъ. Этотъ герой героической эпохи, подобно всѣмъ миѳическимъ личностямъ трагедій Софокла, вполнѣ соотвѣтствуетъ времени, въ которое жилъ трагикъ. Софоклъ изобразилъ въ немъ государственнаго человѣка эпохи Перикла, служащаго вмѣстѣ интересамъ государства и нравственности. Въ „Филоктетѣ“ тотъ же

самый Улиссъ представляетъ собою и съ другой стороны характеръ тогдашняго правителя государства. Въ послѣдней трагедіи поэтъ допускаетъ Улисса жертвовать нравственностью государственному разсчету. Въ „Антигонѣ" изображена любовь нѣсколько похожая на романтическую, которую древніе вообще мало понимали. Въ этой трагедіи отношенія обоихъ половъ являются почти такими же, какими они существуютъ вездѣ, гдѣ облагорожена общественная жизнь. Наконецъ, въ „Антигонѣ" видно намѣреніе поэта предостеречь аѳинянъ, чтобъ они не становились своими учрежденіями въ противорѣчіе съ священнѣйшими народными обычаями и божественными законами. Софоклъ старается показать соотечественникамъ, что благосостояніе скоро доводитъ человѣка до высокомѣрія, непостоянство—до произвола, обезпеченность и удобства жизни—до нахальства. Въ „Неистовомъ Геркулесѣ" Софоклъ придалъ характеру Деяниры нѣжность, которая можетъ развиться только въ образованномъ вѣкѣ и при такихъ обстоятельствахъ, которыя особенно благопріятствуютъ развитію истинной женственности. Нѣжность и мягкость, изображенныя поэтомъ, сохраняются даже въ минуты сильнѣйшей ревности; Деянира жертвуетъ ревностью—любви и, чтобъ понравиться мужу, ласково принимаетъ свою соперницу. Такой характеръ конечно созданъ поэтомъ, который идеализировалъ существовавшія отношенія; но, чтобъ быть понятымъ, онъ все таки долженъ былъ согласоваться съ нравами и понятіями своихъ слушателей.—Наконецъ, послѣдняя изъ семи трагедій Софокла, „Филоктетъ", предостерегаетъ аѳинянъ отъ жестокаго обращенія съ побѣжденными; вообще вся эта трагедія проникнута рыцарскими понятіями новаго времени.—

Совсѣмъ иными изображены нравы, направленіе и духъ времени у Эврипида, въ произведеніяхъ котораго полнѣйшимъ образомъ отразился упадокъ аѳинскаго міра. По своему характеру и стремленіямъ Эврипидъ принадлежитъ позднѣйшему времени чѣмъ Софоклъ, не смотря на то, что онъ умеръ нѣсколькими мѣсяцами раньше послѣдняго. Эврипидъ получилъ образованіе у

философовъ Анаксагора, Протагора, Продика и Сократа, тогда какъ оба его предшественника не были знакомы съ тогдашней философіей, и, какъ вообще греки прежняго времени, заимствовали взглядъ на жизнь только изъ старинныхъ произведеній поэзіи и дѣйствительной жизни. Эврипидъ не принималъ, подобно Эсхилу и Софоклу, дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ Аѳинъ, хотя вмѣстѣ съ философіей занимался краснорѣчіемъ и вообще всѣмъ, что находилось съ нимъ въ связи. Не задолго до своей смерти, онъ оставилъ Аѳины, гдѣ его драматическіе труды и направленіе были осмѣяны сатирами Аристофана. Онъ отправился ко двору македонскаго царя Архелая, который очень высоко цѣнилъ его и принялъ съ великимъ почетомъ. Эврипидъ умеръ въ Пеллѣ. Ему приписываютъ 120 драмъ, изъ которыхъ 19 сохранилось до насъ.

По своему образованію и жизни Эврипидъ долженъ былъ идти совсѣмъ другимъ путемъ, чѣмъ Эсхилъ и Софоклъ; тѣмъ болѣе, что онъ обладалъ только великимъ талантомъ, и не имѣлъ той геніальности, которой отличались оба его предшественника. Все его философское и ораторское образованіе послужило ему только для примѣненія къ театру того, что было изучено въ школѣ, но на скользкій путь практической государственной дѣятельности онъ никогда не вступалъ. Такимъ образомъ, онъ писалъ по правиламъ, тогда какъ оба его великіе предшественника создавали свои произведенія изъ чистаго источника внутренней, врожденной силы, воодушевляясь истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Эврипидъ старался поучать слушателей высказываемыми идеями и въ то же время доставлять имъ наслажденіе плавнымъ построеніемъ рѣчи, составленнымъ по правиламъ искусства, тогда какъ Эсхилъ и Софоклъ въ самомъ дѣйствіи драмы открывали источникъ для поученій, и смотрѣли на рѣчь только какъ на средство и форму. Эврипидъ былъ сыномъ своего времени, и благоговѣлъ передъ господствовавшимъ тогда направленіемъ. Обладая поэтическимъ талантомъ, высокимъ ораторскимъ и философскимъ образованіемъ, онъ

имѣлъ всѣ данныя, чтобъ пріобрѣсти себѣ сочувствіе большинства современниковъ, между тѣмъ люди талантливые и проницательные, напримѣръ комикъ Аристофанъ, справедливо нападали на него, какъ на представителя и покровителя слабостей своего времени. Самъ по себѣ его поэтическій талантъ былъ великъ, и потомство справедливо причислило Эврипида на ряду съ Эсхиломъ и Софокломъ къ первымъ трагикамъ древняго міра, хотя по своимъ поэтическимъ дарованіямъ и эстетическому достоинству своихъ произведеній, онъ всетаки стоитъ ниже ихъ обоихъ. Но еще болѣе отличается Эврипидъ отъ Эсхила и Софокла по своему направленію, своей зависимости отъ господствующаго направленія, и по тому вредному вліянію, которое онъ имѣлъ на духъ времени.

Въ произведеніяхъ Эврипида узнаешь время, когда ученіе и краснорѣчіе заняли мѣсто истиннаго вдохновенія, а вкусъ подчинился правиламъ, которыя давали возможность таланту пытаться на то, что достижимо только одному генію. Узнаешь время, въ которое большинство лучшей части народа имѣетъ только поверхностныя знанія, замѣняющія у него мѣсто истиннаго образованія; время слабости и непостоянства, въ которое сентиментальность считается чувствомъ, а желаніе поговорить любовью къ наукѣ; наконецъ время, когда люди сдѣлались слишкомъ вялы для того, чтобъ напрягать свои умственныя силы, и потому хотятъ, чтобъ всѣ мысли были имъ разжеваны, всѣ идеи и воззрѣнія подробно развиты, всѣ картины расписаны. Эпоха Эврипида совершенно потеряла смыслъ для чистой, неподдѣльной истины, утратила силы духа, нужныя для пониманія серьёзнаго поэта, и потому естественно, что такой человѣкъ, какъ Эврипидъ, не могъ слѣдовать направленію своихъ предшественниковъ. Чтобы нравиться и удовлетворять своему времени, онъ долженъ былъ проложить новый путь. Но лишь только онъ это сдѣлалъ и, заслуживъ полное сочувствіе публики, сдѣлался любимѣйшимъ и наиболѣе читаемымъ поэтомъ, какъ и всѣ остальные должны были пойти по его слѣдамъ; и его по-

слѣдователи пошли, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, по новой и еще худшей дорогѣ.

Такимъ образомъ, въ трагедіяхъ Эврипида поэтъ уже не является выше публики, но, какъ обыкновенный человѣкъ, стоитъ на одной съ нею ступени. Онъ, такъ сказать, только одинъ изъ многихъ, и вслѣдствіе того во всѣхъ своихъ трагедіяхъ, болѣе или менѣе, преклоняется передъ господствующимъ въ то время направленіемъ аѳинянъ. Эврипидъ прежде всего заботится о томъ, чтобъ понравиться своимъ слушателямъ и удовлетворить ихъ желанію слушать рѣчи, политизировать, относиться ко всему съ скептицизмомъ, легкостью и критикою, острить и вертѣться на общихъ мѣстахъ. Онъ предается паѳосу, всюду приплетаетъ моральныя сентенціи, стремится придать рѣчи ровный тонъ, періодамъ округленность, ищетъ острыхъ и неожиданныхъ оборотовъ, предпочитаетъ вопль — трогательному, плаксивое—потрясающему, и старается подѣйствовать только внѣшностью, которую такіе люди, какъ Софоклъ и Эсхилъ, всегда презирали. Разборъ нѣкоторыхъ трагедій Эврипида нагляднѣе представитъ эти характеристическія черты поэта.

Въ трагедіи „Гекуба" Эврипидъ воспользовался страшною несправедливостью, сдѣланною противъ троянской царской фамиліи, чтобъ перенести на сцену судебное производство и рѣчи, которыя аѳиняне такъ охотно слушали. Здѣсь Улиссъ представленъ настоящимъ сикофантомъ (т. II, стр. 5), до глубины изучившимъ софистику и искусство превратно толковать слова. Рѣчи, приводимыя поэтомъ, наполнены нравственными изреченіями и нравоученіями, и потому они должны были нравиться въ тѣ времена, когда публика, руководствуясь больше размышленіемъ, чѣмъ непосредственнымъ чувствомъ, могла легко запоминать ихъ и приводить при удобномъ случаѣ. — Въ другой трагедіи, „Орестѣ", точно также представленъ процессъ, со всѣми его подробностями; на сценѣ является даже допросъ свидѣтелей, и длинныя рѣчи обѣихъ сторонъ наполнены политическими взглядами. Въ „Орестѣ" видны также нѣкоторые слѣды вошедшей въ моду философіи и того вліянія, кото-

рое она имѣла на уничтоженіе народныхъ вѣрованій. Кромѣ того, въ этой трагедіи драматическое искусство унижено до цѣлей и стремленій обыденной жизни. Напримѣръ, одинъ изъ героевъ эпохи Гомера, царь Менелай, представленъ съ такимъ подлымъ направленіемъ, которое проявляется только въ промышленныя времена и у людей, исключительно заботящихся о наживѣ. Точно также поэтъ заставляетъ героя трагедіи высказать очень серьёзно предположеніе, что Елена, какъ его будущая наслѣдница, уже теперь заботится о томъ, какъ бы завладѣть остающимся послѣ него имуществомъ.

Если подобныя черты достаточно ясно высказываютъ, что древнее и героическое направленіе уступило теперь мѣсто современному, то различіе нравовъ и господствовавшаго духа сдѣлается еще очевиднѣе, при сравненіи „Финикіянокъ“ Эврипида съ трагедіей Эсхила „Семеро передъ Ѳивами“, сюжетъ которыхъ одинаковъ. У Эсхила средоточіемъ всего служатъ государство и религія; трагедія Эврипида, напротивъ того, вращается около судьбы отдѣльныхъ личностей, мужчинъ и женщинъ. Кромѣ того, большая ея часть наполнена изреченіями, остроумными фразами и различнаго рода намеками. поражающими слушателя. Тутъ опять трагическое низведено до обыденнаго, какъ напримѣръ, когда одно изъ лицъ высказываетъ ту мысль, что для женщины удовольствіе, когда она можетъ сказать про другую что нибудь дурное. Въ этой трагедіи также представленъ на сценѣ процессъ; имъ оканчивается та часть „Финикіянокъ“, переводъ которой сдѣланъ Шиллеромъ. Въ рѣчахъ братьевъ Этеокла и Полиника, гдѣ они являются соперниками, выступаетъ на сцену все искусство эпохи, воспитанной на краснорѣчіи, исчерпано все остроуміе, сарказмъ доведенъ до высшей степени. Эти рѣчи составлены по строгимъ правиламъ искусства: онѣ состоятъ изъ вступленія, художественнаго изложенія предмета и трогательнаго окончанія. Оба противника стараются, подобно аѳинскимъ адвокатамъ, перетолковывать смыслъ словъ, отвѣчать колкостями, или же ловкой діалектикой обращать ска-

занное противникомъ въ смѣшное. Ели „Финикіянки“ Эврипида, при сравненіи съ трагедіей Эсхила, выказываютъ время упадка, то на оборотъ онѣ производятъ противное впечатлѣніе, если ихъ поставить рядомъ съ тою трагедіей, въ которой Сенека, римскій писатель, жившій послѣ р. X., драматически изображаетъ тотъ же предметъ. При этомъ сравненіи не только выказывается все превосходство эпохи Эврипида, но и его краснорѣчіе является въ полномъ своемъ блескѣ въ противоположность напыщенности, господствовавшей во времена Сенеки. Въ “Финикіянкахъ“ Эврипида языкъ является дѣйствительно художественно обработаннымъ, трагедія Сенеки, напротивъ того, составлена изъ однѣхъ только декламацій, фигуральныхъ выраженій и преувеличеній.

Въ трагедіи „Троянки“ поэтическій талантъ Эврипида выказывается во всемъ своемъ блескѣ, стихи разнаго размѣра такъ искусно перемѣшаны и построены, что по этой трагедіи узнаешь поэта, знакомаго со всѣми науками своего времени. Ораторскіе переходы и расположеніе рѣчи сдѣланы съ искусствомъ, достойнымъ удивленія, а удачное примѣненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Гомера производило глубоко потрясающее впечатлѣніе на сердце грековъ. Но съ другой стороны самое содержаніе этого прекраснаго стиха показываетъ, что поэтъ изображаетъ трагическое не поэтически, но реторически, и, вмѣсто высокаго, чистаго вдохновенія прежнихъ временъ, въ самомъ выраженіи трогательнаго просвѣчиваетъ преднамѣренность и поддѣльность поэта.

Съ Эврипидомъ насталъ конецъ процвѣтанія трагическаго искусства. Оно оставалось, правда, и впослѣдствіи въ большомъ почетѣ, найдя сильное и блистательное покровительство въ Македоніи у Филиппа и Александра, и у другихъ владѣтелей, но уже никогда не сходило съ того пути, на который его низвели Эврипидъ и его послѣдователи; и если имѣло еще всеобщій интересъ, то это происходило только вслѣдствіе любви грековъ къ драматическому искусству. Въ послѣдующія времена являлось, правда, множество трагическихъ писателей, но и самъ древній міръ не считалъ ни

одного изъ нихъ достойнымъ стать на ряду съ тремя великими трагиками. То, что мы о нихъ знаемъ, доказываетъ очевиднымъ образомъ, что уже не существовало прежняго духа и вдохновенія, и огромное число этихъ писателей свидѣтельствуетъ только, какой потребностью былъ для греческой публики театръ. Только три писателя,—время жизни которыхъ совпадаетъ съ столѣтіемъ трехъ великихъ трагиковъ, — Іонъ, Ахей и Агатонъ, имѣли нѣкоторое значеніе. Двое первыхъ были включены въ канонъ или списокъ лучшихъ трагиковъ, составленный въ Александріи, приблизительно черезъ двѣсти лѣтъ послѣ смерти Эврипида, нѣсколькими греческими учеными, вмѣстѣ съ подобнымъ же спискомъ по другимъ родамъ поэзіи. Юношескій возрастъ Іона совпадаетъ съ послѣднимъ десятилѣтіемъ жизни Эсхила. Онъ родился на островѣ Хіосѣ, но поселился навсегда въ Аѳинахъ, и умеръ четырнадцатью годами ранѣе Софокла. Немногіе, сохранившіеся до насъ отрывки, выказываютъ въ немъ талантливаго и оригинальнаго поэта, ближе всего подходящаго къ Эврипиду. Ахей изъ Эвбеи, родившійся четырьмя годами ранѣе Эврипида, извѣстенъ намъ еще менѣе Іона; впрочемъ, кажется, что онъ достигъ большей высоты въ комедіи, чѣмъ въ трагедіи. Агатонъ, аѳинянинъ по рожденію, славился въ то время, когда умерли Софоклъ и Эврипидъ; съ послѣднимъ онъ былъ очень друженъ, и, по словамъ Аристотеля, принадлежалъ къ поэтамъ, которые, стараясь придать трагедіи искуственность, еще болѣе ее унизили.

Мы не можемъ ясно опредѣлить себѣ характеръ драматическаго искусства того времени, потому что о немъ можно судить только будучи зрителемъ. Различныя отношенія и обстоятельства выказываютъ однако, что драматическое искусство процвѣтало особенно въ періодъ отъ Пелопоннесской войны до смерти Александра Великаго. Въ древнемъ мірѣ нѣтъ ни одной эпохи, отъ которой бы сохранилось до насъ столько именъ знаменитыхъ актеровъ, и въ древней исторіи нѣтъ другаго періода, въ который бы актеры занимали столь почетное положеніе въ обществѣ,

пользовались бы такимъ вліяніемъ въ государствѣ и имѣли бы возможность пріобрѣтать столь значительныя богатства. Изъ политической исторіи Греціи въ эпоху Филиппа II извѣстно, какую важную роль играли въ государственныхъ дѣлахъ аѳинскіе актеры — Аристодемъ, Неоптолемъ и Сатиръ. Любимыми актерами Александра Великаго, тоже пользовавшимися большимъ вліяніемъ, были Атенодоръ и Тессалъ. Актеръ получалъ въ то время такъ много, что, напримѣръ, Полусъ, современникъ Демосѳена, могъ хвалиться передъ нимъ тѣмъ, что въ два вечера получаетъ талантъ (около 1,300 р.) Какъ велика была эта плата, можно заключить изъ того, что въ Аѳинахъ въ то время состояніе въ 15 талантовъ считалось очень значительнымъ. —

Время паденія трагическаго искусства было періодомъ высшаго процвѣтанія комедіи. Постепенное развитіе этого рода драматической поэзіи также мало извѣстно, какъ и возникновеніе трагедіи. Но, кажется, можно съ достовѣрностью сказать, что комедія появилась впервые не въ Аттикѣ. Она также вышла изъ праздниковъ Вакха, во время которыхъ, именно въ пору сбора винограда, пѣли веселыя пѣсни въ честь боговъ и для удовольствія соучастниковъ. Эти пѣсни и составляютъ первые начатки комедіи; ихъ пѣли въ торжественномъ шествіи, и часто соединяли съ ними насмѣшливыя выходки противъ различныхъ лицъ и современныхъ событій. Какимъ образомъ эти пѣсни и хоровыя процессіи приняли мало по малу драматическую форму, такъ же мало извѣстно, какъ и то, у котораго изъ греческихъ племенъ это впервые произошло. Древнѣйшіе слѣды находятся въ сосѣдней съ Аттикою Мегарѣ, гдѣ Сузаріонъ, около 570 г. до р. Х., сочинялъ насмѣшливые стихи для хоровъ праздника Вакха, и на островѣ Сициліи, гдѣ во времена Эсхила жилъ Эпихармъ, одинъ изъ древнѣйшихъ комическихъ писателей.

Въ Сициліи часто встрѣчался также и другой родъ поэзіи, родственный съ драматическою. Это такъ называемые мимы, т. е. небольшіе діалоги, въ которыхъ представлялись различныя

черты нравовъ, страсти, сцены или даже типы разныхъ классовъ. Такимъ образомъ, мимы были картинами нравовъ, характеровъ, сословій или сценъ изъ народной жизни, въ разговорной формѣ; большая часть изъ нихъ была написана не стихами, а особою мѣрною поэтическою прозою. Можно лучше всего понять истинный характеръ мимовъ и ихъ разнообразіе, если вспомнить, какъ сильна впечатлительность народовъ южной Европы, жизнь которыхъ гораздо ближе къ природѣ чѣмъ наша, сравнить съ мимами пьесы на тосканскомъ народномъ нарѣчіи, нынѣшнія неаполитанскія увеселенія и т. п. Мимы, бывшіе чаще всего импровизаціями въ веселомъ и насмѣшливомъ тонѣ, введены въ литературу сиракузцемъ Софрономъ, жившимъ около 450 г. до р. Х., и писавшимъ подобные діалоги. При немъ мимы обратились въ особаго рода комедіи, которыя отчасти можно сравнить съ нашими пьесами въ одномъ дѣйствіи; но они не имѣли ни такъ называемой завязки или интриги, ни хора древней греческой комедіи.

Въ Аѳинахъ комедія, подобно трагедіи достигшая тамъ своего совершенства, появилась въ половинѣ пятаго вѣка до нашего лѣтосчисленія. Древнѣйшими аѳинскими комическими писателями были Кратинъ, Кратесъ и Эвполъ, жившіе въ упомянутую эпоху. Изъ нихъ наиболѣе замѣчателенъ послѣдній, отличавшійся, не смотря на свою грубость, стремленіемъ къ возвышенному и серьёзному, и прославившійся смѣлостью, съ которою онъ осмѣивалъ первыхъ государственныхъ людей своего времени. Но величайшимъ комикомъ, не только Аѳинъ, но и всего древняго міра, былъ Аристофанъ, лучшіе годы дѣятельности котораго совпадаютъ съ Пелопоннесскою войною. Такимъ образомъ, комедія возвысилась въ то самое время, когда пала трагедія. Это явленіе совершенно понятно, если принять въ соображеніе характеръ грековъ, въ особенности аѳинянъ, и существенныя свойства этого рода поэзіи. Комедія была вѣрнымъ изображеніемъ жизни и, не расходясь подобно трагедіи съ духомъ времени, могла, по мѣрѣ развитія народа, измѣняться вмѣстѣ съ жизнью, не теряя своего вну-

треннаго достоинства, тѣмъ болѣе, что аѳиняне были народомъ живымъ, богатымъ особенностями, и одареннымъ способностью дѣлать смѣшными даже самые серьёзные предметы. Такимъ образомъ и въ эпоху упадка греческаго духа, комедія сохранилась, не въ видѣ истощенной и вступившей на ложный путь отрасли поэзіи, какъ трагедія, но приняла только новый видъ, соотвѣтствовавшій измѣнившимся обстоятельствамъ. По различію формъ, въ которыхъ постепенно являлась греческая комедія, ее раздѣляютъ на три класса: древнюю, среднюю и новую.

Древняя комедія представляла на сценѣ современную жизнь въ самыхъ важныхъ ея проявленіяхъ, называя по именамъ лицъ, являвшихся въ ней дѣйствующими и копируя даже ихъ внѣшность. Государственное управленіе, поэзія, философія, однимъ словомъ вся дѣйствительная аѳинская жизнь, на сколько она противорѣчила идеалу благороднаго, дѣлалась жертвою ея сатиры. Эти черты начинаютъ смягчаться въ средней комедіи, возникшей въ началѣ четвертаго столѣтія до р. Х. и продолжавшейся до воцаренія Александра Великаго. Писатели этого втораго періода греческой комедіи нападали еще на извѣстныя современныя личности и событія, но при этомъ употребляли вымышленныя имена. Они продолжали изображать дурные и пошлые нравы своего времени, но иногда къ голой истинѣ и дѣйствительности прибавляли нѣкоторую долю вымысла, и влагали въ уста дѣйствующихъ лицъ разнаго рода нравоученія, не заключавшіяся въ самомъ ходѣ комедіи. Новая комедія, во время Александра смѣнившая среднюю, не касалась уже общественныхъ дѣлъ и, для изображенія отношеній частной жизни къ нравственному состоянію и счастью человѣка, избирала своими сюжетами не явленія дѣйствительной жизни, а вымышленныя событія. Подобно нашей комедіи, она выводила на сцену мелкія общественныя отношенія и столкновенія, ограничивалась изображеніемъ общихъ человѣческихъ страстей, и старалась поразить зрителя запутанностью и неожиданной развязкою интриги. Сюжеты ея были большею частью безнрав-

ственны, но вредное вліяніе ихъ старались умѣрять правоучительными сентенціями, которыя влагали въ уста дѣйствующихъ лицъ.

Въ „канонѣ“ комедіи или перечнѣ лучшихъ комическихъ писателей, составленномъ, приблизительно за 200 л. до р. Х., нѣсколькими греческими учеными въ Александріи, упоминаются слѣдующія лица: въ канонѣ древней комедіи, кромѣ названныхъ нами Эпихарма, Кратина, Эвпола и Аристофана, помѣщены современники Аристофана, аѳиняне Ферекратъ и Платонъ, — послѣдняго не должно смѣшивать съ философомъ того же имени. Изъ произведеній всѣхъ комическихъ писателей, кромѣ Аристофана, до насъ дошли только незначительные отрывки. Въ канонѣ средней комедіи упоминаются имена только двухъ писателей: Антифана, родина котораго неизвѣстна, и Алексиса, изъ Турія въ нижней Италіи. Первый изъ нихъ жилъ въ первой, а послѣдній — во второй половинѣ четвертаго столѣтія до р. Х. Отъ сочиненій обоихъ писателей остались только небольшіе отрывки, хотя Алексисъ написалъ не менѣе двухсотъ сорока пяти, а Антифанъ двѣсти восемьдесятъ и по другимъ свѣдѣніямъ даже триста шестьдесятъ пять комедій. Писатели новой комедіи принадлежатъ къ позднѣйшему періоду греческой исторіи и будутъ упомянуты при ея изложеніи.

Аристофанъ — единственный писатель эпохи процвѣтанія греческой комедіи, отъ котораго до насъ дошли полныя пьесы. Событія его жизни такъ мало извѣстны намъ, что мы не можемъ назвать съ достовѣрностью ни мѣста, ни года его рожденія и смерти. Онъ былъ аѳинскій гражданинъ и жилъ во время Пелопоннесской войны, и по крайней мѣрѣ еще двадцать лѣтъ послѣ ея окончанія. Число написанныхъ имъ комедій простиралось, говорятъ, до пятидесяти четырехъ; изъ нихъ до насъ дошли только одиннадцать.

Аристофанъ былъ порицателемъ своего времени, какъ Эврипидъ его панегиристомъ. Комедіи Аристофана изображаютъ различіе между характерами и упадкомъ нравовъ той эпохи,

въ которой онъ жилъ, и неиспорченными нравами прежняго, лучшаго времени. Онѣ представляютъ контрастъ между здравымъ человѣческимъ смысломъ и господствовавшимъ тогда — остроумничаніемъ, между истинною поэзіею и звучнымъ наборомъ словъ большей части современныхъ поэтовъ. Сюжетомъ комедій Аристофана была вся тогдашняя политическая, нравственная и умственная жизнь аѳинскаго народа. Въ нихъ нельзя искать ни многосложной завязки, ни неожиданной развязки, потому что онъ хотѣлъ занять и приковать вниманіе слушателя не развитіемъ искусно придуманной интриги, а силою поэзіи, сатирическимъ изображеніемъ извѣстной стороны тогдашней жизни и неподдѣльною вѣрностью картины.

Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, изъ комедій Аристофана можно составить себѣ ясное понятіе о различныхъ сторонахъ характера его времени, и этой цѣли должны служить слѣдующія замѣтки о нѣкоторыхъ изъ его произведеній. Комедія, извѣстная подъ именемъ „Плутосъ“ или „Богатство“, и послужившая римскому и французскому комикамъ Плавту и Мольеру источникомъ для комическаго изображенія скупца, начинается пародіею на одну изъ трагедій Эврипида и ироническимъ повтореніемъ нѣкоторыхъ изъ его стиховъ. Эврипидъ осмѣивается какъ поэтъ, старающійся привлечь вниманіе своихъ слушателей не внутреннею силою своей поэзіи, а романтичностью и занимательностью сюжета своей трагедіи и заслужить одобреніе публики искуственностью и гладкостью своей рѣчи. Но главный сюжетъ комедіи составляетъ не поэзія Эврипида, а корыстолюбіе аѳинянъ во времена Аристофана. Поэтъ обращаетъ вниманіе своихъ согражданъ на неправильность отношеній тогдашней жизни, которыя въ Аѳинахъ, благодаря политическому равенству всѣхъ гражданъ, казались еще рѣзче и замѣтнѣе. Въ противоположность общему воззрѣнію, что богатства и чувственныя наслажденія, составляютъ награду добродѣтели, Аристофанъ желаетъ разъясинть своимъ слушателямъ истинное отношеніе человѣка къ матеріальнымъ благамъ, и указать, что

на правильное распредѣленіе богатствъ нужно смотрѣть какъ на первое условіе общественной жизни. При этомъ онъ проводитъ контрастъ между простотою жизни древнихъ грековъ и господствовавшею въ его время страстью къ роскоши, говоря, что самаго Зевса не должно считать богомъ, плавающимъ въ изобиліи, потому что онъ награждаетъ побѣдителей на посвященныхъ ему олимпійскихъ играхъ простою масличною вѣтвью, тогда какъ люди стали вездѣ очень щедры на золотые вѣнки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аристофанъ вооружается противъ страсти присутствовать при судебныхъ процессахъ и противъ тогдашнихъ крючкотворцевъ, прикрывавшихъ свои гнусныя дѣйствія личиною заботливости объ общемъ благѣ. Онъ раскрываетъ также мошенничества жрецовъ, которыя, по мѣрѣ упадка религіознаго духа, дѣлались все чаще и безстыднѣе.

Въ „Облакахъ,“ самомъ знаменитомъ изъ твореній Аристофана, предметомъ сатиры дѣлаются развращеніе нравовъ и упадокъ тогдашняго воспитанія, начавшіяся вмѣстѣ съ успѣхами образованности и промышленности и увеличеніемъ богатства. Онъ старается показать публикѣ, что всѣ стремятся къ образованію и пріобрѣтенію познаній только для того, чтобы умѣть болтать о всевозможныхъ вещахъ, своимъ искусствомъ, ловкостью и остроуміемъ приводить въ смущеніе менѣе образованныхъ и, смотря по надобности, доказывать и опровергать все, что угодно. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой комедіи является знаменитый философъ Сократъ, въ лицѣ котораго осмѣивается все воспитаніе тогдашняго юношества и философскія стремленія аѳинянъ. Уже въ позднѣйшій періодъ древности, но еще болѣе въ наше время, многіе находили несправедливымъ и непонятнымъ, что Аристофанъ предалъ публичному посмѣянію человѣка столь высоко стоявшаго въ нравственномъ отношеніи и доказавшаго своею смертью искренность своихъ стремленій и убѣжденій; но болѣе тщательное изученіе цѣли комика показываетъ, что онъ былъ также счастливъ въ выборѣ героя комедіи, какъ и во всѣхъ остальныхъ частно-

стяхъ этого образцоваго произведенія. При всемъ уваженіи къ личному характеру и ученію Сократа, должно сознаться, что онъ съ бо́льшимъ рвеніемъ и успѣхомъ, чѣмъ всѣ прочіе философы той эпохи, стремился придать древней религіи новый смыслъ и замѣнить старинные нравы народа новыми правилами нравственности. Подкапывая главнѣйшія опоры и самое существо аѳинской жизни, онъ своею дѣятельностью могъ быть столь же вреденъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ въ отношеніи государственной политики демагогъ Клеонъ, также осмѣянный Аристофаномъ. Такимъ образомъ въ лицѣ Сократа великій писатель хотѣлъ осмѣять начинавшія входить въ моду насмѣшки надъ религіею и сомнѣнія въ достовѣрности миѳовъ; изображеніе дѣятельности такого человѣка какъ Сократъ служило ему средствомъ доказать, что народныя вѣрованія необходимы для сохраненія государства и нравственности, и что религія никогда не можетъ быть замѣнена философскими идеями и простыми нравственными правилами. Для противодѣйствія господствовавшему стремленію, Аристофанъ противоставляетъ Сократу грубаго, но безъискусственнаго землевладѣльца Стрепсіада, какъ олицетвореніе добраго стараго времени, и въ противоположность тогдашнему образу жизни и образованію выставляетъ прадѣдовскіе нравы и воспитаніе.

Осмѣявъ въ „Облакахъ" новомодную философію, Аристофанъ, въ другой своей комедіи, „Лягушки", нападаетъ на модное стихотворство, стараясь и въ этомъ отношеніи противодѣйствовать начинающемуся упадку. Эврипидъ и испорченный вкусъ слушателей, которому онъ льстилъ, составляютъ сюжетъ комедіи. На сцену выводятся Эврипидъ и Эсхилъ, какъ представители ложной и истинной поэзіи, пародируются звучныя слова и фразы Эврипида, въ которыхъ можно подразумѣвать все и ничего и осмѣиваются, какъ нелѣпости, нѣкоторыя части его трагедій. При этомъ Аристофанъ указываетъ и на вредъ, причиненный образованію и изящному вкусу аѳинянъ владычествомъ простаго народа. Онъ заставляетъ Эврипида хвалиться тѣмъ, что въ

его трагедіяхъ и рабъ и старуха, и господинъ и женщина говорятъ одинаково, и когда Эсхилъ прерываетъ его восклицаніемъ: „И это допустили? И тебя не убили за то, что ты осмѣлился такъ унизить достоинство драмы“, Эврипидъ отвѣчаетъ: „Клянусь Аполлономъ! Я дѣлалъ это, сообразно демократической модѣ!“ Авторъ старается также показать, что только немногіе обладаютъ изящнымъ вкусомъ и вѣрностью сужденія. На объясненіе, что весь свѣтъ восхищается поэзіею Эврипида, Аристофанъ заставляетъ отвѣчать, что въ Аѳинахъ теперь очень мало людей способныхъ и знающихъ что нибудь, что большинство, думая только о стяжаніи и наслажденіяхъ, и въ поэзіи понимаетъ только то, что хорошо выглажено и выточено.

Комедія „Всадники“ осмѣиваетъ господство простаго народа и демагогіи кожевника Клеона. Главная цѣль ея растолковать гражданамъ, что все, дѣлаемое повидимому для нихъ, въ сущности дѣлается демагогами для своихъ собственныхъ выгодъ, показать какъ смѣшна и вредна политическая дѣятельность Клеона и ему подобныхъ, и представить среднее сословіе настоящимъ ядромъ народа и единственною опорою отечества. Такимъ образомъ, во „Всадникахъ“ осмѣивается Клеонъ и простой народъ и восхваляется среднее сословіе аѳинскаго народа.—Въ другой комедіи „Ахарнанцы“, поставленной на сцену въ 425 г. до р. Х., Аристофанъ намекаетъ на типъ знатныхъ молодыхъ аѳинянъ, которые, какъ напримѣръ Ламахъ (т. I стр. 449), желали продолженія бѣдственной войны, чтобы самимъ забавляться игрою въ оружіе и щегольствомъ военнаго наряда. Аристофанъ чрезвычайно остроумно и наглядно объясняетъ весь вредъ войны для трудящагося класса населенія и всѣ выгоды, которыя можетъ доставить миръ, въ особенности относительно матеріальныхъ наслажденій. Въ этой комедіи авторъ очевидно имѣлъ политическую цѣль побудить народъ согласиться на предложенія Никія и его партіи, желавшихъ заключить миръ со Спартою.

Въ „Осахъ“ Аристофанъ выводитъ на сцену безпорядки аѳин-

скаго судопроизводства. Въ этой комедіи осмѣивается страсть стариковъ гражданъ засѣдать въ судахъ и слушать льстивыя рѣчи истцовъ, обвиняемыхъ и адвокатовъ, и смѣшное сознаніе чиновничьяго достоинства, которымъ были проникнуты эти добродушные сапожники и портные. Онъ доказываетъ аѳинянамъ, что хотя эти почтенные старцы и воображаютъ, будто они дѣйствительно управляютъ государствомъ и, получая по три обола за каждое засѣданіе (т. I стр. 420), оказываютъ услугу отечеству, но что въ сущности они только рабы демагоговъ, и изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ терпятъ гораздо бо́льшій ущербъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, тогда какъ всѣ выгоды отъ судопроизводства достаются корыстолюбивымъ крючкотворцамъ. Чтобы показать, какъ льстецы обманываютъ народъ, Аристофанъ приводитъ нѣсколько доносовъ, мнимыхъ заговоровъ, выдуманныхъ сикофантами. Въ заключеніе онъ хлещетъ всею силою своей ироніи пошлый, невѣжественный и праздный большой свѣтъ, со всѣми его дураками и подлецами, пользующимися силою и вліяніемъ только вслѣдствіе неразвитости массъ.

4. Исторіографія.

Начало греческой исторіографіи тѣсно связано съ такъ называемой циклической поэзіей (т. I, стр. 345 и 354). Подобно тому, какъ изъ поэзіи древнѣйшихъ эпохъ, вслѣдствіе прогресса образованности, мало по малу развилась философія, какъ самостоятельное стремленіе мыслящей силы, точно также изъ поэтическаго изложенія легендъ возникла логографія или прозаическій разсказъ преданій (т. I, стр. 354), и уже изъ нея достовѣрная исторіографія. Геродотъ, жившій въ пятомъ столѣтіи до нашего лѣтосчисленія, былъ первымъ настоящимъ исторіографомъ грековъ. Все, что до него было написано у грековъ о событіяхъ прошлаго, состояло только изъ миѳическихъ разсказовъ или изъ сухихъ хронологическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ, при составленіи которыхъ

совершенно упускали изъ виду главную задачу исторіи — изображеніе характеровъ и хода развитія извѣстной эпохи. Геродотъ первый старался осмысливать факты, выводить событія изъ идей, и, сдѣлавшись вслѣдствіе того творцомъ достовѣрной исторіографіи, былъ прозванъ отцомъ исторіи. Между нимъ и логографами существуетъ гораздо бóльшее разстояніе, чѣмъ между Эсхиломъ и его предшественниками. До появленія перваго изъ трехъ великихъ трагиковъ, уже Тесписъ—формою, а Фринихъ—содержаніемъ положили основаніе истинной трагедіи, тогда какъ между Геродотомъ и логографами нѣтъ никакого связующаго перехода, и достовѣрная исторія какъ по способу изложенія, такъ и по руководящимъ идеямъ, была впервые создана Геродотомъ.

Развитіе исторіи шло тѣмъ же путемъ, какъ трагическая поэзія. У Геродота она была, подобно трагедіи Эсхила, чистымъ созданіемъ природы и вдохновенія; философіей и искусствомъ Фукидидъ довелъ ее, точно также какъ Софоклъ трагическое искусство, до совершенства; наконецъ, при Ксенофонтѣ она пала съ высоты, которой уже никогда болѣе не достигала. Исторіографія Ксенофонта, подобно драматической поэзіи Эврипида, пошла по новому направленію: по своему содержанію она была моралистической и прагматической, а въ формѣ изложенія старалась подражать изящному и вѣжливому тону образованнаго разговорнаго языка. Такимъ образомъ, исторіографія грековъ, подобно драматической поэзіи, была, послѣ непродолжительнаго процвѣтанія, приведена къ упадку измѣнившимся духомъ времени. Уже Ксенофонтъ, а еще болѣе послѣдующіе историки, почерпали изъ жизни народовъ, вмѣсто всесторонняго пониманія человѣческой природы, только нравоучительныя изреченія и правила нравственности или разума; въ ходѣ событій они видѣли не слѣды человѣческаго развитія, но спутанное движеніе страстей, наконецъ, на самое изученіе историческихъ событій смотрѣли только какъ на средство образовать и подготовить людей къ общественной дѣятельности.

Геродотъ родился около 484 г. до р. Х. въ Галикарнасѣ,

дорійской колоніи въ Каріи, занимавшей югозападную часть Малой Азіи. Еще въ ранней молодости, оставивъ свой родной городъ, онъ объѣхалъ всю Грецію, Македонію, Ѳракію, доходилъ до устьевъ Днѣпра, и посѣтилъ страны, лежащія къ востоку отъ Вавилона, Египетъ и сосѣднія земли. По возвращеніи изъ путешествія, Геродотъ поселился сначала на островѣ Самосѣ и здѣсь началъ писать свое историческое твореніе, въ которомъ разсказаны войны грековъ съ азіатцами, великая борьба съ персами за свободу, и во многихъ мѣстахъ сдѣланы описанія странъ и народовъ востока. Въ 444 году Геродотъ присоединился къ аѳинскимъ гражданамъ, отправившимся въ нижнюю Италію и возстановившимъ, подъ именемъ Турія, разрушенный Сибарисъ. Въ этомъ городѣ, кажется, онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ умеръ никакъ не ранѣе 408 г. до р. X. и слѣдовательно прожилъ по крайней мѣрѣ 77 лѣтъ. По извѣстію, дошедшему до насъ изъ періода позднѣйшей древности, Геродотъ читалъ публично часть своей исторіи въ первый разъ въ 456 г. на олимпійскихъ играхъ, потомъ еще разъ въ Коринѳѣ, и наконецъ въ послѣдній разъ въ 446 году въ Аѳинахъ. Извѣстіе это однако не на столько достовѣрно, чтобы на него можно было вполнѣ положиться, хотя и нѣтъ основанія считать его невѣроятнымъ.

Геродотъ, родившійся въ лучшіе годы драматической дѣятельности Эсхила, имѣетъ большое сходство съ этимъ поэтомъ, какъ по основнымъ идеямъ своего сочиненія, такъ и по своему отношенію къ духу тогдашняго времени. У Геродота въ его исторіи та же самая главная цѣль, какая лежитъ въ основаніи трагедіи Эсхила „Персы:“ Геродотъ хочетъ представить контрастъ между греческимъ и восточнымъ бытомъ. Уже самый планъ и расположеніе его сочиненія выказываютъ этотъ контрастъ: исторія Геродота заключаетъ въ себѣ достовѣрныя и опредѣленныя хронологическія данныя, историкъ систематически группируетъ въ ней только тѣ событія, которыя казались ему достовѣрными, тогда какъ восточные историки блуждаютъ въ безконечныхъ и баснословныхъ простран-

ствахъ времени, и представляютъ намъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ пеструю смѣсь всевозможныхъ преданій, безъ всякой критики и повѣрки. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы Геродотъ сознательно и намѣренно придалъ своей исторіи такой характеръ, и достигъ своей цѣли искуственнымъ путемъ; скорѣе нужно предположить, что онъ усвоилъ себѣ эту историческую манеру совершенно безсознательно, подъ вліяніемъ духа господствовавшаго въ греческой націи, и всего видѣннаго и испытаннаго имъ въ путешествіяхъ. Также безсознательно и Эсхилъ противупоставилъ въ своихъ „Персахъ" несмѣтную и безпорядочную массу народовъ и людей, немногочисленнымъ, но вполнѣ дисциплинированнымъ грекамъ, и выказалъ наглядно различіе въ характерѣ обѣихъ націй, показавъ причины, по которымъ побѣдили греки. Преимущества древности, болѣе пылкаго воображенія и болѣе поэтическаго взгляда на событія Геродотъ уступаетъ востоку. Его умъ былъ такъ пораженъ всѣми явленіями, причина которыхъ кроется въ этихъ чертахъ восточнаго характера, особенно восточною теократіею, таинственностью и фантастичностью религій востока, что все это приводило его въ изумленіе, даже имѣло чрезвычайно вредное вліяніе на его произведеніе. Геродотъ описываетъ всѣ эти предметы съ заранѣе составленнымъ въ ихъ пользу мнѣніемъ, и на его свидѣтельство о нихъ нельзя вполнѣ полагаться, — не потому, чтобы онъ хотѣлъ обмануть читателя, но потому, что самъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что ему говорили и показывали на востокѣ. Питая такое высокое уваженіе къ религіознымъ идеямъ востока, онъ, подобно Эсхилу, старается всячески восхвалять и превозносить культъ мистерій, не за долго до него перенесенный съ востока въ Грецію. (т. I. стр. 341).

Основная идея всей исторіи Геродота заключается въ томъ, что побѣдою надъ восточнымъ рабствомъ, азіатской и африканской пышностью, хаотическимъ безпорядкомъ массы восточныхъ народовъ и фантастическими планами ихъ разгоряченнаго воображенія греки обязаны своей любви къ свободѣ, разумности, врожденному

инстинкту порядка и господствующей между ними умѣренности. Геродотъ начинаетъ разсказъ о великой борьбѣ своихъ соотечественниковъ съ персами за независимость, съ описанія самыхъ первыхъ враждебныхъ столкновеній востока съ Греціею, о которыхъ только запоминаетъ исторія. Онъ упоминаетъ сначала преданія о похищеніи финикіянки Европы, колхидянки Медеи и гречанки Елены, потомъ говоритъ о первой исторически достовѣрной войнѣ грековъ съ азіатскимъ народомъ, т. е. о покореніи малоазіатскихъ грековъ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Это служитъ ему поводомъ къ изложенію исторіи лидійцевъ. Подчиненіе этого народа Киромъ приводитъ его къ персамъ и мидянамъ, а покореніе вавилонянъ и египтянъ персами, даетъ ему поводъ перейти къ этимъ двумъ народамъ и ассирійцамъ. Разсказывая исторію этихъ послѣднихъ націй. Геродотъ ясно высказываетъ свой здравый смыслъ, касаясь баснословныхъ историческихъ преданій ассирійцевъ, вавилонянъ и египтянъ единственно на столько, на сколько это нужно для объясненія того, что онъ желаетъ разсказать. Говоря о царѣ Даріѣ Гистаспѣ и о походѣ его противъ скиѳовъ, онъ дѣлаетъ описаніе скиѳскихъ племенъ и ихъ страны. Потомъ, въ пятой изъ девяти книгъ его исторіи, онъ доходитъ до возстанія малоазійскихъ грековъ противъ Дарія и до войны, вспыхнувшей вслѣдствіе того между персами и европейскими греками. Война эта подробно излагается въ слѣдующихъ четырехъ книгахъ до сраженій при Платеѣ и Микале, которыми и оканчивается его сочиненіе.

Геродотъ очень часто прерываетъ нить своего изложенія и вставляетъ какой нибудь посторонній разсказъ. Помѣщая эти эпизоды, онъ имѣлъ въ виду или занять читателя, или нагляднымъ образомъ представить различіе между греческимъ и азіатскимъ бытомъ. Его сочиненіе было народною книгою и въ то же время прозаическимъ эпосомъ, назначеннымъ для чтенія юношества. По этому то, чтобы привлечь вниманіе молодыхъ читателей или слушателей, и придать своей книгѣ болѣе разнообразія,

Геродотъ и помѣстилъ въ ней множество анекдотовъ и чудесныхъ разсказовъ, дѣлавшихъ его чисто историческій разсказъ привлекательнѣе для подвижнаго и живаго ума грековъ. Что касается до другой цѣли этихъ эпизодовъ, многіе изъ нихъ очевидно помѣщены для того, чтобы яснѣе выставить преимущества греческихъ учрежденій и идей, въ сравненіи съ диковинными вещами, разсказываемыми Геродотомъ объ азіатцахъ.

Самымъ нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить разсказъ о свиданіи грека Солона съ богатымъ и могущественнымъ лидійскимъ царемъ, Крезомъ. Крезъ показалъ греческому мудрецу свои громадныя сокровища, и былъ сильно удивленъ, когда на его вопросъ, кого Солонъ считаетъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, послѣдній отвѣчалъ, что не его, а небогатыхъ частныхъ людей, которые честно провели свою жизнь, безмятежно наслаждаясь болѣе скромными радостями. Затронутый тѣмъ, что Солонъ предпочитаетъ простыхъ гражданъ ему, пышному повелителю Малой Азіи, Крезъ спросилъ грека, почему онъ его не считаетъ болѣе счастливымъ. Тогда Солонъ отвѣчалъ ему, что, при непостоянствѣ судьбы, самый богатый и могущественный человѣкъ не безопасенъ отъ несчастія, и что никто, при своей жизни, не можетъ считать себя безусловно счастливымъ, потому что каждый грядущій день можетъ принести ему погибель. Ослѣпленный высокомѣріемъ, Крезъ никакъ не могъ усвоить себѣ подобнаго воззрѣнія на жизнь, и не ласково разстался съ греческимъ философомъ, основательности предостереженій котораго онъ не понялъ. Но вскорѣ, когда Киръ низвергнулъ Креза съ высоты могущества и даже приговорилъ его къ казни, лидійскій царь призналъ истину словъ Солона. Стоя на кострѣ и вспомнивъ сказанное греческимъ мудрецомъ, онъ три раза произнесъ его имя, и былъ обязанъ сохраненіемъ своей жизни только тому, что болѣе дальновидный персидскій царь, понявъ истину этихъ словъ, почувствовалъ состраданіе къ Крезу (т. I стр. 129). Кто не видитъ въ этомъ разсказѣ намѣренія

представить контрастъ между греческой опытностью и житейской мудростью и восточнымъ высокомѣріемъ, гордящимся только матеріальными благами? Той же цѣли Геродотъ старается достигнуть и своимъ описаніемъ начала персидской исторіи. Онъ представляетъ древнихъ персовъ такъ, что читатель видитъ самъ, какъ ничтожное въ началѣ, простое, умѣренное, но одаренное природною энергіею племя достигаетъ величія, при покровительствѣ боговъ, а для народа, съ противоположными качествами, причина слабости заключается въ его собственномъ могуществѣ. Повѣствуя о дальнѣйшемъ ходѣ персидской исторіи, Геродотъ старается какъ можно нагляднѣе представить могущество и обширность Персидскаго царства, для того, чтобы впослѣдствіи при описаніи его войны съ греками выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ побѣду своихъ соотечественниковъ. Поэтому онъ посвятилъ описанію египтянъ цѣлую книгу, такъ какъ ничто не могло дать лучшаго понятія о могуществѣ персовъ, какъ покореніе ими Египта, который самъ Геродотъ представляетъ такимъ древнимъ, могущественнымъ и многолюднымъ. Вслѣдъ за этимъ Геродотъ разсказываетъ, какъ была присоединена къ огромному Персидскому царству и часть остальной Африки; но, чтобы читатель никогда не терялъ изъ виду греческаго народа, составляющаго главный предметъ его сочиненія, онъ пользуется удобнымъ случаемъ и говоритъ о Поликратѣ Самосскомъ, о спартанцахъ и ихъ учрежденіяхъ.

Послѣ того, Геродотъ снова возвращается къ персидской исторіи, но и здѣсь, пользуясь всякимъ поводомъ, говоритъ какъ грекъ или обращается съ рѣчью къ грекамъ. Яснѣе всего это высказывается въ разсказѣ о вступленіи на престолъ Дарія Гистаспа, гдѣ онъ приводитъ греческія воззрѣнія на государство и правительственныя формы. Геродотъ жилъ въ то время, когда во всѣхъ греческихъ государствахъ происходила кровопролитная и упорная борьба между олигархіею, аристократіею и демократіею, когда монархическія формы правленія не были еще совер-

шенно забыты и старое продолжало бороться съ новымъ. Революція, предшествовавшая въ Персіи вступленію на престолъ Дарія, возбудила въ историкѣ политическое настроеніе, свойственное его націи и времени, и потому, разсказывая объ этихъ непродолжительныхъ внутреннихъ смутахъ въ Персидскомъ царствѣ, вообще неподвижномъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не описать ихъ въ греческомъ духѣ. Геродотъ заставляетъ персидскихъ вельможъ, собравшихся по низверженіи Лже-Смердиса для избранія царя, разсуждать о формахъ правленія и говорить рѣчи о сущности монархіи, аристократіи и демократіи, въ которыхъ историкъ высказываетъ свое собственное мнѣніе и взгляды самыхъ развитыхъ изъ своихъ соотечественниковъ.

Вскорѣ послѣ того, упомянувъ о грекѣ Демокедѣ, врачѣ царя Дарія I, Геродотъ пользуется случаемъ, чтобы въ подробномъ разсказѣ объ этомъ человѣкѣ привести сравненіе между наукою грековъ и умственнымъ состояніемъ персовъ. Этой же цѣли служатъ и его разсказы о полугрекѣ Скилаксѣ, изслѣдовавшемъ по порученію Дарія западную часть Остиндіи, и о Мандроклѣ Самосскомъ, построившемъ мостъ черезъ Босфоръ, во время похода Дарія противъ скиѳовъ.

Геродотъ въ своей исторіи разсказываетъ много баснословнаго, и потому часто возникало сомнѣніе въ достовѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ; однако, не говоря уже о томъ, что многое, считавшееся прежде баснями, подтвердилось въ наше время болѣе точнымъ изученіемъ странъ и народовъ, легенды и баснословные разсказы Геродота имѣютъ свое основаніе. Сочиненіе его отъ начала до конца предназначалось для всеобщаго чтенія, оно должно было быть народною книгою, и потому не могло не заключать въ себѣ чудесныхъ и баснословныхъ разсказовъ. Южные народы, по своему характеру, требуютъ непремѣнно удовлетворенія фантастическому чувству; это черта общая и въ наше время современнымъ грекамъ, итальянцамъ и жителямъ южныхъ провинцій Испаніи и Франціи. Геродотъ, желавшій написать для

грековъ исторію, а не учить ихъ религіи, долженъ былъ въ своемъ сочиненіи дать мѣсто и подобнымъ предметамъ. Онъ самъ вѣрилъ нѣкоторымъ изъ передаваемыхъ имъ разсказамъ, но при многихъ слегка высказываетъ свое сомнѣніе, прибавкою словъ „такъ говорятъ они“ или „такъ я слышалъ“, и такимъ образомъ отдѣляетъ то, чего онъ самъ не считалъ положительно достовѣрнымъ. Геродотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ обманщикомъ, потому что никогда не выдаетъ за истину того, что считаетъ самъ ложнымъ. Господствующая во всемъ сочиненіи простота и задушевность тона придаетъ каждому разсказу особую прелесть и трогаетъ сердце или чисто человѣческое чувство читателя. Прозаическій языкъ этого произведенія постоянно напоминаетъ читателю, что онъ стоитъ на исторической почвѣ и имѣетъ передъ собою поучительную историческую цѣль. —

Второй изъ трехъ великихъ историковъ греческой древности, Ѳукидидъ родился въ Аѳинахъ въ 471 г. до р. X., тринадцатью годами позже Геродота. Сначала онъ принималъ дѣятельное участіе въ Пелопоннесской войнѣ, которая и описана имъ въ особомъ сочиненіи; въ восьмой годъ этой войны онъ, между прочимъ, командовалъ эскадрою аѳинскаго флота, но былъ отрѣшенъ отъ должности и изгнанъ изъ Аѳинъ за то, что не могъ защитить городъ Амфиполь отъ нападенія спартанцевъ подъ начальствомъ Брасида. Тогда онъ поселился въ одномъ небольшомъ ѳракійскомъ городѣ, родинѣ его жены и, за исключеніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ разные греческіе города, прожилъ тамъ около двадцати лѣтъ. Все это время Ѳукидидъ посвятилъ преимущественно приготовительнымъ трудамъ для своего знаменитаго историческаго сочиненія о Пелопоннесской войнѣ. По взятіи Аѳинъ Лисандромъ, онъ воспользовался объявленной всеобщей амнистіей и возвратился на родину. Время его смерти неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ былъ еще живъ при концѣ Пелопоннесской войны, и слѣдовательно имѣлъ тогда покрайней мѣрѣ семьдесятъ лѣтъ отъ роду.

Сочиненіе Өукидида обнимаетъ собою только первые двадцать одинъ годъ Пелопоннесской войны; смерть помѣшала ему окончить полную исторію этой войны. Сочиненіе его и по цѣли и по духу совершенно различно отъ историческаго произведенія Геродота. Послѣднее предназначалось для народа; а Өукидидъ жилъ въ то время, когда образованіе всей массы гражданъ уже не было, какъ прежде, почти одинаково, и воспитаніе богатыхъ приняло болѣе научное и философское направленіе. Въ такое время невозможно писать одинаково для людей знающихъ, образованныхъ, и для неразвитой массы, неспособной углубляться въ предметъ и слѣдующей почти исключительно своему чувству. Такимъ образомъ Өукидидъ принужденъ былъ избрать себѣ кругъ читателей, и написалъ свою исторію для образованной части греческаго народа.

Точно также отличается Өукидидъ отъ Геродота цѣлью, воззрѣніемъ на предметъ и его обработкою. Послѣдній, самъ того не сознавая, давалъ чувствовать, что великія стремленія эпохи Персидскихъ войнъ были результатомъ свободы, сдерживаемой въ предѣлахъ благоразумія религіею, нравами и законами; Өукидидъ, напротивъ того, принадлежалъ такой эпохѣ, когда образованность достигла высшей своей точки, но за то исчезло прежнее настроеніе, изъ котораго она развилась, и ослабла та энергія, съ помощью которой она достигла такой высоты. Поэтому онъ обращается только къ разуму своихъ современниковъ, старается изслѣдовать причины исчезновенія прежняго настроенія духа, и въ то же время хочетъ представить мыслящимъ читателямъ тогдашнее состояніе государства и общества со всѣми его разнообразными стремленіями. Иначе сказать, устами Геродота говоритъ сама эпоха, въ которую онъ жилъ; Өукидидъ же не органъ своего времени, какъ Геродотъ, а его произведеніе. Онъ стоитъ въ одно время и въ уровень съ своей эпохой и выше ея, вооруженъ всею философіею, знаніемъ людей и опытностью, которыми не обладала предшествовавшая эпоха, и поучаетъ тѣсный кругъ знающихъ, къ которымъ однимъ обращена его серьёзная рѣчь о томъ, какъ и въ ихъ

время можно еще служить дѣлу справедливости. Дѣйствуя такимъ образомъ, Ѳукидидъ и въ тонѣ и во всемъ изложеніи своей исторіи выражаетъ мнѣнія и воззрѣнія небольшой лучшей части аѳинянъ, точно также какъ Аристофанъ въ своихъ сарказмахъ, а Платонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о государствѣ. Онъ является рѣшительнымъ противникомъ демократіи, превратившейся въ настоящую тираннію и передавшей всю власть въ руки нѣсколькихъ демагоговъ, и видитъ возможность достигнуть истинной свободы только возстановленіемъ аристократіи, въ старинномъ хорошемъ значеніи этого слова.

Геродотъ, никогда не теряя изъ виду воображенія и чувства читателя, старается придать жизнь и движеніе своему сочиненію быстрымъ переходомъ отъ одного предмета къ другому и колоритомъ чудеснаго. Ѳукидидъ достигаетъ той же цѣли благодаря внутренней жизни, которою проникнуты его описанія, богатству опытности, которая видна во всѣхъ его разсказахъ, и мастерскому изображенію характеровъ, въ которомъ все вниманіе обращено на историческую истину, а не на драматическій эффектъ, какъ въ историческихъ сочиненіяхъ Шиллера. Тоже самое можно сказать и о рѣчахъ, которыя Ѳукидидъ влагаетъ иногда въ уста историческихъ личностей.

Чуждое современной исторической методѣ обыкновеніе вставлять въ разсказъ рѣчи, у грековъ и римлянъ, въ особенности же у первыхъ, имѣло свое основаніе и было даже отчасти необходимо. Только эти двѣ націи и жили настоящею государственною жизнью, гдѣ народъ не является мертвою массою, приводимою въ движеніе нѣсколькими руководителями, и не предоставляетъ всей политической дѣятельности однимъ властителямъ или могущественной аристократіи. Если это и не совершенно вѣрно относительно Рима, потому что тамъ народъ въ большей части случаевъ дѣйствовалъ какъ мертвая масса, то послѣдняго никакъ нельзя сказать о маленькихъ греческихъ республикахъ, въ которыхъ всякая отдѣльная часть цѣлаго жила своею жизнію и имѣла свое самостоятель-

ное развитіе. У грековъ изустная рѣчь очень рано проникла во всѣ отрасли дѣятельности, вся жизнь греческихъ государствъ была постоянно активною и всегда имѣла въ себѣ что то драматическое.

Уже въ твореніяхъ Гомера эта характеристическая черта греческаго народа проявляется весьма замѣтнымъ образомъ, и помѣщенныя въ нихъ рѣчи могли служить образцами для краснорѣчія послѣдующихъ эпохъ. Итакъ, весьма естественно, что въ греческой исторіографіи рѣчи составляли весьма важный элементъ, тогда какъ попытки ввести ихъ въ исторіографію новѣйшаго времени всегда оказывались неудачными. Но во всемъ древнемъ мірѣ не было эпохи, которая способствовала бы развитію этого обычая болѣе той, въ которую жилъ Ѳукидидъ, и ни одинъ греческій или римскій писатель не обнаружилъ въ этомъ отношеніи такого таланта, какъ Ѳукидидъ. Поэтому изъ однихъ рѣчей Ѳукидида, сравнивая ихъ съ рѣчами другихъ историковъ, можно видѣть разницу между образованностью его времени и другихъ періодовъ жизни греческаго народа. У Геродота рѣчи такъ же наивны, какъ и его время, и составляютъ выраженіе естественнаго сердечнаго настроенія; у Ѳукидида онѣ сжатъ выраженіемъ бодрой философіи, еще не обратившейся въ школьную; у Ксенофонта, жившаго и писавшаго въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за Ѳукидидомъ, онѣ содержатъ только обыкновенную житейскую мудрость и моральные принципы, замѣнявшіе для Ксенофонта и его современниковъ религію; а еще позднѣе рѣчи въ историческихъ сочиненіяхъ обращаются въ пустыя декламаціи и ораторскіе фокусы. Такой же характеръ имѣютъ онѣ и у римскихъ историковъ.

Встрѣчающіяся въ исторіи Ѳукидида рѣчи лучше всего доказываютъ, что, по своему образованію, этотъ историкъ принадлежалъ тому времени, когда умъ грековъ стремился преимущественно къ разсудочнымъ понятіямъ, но наибольшимъ уваженіемъ еще пользовались Эсхилъ и Софоклъ, а не Эврипидъ. У Геродота,

какъ и у Гомера, рѣчи должны были содѣйствовать возвышенію интереса и оживленію разсказа, составляя примѣсь драматическаго элемента въ эпическомъ; рѣчи же Ѳукидида имѣютъ совершенно другое назначеніе: вмѣстѣ съ внѣшними дѣйствіями главныхъ лицъ его исторіи, онъ желаетъ уяснить читателю образъ мыслей и внутреннюю силу, на которой основывались эти дѣйствія. При этомъ онъ не стремится безплодно, подобно многимъ писателямъ новѣйшаго времени, сдѣлать доступнымъ чувству и фантазіи то, что можетъ быть воспринимаемо только разумомъ мыслящаго читателя. Ѳукидидъ желаетъ изобразить внутреннюю жизнь дѣятелей своей исторіи не столько посредствомъ излагаемыхъ въ рѣчи мыслей и принциповъ, сколько манерою ихъ выражать свои мысли. Такъ, напримѣръ, изъ рѣчей, которыя Ѳукидидъ заставляетъ говорить Перикла, мы узнаемъ всѣ качества, доставившія ему его необыкновенное вліяніе, хотя Периклъ и не перечисляетъ въ нихъ своихъ достоинствъ. Проницательный и глубоко - философскій взглядъ на предметы и обращеніе съ ними показываютъ намъ въ Периклѣ ученика Анаксагора. Изъ его частыхъ упоминаній объ общественныхъ заведеніяхъ, зданіяхъ и художественныхъ произведеніяхъ Аѳинъ, мы узнаемъ государственнаго человѣка, всегда считавшаго искусство и науку существенными элементами аѳинской демократіи. Наконецъ, переданная въ этихъ рѣчахъ манера Перикла льстить демократической гордости аѳинянъ и противопоставлять ихъ учрежденія спартанскимъ, ясно рисуетъ знаніе людей и политическую ловкость великаго государственнаго человѣка, умѣвшаго руководить, по своей волѣ, самымъ необузданнымъ народомъ въ свѣтѣ.

Точно также и рѣчи, вложенныя Ѳукидидомъ въ уста спартанскаго полководца Брасида, показываютъ намъ двѣ главныя стороны характера этого человѣка — мужество и строго спартанскій образъ мыслей на войнѣ, кротость и добродушіе, когда нужно было пріобрѣсти или удержать за собою союзниковъ. Желая и здѣсь, въ манерѣ говорить и мыслить, представить намъ внутреннее

настроеніе и образъ дѣйствій человѣка, имѣвшаго такое громадное вліяніе на весь ходъ Пелопоннесской войны, Ѳукидидъ заставляетъ Брасида произнести двѣ длинныя рѣчи. Но и въ этомъ случаѣ онъ искусно избѣжалъ ошибки, въ которую впадали столько римскихъ, французскихъ и англійскихъ историковъ, сдѣлавшихъ изъ описываемыхъ ими личностей только театральныхъ героевъ. Въ словахъ Брасида мыслящій читатель видитъ его благородную самоувѣренность, его убѣжденіе въ превосходствѣ государственнаго устройства Спарты, его спартанскую гордость, природную храбрость, не переходящую однако въ высокомѣріе, и наконецъ спокойствіе этого истинно энергическаго человѣка въ минуты опасности. Въ обѣихъ рѣчахъ нѣтъ нигдѣ ни риторики, ни поддѣльныхъ торжественныхъ или трогательныхъ выраженій. Ѳукидидъ не дѣлаетъ также и несчастной попытки подражать языку и воззрѣніямъ другихъ временъ и народовъ, попытки, неудавшейся нѣкоторымъ великимъ германскимъ писателямъ новѣйшаго времени. Онъ заставляетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ говорить тѣмъ же языкомъ, которымъ написана вся книга, и такимъ образомъ ясно даетъ понять читателю, что передъ нимъ не является настоящій или выведенный вмѣсто него трагическій Брасидъ, но, что въ духѣ послѣдняго говоритъ авторъ, и притомъ такъ, какъ, по его мнѣнію, долженъ бы былъ въ томъ случаѣ говорить самъ Брасидъ.

Аѳинскій уроженецъ Ксенофонтъ, главныя событія изъ жизни котораго разсказаны выше (т. II стр. 27) находится въ такомъ же отношеніи къ Ѳукидиду, какъ Эврипидъ къ Софоклу. Его сочиненія, выражающія еще нагляднѣе и разностороннѣе, чѣмъ творенія Эврипида, характеръ послѣдующихъ годовъ Пелопоннесской войны, заслуживаютъ тщательнаго разбора. Кромѣ того, необходимо здѣсь обратить вниманіе и на философскіе труды Ксенофонта, потому что ими объясняется главная цѣль его историческихъ произведеній.

Одно изъ важнѣйшихъ философскихъ сочиненій Ксенофонта носитъ названіе „Достопамятностей Сократа“. Оно лучше всѣхъ

остальныхъ знакомитъ съ воззрѣніями Ксенофонта и тогдашней эпохи, потому, что въ немъ авторъ заставляетъ своего учителя Сократа проповѣдывать тоже философское ученіе, котораго держались онъ самъ и большинство его современниковъ. Главною цѣлью своихъ стремленій Ксенофонтъ избралъ реальность и практичность и потому понялъ ученіе Сократа только такъ, что, по его мнѣнію, предметомъ и цѣлью всякой философіи должно быть одно доступное нашимъ чувствамъ и полезное. Но онъ упустилъ изъ виду различіе, существующее между знаніемъ, добытымъ чисто философскимъ путемъ, и вдохновеннымъ внутреннимъ созерцаніемъ того, что лежитъ въ самой природѣ мыслящаго и чувствующаго существа. Занимаясь только полезнымъ и видя конечную цѣль образованія единственно въ опредѣленныхъ понятіяхъ о немъ, Ксенофонтъ ограничилъ свою философію, а слѣдовательно и конечную цѣль своей исторіи, одною житейскою и политическою мудростью и моралью; въ Достопамятностяхъ Сократа онъ подводитъ даже отечество, родственныя отношенія и дружбу подъ простыя понятія объ имуществѣ. Предшествовавшая эпоха всегда относила къ религіи эти понятія, имѣющія связь съ самымъ внутреннимъ бытіемъ человѣка, и потому выражала ихъ общимъ именемъ благочестія; Ксенофонтъ же ставитъ ихъ рядомъ съ понятіями о домѣ, пашнѣ, рабахъ и т. п. и обращаетъ на нихъ вниманіе своихъ читалей только потому, что они имѣютъ нѣкоторое значеніе въ жизни и общественныхъ отношеніяхъ. Этимъ самымъ онъ показываетъ, какъ чуждо было его времени все идеальное и благородное, и какъ глубоко упала оно съ той высоты, на которой человѣкъ ищетъ не однѣхъ только матеріальныхъ выгодъ, но даетъ въ своемъ сердцѣ мѣсто и другимъ болѣе возвышеннымъ и святымъ чувствамъ. Въ такую эпоху люди находятъ все свое счастіе въ простомъ умничаньи, обыденной морали и умѣньи болтать о всевозможныхъ предметахъ. Сочиненія Ксенофонта также страдаютъ недостатками своего времени.

Впрочемъ, хотя эта сторона „Достопамятностей Сократа“ изо-

бражаетъ намъ прозаическій и по преимуществу практическій духъ того времени, но въ нѣкоторыхъ чертахъ этого произведенія открывается и великая сторона Ксенофонта и его времени. Черты эти выдѣляются еще рѣзче при сравненіи „Достопамятностей Сократа“ съ другимъ сочиненіемъ Ксенофонта, „Киропедіею“, потому что въ послѣднемъ господствуетъ персидское однообразіе и вялость, а въ первомъ вѣетъ духъ аѳинской жизни со всѣми ея прелестями, обусловливаемыми движеніемъ и разнообразіемъ человѣческой дѣятельности. Достопамятностей Сократа отличаются чрезвычайною живостью діалога, заключающимися въ нихъ характеристическими очерками, списанными съ натуры, и искусствомъ, съ какимъ Ксенофонтъ заставляетъ Сократа примѣнять свою мораль къ тогдашнимъ отношеніямъ. Все это переноситъ насъ въ самую средину Аѳинъ, передъ нашими глазами раскрывается полная картина состоянія тогдашняго общества, и мы научаемся даже отличать различныя господствовавшія въ томъ обществѣ направленія. Люди, обстоятельства, весь строй тогдашней жизни не только описываются намъ, но представляются нашимъ взорамъ съ самой выгодной точки зрѣнія, потому что самъ писатель имѣетъ величайшее пристрастіе ко всему о чемъ говоритъ.

Если теперь, ознакомившись изъ „Достопамятностей Сократа“ съ воззрѣніями Ксенофонта на жизнь, мы перейдемъ къ сочиненію, называющемуся „Киропедіей“, или воспитаніемъ Кира, то вполнѣ уяснимъ себѣ въ чемъ, по мнѣнію Ксенофонта, состоитъ задача исторіи и какого рода поученія извлекаетъ историкъ изъ изслѣдованія человѣческихъ дѣяній и хода событій. Въ „Киропедіи“ Ксенофонтъ описалъ въ видѣ романа исторію основателя Персидской монархіи. Уже одно вызвавшее эту попытку мнѣніе, что исторія, обработанная такимъ образомъ, гораздо лучше и занимательнѣе, чѣмъ въ ея настоящемъ видѣ, обличаетъ эпоху, которая по избалованности вкуса и искуственной образованности весьма похожа на современную. Въ „Киропедіи“ Ксенофонтъ рисуетъ намъ идеалъ государя, составленный на основаніи ученія Сократа, и проводитъ

при этомъ мысль, что подобный властитель можетъ управлять государствомъ какъ машиною и своею любовью, кротостью и мудростью доставить полное счастіе своимъ подданнымъ.

Во времена Геродота, когда энергія и самостоятельность гражданъ были душою государства, когда личность каждаго, пользуясь полною свободою, тѣмъ самымъ удерживала въ надлежащихъ границахъ другія личности, а религія и законъ были стражами нравственности и порядка, подобная мысль не могла никому придти въ голову. Геродотъ, желая примирить своихъ читателей съ непостоянствомъ судьбы, доставить имъ успокоеніе среди вѣчной борьбы страстей, и утѣшить въ безпрестанныхъ преступленіяхъ и смутахъ, волнующихъ нашъ міръ, не рисуетъ имъ, какъ Ксенофонтъ, идеалъ повелителя, держащаго въ своихъ рукахъ законъ, право и миръ, обуздывающаго всѣ страсти и водворяющаго во всемъ своемъ царствѣ спокойствіе сна. Напротивъ того, въ сочиненіи Геродота почти на каждой страницѣ встрѣчаются похвалы такому устройству, въ которомъ каждый гражданинъ принимаетъ участіе, а государствомъ управляетъ божество и законъ. Но Геродотъ, желая уяснить намъ это или успокоить насъ, не ведетъ насъ, какъ Ксенофонтъ, въ утопію, въ царство мечтаній, а указываетъ на дѣйствующую въ тиши богиню мщенія, Немезиду, или на судьбу и ея необъяснимыя отношенія къ человѣческой свободѣ, или наконецъ на такъ называемую зависть боговъ, которая губитъ всякаго человѣка, достигшаго вершины величія и счастья, потому что высшее счастіе и величіе составляютъ удѣлъ только божества. Совершенно иное видимъ мы у Ксенофонта. Въ его время жило поколѣніе, нравственно утомленное, стремившееся къ наслажденіямъ и скокойствію и, среди постоянныхъ волненій демократіи, вѣчныхъ войнъ и безпрестанныхъ преступленій и беззаконій, охотно переносившееся воображеніемъ въ міръ идиллій, гдѣ все, двигаясь мирно и покойно, по заведенному порядку, впадаетъ, вслѣдствіе своего однообразія и безжизненности, въ состояніе утомленія и мало по малу вымираетъ. Нужно вспомнить политическія волне-

нія демократической республики, постоянныя смуты народныхъ массъ, дѣйствія демагоговъ, софистовъ и сикофантовъ, и, принявъ въ соображеніе, что во время Ксенофонта духъ лишился своей бодрости и энергіи, разумъ уступилъ уму, религія морали, все возвышенное и благородное полезному и матеріальному, легко будетъ понять, что люди той эпохи могли полюбить неизмѣнный порядокъ вещей, основанный на извѣстнаго рода іерархическихъ учрежденіяхъ, въ которомъ все имѣло бы свое опредѣленное мѣсто, не смѣя и не имѣя возможности сойти съ него. Тогда объяснится, почему люди подобной эпохи охотно обращались къ идиллическому созерцанію, и предпочитали эти идеальные образы, серьезнымъ, сухимъ и простымъ урокамъ исторіи.

Поэтому съ Киропедіею Ксенофонта было тоже, что съ Телемакомъ Фенелона. Какъ Ксенофонтъ рисовалъ романическія картины своей Киропедіи, какъ противоположность неистовой и бурной дѣятельности аѳинскаго народа и его предводителей, такъ и французскій епископъ противопоставилъ мертвой придворной жизни Людовика XIV и господствовавшему тогда тщеславному стремленію къ военной славѣ нѣжные и исполненные чувства образы своего Телемака. Потому то эти книги имѣютъ нѣкоторыя, общія имъ обѣимъ, преимущества; но Фенелонъ имѣетъ на своей сторонѣ ту невыгоду, въ сравненіи съ Ксенофонтомъ, что онъ отнесъ свой романъ къ гомерическому періоду, съ которымъ публика новѣйшаго времени болѣе знакома, чѣмъ древніе греки съ положеніемъ Персіи, описанномъ Ксенофонтомъ. Вслѣдствіе того у Фенелона романическій элементъ производитъ гораздо болѣе непріятное впечатлѣніе на мыслящаго читателя, чѣмъ у Ксенофонта. Послѣдній имѣлъ на своей сторонѣ еще то огромное преимущество, что видѣлъ собственными глазами Персію и персовъ, мало знакомыхъ его соотечественникамъ, и потому въ своемъ романѣ могъ превосходно воспользоваться знаніемъ ихъ нравовъ, учрежденій и дѣйствительною ихъ исторіею, на сколько она касалась его главнаго предмета. При оцѣнкѣ философіи Ксенофонта и ея достоинствъ не слѣдуетъ

упускать изъ виду, что хотя онъ самъ видѣлъ Персидскую монархію во время ея упадка, но тѣмъ не менѣе хвалитъ всѣ ея учрежденія, и приписываетъ введеніе ихъ Киру, какъ будто не замѣчая что политическая организація Персіи, дѣлая государство простою машиною, должна была неизбѣжно отнимать у него въ минуту опасности всю энергію и силу, и поставить персовъ въ такое положеніе, что всѣ ихъ безчисленныя арміи не могли побѣдить тринадцати тысячъ грековъ. Впрочемъ и Киропедія Ксенофонта и Телемакъ Фенелона одинаково были обязаны своимъ вліяніемъ языку и манерѣ, которыми они были написаны. Спокойствіе и достоинство тона, прекрасные характеры, и добродѣтельные люди въ такомъ числѣ, въ какомъ ихъ нельзя встрѣтить нигдѣ на свѣтѣ, придаютъ особенную прелесть этимъ сочиненіямъ; легкое теченіе рѣчи и искусное соединеніе фразъ въ ясные и полнозвучные періоды производятъ у Ксенофонта такое же впечатлѣніе, какъ у Фенелона чистота языка, плавная поэтическая проза и присутствіе гомерическаго элемента, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это было возможно французамъ, по духу ихъ образованія.

Совершенно другое дѣйствіе производитъ на насъ истина описаній и простой, твердый, и въ то же время основательный разсказъ въ „Анабасисѣ", другомъ произведеніи Ксенофонта. Въ этомъ сочиненіи описывается славное отступленіе тринадцати тысячъ греческихъ наемниковъ, бывшихъ въ службѣ Кира Младшаго и совершившихъ походъ къ Кунаксѣ и оттуда, среди безчисленныхъ препятствій, обратно въ Грецію (т. II стр. 25). Ксенофонтъ, бывшій настоящимъ предводителемъ ихъ въ самое трудное время отступленія, составилъ описаніе похода по дневникамъ, которые онъ велъ въ продолженіе его. Это сочиненіе составляетъ совершенную противоположность Киропедіи, рисуя намъ картину дѣятельности и предпріятій эпохи Ксенофонта, и въ то же время выставляя въ самомъ яркомъ свѣтѣ всѣ нравственныя преимущества тогдашнихъ грековъ, тогда какъ Киропедія показываетъ намъ ихъ со стороны

ихъ умственныхъ заблужденій и застоя. Въ „Анабасисѣ“ не замѣтно полугреческаго, полуперсидскаго вычурнаго слога Киропедіи; въ немъ все серьёзно и правдиво. Авторъ не думаетъ о риторическихъ прикрасахъ, потому что самъ поддается вліянію описываемыхъ имъ событій. Въ этой книгѣ почти незамѣтно тѣхъ воззрѣній на жизнь и возвышенные предметы, которыя господствуютъ въ „Достопамятностяхъ Сократа“; здѣсь Ксенофонтъ является чистымъ грекомъ, въ настоящемъ древнемъ значеніи этого слова: онъ считаетъ боговъ тѣмъ чѣмъ они были для его народа съ древнѣйшихъ временъ, т. е. средствомъ, которымъ пользовалась болѣе просвѣщенная часть націи для обузданія эгоистическихъ стремленій необразованной массы. Ксенофонтъ приписываетъ богамъ успѣхъ этого предпріятія отважныхъ грековъ, и оставляетъ за ихъ предводителями только ту заслугу, что они всегда находили средства для приведенія въ исполненіе дѣла, уже рѣшеннаго волею боговъ. Онъ разсказываетъ, какъ при всякомъ случаѣ приносились богамъ жертвы и для узнанія ихъ воли вопрошались внутренности закланныхъ животныхъ, не дѣлая при этомъ и виду, что самъ сомнѣвается въ дѣйствительности подобныхъ средствъ.

Какъ въ самомъ походѣ, такъ и въ описаніи похода выставляется вездѣ въ самомъ яркомъ свѣтѣ превосходство греческаго искусства и науки надъ безпорядочностью и дикостью востока. Изъ простыхъ словъ этого разсказа ясно видно, какой громадный перевѣсъ надъ безчисленными толпами персовъ имѣли греки, благодаря своей образованности и опытности. Производимыя въ продолженіе всего похода измѣренія пути, тактика, употреблявшаяся противъ численнаго превосходства персовъ, и географическія открытія, сдѣланныя во время этой экспедиціи, описываются Ксенофонтомъ чрезвычайно просто и безъ всякаго хвастовства; они взяты цѣликомъ изъ дневника полководца и поэтому, также какъ и по своему безъискуственному изложенію, пріобрѣтаютъ еще большую цѣнность. И въ томъ, какъ Ксенофонтъ говоритъ о самомъ себѣ, выказываются достоинства этого сочиненія и огромное раз-

личіе его отъ комментаріевъ Цезаря и многихъ подобныхъ произведеній новѣйшаго времени, въ которыхъ недостаетъ или истины, или здравой критики, или наконецъ скромности. Ксенофонтъ является передъ читателемъ безъ всякихъ притязаній; во всемъ своемъ сочиненіи онъ старается дать понять, что не онъ былъ душею описываемыхъ имъ подвиговъ, что они не были дѣломъ полководца, какъ силится доказать Цезарь, а составляютъ достояніе самой націи и духа ея цивилизаціи. Словомъ, какъ въ самой книгѣ, такъ и въ описываемомъ ею предпріятіи, Ксенофонтъ и греки представляются намъ съ самой лучшей стороны. Такимъ образомъ въ практической жизни и тамъ, гдѣ онъ желаетъ представить вѣрный ея снимокъ, Ксенофонтъ оказывается совершенно инымъ, чѣмъ въ тѣхъ изъ своихъ сочиненій, гдѣ онъ является философомъ, и старается своими воззрѣніями на жизнь имѣть вліяніе на духъ своего времени.

Такая же противоположность въ сочиненіяхъ Ксенофонта обнаруживается и при сравненіи „Анабасиса", какъ исторической монографіи, съ его попыткою написать всеобщую исторію. Ксенофонтъ написалъ греческую исторію, въ которой онъ продолжалъ образцовое произведеніе Өукидида. Уже тонъ и слогъ этого сочиненія, доведеннаго до сраженія при Мантинеѣ, даютъ понять, что отъ него нельзя ожидать проницательной всесторонней критики и энергическаго описанія человѣческой дѣятельности; всѣ событія разсматриваются у него съ весьма ограниченной точки зрѣнія и согласно опредѣленнымъ отвлеченнымъ понятіямъ. Самый тонъ его исторіи хотя и не такъ нѣженъ и сентименталенъ, какъ въ „Киропедіи", но далекъ отъ энергіи, которою проникнуты „Анабасисъ" и твореніе Өукидида; онъ составляетъ, такъ сказать, середину между слогомъ „Киропедіи" и „Анабасиса."

И по самому воззрѣнію на предметъ, греческая исторія Ксенофонта также уступаетъ „Анабасису" и исторіи Өукидида. Вся книга исполнена какою-то умѣренною философіею, и самый разсказъ о событіяхъ служитъ автору только для подтвержденія и объясненія ея. Слѣдовательно въ своей греческой исторіи Ксенофонтъ имѣетъ

совершенно иную цѣль, чѣмъ въ описаніи своего замѣчательнаго персидскаго похода. Эта цѣль и отношеніе его сочиненія къ духу времени нагляднѣе всего объясняются сравненіемъ воззрѣній Ксенофонта на задачу исторіи съ взглядами на нее обоихъ его предшественниковъ. Геродотъ смотритъ на исторію, какъ на выражающееся въ ходѣ событій откровеніе вѣчно таинственной и загадочной судьбы, или, другими словами, у Геродота исторія является описаніемъ развивающейся само собою непрерывной нити событій. Для Өукидида изученіе историческихъ фактовъ составляетъ средство къ изслѣдованію трудно понимаемой и всегда скрывающейся внутренней природы человѣка, и онъ старается достичь этой цѣли глубокой критикой и многостороннимъ изученіемъ видимыхъ внѣшнихъ проявленій человѣческой дѣятельности. Наконецъ, Ксенофонтъ, какъ историки Рима и почти всѣхъ новѣйшихъ народовъ, имѣетъ передъ собою не общую, а особую нравственную или политическую цѣль. По такому воззрѣнію на задачу исторіи, послѣдняя служитъ только средствомъ произвести въ читателѣ извѣстное настроеніе ума или убѣдить его въ истинѣ какого нибудь нравственнаго ученія, указать людямъ настоящей эпохи образцы или назидательные примѣры въ состояніи и формахъ общества прежняго времени, или наконецъ для того, чтобы превознести извѣстный народъ или извѣстныя формы государственнаго устройства и управленія передъ другими и доказать это предпочтеніе исторіею. Главное стремленіе Ксенофонта — показать превосходство Спарты и ея военно-олигархической формы правленія передъ всѣми прочими греческими государствами и ихъ учрежденіями.

Имѣя въ виду особую побочную цѣль, историкъ можетъ достичь ея только жертвуя истиною; поэтому то и Ксенофонтъ, стараясь доказать исторіей своего времени превосходство спартанцевъ и ихъ учрежденій, не внушаетъ къ себѣ довѣрія, какъ правдивый повѣствователь. Для достиженія своей цѣли, онъ долженъ былъ многое искусно скрывать, другое чрезъ мѣру выхвалять. Лучшій примѣръ этому мы найдемъ въ самомъ началѣ книги, въ описаніи

характеровъ Лисандра и Алкивіада. Историкъ въ родѣ Ѳукидида выставилъ бы въ яркомъ свѣтѣ многосторонніе врожденные таланты послѣдняго, въ противоположность рутинной ловкости и мелочной, скрытной хитрости перваго; при описаніи важнѣйшаго событія въ жизни Алкивіада, его торжественнаго возвращенія въ Аѳины, онъ познакомилъ бы читателя съ новыми отношеніями, въ которыя былъ поставленъ Алкивіадъ, съ того времени, когда Ѳукидидъ въ послѣдній разъ упомянулъ о немъ. Ксенофонтъ, напротивъ того, хладнокровно оставляетъ въ сторонѣ знаменитаго аѳинянина, и весьма ловко старается возвысить въ глазахъ читателя Лисандра; онъ умалчиваетъ о низкихъ средствахъ, которыя употреблялъ послѣдній, или упоминаетъ о нихъ только мимоходомъ. Такъ, описывая взятіе Аѳинъ Лисандромъ, онъ ни слова не говоритъ о постыдномъ соглашеніи между имъ и Тераменомъ, которое однако было фактомъ чрезвычайно важнымъ и въ то же время несомнѣннымъ. Вслѣдствіе дипломатической уловки автора, вся вина падаетъ на одну олигархическую партію въ Аѳинахъ. Разсказывая о дальнѣйшемъ ходѣ событій, Ксенофонтъ конечно не можетъ умолчать о томъ, что спартанцы безпрепятственно позволяли Лисандру помогать аѳинскимъ тираннамъ угнетать своихъ согражданъ, и что, по ихъ изгнаніи, только личная зависть одного спартанскаго царя и нѣкоторыхъ эфоровъ помѣшала возвращенію тиранновъ. Но все это разсказывается безстрастно, безъ малѣйшихъ слѣдовъ негодованія, такъ что ужасаешься холоднаго, почти современнаго безпристрастія человѣка, который былъ въ состояніи описать такимъ образомъ печальную судьбу своего роднаго города.

Характеръ исторіи Ксенофонта обрисовывается еще рѣзче въ описаніи одного заговора, составленнаго нѣсколькими молодыми спартанцами въ первый годъ царствованія Агесилая, но подавленнаго въ самомъ зародышѣ. При этомъ случаѣ не описаны ни отношенія спартанскихъ олигарховъ къ своимъ согражданамъ, ни ужасныя жестокія средства, употреблявшіяся этими правителями для поддержанія своей незаконной власти, и наконецъ не сказано

ни слова о всеобщемъ вѣроломствѣ, бывшемъ необходимымъ послѣдствіемъ подобнаго порядка вещей. Между тѣмъ отъ такого глубокаго знатока государственнаго устройства и внутренняго состоянія Спарты слѣдовало ожидать описанія этихъ вещей и оцѣнки ихъ разумности и нравственности. Совершенно иначе описываетъ подобные заговоры Ѳукидидъ, искусно выставляя при всякомъ удобномъ случаѣ обстоятельства, въ которыхъ выражается истинный характеръ того или другаго правительства.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о греческой исторіи, какъ только допускаетъ это связь событій, Ксенофонтъ, въ изящномъ вкусѣ современныхъ историковъ, придаетъ всему своему повѣствованію характеръ біографіи Агесилая. Но, имѣя цѣлью превозносить повсюду этого человѣка, авторъ не упоминаетъ ни о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Аѳинахъ, ни о притѣсненіяхъ, дѣланныхъ почти во всѣхъ греческихъ городахъ Лисандромъ и поставленными имъ олигархами, хотя и пишетъ исторію Греціи. Въ этомъ отношеніи Ксенофонту дѣлаютъ еще тотъ упрекъ, что онъ съ намѣреніемъ старался оставить въ тѣни обоихъ великихъ ѳиванцевъ, которые во всякомъ случаѣ совершенно затмили его любимца, и по этой причинѣ приписываетъ главную роль въ освобожденіи Ѳивъ не Пелопиду, а Меллону. Если этого упрека и нельзя считать основательнымъ, то съ другой стороны нельзя отрицать, что Ксенофонтъ старательно скрываетъ участіе Агесилая въ завладѣніи цитаделью Ѳивъ, — этомъ вопіющемъ нарушеніи международнаго права. Въ своемъ пристрастіи къ спартанскому царю, онъ заходитъ даже такъ далеко, что совершенно теряетъ пониманіе хода главныхъ событій въ слѣдующія за тѣмъ двадцать лѣтъ.

Въ это время ѳиванцы достигаютъ своего высшаго могущества и ихъ исторія дѣлается средоточіемъ исторіи всей Греціи, но Ксенофонтъ совсѣмъ не даетъ замѣтить этого въ своемъ описаніи. Точно также читатель нигдѣ не находитъ указанія, что только усиліями двухъ великихъ мужей, Эпаминонда и Пелопида, миновалось безвозвратно преобладаніе Спарты въ Греціи. Во всѣхъ этихъ недо-

статкахъ видѣнъ современный характеръ исторіографіи, заключающійся въ томъ, что историкъ или слишкомъ увлекается одною какою нибудь личностью, или, стремясь придать спокойствіе, гладкость и прелесть своему разсказу, не углубляется въ предметъ, ограничиваясь только поверхностнымъ его обзоромъ. Характеръ этотъ выражается еще въ томъ, что Ксенофонтъ, подобно Юму, Робертсону, Гиббону и почти всѣмъ новѣйшимъ историкамъ, старается пріобрѣсти какъ можно большій кругъ читателей, не обращая вниманія на степень ихъ развитости.

Поэтому то Ксенофонтъ, подобно имъ, гонится за легкостію и видимою простотою изложенія, жертвуя при этомъ глубиною мысли для ясности рѣчи. Вслѣдствіе того онъ конечно стоитъ гораздо ниже Ѳукидида, описанія котораго можно сравнить не съ чистотою ручья, въ которомъ видны всѣ камни, какъ разсказъ Ксенофонта, а скорѣе съ глубиною величественной рѣки. Ксенофонтъ приближается къ современной исторической манерѣ еще и тѣмъ, что въ своей исторіи рѣдко дозволяетъ себѣ чисто греческій обычай вводить въ разсказъ рѣчи, и потому его описанія почти никогда не достигаютъ драматизма. Однако нѣкоторыя мѣста его сочиненія заключаютъ въ себѣ изящные образцы этой характеристической черты древнихъ историческихъ сочиненій, и въ одномъ случаѣ Ксенофонтъ дѣйствительно превосходно воспользовался драматическимъ элементомъ. Представляя намъ историческую манеру Ксенофонта съ ея лучшей стороны, мѣсто это заслуживаетъ болѣе подробнаго обзора. Кромѣ того, оно имѣетъ другое преимущество: мы узнаемъ изъ него, какъ много жизни и движенія еще было во времена Ксенофонта въ свободныхъ государствахъ Греціи, въ противоположность позднѣйшей эпохѣ, когда очерки характеровъ въ историческихъ сочиненіяхъ обратились въ простые риторическіе фокусы авторовъ.

Разсказывая о мирныхъ переговорахъ между Аѳинами и Спартою, Ксенофонтъ выводитъ передъ спартанскимъ народомъ и его союзниками трехъ аѳинскихъ пословъ и пользуется ихъ рѣчами,

чтобы представить превосходное изображеніе характера различныхъ государственныхъ людей Аѳинъ своего времени. Въ рѣчи посла Каллія, историкъ даетъ замѣтить гордость аѳинскаго народа, въ рѣчи втораго посла, Автокла — горячность и страстность демагоговъ, а въ рѣчи третьяго посла, Каллистрата — таланты, краснорѣчіе и искусство людей, научнымъ образомъ изучившихъ государственное устройство и управленіе. Каллій, богатый человѣкъ, принадлежавшій къ старинной аристократіи и въ тоже время одинъ изъ уважаемыхъ жрецовъ въ Аѳинахъ, по словамъ Ксенофонта, такъ же охотно восхвалялъ себя, какъ и слушалъ похвалы отъ другихъ. Рѣчь, которую Ксенофонтъ заставляетъ его говорить, даетъ о немъ понятіе какъ о человѣкѣ пустомъ и много о себѣ думающемъ, обладающимъ только сословною гордостью и хвастовствомъ, и потому совершенно лишеннымъ качествъ, необходимыхъ для дипломата. Все что онъ говоритъ относится собственно до него самого, а не до дѣла, которое онъ долженъ защищать. Онъ толкуетъ болѣе всего о себѣ и своихъ предкахъ, о довѣріи, которое аѳиняне всегда питали къ его фамиліи, и о своихъ прежнихъ посольствовахъ въ Спарту. При этомъ онъ такъ распространяется, что слушатели должны были потерять всякое терпѣніе. Подъ конецъ, для того, чтобы возвысить самого себя и дать какое нибудь религіозное основаніе своимъ доводамъ, Каллій говоритъ объ аѳинскихъ божествахъ, наслѣдственными жрецами которыхъ были его предки, и о таинственномъ богослуженіи, перенесенномъ въ Пелопоннесъ изъ Аѳинъ еще въ глубокой древности. Свою рѣчь онъ заканчиваетъ мыслью, что не слѣдуетъ государствамъ, тѣсно связаннымъ религіею, воевать между собою и ненавидѣть другъ друга, и что если между людьми уже непремѣнно должны быть войны, то ихъ слѣдуетъ начинать, какъ можно позже и кончать какъ можно раньше. Недостатокъ политическаго смысла, замѣтный во всей рѣчи, выставляетъ оратора глупцомъ, надутымъ собою, своимъ сословіемъ и родомъ.

Подобно тому какъ Каллій вредитъ успѣху даннаго ему по-

ученія своею глупостью и гордостью, такъ и Автоклъ недостигаетъ своей цѣли, вслѣдствіе горячности и личнаго своего нежеланія. Этого втораго посла Ксенофонтъ охарактеризовалъ однимъ выраженіемъ, сказавъ, что онъ считался въ Аѳинахъ очень хитрымъ ораторомъ. Онъ былъ однимъ изъ демагоговъ, умѣвшихъ возбуждать страсти аѳинскаго народа и пользоваться ими для своихъ цѣлей. Такимъ высказывается Автоклъ и въ рѣчи, которую приписываетъ ему Ксенофонтъ. При этомъ историкъ хочетъ также показать читателю, какую важную ошибку дѣлаетъ народъ, ввѣряя управленіе своими дѣлами людямъ, которые не умѣютъ владѣть своими страстями и потому не могутъ преодолѣть своего личнаго отвращенія и желанія досадить противнику, даже тогда, когда дѣло касается общихъ интересовъ. Автоклъ, посланный склонить спартанцевъ къ миру, въ самомъ началѣ своей рѣчи въ энергическихъ выраженіяхъ укоряетъ спартанцевъ за ихъ образъ дѣйствій въ отношеніи къ союзникамъ, и кончаетъ свою рѣчь также горькими упреками имъ въ вѣроломствѣ и властолюбіи. Этимъ, прибавляетъ Ксенофонтъ, онъ возбудилъ одобреніе тѣхъ изъ присутствовавшихъ, которые питали къ спартанцамъ такія же враждебныя чувства какъ и онъ, но за то, само собою разумѣется, не достигъ цѣли своего посольства.

Показавъ въ рѣчахъ Каллія и Автокла, чего должно избѣгать въ государственныхъ дѣлахъ, Ксенофонтъ воспользовался рѣчью третьяго посланника, для объясненія того, въ чемъ, по его мнѣнію, заключаются таланты истиннаго государственнаго человѣка и дипломата. Каллистратъ, о которомъ авторъ сказалъ только, что онъ былъ государственнымъ человѣкомъ, идетъ, безъ всякаго тщеславія и горячности, прямо къ цѣли, не утомляя терпѣнія слушателей, какъ Каллій, и не желая ожесточать или возстановлять ихъ, какъ Автоклъ. Напротивъ того, онъ старается ослабить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ, и говоритъ такъ, что читателю становится ясно, что Ксенофонтъ хотѣлъ передать въ его рѣчи свою собственную житейскую опытность и соб-

ственное знаніе дѣла, и представить намъ въ Каллистратѣ свой идеалъ государственнаго человѣка.

Чисто практическое направленіе, житейская мудрость, опытность и поверхностная философія, являющіяся въ главныхъ сочиненіяхъ Ксенофонта характеристическою чертою его, какъ писателя, видны и въ его мелкихъ произведеніяхъ. Біографія Агесилая, написанная Ксенофонтомъ, подъ заглавіемъ: „Рѣчь объ Агесилаѣ", составляетъ похвальную рѣчь, или что французы называютъ éloge, только въ греческомъ вкусѣ. Въ „Экономикосѣ" или книгѣ о домашнемъ хозяйствѣ, Ксенофонтъ заставляетъ своего учителя Сократа популярно излагать, касаясь даже самыхъ мельчайшихъ подробностей, цѣлую систему домоводства, въ теперешнемъ значеніи этого слова. Кто не узнаетъ въ этомъ чисто практическаго, промышленнаго и матеріальнаго направленія эпохи Ксенофонта? Въ книгѣ подъ заглавіемъ „Гіеронъ", онъ написалъ разговоръ сиракузскаго царя Гіерона I съ поэтомъ Симонидомъ о томъ, что не стоитъ завидовать судьбѣ монарха. Въ этомъ разговорѣ Ксенофонтъ опять возвращается къ мысли, уже развитой имъ въ „Киропедіи," что счастье государства можетъ быть дѣломъ одного человѣка, имѣющаго въ рукахъ неограниченную власть. Нарисовавъ сначала картину лишеній, которымъ подвергается монархъ относительно чисто человѣческихъ отношеній и радостей, Ксенофонтъ старается показать, какимъ образомъ, обладая властью, онъ можетъ сдѣлаться благодѣтелемъ своихъ подданныхъ и творцомъ ихъ счастія. Впрочемъ эта послѣдняя часть „Гіерона" очень полезна и для нашего времени, содержа въ себѣ много дѣльныхъ наставленій правителямъ. Ксенофонтъ написалъ еще два сочиненія, которыя подобно „Достопамятностямъ Сократа", непосредственно касаются его учителя: „Апологію" или защиту Сократа и, такъ называемый, „Пиръ". Первая содержитъ въ себѣ не формальную защиту этого философа противъ обвиненій, по поводу которыхъ онъ былъ осужденъ на смерть, а состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ любви и уваженія къ Сократу въ отвѣтъ на злобныя клеветы его враговъ. Въ „Пирѣ"

Ксенофонтъ имѣлъ намѣреніе изложить ученіе своего наставника о дружбѣ и любви. Такъ какъ и Платонъ написалъ подобное сочиненіе подъ тѣмъ же заглавіемъ, то возникъ большой споръ о томъ, слѣдуетъ ли считать одну изъ этихъ книгъ возраженіемъ на другую, написаннымъ именно вслѣдствіе появленія послѣдней. Дѣйствительно, сочинія эти далеко не сходны между собою, но не зачѣмъ приписывать этого какимъ нибудь особымъ обстоятельствамъ; различіе ихъ объясняется гораздо проще противоположностью направленія ихъ авторовъ. Ксенофонтъ приписываетъ происхожденіе любви и дружбы одному разуму, и старается открыть въ сферѣ обыкновенной жизни то ощущеніе удовольствія, въ которомъ по его мнѣнію заключается счастье; напротивъ того, Платонъ, какъ философъ одаренный живою фантазіею и глубокомысленнымъ умомъ, не находитъ этого удовлетворенія во всемъ обширномъ мірѣ чувственныхъ ощущеній и потому стремится мыслью въ высшія сферы.

Соединивъ вмѣстѣ все сказанное нами о Ксенофонтѣ, мы узнаемъ въ немъ истиннаго сына своей эпохи, вполнѣ отразившаго въ своихъ сочиненіяхъ главныя стороны греческой жизни, какою она представляется послѣ Пелопоннесской войны. Настоящее религіозное чувство, одушевленіе, и такъ сказать безсознательная жизнь для боговъ и отечества исчезли и уступили мѣсто умственному образованію и практической морали; люди должны были сознавать передъ собою опредѣленную цѣль, которая не могла заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ въ полезномъ и въ наслажденіяхъ матеріальной жизни. Въ „Достопамятностяхъ Сократа“ Ксенофонтъ излагаетъ теоретически какъ устроить жизнь сообразно этой цѣли и отнести къ послѣдней благочестіе, дружбу, любовь къ отечеству, словомъ всѣ высшія блага. Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, и въ особенности въ „Киропедіи“, онъ объясняетъ тоже самое практически. По этому то персидскія учрежденія, уничтожающія всякую личность, и представляются Ксенофонтомъ въ идеальномъ видѣ, какъ образецъ средствъ, которыми

можно достигнуть желаемой цѣли, т. е. матеріальнаго покоя и наслажденія. Та же мысль проводится и во всей греческой исторіи Ксенофонта; заведенный порядокъ, хотя бы и военный, какъ у спартанцевъ, расчетливая ловкость, хотя бы, какъ у того же народа, гибельная для свободы другихъ государствъ, — одни заслуживаютъ безусловной похвалы, по мнѣнію автора, который нигдѣ въ своемъ разсказѣ не скрываетъ своего предпочтенія.

Сочиненія Ксенофонта служатъ выраженіемъ вѣка, въ которомъ уже исчезли республиканскія добродѣтели, разумъ привыкъ къ размышленію о жизни, а управленіе государственными дѣлами и начальство надъ войскомъ перестали считаться честью и пожертвованіемъ, а обратились въ должности и ремесло. Въ подобную эпоху исторія не можетъ оставаться простымъ описаніемъ, она должна разбирать и анализировать то, что описываетъ. Разсказъ дѣлается спокойнымъ и популярнымъ, постоянно обращаетъ вниманіе на житейскія отношенія, становится занимательнымъ и поучительнымъ, но не помогаетъ читателю вникнуть глубже въ природу человѣка.

Такимъ образомъ и исторія, вмѣстѣ съ измѣненіемъ духа времени, пала съ той высоты, на которую была поставлена Ѳукидидомъ. Ксенофонтъ ограничилъ ея задачу опредѣленнымъ политическимъ или моральнымъ нравоученіемъ. Вслѣдствіе того она перестала быть самостоятельнымъ умственнымъ занятіемъ и сдѣлалась одною изъ наукъ, изученіе которыхъ считалось необходимымъ для приготовлявшихся къ государственной дѣятельности. Вслѣдъ за Ксенофонтомъ два обстоятельства придали исторической литературѣ новое направленіе и въ то же время ускорили ея паденіе. Съ одной стороны, извѣстный учитель ораторскаго искусства Исократъ, превративъ краснорѣчіе въ настоящее искусство и предметъ школьнаго преподаванія, имѣлъ этимъ вредное вліяніе на исторіографію. Доставивъ перевѣсъ собственно искусству изложенія надъ есте-

ственнымъ краснорѣчіемъ, Исократъ пріучилъ всѣхъ измѣрять достоинство произведенія не по его содержанію, а по одной внѣшней формѣ, а потому и въ исторіи считать самымъ важнымъ стиль и тонъ описанія. Поэтому въ послѣдующее время обработка историческихъ предметовъ сдѣлалась для каждаго, избравшаго себѣ то поприще, только средствомъ прослыть дѣльнымъ человѣкомъ и искуснымъ повѣствователемъ. Достигалась ли эта цѣль правдивостью разсказа или только призракомъ ея, никто не обращалъ па то большаго вниманія. Такимъ образомъ историческіе писатели сдѣлали главною своею цѣлью изящество внѣшней формы, подчиненной требованіямъ искусства. Черезъ это исторія сдѣлалась одною изъ отраслей риторики или искусства краснорѣчія и совершенно потеряла изъ виду свое истинное назначеніе служить самой жизни и ея высшимъ цѣлямъ; въ то же время она скрылась изъ яркаго свѣта дѣйствительной жизни въ мракъ и тишь кабинета.

Сами событія не мало способствовали такому упадку исторіографіи. Со смерти Эпаминонда до Александра Великаго вся исторія свободныхъ греческихъ государствъ состояла только изъ событій, не имѣвшихъ рѣшительнаго вліянія на судьбу всей націи, или изъ печальныхъ по своимъ послѣдствіямъ предпріятій людей, которые не способны внушить къ себѣ участія. Такимъ образомъ не воодушевленный интересъ къ этимъ событіямъ и ихъ изученію заставлялъ историка приступить къ ихъ описанію. Кромѣ того и сама публика, въ особенности два важнѣйшихъ ея круга, аѳинскій народъ и македонскій дворъ, не были въ состояніи понять, въ чемъ должны были заключаться истинныя достоинства исторіографіи. Аѳиняне, считавшіеся лучшими и непогрѣшимыми судьями въ дѣлахъ литературы, утратили уже свой изящный вкусъ въ умственныхъ наслажденіяхъ, и были избалованы развивавшимся въ то время школьнымъ краснорѣчіемъ; македонскій же дворъ, который какъ центръ высшей политической власти, также имѣлъ огромное вліяніе на литературу, могъ, ради своихъ политическихъ

цѣлей, поощрять и награждать только льстецовъ и лишенныхъ патріотизма историческихъ писателей.

Всѣ эти обстоятельства нанесли смертельный ударъ греческой исторіографіи. Историки, выступавшіе на литературное поприще начиная съ самыхъ лучшихъ годовъ дѣятельности Ксенофонта до Александра Великаго, стоятъ потому, въ отношеніи къ Ксенофонту, еще гораздо ниже, чѣмъ позднѣйшіе трагики, въ отношеніи къ Эврипиду. Эти историки, изъ сочиненій которыхъ до насъ дошли только небольшіе отрывки, не имѣютъ почти никакой цѣны, ни для изученія господствующаго духа эпохи, ни для самой исторической науки. Ихъ единственное значеніе заключается только въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ Филистъ, Теопомпъ и Эфоръ, служили впослѣдствіи образцами и примѣромъ для римскихъ историковъ, и потому имѣли вліяніе на литературу римлянъ.

5. Философія.

Первые зачатки греческой философіи находятся въ религіозныхъ и миѳическихъ стихотвореніяхъ глубокой древности (т. I, стр. 351 — 353). Въ шестомъ столѣтіи до р. Х. возникли три философскія школы или, вѣрнѣе, были сдѣланы три первыя попытки уяснить мыслящею силою взаимную связь предметовъ отвлеченныхъ, и объяснить ихъ отношеніе къ видимому міру. Изъ этихъ школъ двѣ — іонійская и элеатская — пріобрѣли значеніе только тогда, когда были перенесены въ Аѳины: съ тѣхъ поръ философская наука стала развиваться въ столицѣ Греціи рядомъ и въ связи съ другими науками и изящными искусствами. Третья школа — пиѳагорейская — долго не оказывала никакого непосредственнаго вліянія на процвѣтаніе въ Аѳинахъ наукъ и искусствъ, но и она имѣла значеніе для развитія греческой культуры. Пиѳагорейское ученіе дало научный характеръ математикѣ, изъ него произошли также тѣ мистическія мечтанія, которыя были такъ

сильно распространены между греками и другими народами. Мистицизмъ является всегда, когда люди ослабѣваютъ отъ чрезмѣрной роскоши и вслѣдствіе ложнаго образованія идутъ не тѣмъ путемъ, который указываетъ сама природа.—Такимъ образомъ, всѣ три школы имѣли сильное вліяніе на понятія и взгляды позднѣйшихъ грековъ. Впрочемъ, пиѳагорейская школа не способствовала возникновенію развивавшейся въ Аѳинахъ философіи, которая, собственно, была вызвана только іонійскою и элеатскою школами.

Анаксагоръ, принадлежавшій къ іонійской школѣ (т. I, стр. 352), былъ однимъ изъ первыхъ философовъ, начавшихъ учить въ Аѳинахъ и получившихъ тамъ значеніе. Въ 456 г. до р. Х. онъ переселился въ Аѳины, и сдѣлался учителемъ и другомъ Перикла и Эврипида. Одновременно съ нимъ прибыло въ Аѳины нѣсколько элеатиковъ, и такимъ образомъ воззрѣнія обѣихъ школъ стали распространяться по Греціи изъ того города, который былъ средоточіемъ духовной жизни грековъ. Въ Аѳинахъ тотчасъ же начались преслѣдованія противъ революціонеровъ — философовъ, ученіе которыхъ о божествѣ и мірѣ, противорѣча народнымъ вѣрованіямъ, подорвало самое основаніе этой религіи и преобразовало господствовавшія религіозныя понятія, образовавшіяся подъ вліяніемъ поэтовъ и мистерій. Самъ Анаксагоръ только бѣгствомъ спасся отъ смерти (т. I, стр. 440). Вскорѣ подверглись преслѣдованію и были осуждены, какъ безбожники, философы Діагоръ Мелосскій, Протагоръ Абдерскій и Продикъ Кеосскій. Первый долженъ былъ бѣжать изъ города, возбудивъ противъ себя негодованіе полнымъ отрицаніемъ существованія боговъ; аѳиняне оцѣнили его голову и поставили ему позорный столбъ. Протагоръ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ за то, что въ одной книгѣ выразилъ сомнѣніе въ существованіи боговъ. Аѳиняне публично сожгли его сочиненія и подъ страхомъ наказанія запретили не только продавать ихъ, но даже и имѣть у себя, — первый встрѣчающійся въ исторіи примѣръ сожженія книгъ. Наконецъ, Продикъ высказалъ, между прочимъ, мнѣніе, что вѣра въ боговъ не имѣетъ никакого разумнаго

основанія, и возникла только потому, что люди обоготворили полезныя для нихъ явленія природы. Онъ былъ осужденъ, какъ атеистъ, и казненъ.

Перенесеніе философіи въ Аѳины сопровождалось важными послѣдствіями: новое ученіе и новыя воззрѣнія стали быстро распространяться отсюда по всей Греціи. Но еще больше вліянія имѣло то обстоятельство, что философія, не задолго передъ тѣмъ получившая новое направленіе, была теперь приспособлена къ воспитанію и образованію государственныхъ дѣятелей. Философы прежнихъ временъ, поэтизируя и мечтая, старались изслѣдовать только сущность вещей; напротивъ того, еще до появленія Анаксагора въ Аѳинахъ, мыслящіе люди уже стали заниматься діалектикой (родъ нашей прикладной логики). Діалектика давала возможность, съ помощью опредѣленныхъ законовъ мышленія, отличать ложь отъ истины, указывала, какъ философски понимать и анализировать вещи, представлять и разсматривать ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такимъ образомъ, діалектика превратила философію въ родъ искусства, которое могло служить всякаго рода стремленіямъ и направленіямъ. Съ помощью этого искусства философское образованіе пріобрѣло громадное значеніе для политической жизни, особенно въ государствахъ республиканскихъ. Но преимущественно тамъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ образованіемъ развилъ у себя демократическія учрежденія, діалектика сдѣлалась необходимостью для людей, желавшихъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Отъ того то она и пользовалась такимъ уваженіемъ въ Аѳинахъ. При такомъ практическомъ направленіи діалектики, философія стала здѣсь государственною наукою.

Изъ діалектики, — скоро превратившейся у элеатиковъ въ одно только умничанье — образовалось въ нижней Италіи другое философское искусство, получившее названіе софистики, и также вскорѣ перенесенное въ Аѳины. Софистика состояла въ искусствѣ доказывать и опровергать все, что угодно, или, другими словами, была умѣньемъ, посредствомъ различныхъ философскихъ тон-

костей и умозаключеній представлять ложь за истину, и истину за ложь. Такимъ образомъ она давала возможность пользоваться діалектикой для удовлетворенія тщеславныхъ и корыстныхъ цѣлей. Знаменитѣйшими софистами были: Горгій изъ Леонтинъ въ Сициліи, Протагоръ Абдерскій, Продикъ Кеосскій, Гиппій изъ Элиды и Трасимахъ Халкедонскій, жившіе во второй половинѣ V-го столѣтія до р. Х. Нѣкоторые изъ софистовъ, напримѣръ Протагоръ, обладали дѣйствительно самостоятельнымъ талантомъ, но большинство состояло изъ людей съ поверхностнымъ образованіемъ, хорошо усвоившихъ себѣ только искусство спорить. Они всячески пользовались невѣжествомъ и неразвитіемъ массъ и прибѣгали къ шарлатанству вездѣ, гдѣ надѣялись удовлетворить своему тщеславію и корыстолюбію. Такимъ образомъ софисты превратили философію въ самое гнусное ремесло. Въ качествѣ учителей краснорѣчія и искусства вести споры, софисты предлагали свои услуги всякому, кто хотѣлъ пріобрѣсти вліяніе въ государствѣ; они проповѣдовали свою науку въ Аѳинахъ, у столовъ мѣнялъ, на олимпійскихъ играхъ, и вообще вездѣ, гдѣ собиралось много народа, предлагали говорить о чемъ угодно и въ какомъ угодно смыслѣ, и старались остроуміемъ и философскими тонкостями пріобрѣтать себѣ деньги и одобреніе народа.

Изъ всѣхъ греческихъ городовъ Аѳины были самымъ удобнымъ мѣстомъ для софистовъ. Для народа, любившаго занятія государственными дѣлами и судебные процессы, софисты были явленіемъ чрезвычайно пріятнымъ; оттого они и пріобрѣли здѣсь за обученіе новому искусству огромныя богатства. Возможность легко нажиться привлекла въ Аѳины цѣлую толпу софистовъ, имѣвшихъ самое вредное вліяніе на государственную жизнь и литературу. Публичныя совѣщанія получили софистическій характеръ, краснорѣчіе, наставниками котораго сдѣлались софисты. было совершенно измѣнено ими; взгляды и понятія софистовъ проникли даже въ общественную и частную жизнь. Діалектика и софистика стали теперь модною философіею развратившихся аѳинянъ, и служили луч-

шимъ средствомъ для пріобрѣтенія поверхностнаго образованія, богатства и вліянія въ государствѣ.

Незначительная, но болѣе развитая часть аѳинянъ сильно возстала противъ образа дѣйствій софистовъ, имѣвшихъ такое пагубное вліяпіе на нравы и государственную жизнь. Энергичнѣе всѣхъ вооружился противъ нихъ философъ Сократъ, величайшая заслуга котораго состояла въ неутомимой борьбѣ съ ложью, тщеславіемъ и и корыстолюбіемъ своихъ современниковъ. Сократъ, былъ сынъ скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты. Онъ родился въ Аѳинахъ 469 г. до р. X, и умеръ въ 400 г., пожертвовавъ жизнью за убѣжденія. Сначала Сократъ занимался ремесломъ своего отца, но на 30-мъ году оставилъ его, и съ тѣхъ поръ жилъ въ бѣдности. Подобно всѣмъ аѳинскимъ гражданамъ, онъ принималъ участіе въ войнахъ своего отечества, находился между прочимъ въ томъ войскѣ, которое, въ началѣ Пелопоннесской войны, осаждало Потидею, и участвовалъ въ битвахъ при Делосѣ и Амфиполѣ. На военномъ поприщѣ онъ не только отличался храбростью, но своею стойкостью и терпѣніемъ заслужилъ удивленіе изнѣженныхъ соотечественниковъ. Въ битвѣ при Делосѣ, гдѣ аѳиняне были разбиты на голову, Сократъ сражался съ такою храбростью, что впослѣдствіи одинъ изъ полководцевъ говорилъ, что аѳиняне непремѣнно одержали бы побѣду, еслибъ всѣ такъ блистательно выполнили свои обязанности, какъ Сократъ. Когда аѳинское войско обратилось въ бѣгство, онъ спасъ свою честь упорною обороною во время отступленія. Окруженный врагами, Сократъ неминуемо бы погибъ, еслибъ его не освободилъ подоспѣвшій на помощь Алкивіадъ.

Въ государственномъ управленіи Сократъ принималъ участіе лишь на столько, на сколько этого требовалъ долгъ гражданина. Онъ хотѣлъ служить своему отечеству не какъ государственный человѣкъ, но какъ учитель народа и судья нравовъ. Не обращая вниманія ни на выгоды, ни на опасности, Сократъ всегда дѣйствовалъ согласно своимъ убѣжденіямъ, приходилось ли ему высказы-

вать свое мнѣніе въ судѣ или произносить приговоръ въ народномъ собраніи. Такъ, напримѣръ, когда, послѣ битвы при Аргинусскихъ островахъ, (т. 1 стр. 490) судили оставшихся въ живыхъ военачальниковъ за неисполненіе ихъ обязанностей, Сократъ, не смотря на волненіе народа и угрозы демагоговъ, одинъ изъ всѣхъ тогдашнихъ пританов̆ъ противился осужденію обвиненныхъ. Во время владычества 30-ти тиранновъ, когда столькіе граждане были умерщвлены или осуждены на изгнаніе, Сократа не преслѣдовали, хотя онъ однажды прямо воспротивился приказанію тиранновъ. Безъ сомнѣнія онъ былъ пощаженъ только потому, что не принадлежалъ ни къ какой политической партіи и не хотѣлъ играть никакой роли въ государствѣ, или, какъ онъ самъ выражался, потому, что никогда не имѣлъ честолюбія.

О частной жизни Сократа, особенно объ его семейныхъ отношеніяхъ, разсказываютъ множество вымышленныхъ анекдотовъ, сдѣлавшихъ изъ его исторіи какой то романъ. Позднѣйшіе писатели древняго міра передали намъ о его женѣ Ксантиппѣ различнаго рода анекдоты, появившіеся только послѣ смерти философа. По ихъ разсказамъ Ксантиппа была самая несносная и безпокойная женщина. Но въ сочиненіяхъ аѳинскихъ писателей временъ Сократа, какъ враждебныхъ, такъ и расположенныхъ къ нему, содержащихъ въ себѣ много подробностей объ его частной жизни, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Ксенофонтъ, любимый ученикъ и другъ философа, говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Сократъ, напротивъ того, очень уважалъ свою жену. Онъ дѣйствительно разсказываетъ, что Ксантиппа была капризна и однажды поссорилась съ своимъ сыномъ; но всей вѣроятности это обстоятельство и дало поводъ къ тѣмъ преувеличеннымъ разсказамъ, вслѣдствіе которыхъ имя Ксантиппы, какъ злой женщины, обратилось въ поговорку.

Сократъ употребилъ для своего образованія все, что только могло ему представить его время. Онъ глубоко изучилъ математику, физику, грамматику, музыку, поэзію и различныя отрасли философской науки; ознакомился, подъ руководствомъ Продика Ке-

осскаго, съ искусствомъ софистовъ, и, находясь въ знакомствѣ съ Аспазіей и другими знаменитыми женщинами, старался усвоить себѣ свѣтское образованіе.

Первоначальная цѣль всѣхъ стремленій Сократа сосредоточивалась на одной мысли—узнать истину; онъ не думалъ, какъ большая часть философовъ того времени, ни основывать школы, ни ораторствовать публично, и не заботился, подобно софистамъ, о пріобрѣтеніи богатствъ съ помощью тѣхъ средствъ, которыя ему давало наука и образованіе. Эта высокая цѣль отличала Сократа отъ всѣхъ современныхъ философовъ и вывела его на новую дорогу.

Одаренный отъ природы здравымъ, практическимъ умомъ, Сократъ не могъ удовлетвориться тогдашнимъ направленіемъ философіи и тѣмъ ходомъ, которымъ шло ея развитіе отъ перваго появленія этой науки до перерожденія въ діалектику и софистику. Первоначально стремленія греческихъ философовъ были почти исключительно направлены къ познанію природы и предметовъ отвлеченныхъ; но такому человѣку, какъ Сократъ, всѣ мудрствованія о природѣ, основанныя не на фактахъ и наблюденіяхъ, а на выводахъ и умозаключеніяхъ, должны были казаться несостоятельными и безполезными. Онъ ясно созналъ всю нелѣпость того, что при изслѣдованіи первоначальной причины всего и вопросахъ о божествѣ не обращаютъ вниманія на нравственныя склонности человѣка и свойства человѣческой природы; понялъ очень хорошо, что ложнымъ путемъ мнимаго знанія и пониманія, современники его были доведены до тщеславнаго самообольщенія, и пріучились діалектическими и софистическими злоупотребленіями философіи пренебрегать основные законы нравственности и насмѣхаться надъ всякимъ истиннымъ чувствомъ.

Поставивъ главною цѣлью своихъ философскихъ изслѣдованій изученіе законовъ нравственности и природы человѣка, Сократъ занимался философіей не для философіи, какъ искусствомъ для искусства, но старался о ея приложеніи къ дѣйствительной жизни. Направленіе дѣятельности Сократа внуши-

ло Цицерону слѣдующія слова: онъ первый, говоритъ римскій писатель, свелъ философію съ неба въ города и жилища, внесъ ее въ дѣйствительную жизнь людей, которыхъ пріучилъ размышлять о себѣ, отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, въ добрѣ и злѣ, и сознавать настоящую цѣль жизни. Такъ понималъ и самъ Сократъ изреченіе „познай самого себя", служившее надписью надъ входомъ въ Дельфійскій храмъ, сказавъ, что въ этихъ словахъ заключается истинная мудрость. Онъ говорилъ, что сверхчувственные предметы, сокровенныя силы и конечныя причины природы непостижимы для человѣческаго разума, да еслибъ и можно было ихъ понять, то это не принесло бы никакой существенной пользы жизни и ея цѣлямъ. Чтобы показать все превосходство здраваго смысла надъ ученостью и знаніемъ, Сократъ, въ противоположность софистическимъ крикунамъ своего времени, утверждалъ, что самъ онъ ничего не знаетъ, и уже одно это сознаніе доказываетъ, что онъ былъ умнѣе другихъ людей.

Сократъ не думалъ создавать и строить новой философской системы, его простое, популярное ученіе предназначалось для каждаго непредубѣжденнаго человѣка. Выступая съ однимъ здравымъ смысломъ на борьбу противъ заблужденій своего времени, онъ этимъ самымъ думалъ удачнѣе противодѣйствовать вліянію софистовъ. Онъ не желалъ учить своихъ современниковъ различнымъ философскимъ воззрѣніямъ, и дѣлать изъ нихъ ученыхъ, но хотѣлъ пріучить людей мыслить и сдѣлать ихъ разумнѣе и лучше. Отъ того Сократъ не имѣлъ школы, а былъ только народнымъ учителемъ, философомъ, который хотѣлъ дѣйствовать на умъ и сердце современниковъ, развивать и облагораживать людей. Самый способъ ученія Сократа вполнѣ соотвѣтствовалъ его главной цѣли, и очень понятно, что онъ не основалъ особой школы, не построилъ никакой философской системы. Сократъ никогда не читалъ лекцій, но училъ спрашивая, такъ что казалось, что въ разговорахъ съ

другими онъ самъ только искалъ истины. Философъ шутя говорилъ, что, помогая развитію другихъ людей, онъ въ умственномъ отношеніи продолжаетъ занятіе своей матери. Его талантъ учить методою катехизической, т. е. въ вопросахъ, былъ такъ великъ, что этотъ способъ преподаванія и теперь часто называется сократовскимъ. Постоянно и добросовѣстно стремясь узнать истину, Сократъ дошелъ до такой увѣренности въ справедливости своихъ убѣжденій, что могъ во всемъ полагаться на себя. Этотъ инстинктивно дѣйствующій разсудокъ, развитый имъ въ борьбѣ съ господствовавшими тогда діалектикою и софистикою, онъ называлъ своимъ геніемъ хранителемъ, который никогда его не оставляетъ, предостерегаетъ въ опасностяхъ и удерживаетъ отъ заблужденій. Не основавъ особенной школы Сократъ сгруппировалъ около себя молодыхъ людей, которые, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ, образовались подъ вліяніемъ его ученія, или усвоили себѣ его направленіе. На нихъ то и смотрѣли какъ на учениковъ Сократа. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: историкъ Ксенофонтъ, Алкивіадъ, тиранъ Критій, сдѣлавшійся во время своего владычества врагомъ прежняго учителя, великій философъ Платонъ, такъ называемый сократикъ Эсхинъ, получившій это прозваніе для отличія отъ оратора Эсхина, Эвклидъ Мегарскій, Аристиппъ Киренейскій и Антисѳенъ Аѳинскій. Намъ передано объ отношеніяхъ Сократа къ его ученикамъ и о сближеніи съ ними много различныхъ анекдотовъ, и хотя большая часть изъ нихъ вымышлена, но всѣ они, вмѣстѣ взятые, опредѣляютъ характеристическія черты практическаго философа и его ученія, и въ тоже время указываютъ на господствовавшіе о немъ взгляды въ позднѣйшемъ греческомъ мірѣ. Знакомство Сократа съ Ксенофонтомъ произошло слѣдующимъ образомъ. Встрѣтивъ однажды на улицѣ молодаго человѣка, красота и наружность котораго понравились философу, Сократъ остановилъ его и спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ продается мука и другіе

припасы. Когда Ксенофонтъ указалъ ему мѣсто, Сократъ спросилъ его: „а знаешь ли, гдѣ можно пріобрѣсти мудрость и добродѣтель?“—и, увидѣвъ изумленіе молодаго человѣка, сказалъ: „иди за мной, я покажу тебѣ“. Съ того времени Ксенофонтъ сдѣлался самымъ горячимъ приверженцемъ и ученикомъ философа. Два другіе ученика Сократа, Эвклидъ Мегарскій и Антисѳенъ Аѳинскій были такъ преданы своему учителю, что, не смотря на отдаленность своихъ жилищъ (послѣдній жилъ въ Пирейской гавани, отстоявшей отъ города почти на двѣ мили) пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы быть съ нимъ вмѣстѣ. Даже запрещеніе ходить въ Аѳины, объявленное жителямъ Мегары по случаю войны, возникшей между обоими городами, не могло остановить Эвклида, приходившаго къ Сократу переодѣтымъ въ женское платье. Молодой Эсхинъ, желая сдѣлаться ученикомъ философа, боялся придти къ нему, видя его окруженнымъ богатыми юношами. Узнавъ объ этомъ, Сократъ сказалъ ему: „неужели ты такъ мало цѣнишь себя и ни за что не считаешь подарка, который ты мнѣ дѣлаешь въ себѣ самомъ?“

Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть и рѣчи о философской системѣ Сократа, нравственныя правила котораго никогда не имѣли характера догматическаго ученія, твердой и законченной систематичности. Самъ Сократъ не написалъ ни одного сочиненія, не считая нужнымъ записывать свое ученіе, приспособленное только къ духу времени и къ потребностямъ тогдашней жизни. Трое изъ его учениковъ—Эсхинъ, Ксенофонтъ и Платонъ—записали изреченія своего учителя въ той діалогической или катехизической формѣ, въ которой самъ онъ излагалъ свое ученіе. Но всѣ трое представляютъ своего учителя такъ, какъ сами его понимаютъ, и часто приписываютъ ему свои собственныя мысли.

Нельзя однако сказать, чтобы взгляды Сократа были совершенно независимы отъ той философіи, которая преподавалась до него въ Аѳинахъ, потому что духовная жизнь людей, подобно внѣ-

шнимъ событіямъ исторіи, тѣсно связана съ общимъ ходомъ дѣлъ, и является только результатомъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ на нее вліяніе. По всей вѣроятности воззрѣнія Сократа ближе всего подходили къ ученію іонійской школы. Ученикъ Анаксагора, Архелай, котораго нѣкоторые писатели древности прямо называютъ учителемъ Сократа, преподавалъ въ Аѳинахъ вмѣстѣ съ философіей природы и нравственное философское ученіе, которое, кажется, имѣло болѣе всего вліяніе на взгляды и направленіе великаго философа. Впрочемъ ученіе этихъ двухъ философовъ далеко не было сходно; философія Архелая только вызвала философію Сократа, но не послужила для нея содержаніемъ. Ученіе Сократа, развившись изъ ученія Архелая, было совершенно новымъ, самостоятельнымъ ученіемъ, имѣвшимъ мало общаго съ своимъ источникомъ.

Не считая вообще философскихъ системъ надежными руководительницами человѣка въ жизни, Сократъ не слѣдовалъ въ своей практической дѣятельности ни одной изъ школъ, развившихся до него, и не признавалъ поэтической народной религіи (бывшей въ то же время и государственной религіей), исполняя однако внѣшніе ея обряды. Онъ видѣлъ, что его современники, стремясь только за ученостью и внѣшними благами, предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ наукамъ софистику и діалектику, сдѣлавшіяся модною философіей, какъ средство достичь своихъ корыстныхъ цѣлей; видѣлъ, что тщеславные аѳиняне гордятся только блескомъ знанія, и отвергаютъ истины, очевидныя для каждаго здравомыслящаго человѣка, но нетерпимыя и ненавидимыя эгоистами и корыстолюбцами. Сократъ презиралъ подобныя цѣли, также какъ и средства, служившія къ ихъ достиженію. Всѣ его стремленія были направлены къ тому, чтобъ сдѣлаться самому умнѣе, узнать начала добра, умѣть всегда отличать истину отъ лжи и опредѣлить себѣ настоящую цѣль жизни. Развить природный умъ людей, пріобрѣтенными свѣдѣніями и житейской опытностью, внушить довѣріе къ собственнымъ силамъ тѣмъ, которые не имѣли софистическаго образованія,

обратить вниманіе своихъ современниковъ на нравственныя побужденія и цѣли, показать имъ пустоту софистическихъ мудрствованій и безполезность изслѣдованій о человѣкѣ, мірѣ и божествѣ, не основанныхъ на наблюденіи и опытѣ, — вотъ что было главной цѣлью его дѣятельности, существенной задачей его жизни. Выступивъ съ правдою и чистыми побужденіями на борьбу противъ современниковъ, Сократъ подвергся преслѣдованію своихъ тщеславныхъ и корыстолюбивыхъ враговъ, боявшихся его стремленій. Но среди всѣхъ гоненій онъ сохранялъ спокойствіе, умѣренность и твердость, и наконецъ пожертвовалъ жизнью за истину, которую проповѣдывалъ.

Знакомый со всѣми софистическими тонкостями и уловками, Сократъ, съ помощью своей ироніи и сатирическаго таланта, успѣшно боролся противъ пагубнаго вліянія софистовъ, — и въ этомъ отношеніи его дѣятельность имѣла особенно благодѣтельныя послѣдствія. Всѣ стремленія Сократа были въ высшей степени полезны уже по одному тому, что имѣли характеръ отрицательный, и слѣдовательно были главнымъ образомъ направлены къ уничтоженію лжи и низости; сверхъ того, его ученіе, назначенное для народа и приспособленное къ его понятіямъ, было хорошо и потому, что замѣнило собой древнюю религію, уже утратившую все свое значеніе. Но, съ другой стороны, дѣятельность Сократа имѣла и свои вредныя послѣдствія. Его философія, предназначенная исключительно для жизни, была перенесена учениками въ школу, облечена въ форму и превращена въ систему. Къ этому нужно присоединить еще то замѣчаніе, что никакая философія, никакія правила разума и нравственности не могутъ замѣнить религіи у неразвитыхъ людей, составляющихъ огромное большинство. Для нихъ недостаточно одного простаго сознанія добра; имъ нужна еще игра фантазіи, страхъ и надежда, нужно, чтобъ страсти противоставлялась страсть.

Не принадлежа ни къ какой политической партіи и не желая никогда принимать участія въ государственныхъ дѣлахъ, Сократъ не могъ быть опасенъ тогдашнему правительству, и потому безпре-

пятственно продолжалъ свою дѣятельность подъ владычествомъ тиранновъ, которые съ ожесточеніемъ преслѣдовали всѣхъ лучшихъ гражданъ. Но положеніе его измѣнилось, когда, съ возстановленіемъ демократіи, выступили на сцену толпы софистовъ, лицемѣрныхъ жрецовъ и корыстолюбивыхъ государственныхъ людей. Для нихъ Сократъ былъ слишкомъ опаснымъ врагомъ. Пока длилась Пелопоннесская война, поглощавшая все вниманіе народа, враги Сократа не имѣли возможности возбудить противъ него народа; но съ возстановленіемъ мира можно было дѣйствовать успѣшнѣе, и Сократъ, даже въ старости, былъ имъ такъ страшенъ, что они не хотѣли выждать его и безъ того уже близкой смерти. Враги Сократа соединились, чтобы общими силами преслѣдовать его. Прежде всего они старались клеветою возстановить противъ него общественное мнѣніе. Для возбужденія ненависти къ Сократу они воспользовались еще свѣжею въ памяти народа тираніею свирѣпаго Критія, ученика Сократа, и презрѣніемъ къ религіи другаго его ученика, Алкивіада. И Критій, и Алкивіадъ были, правда, въ сношеніяхъ съ Сократомъ, но они никогда не имѣли склонности слѣдовать его нравственнымъ принципамъ, а старались только пріобрѣсти себѣ философское и ораторское образованіе, для преслѣдованія своихъ честолюбивыхъ плановъ, и, достигнувъ цѣли, оставили своего учителя; Критій былъ даже рѣшительнымъ его врагомъ. Но при непостоянствѣ и легкомысліи народа, все было возможно въ Аѳинахъ. Такъ старались распространить мнѣніе, что ученіе Сократа воспитало въ Алкивіадѣ и Критіѣ атеистическія и тиранническія идеи, принесшія столько вреда аѳинянамъ. Враги Сократа могли тѣмъ легче разсчитывать на успѣхъ, что философъ не очень благосклонно отзывался о дѣйствіяхъ народнаго собранія, часто дѣйствительно безразсудныхъ, и слѣдовательно не трудно было представить его человѣкомъ враждебнымъ народной религіи и существовавшему правленію.

Когда такимъ образомъ общественное мнѣніе было достаточно подготовлено, враги Сократа открыто выступили противъ

него. Они формально обвинили его въ томъ, что онъ отвергаетъ существованіе боговъ и своимъ ученіемъ развращаетъ юношество. Защищаясь передъ судомъ, Сократъ не употреблялъ тѣхъ средствъ, которыми обыкновенно пользовались обвиненные, чтобъ подѣйствовать на судей и склонить ихъ на свою сторону; онъ остался вѣренъ себѣ, и въ минуту опасности говорилъ энергически, съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Съ свойственною ему ловкостью и ироніею, онъ опровергъ своихъ обвинителей, и, доказавъ самымъ очевиднымъ образомъ нелѣпость взведенныхъ на него обвиненій, пристыдилъ и осмѣялъ своихъ враговъ. Обращаясь къ судьямъ, онъ говорилъ такъ смѣло и рѣшительно, что привыкшій къ лести народъ нѣсколько разъ прерывалъ его рѣчь ропотомъ, и за это главнымъ образомъ призналъ его виновнымъ. По аѳинскому судопроизводству осужденному дозволялось, до произнесенія приговора, объявить какого рода наказаніе, по его мнѣнію, онъ заслужилъ. Подсудимые пользовались обыкновенно этимъ правомъ, чтобы склонить судей къ болѣе легкому приговору; но Сократъ, считавшій себя невиннымъ, объявилъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, не обращая никакого вниманія на чувствительность судей, что, въ награду за свои попеченія о благѣ аѳинянъ, онъ заслужилъ права обѣдать въ пританеѣ на счетъ государства (т. I, стр. 318). Судьи приговорили его выпить чашу съ ядомъ (обыкновенный родъ смертной казни въ Аѳинахъ). Съ спокойствіемъ и твердостью выслушавъ приговоръ, Сократъ отвѣчалъ на него краткой рѣчью, въ которой съ полнымъ благородствомъ доказалъ своимъ судьямъ, какъ легко бы ему было спасти себя, но что въ теченіе всей жизни неуклонно слѣдовавъ своимъ правиламъ, онъ скорѣе перенесетъ всѣ возможныя несправедливости, чѣмъ отступитъ отъ своихъ убѣжденій.

Въ сочиненіяхъ Платона, знаменитѣйшаго изъ учениковъ Сократа, находится сказанная Сократомъ въ свою защиту рѣчь, написанная такъ, какъ будто Сократъ дѣйствительно произносилъ ее передъ судьями. Но эта рѣчь не принадлежитъ Сократу, она

написана уже послѣ его смерти и съ другою цѣлью самимъ Платономъ. Передавъ въ ней въ общихъ чертахъ то, что говорилъ Сократъ и какъ онъ держалъ себя передъ судьями, Платонъ влагалъ въ уста своего учителя свои слова, имѣвшія очевидно цѣлью оправдать и почтить его передъ всѣмъ греческимъ народомъ; отъ того въ частностяхъ сочиненіе Платона можетъ и не согласоваться съ тѣмъ, что дѣйствительно говорилъ Сократъ.

Смертный приговоръ, произнесенный надъ Сократомъ, могъ быть приведенъ въ исполненіе только черезъ тридцать дней, потому что корабль, ежегодно отправляемый въ Делосъ съ жертвенными дарами (т. I, стр. 183), не задолго передъ тѣмъ отплылъ и не скоро долженъ былъ вернуться; между тѣмъ, по древнему закону, никакая казнь не могла совершиться въ то время, какъ корабль находился въ пути. Эти дни Сократъ провелъ, какъ всегда, съ своими учениками, ежедневно приходившими къ нему въ темницу. Спокойствіе и твердость не покидали его и тутъ; онъ остался до послѣдней минуты вѣренъ своимъ правиламъ и убѣжденіямъ. За нѣсколько дней до казни, одинъ изъ учениковъ философа предложилъ ему бѣжать, но Сократъ не хотѣлъ воспользоваться представлявшимся случаемъ, потому что думалъ и училъ, что ничто не даетъ людямъ права не повиноваться законамъ государства.

По поводу послѣдней бесѣды Сократа съ его учениками, Платонъ развиваетъ въ особомъ сочиненіи ученіе Сократа о безсмертіи души, и при этомъ превращаетъ смерть своего учителя въ трогательную драму. Но это прекрасное трагическое изображеніе послѣднихъ минутъ Сократа, какъ не относящееся до исторіи, не принадлежитъ сюда. —

Сократъ, какъ уже было замѣчено, не построилъ никакой системы и не образовалъ никакой школы; но его ученики, чтобы изложить научнымъ образомъ его ученіе, по необходимости должны были сдѣлать изъ него систематическую и догматическую доктрину. Такимъ образомъ они перенесли въ школу то,

что Сократъ назначалъ для жизни и ея проявленій. Впрочемъ это вполнѣ соотвѣтствовало духу времени; тогдашній греческій міръ лишился своей прежней простоты и природнаго чувства, вмѣсто нихъ явилось умственное образованіе и жизнь, полная потребностей и разнообразія, а въ такое время люди чувствуютъ потребность въ положительныхъ взглядахъ или, другими словами, не въ такой вѣрѣ, которая наполняла и оживляла бы душу, а въ такой, которая удовлетворяла бы мыслящей силѣ и утверждалась на умозрѣнія и началахъ разума. Вслѣдствіе того, ученіе Сократа лишилось своего практическаго назначенія и того почти исключительно отрицательнаго направленія, которое оно имѣло при жизни своего основателя: естественно, что и его послѣдователи должны были раздѣлиться. Нѣкоторые изъ учениковъ Сократа возстановили такія начала, противъ которыхъ всю жизнь боролся ихъ наставникъ; такъ софистика и нравственная испорченность были опять внесены въ аѳинскую жизнь нѣкоторыми изъ школъ, основанныхъ учениками Сократа.

Философскія системы, построенныя послѣдователями Сократа, должны были пріобрѣсти тѣмъ больше значенія, что по ходу греческаго образованія философія была тою отраслью человѣческаго знанія, въ которой чувствовалась тогда наибольшая потребность. Въ ближайшее столѣтіе послѣ Сократа, философія была самымъ любимымъ занятіемъ грековъ. Едва греческій народъ вышелъ изъ своего младенческаго состоянія, какъ философія, или научное изслѣдованіе о законахъ мірового порядка и человѣкѣ, сдѣлалась потребностью, и съ этихъ поръ оставалась такъ же необходима, какъ поэзія и краснорѣчіе. Чѣмъ болѣе развивалось образованіе и чѣмъ болѣе удалялся греческій народъ отъ своего природнаго состоянія, тѣмъ сильнѣе становилась и потребность въ философскихъ занятіяхъ. Послѣ Сократа, греческій духъ требовалъ полнаго господства разума, и слѣдовательно естественно, что философія, какъ наука по преимуществу занимавшаяся его развитіемъ, должна была пріобрѣсти въ то время важное

значеніе. Наконецъ философія сдѣлалась однимъ изъ необходимыхъ средствъ къ образованію людей для государственной жизни, и кромѣ того въ высшихъ сословіяхъ замѣнила собою религію. Чисто поэтическая и чувственная народная религія не касалась нравственныхъ отношеній, въ ней не было также и отвлеченнаго ученія вѣры, она состояла изъ однихъ только миѳовъ и церемоній, и потому не могла ни руководить человѣка, ни доставлять развитымъ людямъ утѣшенія и успокоенія въ тяжелыя минуты жизни. Поэтому философія должна была замѣнить религію всякому, кто стремился уяснить себя нравственное назначеніе человѣка, его отношенія къ міровому порядку, и хотѣлъ найти себѣ твердую опору въ жизни. Вслѣдствіе того, философія имѣла гораздо больше значенія у грековъ и римлянъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ историческихъ народовъ. Ея значеніемъ объясняется, почему, послѣ Сократа, вопросъ о томъ, послѣдователемъ какой изъ философскихъ школъ былъ тотъ или другой человѣкъ, игравшій роль въ государствѣ, имѣлъ почти такую же важность, какъ въ нѣкоторыя эпохи у новѣйшихъ народовъ вопросъ о томъ, къ католической или протестантской вѣрѣ принадлежала извѣстная историческая личность. Наконецъ, въ отличіе отъ новѣйшихъ народовъ, философія имѣла у грековъ и римлянъ еще и ту особую важность, что была сама по себѣ любимымъ занятіемъ тогдашнихъ государственныхъ людей. Они не прибѣгали къ ней, только какъ къ убѣжищу въ минуты несчастія, но посвящали ей часы отдыха отъ занятій общественными дѣлами.

Между учениками Сократа самыми знаменитыми по своему вліянію на жизнь и ходъ образованія были: Ксенофонтъ, Аристиппъ и Платонъ. Первый, своею популярною философіею, содержаніемъ и характеромъ своихъ историческихъ сочиненій внесъ въ греческую жизнь практическую, разумную нравственность, и далъ государственнымъ дѣламъ направленіе, подобное новѣйшимъ государственнымъ и экономическимъ системамъ управленія. Вліяніе Аристиппа и Антистена на образъ мыслей и нравы людей проходитъ чрезъ

всю послѣдующую исторію греческаго народа до римлянъ и даже до временъ христіанства. Но изъ всѣхъ системъ, за исключеніемъ развѣ философіи Аристотеля, самое большее значеніе для всего цивилизованнаго міра имѣли идеальныя созданія Платона.

Платонъ, принадлежавшій къ древней аттической фамиліи, родился 420 г. до р. Х. въ Аѳинахъ, а умеръ въ 348 году. Всѣ разсказы позднѣйшихъ греческихъ историковъ, относящіеся къ юношескому возрасту Платона, только символически изображаютъ его неподражаемое искусство излагать свои мысли; такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что однажды, когда онъ былъ еще ребенкомъ, пчелы Гиметской горы накормили его медомъ. Сначала Платонъ занимался поэзіей, и писалъ эпическія, лирическія и драматическія стихотворенія. На двадцатомъ году онъ познакомился съ Сократомъ, и оставался до самой смерти философа однимъ изъ самыхъ близкихъ его учениковъ. Скоро послѣ того, онъ отправился путешествовать и посѣтилъ Кирену, Египетъ, нижнюю Италію и Сицилію. Въ Аѳинахъ онъ основалъ школу, получившую названіе академіи отъ любимаго мѣстопребыванія Платона. Это было мѣсто гулянья передъ городомъ, близъ котораго Платонъ имѣлъ садъ, и гдѣ онъ больше всего любилъ сходиться съ своими учениками.

Изъ частныхъ обстоятельствъ его жизни особенно замѣчательны три путешествія въ нижнюю Италію и Сицилію, имѣвшія большое вліяніе на развитіе Платона и на направленіе его философіи. Первое путешествіе было имъ предпринято съ цѣлью изучить естественныя науки, которыя разработывались съ такимъ успѣхомъ пиѳагорейцами, и въ то же время посвятить себя въ тайны этихъ философовъ, образовавшихъ между собою союзъ. Тайныя общества возникали въ то время въ большомъ числѣ въ богатыхъ греческихъ городахъ южной Италіи, потому что неправильность общественныхъ отношеній по необходимости вызывала подобнаго рода явленія. Въ великой Греціи и нижней Италіи образовалось такое общество, которое смотрѣло на свое философское ученіе, какъ на привилеги-

рованную и доступную только однимъ посвященнымъ мудрость, и въ то же время занималось математическими и естественными науками. Оно называлось пиѳагорейскимъ обществомъ, потому что его ученіе возникло изъ остатковъ философіи Пиѳагора и члены союза по своему направленію стояли всего ближе къ Пиѳагору и его ученикамъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ тогдашнихъ пиѳагорейцевъ былъ Архитъ Тарентскій, получившій знаменитость своими изслѣдованіями по математическимъ и физическимъ наукамъ.

Въ это возстановленное общество пиѳагорейцевъ Платонъ вступилъ во время перваго своего пребыванія въ нижней Италіи и съ тѣхъ поръ постоянно сохранялъ живую связь съ его членами. Черезъ Діона, одного изъ членовъ общества, онъ вошелъ въ сношеніе съ владѣтелемъ Сиракузъ, Діонисіемъ I, старавшимся заслужить себѣ славу между греками своею пышностью, покровительствомъ наукамъ и поэтическими сочиненіями, и отправился къ его двору. Діонъ и другіе благородные мечтатели, принадлежавшіе къ пиѳагорейскому союзу, надѣясь при помощи Діонисія ввести новый лучшій порядокъ вещей въ Сициліи и нижней Италіи, пригласили къ сиракузскому двору аѳинскаго философа, отъ талантовъ котораго ожидали многаго для осуществленія своего плана. Платонъ давалъ владѣтелю Сиракузъ почти такіе же совѣты, какіе предлагалъ Маккіавелли въ своемъ знаменитомъ сочиненіи тому, кто бы хотѣлъ сдѣлаться властелиномъ Италіи. Какъ Маккіавелли совѣтовалъ такому властителю основать на развалинахъ свободы одно чисто итальянское государство и изгнать иностранцевъ, такъ и Платонъ требовалъ отъ Діонисія старшаго, чтобы онъ измѣнилъ всю свою прежнюю систему управленія, сдѣлался царемъ грековъ, жившихъ въ нижней Италіи и Сициліи, и, ставъ во главѣ ихъ, прогналъ карѳагенянъ въ Африку. Такимъ образомъ Платонъ и его друзья смотрѣли на карѳагенянъ точно также, какъ Маккіавелли на нѣмцевъ и французовъ, съ тою только разницею, что первые главнымъ образомъ имѣли въ виду греческій народъ, тогда какъ послѣдній больше всего заботился объ интересахъ са-

маго властителя. По мнѣнію Платона и другихъ пиѳагорейцевъ, греческимъ городамъ надо было, подъ управленіемъ Діонисія, соединиться въ одно цѣлое противъ варнаровъ, но во внутреннемъ управленіи они должны были оставаться самостоятельными республиками и управляться олигархическою партіею, которая состояла изъ пиѳагорейцевъ, или по крайней мѣрѣ зависѣла отъ нихъ. Но планъ этотъ никакъ не могъ осуществиться, потому что человѣкъ, отъ котораго это главнымъ образомъ зависѣло, не руководился патріотизмомъ и стремленіями къ лучшему. Діонисій скоро разсорился съ пиѳагорейцами, и Платонъ долженъ былъ поспѣшно оставить Сиракузы, возстановивъ противъ себя Діонисія своей откровенностью. Но оскорбленный тираннъ съумѣлъ очень хитро отмстить философу, не повредивъ нисколько своей репутаціи между греками. Онъ уговорилъ командира спартанскаго корабля, на которомъ Платонъ возвращался въ Грецію, бросить его въ море, или продать въ рабство. Корыстолюбіе спартанца побудило его избрать послѣднее, и Платонъ былъ проданъ жителямъ Эгины, воевавшимъ въ то время съ аѳинянами. Выкупленный своими друзьями, философъ возвратился въ Аѳины и основалъ тамъ философскую школу.

Послѣ смерти Діонисія старшаго Платонъ вторично отправился въ Сицилію. Діонъ, стараясь привлечь въ пользу пиѳагорейскихъ плановъ молодаго Діонисія II, сына и преемника Діонисія I, пригласилъ своего друга въ Сиракузы. Въ одно время съ Платономъ отправились туда и многіе другіе члены союза, такъ что дворъ сиракузскаго владѣтеля наполнился пиѳагорейскими мечтателями; но ни Діонисій, ни большинство прежнихъ придворныхъ не питали сочувствія къ пиѳагорейцамъ, которые вскорѣ должны были опять оставить Сиракузы. Самъ Діонисій, хотя и не имѣлъ отвращенія къ философскимъ занятіямъ, но находилъ гораздо большее удовольствіе въ буйныхъ оргіяхъ и пьянствѣ. Платону онъ оказывалъ уваженіе только потому, что желалъ считаться его другомъ и не хотѣлъ, чтобы аѳиняне, дававшіе направленіе цѣлой Греціи, отзывались о немъ

дурно. Скоро однако пиѳагорейцы надоѣли ему, и людямъ прежняго порядка, во главѣ которыхъ стоялъ Филистъ, удалось вытѣснить ихъ отъ двора. Филистъ и его партія призвали Аристиппа, проповѣдывавшаго въ противоположность пиѳагорейцамъ, что умѣніе пользоваться жизнью и наслаждаться составляетъ высшую мудрость. Діонъ былъ изгнанъ изъ Сиракузъ; Платонъ, оставшійся тамъ еще нѣкоторое время, скоро также принужденъ былъ вернуться въ Аѳины. Уѣзжая, онъ далъ Діонисію обѣщаніе снова пріѣхать къ нему, если Діонъ будетъ возвращенъ изъ изгнанія.

Не смотря на вліяніе Аристиппа, Филиста и преданную наслажденіямъ толпу царедворцевъ, приверженцы Платона достигли того, что онъ былъ снова приглашенъ въ Сиракузы. Діонисій, поддерживавшій перепиской дружественныя отношенія съ философомъ, постоянно уговаривалъ его пріѣхать къ нему. Платонъ, долго отказывавшійся вернуться безъ Діона, наконецъ согласился, хотя его другъ и не былъ возвращенъ. Архитъ и другіе члены союза убѣдили его послѣдовать приглашенію, какъ для пользы самаго Діона, такъ и для того, чтобы не лишиться вліянія на тиранна, съ помощью котораго пиѳагорейцы все еще думали достигнуть своихъ политическихъ цѣлей. Діонисій отправилъ за философомъ въ Аѳины корабль, принялъ его съ большимъ почетомъ, и отвелъ ему въ своемъ паркѣ помѣщеніе, нарочно для него построенное. Но здѣсь Платонъ жилъ какъ плѣнникъ; у воротъ парка постоянно стояла стража, и безъ особаго дозволенія никто не имѣлъ права ни выходить оттуда, ни входить туда. Всѣ старанія Платона примирить тиранна съ Діономъ остались тщетными, и онъ скоро навсегда поссорился съ Діонисіемъ, который, подобно своему отцу, жестоко ему отмстилъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что жены его нуждались для праздника въ помѣщеніи Платона, тираннъ удалилъ его изъ укрѣпленной части города, и такимъ образомъ отдалъ на произволъ грубой толпы наемныхъ войскъ, смотрѣвшихъ на философовъ какъ на враговъ. Они непремѣнно убили бы Платона, еслибъ его не спасли соотечественники, жившіе въ Сиракузахъ. Видя невозмож-

ность бѣжать, онъ написалъ письмо въ Тарентъ, которымъ управляли тогда члены пиѳагорейскаго союза. Тарентинцы немедленно отправили посольство къ Діонисію, чтобы выхлопотать у него освобожденіе Платона. Просьба ихъ была уважена, и философъ получилъ позволеніе выѣхать изъ Сиракузъ. Платонъ вернулся въ родной городъ, и съ тѣхъ поръ уже болѣе не оставлялъ его.

Значеніе Платона для философіи, какъ науки, не составляетъ предмета всемірной исторіи, но разсмотрѣть то необыкновенное вліяніе, которое онъ имѣлъ на духъ своего времени и на развитіе греческой культуры, — это ея долгъ. Могущественное дѣйствіе Платона на современниковъ зависѣло столько же отъ содержанія его сочиненій, сколько и отъ ихъ формы, и не было философа, который бы могъ сравниться съ нимъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи. На эту то сторону и должно обратить особенное вниманіе, чтобы изслѣдовать, въ какомъ отношеніи находятся сочиненія Платона къ его времени и къ образованію человѣчества вообще; потому что ей главнымъ образомъ онъ обязанъ своимъ необыкновеннымъ вліяніемъ. Утонченный свѣтъ, охотно жертвующій содержаніемъ формѣ, никогда не выказалъ бы Платону такого сочувствія, еслибъ онъ не обладалъ громаднымъ талантомъ воплощать свои идеи въ прекрасные образы. Какъ различны тѣ впечатлѣнія, которыя производитъ аристократъ Сократъ, представленный Платономъ въ его сочиненіяхъ, и полу-демократъ, полу-монархистъ Сократъ, какимъ онъ является у Ксенофонта! Какія старанія употребляетъ Платонъ чтобъ принаровиться къ утонченому свѣту своими выраженіями, чувствами, тономъ изящнаго общества и всею манерою своего изложенія! Даже и тогда, когда Платонъ жестоко насмѣхается надъ софистами, онъ не выходитъ изъ предѣловъ внѣшняго приличія.

Всѣ сохранившіяся до насъ тридцать пять сочиненій Платона, изъ которыхъ однако нѣкоторыя не признаются за подлинныя, написаны въ діалогической формѣ. Это творенія человѣка, надѣленнаго отъ природы великимъ поэтическимъ талантомъ и имѣвшаго

врожденное философское призваніе. Какъ велико было значеніе этихъ произведеній въ поэтическомъ отношеніи, всего лучше можно узнать, сравнивъ ихъ съ діалогами Цицерона, носящими также поэтическій характеръ, напримѣръ съ сочиненіемъ о существѣ боговъ. При этомъ сравненіи мы видимъ, что Цицеронъ только ораторъ, а Платонъ въ одно время и великій поэтъ, и ораторъ. Каждый діалогъ Платона вмѣстѣ съ философскою цѣлью имѣетъ еще и поэтическую; каждый, независимо отъ своего философскаго содержанія, есть цѣльное поэтическое произведеніе, родъ драмы, въ которой всѣ личности, сословія, занятія также вѣрны дѣйствительности, какъ въ комедіи или трагедіи. Поэтому философію Платона изучали не одни только философы: къ его діалогамъ обращались также поэты, ораторы и всѣ стремившіеся познать міръ и человѣка. Такимъ образомъ своими сочиненіями Платонъ оказалъ высшимъ классамъ всего древняго міра такую же услугу, какую старался оказать всему аѳинскому народу Сократъ, какъ учитель народа. Въ твореніяхъ Платона, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются самые разнообразные элементы греческаго образованія, и можно смѣло сказать, что греческая жизнь, внутренняя и внѣшняя, передана намъ въ самыхъ благородныхъ ея проявленіяхъ только Платономъ.

Для усовершенствованія формы своихъ сочиненій, Платонъ пользовался различнаго рода пособіями. Пониманіемъ и искусствомъ въ изображеніи жизни и дѣйствій людей, Платонъ болѣе всего обязанъ Аристофану, творенія котораго онъ изучалъ въ теченіе всей своей жизни и читалъ даже на смертномъ одрѣ. Какъ много пользы могло принести ему знакомство съ произведеніями великаго комика, отличавшагося глубокимъ взглядомъ на вещи и умѣньемъ живо представлять ихъ, можно судить по прежнимъ нашимъ замѣчаніямъ о немъ. Рядомъ съ комедіями Аристофана, Платонъ преимущественно занимался изученіемъ произведеній сиракузскаго поэта Софрона, который незадолго передъ тѣмъ перенесъ мимы изъ народной жизни въ литературу и превратилъ ихъ въ особый родъ комедіи (т. II стр. 176). Съ мимами, тогда еще не

вполнѣ извѣстными въ Аѳинахъ, онъ познакомился въ Сициліи. По своему живому и вѣрному изображенію нравовъ, характеровъ и различныхъ моментовъ жизни, они были лучшими образцами для такихъ діалоговъ, какіе писалъ Платонъ, и дали ему возможность представлять своимъ читателямъ вмѣстѣ съ философскимъ ученіемъ и дѣйствительную жизнь. Написанныя поэтической прозой, мимы и языкомъ своимъ вполнѣ соотвѣтствовали цѣли поэта: въ ихъ формѣ всего лучше могла выразиться та иронія и острая шутка, которыя были такъ свойственны Платону. Такимъ образомъ мимы Софрона и комедіи Аристофана были образцами діалоговъ, въ которыхъ Платонъ передавалъ свое ученіе. Эти діалоги — не только философскія разсужденія, но цѣлыя поэтическія произведенія, гдѣ рѣчи, лица, обстоятельства и отношенія большею частью созданы самимъ поэтомъ, но въ которыхъ, какъ и въ другихъ родахъ поэзіи, очень мало обращено вниманія на хронологію и исторію дѣйствующихъ лицъ.

И такъ, живо изображать явленія внѣшней жизни научили Платона великій писатель древней комедіи и первый мимическій поэтъ, а изученіемъ произведеній древнихъ поэтовъ и іонійскихъ философовъ онъ довелъ до совершенства свой неподражаемый талантъ представлять идеи въ блестящихъ картинахъ. Чего не могли ему дать эти источники и образцы, того онъ старался достигнуть посвященіемъ себя въ тайны пиѳагорейскаго ученія. Наконецъ, Платонъ искалъ себѣ образцовъ и на востокѣ, проникъ въ духъ ученій, на которыхъ основывались тамошнія клерикальныя государства и ихъ учрежденія, и пользовался мистеріями своего народа. Въ мистеріяхъ онъ нашелъ средство съ помощью предчувствій, миѳовъ, примѣтъ и сновидѣній переносить духъ своихъ читателей въ тѣ заоблачныя пространства, куда не проникаетъ никакой разсудокъ. Такимъ образомъ, воспользовавшись народною религіею для построенія своихъ поэтическихъ теорій, Платонъ открылъ себѣ широкій доступъ въ область фантазіи и могъ свободно переступать предѣлы опыта и знанія; ему легко было намекать на то,

чего онъ не могъ или не смѣлъ высказать ясно. При жизни философа его мечтанія были безвредны, потому что всѣ стремленія тогдашнихъ грековъ сосредоточивались на богатой событіями политической жизни, но въ послѣдующія столѣтія эти фантастическія теоріи отняли у жизни не мало силъ, и многихъ людей ввели въ заблужденіе. Софистика и діалектика были такъ усвоены Платономъ, что онъ, будучи врагомъ софистовъ, самъ въ то же время училъ этому искусству. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ діалоговъ, напримѣръ въ Теэтетѣ, Протагорѣ и Горгіѣ, онъ изложилъ съ такою полнотою все, чему только учили аѳинскіе софисты и діалектики, что сочиненія эти могутъ служить указаніемъ на образъ дѣйствій этихъ людей въ судахъ и государственномъ управленіи.

Чтобы нагляднѣе представить свое ученіе, Платонъ во всѣхъ своихъ діалогахъ выводитъ Сократа. При всемъ разнообразіи частностей, въ цѣломъ онъ постоянно старался выказать умственное превосходство, спокойствіе, умѣренность и скромность своего учителя въ противоположность ослѣпленію, ученому шарлатанству, непостоянству, недовольству и высокомѣрію его современниковъ. Изъ всего ученія, которое Платонъ заставляетъ высказывать Сократа, — ученіе о сущности человѣческой природы и государственномъ управленіи имѣетъ наибольшее значеніе для пониманія греческой культуры и отношеній Платона къ ней. Въ трехъ своихъ сочиненіяхъ „Политикосѣ" или государственномъ человѣкѣ, „Политіи" или государствѣ, и въ сочиненіи „О законахъ" — Платонъ полнѣйшимъ образомъ развилъ свой взглядъ на эти предметы.

Считая глупость своихъ современниковъ и предразсудки массы болѣзнями неизлечимыми, Платонъ и не пріискивалъ для нихъ лекарствъ. По этому въ противоположность Ксенофонту, желавшему олигархическаго правленія и Аристотелю, мечтавшему о монархическомъ государствѣ, въ которомъ свобода въ наукѣ и искусствѣ замѣняла бы политическую свободу, онъ создаетъ чисто идеальное государство съ аристократическими формами. Въ „Политіи" Платонъ представляетъ идеалъ гармоническаго сочетанія

всѣхъ способностей человѣка, и начертываетъ образецъ государства, устроеннаго по этому идеалу. Не принимая въ соображеніе ни національности, ни другихъ условій и данныхъ, Платонъ говоритъ о своемъ государствѣ, какъ Руссо о воспитаніи, — идеалъ котораго онъ представилъ въ своемъ Эмилѣ, — что нелѣпо бы было примѣнять нѣкоторыя изъ его идей, если нельзя разомъ перевернуть всего существующаго порядка. Оба они объявляютъ: одинъ, что его государственное устройство, другой, что его система воспитанія не осуществимы до тѣхъ поръ, пока гдѣ нибудь не явятся люди, совершенно свободные отъ недостатковъ предъидущихъ поколѣній. Если противъ этого возражаютъ, что такимъ образомъ человѣкъ и государство обоихъ философовъ только бредъ воображенія, то это справедливо развѣ на столько, на сколько и всякую нравственно — философскую систему можно назвать одной пустой мечтою, потому что большая часть нравственныхъ требованій никогда не исполняется. Въ сочиненіи о государствѣ, также какъ и въ Эмилѣ Руссо, многое кажется страннымъ только потому, что и Платонъ и Руссо, для болѣе нагляднаго представленія своего идеала, обращались къ дѣйствительной жизни. Въ сочиненіи „О законахъ" Платонъ старается изобразить идеалъ уже чисто греческаго государства, основаннаго на существующихъ элементахъ, именно на племенномъ различіи и національныхъ свойствахъ; здѣсь онъ входитъ въ самыя мелочныя подробности.

Изъ трехъ сочиненій, въ которыхъ Платонъ развилъ свои идеальные взгляды на государственное устройство, „Политикосъ" служитъ нѣкоторымъ образомъ введеніемъ къ „Политіи." Основная мысль этого сочиненія, которую вездѣ проводитъ Платонъ, — какъ Руссо свои мечты о природномъ состояніи, — нигдѣ и никогда не осуществлялась въ дѣйствительности. Платонъ думаетъ, что родъ человѣческій былъ прежде счастливѣе, и что возвращеніе этого потеряннаго счастія, — того, что Руссо называетъ природнымъ состояніемъ, — должно быть конечною цѣлью всякаго государственнаго устройства. Такое представленіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее

ученію востока, мистерій и пиѳагорейскаго союза, было частью почерпнуто изъ этихъ источниковъ. Но, какъ аѳинянинъ, Платонъ глубоко уважалъ человѣческую свободу, и потому не ставилъ своего идеала въ томъ вѣчно неподвижномъ порядкѣ вещей, который господствовалъ на востокѣ; напротивъ того, онъ самъ говорилъ, что неизмѣнность невозможна для существа тѣлеснаго, потому что противорѣчитъ самой природѣ его. Платонъ составилъ себѣ слѣдующее представлеиіе о первобытномъ состояніи человѣчества, высказанное имъ въ „Политикосѣ." Въ первобытную эпоху родъ человѣческій управлялся священною, неизмѣнною волею божества, и поэтому не было никакой необходимости въ перемѣнахъ. Люди не нуждались тогда ни въ учрежденіяхъ, ни въ законахъ. Когда природное состояніе миновалось, міровой порядокъ сталъ развиваться самостоятельно. Нѣкоторое время, божественный законъ, прежде управлявшій всѣмъ, оставался еще въ памяти существъ, но скоро былъ забытъ ими. Возникли безпорядки и смятенія, и всѣ существа ощутили потребность въ опредѣленномъ законѣ и руководящей власти, животнымъ и людямъ понадобились защитники и пастухи. Люди въ особенности почувствовали, что имъ необходимъ человѣкъ, который могъ бы управлять всѣми ихъ занятіями и ремеслами, возникшими вслѣдствіе новаго порядка вещей, и принять на себя обязанности, исполнявшіяся прежде божествомъ. Это —идеальный и совершенный государственный человѣкъ, или, какъ называетъ его Платонъ, царь-правитель.

Сначала Платонъ доказываетъ, что наука государственнаго управленія можетъ быть понята только очень немногими, и слѣдовательно, чтобы могло существовать хорошее правленіе, нужно выразить ее въ законахъ, и уже въ этой формѣ передать тѣмъ, которые наиболѣе способны управлять государствомъ. Затѣмъ, онъ старается нагляднѣе изобразить характеръ и образъ дѣйствій истиннаго государственнаго человѣка и при этомъ объясняетъ отношеніе различныхъ силъ и способностей человѣка къ его идеалу жизни, и потомъ отношеніе монархической, аристократической и демократи-

ческой формъ правленія къ идеальному государственному устройству, въ главѣ котораго онъ ставитъ царя-правителя. Далѣе онъ изображаетъ сущность всѣхъ трехъ формъ правленія и показываетъ какъ онѣ искажаются. Истинная аристократія, говоритъ онъ, та, въ которой законы и нравы,—т. е., то, что въ теченіе долгаго времени составляло самую сущность извѣстной формы правленія,—ненарушимо охраняются правительствомъ; если же это не исполняется, такая искаженная аристократія превращается уже въ олигархію. Точно также и въ монархіи: если правитель строго соблюдаетъ правосудіе и законъ, не дѣлая ничего произвольно, то онъ монархъ; если же, напротивъ того, онъ попираетъ законъ и справедливость, ставя свой произволъ выше ихъ, то онъ деспотъ. На третью форму правленія—демократію—Платонъ обращаетъ мало вниманія, потому что, подобно пиѳагорейцамъ, не любитъ ее, считая невозможнымъ, чтобы массы могли ненарушимо соблюдать законъ и право.

Касаясь личности идеальнаго правителя, Платонъ говоритъ, что при всякой формѣ правленія, для поддержанія самой сущности ея, или другими словами для охраненія закона и справедливости, необходимы двѣ главныхъ добродѣтели: твердость и разумная умѣренность. Обѣ онѣ очень рѣдко соединяются вмѣстѣ, и только очень немногіе люди, совмѣщая ихъ въ своей личности, обладаютъ качествами истинныхъ правителей. Разумная умѣренность научаетъ блюсти и охранять справедливое и доброе, а твердость даетъ силу предотвращать и уничтожать все, что нарушаетъ порядокъ. Идеальный разумъ правителя-царя, основываясь на этихъ двухъ, часто повидимому противорѣчащихъ добродѣтеляхъ, нуждается для достиженія своей цѣли въ двухъ различныхъ средствахъ—божественномъ и человѣческомъ. Первое заключается въ религіи, богослуженіи и суевѣріи, второе—въ наказаніяхъ и наградахъ.

Такимъ образомъ по ученію Платона, излагаемому въ „Политикосѣ,“ идеалъ государственнаго управленія состоитъ въ искусствѣ благоразумно соедивять строгость съ кротостью, твердость съ мяг-

костью, силу съ уступчивостью. Самое существенное качество истиннаго правителя-царя—правосудіе или умѣніе соединять въ своихъ дѣйствіяхъ эти разнородныя до противоположности свойства. Высказавъ свое понятіе о существенной задачѣ всякаго правительства, Платонъ рисуетъ въ своемъ великомъ сочиненіи, называющемся „Политія“ или государство, картину совершенно правильнаго идеальнаго государства и идеалъ настоящаго человѣка. Созданіе такого государства также невозможно, какъ и осуществленіе всѣхъ другихъ идеаловъ, потому что устройство дѣйствительнаго государства зависитъ отъ національныхъ свойствъ, географическихъ условій и другихъ обстоятельствъ, не принятыхъ въ соображеніе въ идеальномъ созданіи философа, который самъ признаетъ свою мысль неосуществимою до тѣхъ поръ, пока люди совершенно не переродятся. Государство Платона, подобно идеальнымъ представленіямъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ отношеній, такъ далеко отъ дѣйствительности, что выраженіе „республика Платона“ до сихъ поръ употребляется для обозначенія фантастической мечты. Платонъ имѣлъ только въ виду представить истинныя понятія о справедливости и указать характеристическія свойства истиннаго правителя; и дѣйствительно изученіе образца такого государства и такихъ общественныхъ условій естественно должно вести къ уясненію понятій объ этихъ предметахъ.

Начиная описаніе своего идеальнаго государства, Платонъ говоритъ, что оно есть подобіе совершеннаго человѣка. По представленію Платона, государство, подобно человѣку, есть гармоническое сочетаніе всѣхъ способностей и наклонностей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Части общества, отдѣльно взятыя, соотвѣтствуютъ страстямъ, склонностямъ, чувствамъ, умственнымъ способностямъ нашей собственной природы. Какъ каждому изъ насъ, для выполненія его человѣческаго назначенія, необходимы всѣ физическія и умственныя способности, и какъ страсти и склонности, если только онѣ не переступаютъ должныхъ границъ, столь же полезны, какъ разсудокъ и воображеніе, такъ и различныя человѣческія натуры

полезны и годны для цѣли государства. Различить дарованія людей и дать имъ положеніе, соотвѣтственное ихъ способностямъ — вотъ первая задача совершеннаго государства.

Каждое общество, говоритъ затѣмъ Платонъ, должно быть увѣрено въ своей безопасности и прочности, но какъ это главное условіе его существованія можетъ постоянно подвергаться опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, то члены государства, назначенные для его защиты, должны быть самые разумные и сильные. Эти защитники и правители составляютъ первый органъ благоустроеннаго общества, или, другими словами, они въ государствѣ то же, что голова и сердце въ человѣкѣ. При этомъ Платонъ нисколько не имѣетъ въ виду установленія наслѣдственной аристократіи или кастоваго устройства; напротивъ того, онъ ясно говоритъ: хотя благородный корень и производитъ большей частью благородные плоды, но очень часто случается, что онъ подвергается гніенію, и потому, при выборѣ правительственныхъ лицъ и защитниковъ, всегда должно смотрѣть только на плодъ, но не на корень. При такой аристократіи талантовъ и благородныхъ натуръ сословное различіе само собой пропадаетъ въ государствѣ Платона. Неравенство состояній, происходящее только отъ неравенства наслажденій, отстраняется уничтоженіемъ послѣдняго, потому что, не имѣя приманки наслажденій, никто не будетъ стремиться къ пріобрѣтенію богатствъ. Но воздержность можетъ быть вызвана только искорененіемъ наклонностей въ самомъ ихъ зародышѣ и направленіемъ чувствъ къ другой цѣли, а никакъ не запрещеніемъ самаго наслажденія. Единственныя вѣрныя средства къ тому—религія и воспитаніе. Религія поддерживаетъ во всѣхъ гражданахъ сознаніе, что человѣкъ принадлежитъ міру высшему, а не чувственному. Истинно хорошее воспитаніе сдѣлаетъ излишними всѣ мелкія нравственныя и полицейскія предписанія, которыхъ такъ много въ древнихъ греческихъ государствахъ; хорошо воспитанное поколѣніе вездѣ само отличитъ хорошее, а дурно воспитанное не исполняетъ и самыхъ лучшихъ законовъ Солона и самыхъ строгихъ предписаній Дракона.

Но никакое воспитаніе и никакая религія еще не водворятъ сами по себѣ полнаго равенства, которое всегда будетъ нарушаться, до тѣхъ поръ пока будутъ существовать семейство и собственность. Для водворенія полнаго равенства Платонъ требуетъ полнаго уничтоженія семейства, установленія общественнаго владѣнія и равенства воспитанія и занятій безъ различія пола.

Но учрежденія, порядокъ и законъ, продолжаетъ Платонъ, не могутъ существовать въ государствѣ, если руководители его не будутъ живымъ отраженіемъ закона или, какъ онъ самъ говоритъ, государство только тогда можетъ быть счастливо, когда имъ управляютъ философы. Но самое слово философъ употреблялось греками въ различныхъ смыслахъ, и потому Платонъ очень опредѣлительно выражаетъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ философъ. Онъ называетъ философомъ человѣка, который по своимъ принципамъ умѣренъ, щедръ, храбръ, великодушенъ, кротокъ и твердо стоитъ за ненарушимость закона. Платонъ сравниваетъ съ такимъ идеальнымъ правителемъ государственныхъ людей своего времени, и при этомъ случаѣ вооружается противъ софистическаго направленія, которое имѣло цѣлью только словопреніе и корыстолюбіе и, не смотря на то, господствовало въ судахъ и общественной жизни. Онъ осмѣиваетъ публичныя рѣчи, наполненныя блестящими словами и фразами, въ которыхъ одно положеніе искусно выводится изъ другаго, но не вытекаетъ ни само изъ себя, ни изъ сущности разсматриваемыхъ предметовъ. Яркими красками изображаетъ Платонъ контрастъ между жизнью благороднаго человѣка, который, сознавая собственное свое достоинство и силу, возвышается надъ землею и ея наслажденіями, и жизнью людей дюжинныхъ, не понимающихъ высшихъ наслажденій истинной науки. Онъ представляетъ этотъ контрастъ въ символической формѣ. Чистая душа, становящаяся выше животныхъ побужденій, сравнивается у него съ существомъ свободнымъ, никогда не носившимъ оковъ и потому прямо смотрящимъ на солнце; напротивъ того, человѣка чувственнаго, стремящагося только къ удовлетворенію своихъ страстей и

зависящаго отъ нихъ, онъ уподобляетъ плѣннику, который годами продолжительнаго заключенія пріученъ къ оковамъ и мраку. Между такими людьми существуетъ тоже отношеніе, какъ между свѣтомъ и его отраженіемъ, или тѣломъ и его тѣнью. Платонъ требуетъ отъ правителей государства, чтобы они вели не только созерцательную или научную, но и практическую жизнь, потому что только въ такомъ случаѣ они будутъ способны понимать науку и передавать ее другимъ и какъ чистое знаніе и въ ея практическомъ примѣненіи къ жизни.

Такимъ образомъ, большая часть этого сочиненія заключаетъ въ себѣ развитіе идеала государства и соотвѣтственнаго ему идеала человѣка. Въ остальной части Платонъ объясняетъ, отчего ни одно дѣйствительное государство не можетъ соотвѣтствовать этому идеалу. Это происходитъ не отъ того, чтобы учрежденія идеальнаго государства были непримѣнимы, но оттого, что, по свойству нашей природы, всякая истинная аристократія искажается, и переходитъ сначала въ демократію, а потомъ въ деспотію. Платонъ подробно описываетъ самый ходъ постепеннаго перерожденія истинной аристократіи. Первымъ шагомъ къ этому служитъ непониманіе того учрежденія, по которому лучшіе граждане должны руководить государствомъ. Лучшими людьми считаютъ обыкновенно гражданъ болѣе древняго происхожденія. Отсюда возникаютъ въ государствѣ касты и подобныя нелѣпыя учрежденія. Легко замѣтить, что при этомъ Платонъ описываетъ спартанское государство, и ясно доказываетъ, какъ далеко отъ идеала прославленное государственное устройство Спарты. Затѣмъ, показавъ какимъ образомъ совершается переходъ отъ аристократическаго правленія къ олигархіи, пользующейся феодальными правами, онъ говоритъ, что послѣдняя всегда насильственно превращается въ демократію, когда народу становятся наконецъ нестерпимы всѣ притѣсненія. Но возникшее такимъ образомъ народное владычество не можетъ быть истинною разумною демократіею, потому что рабство не можетъ создать истинной свободы.

Разсуждая о демократіи, Платонъ изображаетъ при этомъ сущность аѳинскаго государственнаго устройства, какъ прежде представилъ характеръ спартанскаго государства. Онъ, въ насмѣшку, называетъ демократію лучшею изъ всѣхъ правительственныхъ формъ, потому что ее можно сравнить съ пестрою одеждою, въ которую вотканы всевозможные цвѣта; это такое государственное устройство, говоритъ онъ, въ которомъ могутъ существовать всевозможные нравы и характеры одни подлѣ другихъ. Массы, обращающія вниманіе только на внѣшнюю сторону предметовъ, прибавляетъ Платонъ, обыкновенно судятъ о демократическомъ государственномъ устройствѣ точно также, какъ женщины и дѣти о пестрой одеждѣ, которую онѣ именно по ея пестротѣ и считаютъ лучшимъ платьемъ.

Хотя Платонъ и не представляетъ демократію съ выгодной ея стороны, но изъ самаго описанія его видны все разнообразіе, движеніе, независимость и просторъ жизни въ аѳинскомъ государствѣ. Затѣмъ онъ объясняетъ, какимъ образомъ демократія постепенно переходитъ въ деспотизмъ. Не смотря, говоритъ онъ, на всю привлекательность подобнаго государственнаго устройства для всякаго, кто судитъ о человѣческой жизни только по ея внѣшнимъ проявленіямъ, демократія вредна въ высшей степени; потому что чувственность, необуздываемая въ свободномъ демократическомъ государствѣ ни закономъ, ни общественною нравственностью, пріобрѣтаетъ вскорѣ исключительное господство, не смотря на всѣ усилія властей. Толпа будетъ презирать и осыпать насмѣшками всѣ высшія наслажденія, всѣ благородныя чувства, всякую мысль, выходящую изъ круга понятій обыденной жизни. Это произойдетъ тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ быстрѣе возникнетъ, въ сильномъ движеніи жизни образованнаго народа съ демократическимъ устройствомъ, софистика, осмѣивающая все серьёзное и солидное. Насмѣшки надъ благороднымъ и возвышеннымъ будутъ считаться тогда признакомъ образованности, необузданность — свободою, паясничество — геніальностью, безстыдство — свободою отъ предраз-

судковъ; словомъ, всякая глупость и пошлость будутъ оправдываемы съ большимъ искусствомъ. Когда демократія доходитъ до такаго искаженія, въ государствѣ исчезаетъ всякій порядокъ, продажность дѣлается повсемѣстно господствующею, насилія совершаются чаще, и народъ, изъ состоянія полнѣйшей свободы, впадаетъ въ самое ужасное рабство и низкопоклонничество. Массы бѣдныхъ становятся доступны подкупамъ и дѣлаются рабынями честолюбца, который разъ достигнувъ единовластія долженъ, для сохраненія своего могущества, прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, которыя доставили ему власть.

На изображеніи тиранна Платонъ останавливается нѣсколько долѣе, и при этомъ истощаетъ все свое краснорѣчіе, для того чтобы выразить отвращеніе къ самовластію.

Изобразивъ характеръ тиранна, Платонъ разбираетъ качества другихъ правителей государства, для сравненія ихъ съ настоящею царственною натурою, выражающеюся въ истинной идеальной аристократіи. Послѣдняя одна, говоритъ онъ, ищетъ своего счастья и славы въ изученіи идеала жизни и стараніи устроить ее какъ можно ближе къ этому идеалу; всѣ остальные повинуются только своему честолюбію и корысти, и одинаково заблуждаются, идя по различному пути. Платонъ хорошо понимаетъ и прямо высказываетъ, что изображенная имъ царственная натура чисто идеальная и что въ дѣйствительной жизни нигдѣ не встрѣчается полное отреченіе отъ всѣхъ эгоистическихъ чувствъ, составляющее необходимое условіе истиннаго счастья.

Въ послѣдней изъ десяти книгъ, составляющихъ его сочиненіе о государствѣ, Платонъ объясняетъ свойства человѣческой души, какъ самосознательной и самопонимающей части нашего существа. Онъ доказываетъ при этомъ разницу между кажущимся и дѣйствительнымъ бытіемъ, и указываетъ на трудность перейти отъ перваго къ познанію дѣйствительности, отъ воображаемаго къ истинному и отъ конечнаго къ безконечному и вѣчному. Здѣсь онъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ человѣческаго знанія

и переходитъ, по своему обыкновенію въ подобныхъ случаяхъ, къ поэзіи и миѳамъ. Хотя при этомъ Платонъ тщательно отдѣляетъ поэтическія красоту, величіе и совершенство отъ философскихъ, однако, благодаря этому и другимъ подобнымъ мѣстамъ въ своихъ сочиненіяхъ, онъ открываетъ полный просторъ мечтательности всѣхъ позднѣйшихъ послѣдователей его идей.

Въ сочиненіи „О законахъ“ Платонъ представилъ идеалъ греческихъ государственныхъ учрежденій, свободныхъ отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которые по его мнѣнію существовали въ Аѳинахъ и Спартѣ. —

Ученики Платона образовали секту или школу, называвшуюся академіей, по имени заведенія, основаннаго ихъ учителемъ. Впослѣдствіи философы эти разошлись во взглядахъ и направленіи, и тѣмъ дали поводъ позднѣйшимъ излѣдователямъ раздѣлять школу Платона на древнюю, среднюю и новѣйшую академію. Преемникомъ основателя заведенія и главою древней академіи былъ Спевсиппъ, племянникъ Платона, умершій въ 339 до р. Х. Онъ училъ за деньги, и такимъ образомъ слѣдовалъ примѣру софистовъ, противъ корыстолюбія которыхъ такъ сильно вооружались Сократъ и Платонъ. Спевсиппъ превратилъ академію въ школу для ораторовъ и государственныхъ людей, и соединилъ пиѳагореизмъ съ философіею Платона болѣе тѣсною внутренную связью. Главной цѣлью его школы было приготовленіе дѣятелей къ государственной жизни, и для достиженія ея онъ, говорятъ, купилъ тайны Исократа, знаменитѣйшаго изъ греческихъ учителей краснорѣчія. Если это справедливо, то нельзя придавать большаго значенія риторическому ученію и практической дѣятельности Спевсиппа, потому что тайны эти состояли конечно только изъ правилъ и указаній, съ помощью которыхъ, не имѣя ораторскихъ дарованій, можно было чисто механическимъ образомъ научиться изящно выражаться, говорить плавно и краснорѣчиво. Эти тайны можно сравнить съ руководствами писать стихи безъ малѣйшаго поэтическаго таланта. Своимъ пиѳагорей-

скимъ направленіемъ, Спевсиппъ имѣлъ такое же вліяніе на образованіе политиковъ, а слѣдовательно и на самую государственную жизнь, какъ и своимъ риторическимъ ученіемъ. Онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ великимъ пиѳагорейско-аристократическомъ союзомъ въ Сициліи и, вполнѣ усвоивъ духъ его ученія, нашелъ въ высшемъ аѳинскомъ обществѣ, утратившемъ всю прежнюю энергію и искавшемъ теперь пищи только воображенію, еще болѣе сочувствія, чѣмъ его учитель Платонъ. Различіе, сдѣланное имъ между истинами, назначенными для непосвященныхъ въ тайны пиѳагорейцевъ и другими, доступными однимъ только посвященнымъ, или, какъ выражались древніе, между ученіемъ эксотерическимъ и эсотерическимъ, было также встрѣчено съ большимъ одобреніемъ высшими классами. Спевсиппъ сдѣлался учителемъ философіи аристократовъ и образованныхъ аѳинянъ, и имѣлъ такой успѣхъ, что даже женщины слѣдовали его направленію и предавались сладкимъ мечтамъ платонико-пиѳагорейской философіи.

Такимъ образомъ, Спевзиппъ, слѣдуя въ главныхъ основаніяхъ ученію Платона, далъ его философіи другое направленіе. Онъ обратилъ особенное вниманіе на ту часть философіи Платона, которая имѣла связь съ пиѳагореизмомъ, занимался преимущественно вопросами государственнаго устройства, и объяснялъ, въ какомъ отношеніи находится его ученіе ко всему существующему порядку и къ отдѣльнымъ лицамъ.

Преемникъ его по академіи. К с е н о к р а т ъ, жившій до 314 г. и тоже державшійся въ главныхъ основаніяхъ философіи Платона, слѣдовалъ направленію, данному Спевсиппомъ. Подобно своему предшественнику, онъ былъ того мнѣнія, что государственная жизнь со всѣми ея потребностями должна быть главнымъ предметомъ преподаванія въ академіи. При немъ академія сдѣлалась школою, гдѣ получали образованіе высшіе классы греческаго народа, управлявшіе государствомъ. Какъ велико было вліяніе академіи, лучше всего можно судить по тому, что всѣ знаменитости греческаго міра пріѣзжали въ Аѳины, гдѣ преимущественно старались пока-

зываться въ академія. При Ксенократѣ значеніе академіи, какъ школы, въ которой получали образованіе государственные люди, такъ увеличилось, что даже самъ Александръ великій просилъ у Ксенократа совѣтовъ по части государственнаго управленія. Тотъ же македонскій царь послалъ однажды Ксенократу 50 талантовъ (около 65,000 р. с.), которыхъ впрочемъ философъ не принялъ изъ уваженія къ аѳинскому народу, не любившему царскихъ подарковъ.

Послѣ Ксенократа во главѣ академіи стояли Полемонъ, Кратесъ и Кранторъ. Изъ всѣхъ свѣдѣній, которые мы имѣемъ о первомъ и послѣднемъ, видно, что философы эти были тоже послѣдователями Платона и шли по направленію, проложенному ихъ предшественниками. Полемонъ написалъ сочиненіе, въ которомъ проводитъ мысль, что высшее блаженство заключается въ томъ, чтобъ жить сообразно природѣ; другими словами, онъ проповѣдывалъ то, что у позднѣйшихъ грековъ и римлянъ составляло высшую житейскую мудрость государственнаго человѣка, который поступалъ согласно своимъ нравственнымъ принципамъ до тѣхъ поръ, пока позволяли обстоятельства, въ противномъ же случаѣ слѣдовалъ личнымъ интересамъ или побужденіямъ своей собственной природы. Кранторъ написалъ книгу о скорбяхъ, которая также находится въ тѣсной связи съ главной цѣлью академіи. Всѣ философскія школы позднѣйшей древности считали нужнымъ подготовлять будущихъ государственныхъ людей къ непостоянству счастья, и трактатъ о скорбяхъ былъ вызванъ именно этимъ соображеніемъ. Кранторъ былъ послѣднимъ представителемъ древней академіи. Преемникъ его, Аркесилай, родившійся около 318 г. и жившій до 241, далъ совершенно новое направленіе философіи, и вслѣдствіе того сдѣлался основателемъ средней академіи. Но его дѣятельность принадлежитъ слѣдующей эпохѣ.

Рядомъ съ философіей Платона возникли два другіе, совершенно различные, взгляда на жизнь, послужившіе основаніемъ двумъ особымъ философскимъ школамъ. Основателями ихъ были

два ученика Сократа, Антистенъ аѳинскій и Аристиппъ киренейскій. Оба они, вмѣстѣ съ Ксенофонтомъ, старались проводить въ самую жизнь ученіе своего учителя, тогда какъ Платонъ и другіе послѣдователи Сократа имѣли преимущественно въ виду научное пониманіе его философіи и ея отношеніе къ государству. Уже по одной этой причинѣ Антистенъ и Аристиппъ занимаютъ въ исторіи греческой древности такое же важное мѣсто, какъ и Ксенофонтъ; но вліяніе ихъ на духъ и нравы людей было гораздо продолжительнѣе, чѣмъ вліяніе Ксенофонта. Въ нихъ нельзя не видѣть явленія, постоянно повторяющагося въ исторіи человѣчества при извѣстныхъ условіяхъ. Стремясь всѣ трое къ осуществленію одной и той же цѣли, — примѣненію философіи къ дѣйствительной жизни, — они однако пошли различными путями, и достигли совершенно противоположныхъ результатовъ. Ксенофонтъ, стремясь преобразовать древній греческій бытъ, хотѣлъ внести въ жизнь философскую мораль, въ нравы — вѣжливость и сантиментальность похожія на наши, и ввести подобный нынѣшнему способъ управленія государственными дѣлами. Аристиппъ, напротивъ того, проповѣдывалъ философію наслажденія, превращавшую въ формальную систему роскошный образъ жизни богачей и аристократовъ. Онъ познакомилъ этихъ тунеядцевъ съ искусствомъ и наукою наслажденія, представилъ имъ удовольствіе въ болѣе утонченномъ видѣ, и училъ сильныхъ міра сего презрительно смотрѣть на бѣдняковъ, надъ которыми судьба жестоко насмѣялась, отнявъ у нихъ всякую возможность пользоваться наслажденіями жизни. Наконецъ, философія Антистена была предназначена для низшихъ классовъ. Онъ построилъ въ систему всѣ тѣ понятія, которыя поддерживаютъ въ бѣдныхъ чувство собственнаго достоинства, и проповѣдывалъ философію воздержанія. Антистенъ говорилъ пролетаріямъ, что счастіе бѣдныхъ заключается въ самосознаніи и внутренней ихъ независимости, и что сознаніе ничтожности и пустоты умственнаго развитія высшихъ классовъ ограждаетъ бѣдныхъ и низшихъ отъ униженій и оскорбленій. Онъ ста-

рался показать угнетеннымъ классамъ, что тотъ, кто не ослѣпляется фальшивымъ блескомъ богатыхъ, кого не привлекаютъ наслажденія и распутство людей, живущихъ на чужой счетъ, не увлекаютъ ихъ ложная учтивость и внѣшняя утонченность, скрывающая за собой двоедушіе, тупоуміе, безнравственность — тотъ вездѣ и всегда останется свободнымъ человѣкомъ.

Аристиппъ, основатель философіи наслажденія, принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій Кирены, жители которой славились своей страстью къ роскоши. Естественно, что Аристиппъ, получивъ въ юности подобное же направленіе, сдѣлалъ наслажденіе предметомъ и цѣлью своего философскаго ученія. Живя въ образованной столицѣ греческаго міра и находясь въ сношеніяхъ съ Сократомъ, онъ старался пріобрѣсти себѣ еще наслажденіе и преимущества научнаго образованія и утонченнаго обращенія. Соединеніе этихъ послѣднихъ свойствъ съ страстью къ роскоши составляетъ сущность философіи Аристиппа, которая по имени родины ея основателя называется киренейскою. Почти черезъ 80 лѣтъ послѣ Аристиппа, ученіе это, измѣненное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Эпикуромъ, получило названіе эпикурейской философіи.

Антистенъ, основатель противоположной философіи, былъ очень бѣденъ и принадлежалъ къ низшему классу аѳинскихъ граждан. Это обстоятельство и презрѣніе, съ которымъ въ то время, когда нр вы уже развратились и сословія стали рѣзко отдѣляться одно отъ другаго, богатые обращались съ бѣдными, имѣли вліяніе на его направленіе и привели къ такому взгляду на жизнь, чрезъ научное развитіе котораго онъ прославилъ свое имя въ исторіи человѣчества. Сущность его философіи состоитъ въ противопоставленіи природнаго состоянія — неестественному, въ сознаніи превосходства внутренняго достоинства надъ наружнымъ блескомъ, и въ гордости истинной независимости передъ высокомѣріемъ аристократовъ и богачей, которые чванятся своими богатствами и внѣшними преимуществами, но въ дѣйствительности рабы условій, при-

личій и наслажденій. Анекдотъ, который разсказываютъ про Антистена, прекрасно выказываетъ то гордое чувство, которое руководило основателя цинической философіи. Антистенъ старался одѣваться еще бѣднѣе, чѣмъ ему позволяли средства, и носилъ изорванный плащъ. „Антистенъ", сказалъ ему однажды Сткратъ, „тщеславіе выглядываетъ изъ твоего дыряваго плаща".

Ученіе Антистена носитъ названіе цинической философіи или потому, что ея основатель особенно любилъ учить въ циносаргѣ, одномъ изъ аѳинскихъ загородныхъ гуляній, похожемъ на академію, или же потому, что, впослѣдствіи, когда циники довели примѣненіе началъ лишенія до пренебреженія нравами и приличіями, прозваніе это было имъ дано въ насмѣшку; („циникъ" можно произвести отъ греческаго слова, которое значитъ собака). По всей вѣроятности первое было настоящею причиною названія, второе же производство уже позднѣйшимъ насмѣшливымъ объясненіемъ этого слова. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ по возникновеніи своемъ, циническая философія подверглась измѣненіямъ, и вслѣдствіе того утратила свое прежнее названіе. Съ тѣхъ поръ она называется стоической философіей, потому что Зенонъ, преобразователь цинической философіи, училъ обыкновенно въ стоѣ или портикѣ Пикиле въ Аѳинахъ (т. I. стр. 430).

Сочиненія Антистена и Аристиппа погибли всѣ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ остатковъ, но за то слѣды ихъ ученія сохранились въ нравахъ слѣдующихъ поколѣній и въ произведеніяхъ многихъ писателей. Могущественное значеніе обоихъ философовъ продолжалось такъ долго послѣ ихъ смерти, что вліяніе ихъ отразилось въ исторіи римскаго народа и великихъ людей изъ его среды еще очевиднѣе, чѣмъ въ Греціи и между самими греками.

Для чисто историческаго изслѣдованія не такъ важно ознакомиться съ самымъ содержаніемъ цинической и киринейской философіи, съ ихъ научными достоинствами и недостатками, сколько про-

слѣдить то вліяніе, которое онѣ имѣли на руководящіе людьми принципы и на развитіе самыхъ формъ жизни. Въ этомъ отношеніи оба эти ученія принадлежатъ къ важнѣйшимъ философскимъ системамъ человѣчества, состоя изъ такихъ взглядовъ, которые глубоко коренятся въ человѣческой природѣ, и потому во всѣ времена и во всѣхъ странахъ постоянно вновь возникаютъ и оживаютъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Полное наслажденіе жизнью и героизмъ лишенія, или, другими словами, увлеченіе духомъ времени и возникающія изъ него роскошь и образованіе съ одной стороны и возвращеніе къ природному состоянію съ другой,—вотъ два противоположныя направленія, которыя во всѣ времена упадка нравственной жизни представляются величайшимъ благомъ, высшею задачею жизни, конечною цѣлью всѣхъ стремленій. Въ такія времена господствующая безнравственность и утонченность жизни превращаются въ систему и преподаются какъ высшая мудрость, а въ противоположность развращенію и неестественности всѣхъ общественныхъ отношеній возникаетъ теорія природнаго состоянія и пренебреженія ко всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ.

Эти два, рядомъ возникающія, направленія можно прослѣдить въ цѣлой исторіи человѣчества. Въ Индіи, напримѣръ, мы видимъ, что, рядомъ съ господствующею роскошью, проповѣдуется суровыми браминами ученіе о самоотверженіи. Такіе же противорѣчащіе взгляды мы находимъ и въ лирической поэзіи малоазійскихъ грековъ (т. I стр. 349), когда народъ этотъ, быстро достигнувъ благосостоянія, впалъ въ роскошь. Изъ пѣсней, въ то время появлявшихся у малоазійскихъ грековъ, однѣ призывали къ полному наслажденію жизнью, другія, напротивъ того, проповѣдывали ничтожество всѣхъ чувственныхъ наслажденій и блаженство созерцательнаго покоя. То же зрѣлище представляетъ намъ исторія римлянъ во времена республики и въ правленіе императоровъ: большинство тогдашнихъ римлянъ, утопая въ роскоши и совершая неслыханныя безчинства, оправдывало развратъ и жестокости своего рода философіей, а въ то же время немногіе благородные люди во вну-

тренней независимости и въ строгихъ правилахъ лишенія искали себѣ защиты отъ всеобщей испорченности нравовъ. Точно также позднѣе возникло въ Римской имперіи, — среди жестокихъ гоненій на христіанъ, безнравственности господствовавшаго язычества и грубости вторгавшихся варварскихъ народовъ, — первое христіанское монашество. Отшельничество или пустынножительство было сильнѣе всего распространено въ то время, когда люди до такой степени развратились, что, казалось, всякое человѣческое образованіе готово было исчезнуть среди быстро распространявшейся одичалости. Этимъ отчасти объясняется первоначальная строгость монашества. быстрый успѣхъ котораго зависѣлъ отъ того что монашеская жизнь въ самомъ началѣ представляла рѣшительную оппозицію духу тогдашняго времени. Тоже видимъ мы опять въ мухаммеданскомъ мірѣ, гдѣ появленіе дервишей и факировъ было вызвано роскошью дворовъ халифовъ, заразившею народные нравы. Во времена меровинговъ, когда франкскій народъ впалъ въ страшную грубость, строгость британскихъ монаховъ всюду встрѣчала себѣ сочувствіе, какъ спасительноес редство противъ господствовавшаго направленія. Тѣ же самыя явленія повторялись и во всѣ позднѣйшія столѣтія. Въ средніе вѣка, когда невѣжество и разбой составляли характеристическую черту всей жизни, монашество уже давно утратило прежнюю чистоту, рыцарство предавалось роскоши и разврату, духовенство и тампліеры утопали въ самомъ страшномъ распутствѣ, и вся эта гнусная жизнь священниковъ и рыцарей прославлялась въ пѣсняхъ,—возникали ордена нищенствующихъ и картезіанскихъ монаховъ, которые жизнью и ученіемъ представляли совершенную противоположность общему духу времени, и потому пользовались всеобщимъ сочувствіемъ. Въ 14 и 15 столѣтіяхъ въ Нидерландахъ, гдѣ быстрое развитіе матеріальнаго благосостоянія повело за собой упадокъ нравственности, — появились благочестивыя секты, какъ бегины и бегарды, поставлявшія цѣлью своей жизни покаяніе, и въ цѣлой странѣ не было мѣстечка, гдѣ бы не было этихъ сектантовъ. Позднѣе, въ

выхъ египетскихъ Птоломеевъ, владѣтелей Сирійскаго государства, возникшаго послѣ смерти Александра, правителей Пергама, Суллы, аристократіи, господствовавшей послѣ него въ Римѣ, и нѣкоторыхъ лучшихъ римскихъ императоровъ.

Киренейская философія начала быстро распространяться еще при жизни своего основателя, чему конечно не мало содѣйстовала и личность самого Аристиппа, обладавшаго тактомъ и изяществомъ манеръ въ обращеніи, отлично владѣвшаго діалектикою и даромъ слова. Говоря о Платонѣ, мы указали на то вліяніе, которымъ пользовался Аристиппъ при сиракузскомъ дворѣ Діонисія младшаго, примѣръ котораго лучше всего показываетъ, какъ опасно можетъ быть это ученіе для людей съ пылкими страстями. Сильнѣе всего развилась киренейская философія въ родномъ городѣ своего основателя и у богатыхъ купцовъ острова Эгины, гдѣ Аристиппъ прежде всего началъ учить. Философія Аристиппа должна была тѣмъ скорѣе привиться ко всѣмъ богачамъ и аристократамъ, что проповѣдывавшій ее образованный философъ былъ тонкій свѣтскій человѣкъ, умѣвшій краснорѣчиво и логично развивать и защищать свои положенія. Въ Киренѣ распространенію этого ученія много способствовало то обстоятельство, что дочь Аристиппа, красавица Арета, воспитанная своимъ отцемъ, основала тамъ школу и публично преподавала киренейскую философію.

По смерти Аристиппа и его дочери, киренейская философія скоро дошла до отрицанія всякой нравственности. Позднѣйшіе преемники Аристиппа, въ особенности Теодоръ киренейскій, стали нападать на религію, и потому къ ученію этому боялись уже приступать открыто. Около 330 года до р. Х. началъ учить Эпикуръ, возстановившій въ новой, лучшей формѣ киренейскую философію, которая была извращена прежними учителями. Впрочемъ эпикуреизмъ принадлежитъ уже позднѣйшему періоду греческой исторіи.

Какъ характеръ философіи Аристиппа находился въ тѣсной связи съ знатнымъ происхожденіемъ, воспитаніемъ и богатствомъ ея ос-

нователя и роскошью его роднаго города, такъ и на ученіе Антистена имѣло огромное вліяніе его соціальное положеніе. Сынъ бѣдныхъ родителей, Антистенъ даже не пользовался полными правами аѳинскаго гражданина, и жилъ въ Пиреѣ, вмѣстѣ съ матросами и бѣднѣйшими гражданами. Соотвѣтственно всѣмъ этимъ условіямъ, онъ обратился съ своею философіею къ низшимъ классамъ аѳинскаго народа. Отчаяваясь въ возможности исправить нравственность высшихъ классовъ общества, Антистенъ отказался отъ направленія своего учителя Сократа, преподававшаго нравственное ученіе для всѣхъ сословій, обратилъ все свое вниманіе на самую грубую, но еще не развратившуюся, или по крайней мѣрѣ не столь изнѣженную, часть націи, и за свое ученіе не бралъ никакой платы, какъ это дѣлали всѣ тогдашніе философы. Заклятый врагъ высшихъ сословій и рѣшительный ненавистникъ женщинъ, Антистенъ всегда отзывался о тѣхъ и другихъ съ язвительною насмѣшкою. Онъ училъ въ киносаргѣ, гдѣ находилась палестра, въ которую сбиралась обыкновенно молодежь, не имѣвшая права принимать участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ свободныхъ гражданъ. Всѣ эти обстоятельства конечно были таковы, что не могли придать большаго значенія его ученію,—и Антистенъ понималъ это очень хорошо. Подобно основателямъ многихъ монашескихъ орденовъ, или подобно Руссо, онъ хотѣлъ показать примѣромъ и жизнью, какъ немного нужно человѣку, чтобъ быть счастливымъ, и какъ неестественно, вслѣдствіе неправильности общественныхъ отношеній, то состояніе, до котораго доводятъ народы успѣхи промышленности. Антистенъ не хотѣлъ основывать школы, но желалъ только воспитать небольшой кружокъ людей, которые бы, подобно ему, презирали изнѣженность и жили по строгимъ правиламъ. Безъ сомнѣнія, онъ не думалъ, чтобы его философія могла когда нибудь повсемѣстно распространиться, потому что иначе облекъ бы ее въ совершенно другую форму. Такимъ образомъ ученіе Антистена возникло изъ низшихъ слоевъ аѳинскаго народа и предназначалось исключительно для нихъ однихъ.

Въ основаніи философіи Антистена лежитъ великая мысль, что въ мірѣ, полномъ глупцовъ и рабовъ, разумна и свободна душа только такого человѣка, который умѣетъ побѣждать самого себя, и чтобы сдѣлаться истинно мудрымъ, не нужно ни книгъ, ни системъ, а достаточно слѣдовать внушеніямъ природы и заниматься самопознаніемъ. Благороднѣйшіе мудрецы и правители древности восхищались этой мыслью, какъ самой возвышенной, до какой только въ состояніи дойти человѣческій разумъ. Христіанская церковь даже освятила ее, построивъ на ней учрежденія доминиканцевъ, капуциновъ и францисканцевъ. Но факты всегда показывали, что выполненіе и правильное примѣненіе къ жизни этого основнаго начала, также какъ и осуществленіе началъ киренейской философіи, предполагаетъ особенный талантъ и тактъ, качества очень рѣдкія. Самъ Антистенъ и два его знаменитѣйшіе послѣдователя, Діогенъ и Кратесъ, въ высшей степени обладали и тѣмъ, и другимъ: они жили такъ, какъ учили, и, благодаря двумъ послѣднимъ, новое ученіе пользовалось нѣкоторое время громаднымъ значеніемъ. Но такіе люди были рѣдкими исключеніями изъ общаго правила, и съ цинической философіею произошло тоже, что бываетъ со всякимъ ученіемъ и сектою, которыя отличаются чрезвычайною строгостью и находятся въ противорѣчіи съ основными условіями человѣческаго общества: она скоро измѣнила своему основному характеру, и наконецъ сдѣлалась только маскою, которою прикрывались низость и развратъ. Точно такимъ же образомъ подвижники и мудрецы востока сдѣлались какими то фиглярами, а на развратившихся факировъ и дервишей ихъ единовѣрцы уже давно смотрятъ какъ на безстыдныхъ нищихъ. Цинизмъ вскорѣ послѣ смерти основателя упалъ такъ глубоко, что съ тѣхъ поръ названіе это вошло въ общее употребленіе для выраженія неприличія и безстыдства.

Лучшими и знаменитѣйшими послѣдователями Антистена были: Діогенъ изъ Синопа и Кратесъ изъ Өивъ; первый ученикъ самого Антистена, послѣдній—Діогена. Діогенъ, родившійся

414 г. до р. Х. въ Синопѣ, въ Пафлагоніи, и умершій 324 г., прославился своимъ оригинальнымъ образомъ жизни; въ древнемъ мірѣ нѣтъ, быть можетъ, ни одного великаго человѣка, исторія котораго была бы такъ искажена анекдотами, какъ исторія этого философа. Еще въ ранней юности онъ прибылъ въ Аѳины, и сдѣлался тамъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Антистена. Впослѣдствіи онъ жилъ и училъ въ Коринѳѣ. Слѣдуя основнымъ началамъ циническаго ученія, онъ старался имѣть какъ можно меньше потребностей; къ этой сторонѣ его жизни относятся всѣ тѣ разсказы, въ которыхъ нельзя отличить истины отъ вымысла. Когда онъ жилъ въ Коринѳѣ, жилищемъ его была, какъ говорятъ, одна изъ тѣхъ большихъ глиняныхъ бочекъ, въ которыхъ у древнихъ сохранялось вино. Его домашняя посуда состояла изъ одной чашки, которою онъ черпалъ изъ источника воду для питья. Во время путешествія въ Сицилію Діогенъ попалъ въ руки пиратовъ, былъ ими проданъ въ рабство, и купленъ однимъ коринѳяниномъ, который сдѣлалъ его управляющимъ своего дома и воспитателемъ своихъ дѣтей. Здѣсь Діогенъ оставался до самой своей смерти.

Позднѣйшіе греки приписываютъ Діогену много остроумныхъ выраженій. Такъ, подъ его именемъ выдается изреченіе, которое очевидно только повтореніе того, что Сократъ сказалъ Антистену. Увидавъ однажды на олимпійскихъ играхъ нѣсколькихъ роскошно одѣтыхъ молодыхъ людей, Діогенъ сказалъ: „только спѣсь.“ Тутъ же онъ замѣтилъ нѣсколькихъ небрежно одѣтыхъ спартанцевъ, и сказалъ: „тоже спѣсь, только другаго рода.“ По возвращеніи изъ Олимпіи, кто-то спросилъ его, много ли тамъ было людей, и получилъ въ отвѣтъ: „много зрителей, но мало людей“! Однажды въ полдень, Діогенъ ходилъ съ зажженнымъ фонаремъ по аѳинскому рынку. „Что ты дѣлаешь?“ спросилъ его кто-то. „Ищу человѣка!“ отвѣчалъ Діогенъ.

Всѣ эти и другія, подобнаго рода, изреченія и анекдоты увѣковѣчили память человѣка, казавшагося своимъ современникамъ

и потомкамъ явленіемъ столь непонятнымъ. Греки того времени конечно должны были удивляться, видя человѣка, который, не дѣлаетъ изъ своего ученія — ремесла, подобно другимъ философамъ, и не стремится, какъ его современники, къ богатству, а желаетъ оставаться въ бѣдности. Діогенъ имѣлъ достаточно смѣлости осмѣивать всѣ науки, искусства и изобрѣтенія эпохи, привыкшей къ блестящему разговору и комфорту, и школьныхъ мудрецовъ того времени; потому не удивительно, что умнѣйшая въ мірѣ нація излила на него всю ѣдкость своего остроумія, и представила его оригинальность въ чудовищныхъ размѣрахъ. Невозможно опредѣлить, вымышлено или нѣтъ все то, что разсказываютъ о встрѣчѣ Александра Великаго съ Діогеномъ. Несомнѣнно только, что Александръ удивлялся ему, и удивленіе, выказанное македонскимъ героемъ въ противоположность насмѣшкамъ низкихъ грековъ, окружавшихъ царя, дѣлаетъ ему и его взгляду на человѣка больше чести, чѣмъ самая блестящая изъ его побѣдъ. Свиданіе Александра съ Діогеномъ служитъ также несомнѣннымъ доказательствомъ, что философъ этотъ не былъ смѣшнымъ чудакомъ и полоумнымъ человѣкомъ, какимъ его представляютъ нѣкоторые анекдоты; потому что тогда ученикъ Аристотеля не посѣтилъ бы его и не далъ бы ему такого почтительнаго отвѣта. Во время народнаго конгресса, собраннаго Александромъ въ Коринѳѣ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ просилъ, чтобы его проводили къ Діогену, жившему передъ городскими стѣнами. Онъ нашелъ философа лежащимъ передъ бочкой и грѣющимся на солнцѣ. Александръ долго разговаривалъ съ Діогеномъ, и наконецъ спросилъ его, не можетъ ли онъ оказать ему какую нибудь услугу. „Будь такъ добръ," отвѣчалъ философъ, „отойди немного отъ солнца"! Свита Александра, привыкшая только слушать и говорить лесть, страшно вознегодовала на Діогена за его презрительный отвѣтъ. Но Александръ понялъ все величіе человѣка, который также легко могъ обходиться безъ міра, какъ онъ съ своей стороны чувствовалъ достаточно силъ, чтобъ покорить міръ и управлять имъ. „Онъ правъ," сказалъ Алек-

сандръ обратившись къ своей свитѣ, „и еслибъ я не былъ Александромъ, то хотѣлъ бы быть Діогеномъ.“

Ученикъ Діогена, **Кратесъ изъ Өивъ**, жена котораго **Гиппархія**, тоже проповѣдывала циническую философію, былъ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ послѣдователей этого ученія. Въ Аөинахъ онъ заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе, но не хотѣлъ, да и не могъ бы основать школы, потому что такіе люди, какъ Кратесъ и его жена, очень рѣдки, а такое ученіе, какъ циническое, не могло быть отдѣлено отъ жизни. По смерти Кратеса циническая философія быстро спустилась въ своей высоты и пришла въ упадокъ. Уже философы, выступившіе вслѣдъ за благороднымъ Кратесомъ какъ представители цинической мудрости, переступили границы приличія и благопристойности, и сдѣлали свое безстыдство главнымъ основаніемъ циническаго ученія. Описанія этихъ недостойнымъ циниковъ, находящіяся въ сочиненіяхъ древности, могутъ быть вполнѣ примѣнены къ развратившимся нищенствующимъ монахамъ четырнадцатаго столѣтія, которые въ своемъ родѣ христіанскіе циники. Въ слѣдующую эпоху цинизмъ снова ожилъ въ облагороженномъ видѣ, въ **стоической философіи**, основанной Зенономъ.

5. Краснорѣчіе или государственныя науки.

Время отъ Пелопоннесской войны до Александра Великаго было періодомъ процвѣтанія греческаго краснорѣчія, обнимавшаго всѣ государственныя науки. Краснорѣчіе было у грековъ такимъ же природнымъ даромъ, какъ поэзія. Уже въ стихотвореніяхъ Гомера, древнѣйшемъ памятникѣ греческой письменности, оно является врожденною характеристическою чертою націи. Безъ сомнѣнія, оно видоизмѣнялось по различіямъ времени, племенъ и учрежденій, и, чтобы подѣйствовать на серьёзныхъ, опытныхъ старцевъ спартанскаго сената, нужны были другія рѣчи, чѣмъ для подвижнаго и легкомысленнаго аөинскаго народа. Но краснорѣчіе грековъ

все таки не было искусствомъ, подчиненнымъ извѣстнымъ правиламъ, а результатомъ вдохновенія и природнымъ талантомъ, пока наконецъ въ пятомъ столѣтіи до р. Хр. не начало разработываться научно. Совпаденіе времени высшаго процвѣтанія краснорѣчія, сдѣлавшагося тогда искусствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, съ періодомъ упадка греческаго духа представляется совершенно естественнымъ явленіемъ, которое выяснится изъ послѣдующаго изложенія исторіи краснорѣчія.

Краснорѣчіе, будучи природнымъ дарованіемъ греческаго народа, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, получило у грековъ значеніе, котораго оно не достигало ни у одного изъ позднѣйшихъ народовъ. Развиваясь нераздѣльно съ свободою и общественностью, оно всегда находится въ тѣсной связи съ этими условіями жизни. Въ простомъ, безъискуственномъ видѣ оно является у народовъ, которые или не имѣютъ никакой культуры, или находятся на нисшей ея степени. Въ такомъ видѣ мы находимъ его у сѣверо-американскихъ дикарей, древнихъ германцевъ, и у грековъ временъ Гомера. На такой ступени развитія человѣческаго общества краснорѣчіе составляетъ только изліяніе естественныхъ порывовъ ума и сердца. Но и въ самую раннюю эпоху своего существованія греческій народъ уже отличался отъ другихъ своимъ природнымъ краснорѣчіемъ, и позднѣйшіе учители риторики, хотя и приписывали много значенія искуственнымъ правиламъ, но все таки смотрѣли на рѣчи, находящіяся у Гомера, какъ на образцы краснорѣчія. Не смотря на успѣхи цивилизаціи, греческое краснорѣчіе еще долго неподчинялось никакимъ правиламъ, такъ какъ при тогдашнемъ состояніи греческихъ государствъ все рѣшалось болѣе дѣломъ, чѣмъ словами.

Въ такомъ состояніи находилось краснорѣчіе почти до половины пятаго столѣтія передъ р. Х. Въ это время внутреннія и внѣшнія отношенія государствъ стали запутаннѣе, знанія многостороннѣе, кругъ образованныхъ людей расширился, а діалектика и софистика проникли повсюду. Дѣятельность публичнаго ора-

тора требовала тогда нѣкотораго философскаго образованія, знакомства съ политическими науками, и извѣстнаго такта, не пріобрѣтаемаго одною только практическою опытностью. Все рѣже и рѣже являлись въ народныхъ собраніяхъ и судахъ ораторы, не занимавшіеся спеціально политикою и не подготовленные къ публичной дѣятельности научнымъ образованіемъ. Тогда и краснорѣчіе сдѣлалось искусствомъ и государственною наукою. Первымъ правителемъ, получившимъ такое образованіе, былъ Ѳемистоклъ; но и въ его время о достоинствѣ рѣчей судили не по формѣ, а по ихъ содержанію, и краснорѣчіе еще не подчинялось научнымъ правиламъ, какъ при Периклѣ.

Первымъ основателемъ школы краснорѣчія и учителемъ его, какъ искусства, былъ въ Аѳинахъ современникъ Перикла Антифонъ, родившійся въ 470 г. до р. X. и принадлежавшій къ числу заговорщиковъ, которые во время Пелопоннесской войны насильственно ввели олигархическое правленіе (т. I, стр. 480). По низверженіи олигарховъ онъ былъ осужденъ, и умеръ въ изгнаніи. Антифонъ первый изъ аѳинянъ началъ писать за деньги рѣчи для подсудимыхъ и народныхъ правителей, которые заучивали ихъ и произносили передъ публикою, или, другими словами, основалъ въ Аѳинахъ фабрику краснорѣчія. Еще прежде, въ Коринѳѣ Антифонъ открылъ лавку, съ вывѣскою: „здѣсь предлагается утѣшеніе для несчастныхъ", и слѣдовательно былъ сначала простымъ шарлатаномъ, за дешевую цѣну продававшимъ философское утѣшеніе. О немъ не слѣдовало бы и упоминать, если бы онъ не имѣлъ значенія какъ первый открывшій въ Аѳинахъ школу краснорѣчія и обратившій въ ремесло то, что прежде было проявленіемъ природнаго таланта. Онъ завелъ въ своей школѣ риторическія упражненія, написалъ руководство къ ораторскому искусству, и перенесъ изъ жизни въ школу краснорѣчіе, до тѣхъ поръ нераздѣльно соединенное съ государствомъ и его учрежденіями. Наконецъ, Антифонъ заслуживаетъ вниманія и потому что еще, учениками его

были Ѳукиднདъ, Алкивіадъ и ораторъ Лисій. Подъ его именемъ извѣстно нѣсколько рѣчей, но всѣ онѣ вѣроятно подложныя.

Въ то время, какъ въ Аѳинахъ Антифонъ преобразовывалъ краснорѣчіе въ школьную науку, въ Сициліи было сдѣлано такое же примѣненіе философіи. Сицилійцы Кораксъ и Тисій написали руководство къ ораторскому искусству, а софисты, начавшіе тогда свою дѣятельность (т. II, стр. 217), съ жаромъ взялись за краснорѣчіе, и оказали ему большую услугу, поставивъ его въ тѣсную связь съ своими философскими пріемами. Они устремились въ Аѳины, гдѣ бурная демократія открывала для нихъ обширное поприще, и гдѣ Антифонъ, своимъ совершенно школьнымъ краснорѣчіемъ, проложилъ дорогу искусству играть словами. Вскорѣ народныя совѣщанія и судопроизводство подчинились вліянію софистики, проникшей во всѣ общественныя отношенія, такъ что каждый образованный человѣкъ долженъ былъ знакомиться съ нею и основаннымъ на ней особымъ родомъ краснорѣчія. Для изученія новой мудрости всѣ бросились къ Горгію, Протагору и другимъ софистамъ, пріобрѣтавшимъ своими уроками огромныя богатства. Но переворотъ, подготовленный софистами въ краснорѣчіи, обнаружился не вдругъ. Людей съ здравымъ смысломъ и неиспорченнымъ вкусомъ было еще много, и они не безъ успѣха вооружались противъ софистики, какъ напримѣръ Сократъ. Ея вліяніе на краснорѣчіе задержано было довольно надолго, и даже въ то время какъ искусство софистовъ вошло въ моду въ Аѳинахъ, появлялись нѣкоторые ораторы, совершенно свободные отъ этого вліянія.

Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ славный ораторъ Андокидъ, который родился въ 468 г. до р. Х., былъ замѣшанъ въ процессъ Алкивіада по поводу поруганія, совершеннаго послѣднимъ надъ мистеріями и статуями Гермеса (т. I, стр. 470), и едва избѣжалъ смертной казни. Принужденный три раза оставлять Аѳины, онъ умеръ изгнанникомъ (400 г. до р. Х.). Андокидъ былъ еще представителемъ безъискуственнаго краснорѣчія прежняго

времени. Въ сохранившихся отъ него рѣчахъ, онъ нигдѣ не является ораторомъ — художникомъ, но повсюду представляется государственнымъ человѣкомъ, который всегда приступаетъ прямо къ дѣлу, свободенъ отъ всякой изысканности въ рѣчи и паѳоса, и не прибѣгаетъ къ софистическимъ оборотамъ и общимъ мѣстамъ.

Одновременно съ Андокидомъ и немногими подобными ему людьми, почти всѣ остальные государственные дѣятели шли по слѣдамъ Антифона и софистовъ. Ученики Сократа также способствовали развитію этого направленія своею популярною философіею и новаго рода софистикою, вызванною ими и ихъ учителемъ. Болѣе всѣхъ оказали вліяніе на успѣхи искуственнаго краснорѣчія Эврипидъ, Теодоръ и Лисій. Эврипидъ, никогда не являвшійся ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на судебномъ поприщѣ, въ совершенствѣ усвоилъ себѣ ораторское образованіе своего времени, и сдѣлалъ изъ него удачное примѣненіе въ своихъ трагедіяхъ. Сочиненія его были приняты съ глубокимъ сочувствіемъ во всей Греціи, и ихъ діалогъ сталъ для всѣхъ образованныхъ людей образцомъ изящнаго разговорнаго языка. Такимъ образомъ съ трагедіями Эврипида софистика проникла во всѣ отношенія греческой жизни, и, благодаря искуственнымъ красотамъ этихъ трагедій, дала новое направленіе краснорѣчію. Теодоръ византійскій, подобно Эврипиду не выступавшій на судъ публики, имѣлъ большое вліяніе на ораторское искусство своимъ систематическимъ изложеніемъ новыхъ правилъ краснорѣчія.

Замѣчательнѣйшій изъ этихъ трехъ риторовъ, Лисій, былъ сынъ сиракузянина, но родился въ Аѳинахъ (459 г. до р. Х). На 15-мъ году своей жизни онъ отправился въ Турій въ нижней Италіи, и, проживъ тамъ 32 года, возвратился въ Аѳины. Во время своего продолжительнаго пребыванія въ Италіи, онъ, подъ руководствомъ Тисія и другихъ наставниковъ, получилъ теоретическое и практическое образованіе въ краснорѣчіи, къ чему жизнь въ Туріи представляла много удобствъ, потому что въ нижней Италіи и Сициліи ораторское искусство находилось тогда на высшей точкѣ

своего процвѣтанія. Въ Аѳинахъ онъ слушалъ Антифона и Сократа, и понялъ философію послѣдняго также, какъ Эврипидъ и Ксенофонтъ, сдѣлавъ цѣлью своихъ стремленій только реальность и практичность. Лисій получилъ право аѳинскаго гражданства, но по несоблюденію извѣстныхъ формальностей не могъ воспользоваться полными правами гражданина и сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Лишенный возможности принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ государства, онъ занимался приготовленіемъ рѣчей для другихъ, и написалъ больше ста рѣчей, изъ которыхъ до насъ дошло только 34. Принужденный тридцатью тираннами оставить Аѳины, онъ присталъ къ Трасибулу, и не мало способствовалъ низверженію олигархіи. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

Дѣйствуя на политическомъ поприщѣ только какъ писатель, Лисій придалъ чисто научный характеръ своему краснорѣчію, не имѣвшему непосредственнаго отношенія къ жизни. Слѣдуя въ общихъ чертахъ главному направленію ораторскаго искусства, онъ, подобно Андокиду, остался свободнымъ отъ вліянія софистики и ея искуственныхъ пріемовъ, и своимъ примѣромъ указалъ путь, слѣдуя которому Демосѳенъ и Эсхинъ возвели краснорѣчіе на высшую степень совершенства. Его языкъ простъ, естественъ, сжатъ, свободенъ отъ всякаго изысканнаго паѳоса и театральныхъ эффектовъ; онъ старается дѣйствовать на слушателей изложеніемъ самаго дѣла, и, желая тронуть или побудить ихъ къ чему нибудь, никогда не прибѣгаетъ къ искуственнымъ уловкамъ и изысканнымъ выраженіямъ софистовъ.

Послѣ Лисія краснорѣчіе достигло еще большаго значенія, и наступило время, когда ораторское искусство вмѣстѣ съ философіею сдѣлалось важнѣйшею и необходимою частью образованія. Всѣ условія этой эпохи благопріятствовали развитію краснорѣчія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что оно достигло тогда самой высокой степени своего процвѣтанія. Пока процвѣтали поэзія и исторія, краснорѣчіе не могло достигнуть совершенства, и отли-

чаясь простотою, не подчинялось еще правиламъ искусства. Но по мѣрѣ того, какъ сама жизнь удалялась отъ естественности и всѣ отношенія становились разнообразнѣе, оно пріобрѣтало бо́льшее значеніе и дѣлалось искуственнѣе. Поэзія уступила мѣсто прозаическому духу времени и утонченному образованію, съ исчезновеніемъ всякой правды въ жизни пришла въ упадокъ истинная исторіографія, а, напротивъ того, возвысились науки, которыя, подобно философіи и краснорѣчію, основывались на опытѣ и наблюденіи и развивались зрѣлымъ мышленіемъ. Внутренняя теплота и сила сохранились еще отъ прежнихъ лѣтъ, съ распространеніемъ свѣдѣній и развитіемъ всѣхъ общественныхъ отношеній увеличилась опытность, а умственная дѣятельность, получивъ перевѣсъ надъ другими элементами жизни, дала такое же значеніе понятіямъ, какое имѣли прежде самые предметы. Наконецъ, искуственность и затрудненія, встрѣчавшіяся въ жизни на каждомъ шагу, сдѣлали ловкость и практическую изворотливость качествами необходимыми для общественнаго дѣятеля. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ философія и краснорѣчіе въ четвертомъ столѣтіи до р. Х. развились полнѣе другихъ наукъ и искусствъ, и достигли высшаго своего совершенства, первая у Аристотеля, а второе у Демосѳена.

Кромѣ духа времени вообще, развитію краснорѣчія еще содѣйствовали тогда нѣкоторыя особенныя обстоятельства. Полвѣка, протекшіе отъ конца Пелопоннесскихъ войнъ до Херонейской битвы, были временемъ дипломаціи. Дѣла бо́льшею частью рѣшались не на полѣ битвы, а на конгрессахъ уполномоченныхъ и при дворахъ персидскомъ и македонскомъ. Перевѣсъ надъ другими государствами уже нельзя было пріобрѣсти одною только силою оружія, для полнаго успѣха необходимо было знаніе всѣхъ дипломатическихъ хитростей и уловокъ при веденіи переговоровъ; люди, стоявшіе во главѣ государствъ, не являлись уже въ народныхъ собраніяхъ и сенатахъ, какъ въ славныя времена республиканской жизни Греціи, а управляли государствами изъ своихъ кабинетовъ и двор-

цовъ иностранныхъ государей, какъ въ наше время. При такомъ положеніи дѣлъ, софистическое, искуственное краснорѣчіе было не пособіемъ только, но прямою необходимостью для тогдашнихъ дипломатовъ. Кромѣ того, въ область краснорѣчія мало по малу вошли всѣ знанія, нужныя для правителя государства, такъ что въ четвертомъ столѣтіи до р. X. съ именемъ оратора соединяли понятіе не только о человѣкѣ умѣющемъ хорошо говорить, но и о политическомъ дѣятелѣ, теоретически и практически изучившемъ всѣ отрасли государственныхъ наукъ. Ораторъ того времени былъ не только предводителемъ всего народа или его депутатовъ, но и государственнымъ человѣкомъ въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Онъ долженъ былъ обладать свѣдѣніями по части финансовой и административной, знать въ точности относительное положеніе партій, умѣть поддерживать политическое равновѣсіе, и быть столь же искуснымъ у себя въ кабинетѣ, какъ въ обществѣ и на трибунѣ передъ народнымъ собраніемъ. При направленіи, данномъ философіи Сократомъ и его учениками, эта наука имѣла могущественное вліяніе на развитіе краснорѣчія. Философы, стремясь со времени Сократа къ изученію и изслѣдованію различныхъ сторонъ природы человѣка и его отношеній къ жизни, должны были придать огромное значеніе искусству, которое имѣло цѣлью дѣйствовать на разумъ и страсти человѣка.

Сценическое искусство, не менѣе философіи, способствовало тому, что краснорѣчіе въ четвертомъ вѣкѣ до р. X., достигло высшей степени своего совершенства. Сценическое искусство никогда не пользовалось такимъ сильнымъ вліяніемъ и не привлекало къ себѣ столькихъ даровитыхъ людей, какъ въ это время своего полнаго процвѣтанія (т. II, стр. 174). На востокѣ и въ южной Европѣ всегда была распространена мимика, или выраженіе мыслей посредствомъ тѣлодвиженій. Наклонность къ декламаціи и къ музыкальности языка здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и эти обстоятель-

ства должны были еще болѣе увеличить значеніе сценическаго искуства для краснорѣчія.

Переходное состояніе ораторскаго искусства отъ предшествующей эпохи къ тому совершенству, котораго достигло краснорѣчіе при Филиппѣ II македонскомъ, выразилось въ лицѣ Исократа, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей въ исторіи греческаго образованія. Исократъ родился въ Аѳинахъ въ 436 году до р. X. Въ 338 году онъ кончилъ жизнь свою самоубійствомъ, глубоко потрясенный гибелью греческой свободы послѣ Херонейской битвы. Онъ былъ ученикомъ софистовъ Продика и Горгія. Онъ сочинялъ письменныя рѣчи и открылъ школу для образованія ораторовъ, потому что слабый голосъ и врожденная робость не позволяли ему самому являться передъ народомъ въ качествѣ оратора. Изъ двадцати одной рѣчи, дошедшей отъ него до насъ, лучшею признается такъ называемый панегирикъ или похвальная рѣчь аѳинянамъ, написанная съ цѣлью воодушевить грековъ къ борьбѣ съ персами. Исократъ трудился не менѣе десяти или пятнадцати лѣтъ надъ составленіемъ этой рѣчи, считавшейся у древнихъ образцовымъ произведеніемъ греческой литературы.

Окончательно придавъ краснорѣчію школьный характеръ преподаваніемъ и составленіемъ новыхъ правилъ и образцовъ, Исократъ пріобрѣлъ значительное вліяніе не только на краснорѣчіе, но и на образованіе вообще. Позднѣйшіе ораторы, историки и большинство прозаическихъ писателей греческаго народа, также Цицеронъ и другіе римскіе орароры, писали свои рѣчи по правиламъ и примѣрамъ, оставленнымъ Исократомъ. Могущественное вліяніе Исократа на современниковъ основывалось, какъ и у итальянскихъ писателей позднѣйшаго времени, возбуждавшихъ восторгъ цѣлыхъ поколѣній, на ритмѣ и музыкальности языка. Въ этомъ отношеніи ни одинъ писатель не могъ равняться съ Исократомъ. Искусное построеніе періодовъ, разстановка словъ и предложеній, основанная на законахъ благозвучія, гармоническое сочетаніе словъ, послѣдовательность остановокъ и удареній, не переходящихъ однако

въ ритмъ стихотворной рѣчи — были главными достоинствами Исократа, возбуждавшими удивленіе и подражаніе древности. Но, не смотря на всѣ совершенства, произведенія Исократа можно уподобить статуѣ, которую создало не воодушевленіе, а продолжительное размышленіе и усидчивый трудъ. Его сочиненія, не производя глубокаго впечатлѣнія на читателя, подобно новѣйшимъ французскимъ похвальнымъ рѣчамъ, непріятно поражаютъ слишкомъ большою искуственностью и отсутствіемъ жизни. Въ своихъ рѣчахъ онъ не имѣлъ никакой опредѣленной практической цѣли и не принималъ никакого искренняго участія въ тѣхъ страстныхъ порывахъ души, которые онъ выражалъ словами, желая только возбуждать удивленіе къ себѣ и своей школѣ. Государственные дѣятели, какъ, напримѣръ, Демосѳенъ и Цицеронъ, считавшіе Исократа образцомъ для подражанія и слѣдовавшіе его примѣру, не впадали въ подобную ошибку, являясь передъ обществомъ, и составляя свои рѣчи подъ вліяніемъ самыхъ событій, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ нимъ.

Впрочемъ главная заслуга Исократа состоитъ въ томъ, что онъ готовилъ своихъ учениковъ къ дѣйствительной жизни. Онъ не слѣдовалъ примѣру тогдашнихъ риторовъ, которые пріучали учащихся къ софистическимъ тонкостямъ и уловкамъ, заставляли ихъ доказывать самыя безполезныя отвлеченныя философскія положенія, и пріучали краснорѣчиво разсуждать о безразличныхъ вещахъ, не имѣвшихъ никакого значенія. Этотъ выборъ для рѣчей такихъ предметовъ, о которыхъ трудно было что нибудь сказать, долженъ былъ удивлять публику, и доставлять ораторамъ возможность хвастаться передъ слушателями тонкостями своего искусства. Исократъ и своимъ ученіемъ и примѣромъ возставалъ противъ подобныхъ злоупотребленій, указывая своимъ ученикамъ на дѣйствительный міръ и практическую жизнь, какъ на единственную цѣль образованія. Знаменитѣйшими учениками Исократа были ораторъ Исей, Ликургъ, Гиперидъ и Демосѳенъ, историки Эфоръ, Теопомпъ, Филистъ и полководецъ Тимотей, сынъ Конона.

Эпоха дѣятельности Исократа особенно благопріятствовала распространенію правильнаго научнаго краснорѣчія. Послѣ Пелопоннесской войны, когда собственно начинается дѣятельность Исократа, въ жизни аѳинскаго народа наступило время застоя, продолжавшееся до Филиппа; бури и потрясенія обременительной войны, истощивъ силы аѳинскаго народа, лишили его почти всего прежняго политическаго значенія. Въ этотъ періодъ тишины и спокойствія, краснорѣчіе, находившееся прежде въ самой тѣсной связи съ государственной жизнью, должно было ограничиться одною школою и принять школьный характеръ. Но это долгое время застоя наконецъ миновалось, и едва Исократъ успѣлъ выполнить свою задачу, явились обстоятельства, вызвавшія краснорѣчіе къ общественной жизни и открывшія ораторамъ обширное поле дѣятельности. Свободѣ Греціи угрожала опасность со стороны постоянно возраставшаго могущества Филиппа; ѳиванцы по смерти Эпаминонда не могли удержать своего преобладанія, Спарта оставалась безчувственною зрительницею успѣховъ Филиппа, одни Аѳины, противъ которыхъ были преимущественно направлены усилія македонскаго царя, снова воспрянули и, какъ въ періодъ персидскихъ войнъ, сдѣлались передовымъ государствомъ Греціи, поставленныя самими обстоятельствами во главѣ греческой націи для борьбы съ новымъ врагомъ свободы. Такъ въ послѣдніе годы жизни Исократа снова пробудилось политическое значеніе и дѣятельность аѳинскаго народа, и научнымъ образомъ развитое краснорѣчіе вошло въ дѣйствительную жизнь. Изъ уединенія и мрака школы оно перешло въ кипучую жизнь народнаго собранія и площади, и мертвая статуя Исократа скоро стала живымъ образомъ. Вслѣдствіе дипломатическаго характера той эпохи, краснорѣчіе получило еще бо́льшее значеніе, и подъ вліяніемъ общаго положенія дѣлъ быстро шло къ своему совершенству. Филиппъ македонскій достигалъ своихъ политическихъ цѣлей преимущественно посредствомъ дипломаціи, война служила ему не для увеличенія, но только для поддержанія своего могущества. Противники его должны были бороться тѣмъ

же оружіемъ, и греческому государственному человѣку необходимы были искусство въ переговорахъ и полное знакомство съ взаимными отношеніями и политическимъ состояніемъ государствъ и народовъ. Все это возбуждало духъ политическаго оратора, и открывало его таланту болѣе обширное поприще дѣятельности. Греки живо чувствовали потребность въ государственной наукѣ, и стремились къ изученію краснорѣчія, сдѣланнаго Исократомъ энциклопедіею политическихъ знаній. Аѳины, бывшія центромъ всей умственной жизни и образованія націи, окончательно сдѣлались средоточіемъ политической мудрости всего греческаго народа. Вся Греція почерпала въ Аѳинахъ свои знанія, и самъ Филиппъ не жалѣлъ золота, чтобы привлекать въ свою службу людей, получившихъ аѳинское образованіе.

Между людьми, сосредоточивавшими въ себѣ всю государственную науку того времени и дѣйствовавшими на политическомъ поприщѣ подъ именемъ ораторовъ, замѣчательнѣйшими были: Исей, Демосѳенъ, Эсхинъ, Ликургъ, Гиперидъ и Динархъ. Вмѣстѣ съ Антифономъ, Андокидомъ, Лисіемъ и Исократомъ, они вошли въ канонъ краснорѣчія или списокъ славнѣйшихъ греческихъ ораторовъ, составленный въ третьемъ столѣтіи до р. Х. греческими учеными въ Александріи. Всѣ эти десять ораторовъ были аѳиняне, за исключеніемъ Динарха, родившагося въ Коринѳѣ, и Исея, родиной котораго нѣкоторые считаютъ Аѳины, а другіе Халкиду на Эвбеѣ. Впрочемъ и они также жили и дѣйствовали въ Аѳинахъ.

Исей, годъ рожденія и смерти котораго не извѣстны, былъ ученикомъ Лисія и Исократа и однимъ изъ наставниковъ Демосѳена. Не будучи государственнымъ человѣкомъ, онъ, подобно Исократу, основалъ школу краснорѣчія, и, какъ Лисій, сочинялъ рѣчи для другихъ. Для риторическихъ упражненій учениковъ онъ избиралъ темы исключительно изъ дѣйствительныхъ отношеній жизни, и тѣмъ отличался отъ большинства ораторовъ и даже Исократа, любившаго иногда выбирать миѳическіе предметы, какъ напримѣръ

похвалы Еленѣ и т. п; софисты же въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ говорили о пустякахъ. Главная заслуга Исея, напротивъ того, состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ всю свою дѣятельность исключительно на отношенія общественной жизни. Одиннадцать оставшихся послѣ него судебныхъ рѣчей имѣютъ много общаго съ рѣчами Лисія по своему спокойному и торжественному тону, но стремленіе оратора къ гладкости и искуственному изяществу слога ставитъ ихъ ниже послѣднихъ.

Послѣ Исея искусство краснорѣчія было доведено до высшей степени совершенства Демосѳеномъ, Эсхиномъ и Гиперидомъ. Изъ нихъ Демосѳенъ безспорно былъ первымъ ораторомъ не только греческаго народа, но и всей древности. Конечно, труды его предшественниковъ по усовершенствованію ораторскаго искусства имѣли значительное вліяніе на его успѣхи, но своею славою онъ обязанъ главнымъ образомъ своему генію и настойчивости, которую показываетъ и самая исторія его образованія.

Демосѳенъ родился въ 385 году до р. Х. въ незначительномъ мѣстечкѣ Аттики, и, по разсказамъ позднѣйшихъ историковъ, умертвилъ себя на шестьдесятъ третьемъ году своей жизни. Слабый и болѣзненный отъ природы, онъ, говорятъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы исправить свои тѣлесные недостатки, мѣшавшіе ему выступить на политическое поприще; но многое въ этихъ анекдотахъ сомнительно. Свой слабый голосъ, онъ, по разсказамъ грековъ, усилилъ, часто гуляя по берегу моря и стараясь перекричать шумъ волнъ; для укрѣпленія слабой груди всходилъ на крутизны, громко произнося рѣчи; наконецъ, чтобы вылечиться отъ заиканія, онъ, набравъ въ ротъ камешки, учился выговаривать чисто звуки. Философское образованіе Демосѳенъ получилъ въ школахъ Платона и Исократа, гдѣ изучилъ до совершенства тонкости греческаго языка, и потомъ четыре года занимался у себя на дому подъ руководствомъ Исея. Сблизившись съ этимъ ораторомъ, Демосѳенъ не только вполнѣ ознакомился со всѣми научными

пріемами ораторскаго искусства, но и усвоилъ себѣ практическій взглядъ и направленіе Исея.

Такимъ образомъ судьба свела Демосѳена съ наставниками, какихъ не имѣлъ ни одинъ ораторъ. При томъ юность и первые годы молодости Демосѳена совпадали съ тѣмъ временемъ, когда ораторское искусство снова сдѣлалось практическою наукою, а народное собраніе и суды стали истинными школами краснорѣчія. Наконецъ, Демосѳенъ старался развить себя чтеніемъ, — способъ образованія вообще бывшій чуждымъ древнему міру. Онъ прилежно читалъ произведенія знаменитыхъ ораторовъ, и, если вѣрить разсказамъ, восемь разъ собственноручно переписалъ исторію Ѳукидида, желая усвоить себѣ его слогъ. Кромѣ того Демосѳенъ еще въ юности началъ изучать процвѣтавшее въ то время сценическое искусство, подъ руководствомъ Сатира и Неоптолема, первыхъ, послѣ Аристодема, актеровъ той эпохи. Но, не смотря на всѣ старанія пріобрѣсти внѣшнія манеры искуснаго оратора, Демосѳенъ долго не имѣлъ успѣха въ этомъ, и, только благодаря совѣтамъ знаменитаго актера Андроника, присутствовавшаго на его первыхъ рѣчахъ и замѣтившаго этотъ недостатокъ, онъ могъ усовершенствовать свою мимику. Тогда онъ вполнѣ понялъ огромное значеніе этой стороны ораторскаго искусства, и, говорятъ, однажды на вопросъ что всего нужнѣе оратору, отвѣчалъ: мимика, мимика, мимика.

Изъ политическихъ и судебныхъ рѣчей Демосѳена до насъ сохранилась шестьдесятъ одна. Изъ нихъ двѣнадцать относились до политическихъ сношеній аѳинянъ съ македонскимъ царемъ Филиппомъ II. Самымъ лучшимъ произведеніемъ его считается рѣчь, произнесенная имъ противъ Эсхина, оспаривавшаго рѣшеніе сената, который присудилъ ему золотой вѣнокъ за заслуги отечеству. Рѣчь эта доставила Демосѳену полную побѣду надъ противникомъ.

Древніе и новые критики единогласно признавали за Демосѳеномъ необыкновенный талантъ. Не одно блестящее краснорѣ-

чіе, но и его отношенія къ своему времени и его политическая дѣятельность придали ему великое значеніе въ исторіи политической жизни и цивилизаціи греческаго народа. Демосѳенъ, подобно Гипериду и другимъ ораторамъ, былъ также силенъ своимъ талантомъ, какъ Филиппъ македонскій своимъ войскомъ; но его могущество основывались не на одномъ только природномъ краснорѣчіи развитомъ наукою, но и на томъ, что онъ соединялъ въ себѣ всю образованность греческаго народа, хорошо понималъ духъ времени, потребности своей родины, и роль оратора, которая была тогда обширнѣе и разнообразнѣе чѣмъ когда нибудь. Краснорѣчіе было въ то время фокусомъ всей греческой жизни. Ораторъ сдѣлался не только государственнымъ человѣкомъ, во всѣхъ значеніяхъ этого слова, но поэтомъ и наставникомъ народа; на его долю выпала теперь задача, которую за нѣсколько поколѣній передъ тѣмъ исполняла трагедія, а еще раньше лирическая поэзія. Онъ явился органомъ всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ тогдашнихъ грековъ, живымъ центромъ всѣхъ національныхъ стремленій, источникомъ, изъ котораго народъ черпалъ знанія, сдѣлавшіяся для него необходимостью. Въ рѣчахъ искали даже наставленій въ практической морали, которая могла бы замѣнить собою религіозныя вѣрованія; словомъ, краснорѣчіе сдѣлалось душою греческой жизни.

Изображеніе отдѣльныхъ сторонъ и характера дѣятельности Демосѳена не можетъ вполнѣ объяснить многостороннее вліяніе Демосѳена на его современниковъ. Съ политической дѣятельностью и значеніемъ Демосѳена можно познакомиться только изученіемъ оставшихся послѣ него сочиненій, въ связи съ исторіей той эпохи. Критическій анализъ даже одной его рѣчи потребовалъ бы слишкомъ много времени, поэтому мы ограничимся здѣсь только нѣкоторыми общими указаніями.

Обладая массою свѣдѣній, опытностью и дарованіями, Демосѳенъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для политическаго дѣятеля той эпохи. Глубоко понимая духъ и отношенія своей эпохи, онъ пріобрѣлъ такое значеніе, что нерѣдко соеди-

нялъ въ себѣ всѣ силы аѳинскаго народа, какъ, напримѣръ, во время послѣдняго похода Филиппа въ Грецію. Сочиненія Демосѳена служатъ зеркаломъ всей тогдашней общественной жизни и ясно указываютъ различіе между практическою дѣятельностью и образованіемъ Демосѳена, и школьною ученостью Исократа, адвокатскимъ краснорѣчіемъ Исея, и дѣятельностью Лисія, имѣвшаго на жизнь лишь косвенное вліяніе черезъ другихъ.

Ни у одного изъ ораторовъ нѣтъ въ рѣчахъ такой жизни и силы, какъ у Демосѳена, умѣющаго переносить своихъ слушателей въ средину тѣхъ событій, о которыхъ онъ говоритъ. Въ своихъ рѣчахъ онъ знакомитъ аѳинянянъ съ политическими дѣлами и исторіею своего времени, и указываетъ причины всѣхъ современныхъ событій съ такою ясностью и послѣдовательностью, какъ будто желаетъ сдѣлать своихъ слушателей государственными людьми. Онъ подтверждаетъ всѣ свои доводы свѣдѣніями изъ аѳинскаго архива, съ замѣчательнымъ искусствомъ приводя эти свидѣтельства и пользуясь ими, чтобы придать своей рѣчи разнообразіе. Говоря о чемъ нибудь, Демосѳенъ иногда останавливался и приказывалъ читать подлинные документы, давая этимъ отдыхъ себѣ и своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, мѣняя по нѣскольку разъ тонъ и характеръ своей рѣчи, Демосѳенъ постоянно приковывалъ и никогда не утомлялъ вниманія присутствовавшихъ. Онъ часто придаетъ своей рѣчи комическій и ироническій оборотъ, развлекающій его слушателей, и потомъ снова дѣлается серьёзенъ, излагая народу, забытые имъ принципы политики и гражданскія обязанности, и посвящая его во всѣ тайны запутанной дипломаціи того времени. Нерѣдко доходитъ онъ до трагизма, силою своего краснорѣчія заставляетъ аѳинянъ забывать, что они находятся на площади или въ судѣ, и переноситъ ихъ мыслью на сцену, гдѣ въ образцовыхъ произведеніяхъ ихъ драматической поэзіи являлся передъ ними иной міръ, столь различный отъ обыденной жизни. Еще чаще онъ облекаетъ свою рѣчь въ форму вопросовъ своему противнику или аѳинянамъ,

отвѣчая на нихъ самъ; съ неподражаемымъ искусствомъ обращаетъ присутствующихъ изъ нѣмыхъ слушателей въ дѣйствующихъ лицъ, создавая такимъ образомъ настоящую драматическую сцену, въ которой принимаютъ участіе, то народъ, то его антагонисты, то народъ и они вмѣстѣ. Во всѣхъ оборотахъ рѣчей Демосѳена видна та живость и естественность, то безъискуственное, истинное одушевленіе, которое одно можетъ потрясать сердца слушателей. Энергіей своей рѣчи онъ умѣетъ снова воспламенить патріотизмъ и древній духъ въ изнѣженныхъ аѳинянахъ, напоминая имъ славные подвиги ихъ предковъ, и называя ихъ послѣдней опорою, послѣдними представителями свободы Греціи.

Насъ съ нашими нравами и понятіями удивляетъ, что Демосѳенъ иногда впадаетъ въ грубость, которую можно встрѣтить только въ древнѣйшихъ аѳинскихъ комедіяхъ. Онъ бываетъ часто слишкомъ раздраженъ и изливается потокомъ ругательствъ, которыхъ не позволили бы себѣ употребить и самые смѣлые изъ аѳинскихъ комиковъ. Эта поражающая насъ грубость объясняется господствовавшими между греками понятіями о внѣшнемъ приличіи, и служитъ доказательствомъ, что въ аѳинской республикѣ было много простору природнымъ движеніямъ страсти, и государственныя цѣли достигались иногда прямымъ путемъ гораздо легче, чѣмъ въ наше время, гдѣ все стѣснено и связано цѣпью внѣшнихъ приличій и постороннихъ соображеній.

Первымъ ораторомъ послѣ Демосѳена считается страшный его соперникъ, Эсхинъ. Рожденный отъ бѣдныхъ родителей, онъ, какъ говорятъ, посвятилъ себя сначала сценическому искусству, а потомъ служилъ по найму писцомъ у нѣкоторыхъ государственныхъ людей. Этимъ занятіямъ онъ столько же, сколько и врожденнымъ талантамъ, обязанъ былъ нѣкоторою долею своей ораторской славы. Разсказы древнихъ писателей о его воспитаніи разнорѣчивы: одни говорятъ, что онъ не получилъ никакого школьнаго образованія въ краснорѣчіи и самъ проложилъ себѣ дорогу, другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что наставниками его были Исократъ и Платонъ.

Эсхинъ только уже въ зрѣломъ возрастѣ выступилъ на политическое поприще, и явился соперникомъ и врагомъ Демосѳена, какъ глава македонской партіи въ Аѳинахъ. За свою неудачную попытку оспорить рѣшеніе сената, положившаго поднести Демосѳену золотой вѣнокъ, онъ былъ приговоренъ къ значительной денежной пенѣ, — которой подвергался въ Аѳинахъ всякій, взводившій обвиненіе на другаго и не получавшій въ народномъ собраніи пятой части голосовъ. Будучи не въ состояніи заплатить пени, Эсхинъ оставилъ свою родину (330 до р. Х.), и удалился сначала на островъ Родосъ, гдѣ основалъ школу краснорѣчія, а потомъ въ Самосъ, гдѣ и умеръ вскорѣ по прибытіи, на семьдесять пятомъ году своей жизни (317 до р. Х.).

До насъ дошли только три рѣчи Эсхипа, изъ которыхъ рѣчь о вѣнкѣ противъ Демосѳена, подобно рѣчи его противника о томъ же предметѣ, признавалась всею древностью образцомъ краснорѣчія. Человѣкъ, боровшійся съ Демосѳеномъ и оспаривавшій у него первенство, не могъ быть посредственнымъ ораторомъ. Единогласное мнѣніе древнихъ ставитъ его почти на ряду съ Демосѳеномъ, и его сочиненія вполнѣ заслуживаютъ т кого почетнаго отзыва. Демосѳенъ и Эсхинъ имѣли свои особенности, которыми опи, какъ ораторы и государственные люди, отличались другъ отъ друга. У Эсхина не было ни смѣлости, пылкости и драматической живости Демосѳена, ни того богатства оборотовъ и глубокихъ мыслей, которымъ мы удивляемся въ рѣчахъ величайшаго изъ ораторовъ. Но изъ ихъ сочиненій видно, что оба они пользовались комедіей своего времени, и, принимая ее за вѣрную картину частной жизни аѳинянъ, заимствовали изъ нея живую характеристику лицъ, нравовъ и страстей, и въ особенности ѣдкія выходки противъ своихъ противниковъ. Оба оратора, сознавая свои достоинства и таланты, дѣйствовали сообразно ихъ особенностямъ. Демосѳенъ, уступая Эсхину въ изображеніи характеровъ, избѣгаетъ этихъ очерковъ, зная, что они подъ его рукой превращаются въ каррикатуры. Эсхинъ не гоняется за остроуміемъ, вѣроятно самъ чувствуя

неудачность своихъ остротъ, тогда какъ Демосѳенъ всегда остеръ, колокъ, и потому любитъ иронію и ѣдкія насмѣшки.

Эсхинъ совершенно иначе понималъ свое время, чѣмъ Демосѳенъ; потому его не слѣдуетъ такъ порицать, какъ это дѣлалъ Демосѳенъ, и безусловно обвинять въ продажности Филиппу, тѣмъ болѣе, что это не вполнѣ подтверждается историческими свидѣтельствами. Уже по различію взгляда на положеніе дѣлъ и направленіе той эпохи, Эсхинъ могъ считать себя въ правѣ избрать болѣе безопасный путь, и совѣтовать своимъ согражданамъ поддерживать дружественныя отношенія съ Македоніей. Какъ бы то ни было, политика его основывалась на однихъ разсчетахъ благоразумія, и потому онъ, какъ ораторъ, долженъ былъ уступать Демосѳену. Естественно, что человѣкъ, имѣвшій такія политическія возрѣнія, не могъ быть воодушевленъ возвышенною любовью къ истинѣ и героизмомъ. Такимъ образомъ Эсхинъ являлся представителемъ холоднаго разсчета, а Демосѳенъ защитникомъ духа славной староны.

Подобно Демосѳену, Эсхинъ вполнѣ созналъ то великое значеніе, которое имѣлъ ораторъ въ его время. Онъ ясно понималъ свою важную роль въ образованномъ мірѣ и свое громадное вліяніе на общество, какъ наставникъ политической правительственной мудрости и общественной нравственности. Характеристическіе очерки Эсхина знакомятъ читателя съ духомъ того времени и представляютъ страшную картину нравственой испорченности тогдашнихъ грековъ. Невольно убѣждаешься въ справедливости требованій Эсхина о строгомъ соблюденіи нравственныхъ законовъ, и удивляешься Демосѳену, умѣвшему, хотя на короткое время, пробуждать въ такомъ народѣ возвышенныя чувства и благородный патріотизмъ. Не будучи человѣкомъ безукоризненно нравственнымъ, Эсхинъ, какъ политикъ, проповѣдуетъ строгость нравовъ и всѣми средствами старается убѣдить своихъ согражданъ, что безъ нея невозможны республиканскія учрежденія. На этой несомнѣнной

истинѣ, почти совсѣмъ забытой въ Аѳинахъ, Эсхинъ основываетъ весь свой взглядъ на сущность демократіи. Подобно другимъ политическимъ ораторамъ своего времени, Эсхинъ занимался изслѣдованіями о государствѣ и составилъ себѣ особую систему. Онъ признаетъ только три формы правленія: монархію, или, по его теоріи, такой образъ правленія, гдѣ господствуетъ произволъ одного; аристократію, понимаемую имъ въ смыслѣ олигархіи, т. е. такой формы правленія, гдѣ вся власть находится въ рукахъ небольшаго числа гражданъ, и демократію, въ которой государствомъ управляетъ весь народъ. Развивая свой взглядъ на государственное устройство, Эсхинъ говоритъ, что въ каждомъ изъ этихъ трехъ формъ существуетъ особенный источникъ законовъ. Въ монархіи и олигархіи управляетъ постоянно измѣняющаяся воля нѣсколькихъ лицъ, а въ демократіи господствуетъ твердый, опредѣленный законъ, который долженъ строго соблюдаться. Въ демократіи все основывается на одномъ законѣ, и потому въ ней нужно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы всякій нарушитель законовъ немедленно получалъ соотвѣтственное наказаніе. „Только до тѣхъ поръ будете вы сильны,“ говоритъ онъ аѳинянамъ, „пока будутъ цѣлы ваши превосходные законы, и безнравственные люди не разорвутъ той связи, которая скрѣпляетъ и связываетъ васъ.“

Отъ рѣчей прочихъ ораторовъ послѣдняго времени греческой независимости дошло до насъ такъ мало, что мы не можемъ обрисовать ихъ личный характеръ и стремленій съ такою точностью, какъ дѣятельность Эсхина и Демосѳена. Изъ нихъ самою дурною славою пользовался Демадъ, а, какъ государственный человѣкъ, болѣе всѣхъ выдается Ликургъ. **Демадъ** родомъ изъ Аѳинъ былъ низкаго происхожденія, и въ теченіе всей своей жизни отличался отсутствіемъ всякихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Въ битвѣ при Херонеѣ онъ попался въ плѣнъ македонянамъ, но былъ освобожденъ Филиппомъ, въ пользу

котораго онъ интриговалъ въ Аѳинахъ. По смерти Филиппа онъ сдѣлался льстецомъ Александра Великаго и его намѣстника Антипатра, и, вмѣстѣ съ другимъ подобнымъ ему низкимъ человѣкомъ, былъ виновникомъ смерти Демосѳена и Гиперида. Впослѣдствіи онъ самъ былъ лишенъ жизни сыномъ Антипатра, Кассандромъ. Изъ рѣчей его ни одна не сохранилась до нашего времени.

Ораторъ Ликургъ, изъ рѣчей котораго дошла до насъ только одна, родился въ 408 году въ Аѳинахъ, и умеръ на восьмидесятомъ году своей жизни. Онъ былъ ученикомъ Платона и Исократа, и, вмѣстѣ съ Демосѳеномъ и Гиперидомъ, однимъ изъ главныхъ противниковъ Филиппа македонскаго. Дошедшая до насъ рѣчь Ликурга безспорно принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ древняго краснорѣчія; она проникнута духомъ Демосѳена, хотя и замѣтно, что Ликургу стоило большихъ трудовъ то, что легко доставалось геніальному Демосѳену. Въ рѣчи Ликурга видна та же горячность, какъ и у Демосѳена, но онъ еще болѣе любитъ эффектность, и переступаетъ такимъ образомъ предѣлы истиннаго ораторскаго искусства. Часто (и иногда совершенно не кстати) онъ примѣшиваетъ въ рѣчь длинные отрывки изъ поэтовъ, которые долженъ былъ произносить съ свойственной аѳинянамъ жестикуляціей. Какъ ораторъ, государственный дѣятель и человѣкъ, Ликургъ извѣстенъ строгостью своихъ нравовъ. Во всемъ его сочиненіи проглядываетъ достоинство человѣка, заслуживающаго стать наряду съ благороднымъ Аристидомъ. Въ рѣчи его нигдѣ нѣтъ ругательствъ, язвительныхъ насмѣшекъ, каждое слово дышитъ страшною строгостью, сдѣлавшею имя Ликурга ужасомъ всѣхъ государственныхъ преступниковъ и казнокрадовъ. Безпощадность, съ которою Ликургъ преслѣдовалъ людей, вредившихъ аѳинскому народу своею безнравственностью и бездарностью, высказывается и въ прекрасномъ отрывкѣ рѣчи, которою Ликургъ убѣдилъ аѳинянъ предать смерти низкаго Лисикла, командовавшаго войсками при Херонеѣ и своею неспособностью доставившаго непріятелю побѣду. „Тысяча аѳин-

скихъ гражданъ," восклицаетъ Ликургъ, „пала въ битвѣ, двѣ тысячи взяты въ плѣнъ, непріятель, къ позору нашего города, воздвигнулъ памятникъ въ честь своей побѣды, и подчинилъ своему игу всю Грецію. Виновникъ всего этого ты, убѣдившій избрать себя полководцемъ и начальствовавшій надъ войскомъ; и ты осмѣливаешься послѣ этого жить, наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, и являться между нами въ народномъ собраніи? Ты, сдѣлавшійся живымъ памятникомъ стыда и позора своего отечества?"

Человѣкъ такой строгой нравственности, казалось бы, не могъ, какъ государственный дѣятель, играть въ тогдашнихъ Аѳинахъ значительной роли. Но было на оборотъ: аѳиняне понимали, что Ликургъ былъ единственнымъ человѣкомъ, жизнь котораго не расходилась съ убѣжденіями. Они вручили ему управленіе полицейскою и финансовою частью и въ благодарность за превосходныя распоряженія нѣсколько разъ присуждали ему общественныя почести. Пятнадцать лѣтъ онъ былъ казначеемъ или министромъ финансовъ республики, и въ продолженіе своего управленія собралъ на государственные расходы 14,000, а по другимъ извѣстіямъ 18,900 талантовъ, (около 25 милліоновъ руб. сер.), построилъ много кораблей, произвелъ множество дорогихъ общественныхъ сооруженій, улучшилъ таможенную систему, и ввелъ строгій порядокъ въ полиціи. Аѳиняне почтили его память, воздвигнувъ въ честь его бронзовую статую и даровавъ его старшему сыну право обѣдать въ Пританеѣ на государственный счетъ.

Гиперидъ, также ученикъ Платона и Исократа, долгое время находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Демосѳеномъ, котораго однако впослѣдствіи обвинилъ въ продажности, такъ что былъ виновникомъ его изгнанія. Самъ онъ былъ умерщвленъ въ 322 году до р. Х. македонскимъ намѣстникомъ Антипатромъ, по наущенію низкаго Демада. Изъ его сочиненій ничего не сохранилось; долгое время думали, что одна изъ рѣчей носящихъ имя Демосѳена принадлежитъ Гипериду, но это ошибка; точно также неосновательно и въ новѣйшее время считали произведеніемъ Гиперида другую рѣчь

Демосѳена. Уже одно то, что рѣчь Гиперида смѣшивали съ рѣчами Демосѳена показываетъ, что Гиперидъ по своему таланту, образованію и проницательности не многимъ уступалъ великому оратору древности.

Послѣ Демосѳена, Эсхина, Ликурга и Гиперида краснорѣчіе пало съ своей высоты, и потеряло то громадное значеніе, какое оно имѣло при жизни этихъ ораторовъ. Съ паденіемъ свободы и древнихъ нравовъ Греціи оно сдѣлалось только тѣнью прежняго величія. Этотъ упадокъ начался при Динархѣ, который родился въ Коринѳѣ, но воспитывался и жилъ въ Аѳинахъ, и, послѣ смерти Демосѳена и Гиперида, пріобрѣлъ тамъ вліяніе. Хотя Динарха и причисляютъ къ десяти великимъ аттическимъ ораторомъ, но въ его произведеніяхъ мы уже видимъ начало искаженія ораторскаго искусства. Онъ промышлялъ составленіемъ рѣчей, и въ немногихъ сохранившихся отъ него рѣчахъ хотя и нѣтъ вычурныхъ прикрасъ позднѣйшей эпохи, но уже замѣтна нѣкоторая безжизненность. Со временъ Динарха ораторское искусство или государственная наука тѣсно соединилась съ философіею и сдѣлалась предметомъ преподаванія почти во всѣхъ философскихъ школахъ.

7. Краткія замѣтки объ искусствѣ.

Время отъ начала Персидскихъ войнъ до Александра македонскаго было также эпохою процвѣтанія пластическаго искусства и живописи греческаго народа, которыя всегда составляли одну изъ главныхъ сторонъ греческаго быта и, подобно поэзіи и краснорѣчію, основывались на прирожденной склонности грековъ. Равно свойственныя всѣмъ племенамъ націи, они являлись вездѣ, гдѣ поселялись греки, и восходятъ до отдаленнѣйшихъ вѣковъ древности. Исторія ихъ развитія составляетъ часть исторіи греческой культуры на столько, на сколько искусства было однимъ изъ главныхъ проявленій жизни этого народа. Впрочемъ эстети-

ческій характеръ греческаго искуства и превосходство памятниковъ его надъ художественными произведеніями другихъ народовъ также мало могутъ быть предметомъ всемірной исторіи, какъ и анализъ отношеній поэтическихъ и литературныхъ произведеній греческаго духа къ идеѣ прекраснаго и требованіямъ науки.

Въ эпоху, предшествовавшую Персидскимъ войнамъ, развитіе греческаго искусства шло тѣмъ же путемъ, какъ поэзія, философія и государственныя учрежденія грековъ. Искусство сначала развилось у пелопоннесскихъ дорянъ и на островѣ Сициліи, а потомъ въ Великой Греціи, Малой Азіи и на островахъ Эгейскаго моря. Въ концѣ этой эпохи, съ увеличеніемъ благосостоянія большинства греческихъ торговыхъ городовъ, искусства распространилась еще далѣе. Процвѣтанію искусства содѣйствовало то, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ тиранновъ, какъ напримѣръ Поликратъ, старались утвердить свою власть покровительствомъ искусству и сооруженіемъ огромныхъ построекъ. Наконецъ, Самосъ и Эгина сдѣлались средоточіями греческаго искусства. На послѣднемъ изъ этихъ островъ, въ 1811 году, найдено множество изваяній, которыя, какъ кажется, относятся ко времени первой персидской войны. Эти Эгинскіе памятники, находящіеся теперь въ Мюнхенѣ, вмѣстѣ съ обломками, найдеными въ Селинунтѣ въ Сициліи, служатъ доказательствомъ, что греческое искусство процвѣтало уже у дорянъ, прежде чѣмъ достигло своего совершенства въ Аѳинахъ.

Великая народная борьба съ персами, оживившая національное чувство грековъ и возбудившая ихъ энергію, имѣла могущественное вліяніе на быстрое развитіе искусства. Впрочемъ не самая борьба, а пріобрѣтенное въ ней Аѳинами могущество и вліяніе возвысило искусство. Аѳины сдѣлались средоточіемъ всѣхъ умственныхъ стремленій, поэзіи, философіи и искусства греческаго народа. Высшей степени своего процвѣтанія исскуство достигло при Периклѣ, потому что оно вообще для своего развитія нуждается въ покровительствѣ образованныхъ вліятельныхъ людей. Всѣ улучшенія внѣшнихъ удобствъ жизни, начиная съ простой

мельницы и до самыхъ сложныхъ прядильныхъ машинъ и пароходовъ новѣйшаго времени, прививаются даже въ простомъ народѣ, если только этотъ народъ предпріимчивъ и дѣятеленъ; изящныя же искусства могутъ существовать только при поддержкѣ со стороны богатыхъ и знатныхъ. Поэтому искусство процвѣтало у грековъ при Периклѣ, Александрѣ Великомъ и его преемникахъ, у римлянъ при Августѣ и Титѣ, а въ новѣйшую эпоху преимущественно во время господства Медичи во Флоренціи. Въ отношеніи греческаго искусства между вѣкомъ Перикла и эпохою великаго македонскаго царя и его преемниковъ существуетъ то различіе. что въ первую эпоху искусство достигло высшей степени совершенства, а въ послѣднюю оно сдѣлалось доступнѣе для массъ.

Мы уже прежде (т. I. стр. 428) назвали знаменитыхъ художниковъ, жившихъ при Периклѣ въ Аѳинахъ, и главныя архитектурные памятники того времени. Изъ сооруженій той эпохи въ другихъ греческихъ городахъ особенно замѣчательны: великій храмъ Зевса въ Олимпіи, построенный около 436 года до р. Х. однимъ элидскимъ художникомъ, храмъ Аполлона въ аркадскомъ городѣ Фигаліи, построенный около того же времени Иктиномъ изъ Аѳинъ, храмъ Юноны въ Аргосѣ, воздвигнутый около 423 г. до р. Х. неизвѣстнымъ зодчимъ, и наконецъ въ Сициліи, замѣчательный своими громадными размѣрами храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Агригентѣ (т. I. стр. 258), относящійся ко второй половинѣ пятаго столѣтія до нашей эры. Первыми ваятелями этого времени были, кромѣ Фидія, два ученика его Агоракритъ изъ Пароса, и Алкаменъ изъ Аѳинъ, а также Поликлетъ изъ Аргоса или Сикіона, и Миронъ изъ небольшаго мѣстечка Аттики.

Въ періодъ отъ Пелопоннесской войны до Александра Великаго замѣчательнѣйшими ваятелями были: Скопасъ изъ Пароса, Пракситель изъ Аѳинъ, Эвфраноръ изъ Коринѳа, но жившій въ Аѳинахъ. и Лисиппъ изъ Сикіона. Изъ произведеній всѣхъ упомянутыхъ нами скульпторовъ, мы уже говорили прежде

(т. I. стр. 429) о статуѣ Минервы Фидія и объ Эльгинскихъ мраморахъ, надъ которыми трудился онъ самъ или другіе подъ его руководствомъ. Теперь упомянемъ только колоссальную статую Юпитера въ Олимпійскомъ храмѣ, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ изваяній Фидія. Изъ статуй Поликлета особенное удивленіе древности возбуждала его Юнона, а изъ произведеній Мирона особенно славилась его корова, въ честь которой даже писали стихи. Скопасу нѣкоторые изъ знатоковъ древняго искусства приписываютъ находящуюся теперь въ Флоренціи группу Ніобы, признаваемую другими произведеніемъ Праксителя; нѣкоторые же считаютъ ее простою копіею со статуи Скопаса. Ваятель Эвфраноръ, который дожилъ до Александря Великаго и составляетъ въ искусствѣ переходъ къ слѣдующей эпохѣ, былъ въ тоже время и отличнымъ живописцемъ. Лисиппъ принадлежитъ уже совершенно ко времени Александра. и онъ одинъ изъ тогдашнихъ художниковъ пользовался предпочтеніемъ македонскаго царя, который только ему позволялъ дѣлать свои изображенія. Дѣйствительно, онъ одинъ умѣлъ вѣрно передавать на камнѣ и бронзѣ глаза Александра, наклоненіе его головы на одно плечо, и его устремленный къ верху взоръ, не портя бюста искривленіемъ спины, и соединить мягкость и женственность выраженія Александра съ мужественными и львиными чертами его лица.

Время процвѣтанія живописи почти совпадаетъ съ эпохою высшаго развитія ваянія. Средоточіями этого искусства были Аѳины, Сикіонъ и іонійскіе города. Первымъ знаменитымъ живописцемъ былъ Полигнотъ, современникъ и другъ Кимона, родившійся на островѣ Тасосѣ, но получившій право гражданства въ Аѳинахъ. Главнымъ его произведеніемъ была часть фрескъ въ Пекиле (т. I. стр. 430) и сцены изъ Троянской войны въ одной изъ залъ Дельфійскаго храма. Знаменитѣйшимъ живописцемъ слѣдующей эпохи былъ Зевксисъ изъ Гераклеи, около 400 г. до р. X., о произведеніяхъ котораго мы уже упоминали. Современникъ его, Паррасій изъ Эфеса пріобрѣлъ такую же

славу картинами, писанными имъ для аѳинскаго народа. Памфилъ изъ Амфиполя, жившій въ первой половинѣ четвертаго вѣка до р. Х., былъ однимъ изъ послѣднихъ художниковъ древней сикіонской школы. Какимъ почетомъ пользовалась въ его время живопись, видно изъ того, что Памфилъ за свои уроки получалъ по таланту, или 1340 р. с. Ученикъ Памфила, Апеллесъ изъ Колофона былъ величайшимъ живописцемъ древности; онъ соединилъ теорію съ практикой, и изумительную технику съ философіей искусства. Александръ Великій, не позволявшій никому, кромѣ Апеллеса, рисовать свои портреты, уважалъ этого художника болѣе, чѣмъ самыхъ знатныхъ лицъ своей свиты. Лучшимъ произведеніемъ Апеллеса и былъ портретъ Александра, представляющій великаго царя съ молніями въ рукѣ, какъ сына боговъ. Этотъ портретъ былъ такъ хорошъ, что въ древности говорили: „Александръ, сынъ Филиппа, непобѣдимъ, а Александръ, произведеніе Апеллеса, неподражаемъ.“

Кромѣ упомянутыхъ нами художниковъ, сохранились имена еще многихъ скульпторовъ и живописцевъ, преимущественно принадлежащихъ ко времени Александра и его преемниковъ. Между ними встрѣчаются и женщины, потому что, чѣмъ образованнѣе становился греческій міръ, тѣмъ бо́льшее участіе принимали онѣ въ умственной дѣятельности націи. Въ то время нерѣдко встрѣчались женщины, которыя углублялись въ философію Платона и даже въ ученіе киренаиковъ, и могли вступать съ мужчинами въ блестящіе споры о философскихъ предметахъ. Не удивительно, что было много женщинъ художниковъ, картины которыхъ пользовались большою извѣстностью у современниковъ, цѣнившихъ и понимавшихъ искусство. — Вообще и направленіе и всѣ политическія событія той эпохи болѣе чѣмъ когда либо способствовали развитію ваянія, живописи, драматическаго и хореграфическаго искусства. Но въ тоже время, съ распространеніемъ изнѣженности и страсти къ наслажденіямъ, начинаетъ притупляться изящный вкусъ въ искусствѣ и поэзіи, и все рѣже и

рѣже являются истинно-великія художественныя произведенія. Установившаяся въ Греціи монархическая форма правленія усилила потребность въ искусствѣ, и богатыми вознагражденіями привлекла къ нему всѣхъ людей съ артистическими дарованіями. Царскіе дворы, число которыхъ впослѣдствіи еще увеличилось, нуждались для своихъ пышныхъ праздниковъ въ искусствахъ и художникахъ; искусство сдѣлалось во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, какъ Аѳины, Коринѳъ, Сиракузы и Родосъ, отраслью промышленности и ремесломъ. Аѳины, и въ македонскую эпоху оставшіяся средоточіемъ всей литературной дѣятельности, сохраняли свое первенство и во всемъ, что относится до искусства. Художники, родившіеся или по крайней мѣрѣ получившіе образованіе въ Аѳинахъ, считались лучшими во всѣхъ странахъ, гдѣ говорили по-гречески.

Въ то время измѣнился и главный характеръ архитектуры. Прежде она, какъ истинно высокое искусство, служила преимущественно государству и религіи, а въ разсматриваемую нами эпоху стала удовлетворять только требованіямъ комфорта и изящества частной жизни и личнымъ цѣлямъ властителей. Изъ приведенныхъ выше (т. II. стр. 152) словъ Демосѳена видно, какая разница существовала между архитектурой частныхъ и общественныхъ зданій, и какая страшная перемѣна произошла въ ней въ половинѣ четвертаго столѣтія, а въ особенности послѣ введенія монархическихъ формъ. Знаменитѣйшимъ произведеніемъ греческой архитектуры всей эпохи отъ Перикла до Александра Великаго былъ Мавзолей (т. II. стр. 84), — четыреугольное, окруженное портикомъ зданіе, 411 футовъ въ окружности, украшенное на верху пирамидой, съ мраморнымъ изображеніемъ колесницы, запряженной четырьмя конями. Въ отношеніи къ исторіи искусства и его зависимости отъ главныхъ явленій жизни, это произведеніе замѣчательно только тѣмъ, что было дѣломъ художниковъ аѳинской школы, и потому служитъ также доказательствомъ вліянія Аѳинъ на характеръ искусства. Уже и въ этомъ памят-

никѣ искусства художественная красота и величіе не были главною цѣлью строителей, въ другихъ же произведеніяхъ того времени, а въ особенности слѣдующей эпохи, еще ярче выступаетъ стремленіе поражать колоссальностью размѣровъ и роскошью орнаментовъ. Даже великій духъ Александра не могъ въ этомъ отношеніи возвыситься надъ своими современниками.

IX. ЭПОХА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

1. Характеръ и образованіе Александра.

Александръ Великій родился по всей вѣроятности въ 356 г. до р. Х. Все соединилось, чтобъ сдѣлать его величайшимъ изъ государей, о которыхъ упоминаетъ исторія. Природа одарила его всѣми свойствами великаго правителя; обстановка юности способствовала развитію этихъ способностей; развращеніе нравовъ и упадокъ греческаго духа повлекли за собой паденіе республиканскихъ учрежденій, и міру нуженъ былъ теперь человѣкъ, который бы преобразовалъ республиканскія формы жизни въ монархическія. Вступая на престолъ, Александръ нашелъ все подготовленнымъ дѣятельностью Филиппа, и ему легко было осуществить то, что было цѣлью всей жизни его отца, но что могло быть выполнено только такимъ человѣкомъ, какъ Александръ. Изумленные современники и потомки прикрасили исторію Александра множествомъ преувеличеній, какъ это бываетъ со всѣми великими людьми; истинно великое не понятно обыкновенному уму, который, обращая все вниманіе только на внѣшнія стороны дѣла, смѣшиваетъ его съ сверхъестественнымъ или, по крайней мѣрѣ, проводитъ между ними связь. Такъ, впослѣдствіи выдумали, что Филиппъ II получилъ вѣсть о рожденіи Александра одновременно съ двумя другими радостными извѣстіями, (т. II. стр. 105).

Съ часомъ рожденія Александра связали разнаго рода знаменія и чудеса, и находили особенно знаменательнымъ, что въ ночь его рожденія сгорѣло священнѣйшее и знаменитѣйшее зданіе грековъ въ Азіи — храмъ Діаны Эфесской. О юношескомъ возрастѣ Александра также разсказываютъ разнаго рода анекдоты, свидѣтельствующіе объ удивленіи его греческихъ современниковъ и потомковъ, хотя невѣроятность большей части этихъ разсказовъ сама собой бросается въ глаза.

Личность и характеръ Александра, какъ всякаго великаго человѣка, не могутъ быть точно обрисованы отдѣльными чертами, а тѣмъ менѣе одиночными разсказами и анекдотами; они опредѣляются только всею совокупностью его дѣлъ и ихъ отношеній къ предъидущей и послѣдующей эпохѣ. Изъ всего, предшествовавшаго его вступленію на престолъ, наиболѣе важна исторія его образованія. Александръ обладалъ всѣми великими качествами своего отца, не имѣя при томъ многихъ изъ его недостатковъ. Съ предпріимчивымъ духомъ отца онъ соединялъ болѣе обширный умъ, но въ особенности отличался отъ Филиппа врожденнымъ благородствомъ и глубоко поэтической натурой. Сверхъ того, онъ превосходилъ отца простотою и воздержностью.

Александръ получилъ превосходное образованіе: учителемъ его былъ Аристотель, величайшій изъ философовъ, а воспитателемъ одинъ изъ родственниковъ его матери, Леонидъ, человѣкъ большаго ума. Но къ несчастью, на молодаго Александра имѣли также не мало вліянія низкій льстецъ, акарнанецъ Лисимахъ, и столь же низкій софистъ Каллистенъ, рекомендованный молодому царю своимъ двоюроднымъ братомъ Аристотелемъ, при окончаніи занятій его съ Александромъ. Оба они поколебали въ Александрѣ все благородное и хорошее. Воспользовавшись поэтическою натурою Александра, Лисимахъ внушилъ молодому человѣку опасную мысль взять себѣ за образецъ главнаго героя Гомера, и смотрѣть на себя, какъ на втораго Ахиллеса, а на своего друга Гефестіона, какъ на Патрокла. Но желаніе смѣшивать поэзію съ

жизнью и обращать ее въ дѣйствительность ведетъ обыкновенно къ предпочтенію фантастическаго разумному, и человѣкъ, вмѣсто возможнаго, стремится къ достиженію сверхъестественнаго и чудовищнаго. Не имѣя никакихъ благородныхъ и возвышенныхъ стремленій, Каллистенъ былъ однимъ изъ тѣхъ историковъ-риторовъ, которые считаютъ исторію средствомъ для своихъ тщеславныхъ стремленій и орудіемъ для своихъ софистическихъ и риторическихъ мудрствованій. Сдѣлавшись приближеннымъ Александра, онъ обратился въ придворнаго, но не съумѣлъ удержаться на этомъ скользкомъ пути: замѣшанный въ заговоръ во время азіатскаго похода Александра, Каллистенъ погибъ жестокою смертью. Такими-то людьми была развращена прекрасная натура единственнаго человѣка, который въ то время могъ спасти и осчастливить міръ, еслибъ только прочное счастье могло исходить отъ однихъ богатыхъ и сильныхъ.

2. Начало царствованія Александра.

На двадцатомъ году (14 Ноября 336), Александръ наслѣдовалъ престолъ сильнаго, но не прочно устроеннаго государства, а между тѣмъ, въ самомъ началѣ его царствованія должно было рѣшиться, способенъ ли онъ сохранить отцовское наслѣдіе, или же оно снова распадется на свои составныя части. Македонское войско, часть котораго уже переправилась въ Азію, было готово выступить въ походъ; во главѣ его стояли отличные полководцы — Антипатръ, Парменіонъ, Птолемей, Неархъ и Филотъ, товарищъ дѣтства Александра; молодому царю предстояло немедленно рѣшить задачу, отстраненіе которой было невозможно, а выполненіе превосходило все, къ чему до сихъ поръ только стремились греки. Сверхъ того, убійство Филиппа повидимому пошатнуло самый престолъ: одна изъ партій, образовавшихся между знатью, надѣялась отнять престолъ у законнаго наслѣдника; на сѣверѣ, подвластныя дикія племена угрожали царству

набѣгами, а въ Греціи смерть Филиппа вновь возбудила надежды освободиться изъ-подъ владычества Македоніи. Аѳиняне даже устроили празднество въ честь убійства Филиппа и присудили убійцѣ почетный вѣнокъ; они готовились къ войнѣ, а другія греческія государства питали враждебные замыслы противъ Македоніи.

Волненіе, происшедшее между греками, и разбойничьи набѣги ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ дали возможность молодому царю выказать въ самомъ началѣ царствованія свои блестящія дарованія, и уничтожить въ самомъ зародышѣ надежды его соперника, мечтавшаго овладѣть престоломъ съ помощью образовавшейся около него партіи знатныхъ македонянъ. Войско боготворило молодаго Александра, видя въ немъ олицетвореніе гомерова Ахиллеса, знать и македонскій народъ онъ привлекъ на свою сторону отмѣною существовавшихъ налоговъ и назначеніемъ македонянамъ почетнаго мѣста въ войскѣ; ѳессалійцы тоже признали его главою своей аристократіи, со всѣми правами, которыми пользовался его отецъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ казнилъ всѣхъ, сколько нибудь причастныхъ убійству Филиппа, и въ тоже время велѣлъ умертвить Аминта, сына Пердикки III (т. II. стр. 92), и всѣхъ остальныхъ родныхъ, которые могли быть ему опасны. Всѣ эти жестокости разсказываются историками Александра такъ хладнокровно, какъ будто говорится о самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ. Чтобы удовлетворить свою мстительную злобу, Олимпіада также обагрила кровью престолъ сына, приказавъ убить Клеопатру, вторую жену Филиппа, вмѣстѣ съ ея ребенкомъ. Въ Малой Азіи, дядя мачихи Александра, Атталъ, — котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ полководцемъ того же имени, — хотѣлъ захватить въ свои руки власть съ помощью ввѣреннаго ему войска; но Парменіонъ, начальствовавшій вмѣстѣ съ нимъ высланнымъ впередъ войскомъ, остался вѣренъ молодому царю, и Атталъ поплатился за измѣну жизнью. Чтобы подавить движеніе въ Греціи, Александръ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, двинулся съ отборною частью арміи въ Беотію, прежде,

чѣмъ греки успѣли достаточно приготовиться къ борьбѣ. Быстрота и непоколебимая энергія, съ которыми молодой царь шелъ на встрѣчу опасностямъ, навели ужасъ на его противниковъ. Өивы тотчасъ же покорились ему; аөиняне, устрашенные близостью македонской арміи и опасаясь за свою самостоятельность, отправили къ царю пословъ, чтобы смягчить его гнѣвъ, и при этомъ выказали ему еще большій почетъ, чѣмъ Филиппу. Александръ простилъ имъ и өиванцамъ, и созвалъ пословъ аөинянъ и пелопонесскихъ государствъ въ Коринөъ, гдѣ рѣшилъ устроить греческій конгрессъ. Здѣсь ему было передано, предоставленное его отцу, званіе главнокомандующаго всѣми греческими силами съ неограниченною властью. Только спартанцы отвергли его приглашеніе участвовать въ конгрессѣ, отвѣчавъ съ свойственной имъ гордостью, что они привыкли сами предводительствовать, а не слѣдовать за другими. Александръ оставилъ безъ вниманія ихъ отказъ, такъ какъ они не предпринимали никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Также мало вниманія обратилъ онъ на аөинянъ и өиванцевъ, осыпавшихъ его почестями и лестью, а вслѣдъ за удаленіемъ его изъ Греціи начавшихъ серьёзно готовиться къ войнѣ противъ него. На возвратномъ пути въ Македонію, Александръ, какъ повѣствуетъ сказаніе, вѣроятно вымышленное, посѣтилъ дельфійскаго оракула и получилъ отъ пиөіи, или верховной жрицы, часто приводимое изреченіе. Онъ потребовалъ, какъ разсказываютъ, предсказанія объ исходѣ персидскаго похода, и, когда пиөія уклонялась дать отвѣтъ, повлекъ ее насильно во внутренность храма. „Сынъ мой, ты непобѣдимъ, тебѣ нельзя противостоять!“ воскликнула пиөія. „Хорошо,“ сказалъ Александръ, „я принимаю эти слова за пророчество; мнѣ не нужно другаго предсказанія.“

Едва успѣлъ Александръ вернуться въ Македонію, какъ получилъ извѣстіе, что большая часть покоренныхъ Филиппомъ өракійскихъ и иллирійскихъ племенъ возстала и возобновила прежніе разбойничьи набѣги. Онъ немедленно двинулся противъ нихъ (весною 335 до р. Х.). Съ войсками и полководцами, образованными Филип-

номъ, невозможно было бороться дикимъ племенамъ, и Александръ скоро покорилъ всѣ страны до Дуная. Не довольствуясь этимъ, онъ перешелъ и Дунай, на лѣвомъ берегу котораго жилъ въ то время многочисленный и храбрый народъ геты. Но Александръ, —какъ и Цезарь, когда онъ перешелъ Рейнъ, — не хотѣлъ тутъ дѣлать завоеваній, а только желалъ показать себя, и своимъ появленіемъ навести страхъ на воинственный народъ. Тогда же прибыли къ македонскому царю послы отъ народа, до тѣхъ поръ совершенно незнакомаго грекамъ. Это была небольшая часть кельтскаго или галльскаго племени, жившаго, при началѣ достовѣрной исторіи, во Франціи, Бельгіи, Британніи, Швейцаріи и верхней Италіи, дѣлавшаго оттуда частые набѣги на остальную Италію и доходившаго до средины Дуная. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ кельтское племя водворилось въ Венгріи или Сербіи, и оно-то, когда слухъ о побѣдоносномъ походѣ Александра распространился за Дунаемъ, отправило къ царю посольство, какъ говорятъ, просить его дружбы. Греческіе и римскіе писатели, охотно примѣшивающіе анекдоты ко всякому событію, разсказываютъ, что кельтскіе послы, на вопросъ Александра, чего боится ихъ народъ, съ хвастовствомъ отвѣчали: „ничего, развѣ только того, чтобы небо не обрушилось.“ На возвратномъ пути, Александръ подчинилъ себѣ остальныя возставшія племена, принудилъ ихъ покориться македонянамъ и отказаться отъ дальнѣйшихъ набѣговъ. Въ то время какъ Александръ дѣйствовалъ на сѣверѣ своего царства, въ Греціи распространился слухъ, что онъ погибъ въ бою съ гетами; аѳиняне и ѳиванцы склонились на убѣжденія своихъ ораторовъ сбросить македонское иго. Послѣ сраженія при Херонеѣ Ѳивы принуждены были принять въ свою крѣпость македонскій гарнизонъ, такъ что, въ дѣйствительности, онѣ сохранили только тѣнь самостоятельности. Занятіе ѳиванской крѣпости македонскимъ отрядомъ угрожало Аѳинамъ, и потому неудивительно, что оба государства послушались Демосѳена, Ликурга, Динарха и другихъ ораторовъ, убѣждавшихъ своихъ согражданъ воспользоваться удобной минутой, чтобъ воз-

вратить потерянную свободу. Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали попыткѣ возстановить независимость греческихъ республикъ; но у грековъ того времени недоставало единодушія, которое могло бы соединить всѣ государства (что дѣйствительно должно было устрашить Александра). Даже Аѳины, когда возстали Ѳивы, удовольствовались заявленіемъ въ народномъ собраніи о своемъ участіи и обѣщаніемъ ѳиванцамъ содѣйствія, вмѣсто того чтобъ послать имъ дѣйствительную помощь.

Ѳиванцы возстали внезапно, напали на македонскій гарнизонъ, вышедшій въ то время изъ кадмейской крѣпости, и убили двухъ военачальниковъ, а третьяго, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшею частью гарнизона, заперли въ крѣпости, окруживъ скалу, на которой онъ лежалъ, двойнымъ частоколомъ. Они потребовали помощи у нѣкоторыхъ пелопоннесскихъ государствъ, которыя тотчасъ же стали вооружаться, и вскорѣ аркадскій наемный отрядъ стоялъ на Истмѣ. Но вдругъ, совершенно неожиданно, появился у Ѳивъ Александръ съ тридцатью тысячами пѣхоты и тремя или четырьмя тысячами всадниковъ. Онъ получилъ извѣстіе о движеніи въ греческихъ государствахъ, находясь въ иллирійскихъ городахъ, и немедля поспѣшилъ съ войскомъ въ Ѳессалію, а оттуда столь же быстро двинулся къ Ѳивамъ. Онъ шелъ такими усиленными переходами, что ѳиванцы узнали о его приближеніи только тогда, когда онъ былъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ ихъ города, и сначала думали, что противъ нихъ идетъ съ войскомъ Антипатръ, котораго оставилъ Александръ правителемъ въ Македоніи. Заблуждаясь на счетъ дѣйствительныхъ силъ македонянъ, они не хотѣли и слышать о примиреніи, когда Александръ, желавшій избѣжать боя и уладить дѣло миролюбиво, сталъ лагеремъ у стѣнъ ихъ города, думая устрашить ихъ видомъ своего войска и добровольно склонить подчиниться.

Слѣдствіемъ внезапнаго появленія Александра было удаленіе вспомогательнаго пелопоннесскаго отряда и рѣшеніе аѳинянъ не высылать своего войска изъ Аѳинъ. Не смотря на это, ѳиванцы от-

вергли условія Александра, предлагавшаго мирный договоръ и не требовавшаго ничего, кромѣ выдачи двухъ главныхъ предводителей возстанія. Произошелъ кровопролитный бой, въ которомъ ѳиванцы бились съ отчаяннымъ мужествомъ, нанесли македонянамъ сильный уронъ, но должны были уступить превосходству силъ. Александръ ворвался въ городъ, большая часть жителей котораго была умерщвлена македонянами. Страшная участь постигла несчастныя Ѳивы; но по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ оказывается, что жестокое наказаніе ѳиванцевъ должно быть приписано не столько самому Александру, сколько враждебнымъ сосѣдямъ Ѳивъ. Рѣшеніе объ участи города Александръ предоставилъ греческимъ государствамъ, принимавшимъ участіе въ бою противъ Ѳивъ. Такимъ образомъ Ѳивы были отданы на судъ платейцевъ, фокидцевъ, жителей Теспіи и Платеи — племенъ, бывшихъ всегда смертельными врагами ѳиванцевъ и исполненныхъ противъ нихъ жажды мщенія за все, что они прежде вытерпѣли отъ нихъ. Они положили срыть городъ до основанія, а всѣхъ жителей съ женами и дѣтьми продать въ рабство, за исключеніемъ жрецовъ, жрицъ и тѣхъ, у кого македонскій царь пользовался гостепріимствомъ. Раздраженный Александръ приказалъ выполнить страшный приговоръ во всей его строгости, избавивъ отъ наказанія только потомство и домъ великаго ѳиванскаго поэта Пиндара. Городъ былъ совершенно разрушенъ, а всѣ жители, числомъ до тридцати тысячъ, обращены въ рабство.

Поступкомъ своимъ съ Ѳивами Александръ хотѣлъ показать другимъ греческимъ государствамъ, что они только до тѣхъ поръ могутъ продолжать свое существованіе, пока безусловно будутъ слѣдовать македонской политикѣ, и что малѣйшее сопротивленіе погубитъ ихъ. Скоро однако онъ раскаялся въ своей жестокости, и пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ выказывать ѳиванцамъ свое раскаяніе. Вслѣдъ за исполненіемъ приговора Александръ даровалъ свободу нѣкоторымъ ѳиванцамъ, а впослѣдствіи, въ азіатскомъ походѣ, всякій разъ какъ въ его руки попадались

ѳиванцы, поступившіе на службу къ персидскому царю или отправленные къ нему послами, онъ отпускалъ ихъ изъ состраданія къ судьбѣ несчастнаго народа, тогда какъ другихъ грековъ наказывалъ какъ государственныхъ измѣнниковъ. Раскаяніе Александра принесло болѣе всего выгодъ аѳинянамъ. Когда до Аѳинъ дошелъ слухъ о паденіи Ѳивъ, они отправили къ Александру посольство, чтобъ смягчить его гнѣвъ за нарушеніе ими вѣрности. Царь воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ искупить жестокость противъ Ѳивъ и доказать грекамъ свою кротость. Онъ ласково принялъ аѳинскихъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился искусный и любимый въ Македоніи ораторъ Демадъ, простилъ аѳинянамъ, что они дали убѣжище бѣжавшимъ ѳиванцамъ, и потребовалъ только выдачи Демосѳена, Ликурга, демагоговъ Харидема и Эфіальта, убѣдившихъ народъ отложиться отъ Македоніи. По просьбѣ аѳинянъ, онъ потомъ отказался и отъ этого требованія, настоявъ только на изгнаніи Эфіальта и Харидема, изъ которыхъ послѣдній даже не былъ аѳиняниномъ. Оба они должны были удалиться изъ города, и Харидемъ, уже прежде игравшій роль въ Малой Азіи и Ѳракіи, отправился къ персидскому царю.

3. Македонія и Персія при началѣ войны между этими царствами.

Упрочивъ свое владычество на сѣверѣ и на югѣ, Александръ возвратился осенью 335 г. до р. Х. изъ лагеря подъ Ѳивами въ Македонію, чтобы въ теченіе зимы покончить всѣ приготовленія къ персидскому походу и открыть его въ началѣ весны. Управленіе государствомъ онъ передалъ не своей жестокой и мстительной матери, имѣвшей все еще очень сильное вліяніе, но старому, опытному другу своего отца, Антипатру. Этому отличному полководцу и государственному человѣку онъ поручилъ управлять дѣлами Македоніи съ неограниченнымъ полномочіемъ, наблюдать за ненадежными греческими государствами, и заботиться о постоян-

номъ укомплектованіи дѣйствующей арміи. При выступленіи въ Азію, Александръ оставилъ ему четвертую часть своихъ войскъ. Относительно грековъ, Антипатръ имѣлъ порученіе не только наблюдать за всѣми ихъ движеніями, но и поддерживать сколько возможно демократическое правленіе и соединенный съ нимъ духъ безпокойства; въ особенности же отвлекать изъ Пелопоннеса его лучшія силы, посредствомъ добровольнаго и насильственнаго вербованія. Право или поводъ вербовать воиновъ Александръ, повидимому, извлекъ изъ титула греческаго главнокомандующаго, полученнаго имъ въ Коринѳѣ. Отъ Спарты и Аѳинъ онъ, разумѣется, никогда не бралъ войскъ; но первая, отважившаяся поднять оружіе черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выступленія Александра въ Азію, была въ конецъ подавлена Антипатромъ, а Аѳины Александръ и его намѣстникъ умѣли дружелюбіемъ и ласкательствомъ удерживать отъ подобныхъ попытокъ.

Общее число войскъ, постепенно взятыхъ Александромъ изъ Македоніи и Греціи для его азіатской войны, насчитывается въ полтораста тысячъ человѣкъ. Армія же, съ которою онъ выступилъ въ Малую Азію и началъ походъ, состояла изъ тридцати тысячъ пѣхоты и четырехъ тысячъ пятисотъ всадниковъ. Этихъ силъ было вполнѣ достаточно для борьбы съ войскомъ, которое могло выставить противъ нихъ Персія. Армія Александра своею храбростью, опытностью, дисциплиной воиновъ и способностями вождей, совершенно пополняла свой численный недостатокъ. Она составляла замкнутое цѣлое и однако соединяла въ себѣ всѣ роды вооруженія. Македоняне сражались въ ней, какъ нація, съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣло идетъ о пріобрѣтенія славы не только ихъ главнокомандующему, но имъ самимъ и ихъ потомкамъ. Греческія войска арміи были также воодушевлены національнымъ духомъ; они шли съ воспоминаніемъ о славныхъ подвигахъ предковъ и съ придающимъ силу сознаніемъ превосходства греческаго оружія надъ рабскими ордами варварскихъ народовъ. Другія составныя части арміи, удержавъ, подобно македонянамъ и грекамъ, свое національное вооруженіе,

увлекались не однимъ чужимъ воодушевленіемъ, но сознавали себя полезными частями цѣлаго, доставляя арміи преимущества свойственною имъ манерою сражаться. Пеонійцы и другіе ѳракійскіе народы составляли легкую кавалерію и служили почти для той же цѣли, какъ въ новѣйшее время козаки, гусары, пандуры и подобныя войска; они находились при отдѣльныхъ колоннахъ, безпрерывно тревожили непріятеля, и собирали свѣдѣнія для предводителей. Трибаллы, одрисы и нѣкоторыя другія иллирійскія племена составляли легкую пѣхоту, которая была такъ организована, что всегда могла сражаться въ строю. Собственно легкія пѣхотныя войска, которыя можно сравнить съ кроатами и другими подобными народами новѣйшаго времени, Александръ получилъ изъ горъ Иллиріи и Ѳракіи, доставляющихъ до сихъ поръ превосходныя легкія войска. Они были частью стрѣлки изъ лука, частью агріанскіе егеря, подъ начальствомъ полководца Аттала. Послѣдніе, сначала въ числѣ только тысячи человѣкъ, но впослѣдствіи значительно усиленные, отличались въ походахъ Александра болѣе всѣхъ другихъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ; почти не было сраженія, въ которомъ бы участіе ихъ не имѣло важнаго значенія.

Находившіеся въ войскѣ греки, число которыхъ вначалѣ простиралось только до семи тысячъ человѣкъ, составляли, подобно македонской фалангѣ, тяжеловооруженную пѣхоту и предъявляли притязанія на равенство съ македонянами. Кромѣ того, еще при Филиппѣ былъ сформированъ конный отрядъ изъ шестисотъ молодыхъ грековъ хорошихъ фамилій, по своему вооруженію и степени обученія почти ни въ чемъ не уступавшій македонской и ѳессалійской гвардіи. Александръ значительно усилилъ его составъ. Тяжелая ѳессалійская кавалерія оказала важныя услуги македонскому царю въ его походахъ, и онъ отлично умѣлъ пользоваться ея корыстолюбіемъ, происходившимъ отъ страсти къ наслажденіямъ и блеску. Ѳессалійское дворянство составляло конную гвардію, нисколько не уступавшую по своимъ до-

стоинствамъ македонской. Она всегда отличалась на войнѣ, и Александръ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить случай обогатиться всѣмъ принадлежавшимъ къ составу этого отряда, въ особенности, когда они, какъ и прочіе волонтеры, желали возвратиться домой. Онъ тогда не удерживалъ ихъ, а давалъ каждому, кромѣ его доли въ добычѣ, значительные денежные подарки, и приказывалъ отправлять ихъ въ Европу на свой счетъ. Такъ напримѣръ, на походѣ изъ Персеполя къ Экбатанѣ, отпуская ихъ домой, онъ подарилъ имъ двѣ тысячи талантовъ (около 2.700.000 р. сер.). Эта щедрость побудила многихъ изъ нихъ тотчасъ же поступить снова въ службу, а богатства, привезенныя домой остальными, привлекли множество новыхъ охотниковъ служить въ македонской арміи. Повидимому, впослѣдствіи Александръ сталъ вводить въ дѣло македонскихъ всадниковъ гораздо чаще, чѣмъ ѳессалійцевъ, и наконецъ принялъ послѣднихъ въ свою македонскую дворянскую гвардію.

Македонская часть войска удержала ту организацію и положеніе, которыя ей далъ Филиппъ; Александръ присоединилъ къ ея составу новый родъ войскъ, собственнаго своего изобрѣтенія, названный димахами, т. е. сражающимися и на лошадяхъ и въ пѣшемъ строю. Онъ увидалъ, что его тяжелая македонская и ѳессалійская кавалерія часто была слишкомъ тяжела, а конница одрисовъ, трибалловъ и другихъ полудикихъ племенъ слишкомъ легко вооружена, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ противъ восточныхъ народовъ, привыкшихъ сражаться верхомъ; поэтому онъ образовалъ изъ македонянъ отрядъ димаховъ, обученныхъ, подобно нашимъ драгунамъ, дѣйствовать и въ конномъ, и въ пѣшемъ строю. Они были вооружены легче македонской пѣхоты и тяжеле легкой кавалеріи; ихъ лошади не имѣли, какъ у послѣдней, нагрудниковъ и латъ.

Хотя армія Александра, по своимъ достоинствамъ, ни въ чемъ не уступала военнымъ силамъ Персіи, однако финансы его находились въ самомъ разстроенномъ положеніи. Отецъ его оставилъ въ государственной казнѣ не болѣе шестидесяти талантовъ

(съ небольшимъ 80 тысячъ р. сер.), и потому Александръ, для окончательнаго вооруженія арміи и флота долженъ былъ прибѣгнуть къ займамъ; слѣдовательно походъ въ Азію былъ для него почти такою же необходимостью, какъ и для его отца, будучи для него единственнымъ средствомъ содержать свою армію и поправить финансы государства. Но, несмотря на затруднительное положеніе своихъ денежныхъ средствъ, Александръ былъ такъ рѣшителенъ, что переправившись чрезъ Геллеспонтъ, сломалъ за собою всѣ мосты. Онъ освободилъ македонянъ, на будущее время, отъ платежа всѣхъ налоговъ подъ такимъ же условіемъ, подъ какимъ въ средніе вѣка христіанское рыцарство всегда было свободно отъ податей, т. е. обязалъ своихъ подданныхъ слѣдовать за нимъ на войну. Передъ отправленіемъ въ походъ Александръ даже раздѣлилъ между начальниками своихъ войскъ всѣ принадлежавшіе ему лѣса и помѣстья. „Что же останется тебѣ, царь?“ спросилъ одинъ изъ его полководцевъ, Пердикка. „Надежда!“ отвѣчалъ Александръ. Изъ всѣхъ друзей и полководцевъ царя только Пердикка и весьма не многіе другіе были достаточно благородны, чтобы отказаться отъ предложеннаго подарка и отъ всякой награды раньше побѣды. „Позволь намъ, товарищамъ твоихъ подвиговъ,“ сказалъ онъ царю, „раздѣлить съ тобою и надежду.“ При такомъ положеніи финансовъ, не доставало даже средствъ для управленія Македоніею, и потому Александръ въ продолженіе азіатскаго похода долженъ былъ отъ времени до времени посылать огромныя суммы своему правителю Антипатру, которому также приходилось содержать въ Македоніи значительное войско. Передъ отправленіемъ въ походъ Александръ все таки отпраздновалъ, нещадя издержекъ, девятидневный македонскій національный праздникъ музъ, въ которомъ принимало участіе все войско. Итакъ Александръ началъ войну только съ тѣми средствами, которыя заключались въ его талантахъ и боевыхъ качествахъ его арміи; но онъ былъ, подобно отцу, убѣжденъ въ легкости завоеванія Малой Азіи,

и въ томъ, что эта страна доставитъ ему все нужное для покоренія остальныхъ частей Персидской монархіи.

Таково было положеніе Александра предъ начатіемъ похода. Напротивъ того, персидскій царь обладалъ всею внѣшностью богатства и могущества, хотя въ дѣйствительности его огромное царство было ветхимъ зданіемъ, ежеминутно грозившимъ паденіемъ. Персидское царство распалось бы еще во время вторженія въ Азію Агесилая, если бы положеніе дѣлъ въ Греціи не заставило спартанскаго царя возвратиться въ Европу (т. II стр. 29). Огромное вліяніе, которое вскорѣ послѣ того доставили персидскому царю несогласія между греками, не могло спасти Персію отъ гибели. Она была потрясена въ самомъ основаніи.

Выше (стр. 30) была изложена персидская исторія до послѣднихъ годовъ царствованія Артаксеркса II Мнемона. Этотъ царь оставилъ послѣ себя сто осмнадцать сыновей, которые всѣ имѣли нѣкоторое вліяніе на государственныя дѣла, хотя изъ нихъ только трое, Дарій, Аріаспъ и Охъ были рождены имъ отъ женъ, имѣвшихъ титулъ царицъ. Старшій изъ этихъ трехъ принцевъ былъ наконецъ назначенъ Артаксерксомъ въ соправители, но вскорѣ поссорился съ отцомъ изъ за одной женщины, и сдѣлалъ вмѣстѣ съ Тирибазомъ покушеніе на его жизнь. Заговоръ былъ открытъ и Дарій, вмѣстѣ съ Тирибазомъ и нѣкоторыми другими, поплатился за это жизнью. Послѣ того, второй изъ остальныхъ двухъ полноправныхъ принцевъ сталъ домогаться престола, стараясь оттѣснить своего брата Аріаспа. Охъ имѣлъ страстный и деспотическій характеръ, и не былъ любимъ ни своимъ отцомъ, ни прочими членами царскаго семейства. Артаксерксъ предпочиталъ ему не только Аріаспа, но и одного изъ своихъ неполноправныхъ сыновей Арсама, и намѣревался назначить кого нибудь изъ нихъ своимъ наслѣдникомъ. Охъ помѣшалъ этому двойнымъ убійствомъ. Арсамъ былъ умерщвленъ однимъ изъ его друзей, а Аріаспа онъ, различными происками, умѣлъ такъ обмануть насчетъ намѣреній отца, что этотъ принцъ, воображая, что ему готовится участь Дарія,

самъ лишилъ себя жизни, чтобы избѣжать позорнаго конца. Смерть обоихъ любимыхъ сыновей свела въ могилу девяносто четырехлѣтняго царя, и Охъ овладѣлъ тогда престоломъ (362 до р. Х.).

Охъ, по своемъ воцареніи принявшій имя Артаксеркса III, скрывалъ смерть отца до тѣхъ поръ, пока не успѣлъ умертвить своихъ братьевъ и почти всѣхъ членовъ царскаго дома. Въ теченіе всего своего царствованія онъ находился подъ вліяніемъ своего любимца Багоя, человѣка злаго, но чрезвычайно предпріимчиваго. Такъ какъ возстаніе сатраповъ Передней Азіи, подавленное незадолго до вступленія его на престолъ, совершенно разстроило финансы монархіи, то Охъ, вѣроятно по совѣту Багоя, рѣшился, для поправленія ихъ, предпринять національную войну. Египетъ не былъ еще усмиренъ, а владѣтели финикійскихъ городовъ, бывшіе прежде вассалами персовъ, держались стороны египетскаго царя. Охъ самъ принялъ начальство надъ всѣми военными силами монархіи, состоявшими изъ трехсотъ тридцати тысячъ сухопутныхъ войскъ и флота въ триста военныхъ и пятьсотъ транспортныхъ судовъ. Не смотря на эти громадныя силы, онъ былъ обязанъ побѣдою только греческимъ вспомогательнымъ войскамъ, измѣнѣ и неспособности непріятеля. Когда онъ пошелъ противъ Сидона, трусливый владѣтель этого города Теннесъ и, что было еще важнѣе, предводитель греческихъ наемниковъ Менторъ родосскій, измѣнили тѣмъ, которыхъ должны были защищать. Храбрые сидонцы сожгли всѣ свои корабли, чтобы лишить себя возможности бѣгства и принудить всѣхъ гражданъ защищаться до послѣдней крайности; но всякая надежда на спасеніе исчезла, когда Теннесъ предалъ во власть персидскаго царя часть ихъ войска вмѣстѣ съ сотнею знатнѣйшихъ жителей города, а Менторъ, вслѣдъ за тѣмъ, отворилъ непріятелю городскія ворота. Однако они предпочли славную смерть персидскому рабству, зажгли городъ, и бросились въ пламя вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. При этомъ, говорятъ, погибло не менѣе

сорока тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, городъ вскорѣ снова застроился, и через двадцать лѣтъ опять сталъ такимъ же многолюднымъ и цвѣтущимъ какъ прежде. Теннесъ получилъ возмездіе, котораго заслуживаютъ всѣ подобные измѣнники: Охъ, воспользовавшись его безсовѣстностью, тотчасъ же приказалъ умертвить его. Менторъ же, военные таланты котораго могли еще пригодиться царю, получилъ начальство въ войскѣ, и впослѣдствіи оказалъ персамъ важныя услуги.

Послѣ того Охъ двинулся въ Египетъ. Тогдашній владѣтель страны (т. II стран. 83) Нектанебъ, собравшій войско изъ восьмидесяти тысячъ египтянъ и другихъ африканцевъ и двадцати тысячъ грековъ, почти навѣрное одержалъ бы верхъ надъ персами; но въ войнѣ съ ними онъ распоряжался еще неблагоразумнѣе персидскаго царя и былъ самъ причиною своей гибели. Въ своихъ прежнихъ походахъ онъ дѣйствовалъ подъ руководствомъ двухъ талантливыхъ греческихъ полководцевъ, аѳинянина Діофанта и спартанца Ламія, но въ настоящемъ случаѣ вообразилъ, что въ состояніи самъ командовать арміей. Онъ былъ побѣжденъ, и едва могъ спасти свою жизнь бѣгствомъ во внутренность Африки. Египетъ былъ снова покоренъ персами, и жители его испытали на себѣ всю жестокость Оха: онъ приказалъ разрушить стѣны главныхъ городовъ страны и ограбилъ до чиста боговъ и людей, такъ что могъ съ громадною добычею золота и серебра возвратиться къ роскоши и удовольствіямъ своей столицы. Менторъ былъ назначенъ намѣстникомъ приморскихъ провинцій, и въ этой должности былъ особенно полезенъ своимъ умѣніемъ вербовать греческихъ наемниковъ, время отъ времени отправляя ихъ отряды во внутреннюю Азію; Вагою былъ ввѣренъ надзоръ надъ всѣми внутренними сатрапіями монархіи, и такимъ образомъ оба они раздѣлили между собою управленіе государствомъ.

Благодаря своимъ связямъ съ Менторомъ и войскамъ, которыя тотъ присылалъ ему, Вагой достигъ такого могущества, что наконецъ сдѣлался страшенъ и самому царю. Сознавая опас-

ность роли всемогущаго министра при жестокомъ и коварномъ царѣ, онъ рѣшился предотвратить свою гибель, умертвивъ послѣдняго, и избавившись отъ него посредствомъ яду (339 г. до р. Х.), возвелъ на престолъ его младшаго сына Арсеса. Въ тоже время онъ приказалъ умертвить почти всѣхъ принцевъ царскаго дома и три года управлялъ за молодаго царя; но когда послѣдній сталъ помышлять объ освобожденіи себя отъ этого ига и объ отмщеніи за смерть своего отца, Багой предупредилъ его намѣренія, велѣвъ умертвить его и почти всѣхъ остальныхъ членовъ царской фамиліи.

Между немногими изъ пощаженныхъ имъ родственниковъ царя, самымъ лучшимъ орудіемъ для достиженія его цѣлей казался Багою почти совершенно забытый всѣми правнукъ Дарія II и внучатный племянникъ Артаксеркса III. Онъ вывелъ его изъ неизвѣстности и провозгласилъ царемъ. Это былъ достойный лучшей участи, несчастный Дарій III Кодоманнъ, побѣжденный Александромъ Великимъ и своимъ паденіемъ положившій конецъ существованію Персидскаго царства. Багой хотѣлъ умертвить и его, вскорѣ по его воцареніи, потому что Дарій не хотѣлъ исполнять его желаній; но царь предупредилъ преступнаго правителя и приказалъ казнить его самого. Дарій, царствовавшій съ 336 г. до р. Х., былъ извѣстенъ своею личною храбростью, но рѣшительно не имѣлъ истинныхъ дарованій государя и полководца. Кромѣ того, Александръ началъ съ нимъ войну, когда онъ только что вступилъ на престолъ и не имѣлъ еще случая изучить свое царство и средства къ защитѣ, которыя оно могло ему дать. Къ тому же было чрезвычайно трудно, если не совершенно невозможно, возстановить порядокъ и прочность въ управленіи государствомъ, поддерживать провинціи въ связи съ цѣлымъ, и выставить войско, способное сражаться съ македонянами. Провинціи Передней Азіи были такъ легко покорены Александромъ, что кажется, будто сами жители ихъ желали, вмѣсто притѣснявшихъ и мучившихъ ихъ персидскихъ сатраповъ, получить правителей отъ царя,

обѣщавшаго возвратить имъ ихъ прежнія права и свободу; только въ самой внутренности Азіи Александръ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны туземцевъ. Само высшее управленіе монархіи было устроено такимъ образомъ, что человѣкъ дальновидный и съ характеромъ не могъ имѣть продолжительнаго вліянія въ персидскомъ государственномъ совѣтѣ. Войско же, выставленное противъ македонянъ, за исключеніемъ греческихъ наемниковъ, едва заслуживало этого имени.

Одинъ только человѣкъ — Мемнонъ родосскій, братъ названнаго нами Ментора, могъ бы еще спасти Персидскую монархію. Подобно своему брату, онъ еще въ ранней молодости отправился въ Азію искать счастья въ военной службѣ. Персидскій сатрапъ Артабазъ, женившись на его сестрѣ, досталъ обоимъ братьямъ хорошія мѣста; но, когда попытка его произвести возмущеніе не удалась (т. II стр. 86), оба они должны были бѣжать. Мемнонъ вмѣстѣ съ Артабазомъ спасся къ Филиппу, царю македонскому, а Менторъ искалъ убѣжища въ Египтѣ, и впослѣдствіи, посланный съ греческими наемниками на помощь сидонцамъ, предалъ ихъ персидскому царю. Благодаря этому, онъ пріобрѣлъ при царскомъ дворѣ огромное вліяніе и, воспользовавшись имъ, выхлопоталъ своему брату и зятю помилованіе и дозволеніе вернуться въ Персію. Послѣ того оба брата вербовали для персидскихъ царей греческія наемныя войска и ревностно занимались приготовленіями къ отраженію опасности, грозившей со стороны Македоніи. Особенно важныя услуги оказалъ персамъ Мемнонъ, сдѣлавшійся, по смерти своего брата, намѣстникомъ Малой Азіи. Онъ обладалъ военными дарованіями и опытностью, съ самой ранней молодости командуя греческими наемниками, умѣлъ привлекать ихъ къ себѣ и, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Македоніи, превосходно зналъ тамошнее положеніе дѣлъ. Онъ получилъ завѣдываніе персидскими вооруженіями противъ Александра, и составилъ для предстоявшаго похода планъ, который, быть можетъ, погубилъ бы македонянъ, если бы только способному человѣку было возможно имѣть прочное вліяніе при

персидскомъ дворѣ. Мемнонъ совѣтовалъ не вступать въ битву съ Александромъ, но постоянно отступать передъ его арміею, опустошать при этомъ окрестности, затруднять македонянамъ дальнѣйшее движеніе впередъ, и заманивать ихъ во внутреннія провинціи государства. Но этотъ превосходный планъ былъ съ презрѣніемъ отвергнутъ надменными персидскими сатрапами, командовавшими мало-азійскимъ войскомъ, въ совѣтѣ которыхъ Мемнонъ имѣлъ всего одинъ голосъ. Только послѣ позорнаго пораженія ихъ при Граникѣ Дарій передалъ главное начальство надъ войскомъ благоразумному и опытному греку. Тогда Мемнонъ составилъ новый планъ войны, который могъ бы быть очень опасенъ для македонянъ; но, къ счастію для нихъ, онъ вскорѣ послѣ того умеръ.

4. Персидскій походъ Александра до сраженія при Граникѣ.

Въ началѣ весны 334 г. до р. Х. Александръ двинулся въ Азію и безъ всякаго затрудненія переправился черезъ Геллеспонтъ. При переправѣ черезъ проливъ и вслѣдъ за тѣмъ, по приходѣ къ развалинамъ Трои, Александръ, благодаря своей поэтической натурѣ, превосходно съумѣлъ воспользоваться, для успѣха своего предпріятія, искуснымъ возбужденіемъ чувствъ и воспоминаній, дорогихъ для всякой греческой арміи. Онъ постарался въ глазахъ народа и войскъ, связать свой походъ со всѣми событіями, которыя черезъ Гомера и Геродота вошли въ живое сознаніе грековъ, съ преданіями о богахъ и герояхъ Греціи, о божественномъ Ахиллесѣ, бывшемъ его идеаломъ, и о Троѣ, символѣ персидскаго могущества. Немногіе изъ историческихъ дѣятелей умѣли совершать, какъ Александръ, великіе подвиги съ незначительными матеріальными силами, пользуясь средствами, заключавшимися въ самомъ положеніи вещей или въ духѣ народа. Въ эпоху, когда нельзя было расчитывать на продолжительное воодушевленіе самымъ дѣломъ, онъ умѣлъ возбудить это чувство къ своей собственной личности, за-

интерессовать въ своемъ предпріятіи лучшіе таланты Греціи, привлечь къ походу участіе художниковъ и философовъ своей націи, связать съ нимъ національныя идеи грековъ, и своими подвигами проложить путь новымъ воззрѣніямъ и знаніямъ.

Съ этой точки зрѣнія мы и должны судить о всѣхъ дѣйствіяхъ Александра, по прибытіи его къ Геллеспонту. На гробницѣ Протесилая, находившейся на европейскомъ берегу пролива, онъ принесъ жертву этому герою, первому изъ грековъ, павшему въ троянской войнѣ, потому что греки подъ начальствомъ Александра собирались тогда воевать съ Азіей и еще разъ отмстить за своихъ соотечественниковъ, погибшихъ нѣкогда отъ троянскаго оружія. Посреди Геллеспонта, не захотѣвшаго держать на себѣ мосты Ксеркса, Александръ совершилъ въ честь Нептуна возліяніе изъ золотой чаши, за то, что этотъ богъ, еще до троянской войны, наслалъ свои волны на владѣнія Трои. Достигнувъ азіатскаго берега, Александръ бросилъ копье въ землю этой части свѣта, которая теперь должна была быть покорена греческимъ оружіемъ, и, выйдя на берегъ первымъ изъ всей арміи, приказалъ поставить жертвенники на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ ступилъ на землю. Отъ берега Геллеспонта онъ прежде всего двинулся къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда стояла Троя, принесъ здѣсь пышныя жертвы на могильныхъ холмахъ греческихъ героевъ, павшихъ во время осады, въ особенности на могилахъ Ахиллеса и его друга Патрокла, и устроилъ игры и состязанія въ честь этихъ двухъ витязей. При этомъ онъ почтилъ Ахиллеса жертвою и возложеніемъ на его могилу вѣнковъ самъ лично, а своему другу Гефестіону приказалъ сдѣлать тоже на могилѣ Патрокла. Какъ все это должно было возбуждать энтузіазмъ греческаго войска, жаждавшаго военной славы, находившагося подъ начальствомъ молодаго героя и имѣвшаго во главѣ македонское дворянство, горѣвшее рыцарскимъ духомъ! Мемнонъ былъ совершенно правъ, не совѣтуя персидскимъ сатрапамъ, сосредоточившимъ свои силы далѣе во внутренности

страны, вступать въ бой съ такимъ войскомъ, тѣмъ болѣе что и своею численностью они немногимъ превосходили македонянъ.

Персидское войско, выступившее противъ Александра, состояло изъ ста тысячъ человѣкъ; но изъ нихъ шестьдесятъ тысячъ были простою милиціею, которая скорѣе вредила, чѣмъ приносила пользу, затрудняя движеніе арміи и отнимая всякую возможность сохранять порядокъ въ войскѣ. Впрочемъ и остальные сорокъ тысячъ человѣкъ представляли весьма странный составъ. Конница была столь же многочисленна, какъ пѣхота, а о какой нибудь системѣ въ вооруженіи и объ единствѣ въ движеніяхъ не могло быть и рѣчи. Главнокомандующаго собственно не было, и каждый сатрапъ самъ командовалъ войсками управляемой имъ провинціи. По высадкѣ Александра на берегъ Малой Азіи, войско это расположилось на небольшой рѣкѣ Граникѣ, впадающей въ Мраморное море съ юга. Здѣсь, не смотря на всѣ увѣщанія Мемнона, сатрапы рѣшились ждать македонянъ и, одержавъ надъ ними побѣду въ открытомъ полѣ, воспрепятствовать имъ продолжать свое движеніе. Александръ пошелъ на встрѣчу непріятелю и рѣшился немедленно аттаковать его. Нѣкоторые изъ полководцевъ, особенно Парменіонъ, совѣтовали ему расположиться на лѣвомъ берегу Граника и не переправляться черезъ рѣку въ виду непріятеля; но Александръ, зная свойства персидской арміи и замѣтивъ неправильное расположеніе ея, рѣшился воспользоваться ошибкою непріятелей и сказавъ, что великому Геллеспонту было бы стыдно, если бы онъ испугался маленькой рѣчки, отвергъ совѣтъ Парменіона.

Такимъ образомъ, въ концѣ мая или началѣ іюня 334 года до р. Х., было дано сраженіе при Граникѣ. Въ глазахъ персидскаго войска македоняне перешли черезъ рѣку, и напали на непріятеля, стоявшаго на другомъ берегу. Самъ Александръ, отличавшійся храбростью, силою, ловкостью, короче сказать, всѣми военными доблестями героевъ временъ Гомера или средневѣковыхъ рыцарей крестовыхъ походовъ, и теперь, какъ всегда, принялъ личное участіе въ битвѣ. Мы не станемъ упрекать его за то,

что онъ, безъ всякой нужды, ставилъ этимъ на карту судьбу своего царства, и даже цѣлаго свѣта; — Александру былъ очень хорошо знакомъ д хъ македонянъ и греческаго народа, и онъ зналъ, какое впечатлѣніе производила на нихъ ахиллесовская храбрость. Впрочемъ его личное участіе въ этомъ сраженіи едва не стоило ему жизни. Въ то время, какъ онъ поразилъ копьемъ одного персидскаго военачальника, ранившаго его въ плечо, братъ убитаго Ресакъ и сатрапъ Спитри атъ бросились на царя. Ресакъ, ударомъ меча раздробившій шлемъ Александра, былъ убитъ самимъ царемъ, но Спитридатъ, занеся свою саблю надъ обнаженною головою Александра, непремѣнно убилъ бы его, если бъ въ эту самую минуту одинъ изъ македонскихъ полководцевъ, Клитъ, не отрубилъ ему руки. Персы потерпѣли полное пораженіе, обратились въ бѣгство, и совершенно разсѣялись. Число убитыхъ простиралось по однимъ свидѣтельствамъ до тысячи, а по другимъ до двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ. Уничтоживъ персидское войско, Александръ обратился противъ греческихъ наемниковъ, остававшихся, по глупости непріятельскихъ полководцевъ, праздными зрителями сраженія. Послѣ короткой, но весьма упорной битвы, во время которой подъ царемъ была убита лошадь, они были также разбиты, и всѣ уцѣлѣвшіе изъ нихъ взяты въ плѣнъ. Потеря македонянъ была незначительна и не превышала ста пятидесяти человѣкъ.

Александръ приказалъ похоронить со всѣми почестями своихъ воиновъ, павшихъ на полѣ битвы, и позаботился объ участи ихъ родныхъ. Греческихъ же наемниковъ, попавшихся въ плѣнъ, онъ наказалъ какъ предателей своей родины, сражавшихся въ непріятельскихъ рядахъ противъ своего отечества во время войны, объявленной Персіи всѣми греческими государствами; ихъ заковали въ цѣпи, отослали въ Македонію, и тамъ осудили на каторжную работу. Александръ простилъ только ѳиванцевъ, сжалившись надъ ихъ участью. Изъ богатой добычи, найденной имъ въ персидскомъ лагерѣ, онъ приказалъ Лисиппу отлить статуи въ честь каждаго

изъ двадцати пяти македонскихъ рыцарей, павшихъ на полѣ битвы, и поставить ихъ въ одномъ изъ македонскихъ городовъ. Кромѣ того, онъ послалъ въ Аѳины триста персидскихъ боевыхъ доспѣховъ, чтобы выставить ихъ въ храмѣ Минервы, съ слѣдующею надписью: „Александръ, сынъ Филиппа, и греки,—за исключеніемъ спартанцевъ, — посвящаютъ богинѣ добычу, отнятую ими у персидскихъ варваровъ.“

5. Персидскій походъ Александра отъ битвы при Граникѣ до покоренія Киликіи.

Плодомъ побѣды при Граникѣ было обладаніе всею западною частью Малой Азіи до самыхъ горъ Тавра. Уже одно это завоеваніе само по себѣ составляло цѣлое царство, которое, при хорошемъ управленіи, могло бы сравниться съ самыми могущественными государствами новѣйшаго времени. Провинціи, лежащія при Геллеспонтѣ, были покорены безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны жителей, и намѣстникомъ былъ назначенъ Калась, главный начальникъ ѳессалійской кон ицы. Самъ Александръ, съ главными силами, пошелъ къ югу; такъ какъ для него могли быть опасны только одни греки въ непріятельскомъ войскѣ и союзъ Греціи съ персами, то главною задачею Александра было овладѣть западными и южными берегами Малой Азіи, и такимъ образомъ отдѣлить персовъ отъ грековъ. Онъ отправился къ Сардамъ, главному городу Лидіи, цитадель котораго считалась неприступною, но не успѣлъ еще появиться передъ нимъ, какъ Митринъ, начальникъ тамошняго персидскаго гарнизона, вышелъ ему на встрѣчу и безъ боя сдалъ городъ. Александръ возстановилъ въ немъ древнія свободныя учрежденія и права лидійскаго народа, и назначилъ правителемъ страны Лисандра, брата Парменіона. Но передъ возвращеніемъ своимъ изъ Египта, онъ снова вызвалъ его оттуда, пославъ на его мѣсто Менандра.

Въ Эфесѣ, одномъ изъ главныхъ городовъ Іоніи, народъ,

узнавъ о приближеніи Александра, выгналъ изъ города расположенную къ персамъ партію, и съ восторгомъ встрѣтилъ македонскаго царя и его войско, какъ соотечественниковъ и освободителей. И здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ греческихъ или полугреческихъ городахъ Малой Азіи, Александръ уничтожилъ олигархію и возстановилъ прежнюю демократію. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду привлекалъ къ себѣ массу народа, а народное сочувствіе было самымъ лучшимъ средствомъ ослабить силу Мемнона который послѣ битвы при Граникѣ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Персіи, и вошелъ въ сношенія со всѣми владѣтелями и олигархами греческихъ городовъ. Впрочемъ, возстановленіе демократіи было только возобновленіемъ прежнихъ формъ правленія, а въ дѣйствительности всѣ города попали тогда въ еще большую зависимость, чѣмъ во время персидскаго господства. Александръ,—хотя и весьма осторожно, особенно въ первое время, — забиралъ вездѣ въ свои руки верховную военную и гражданскую власть, которая не была уже пустымъ призракомъ, какъ власть сатраповъ. Но все же установленная имъ система управленія вдохнула новую жизнь въ замиравшій національный бытъ малоазійскихъ грековъ, и придала ему новое движеніе.

Милетъ,—коммендантъ котораго расчитывалъ на помощь персидскаго флота,—можно было покорить только силою. Александръ осадилъ его и взялъ приступомъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, всѣ страны Малой Азіи, населенныя греками, за исключеніемъ только Каріи и Ликіи, подпали его власти. Въ Каріи македонскій царь прекрасно воспользовался происходившими тамъ, въ это время, внутренними волненіями. Ада, вдова Идріея, наслѣдовавшая въ 350 году до р. Х. послѣ своей невѣстки Артемизіи II. (т. II стр. 84) управленіе страною, за нѣсколько лѣтъ предъ прибытіемъ Александра должна была снова отказаться отъ власти, вслѣдствіе возстанія ея брата Пиксодара, но продолжала держаться въ крѣпости Алиндѣ. По смерти Пик-

содара (въ 335 г. до р. X.) Каріею завладѣлъ одинъ знатный персъ, женатый на его дочери. Лишенная власти, законная наслѣдница, Ада съ радостью ждала въ Алиндѣ приближенія Александра, видя въ немъ своего избавителя. Александръ принялъ ея сторону, и такимъ образомъ привлекъ къ себѣ карійцевъ, весьма неохотно повиновавшихся персу и помнившихъ еще со временъ Мавзола персидскую систему угнетенія и грабительства. Вся страна была покорена очень легко, одинъ Галикарнассъ, куда удалился Мемнонъ, оказалъ сопротивленіе, и только послѣ упорной обороны былъ взятъ македонянами. Александръ передалъ власть надъ Каріей законной владѣтельницѣ, которая въ благодарность за то усыновила своего новаго повелителя и провозгласила его своимъ наслѣдникомъ.

Овладѣвъ (осенью 334 г. до р. X.) всѣми берегами Эгейскаго моря, Александръ не хотѣлъ рисковать пріобрѣтенною имъ на сушѣ славою, вступая съ персами въ морское сраженіе, исходъ котораго былъ неизвѣстенъ, и поэтому отпустилъ свой флотъ, не рѣшавшійся начинать битвы съ непріятелемъ, почти втрое сильнѣйшимъ, и требовавшій кромѣ того огромныхъ суммъ для своего содержанія. Правда, распустивъ свой флотъ, царь оставлялъ господство на морѣ за своими врагами, но за то рѣшился овладѣть на сушѣ всѣми еще непокоренными гаванями Персидскаго царства, и такимъ образомъ отнять у персовъ всякую возможность сообщенія съ своимъ флотомъ и съ Греціею. Но сама судьба покровительствовала Александру: ловкій и опытный въ военномъ искусствѣ Мемнонъ, послѣ сраженія при Граникѣ назначенный главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами Дарія, легко могъ бы дать войнѣ оборотъ весьма опасный для македонскаго царя. Онъ имѣлъ еще въ своей власти нѣкоторые пункты малоазійскихъ береговъ, завладѣлъ кромѣ того островами Хіосомъ и Лесбосомъ, и очень многіе греческіе государства выжидали только удобнаго случая выказать свою зависть къ новому македонскому могуществу. Та-

кимъ образомъ Александру грозила страшная опасность. и положеніе его становилось сомнительнымъ. Въ это время, совершенно нежданно умеръ Мемнонъ, а съ нимъ персидское войско лишилось человѣка, руководившаго всѣми предпріятіями.

Изъ Каріи Александръ двинулся впередъ. На югѣ Малой Азіи, въ Ликіи онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія, подтвердивъ за ея жителями всѣ ихъ древнія права и свободныя учрежденія, и оказавъ имъ энергическую помощь противъ сосѣднихъ разбойничьихъ племенъ. Александръ оставилъ за ликійцами ихъ прежнія учрежденія и систему управленія, удовольствовавшись только тѣмъ, что они признали его своимъ верховнымъ повелителемъ. Дальнѣйшій походъ Александра, отъ восточныхъ границъ Ликіи во внутрь Памфиліи, считался въ древности однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ его предпріятій; но въ этомъ походѣ отважный царь изъ одного нетерпѣнія подвергнулъ свое войско совершенно ненужной опасности. Одна часть его войска должна была сдѣлать длинный и трудный переходъ черезъ горы, съ другою онъ самъ тянулся вдоль берега, который въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи дневнаго пути, бываетъ сухимъ только во время безвѣтрія, а во время прохода македонянъ былъ весь покрытъ волнами, такъ что войска въ продолженіе цѣлаго дня должны были идти по водѣ.

Изъ Памфиліи Александръ пошелъ къ сѣверу во внутрь Малой Азіи, пробился чрезъ скалистыя, обитаемыя дикими племенами писидійскія горы, и такимъ образомъ открылъ новый путь сообщенія между морскими берегами и Фригіею, — рѣшимость, въ которой нельзя не узнать великаго духа Александра и характера греческой науки его времени. Потомъ войска двинулись поперекъ Малой Азіи до подошвы горъ, тянущихся на югѣ Виѳиніи и Пафлагоніи. Въ Гордіи, резиденціи прежнихъ фригійскихъ царей, Александръ соединился съ войсками, приведенными Парменіономъ изъ Сардъ, а также съ подкрѣпленіями, прибывшими изъ Македоніи и Греціи. Въ этомъ городѣ находилась пользовавшаяся повсемѣстною сла-

вою древняя колесница, ярмо которой было прикрѣплено узломъ, сдѣланнымъ такъ искусно, что въ немъ нельзя было найти ни начала, ни конца. Существовало преданіе, что тотъ, кто съумѣетъ развязать этотъ узелъ, сдѣлается повелителемъ Азіи. Александръ рѣшился извлечь для себя пользу изъ этого сказанія, и развязалъ узелъ тѣмъ, что разсѣкъ его своимъ мечемъ.

Изъ Гордіи, весною 333 г. до р. Х., Александръ снова направилъ свой путь къ югу, и черезъ горы Тавра пошелъ въ прибрежную страну Киликію, гдѣ надѣялся встрѣтить персидское войско подъ предводительствомъ самого Дарія. Получивъ извѣстіе о смерти Мемнона, персидскій царь собралъ совѣтъ своихъ вельможъ, на которомъ присутствовалъ и бѣжавшій изъ Аѳинъ начальникъ наемниковъ Харидемъ. Все собраніе держалось того мнѣнія, что необходимо вывести персидское войско противъ Александра подъ предводительствомъ самого царя, и дать сраженіе непріятелю; одинъ Харидемъ убѣждалъ Дарія не рисковать всѣмъ такъ рѣшительно, но при этомъ онъ оскорбилъ персовъ, выказавъ свое презрѣніе къ ихъ воинскимъ качествамъ и организаціи, и Дарій былъ вынужденъ пожертвовать имъ справедливому раздраженію своихъ вельможъ. По приказанію царя, Харидемъ былъ удаленъ изъ собранія и задушенъ, а совѣтъ положилъ созвать всѣ войска монархіи, и вести ихъ противъ непріятеля подъ личнымъ начальствомъ царя.

Собранное войско приближалось уже къ восточнымъ границамъ Малой Азіи, когда Александръ подошелъ къ горному проходу, соединяющему Пафлагонію и Каппадокію съ прибрежною страною Киликіей, и носившему въ древности названіе Киликійскихъ воротъ. Благодаря трусости войскъ, которымъ поручена была защита прохода, македоняне безъ боя проникли въ Киликію. Всѣ персидскіе посты, не дожидаясь непріятельскаго нападенія, оставляли безъ всякого сопротивленія позиціи, укрѣпленныя природою и искусствомъ. Въ Тарсѣ, главномъ городѣ Киликіи, Александръ по своей неосторожности опасно заболѣлъ. Въ знойный лѣтній

день онъ выкупался въ рѣкѣ Киднѣ, называющейся теперь Карасу, и, бросившись очень скоро въ холодную воду, упалъ безъ чувствъ на дно рѣки; его скоро вытащили изъ воды, но слѣдствіемъ сильной простуды была опасная болѣзнь. Всѣ врачи сомнѣвались въ возможности выздоровленія царя, а войско пришло въ ужасъ, потому что недалеко отъ него стояли главныя силы непріятеля, и съ минуты на минуту нужно было ожидать рѣшительнаго боя. Только одинъ врачъ, акарнанецъ Филиппъ, не терялъ надежды спасти больнаго, и какъ ни рисковано было предложенное имъ средство, но Александръ рѣшился его принять. Царь еще не успѣлъ выпить приготовленное Филиппомъ питье, какъ получилъ отъ своего стараго полководца Парменіона письмо, въ которомъ тотъ предостерегалъ его отъ врача и сообщалъ, что подкупленный персидскимъ золотомъ Филиппъ его имѣетъ намѣреніе отравить Не сомнѣваясь въ вѣрности Филиппа, Александръ не обратилъ никакого вниманія на предостереженіе Парменіона, и рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы видимымъ доказательствомъ довѣрія къ своему врачу привязать его къ себѣ еще сильнѣе. Онъ подалъ Филиппу письмо Парменіона, и въ то время, какъ тотъ читалъ его—выпилъ приготовленное лекарство. Къ счастію Филиппа лекарство, принятое царемъ, имѣло желанное дѣйствіе.

6. Персидскій походъ Александра отъ покоренія Киликіи до движенія въ Финикію.

По выздоровленіи, Александръ покорилъ нѣкоторыя части Киликіи и отразилъ набѣги хищническихъ племенъ, жившихъ въ горахъ. По случаю одного праздника, онъ пробылъ нѣсколько дней въ городѣ Солахъ, но и тутъ нашелъ возможность обратить въ свою пользу нерѣшительность персовъ, главныя силы которыхъ стояли въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Сиріи. Дарій съ собраннымъ имъ войскомъ, состоявшимъ изъ шести сотъ тысячъ человѣкъ, приблизился къ южнымъ границамъ Сиріи и, въ то время, какъ Алек-

сандръ выступилъ изъ Солъ, расположился лагеремъ въ разстояніи дневнаго пути отъ границъ Киликіи. Онъ долго колебался, не зная на что рѣшиться: ждать ли своего непріятеля въ обширныхъ равнинахъ Сиріи или идти ему на встрѣчу въ Киликію. Наконецъ, когда Александръ берегомъ моря уже достигъ границъ Киликіи и Сиріи, Дарій весьма неблагоразумно рѣшился дать сраженіе македонянамъ въ тѣсной береговой долинѣ. Въ этомъ сраженіи, происходившемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 333 г. до р. Х., при городкѣ Иссѣ, вблизи горнаго прохода, ведущаго изъ Сиріи въ Киликію, персы были совершенно разбиты.

Изъ всего громаднаго войска, выведеннаго Даріемъ въ этомъ сраженіи противъ македонянъ, только греческіе наемники, число которыхъ простиралось до тридцати тысячъ, и кавалерія были пріучены къ военнымъ эволюціямъ и вооружены какъ слѣдуетъ. Борьба съ ними была трудна для македонянъ; другія же безчисленныя толпы персидскаго войска тотчасъ обратились въ бѣгство, когда македоняне отважно бросились на нихъ. Греческіе наемники одни отступили въ порядкѣ съ поля битвы; двѣнадцать тысячъ изъ нихъ пробились черезъ войско Александра, и скрылись въ сосѣднія горы. Они потянулись къ финикійскому морскому городу Триполису, и сѣли тамъ на корабли, которые прежде привезли ихъ изъ Лесбоса въ Сирію. На морѣ они раздѣлились: восемь тысячъ изъ нихъ отправились въ Пелопоннесъ и вступили въ службу къ спартанцамъ, которые послали тогда небольшой флотъ къ острову Криту, остальные отправились въ Египетъ, съ намѣреніемъ овладѣть этою страною, очищенною отъ персидскихъ гарнизоновъ выведенныхъ въ Азію и уничтоженныхъ при Иссѣ. Они въ скоромъ времени заняли Мемфисъ и часть Нижняго Египта, но слишкомъ понадѣявшись на свою безопасность и увлеченные страстью къ грабежамъ, раздѣлились на небольшіе отряды, которые и были всѣ истреблены намѣстникомъ Египта.

Какъ отступленіе греческихъ наемныхъ войскъ показало, что болѣе мужественное сопротивленіе персовъ могло бы имѣть успѣхъ,

такъ, напротивъ того, совершенное уничтоженіе остальнаго войска доказало невозможность спасти персидское царство отъ Александра одними собственно персидскими войсками. Болѣе ста тысячъ человѣкъ было убито въ самомъ сраженіи и во время бѣгства, а прочіе въ безпорядкѣ бѣжали на родину. Побѣда Александра была полная, и Парменіонъ тотчасъ послѣ сраженія былъ посланъ въ Дамаскъ, чтобы захватить тамъ персидскую военную казну, весь придворный обозъ и сокровища царя и его вельможъ. Македонскій полководецъ ни на пути туда, ни при нападеніи на одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ персидскаго царства не встрѣтилъ никакого сопротивленія.

Въ числѣ плѣнныхъ были мать, одна изъ женъ и двѣ дочери персидскаго царя. Самъ онъ, когда битва приняла неблагопріятный для него исходъ, ускакалъ верхомъ, бросивъ свою дорогую колесницу, мантію, щитъ и лукъ. Услышавъ о взятіи въ плѣнъ женщинъ царской фамиліи, Александръ тотчасъ же отправилъ къ нимъ вѣстника, чтобы успокоить ихъ на счетъ участи Дарія, котораго онѣ уже оплакивали, какъ убитаго или плѣннаго, и убѣдить ихъ, что съ ними будутъ обращаться сообразно ихъ царскому достоинству. Совершенно вопреки обыкновенному обращенію всѣхъ восточныхъ побѣдителей и самихъ грековъ съ плѣнными царственными лицами,—Александръ обошелся съ персидскими принцессами не только съ деликатною кротостью, но даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Достовѣрность этого благороднаго поступка македонскаго царя, по единогласному свидѣтельству греческихъ историковъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но преданіе, сохранивши о немъ нѣкоторые, конечно, вымышленные разсказы, сдѣлало его еще интереснѣе для любителей трогательныхъ и романическихъ происшествій. По этимъ разсказамъ, въ самый день битвы, Александръ, въ сопровожденіи своего любимца Гефестіона, входилъ будто бы въ палатку принцесъ, и воспользовался случайною ошибкою плѣнницъ, принявшихъ Гефестіона за него самого, чтобы благороднымъ образомъ показать имъ и свои дружественныя отношенія къ Гефес-

стіону и свою деликатность къ несчастнымъ женщинамъ. Царица-мать, при входѣ въ палатку двухъ человѣкъ, не узнала кто изъ нихъ царь, и, обманутая величественнымъ видомъ Гефестіона, приняла его за Александра и по персидскому обычаю упала предъ нимъ на землю. Но когда Гефестіонъ, отступивъ назадъ, далъ ей понять ея ошибку, и она выразила опасеніе, что разгнѣвала царя, Александръ успокоилъ ее, ласково сказавъ: „ты не ошиблась, и онъ — Александръ".

Такъ же великодушно поступилъ Александръ и съ послами аѳинскими, спартанскими и ѳиванскими, которые, отправившись къ Дарію, попались въ плѣнъ македонянамъ въ Дамаскѣ. Онъ тотчасъ же отпустилъ домой обоихъ ѳиванскихъ пословъ, а аѳинскаго, сына знаменитаго полководца Ификрата, хотя и удержалъ при себѣ, но изъ чувства уваженія къ отцу его, и изъ желанія благосклонностью къ нему привлечь на свою сторону аѳинянъ, обходился съ нимъ не какъ съ плѣнникомъ, а какъ съ принадлежавшимъ къ собственной его свитѣ; наконецъ спартанскій посолъ, нѣсколько времени содержавшійся какъ плѣнникъ, былъ также отпущенъ на родину. Нужно сказать, что побѣда при Иссѣ была одержана въ самое благопріятное для Александра время, такъ какъ въ Греціи началось враждебное ему движеніе. Два сатрапа, назначенные послѣ смерти Мемнона начальниками персидскаго флота, не задолго до этой битвы заключили союзъ съ Спартой, и успѣли привлечь на свою сторону аѳинянъ и жившихъ въ Аѳинахъ ѳиванскихъ бѣглецовъ. По этому дѣлу было отправлено къ Дарію упомянутое нами посольство, и спартанскій царь Агисъ II уже началъ приготовляться къ походу противъ Антипатра, когда вѣсть о побѣдѣ при Иссѣ, долетѣвшая въ Грецію, разстроила всѣ планы тамошнихъ противниковъ Александра. Война на Эгейскомъ морѣ окончилась также сама собою. Финикійскіе города и правители ихъ, подчинившіеся македонскому царю, отозвали свои корабли и отдали ихъ въ распоряженіе своего новаго повелителя; самый Тиръ, одинъ изъ всѣхъ городовъ нехотѣвшій подчи-

питься Александру, долженъ былъ тоже отозвать свои корабли, потому что они были необходимы ему для собственной защиты; наконецъ и персидскіе вассалы на островѣ Кипрѣ покорились македонскому царю и передали ему свои корабли. При такомъ положеніи дѣлъ, остатокъ персидскаго флота не могъ болѣе возбуждать никакого опасенія, и всѣ дѣйствія на морѣ окончательно прекратились вслѣдствіе побѣды при Иссѣ.

7. Покореніе Финикіи и Палестины Александромъ.

Съ границъ Сиріи, куда онъ бѣжалъ нигдѣ не останавливаясь, Дарій послалъ Александру письмо, съ просьбою отпустить его семейство, и предлагалъ при этомъ условія мира. Александръ отвергъ мирныя предложенія, и въ своемъ отвѣтѣ персидскому царю прямо сказалъ, что смотритъ на себя, какъ на владѣтеля Азіи, и требуетъ со стороны его безусловной покорности. Оставивъ пока персидскаго царя въ покоѣ, Александръ отправился съ своимъ войскомъ въ Финикію, въ намѣреніи покорить эту страну, также Палестину и Египетъ, чтобы, прежде чѣмъ углубиться во внутрь персидскаго царства, имѣть уже въ своей власти всѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря. Финикіяне подчинились ему добровольно, за исключеніемъ жителей Тира, которые хотѣли остаться нейтральными и заперлись въ своемъ городѣ. Такая рѣшимость тирянъ и ихъ упорство въ отказѣ пустить въ свой городъ торжествующаго побѣдителя кажутся весьма странными, потому что Александръ постоянно обращался кротко съ жителями всѣхъ побѣжденныхъ имъ странъ, возстановилъ демократію не только между малоазійскими греками, но и въ киликійскомъ городѣ Солахъ, который и послѣ своего покоренія обнаруживалъ расположеніе къ персамъ. Изъ этого необходимо должно заключить, что были важныя причины, заставлявшія тирскую республику какъ можно долѣе оставаться вѣрною персидскому владычеству. По всей вѣроятности, причины эти заключались въ выгодныхъ торговыхъ

связяхъ ея съ внутреннею Персіею, Персидскимъ заливомъ и Арменіею, которыя и привязывали тирянъ къ персамъ гораздо сильнѣе остальныхъ финикійскихъ городовъ.

Александру не хотѣлось оставлять позади себя непокореннымъ столь важнаго города. Онъ рѣшился совершить то, что прежде него неудавалось царямъ ассирійскимъ и вавилонскимъ, несчастныя осады которыхъ были вѣроятно еще живы въ памяти тирянъ (т. I. стр. 115), и дѣйствительно взялъ Тиръ съ помощью греческой науки. Со времени осады Салманассара, Тиръ былъ перенесенъ на небольшой островъ, отдѣлявшійся отъ твердой земли проливомъ, около тысячи шаговъ въ ширину. Этотъ проливъ, совершенно уничтожившійся теперь, былъ уже отчасти засыпанъ пескомъ, еще во время Александра, потому въ македонскомъ военномъ совѣтѣ было положено докончить искусствомъ то, что было начато самою природою, т. е. построить черезъ проливъ плотину, и такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ нападеніе на Тиръ съ сухаго пути. Все войско и согнанные изъ сосѣднихъ странъ жители должны были работать надъ возведеніемъ этой плотины, самъ Александръ принялъ участіе въ работѣ и своимъ примѣромъ и одобреніемъ одушевлялъ солдатъ. Машины, построенныя на концѣ плотины, постоянно бросая въ осажденныхъ камни, бревна и стрѣлы, защищали работниковъ отъ тирянъ, которые съ своихъ стѣнъ и кораблей старались помѣшать македонянамъ довести плотину до самаго города, и парализировать дѣйствіе ихъ машинъ своими остроумными изобрѣтеніями. Убѣдившись въ невозможности взять Тиръ съ сухаго пути, Александръ рѣшился напасть на непріятеля въ родной его стихіи, вооружилъ свои корабли и окружилъ ими городъ. Жители Тира, стѣны котораго со стороны моря были не такъ крѣпки, какъ со стороны плотины, съумѣли и тутъ встрѣтить съ мужествомъ новую угрожавшую имъ опасность. Въ десяти футахъ отъ старой стѣны они построили новую, а оставшееся между обѣими пространство засыпали мусоромъ и камнями. Александръ перевезъ на свои корабли новыя машины и разрушилъ ими

часть городской стѣны. Тиряне въ свою очередь привели въ дѣйствіе всѣ свои машины и, осыпая македонянъ градомъ своихъ снарядовъ, заставили ихъ отступить, и опять возобновили стѣну.

Когда наконецъ плотина была доведена до самаго города, Александръ приказалъ построить на ней высокія башни, съ которыхъ войска его пытались, посредствомъ подъемныхъ мостовъ, взобраться на городскія стѣны. Осаждаемые также изобрѣли новые замысловатые снаряды для отраженія непріятелей, стараясь превзойти ихъ въ осадномъ искусствѣ. Они выковали длинные шесты, снабженные множествомъ крюковъ, которыми срывали стоявшихъ на башняхъ солдатъ, бросали въ осаждающихъ большія копья и серпы, опять притягивая ихъ къ себѣ веревками и машинами, огромными сѣтями стаскивали съ башенъ или запутывали македонянъ, осыпая ихъ изъ машинъ раскаленнымъ пескомъ, который, падая въ отверстія ихъ панцырей и шлемовъ, причинялъ имъ адскія мученія, и градомъ раскаленныхъ желѣзныхъ ядеръ. Однимъ словомъ: тиряне напрягли всѣ свои силы, истощали всю свою военную опытность, и, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, оказались гораздо искуснѣе, чѣмъ македоняне, въ изобрѣтеніи осадныхъ машинъ. Геройство ихъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего удивленія, что они почти не могли надѣяться выдержать осаду или дождаться подкрѣпленій. Семь мѣсяцевъ жители одного города отбивали нападенія всего македонскаго войска, съ такимъ искусствомъ и геройствомъ, которыя не уступятъ искусству и геройству осаждавшихъ; они показали міру, что борьба съ этимъ войскомъ и его предводителемъ была возможна, и пристыдили такимъ образомъ своего собственнаго повелителя, царя громадной монархіи, который во время долгой борьбы ихъ не могъ собрать войска, чтобы сдѣлать попытку освободить ихъ отъ осады.

Наконецъ Александръ усомнился въ возможности взять Тиръ, и всѣ его полководцы совѣтовали ему оставить это предпріятіе. Но онъ рѣшился сдѣлать послѣдній приступъ. Приступъ

этотъ удался, и послѣ кровавой битвы македоняне овладѣли городомъ (іюнь 332 г. до р. Х.). Часть жителей, еще съ самаго начала осады, покинула Тиръ, и въ немъ оставались въ числѣ двадцати двухъ тысячъ только тѣ, которые могли защищать его. Почти всѣ оставшіеся въ живыхъ были проданы въ рабство. Но такъ какъ множество жителей спаслось на корабляхъ, то понятно, что Тиръ могъ опять быстро подняться изъ своихъ развалинъ, и сдѣлаться столь же цвѣтущимъ, какъ и до осады.

Во время осады Александръ занялъ окрестныя горы и дефиле. Всѣ крѣпости Финикіи и Палестины добровольно отворили ему ворота, за исключеніемъ Газы, взятой только послѣ двухъ-мѣсячной осады. Израильтяне также покорились ему безъ сопротивленія. Но разсказъ о томъ, что Александръ пошелъ тогда въ Іерусалимъ и принесъ жертву въ тамошнемъ храмѣ Еговы, не что иное какъ вымыселъ позднѣйшихъ іудейскихъ писателей; самые достовѣрнѣйшіе историки похода Александра не дѣлаютъ даже намека на это, и потому несомнѣнно, что онъ не былъ въ Іерусалимѣ. Въ то время какъ Александръ покорялъ себѣ страны, лежащія между Тиромъ и Египтомъ, Дарій прислалъ въ другой разъ просить у него мира. Это не совсѣмъ вѣроятное предложеніе легенда связала съ однимъ изъ тѣхъ многихъ интересныхъ изреченій, приписываемыхъ Александру, въ которыхъ нельзя положительно отдѣлить истины отъ вымысла. Дарій, какъ разсказываютъ, предлагалъ македонскому царю власть надъ всѣми странами на западъ отъ Эвфрата, руку своей дочери и огромную сумму денегъ за освобожденіе плѣнныхъ женщинъ своего семейства. Парменіонъ былъ въ пользу принятія этихъ предложеній, и сказалъ, что если бъ онъ былъ Александромъ, то непремѣнно согласился бы на условія предлагаемыя персидскимъ царемъ; но Александръ на всѣ представляемые имъ доводы отвѣчалъ: „и я сдѣлалъ бы это, еслибъ былъ Парменіономъ.“

8. Походъ Александра въ Египетъ.

Въ Египтѣ персидскій намѣстникъ Мазакъ не умѣлъ воспользоваться какъ слѣдуетъ тѣмъ временемъ, когда Александръ былъ занятъ осадою Тира и Газы; но отчасти ему помѣшали въ этомъ и сами обстоятельства. У Мазака, бывшаго собственно вторымъ правителемъ страны, было мало персидскихъ войскъ, потому что верховный намѣстникъ Египта, съ большею частію находившихся тамъ войскъ, присоединился къ персидской арміи предъ сраженіемъ при Иссѣ. Кромѣ того, жители Египта были весьма недовольны персидскимъ господствомъ, а вербовать греческихъ наемниковъ, послѣ недавняго ихъ нападенія (т. II, стр. 319), казалось опаснымъ. По этому Мазакъ вовсе не готовился къ сопротивленію, и когда въ концѣ 332 г. до р. Х. македоняне явились въ Египетъ, онъ принялъ ихъ дружественно. Всѣ города отворили ворота македонскому царю. Александръ не хотѣлъ терять времени, и дошелъ только до Мемфиса; Верхній Египетъ необходимо долженъ былъ послѣдовать примѣру Нижняго, и Александру оставалось только покорить оазисъ Аммоній или Сиуахъ, чтобы поставить въ зависимость отъ себя страны по теченію Нила выше Египта и всю ихъ торговлю. Предъ походомъ въ Сиуахъ, онъ выбралъ на берегу моря мѣсто для построенія новой столицы этой богатой и плодоносной страны, которая теперь должна была придти въ ближайшую связь съ остальнымъ міромъ. Заложенный имъ городъ получилъ, по имени своего основателя, названіе Александрія, которая и до нашихъ поръ осталась прекраснѣйшимъ памятникомъ величія македонскаго царя, вскорѣ по смерти его пріобрѣла огромное значеніе для образованности человѣческаго рода, и способствовала взаимному сближенію греческой и египетской цивилизаціи, замѣтному въ литературѣ позднѣйшаго періода.

Затѣмъ, съ отборною частью своего войска, Александръ, слѣдуя по морскому берегу, достигъ западныхъ границъ Египта,

а оттуда, углубясь внутрь страны, чрезъ пустыню, направился къ оазису Сиуаху. Не одно только торговое и политическое значеніе этого оазиса для нильскихъ странъ побудило македонскаго царя предпринять туда походъ, но и разсчетъ на впечатлѣніе, какое эта экспедиція должна была произвести на грековъ и македонянъ. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ Александръ придавалъ большое значеніе предзнаменованіямъ, оракуламъ и чудесамъ, видя въ нихъ очень дѣйствительное средство привязать къ себѣ сердца суевѣрнаго народа. Въ оазисѣ Аммонія находился древній, пользовавшійся обширною славою, оракулъ и храмъ египетскаго бога, котораго греки называли Юпитеромъ аммонскимъ (т. I. стр. 57). Желая впослѣдствіи устроить церемоніалъ своего двора, какъ слѣдовало обладателю Азіи, по восточнымъ понятіямъ и обычаямъ, Александръ воспользовался аммонскимъ оракуломъ, чтобы малу по малу приготовить свой народъ къ этой перемѣнѣ. Онъ позволилъ верховному жрецу назвать себя сыномъ Юпитера. Старые полководцы его отца, сначала только смѣявшіеся надъ этимъ титуломъ, впослѣдствіи стали громко выражать свое негодованіе, когда намѣренія Александра обнаружились. Странно, что грекамъ и македонянамъ не понравился этотъ поступокъ ихъ великаго царя, хотя въ Геродотѣ имъ нисколько не казалось предосудительнымъ, что дельфійская жрица выразила сомнѣніе, богъ или человѣкъ былъ законодатель Ликургъ, и сами они, вскорѣ по смерти Александра, съ удовольствіемъ признавали божественныя свойства самыхъ жалкихъ египетскихъ царей, называвшихъ себя богами въ своихъ предписаніяхъ и надписяхъ на общественныхъ памятникахъ. Александръ пользовался своимъ мнимымъ божественнымъ происхожденіемъ, на которое съ тѣхъ поръ онъ всегда изъявлялъ притязаніе, просто какъ мудрый политикъ, понимавшій, что этимъ онъ могъ всего легче держать въ повиновеніи жителей востока. Только позднѣе этотъ великій человѣкъ, также подавленный избыткомъ счастья, сталъ злоупотреблять своимъ титуломъ полубога, и находилъ удовольствіе въ пустомъ блескѣ мнимаго сверхъестественнаго

величія. Онъ самъ вѣрилъ въ невидимый, высшій порядокъ вещей, и придавалъ значеніе предзнаменованіямъ и изреченіямъ оракуловъ. Но еще чаще Александръ прибѣгалъ къ народному суевѣрію, какъ къ средству для достиженія такихъ цѣлей, какихъ подобнымъ же образомъ Ксенофонтъ, совершенно не вѣрившій во все сверхъестественное, достигъ въ то время, когда былъ главнымъ вождемъ десяти тысячъ. Потому то Александръ позволилъ прорицателю Аристандру играть большую роль во всѣхъ своихъ походахъ, взялъ изъ храма Минервы въ Троѣ священный щитъ, который и носилъ съ собою во всѣхъ сраженіяхъ и битвахъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды одушевить имъ свое войско и устремить всѣ его усилія на одинъ пунктъ. По этому же самому побужденію, онъ позволилъ называть себя сыномъ Юпитера аммонскаго, стараясь въ тоже время связать греческія идеи о полубогахъ съ восточнымъ обыкновеніемъ смѣшивать все великое и могущественное съ представленіями о сверхъестественномъ и божественномъ.

Отъ оазиса Аммонія, Александръ возвратился въ Мемфисъ по другой дорогѣ. Тутъ онъ привелъ въ порядокъ египетскія дѣла, и занялся устройствомъ администраціи страны, что и сдѣлалъ съ достойною удивленія мудростью, совершенно такъ, какъ того требовали интересы его собственной власти, польза Египта и поселенныхъ тамъ грековъ. Онъ строго разграничилъ гражданское управленіе, военную администрацію и финансы, оставилъ старое раздѣленіе страны на области или номы, удержалъ туземныхъ правителей ихъ или номарховъ, и поставилъ двухъ египтянъ главными начальниками всей гражданской администраціи, а оставшіяся въ странѣ македонскія войска поручилъ двумъ изъ своихъ полководцевъ. Подати было приказано собирать по старому египетскому обыкновенію номархамъ, по областямъ, во главѣ же всего финансоваго управленія онъ поставилъ поселившагося въ Египтѣ грека, Клеомена, въ качествѣ сборщика податей, которому номархи должны были вносить собранные ими налоги. Всѣ эти распо-

ряженія были превосходны, и вполнѣ соотвѣтствовали характеру страны и ея жителей; римляне, покоривъ Египетъ, послѣдовали примѣру Александра, и точно такимъ же образомъ устроили администрацію этой провинціи. Только въ выборѣ Клеомена Александръ ошибся.

Для увеличенія казны Александра и для своего собственнаго обогащенія, Клеоменъ употреблялъ самыя жестокія, насильственныя мѣры, и это было для него тѣмъ легче, что номархами были туземцы, а не греки или македоняне, которыхъ конечно трудно было бы заставить переносить безропотно всѣ притѣсненія. Такимъ образомъ то, что было для Египта благодѣяніемъ, и что по мнѣнію Александра могло лучше всего гарантировать хорошее управленіе страною, стало, вслѣдствіе выбора Клеомена, источникомъ бѣдствій для ея жителей. Для вымогательства у нихъ денегъ, Клеоменъ пользовался всѣми возможными случаями. Такъ напримѣръ, онъ объявилъ однажды жрецамъ одного нома, въ которомъ крокодилы почитались священными животными, что хочетъ сдѣлать на нихъ охоту, потому что жертвою ихъ сдѣлались нѣсколько человѣкъ изъ его свиты. Чтобы спасти своихъ священныхъ животныхъ, жрецы собрали большую сумму денегъ, и Клеоменъ за этотъ подарокъ охотно отказался отъ своего намѣренія, котораго, конечно, онъ и не думалъ приводить въ исполненіе. Въ другой разъ онъ скупилъ весь хлѣбъ и продавалъ его жителямъ въ четверо дороже обыкновенной цѣны; цѣну же онъ могъ назначить какую угодно, потому что ни откуда нельзя было ожидать подвоза хлѣба. Даже самое основаніе Александріи послужило Клеомену отличнымъ средствомъ для вымогательствъ. Чтобы скорѣе поднять значеніе этого города, Александръ приказалъ перевести въ него всѣхъ купцовъ и корабли изъ гавани Канопа, находившейся въ трехъ миляхъ отъ Александріи; жители Канопа, желая избавиться отъ этой насильственной мѣры, еще до постройки города, предложили Клеомену деньги. Клеоменъ принялъ ихъ, но, когда Александрія была заложена, подъ разными предлогами снова

потребовалъ отъ нихъ такую огромную сумму, которую они никакъ не могли заплатить, и такимъ образомъ должны были переселиться въ этотъ городъ. Александръ, благосклонность котораго къ себѣ Клеоменъ умѣлъ поддерживать, былъ слишкомъ слабъ въ отношеніи къ нему, и прощалъ своему корыстолюбивому намѣстнику злоупотребленія по управленію страною. Послѣ смерти Александра онъ получилъ заслуженное наказаніе: македонскій полководецъ Птолемей, сдѣлавшись властителемъ Египта, приказалъ умертвить его, и такимъ образомъ получилъ двойную пользу: ему досталась, во первыхъ, значительная сумма денегъ, собранная притѣсненіями Клеомена, а, во вторыхъ, умерщвленіемъ мучителя египтянъ онъ пріобрѣлъ себѣ ихъ сочувствіе.

Завоеваніемъ Египта Александръ докончилъ покореніе западныхъ береговыхъ земель Персидскаго царства. Онъ владѣлъ теперь богатѣйшими странами того времени, снабжавшими тогда Европу произведеніями Востока, и могъ уже съ бо́льшею увѣренностью начать походъ во внутрь Азіи, для преслѣдованія несчастнаго персидскаго царя, который между тѣмъ еще разъ собралъ вокругъ себя всѣ военныя силы своего царства. Прежде чѣмъ Александръ оставилъ Египетъ, къ нему подошли изъ Европы новыя подкрѣпленія, въ которыхъ съ этихъ поръ онъ уже не имѣлъ недостатка, такъ какъ у него было довольно денегъ для совершеннаго удовлетворенія алчности греческихъ наемниковъ. Весною 331 года до р. Х. Александръ выступилъ съ войскомъ изъ Мемфиса, и чрезъ Финикію и Сирію двинулся къ рѣкѣ Эвфрату.

9. Персидскій походъ Александра отъ завоеванія Египта до покоренія собственной Персіи.

Чтобы понять разсказы о походѣ Александра во внутренность Персидскаго царства, нужно вспомнить походы Кортеса и Писарро противъ Мехики и Перу, или войны англичанъ въ Индіи. Тутъ, какъ и тамъ, цѣлыя массы народовъ вооруженныхъ, но слабыхъ

силою духа и неопытныхъ въ военномъ искусствѣ, бѣгутъ передъ небольшимъ числомъ дисциплированныхъ и мужественныхъ воиновъ, хотя этимъ и рѣшается судьба ихъ собственной родины. Мы не знаемъ настоящихъ намѣреній персидскаго двора, потому что до насъ не дошли сочиненія современныхъ историковъ, но какой бы планъ ни былъ у Дарія, во всякомъ случаѣ выполненіе его было весьма неудачно. Одинъ персидскій отрядъ подъ начальствомъ Мазея и Тапсака былъ посланъ на Эвфратъ къ тому пункту, гдѣ пролегала обыкновенная переправа черезъ эту рѣку, чтобы воспрепятствовать переходу македонянъ. Мостъ, находившійся въ этомъ мѣстѣ, былъ на половину разрушенъ персами; однако по приближеніи македонскаго войска Мазей обратился въ бѣгство, не сдѣлавъ никакой попытки удержать его. Другому персидскому полководцу поручено было не допускать македонянъ до перехода черезъ Тигръ, но когда Александръ въ одномъ очень опасномъ мѣстѣ, въ которомъ легко можно было бы задержать его, перешелъ черезъ рѣку, персъ занялся опустошеніемъ страны лежащей на Тигрѣ, съ цѣлію лишить непріятеля средствъ къ продовольствованію войска.

Дарій, собравшій во время дѣйствій македонянъ въ Финикіи и Египтѣ громадное войско, надѣялся заманить своего непріятеля въ пустыни, лежащія на сѣверо-востокѣ Сиріи, гдѣ, спустя три столѣтія, погибъ съ своими войсками римлянинъ Крассъ. Но Александръ не допустилъ обмануть себя, подобно Крассу. Онъ пошелъ чрезъ нынѣшнія страны Діарбекръ и Моссулъ, внизъ по Тигру, къ рѣкѣ Большому Забу, гдѣ при подошвѣ Курдскихъ горъ простирается обширная равнина. Тутъ встрѣтилъ онъ войско Дарія, тотчасъ же давшаго сраженіе, котораго съ нетерпѣніемъ желалъ самъ Александръ. Число войскъ противопоставленныхъ Даріемъ арміи Александра, состоявшей приблизительно изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, насчитываютъ (неизвѣстно на какихъ основаніяхъ) до милліона. Не смотря на такой громадный числительный перевѣсъ непріятеля, Александръ уже напередъ былъ такъ увѣренъ

въ побѣдѣ,что не послушался совѣта Парменіона, убѣждавшаго его напасть на непріятеля внезапно ночью, думая, что черезъ это лишится той славы, которую должна была доставить ему битва, или, какъ самъ онъ сказалъ, потому, что „не хотѣлъ украсть побѣды.“ Въ твердой надеждѣ на успѣхъ битвы, Александръ, передъ самымъ сраженіемъ, проспалъ всю ночь до самаго утра; и онъ совершенно основательно могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ, если только справедливы разсказы древнихъ историковъ о персидскомъ войскѣ, которое состояло, по ихъ словамъ, изъ всякаго сброда, не пріученнаго ни къ порядку, ни къ правильныхъ движеніяхъ.

Въ началѣ октября 331 г. до р. Х., близъ ассирійскихъ мѣстечекъ Арбелы и Гавгамелы, произошло рѣшительное сраженіе. Македоняне, потерявъ неболѣе пятисотъ человѣкъ, одержали побѣду; персидское войско было совершенно уничтожено и потеряло въ битвѣ и во время бѣгства почти сто тысячъ человѣкъ убитыми. Александру досталась огромная добыча, и, между прочимъ, колесница, щитъ и лукъ Дарія. Персидскій царь, съ небольшимъ числомъ войска, собраннаго имъ на скорую руку, ушелъ въ Экбатану, столицу Мидіи, а персидскіе полководцы Аріобарзанъ и Мазей, съ остатками арміи, искали спасенія въ Вавилонѣ и собственной Персіи. Предоставивъ Дарія его собственной участи, Александръ поспѣшилъ овладѣть южными частями Персидской монархіи, и пошелъ противъ Вавилона, гдѣ Мазей, не смѣя сопротивляться, тотчасъ отворилъ ему ворота города. Вступивъ въ Вавилонъ, Александръ тотчасъ обѣщалъ жителямъ возвратить городу его прежнее величіе и туземную религію, велѣлъ вновь построить храмы, разрушенные нѣкогда персами, пригласилъ халдеевъ возстановить древнее свое богослуженіе, и искусно польстилъ имъ и народу, принеся самъ жертву ихъ главному богу. Во время пребыванія Александра въ Вавилонѣ, македонскій полководецъ Филоксенъ, посланный съ поля битвы при Арбелѣ въ собственную Персію, счастливо достигъ Сузы. Этотъ городъ добровольно сдался ему,

а вмѣстѣ въ нимъ македоняне овладѣли казною, состоявшею по меньшей мѣрѣ изъ сорока тысячъ талантовъ чистыми деньгами, (около пятидесяти пяти милліоновъ руб.) и множества драгоцѣнностей. Между доставшеюся тамъ добычею находились и статуи славныхъ аѳинянъ Гармодія и Аристогитона, которыя Ксерксъ увезъ съ собою изъ своего похода въ Грецію (т. I, стр. 329). Александръ тотчасъ же возвратилъ ихъ аѳинянамъ, пользуясь всякимъ случаемъ привязать къ себѣ сердца аѳинскаго народа, постоянно гордившагося славою своихъ предковъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ Вавилонѣ, Александръ выступилъ къ Сузѣ. На дорогѣ догнали его шедшія изъ Европы подкрѣпленія, состоявшія изъ шести тысячъ шести сотъ македонянъ, пяти тысячъ пелопоннесцевъ, и четырехъ тысячъ ста человѣкъ ѳракійцевъ. Изъ Сузы онъ поспѣшилъ покорить собственную Персію, и въ этомъ походѣ встрѣтилъ сопротивленіе только въ горахъ, лежащихъ между Сузою и Персеполемъ, но и оно было незначительно. Дикіе горные народы, старавшіеся затруднить ему переходъ черезъ ихъ страну, были легко отражены, а войско Аріобарзана было точно также перебито, или обращено въ бѣгство. Македоняне овладѣли потомъ безъ всякаго труда древними персидскими городами, Пасаргадою и Персеполемъ.

10. Возстаніе въ Греціи подъ предводительствомъ царя спартанскаго Агиса II.

Около того времени, когда Александръ покорялъ себѣ собственную Персію и преслѣдовалъ бѣгущаго оттуда Дарія, спартанцы старались возбудить противъ него движеніе въ самой Греціи. Имъ навѣрно удалось бы начать очень опасную войну противъ македонскаго царя, если бы онъ съ великою, — впрочемъ болѣе свойственною его отцу, чѣмъ ему-самому — политическою мудростью постоянно не разъединялъ аѳинянъ со спартанцами, и чрезъ это не помѣшалъ бы распространенію начинавшагося возстанія. Александръ,

какъ мы уже видѣли, воспользовался первою же своею побѣдою, чтобы польстить честолюбію аѳинскаго народа (т. II, стр. 313); для той же цѣли послужило ему впослѣдствіи и то обстоятельство, что одинъ изъ аѳинянъ, отправленный посломъ къ персидскому царю, попалъ въ его руки въ Сиріи (т. II, стр. 321). Когда, во время похода Александра изъ Египта къ Эвфрату, явилось къ нему въ Тиръ посольство изъ Аѳинъ, чтобы пожелать побѣды во всѣхъ битвахъ, онъ принялъ его очень милостиво и даровалъ свободу аѳинянамъ, попавшимся въ плѣнъ въ сраженіи при Граникѣ. Наконецъ, изъ Сузы онъ послалъ аѳинянамъ статуи Гармодія и Аристогитона. Цѣль Александра была совершенно достигнута, такъ что и самъ Демосѳенъ, кажется, не могъ бы заставить ихъ принять участіе въ войнѣ съ Македоніею, которую готовились начать спартанцы.

Въ лицѣ Агиса II, Спартанское государство имѣло тогда во главѣ своего правленія человѣка весьма предпріимчиваго, старавшагося съ нѣкотораго времени возбудить всеобщее возстаніе греческой націи противъ македонскаго владычества. Чтобы облегчить исполненіе задуманнаго плана, онъ привлекъ къ себѣ восемь тысячъ греческихъ наемниковъ, участвовавшихъ въ битвѣ при Иссѣ (т. II, стр. 319), и возбудилъ бунтъ въ Ѳракіи. Вѣсть о побѣдѣ Александра при Арбелѣ заставила его и другихъ грековъ сдѣлать послѣднее и крайнее напряженіе силъ, прежде чѣмъ персидское войско будетъ совершенно уничтожено. Для этого Агисъ собралъ значительное войско, и склонилъ взяться за оружіе почти весь Пелопоннессъ. Возбужденное спартанскимъ царемъ волненіе быстро распространилось и въ другихъ частяхъ Греціи; вѣроятно вся Греція возстала бы противъ македонянъ, если бъ Агису удалось нанести пораженіе войску македонскаго намѣстника Антипатра. А если бы искусною политикою Александра Аѳины не были склонены оставаться въ покоѣ, то Антипатру, съ самаго начала, пришлось бы можетъ быть бороться не съ одними только государствами Пелопоннесса.

Агисъ собралъ войско, состоявшее изъ двадцати-тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ тысячъ конницы, и началъ войну осадою Мегалополя, который одинъ изъ всѣхъ пелопоннесскихъ городовъ, вмѣстѣ съ Пелленою въ Ахаіи, не принималъ участія въ возстаніи. Съ первою вѣстью о началѣ войны, Антипатръ, окончивъ какъ можно скорѣе ѳракійскую войну миромъ, поспѣшилъ въ Пелопоннессъ съ сорока тысячами человѣкъ, и еще во время подоспѣлъ къ Мегалополю, который былъ уже готовъ сдаться. Оба предводителя желали скорѣй покончить дѣло, и потому, по прибытіи Антипатра, тотчасъ произошла кровопролитная битва (августъ 330 г. до р. Х.). Войска сражались съ такимъ ожесточеніемъ, что со стороны македонянъ пало три тысячи пятьсотъ, а со стороны пелопоннесцевъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Антипатръ одержалъ побѣду, но она обошлась ему гораздо дороже побѣдъ Александра въ Азіи, что можно видѣть изъ сравненія потерь, понесенныхъ послѣднимъ при Граникѣ и другихъ битвахъ, съ числомъ павшихъ при Мегалополѣ. Агисъ умеръ геройскою смертью, достойною его родины. Когда его раненнаго унесли съ поля битвы, онъ отпустилъ отъ себя своихъ спутниковъ, и велѣлъ имъ идти сражаться за отечество. Приказавъ снова надѣть на себя доспѣхи, онъ и самъ возвратился на поле сраженія, но, не будучи въ состояніи стоять прямо, бился съ наступавшимъ непріятелемъ, упершись колѣномъ на землю, и умеръ, положивъ на мѣстѣ многихъ враговъ.

Геройская смерть Агиса и множества павшихъ съ нимъ соотечественниковъ показываетъ, что между тѣмъ какъ Аѳины давно уже передали военную службу наемнымъ иностранцамъ, у спартанцевъ еще сохранялись воинскія доблести прежняго времени, хотя суровость нравовъ давно уже изчезла между ними, и политическія и полицейскія учрежденія ихъ уступили духу новаго времени.

Вслѣдствіе побѣды при Мегалополѣ, могущество Спарты было совершенно уничтожено. Антипатръ удовлетворился тѣмъ, что лишилъ ее возможности вредить Македоніи, и не хотѣлъ воспользоваться всѣми плодами своей побѣды, опасаясь возбудить зависть

въ Александрѣ, и ожидая возобновленія волненій во Ѳракіи. Кромѣ того, войско его было собрано съ большимъ трудомъ, и онъ не могъ содержать его долгое время. Поэтому, когда братъ и преемникъ Агиса, Эвдамидъ 1, сталъ просить Антипатра о мирѣ, онъ только заставилъ спартанцевъ отправить посольство къ Александру съ изъявленіемъ покорности. Александръ простилъ ихъ, приказавъ имъ заплатить сто-двадцать талантовъ (сто шестьдесятъ тысячъ р. сер.) жителямъ Мегалополя въ вознагражденіе за понесенныя ими потери.

11. Персидскій походъ Александра, отъ покоренія собственной Персіи до завоеванія Бактріи и Согдіаны.

Въ началѣ 330 года до р. Х., Александръ рѣшился выступить изъ Персеполя къ Экбатанѣ, — лѣтней резиденціи персидскихъ царей, и покореніемъ всѣхъ столицъ и главныхъ городовъ Персидскаго царства докончить низверженіе царствовавшей династіи. Теперь онъ уже торжественно объявилъ всему Востоку о намѣреніи покорить Персидское царство, называя это завоеваніе только перемѣною династіи. Въ Персеполѣ и Пасаргадѣ, гдѣ онъ прожилъ четыре мѣсяца, ему достались такія сокровища, что позднѣйшіе историки Александра, конечно преувеличивая, утверждаютъ, что для перевозки ихъ потребовалось будто бы три тысячи верблюдовъ и еще болѣе муловъ. Въ Персеполѣ Александръ, говорятъ, въ отмщеніе за жестокости Ксеркса, разрушившаго нѣкогда храмы Греціи и городъ Аѳины, приказалъ сжечь царскій дворецъ; разсказываютъ, что эту мысль подала на торжественномъ пиршествѣ разгоряченному виномъ побѣдителю знаменитая греческая танцовщица Таиса, и сама бросила во дворецъ первую горящую головню. Хотя мы и не знаемъ что именно заставило Александра приказать сжечь дворецъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ при этомъ какую нибудь другую цѣль. Многіе историки говорятъ, что Александръ тотчасъ раскаялся въ

своемъ поступкѣ и приказалъ тушить пожаръ. Во всякомъ случаѣ дворецъ не могъ сгорѣть совершенно, потому что почти весь былъ построенъ изъ гранита.

Организовавъ новую систему управленія для Персидскаго царства, Александръ пошелъ къ Экбатанѣ, нынѣшнему Гамадану, куда бѣжалъ Дарій послѣ битвы при Арбелѣ. Услышавъ, что воинственные народы, обитающіе на сѣверѣ царства, послали персидскому царю помощь, и что послѣдній рѣшился еще разъ дать сраженіе, Александръ спѣшилъ къ Экбатанѣ, но уже не нашелъ тамъ Дарія. Персидскій царь, напрасно прождавъ обѣщанной помощи, ушелъ въ Пареію чрезъ такъ называемыя Каспійскія ворота, горный проходъ въ южной части Мазандерана. Сдѣлавъ въ Экбатанѣ нѣсколько необходимыхъ распоряженій относительно управленія Мидіей, Александръ отправился въ погоню за непріятелемъ. Онъ нашелъ Каспійскія ворота не занятыми персидскимъ войскомъ, хотя они и представляли всѣ удобства для обороны. Точно также непріятель не пытался задержать его и далѣе на востокѣ, въ горахъ, чрезъ которыя онъ долженъ былъ идти.

Находясь отъ бѣгущаго Дарія въ разстояніи только нѣсколькихъ дней пути, Александръ узналъ черезъ перебѣжчиковъ о томъ печальномъ положеніи, въ какое поставленъ былъ персидскій царь сопровождавшими его вельможами. Нѣкоторые персы изъ свиты Дарія и во главѣ ихъ Бессъ, — намѣстникъ Бактріи или теперешней страны Балхъ, — составили заговоръ и завладѣли царемъ, рѣшившись увезти его съ собою въ недоступную Бактрію, чтобы предать Александру и тѣмъ купить себѣ у него выгодный міръ. Они спѣшили съ плѣннымъ царемъ и большею частью его войска въ Бактрію, стараясь достигнуть ее прежде Александра, шедшаго по ихъ слѣдамъ; онъ въ свою очередь, узнавъ объ этомъ намѣреніи, употребилъ всѣ средства, чтобы догнать ихъ. Онъ оставилъ позади бо́льшую часть своихъ войскъ, а съ остальными, съ невѣроятною быстротою, погнался за бѣгущими предателями

царя. Когда наконецъ онъ сталъ настигать ихъ, заговорщики, отчаявшись въ возможности везти съ собою плѣнника далѣе, нанесли ему смертельную рану, и бросили на дорогѣ, надѣясь, что гнавшійся за ними непріятель будетъ задержанъ такимъ образомъ и доставитъ имъ возможность уйти отъ него. И дѣйствительно имъ удалось избѣжать плѣна. Александръ достигъ тѣла несчастнаго царя черезъ нѣсколько минутъ по его смерти. Позднѣйшіе греческіе историки, разсчитывавшіе на эффектъ, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать изъ кончины послѣдняго персидскаго царя трогательную сцену. По разсказамъ ихъ, нѣкоторые македоняне подоспѣли прежде Александра къ умирающему Дарію, который попросилъ у нихъ воды, чтобы освѣжить свой засохшій языкъ, и когда одинъ изъ нихъ исполнилъ просьбу несчастнаго царя, тотъ будто бы поблагодарилъ его, сказавъ: „глубоко сожалѣю, что не могу отплатить тебѣ за твое благодѣяніе, но великодушный Александръ сдѣлаетъ это вмѣсто меня; черезъ тебя протягиваю ему свою руку,“ и тотчасъ послѣ того умеръ (іюль 330 года до р. Х.). Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ къ нему Александръ, покрылъ трупъ своею мантіею, и приказалъ отвезти его въ Персеполь, чтобы похоронить тамъ въ царскихъ гробницахъ.

По праву войны, и международному праву, съ древнѣйшихъ временъ господствующему на востокѣ, завоеватель страны признается всѣми законнымъ ея владѣтелемъ съ минуты кончины своего противника. Поэтому Александръ не только фактически, но и по юридическимъ понятіямъ покореннаго имъ народа, сталъ теперь царемъ Персидскаго царства. Онъ возложилъ на себя тогда же часть украшеній персидскихъ царей, и, какъ законный преемникъ Дарія, сдѣлался мстителемъ за смерть его, рѣшившись довершить свою побѣду наказаніемъ убійцъ царя. Составившіе заговоръ сатрапы, послѣ убійства Дарія, бѣжали въ различныя провинціи, лежавшія на сѣверо-востокѣ Персидскаго царства. Александръ началъ преслѣдованіе ихъ тѣмъ, что овладѣлъ Гирканіей и Пароіей,

или теперешнимъ Мазандераномъ, Дагестаномъ и Хорасаномъ, — странами, находящимися на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, куда удалились нѣкоторые изъ убійцъ съ своими наемными войсками. Они добровольно сдались побѣдителю и получили прощеніе. Послѣ того Александръ отправился въ провинцію Арію, — восточную часть нынѣшняго Хорасана, — сатрапъ которой Сатибарзанъ тотчасъ же ему подчинился. Здѣсь македонскій царь узналъ, что Бессъ, принявъ въ Бактріи титулъ царя и имя Артаксеркса, ждетъ только помощи отъ сосѣднихъ скиѳскихъ ордъ, чтобы идти противъ македонянъ. Завоеватель Персидскаго царства поспѣшилъ въ Бактрію, но принужденъ былъ вернуться съ дороги, получивъ извѣстіе, что Сатибарзанъ произвелъ возмущеніе.

Возстаніе Сатибарзана заставило македонскаго царя совершенно измѣнить составленный имъ планъ. Онъ рѣшился проникнуть въ Бактрію съ другой стороны, а сначала отправился противъ Сатибарзана, бѣжавшаго при его приближеніи въ Бактрію, и въ скоромъ времени покорилъ его провинцію. Отсюда онъ пошелъ далѣе къ югу въ страну Седжестанъ или Дрангіану древнихъ, бывшую сатрапіей одного изъ убійцъ Дарія, Барзаента. Послѣдній при приближеніи Александра также обратился въ бѣгство, и страна его была покорена безъ всякаго труда. На крайнихъ южныхъ предѣлахъ Дрангіаны, Александръ встрѣтилъ аріасповъ, государственное устройство которыхъ, въ противоположность другимъ жителямъ востока, было организовано по греческому образцу, и которые своею цивилизаціею и всѣми обычаями были очень похожи на грековъ. Александръ оказалъ этому народу такое же уваженіе, какъ и греческимъ племенамъ въ Европѣ, обращался съ нимъ, какъ съ народомъ свободнымъ, оставилъ ему прежнія его государственныя учрежденія, и потребовалъ только номинальной зависимости.

Въ Дрангіанѣ обнаружилось въ македонскомъ войскѣ неудовольствіе, возбужденное особенно тѣмъ, что Александръ сталъ смотрѣть на себя какъ на персидскаго царя, сообразно этому во-

многихъ случаяхъ принималъ замашки восточныхъ царей, и поступалъ съ новыми своими подданными уже не такъ, какъ съ народомъ побѣжденнымъ. Хотя управленіе финансами и военную власть въ нѣкоторыхъ частяхъ царства онъ постоянно отдавалъ македонянамъ, но гражданскихъ намѣстниковъ провинцій и другихъ чиновниковъ выбиралъ часто изъ среды персидскихъ вельможъ. Кромѣ того, въ торжественныхъ случаяхъ, онъ иногда являлся въ костюмѣ персидскихъ царей, заботился о прежней царской фамиліи, и обращался съ находившимися въ его свитѣ персами точно такъ же, какъ и съ македонянами. Все это возбуждало ропотъ въ македонскомъ войскѣ, которое хотѣло одно пользоваться плодами своей побѣды и властвовать надъ побѣжденными. Недовольство македонянъ усиливалось и отъ того еще, что Александръ не давалъ имъ отдыха, а заставлялъ постоянно слѣдовать за полетомъ своей честолюбивой души. Царю стоило тогда большаго труда заставить войска итти далѣе. Настроеніе ихъ духа было такъ сомнительно, что Антипатръ, узнавъ объ этомъ, заключилъ тайный союзъ съ этолійцами, чтобы обезопасить себя на всякій случай, и въ случаѣ нужды имѣть возможность противопоставить силѣ силу.

Слѣдствіемъ неудовольствія въ войскѣ былъ заговоръ, составленный противъ Александра многими военачальниками, и открытый царю во время его пребыванія въ главномъ городѣ Дрангіаны. Нѣкоторые македоняне, занимавшіе незначительныя должности въ свитѣ Александра, захотѣли лишить его жизни, инціатива же этого заговора принадлежала, какъ говорятъ, высшимъ сановникамъ, въ рукахъ которыхъ первые были только орудіями. Александръ тотчасъ же приказалъ задержать нѣсколькихъ изъ начальниковъ, въ числѣ которыхъ находился и товарищъ его дѣтства, Филотъ, сынъ Парменіона. Отецъ этого молодаго человѣка, одинъ изъ старшихъ полководцевъ Филиппа и, вмѣстѣ съ Антипатромъ, самый знатнѣйшій изъ всѣхъ македонянъ, уже давно былъ въ ссорѣ съ Александромъ. Въ битвѣ при Арбелѣ онъ не

въ точности выполнилъ свои обязанности, и за это былъ оставленъ въ Мидіи. Филотъ, гордость котораго была оскорблена этимъ поступкомъ царя съ его отцомъ, игралъ съ тѣхъ поръ роль обиженнаго, постоянно хвасталъ подвигами своего отца, и презрительно выражался объ Александрѣ. Въ заговорѣ противъ царя подозрѣніе падало на него потому, что извѣстіе объ этомъ заговорѣ прежде всего было сообщено Филоту, который долженъ былъ донести о немъ царю, но не исполнилъ этого, не смотря на вторичное о томъ напоминаніе. Участвовалъ ли онъ самъ въ заговорѣ, или нѣтъ, нельзя рѣшить съ достовѣрностью. Александръ созвалъ войско, что бы по древнему македонскому обычаю произвести предъ лицемъ его судъ надъ Филотомъ и другими заговорщиками. Обвиненный въ составленіи, вмѣстѣ съ Парменіономъ, заговора противъ царя, Филотъ защищался безъ всякаго успѣха, и войско осудило его, вмѣстѣ съ другими обвиненными, на смерть. Чтобы вынудить отъ Филота признаніе, которое дало бы поводъ запутать въ преступленіе сына и самого Парменіона, Александръ приказалъ пытать его, и такимъ образомъ достигъ, чего желалъ. Потомъ, вмѣстѣ съ другими осужденными, по обычаю македонянъ, Филотъ былъ побитъ каменьями.

Еще хуже поступилъ Александръ съ отцомъ Филота, — Парменіономъ. Онъ открыто старался запутать его въ заговорѣ, и естественно долженъ былъ опасаться, что Парменіонъ, взбѣшенный этимъ и потерею своего сына, будетъ стараться отмстить ему. Александру предстояла серьёзная опасность, потому что Парменіонъ пользовался большимъ уваженіемъ войска, и, какъ главнокомандующій въ Мидіи, могъ воспользоваться для возстанія пріобрѣтенными сокровищами персидскихъ царей, свезенными въ главный городъ его намѣстничества. Александръ рѣшился умертвить его коварнымъ образомъ. Одинъ ѳракійскій князь, находившійся въ войскѣ, и двое греческихъ начальниковъ приняли на себя исполненіе этого дѣла. Они отправились въ Экбатану, прибыли въ этотъ городъ прежде чѣмъ успѣла дойти туда вѣсть о

казни Филота, и убили стараго воина, встрѣтившаго ихъ безъ всякихъ опасеній. Александръ освободилъ себя отъ заслуженнаго полководца точно такимъ же образомъ, какъ обыкновенно поступали турецкіе султаны съ опасными для себя пашами, т. е. убивали ихъ безъ всякаго суда, посредствомъ подосланныхъ убійцъ. Впрочемъ, какъ велико было тогда недовольство между македонскими полководцами, можно видѣть изъ того, что по случаю процесса Филота многіе изъ нихъ, какъ Полемонъ, Аминтъ, Атталъ и Симмій, находились въ подозрѣніи. Эти военачальники, изъ которыхъ первый командовалъ конницею, а трое другихъ фалангою, также обвиненные передъ войскомъ, были однако оправданы имъ. Александръ принялъ приговоръ войска и болѣе не преслѣдовалъ ихъ. Если въ этомъ случаѣ онъ, подобно своему отцу, уважилъ и свято сохранилъ древній македонскій законъ, то тѣмъ болѣе поступокъ его съ Парменіономъ бросаетъ темное пятно на его характеръ, и показываетъ перемѣну въ его настроеніи и образѣ дѣйствій, начавшую съ этихъ поръ высказываться все замѣтнѣе и замѣтнѣе.

Изъ Дрангіаны Александръ отправился къ сѣверовостоку. Сначала онъ шелъ вверхъ по рѣкѣ Хильменду, а потомъ, черезъ нынѣшній Кандагаръ и Кабулъ, направился къ подошвѣ высокихъ и дикихъ горъ, которыя называются Индійскимъ Кавказомъ или Гинду-Ку, а въ западномъ своемъ протяженіи Паропамисомъ, и служатъ южной границей Бактріи или Балха. Слѣдуя этому пути, онъ сначала достигъ страны арахосійцевъ или сѣвернаго Афганистана, потомъ страны паропамисадовъ, перваго индійскаго народа, съ которымъ онъ пришелъ въ соприкосновеніе. Оба народа тотчасъ покорились ему. Въ послѣдней странѣ Александръ провелъ нѣсколько времени, желая дождаться конца сильныхъ зимнихъ холодовъ, чтобы потомъ чрезъ Гинду-Ку идти въ Бактрію. Еще до конца зимы, онъ началъ свой походъ и перешелъ черезъ эту широкую и трудно проходимую цѣпь горъ по пути, ведущему чрезъ Баміанъ и проходъ Дунданъ-Шиканъ. Александръ

только съ величайшими трудностями могъ пройти черезъ эти снѣжныя, необитаемыя горныя страны, гдѣ воины его питались убитымъ вьючнымъ скотомъ и кореньями, и терпѣли страшный холодъ. Переходъ чрезъ Гинду-Ку былъ предпріятіемъ гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ походъ Аннибала черезъ Альпы, или столь же прославленный переходъ Наполеона черезъ большой Сенъ-Бернаръ, и македонское войско вполнѣ заслуживаетъ нашего удивленія. Оно совершило безъ картъ и безъ всякихъ пособій, данныхъ намъ безчисленными изобрѣтеніями новѣйшаго времени, въ несравненно болѣе высокихъ мѣстностяхъ, чѣмъ европейскіе Альпійскіе проходы, все то, что сдѣлали въ Альпахъ величайшіе полководцы позднѣйшихъ вѣковъ, имѣвшіе въ своихъ рукахъ несравненно больше средствъ, и на что они смотрѣли, какъ на самый вѣрный залогъ безсмертія своей славы.

Бессъ употребилъ все свое стараніе, чтобы, увеличивъ трудность этого пути опустошеніемъ страны и истребленіемъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, удержать македонское войско отъ вторженія въ Бактрію. Но увидѣвъ безплодность всѣхъ своихъ усилій, онъ ушелъ черезъ Оксъ или рѣку Аму въ Согдіану, т. е. въ ту страну, западная половина которой состояла изъ нынѣшней Бухары, а восточная изъ находящагося внутри непроходимыхъ горъ Кокана. Такимъ образомъ Бактрія была покорена македонянами безъ малѣйшаго труда (весною 329 г. до р. Х.). Александръ быстро погнался за бѣгущимъ Бессомъ, навелъ на скорую руку мостъ черезъ рѣку Аму, и пошелъ на Мараканду или Самаркандъ, главный городъ Согдіаны. Получивъ на дорогѣ извѣстіе, что Спитаменъ, сатрапъ Согдіаны, захватилъ Бесса и готовъ выдать его македонянамъ, Александръ послалъ впередъ Птолемея, чтобы взять убійцу царя. По приказанію Александра Бессъ былъ закованъ въ цѣпи, показанъ всему войску, и потомъ переданъ персидскому принцу Оксіатру, покорившемуся, послѣ смерти брата своего Дарія, македонскому царю, чтобы тотъ, по

персидскому обычаю, отрѣзавъ ему сначала уши и носъ, распялъ его на крестѣ.

Выдачею своего друга, Спитаменъ надѣялся удержать побѣдителя отъ дальнѣйшаго похода, но Александръ не удовлетворился наказаніемъ убійцы царя и похитителя трона, и не удержимо шелъ впередъ. Вся Согдіана была мало по малу покорена, и Спитаменъ, напрасно старавшійся оспоривать у македонянъ владѣніе ею, послѣ многочисленныхъ попытокъ къ сопротивленію, былъ прогнанъ въ сосѣднія пустыни, и убитъ, или своей женою, или тамошними хищническими племенами. Александръ прошелъ до рѣки Сыръ-Дарьи, Яксарта древнихъ, составлявшей сѣверную границу Согдіаны со стороны скиѳскихъ хищническихъ племенъ. Въ Согдіанѣ и Бактріи онъ провелъ два года, отчасти потому, что положеніе этихъ странъ было весьма выгодно для управленія изъ нихъ покореннымъ царствомъ и рекогносцировки сосѣдней Индіи, куда рѣшился идти Александръ, отчасти же потому, что эти важныя земли, по неприступности своихъ горъ, безпокойному духу своихъ обитателей и вслѣдствіе близости дикихъ хищническихъ ордъ, обитавшихъ въ степяхъ къ сѣверу и западу, не могли быть совершенно покорены въ короткое время.

Все, совершенное Александромъ во время его похода отъ странъ Каспійскаго моря до сѣверныхъ границъ Согдіаны, для соединенія отдѣльныхъ частей царства, утвержденія своего владычества и основанія новой цивилизаціи въ Азіи, служитъ лучшимъ доказательствомъ величія его духа. Еще прежде онъ устроилъ безопасный путь изъ Сузы въ Персеполь, тогда какъ персидскіе цари должны были покупать безопасность путешественниковъ, своихъ собственныхъ чиновниковъ и войскъ податью разбойникамъ. Онъ покорилъ дикіе воинственные народы, обитавшіе въ горахъ къ югу отъ Каспійскаго моря, и постоянно противившіеся персидскому господству, и провелъ черезъ ихъ страну дорогу; во время своего побѣдоноснаго шествія отъ Каспійскаго моря до самой Согдіаны онъ устроилъ также новые и безопасные пути сооб-

щенія между востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ внутренной Азіи. Въ лежащихъ къ сѣверовостоку отъ Ирана странахъ, всегда имѣвшихъ очень мало единства и связи между собою, и постоянно обитаемыхъ кочевыми ордами, великому македонскому царю удалось сдѣлать то, чего не достигали всѣ прежніе владѣтели Персидскаго царства. Основанные города и всѣ сдѣланныя имъ распоряженія во время этого похода представляютъ лучшее доказательство вѣрности его взгляда, всеобъемлющей энергіи его духа и разсчитанности его дѣйствій даже въ такое время, когда, казалось, славолюбіе завлекло его слишкомъ далеко.

Походъ Александра отъ Гирканіи или Мазандерана до страны агріасповъ при озерѣ Зарегъ и въ Седжестанъ упрочивалъ за нимъ обладаніе Хорасаномъ и всей страной отъ Герата до Седжестана, и открывалъ удобное сообщеніе между Гератомъ и Каспійскимъ моремъ. Для этой цѣли, Александръ поселилъ тутъ въ различныхъ мѣстностяхъ грековъ, служившихъ въ войскахъ Дарія, и такимъ образомъ положилъ основаніе новой цивилизаціи въ этихъ краяхъ. Въ странѣ, гдѣ лежитъ теперь Гератъ и сходятся дороги отъ озера Зарегъ, изъ Балха, Индіи и Седжестана, онъ основалъ важный въ военномъ отношеніи городъ Александрію, называвшуюся Арійскою. Вторымъ военнымъ пунктомъ была Александрія въ Арахосіи, на дорогѣ изъ Келата въ сѣверовосточномъ Белуджистанѣ и отъ нижнихъ частей рѣки Инда, соотвѣтствующая вѣроятно нынѣшнему Кандагару. Третьимъ военнымъ поселеніемъ была Александрія при Кавказѣ, положеніе которой нельзя опредѣлить въ точности, но которая съ одной стороны охраняла дорогу въ Индію, а съ другой проходъ чрезъ Гинду-Ку. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что это былъ нынѣшній Кандагаръ, а другіе съ большею вѣроятностью относятъ ее далѣе къ сѣверу, въ страну между Кабуломъ и Баміаномъ. Въ Согдіанѣ и Бактріи, гдѣ Александръ основалъ множество новыхъ городовъ, Александрія на Яксартѣ или Сигунѣ была самымъ крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ, куда доходили македоняне во время

своего похода. Потому впослѣдствіи городъ этотъ называли Александріею Эсхатою, т. е. Александріею находящеюся на концѣ свѣта. Это поселеніе было основано въ плодоносной мѣстности, почти на границѣ степей и пустынь, издавна обитаемыхъ дикими ордами. Такимъ образомъ она составляла пограничный пунктъ противъ страны варваровъ, и затрудняла доступъ изъ нея къ долинамъ верхняго Яксарта, гдѣ лежатъ Коканъ, Ходжендъ, Ташкендъ и Тонкатъ, всегда имѣвшіе большое значеніе для исторіи средней Азіи. Александръ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, хотѣлъ оградить цивилизацію своего государства, и провести укрѣпленную границу противъ варварства кочевыхъ народовъ. Вообще въ Согдіанѣ и Бактріи — этихъ первобытныхъ центрахъ образованности средней Азіи (т. I стр. 122)—Александръ снова оживилъ цивилизацію, и основаніемъ городовъ и поселеніемъ многихъ тысячъ грековъ, положилъ начало совершенно новой образованности. Эти страны, до нашихъ дней оставшіяся средоточіемъ торговли, науки и искусствъ, и посредствомъ своихъ карановъ снабжающія сѣверъ и западъ Азіи продуктами Индіи, снова получили при Александрѣ великое значеніе для цивилизаціи Азіи. Слѣды созданной имъ тамъ образованности еще и теперь замѣтны въ литературѣ Индіи и Персіи, хотя восточная фантазія почти совершенно исказила ихъ. У жителей этихъ странъ до сихъ поръ еще жива память о великомъ завоеватеіѣ Александрѣ, или какъ они называютъ его, Искендерѣ.

12. Александръ какъ повелитель Персидскаго царства.

Александръ пробылъ въ Согдіанѣ и Бактріи до весны 327 г., т. е. до похода въ Индію, занимаясь утвержденіемъ своей власти надъ этими странами, подавленіемъ вспыхивавшихъ тамъ возмущеній, и отраженіемъ многократныхъ нападеній степныхъ народовъ. Во время пребыванія въ Бактріи характеръ Александра совершенно измѣнился, и этотъ великій человѣкъ сдѣлался живымъ

доказательствомъ того, что для человѣческой натуры невозможно сохранить на вершинѣ счастія все безстрастіе истиннаго величія. Въ тоже время между македонскими полководцами постоянно усиливалось неудовольствіе на своего великаго вождя, политики котораго они не понимали, и въ которомъ осуждали поступки, служившіе, напротивъ того, прямымъ доказательствомъ его способности къ основанію всемірной монархіи и управленію ею. Большинство историковъ, основываясь на нѣкоторыхъ происшествіяхъ, случившихся при его дворѣ, несправедливо представляли это недовольство слѣдствіемъ перемѣны, обнаружившейся въ нравственномъ характерѣ Александра. События эти необходимо должны быть изложены, потому что они главнымъ образомъ послужили къ обвиненію великаго монарха.

Еще со времени побѣды при Арбелѣ, Александръ пересталъ смотрѣть на персовъ какъ на покоренный народъ, а на грековъ и македонянъ какъ на народъ высшаго происхожденія, и сталъ стремиться уравнять побѣдителей съ побѣжденными, и соединить ихъ внутреннею связью, какъ членовъ одной монархіи. Онъ выказалъ это стремленіе свое замѣтнымъ образомъ только по смерти Дарія, и тѣмъ отдалилъ отъ себя своихъ собственныхъ соотечественниковъ, мечтавшихъ только объ угнетеніи побѣжденныхъ и о спокойной, роскошной жизни на ихъ счетъ. Они осуждали въ Александрѣ все, что онъ дѣлалъ для достиженія своей цѣли, и чѣмъ дальше шелъ онъ по этому пути, тѣмъ сильнѣе становились неудовольствіе и ропотъ его войска. Принятыя имъ мѣры касались сначала только внѣшности и формъ, но за это-то и порицали Александра, потому что большинство придаетъ пустякамъ и мелочамъ огромное значеніе. Александръ началъ одѣваться, какъ персидскіе цари, и вести такой же образъ жизни, какъ и всѣ цари востока. Онъ возстановилъ часть персидскихъ придворныхъ церемоній, надѣвалъ на себя персидскія діадему и царскія одежды, и одѣлъ своихъ слугъ по персидски, хотя самъ держался персидскихъ обыкновеній только въ исключительныхъ случаяхъ, а въ обыкновенное время жилъ

по старому. Персидскіе нравы и жизнь были противны всей его природѣ, а при томъ онъ старался щадить по возможности и предразсудки македонянъ. Онъ имѣлъ притязанія и на божественныя почести, что̀ также служило предметомъ порицанія; но дѣлалъ это только оттого, что ему хорошо была извѣстна привычка восточныхъ народовъ смотрѣть на своихъ царей, какъ на существа высшаго происхожденія, и, вслѣдствіе того, считать несоотвѣтствующею царскому достоинству каждую попытку ихъ сблизиться съ своими подданными. Въ этомъ Александръ высказалъ свое умѣнье вѣрно судить о подвластныхъ ему народахъ, и, въ первое время, придавая себѣ титулъ божества, онъ просто хотѣлъ жить съ персами такъ, какъ ихъ прежніе цари. Всего скорѣе думалъ онъ достигнуть своей цѣли, воспользовавшись греческими идеями о полубогахъ и, сообразно господствовавшему на востокѣ предразсудку, выдалъ себя за сына Юпитера. Такимъ образомъ онъ надѣялся примирить духъ грековъ съ восточными нравами и понятіями; но упорные соотечественники Александра не хотѣли признать за нимъ того, что спустя двадцать лѣтъ безъ всякаго сопротивленія признавали не только за своими полководцами, присвоившими себѣ царскую власть, но даже и за ихъ женами.

Сдѣлавшись повелителемъ Персидскаго царства, Александръ не остановился однако на одной перемѣнѣ своей внѣшней жизни или царскаго этикета, но еще болѣе расширилъ свой планъ уравненія и слiянія различныхъ подвластныхъ ему націй. По смерти Дарія, онъ принялъ въ свое войско, и даже въ число своихъ тѣлохранителей, персовъ, ввѣрялъ послѣднимъ начальство надъ войсками, набранными въ покоренныхъ имъ странахъ, смотрѣлъ съ удовольствіемъ на то, что его греко-македонскіе полководцы или правители изучали персидскій языкъ, — какъ напримѣръ Леоннатъ, Гефестіонъ, Эвменъ и Певкестъ, — и раздавалъ намѣстничества и другія должности въ провинціяхъ не только грекамъ и македонянамъ, но также и персамъ, мидянамъ, и даже людямъ такихъ національностей, съ которыми сами персы обращались какъ

съ покоренными. Соотечественники Александра были весьма недовольны всѣмъ этимъ, потому что имъ казалось, что, обращаясь къ персамъ, онъ отдѣляется отъ нихъ. По своимъ національнымъ понятіямъ они смотрѣли на всѣ не-греческіе народы какъ на варваровъ, стоящихъ безконечно ниже ихъ, и не могли возвыситься до воззрѣнія своего великаго царя, который первый изъ всѣхъ завоевателей, о какихъ сохранила память всемірная исторія — имѣлъ мысль уравнять покоренный народъ съ своимъ собственнымъ, и своими завоеваніями расширить не только идею государства, но и идею отечества.

Такимъ образомъ то, чѣмъ были недовольны греки и македоняне въ образѣ дѣйствій своего царя, какъ владѣтеля Азіи, должно быть поставлено этому великому человѣку не въ укоръ, а въ заслугу. Конечно нельзя отрицать, что для самого Александра его планъ тѣснаго слiянія самыхъ противоположныхъ народовъ на землѣ, впослѣдствіи обошелся весьма дорого для его собственной личности, потому что чужихъ нравовъ и обычаевъ нельзя снимать и надѣвать по произволу какъ одежду. Ослѣпленный своимъ счастіемъ, онъ скоро перешелъ должную мѣру; но до индійскаго похода Александра нельзя обвинять въ полной перемѣнѣ его нравовъ и настроенія ума. Неудовольствіе его войска съ самаго начала было очень оскорбительно для него, и оно то имѣло вредное вліяніе на его характеръ, хотя и въ это время и потомъ онъ не переставалъ быть великимъ и благороднымъ человѣкомъ.

Другой упрекъ, дѣлаемый Александру, также приноситъ честь его сердцу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился въ непреодолимости предразсудковъ своихъ македонянъ, его любимцами сдѣлались полководцы Гефестіонъ и Кратеръ, пріобрѣвшіе съ тѣхъ поръ сильное вліяніе на него. Первый, еще съ ранней юности бывшій близкимъ другомъ Александра, сдѣлался тогда особеннымъ любимцемъ его потому, что лучше всѣхъ македонянъ умѣлъ понять намѣренія Александра въ обращеніи его съ персами, а послѣдній, какъ отличнѣйшій полководецъ, оказавшій царю важныя услуги, былъ для

него очень дорогъ и полезенъ своимъ глубокимъ знаніемъ македонскихъ и греческихъ дѣлъ. И тотъ и другой злоупотребляли своимъ положеніемъ при Александрѣ, но самого Александра нельзя осуждать за то, что онъ сдѣлалъ ихъ своими любимцами и вполнѣ довѣрялъ людямъ, которые были и оставались его друзьями, когда всѣ другіе болѣе или менѣе отдалились отъ него. Только съ похода въ Индію въ Александрѣ обнаруживается уже любовь къ почестямъ и лести, и его любимцами становятся жалкіе царедворцы, у которыхъ доставало умѣнья подличать и льстить.

Наконецъ въ доказательство того, что характеръ Александра измѣнился еще ранѣе похода въ Индію, представляютъ три факта, случившіеся во время пребыванія его въ Согдіанѣ и Бактріи: жестокое наказаніе Бесса, умерщвленіе полководца Клита, и поступокъ Александра съ философомъ Каллистеномъ; но всѣ эти три событія не доказываютъ въ немъ подобной перемѣны. Бессъ конечно былъ казненъ жестокимъ, варварскимъ образомъ; но подобнаго рода смерть была у персовъ обыкновеннымъ наказаніемъ за такое преступленіе, какое совершилъ Бессъ. Въ этомъ случаѣ Александръ приказалъ убійцу царя и похитителя престола казнить по персидскимъ законамъ какъ перса, и имѣлъ самыя основательныя причины не дѣлать исключенія въ пользу Бесса.

Клитъ былъ умерщвленъ въ согдіанскомъ городѣ Маракандѣ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Александръ совершилъ трудный походъ въ крутыя горы этой страны, и ждалъ въ Маракандѣ возвращенія Гефестіона изъ другой экспедиціи, чтобы съ прибытіемъ его сдѣлать еще одинъ походъ и докончить покореніе Согдіаны. Этимъ временемъ Александръ воспользовался для отдыха, и устроивалъ поперемѣнно съ своими друзьями охоты и пиры. На одномъ изъ этихъ пировъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, онъ убилъ брата своей кормилицы, человѣка, спасшаго ему жизнь въ битвѣ при Граникѣ. Фактъ этотъ приводятъ какъ доказательство, что благородное сердце Александра окончательно испортилось и сдѣлалось до-

ступнымъ самой низкой неблагодарности и жестокости восточныхъ деспотовъ. Но, изслѣдовавъ точнѣе обстоятельства этого событія, мы будемъ судить о царѣ иначе, и, при всей ужасности самаго несчастія, быть можетъ найдемъ, что въ этомъ происшествіи Александръ оказалъ болѣе величія души, чѣмъ во всѣхъ своихъ походахъ.

Въ одинъ изъ праздниковъ, посвященныхъ Вакху, Александръ пировалъ со своею свитою. На пирѣ были всѣ его полководцы, въ дверяхъ залы стояли тѣлохранители и придворные, но во всемъ этомъ не было ничего восточнаго. Мы видимъ не деспота, собравшаго вокругъ себя своихъ низкопоклонныхъ рабовъ, а счастливаго полководца въ обществѣ своихъ военныхъ товарищей, которые съ своимъ царемъ и другъ съ другомъ обращаются совершенно свободно, какъ равные съ равными. Разгоряченные виномъ, полководцы стали выхвалять подвиги своего царя, и ставить его походы и предпріятія выше подвиговъ Вакха и Геркулеса. Такая похвала оскорбила вспыльчиваго и уже полупьянаго Клита; онъ началъ доказывать, что несправедливо ставить подвиги Александра на ряду съ дѣлами боговъ, потому что слава его походовъ принадлежитъ собственно не ему, а войску. Александръ молча слушалъ этотъ разговоръ. Нькоторые изъ полководцевъ возражали Клиту, и между ними завязался жаркій споръ, еще болѣе разгорячившій умы. Когда, наконецъ, кто-то изъ нихъ воскликнулъ, что единственная слава Филиппа состоитъ въ томъ, что онъ считается отцемъ Александра, Клитъ, вскочивъ съ своего мѣста, началъ защищать память царя, дѣлая скрытыя нападки на Александра, и прославлять Парменіона, Филота и другихъ умершихъ полководцевъ, которые счастливы потому, что не принуждены дѣлить съ персами своей славы. Наконецъ, съ своими оскорбительными рѣчами онъ сталъ уже относиться прямо къ самому царю. Тогда Александръ, потерявъ терпѣніе, вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ взяться за оружіе, но присутствовавшіе выхватили изъ

его рукъ оружіе и поспѣшили удалить пьянаго Клита. Сильно взволнованный, Александръ сталъ ходить по залѣ, громко жалуясь на неблагодарность и дерзость. Тогда Клитъ, котораго успѣли было вывести за дверь, снова ворвался въ залу и осыпалъ Александра насмѣшками. Александръ, также не трезвый, въ бѣшенствѣ выхватилъ изъ рукъ одного тѣлохранителя копье, и бросилъ его въ Клита, который упалъ мертвымъ.

Убивъ своего полководца, Александръ мгновенно отрезвился, и предался отчаянной скорби. Говорятъ, что онъ вынулъ копье изъ груди Клита, въ намѣреніи умертвить самого себя, и только подбѣжавшіе къ нему собесѣдники удержали его отъ этого. Цѣлые три дня проплакалъ онъ надъ трупомъ Клита, не допуская къ себѣ ни кого и не принимая никакой пищи. Только по усиленной просьбѣ своихъ полководцевъ и войска, напоминавшихъ ему объ его обязанностяхъ, Александръ успокоился.

Третья жестокость, въ которой совершенно напрасно упрекаютъ Александра, это поступокъ его съ философомъ Каллистеномъ. Но и этотъ фактъ можно объяснить, нисколько не выставляя Александра свирѣпымъ. Происшествіе съ Каллистеномъ, случившееся не задолго передъ походомъ въ Индію, конечно, указываетъ на начало и главныя причины перемѣны, безспорно обнаружившейся съ этого времени въ характерѣ Александра. Каллистенъ былъ такой человѣкъ, о которомъ его же родственникъ Аристотель сказалъ, что онъ „хотя и умѣетъ красно выражаться, но не имѣетъ разсудка“. Сочиненіе его, въ которомъ описаны походы Александра, сдѣлалось главнымъ источникомъ всѣхъ преувеличеній, и лжи, которыми была обезображена, съ самаго начала, исторія великаго царя. Въ свитѣ Александра онъ игралъ роль истиннаго царедворца, и принадлежалъ къ числу льстецовъ, всѣми силами заискивавшихъ милости царя. Но когда Анаксархъ изъ Абдеры, ученикъ Демокрита, пріобрѣлъ вліяніе на Александра, съ Каллистеномъ вдругъ произошла перемѣна. Анаксархъ,

одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ софистовъ, былъ философомъ большаго свѣта, и проповѣдывалъ ученіе, искусно построенное на софизмахъ и легко приспособлявшееся ко всякимъ обстоятельствамъ. Основныя начала ученія Анаксарха всего лучше видны изъ образа его дѣйствій послѣ убіенія Клита. Чтобы утѣшить царя и войти къ нему въ милость, онъ упрекалъ его за благородную печаль и прекрасное раскаяніе, и высказалъ страшную мысль, что границы позволеннаго человѣку опредѣляются объемомъ его власти. „Тотъ-ли это,“ —говорилъ онъ предавшемуся отчаянію царю, — „Александръ, на котораго устремлены глаза цѣлаго міра? Онъ, какъ рабъ, плачетъ, скорбитъ и боится закона и суда человѣческаго! Онъ, который самъ долженъ быть для людей закономъ и источникомъ всякаго права! Вѣдь для того, чтобы владычествовавать надъ міромъ, взялся онъ за оружіе и одерживалъ побѣды, а не для того, чтобы позволять господствовать надъ собою пустому мнѣнію свѣта. Развѣ ты не знаешь, царь, что богиня справедливости за тѣмъ только и предстоитъ передъ трономъ Юпитера, чтобы разъяснять ему, что все то хорошо и справедливо, что дѣлаетъ имѣющій въ своихъ рукахъ власть?“ Анаксархъ дѣйствовалъ смотря по обстоятельствамъ, и чѣмъ раболѣпнѣе держалъ онъ себя передъ тѣми, кого боялся, тѣмъ нахальнѣе и надменнѣй былъ передъ людьми, нуждавшимися въ немъ. Для него не существовало ни одной твердой, неизмѣнной истины, и онъ способствовалъ распространенію между греками скептицизма, или того ученія о непонятности и сомнительности всего существующаго, основателемъ котораго былъ ученикъ его Пирронъ. Впослѣдствіи онъ получилъ себѣ должное возмездіе, когда владѣтель Кипра подвергъ его такой казни, какую постановляетъ турецкій законъ для улемовъ или муфтіевъ, навлекающихъ на себя гнѣвъ великаго султана. На одномъ пирѣ, Анаксархъ сказалъ царю, что лучше бы, вмѣсто рыбъ, которыхъ подаютъ, онъ заставилъ поднести себѣ головы своихъ сатраповъ и правителей. Произнеся эти слова въ присутствіи людей, жизнь

которыхъ была въ опасности, онъ взглянулъ на Никокреона, владѣтеля Кипра. Черезъ нѣсколько времени, захвативъ въ плѣнъ этого подлаго льстеца, Никокреонъ приказалъ истолочь его въ ступѣ. Въ послѣднія свои минуты Анаксархъ обнаружилъ однако твердость духа, достойную лучшихъ стремленій. Такой человѣкъ, для котораго милость царя и собственная польза были единственною цѣлью всѣхъ желаній, умѣлъ обходиться съ грубыми солдатами и избалованными царскими любимцами, и льстить имъ гораздо лучше, чѣмъ надменный и державшійся опредѣленныхъ философскихъ началъ Каллистенъ, говорившій иногда полководцамъ и придворнымъ льстецамъ жестокую правду, и надоѣвшій имъ своею страстью къ нравоученіямъ. Въ искусствѣ болтать Анаксархъ нисколько не уступалъ послѣдователямъ Аристотеля, а своимъ умѣньемъ льстить всякому скоро сталъ при царѣ и его свитѣ выше Каллистена. Анаксархъ пріобрѣлъ на Александра большое вліяніе и, хвастаясь этимъ, оскорбительнымъ образомъ давалъ чувствовать Каллистену свое значеніе при дворѣ. Замѣтивъ, что другой занялъ его мѣсто, Каллистенъ тотчасъ же перемѣнилъ свое поведеніе, сдѣлался суровымъ, принялъ на себя при дворѣ роль колкаго сатирика, которая къ нему не шла нисколько, а между тѣмъ раздражала царя и его свиту. Такимъ образомъ онъ совершенно лишился милости Александра, а слава и вліяніе Анаксарха продолжали увеличиваться. Самолюбивый философъ сдѣлалъ еще бо́льшую неосторожность. Онъ сталъ появляться въ обществѣ недовольныхъ Александромъ, которыхъ было не мало между полководцами и второстепенными начальниками, подлаживался подъ ихъ тонъ, и разъигрывалъ роль республиканца. Наконецъ однажды онъ высказалъ открытое сопротивленіе царю, захотѣвшему распространить церемонію колѣнопреклоненія передъ нимъ на македонянъ и грековъ, церемонію, которой Александръ придавалъ большое значеніе ради персовъ.

Царедворцы не упустили этого случая, чтобы удалить человѣ-

ка, котораго уже давно ненавидѣли. Они стали интриговать и воспользовались заговоромъ, составленнымъ вскорѣ послѣ этого происшествія однимъ македонскимъ пажемъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, чтобы избавиться отъ ненавистнаго философа. Каллисѳенъ былъ друженъ съ этимъ пажемъ, и успѣлъ сдѣлать его послѣдователемъ своихъ философскихъ воззрѣній; враги Каллисѳена стали кричать, что преступленіе, задуманное молодыми людьми, было слѣдствіемъ его ученія, что оно возбуждало въ нихъ духъ неповиновенія, проповѣдывало царе - убійство и пр. Каллисѳена арестовали вмѣстѣ съ прочими заговорщиками. Послѣдніе, судившіеся по македонскимъ законамъ войскомъ, были признаны виновными и побиты каменьями. Каллисѳенъ же, который по своему происхожденію не былъ македоняниномъ, по приказанію царя былъ закованъ въ цѣпи и отосланъ въ Индію. Тамъ онъ заболѣлъ, и умеръ самымъ ужаснымъ образомъ, потому что Александръ забылъ о немъ, и слѣдовательно онъ очутился совершенно во власти людей, которые ненавидѣли его, и наконецъ потому еще, что въ Индіи тюремное заключеніе само по себѣ составляетъ невыносимое мученіе.

Исторія съ Каллисѳеномъ показываетъ, до какой степени дѣйствительно измѣнились настроеніе духа и характеръ Александра со времени похода въ Бактрію и Согдіану. Ослѣпленный счастіемъ, онъ сталъ искать удовольствій въ лести, льстилъ самъ себѣ, и нерѣдко поступалъ совершенно произвольно. Вслѣдствіе того истинные его друзья мало по малу отдалились отъ него. Александръ долженъ былъ окружать себя теперь низкими людьми, которыхъ прежде онъ самъ презиралъ, и терпѣть ихъ при себѣ, потому что собственное сознаніе говорило ему, что лучшая часть окружавшихъ его лицъ стала его ненавидѣть, и что теперь онъ уже не можетъ болѣе довѣрять имъ. Въ числѣ негодяевъ, пріобрѣвшихъ на него вліяніе, кромѣ цѣлой толпы персидскихъ льстецовъ, были жалкій софистъ Анаксархъ, стихоплетъ Агисъ изъ Аргоса, и лживый историкъ подвиговъ Александра Онесикритъ, разъигрывавшій

роль циническаго философа, но на самомъ дѣлѣ исполненный наглости, тщеславія и корыстолюбія. Подобныя личности получали теперь доступъ къ Александру, потворствуя всѣмъ его слабостямъ, предупреждая его желанія и во всемъ соглашаясь съ нимъ. Въ это время Александръ разошелся и съ своимъ учителемъ Аристотелемъ, который оскорбился его поступкомъ съ Каллистеномъ, и къ которому самъ Александръ неблаговолилъ за тѣсныя связи его съ Антипатромъ. Да и какъ могъ человѣкъ, все время котораго было раздѣлено между страшнымъ напряженіемъ силъ и неразумными развлеченіями, двадцати девяти лѣтъ отъ роду, выдержать такое искушеніе, котораго не могъ вынести, въ наши дни, человѣкъ сорока лѣтъ, вышедшій при томъ изъ низшихъ слоевъ общества и прошедшій школу революціи? Исполинскихъ предпріятій Александра и никогда не измѣнявшаго ему счастія уже достаточно было для того, чтобы привести его къ гордой мысли, что онъ любимецъ божества. Кромѣ того, разные стихоплеты, философы, ученые и придворные со всѣхъ сторонъ поддерживали его въ этомъ заблужденіи. Эти люди ставили его подвиги выше прославленныхъ миѳами предпріятій Геркулеса и Вакха, и выдавали за истину политическую фикцію о происхожденіи Александра отъ Юпитера. Этимъ они довели царя до того, что и самъ онъ сталъ наконецъ злоупотреблять ею, и началъ помѣщать въ своихъ посланіяхъ къ греческимъ городамъ титулъ сына боговъ, какъ существенный аттрибутъ своего канцелярскаго стиля и придворнаго церемоніала; въ концѣ своей жизни, онъ прощалъ даже тиранну Египта, Клеомену, всѣ его мошенничества, и позволялъ ему дѣлать ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ воздвигнулъ храмъ умершему любимцу его Гефестіону, какъ полу-богу, и учредилъ въ честь его жертвоприношенія. Не смотря на всѣ эти ошибки и заблужденія, въ Александрѣ сохранилось еще много хорошаго; окруженный всей роскошью восточнаго всемірнаго владыки, онъ до самой смерти своей не переставалъ приглашать на свои пиры полководцевъ и во вре-

мя ихъ, какъ и прежде, принималъ участіе въ свободныхъ разговорахъ, и на послѣднемъ своемъ пирѣ состязался въ декламаціи съ бывшими тамъ актерами, пилъ за здоровье своихъ гостей и, по старому македонскому обычаю, убѣждалъ ихъ больше пить.—Несомнѣнно, что, со времени своего похода въ Бактрію, Александръ все болѣе и болѣе старался освободиться отъ ограничивавшихъ его власть формъ конституціонной монархіи, какою было Македонское царство. Если онъ положительно и не отнималъ у македонянъ ихъ правъ, то предпринималъ разныя мѣры, вытекавшія изъ его стремленія властвовать неограниченно. Такъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды, привести свою волю въ исполненіе силою, онъ старался составить войско, которое зависѣло бы только отъ него одного, а не принадлежало бы дворянству и не было предано послѣднему, какъ македонское. Для этой цѣли, передъ своимъ походомъ въ Индію, Александръ приказалъ намѣстникамъ покоренныхъ провинцій навербовать здоровыхъ и сильныхъ людей изъ туземцевъ и выучить ихъ македонскимъ военнымъ экзерциціямъ. Такая крѣпкая по природѣ раса, какъ персы, особенно обитатели сѣверныхъ провинцій царства, должна была дать превосходныхъ солдатъ, и дѣйствительно по своемъ возвращеніи изъ Индіи Александръ нашелъ совершенно поевропейски вооруженное и дисциплинированное войско изъ тридцати тысячъ человѣкъ, которыхъ онъ, въ случаѣ нужды, могъ смѣло выставить противъ своихъ македонянъ, и, къ бо́льшему неудовольствію македонскихъ солдатъ, далъ ему мѣсто непосредственно за фалангою. Кромѣ того, Александръ основалъ еще смѣшанное изъ македонянъ и персовъ войско, организованное такимъ образомъ, что подраздѣленія каждой роты состояли изъ двѣнадцати персовъ и четырехъ македонянъ, занимавшихъ низшія начальническія должности. Наконецъ онъ включилъ въ составъ македонскаго войска персовъ, бактрійцевъ, согдіанцевъ и другихъ азіатцевъ, кото-

рыхъ ввелъ даже въ составленную изъ высшаго македонскаго дворянства агему гетеровъ (т. II, стр. 103).

Такимъ образомъ, къ концу своей жизни, Александръ былъ близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться персидскимъ деспотомъ. Въ послѣднее время онъ сталъ вводить жестокія, варварскія наказанія, существовавшія у персовъ, преслѣдовать незначительные проступки несоразмѣрно строгими взысканіями, и поступать на основаніи страшнаго правила, что тотъ, кто сдѣлалъ малое преступленіе, способенъ совершить и большое, и, какъ опасный человѣкъ, заслуживаетъ жестокаго наказанія. Восточная роскошь, которую онъ сначала допускалъ только изъ политическихъ соображеній, стала также доставлять ему удовольствіе. Но, не смотря на все это, въ нравственномъ отношеніи Александръ всегда стоялъ выше испорченныхъ грековъ своего времени и своихъ развратныхъ полководцевъ. Придворный штатъ его, по своему блеску, вполнѣ соотвѣтствовалъ дворамъ восточныхъ деспотовъ. Хотя при этомъ и можно сказать, что роскошь Александра находилась въ связи съ его стремленіемъ къ поощренію искусствъ и промышленности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ была просто уступкою персидскимъ нравамъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ измѣнилъ наконецъ самъ себѣ и полюбилъ всей душой персидскую роскошь и окружавшую его лесть.

Въ разсказахъ разныхъ историковъ о пышности двора Александра, его восточномъ одѣяніи и торжественныхъ аудіенціяхъ, конечно многое преувеличено; но все таки изъ нихъ видно, что съ увеличеніемъ могущества въ немъ постоянно усиливалась страсть къ блеску и пышности. Золотой тронъ, разнообразныя одежды, даже такія, какія въ Греціи присвоивались однимъ только богамъ, и одѣтая въ пурпуръ прислуга, для которой Александръ приказалъ однажды закупить въ іонійскихъ городахъ весь пурпуръ, — все это получило наконецъ большое значеніе въ глазахъ того человѣка, который презиралъ сначала всякій видъ внѣшняго блеска, и даже въ то время, когда уже покорилъ себѣ по-

ловину Персидскаго царства, отличался отъ всѣхъ полководцевъ простотою своей жизни. Аудіенціи его въ послѣднее время превосходили своимъ великолѣпіемъ все, что до тѣхъ поръ было видано въ персидскомъ царствѣ. Роскошно украшенный шатеръ, въ которомъ Александръ давалъ ихъ, былъ такъ великъ, что вмѣщалъ въ себѣ сто дивановъ. Средину его занималъ золотой тронъ. Передъ шатромъ и въ самомъ шатрѣ, при каждой аудіенціи, ставилось пятьсотъ персидскихъ тѣлохранителей въ шелковыхъ и пурпуровыхъ одеждахъ, тысяча стрѣлковъ въ одеждахъ яркаго цвѣта, пятьсотъ македонянъ съ серебрянными щитами, тысяча человѣкъ изъ македонскаго войска, десять тысячъ персовъ, большое число ручныхъ слоновъ, и собиралось множество полководцевъ, придворныхъ чиновниковъ и слугъ. Все это, какъ говоритъ описывающій эти аудіенціи греческій историкъ, своимъ великолѣпіемъ и разнообразіемъ производило такое впечатлѣніе, что каждый чувствовалъ величіе повелителя, и никто не смѣлъ приблизиться къ нему. Такъ, подъ конецъ своей жизни, и питомецъ Аристотеля дошелъ до того, что принесъ въ жертву существенное несущественному.

Въ отношеніи къ чувственнымъ удовольствіямъ, Александръ почти до самой смерти держался своихъ старыхъ обычаевъ. До времени своего возвращенія изъ Индіи, онъ ни въ одной странѣ, ни въ одномъ городѣ не останавливался для однихъ только удовольствій, и никогда не рѣшался измѣнить своимъ нравственнымъ началамъ въ угоду страстямъ, хотя и позволялъ своимъ полководцамъ соединять греческую испорченность нравовъ съ азіатскою роскошью. Собственно въ распутствѣ нельзя обвинить Александра, и ни одинъ изъ греческихъ писателей, собиравшихъ анекдоты о его жизни, не разсказываетъ о немъ такихъ скандальныхъ исторій, какъ объ его полководцахъ. Чтожь касается послѣднихъ, то стоитъ только указать на нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ ихъ мотовство, любовь къ пышности и сластолюбіе. Гарпалъ, подъ надзоромъ котораго находились захва-

ченныя въ Персіи сокровища, въ то время когда Александръ былъ въ далекой Индіи, промоталъ часть ихъ такъ дерзко и безумно, что приказывалъ даже строить храмы и алтари своимъ любовницамъ. Такъ же нелѣпы были расточительность Пердикки и Кратера и мотовство Леонната и Мелеагра, истратившихъ во время похода бездну денегъ самымъ дикимъ образомъ. Первые двое, для удовлетворенія своей страсти къ единоборству, возили за собою такое множество кожъ и такую массу египетскаго песку, что можно было покрыть ими пространство въ цѣлую милю, назначенное для ихъ гимнастическихъ упражненій. Двое же послѣднихъ имѣли всегда такое количество охотничьихъ сѣтей, которыми можно было охватить пространство въ двѣ съ половиною мили.

13. Походъ Александра въ Индію.

Еще въ Бактріи Александръ вошелъ въ сношенія съ Таксиломъ, индійскимъ раджею или княземъ, находившимся въ то время во враждѣ съ Поромъ, владѣтелемъ другой части западной Индіи. Этотъ союзъ съ Таксиломъ и то обстоятельство, что персы имѣли уже владѣнія въ этихъ странахъ, облегчили македонянамъ трудный походъ въ Индію. Въ концѣ весны 327 года до р. Х., Александръ выступилъ изъ Бактріи, и пошелъ чрезъ Паропамисъ въ Александрію въ Индійскомъ Кавказѣ. Тутъ онъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части: одна изъ нихъ, подъ предводительствомъ Пердикки и Гефестіона, отправилась по правому берегу рѣки Кофа (нынѣшней рѣки Пунджиръ или Кабулъ) чрезъ Джеллалабадъ и Пешауеръ, въ страну Аттокъ, гдѣ былъ наведенъ мостъ черезъ Индъ; другую самъ Александръ повелъ черезъ горную страну, лежащую на сѣверъ отъ этой рѣки.

Во время этого похода Александръ встрѣтился съ индійскими народами, которые хотя и усвоили себѣ индійскіе обычаи, но, подобно нынѣшнимъ сейкамъ, совершенно отличались отъ племенъ, обитающихъ на Гангѣ. Они находились подъ властью нѣскол-

кихъ отдѣльныхъ владѣтелей, но имѣли феодальныя учрежденія, какихъ никогда не бывало въ собственной Индіи; были даже совершенно республиканскія государства, управлявшіяся военною аристократіею. Греки и македоняне, долго имѣвшіе дѣло съ разслабленными персами, гражданами большаго падающаго царства, пришли въ изумленіе, когда нежданно натолкнулись на племена, оказавшія имъ сильное сопротивленіе. Объ измѣнахъ, полководцахъ, оставляющихъ своихъ царей, намѣстникахъ, подобно персидскому коммендаиту Сардъ, добровольно передающихъ свои крѣпости, нѣтъ и слѣдовъ въ разсказахъ объ индійскомъ походѣ Александра. Впрочемъ Александръ оставался въ Индіи не такъ еще долго, чтобы узнать къ собственному своему вреду, что если у индійцевъ нѣтъ всѣхъ военныхъ доблестей, то они владѣютъ необыкновеннымъ пассивнымъ мужествомъ и менѣе европейцевъ боятся смерти. Зная, что мужество индійцевъ основывается на ихъ религіи, Александръ, характеръ котораго началъ измѣняться въ невыгодную сторону, поступалъ жестоко съ индійскими браминами и факирами, которые, какъ извѣстно, въ то же время бываютъ учителями и философами индусовъ. Раздраженный противодѣйствіемъ народа и патріотическою ревностью браминовъ, владѣвшихъ умомъ послѣдняго, онъ сдѣлался въ Индіи несправедливымъ, жестокимъ, и раздражилъ этимъ жителей страны и своихъ собственныхъ солдатъ.

Впрочемъ, какъ сказано, народы, обитавшіе по эту сторону Инда на южныхъ отрасляхъ горъ Гинду-Ку, были племенами существенно отличавшимися отъ индійскихъ народовъ, обитавшихъ далѣе къ югу, и только отчасти усвоили характеръ индійской образованности, какъ это было, повидимому, и въ такъ называемомъ Пенджабѣ или странѣ, простирающейся на востокъ отъ верхняго Инда до Сетледжа. Не смотря на скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній о походѣ Александра, все же, если бы тамъ господствовалъ тогда совершенно индійскій бытъ, въ разсказахъ о немъ говорилось бы о странныхъ истуканахъ, громадныхъ пагодахъ и выс-

шихъ школахъ индусовъ, также точно какъ говорится о существованіи кастъ, браминахъ, факирахъ, и другихъ чисто индійскихъ особенностяхъ народной жизни. Очевидно, что собственно индійская цивилизація только послѣ Александра распространилась далѣе къ сѣверозападу.

Александръ былъ въ союзѣ съ Таксиломъ, царство котораго лежало между Индомъ и Бегатомъ или Гидаспомъ, и было окружено множествомъ небольшихъ независимыхъ государствъ. Македонскій царь не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, для того, чтобы во время своего похода къ Инду сначала подчинить себѣ всѣ эти мелкія государства и города, и положить въ нихъ начала греческой цивилизаціи. Для приведенія этой цѣли въ исполненіе, онъ проникъ въ южную альпійскую страну Гинду—Ку, и покорилъ тамъ нѣсколько городовъ и крѣпостей. Никогда жизнь Александра не подвергалась такъ часто опасностямъ, какъ здѣсь и въ Пенджабѣ, и нигдѣ не былъ онъ принужденъ такъ часто принимать личное участіе въ битвахъ, какъ въ Индіи; это давало поводъ жалкимъ стихоплетамъ и ученымъ, находившимся въ свитѣ царя, сочинять ему хвалебные гимны, исполненные самой гнусной лести. Такъ, воспользовавшись тѣмъ, что у одного изъ этихъ горныхъ народовъ была крѣпость Ниса, носившая имя города, бывшаго миѳологическимъ мѣстомъ рожденія Вакха, они прославляли предпріятія Александра воспоминаніемъ о Вакхѣ и его походахъ. И это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что народъ, владѣвшій этою крѣпостью, сохранилъ преданіе о своемъ переселеніи съ запада, и имѣлъ нѣкоторыя учрежденія западныхъ народовъ; кромѣ того, въ его странѣ македоняне нашли посвященную Вакху виноградную лозу, невидавъ ее передъ тѣмъ весьма долгое время. Придворнымъ льстецамъ греческіе миѳы дали и другой случай польстить Александру, когда вскорѣ послѣ этого была покорена недоступная горная крѣпость, которой сами они дали имя Аорна, т. е. высоты, недостижимой и для полета птицъ, и сочинили сказку, что будто бы самъ Геркулесъ три раза неудачно осаждалъ ее.

Наконецъ Александръ счастливо достигъ Инда, къ сѣверу отъ нынѣшняго Аттока и устья рѣки Кобулъ, гдѣ Гефестіонъ и Пердикка построили мостъ на судахъ. Онъ тотчасъ отправился далѣе въ Таксилу, резиденцію Таксила, лежавшую на востокъ отъ Инда. Здѣсь Таксилъ принялъ македонянъ со всею роскошью индійскаго властителя, и въ тоже время явились туда многіе владѣтели сосѣднихъ странъ, чтобы привѣтствовать побѣдоноснаго царя. Владѣнія Таксила простирались на востокъ до рѣки Бегата или Джелама, названнаго греками Гидаспомъ и составляющаго первый изъ пяти восточныхъ притоковъ Инда, орошающихъ такъ называемый Пенджабъ или Пятирѣчье и носящихъ теперь имена Бегатъ или Джеламъ (Гидаспъ), Дженабъ (Акесинъ древнихъ), Рауи (Хіаротъ), Беджахъ (Гифасъ) и Сетледжъ (Зададръ). На востокъ отъ Бегата начиналось царство Пора, врага Таксила. Александръ потребовалъ отъ него, чтобы онъ явился на границѣ своей страны, для выслушанія рѣшенія по его спорамъ съ Таксиломъ; но Поръ отвѣчалъ ему, что будетъ ждать тамъ македонянъ во главѣ своего войска. Тогда Александръ, въ сопровожденіи войскъ Таксила и другихъ индійскихъ владѣтелей, отправился къ Бегату. Переходъ черезъ эту рѣку былъ очень труденъ, потому что Поръ съ своимъ войскомъ стоялъ на другомъ берегу, и Александръ пришелъ сюда съ самое дождливое время года. Македоняне раскинули свой лагерь въ виду непріятеля. Простоявъ тутъ нѣсколько времени, Александръ выбралъ удобную минуту и чрезвычайно искусно переправился черезъ рѣку въ виду своихъ враговъ. Этотъ переходъ и послѣдовавшее за нимъ сраженіе считались всѣми историками однимъ изъ величайшихъ военныхъ подвиговъ древности (326 г. до р. X.)

И въ этомъ сраженіи, какъ вездѣ, превосходство европейскаго духа и тактика восторжествовали надъ восточною неспособностью, хотя македонянамъ и пришлось сначала много потерпѣть отъ слоновъ, въ первый разъ выведенныхъ противъ нихъ въ большомъ количествѣ. Около двадцати тысячъ индійцевъ, между

которыми находились и два сына Пора, погибло въ этой битвѣ. Самъ Поръ послѣ храброй защиты попался въ плѣнъ македонянамъ. Александръ обошелся съ побѣжденнымъ царемъ очень благородно, и встрѣтилъ его съ полнымъ уваженіемъ. На вопросъ Александра, чего хочетъ отъ него Поръ, послѣдній, по словамъ писателей древности, отвѣчалъ: „чтобы ты поступалъ со мною, какъ съ царемъ.“ Желая, чтобъ побѣжденный царь послужилъ ему орудіемъ для утвержденія господства македонянъ въ Индіи, Александръ дѣйствительно поступилъ съ нимъ великодушно. Онъ не только возвратилъ ему его владѣнія, но еще и увеличилъ ихъ такъ, что Поръ сдѣлался равнымъ Таксилу по могуществу, вслѣдствіе чего уравновѣсились силы соперниковъ. Александръ передалъ также Пору города и мелкія государства, покоренныя имъ во время дальнѣйшаго его похода къ востоку, потому что не имѣлъ въ виду основывать въ Индіи, какъ въ Персіи, чисто македонскаго владычества, но дѣлалъ то, что дѣлали англичане во всѣхъ завоеванныхъ ими въ Индіи странахъ: онъ ставилъ отдѣльныхъ владѣтелей въ вассальное отношеніе къ себѣ подъ именемъ союзниковъ, и, возбуждая между ними взаимную ревность, держалъ всѣхъ въ зависимости отъ себя. Иначе ему и нельзя было бы утвердить на долго свое господство на западѣ Индіи. Впрочемъ, индійскіе вассалы и союзники Александра должны были дать свое согласіе на основаніе въ ихъ странахъ новыхъ городовъ, или, говоря другими словами, согласиться на то, чтобы греческія крѣпости и оставленные въ нихъ гарнизоны постоянно поддерживали въ побѣжденныхъ сознаніе изъ зависимости отъ европейцевъ, и въ случаѣ возстанія поддерживали бы македонскую власть до тѣхъ поръ, пока подоспѣетъ помощь съ запада. При рѣкѣ Бегатъ Александръ построилъ два города: первый по имени любимаго его коня, павшаго въ битвѣ съ Поромъ, былъ названъ Букефалою, и находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь идетъ черезъ эту рѣку дорога изъ Кашмира; другой, названный Никеею или городомъ побѣды, въ

трехъ миляхъ ниже по теченію рѣки, тамъ, гдѣ македоняне переправились черезъ Бегатъ.

Послѣ побѣды надъ Поромъ, Александръ отправился къ сѣверовостоку, въ предгорія Гималаи, для покоренія или устрашенія воинственныхъ племенъ, земли которыхъ ограничивали съ сѣвера плодоносныя равнины Пенджаби, и дошелъ на востокъ до Гифаса или Беджаха. Жители этихъ горныхъ странъ, какъ и всѣ индійскія племена, съ которыми встрѣчался Александръ, были бѣдны золотомъ, и слѣдовательно не могли удовлетворить страсти македонянъ къ хищничеству. Движенія въ этой странѣ, совершавшіяся въ дождливое время года, были очень трудны, жители оказывали имъ упорное противодѣйствіе, и битвы и осады стоили македонянамъ много крови, такъ что, напримѣръ, при осадѣ одной крѣпости, было тяжело ранено слишкомъ тысяча двѣсти македонянъ. Между воинами Александра распространилось страшное недовольство и, достигнувъ береговъ Гифаса, они отказались слѣдовать далѣе за своимъ царемъ, который хотѣлъ ихъ вести въ страны Ганга. До нихъ доносились слухи о большой пустынѣ между этою страною и Гифасомъ, чрезвычайно многочисленномъ населеніи восточной Индіи, и о тамошнихъ безчисленныхъ войскахъ съ множествомъ слоновъ, — и, когда Александръ сталъ готовиться къ переходу черезъ Гифасъ, въ арміи начался сильный ропотъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, царь тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы успокоить недовольство своего войска. Онъ приказалъ собраться всѣмъ своимъ полководцамъ и главнымъ начальникамъ, надѣясь воодушевить ихъ къ новому походу, а съ помощью ихъ и все войско. Но всѣ его доводы не произвели никакого впечатлѣнія; македоняне хорошо понимали, что дальнѣйшія завоеванія, удовлетворяя только честолюбію и жаждѣ къ славѣ Александра, не могутъ принести никакой пользы для основаннаго имъ, уже огромнаго царства. Всѣ полководцы оставались безмолвными, и когда онъ настоятельно потребовалъ ихъ мнѣній, заговорилъ

старый Кенъ, бывшій полководцемъ еще при Филиппѣ; рѣчь его, переданная намъ однимъ греческимъ историкомъ, дѣйствительно можетъ назваться образцовою, выказываетъ его правильный взглядъ на положеніе дѣлъ и чувства удивленія и преданности, которыми онъ былъ исполненъ къ любимому царю. Кенъ доказывалъ ему, что полководцы со всѣмъ своимъ вліяніемъ на войско не могутъ заставить его идти далѣе, и радостные крики, раздававшіеся черезъ нѣсколько дней въ войскѣ, когда Александръ рѣшился возвратиться назадъ, показали, что старый полководецъ говорилъ правду. Однако Александръ не съ-разу убѣдился этими доводами, а старался разными средствами подѣйствовать на умы своихъ воиновъ. На слѣдующій день онъ вторично собралъ полководцевъ и объявилъ имъ, что онъ никого не удерживаетъ, но самъ пойдетъ далѣе, и что тѣ, которые не желаютъ слѣдовать за нимъ, могутъ вернуться домой и сказать своимъ соотечественникамъ, что оставили своего царя среди непріятельской земли. Сказавъ это, онъ тотчасъ же ушелъ въ свою палатку и въ теченіе трехъ дней не пускалъ къ себѣ никого, притворяясь сильно разгнѣваннымъ, въ твердомъ убѣжденіи, что настроеніе войска перемѣнится. Но все было напрасно. Наконецъ, онъ ясно увидалъ, что если станетъ упорно настаивать на своемъ намѣреніи, то воины откажутся повиноваться ему, и рѣшился воротиться. Чтобы не подать вида, что только необходимость заставляетъ его принять такое рѣшеніе, Александръ приказалъ, посредствомъ жертвъ, вопросить волю боговъ, которая конечно неблагопріятствовала дальнѣйшему походу. Тогда царь, къ величайшей радости войска, объявилъ, что намѣренъ покориться божественной волѣ и вернуться назадъ. Въ память своего похода, на берегахъ Гифаса, въ самомъ восточномъ пунктѣ, котораго они достигли, македоняне воздвигли двѣнадцать башнеобразныхъ построекъ, называемыхъ у греческихъ историковъ жертвенниками, потому что Александръ, передъ своимъ обратнымъ походомъ, принесъ на нихъ богамъ торжественныя жертвы.

Въ концѣ лѣта 326 года до р. X., Александръ выступилъ въ обратный путь. Дорога шла равнинами Пенджаба, черезъ городъ Александрію, построенный Гефестіоновъ на берегу Джинаба, въ Букефалу и Никею при Бегатѣ. Отсюда Александръ спустился къ рѣкѣ Инду и потомъ по ней продолжалъ свой путь къ югу до самаго моря. Распоряженія, сдѣланныя имъ въ завоеванной странѣ, были превосходны. Поръ, сдѣлавшійся благодарнымъ другомъ Александра, получилъ, подъ именемъ союзника, господство надъ всею страною отъ Бегата до Сетледжа, а земли, лежащія между первою рѣкою и Индомъ, принадлежали Таксилу, находившемуся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Александру. По сю сторону Инда, гдѣ всѣ крѣпости, считавшіяся неприступными, были заняты греками, управлялъ македонскій намѣстникъ, имѣвшій при себѣ войска; ему былъ подчиненъ Таксилъ. Такимъ образомъ путь сюда изъ Персіи былъ всегда открытъ македонянамъ.

Походъ Александра отъ рѣки Бегатъ до Индійскаго моря и оттуда чрезъ Белуджистанъ и Керманъ въ Персію составлялъ одно изъ важнѣйшихъ предпріятій совершенныхъ македонскимъ царемъ. Если и въ прежнихъ его походахъ хотятъ видѣть только стремленіе общее всѣмъ завоевателямъ, о которыхъ говоритъ намъ исторія, или, другими словами, ненасытную жажду богатства, власти и славы, такъ легко овладѣвающую человѣкомъ, когда онъ выходитъ изъ колеи обыкновенной жизни, то въ походѣ его къ устью Инда и оттуда въ Персію, одномъ изъ опаснѣйшихъ предпріятій, когда-либо совершенныхъ какимъ нибудь войскомъ, явилось во всемъ блескѣ удивительное величіе духа Александра, старавшагося расширить тѣсныя границы науки своего времени и пролить свѣтъ на еще неизслѣдованное. Всѣ завоеватели, послѣ Александра совершавшіе походы въ восточную Азію, отъ Селевка до Надиръ-Шаха, возвращались назадъ въ Персію тѣмъ же путемъ, какимъ приходили туда. Одинъ Александръ выбралъ себѣ другой путь; черезъ это онъ прежде всѣхъ доставилъ Западу свѣдѣнія о нижнемъ Индѣ и берегахъ Индійскаго моря, отъ Инда

до города Бассоры, и открылъ совершенно новый путь сообщенія между крайними границами восточнаго и западнаго міра. Духъ Александра является во всемъ величіи особенно тогда, когда мы сравнимъ предпріятія, совершенныя имъ въ Индіи, съ походами другихъ завоевателей, напримѣръ, газневидскаго султана Махмуда I. Этотъ государь, жившій около 1000 года нашей эры, нѣсколько разъ проникалъ въ Индію, но всѣ его дѣйствія тамъ ограничивались однимъ только грабежемъ, разрушеніемъ и жестокостями противъ религіи туземцевъ. Александръ, напротивъ того, покоривъ страну, защищалъ и укрѣплялъ ее и смягчалъ нравы ея жителей. Даже и по смерти Александра, завоеванныя имъ земли Индіи оставались въ связи съ находившеюся подъ владычествомъ грековъ Среднею Азіею, тогда какъ съ паденіемъ могущества Махмуда пало и его господство надъ Индіею.

Еще съ самаго прихода къ Бегату, послѣ побѣды надъ Поромъ, Александръ приказалъ рубить для постройки кораблей деревья въ большихъ лѣсахъ, окружающихъ верхнее теченіе этой рѣки, и сплавлять ихъ въ Букефалу и Никею. Тутъ, въ продолженіе его похода далѣе на востокъ, были построены большія и малыя суда для плаванія по Инду, и собрано для той же цѣли большое число кораблей, принадлежавшихъ туземцамъ. Почти черезъ мѣсяцъ по возвращеніи Александра къ Бегату, корабли были готовы къ отплытію. Хотя число судовъ, изъ которыхъ состоялъ флотъ, простиралось до ста восемнадцати, но многія изъ нихъ были просто плоты, назначенныя для перевозки лошадей; большихъ же кораблей съ тридцатью и болѣе гребцами было только восемдесятъ. Выбравъ въ войскѣ уроженцевъ греческихъ острововъ, Финикіи, малоазійскаго берега и другихъ славныхъ своимъ судоходствомъ странъ, Александръ составилъ изъ нихъ собственно морскіе экипажи своего флота, т. е. матросовъ и гребцовъ. Начальство надъ всѣмъ флотомъ было поручено Неарху, — одному изъ лучшихъ полководцевъ Александра, который былъ бы хорошимъ

адмираломъ и въ наше время. Главнымъ кормчимъ адмиральскаго корабля былъ льстецъ Онесикритъ, составившій впослѣдствіи исполненную лжи и преувеличеній исторію Александра. Изъ войска, около восьми тысячъ человѣкъ отправились на корабляхъ подъ личнымъ предводительствомъ царя, а прочіе, раздѣленные на два отряда, подъ предводительствомъ Кратера и Гефестіона пошли внизъ по рѣкѣ берегомъ.

Въ началѣ ноября (326 г. до р. X.) послѣ торжественнаго жертвоприношенія, Александръ началъ свое плаваніе. Черезъ пять дней онъ достигъ мѣста слiянія Джинаба съ Бегатомъ. Здѣсь Александръ высадилъ свои войска, соединился съ Кратеромъ и Гефестiономъ, и отправился сухимъ путемъ въ лежащую далѣе къ востоку страну малловъ. Во время этой экспедиціи онъ перешелъ рѣку Рауи, нѣсколько разъ разбилъ малловъ, и завладѣлъ ихъ укрѣпленными городами. Малловъ, какъ вообще всѣхъ жителей этихъ странъ, населявшихъ пространства по всему нижнему Инду, не смотря на ихъ храбрость было очень легко побѣдить; раздѣленные на нѣсколько враждовавшихъ между собою государствъ, они не могли оказать значительнаго сопротивленія.

При завоеваніи одного города малловъ, самъ Александръ едва не лишился жизни. Овладѣвъ городомъ, македоняне пошли брать приступомъ его цитадель, куда укрылись жители, съ геройствомъ отбивавшіе нападеніе враговъ. Храбрость македонянъ начала уже ослабѣвать, когда Александръ съ полководцами Певкестомъ и Леоннатомъ взобрался на стѣну по штурмовой лѣстницѣ. Едва столкнулъ онъ стоявшихъ на ней непріятелей, какъ лѣстница, съ слѣдовавшими за Александромъ полководцами, сломалась, и онъ остался одинъ на стѣнѣ. Напрасно просили его соскочить внизъ и тѣмъ спасти свою жизнь; Александръ вмѣсто того спрыгнулъ во внутрь цитадели. Тамъ, обратившись спиною къ стѣнѣ, онъ защищался мечемъ и щитомъ противъ нападавшихъ, пока наконецъ Певкестъ, Леоннатъ и

другіе снова взобрались на стѣну и подоспѣли къ нему на помощь. Въ эту самую минуту, Александръ упалъ безъ чувствъ, тяжело раненный стрѣлою. Полководцы закрыли его своими щитами, но скоро стали ослабѣвать сами, и Александръ навѣрно лишился бы жизни, если бы вѣсть о его положеніи не распространилась быстро между войскомъ. Съ отчаяннымъ мужествомъ перелѣзли нѣкоторые изъ воиновъ черезъ стѣну, другіе ворвались въ городъ черезъ взятыя штурмомъ ворота, и послѣ страшнаго кровопролитія македонянамъ удалось спасти своего царя. Вслѣдствіе своей раны, Александръ долго былъ отчаянно боленъ, но сильная его натура, къ величайшей радости войска, вынесла опасную болѣзнь, произведшую страшное впечатлѣніе на все его войско. Воины Александра, боявшіеся потерять единственнаго человѣка, который по ихъ мнѣнію могъ привести ихъ обратно въ Персію, пришли въ совершенное отчаяніе. Войска, стоявшія дальше другихъ отъ мѣстопребыванія Александра, не хотѣли вѣрить его выздоровленію и, получая собственноручныя письма царя о счастливомъ ходѣ болѣзни, говорили, что эти письма составляются полководцами для успокоенія умовъ. Даже и въ то время, какъ еще не совсѣмъ выздоровѣшаго Алаксандра везли по рѣкѣ назадъ въ лагерь главнаго отряда, воины думали, что на кораблѣ находится его трупъ и успокоились только тогда, когда передъ ними явился самъ Александръ.

Остававшаяся непокоренною часть малловъ и сосѣднія имъ племена подчинились македонянамъ добровольно. Александръ поплылъ внизъ по рѣкѣ Рауи, мимо устьевъ Джинаба и Бегата до того мѣста, гдѣ вливаются въ Индъ соединенныя рѣки Пенджаба. Здѣсь онъ построилъ городъ Александрію, и отпустилъ назадъ часть своего войска, подъ начальствомъ Филиппа, назначеннаго намѣстникомъ простиравшихся до этого пункта индійскихъ провинцій его царства. Походъ противъ малловъ и ихъ сосѣдей не былъ, подобно плану похода къ Гангу, предпріятіемъ возбужденнымъ только стремленіемъ къ славѣ: имъ и учрежденіемъ

новаго намѣстничества, Александръ хотѣлъ возстановить и обезопасить сообщенія Персіи съ Индіею, какъ онъ сдѣлалъ это въ странахъ черезъ которыя прошелъ въ Индію. Личное участіе Александра въ битвахъ съ маллами не можетъ быть поставлено ему въ вину, какъ ставили Гефестіонъ, Кратеръ и Птолемей, упрекавшіе его за то, что онъ смѣшивалъ обязанности воина съ обязанностями полководца, и рисковалъ достиженіемъ самой цѣли битвы. Впечатлѣніе, произведенное на воиновъ его геройствомъ, и участіе, какое возбуждалъ въ нихъ каждый отважный подвигъ его, вполнѣ оправдываютъ Александра и показываютъ, что онъ зналъ и понималъ грековъ лучше, чѣмъ его полководцы.

Раздѣливъ свое войско на двѣ части, Александръ пошелъ съ одною внизъ по Инду, другая подъ начальствомъ Кратера слѣдовала вдоль береговъ. Въ странѣ согдовъ, онъ приказалъ построить вторую Александрію, названную, по имени обитавшаго около нея народа, Согдійскою, и сдѣлавшуюся главнымъ городомъ южной сатрапіи страны Инда, намѣстниками которой Александръ назначилъ македонянина Питона и бактрійскаго царевича Оксіатра. Пройдя страну согдовъ, добровольно покорившуюся ему, онъ проникъ во владѣнія индійскаго раджи Мусикана, который думалъ было сопротивляться Александру, но, изумленный быстрымъ появленіемъ послѣдняго, тотчасъ же покорился ему. Онъ былъ оставленъ владѣтелемъ своего царства въ качествѣ македонскаго вассала, но въ странѣ его былъ построенъ еще городъ Александрія. Другой раджа Оксиканъ, защищавшійся противъ македонянъ, былъ скоро побѣжденъ, и потерялъ въ битвѣ свою жизнь. Въ то время какъ Александръ овладѣвалъ страною третьяго раджи Самба, скрывшагося передъ этимъ въ пустыни за Индомъ, брамины возбудили Мусикана и его подданныхъ возстать противъ Александра и истребить македонскій гарнизонъ. Александръ поспѣшилъ назадъ, подавилъ возстаніе, и жестоко наказалъ его виновниковъ: множество браминовъ, возбудившихъ своихъ соотечественниковъ къ возвращенію независимости, было повѣшено на большихъ дорогахъ.

Той же участи подвергся и Мусиканъ, попавшійся въ плѣнъ македонянамъ.

Подавивъ жестокими мѣрами возстаніе, Александръ пошелъ въ дельту Инда, жители которой не оказали ему никакого сопротивленія, и приказалъ укрѣпить Паталу, лежавшую при развѣтвленіи рѣки на два главныхъ рукава, — городъ, очень важный въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи. Желая изучить устья Инда, онъ плавалъ по обоимъ его рукавамъ до самаго моря. Оба плаванія были очень опасны, потому что доходящіе на нѣсколько миль вверхъ по рѣкѣ приливъ и отливъ производятъ въ Индѣ сильное и быстрое теченіе, и Александръ съ своими греками въ первый разъ испыталъ тутъ это явленіе, почти совершенно чуждое Средиземному морю. При второмъ плаваніи къ морю, по восточному рукаву Инда, Александръ выбралъ превосходное мѣсто вблизи устья для заложенія укрѣпленной гавани.

Еще прежде своего прибытія въ дельту Инда, Александръ отпустилъ третью часть своего войска назадъ въ Персію подъ предводительствомъ Кратера, который долженъ былъ идти черезъ нынѣшнія страны Кечъ-Гендовъ и Сарауанъ къ озеру Зарехъ, а оттуда черезъ Седжестанскую пустыню въ Керманъ. Самъ Александръ рѣшился отправиться съ остальнымъ войскомъ по берегамъ Мекрана, черезъ западный Белуджистанъ въ Керманъ, гдѣ съ нимъ долженъ былъ соединиться Кратеръ. Флоту, подъ начальствомъ Неарха, приказано было плыть изъ Инда въ Персидскій заливъ и изслѣдовать неизвѣстные еще южные берега Азіатскаго царства Александра, ихъ гавани, рѣки и мѣста, удобныя для высадки. Эти три экспедиціи принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ предпріятіямъ македонянъ; ими было докончено изслѣдованіе и покореніе всѣхъ странъ до самаго Инда, и упрочены сообщенія ихъ между собою и съ Европою. Построеніе городовъ и учрежденіе двухъ сатрапій на Индѣ имѣло цѣлью обезопасить эту рѣку, начиная отъ владѣній Таксила до самаго моря. Теперь великому завоевателю оставалось сдѣлать путь, которымъ онъ

шелъ, постоянною дорогою въ Индію, и установить соединеніе Персіи съ южною частью Индіи. Для этого, онъ приказалъ войску начать отступленіе по двумъ различнымъ направленіямъ. Проникая въ эту страну, Александръ покорилъ сѣверныя части горъ, отдѣляющихъ Персію отъ Индіи, и сдѣлалъ ихъ доступными со стороны Персіи; теперь ему хотѣлось сдѣлать ихъ доступными изъ Индіи и въ южныхъ ихъ частяхъ. Планъ этотъ, стоившій правда не мало жертвъ, былъ осуществленъ, и обѣ страны были соединены такою связью, какая ни прежде, ни послѣ, никогда не существовала между ними, потому что ни одинъ властитель Персіи, кромѣ Александра, не имѣлъ въ своей власти всѣхъ проходовъ и горныхъ крѣпостей на западѣ Индіи, и не покорялъ себѣ всѣхъ тамошнихъ народовъ. Только одинъ Александръ уничтожилъ между обѣими странами преграду, образуемую раздѣляющею ихъ цѣпью горъ.

14. Возвращеніе Александра изъ Индіи.

Походъ Александра изъ Индіи въ Персію былъ самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ его предпріятій, и достигнутая имъ великая цѣль—открытіе съ юга путей сообщенія между обѣими этими странами — обошлась войску очень дорого; потому что полководецъ не имѣлъ понятія о трудностяхъ избраннаго имъ пути, и напалъ на несчастную мысль идти вдоль берега Мекрана. Этотъ берегъ представляетъ собою ровную песчаную пустыню, отдѣленную отъ другихъ пустынь широкою и голою цѣпью горъ. Въ этихъ обнаженныхъ горахъ обитаютъ разбойничьи орды, а по берегу находятся небольшія поселенія рыбаковъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль другъ отъ друга. Ручьи, текущіе съ горъ въ море и сильно разливающіеся въ дождливое время, большую часть года остаются безъ воды. Растенія и источники составляютъ въ этихъ пустыняхъ большую рѣдкость, и къ тѣмъ лишеніямъ, какія претерпѣваютъ путники, присоединяются еще невыносимыя мученія отъ сильнаго

зноя, съ началомъ ночи смѣняющагося вдругъ холодомъ. Преданіе говоритъ, что Семирамида и Киръ, во время похода черезъ эти страшныя пустыни, потеряли все свое войско. Древніе связали походъ Александра съ этими баснословными сказаніями, и приписали великому завоевателю недостойную его мысль, избрать этотъ путь, чтобы показать міру, что онъ превзошелъ своими дѣлами величайшаго изъ персидскихъ царей и самую знаменитую повелительницу Азіи.

Въ концѣ лѣта 325 г. до р. Х. Александръ выступилъ изъ Патталы, и, перешедши западную пограничную цѣпь Индіи, прежде всего достигъ страны оритовъ, упирающейся противоположнымъ концомъ своимъ въ пустыни Мекрана. Ориты были покорены, на берегу построена гавань Александрія, и въ ней оставлены Аполлофанъ и Леоннатъ, первый намѣстникомъ, а второй начальникомъ войскъ. Они должны были не только управлять страною, но и заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы въ гаваняхъ ея могла получаться вода и жизненные припасы, такъ какъ Александръ выбралъ для себя путь вдоль береговъ частью съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ доступными для своего флота, и тѣмъ облегчить предписанное имъ плаваніе. Какъ только македоняне оставили страну оритовъ, начался страшный переходъ ихъ черезъ пустыни, уничтожившій большую часть ихъ войска. Шестьдесятъ дней продолжался этотъ ужасный путь, и только четвертая часть ихъ достигли конца пустыни, т. е. города Пуры, столицы Гедросіи, въ нынѣшнемъ Когистанѣ.

Описанія этого похода, оставленныя намъ древними историками, многіе считаютъ преувеличенными; но, вспомнивъ о свойствахъ пустынь знойнаго юга, или только о походѣ въ Россію Наполеона, мы не станемъ сомнѣваться въ вѣрности этихъ описаній, заимствованныхъ изъ дневника Неарха, изучившаго эти берега во время своихъ частыхъ высадокъ. Палящій зной и недостатокъ въ продовольствіи причиняли смертельныя болѣзни, и очень многіе изъ воиновъ умирали съ голода, по недостатку припасовъ; македоняне уби-

вали для употребленія въ пищу лошадей, вьючныхъ животныхъ, и даже иногда муловъ, везшихъ телеги съ больными, которыхъ бросали на дорогѣ. Приходя послѣ долгаго пути къ водѣ, многіе, не смотря на разгоряченіе своего тѣла, кидались на нее, и платились за свою неумѣренность мгновенною смертью. Однажды войско расположилось лагеремъ на руслѣ ручья почти совершенно высохшемъ, и осталось тутъ для отдыха цѣлый день; ночью вслѣдствіе проливнаго дождя ручей такъ быстро наполнился водою, и въ такомъ количествѣ, что множество людей и животныхъ, вмѣстѣ съ частью обоза, погибли во время наводненія. Туземные проводники, которыхъ бралъ съ собою Александръ, сбились съ дороги, и всему войску угрожала неминуемая гибель. Всякій порядокъ и повиновеніе исчезли, а это еще болѣе увеличило бѣдствіе. Воины завладѣвали насильно съѣстными припасами, и разомъ съѣдали то, чего должно было хватить на долгое время. Само собою разумѣется, что о наказаніяхъ нельзя было тогда и думать. Самъ Александръ дѣлилъ съ войскомъ всѣ трудности и бѣдствія похода, всячески стараясь облегчать ихъ печальную участь. Разсказываютъ, что однажды, когда воинъ принесъ ему немного воды оставшейся въ ручьѣ, онъ вылилъ ее на землю, сказавъ, что для одного ея будетъ много, а для всѣхъ мало.

Остатокъ несчастнаго войска отдохнулъ немного въ Пурѣ, и отправился черезъ воздѣланныя земли въ Караманію или Керманъ, куда прибылъ съ своимъ войскомъ и Кратеръ, прошедшій по гораздо лучшей дорогѣ, черезъ Кандагаръ по рѣкѣ Гильменду. Тутъ же Александръ былъ неожиданно обрадованъ прибытіемъ Неарха, который высадился на берегъ въ разстояніи пяти-дневнаго пути къ югу отъ Александра, но, услышавъ, что царь такъ близко отъ него, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Неархъ снова отправился къ своему флоту, и продолжалъ свое плаваніе до устья Эвфрата. Самъ же Александръ раздѣлилъ свое войско на двѣ части: съ одною Гефестіонъ долженъ былъ отправиться сначала къ морю, потомъ вдоль берега до устья Эвфрата, и оттуда въ Сузу;

другую повелъ туда онъ самъ по ближайшей дорогѣ черезъ Пасаргаду. Неархъ, оставившій намъ свѣдѣнія о своемъ путешествіи въ отдѣльномъ сочиненіи, совершилъ свой путь отъ нижняго Инда до Караманіи не безъ многихъ трудностей и опасностей; но за то привезъ много новыхъ свѣдѣній объ индійскомъ морѣ и его берегахъ.

Счастливо окончивъ плаваніе, онъ былъ щедро награжденъ Александромъ, и въ то же время получилъ начальство надъ другою экспедиціею, для изслѣдованія береговъ Аравіи и сосѣдней Африки; но она осталась неосуществленною за смертью Александра.

Передъ выступленіемъ изъ Караманіи, Александръ устроилъ по случаю своего возвращенія торжественныя процессіи и игры, принесъ благодарственныя жертвы, и наградилъ воиновъ и начальниковъ. Здѣсь онъ думалъ отдохнуть отъ трудностей индійскаго похода, и, какъ обыкновенно дѣлаютъ воины и моряки, послѣ долгихъ лишеній вдвойнѣ насладиться удовольствіями. Вовремя перехода черезъ Караманію, праздники слѣдовали за праздниками и пьянство вошло тогда въ обыкновеніе при дворѣ. Склонные къ баснямъ и риторикѣ, историки Александра воспользовались этимъ случаемъ для составленія разныхъ эффектныхъ картинъ, и представили въ своихъ сочиненіяхъ походъ отъ Пуры къ Сузѣ какимъ-то театральнымъ шествіемъ, а самого Александра вторымъ Вакхомъ. Такъ, между прочимъ, они разсказываютъ, что онъ ѣздилъ въ теченіе семи дней на великолѣпной, обшитой золотомъ колесницѣ, по улицамъ были разставлены бочки съ виномъ, и пьяные воины его ходили отъ одной бочки къ другой. Болѣе раціональный греческій историкъ, совершенно справедливо опровергаетъ всѣ эти сумасбродства, какъ недостойныя Александра, и ссылается при этомъ на современниковъ и спутниковъ царя, въ сочиненіяхъ которыхъ нѣтъ ничего подобнаго.

15. Александръ по возращеніи изъ Индіи.

Въ то время, когда Александръ находился въ Индіи, большая часть остававшихся въ Персіи полководцевъ и намѣстниковъ употребили во зло его довѣріе, и, пользуясь данною имъ властью, дѣлали величайшія беззаконія. До царя доходили положительныя вѣсти объ ужасныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ ими изъ корыстолюбія и распутства: храмы были преданы грабежу, жители сдѣлались жертвою вопіющихъ притѣсненій, и самыя подлыя насилія совершались надъ женщинами и дѣвушками. Александръ наказалъ преступниковъ съ безпощадною строгостью. Еще въ Караманіи, куда призвана была большая часть намѣстниковъ и полководцевъ, онъ наказалъ многихъ изъ этихъ злодѣевъ смѣщеніемъ съ должностей, тюремнымъ заключеніемъ или смертною казнью. Всѣмъ прочимъ по приказанію царя было велѣно лично явиться въ Сузу, чтобы дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ Пасаргадѣ Александръ нашелъ разрушеннымъ священное зданіе, въ которомъ покоился прахъ Кира. Во время перваго своего пребыванія въ этомъ городѣ, онъ снова украсилъ его, и приказалъ жреческой фамиліи, хранившей его и въ опредѣленные дни совершавшей жертвоприношенія, продолжать свое служеніе. Александръ зналъ, что персы смотрятъ на гробницу Кира, какъ на національную святыню, а правильное отправленіе въ ней богослуженія считаютъ такимъ установленіемъ, отъ котораго зависитъ продолженіе ихъ царства, и, желая чтобъ на него смотрѣли какъ на возстановителя персидской монархіи, имѣлъ важныя основанія поддерживать это установленіе и охранять его. Уже по одной этой причинѣ онъ долженъ былъ страшно разсердиться, когда, по возвращеніи изъ Индіи, увидалъ, что само зданіе было отчасти разрушено, находившіяся въ немъ драгоцѣнности похищены, а трупъ Кира изуродованъ. Приказавъ какъ можно скорѣе возстановить все въ прежнемъ видѣ, онъ всячески старался отыскать

виновника. Но преступникъ однако не былъ открытъ, потому что отъ маговъ, хранившихъ гробъ, не смотря на жестокія пытки, не могли добиться никакого показанія. Тогдашній сатрапъ провинціи, персъ Орксинъ и македонянинъ Полимахъ, обвиняемые своими личными врагами въ этомъ дѣлѣ и возбудившіе множество жалобъ отъ жителей провинцій на другія злодѣйства, были казнены по приказанію Александра; хотя они кажется дѣйствительно не участвовали въ разграбленіи гробницы Кира. На пути отъ Пасаргады къ Сузѣ и въ послѣднемъ городѣ, Александръ казнилъ еще многихъ намѣстниковъ и военачальниковъ за разныя злодѣйства.

По прибытіи въ Сузу, Александръ старался болѣе всего слить персовъ и македонянъ въ одинъ народъ, и въ особенности тѣснѣе соединить другъ съ другомъ дворянство обѣихъ націй. Для этой цѣли онъ отдавалъ дѣвицъ изъ древнихъ персидскихъ фамилій въ замужество своимъ тѣлохранителямъ, принадлежавшимъ, какъ и его лучшіе полководцы, къ македонскому дворянству, женилъ на персіянкахъ десять тысячъ македонянъ нисшаго класса, и самъ женился на дочери Дарія, которая у греческихъ историковъ носитъ три различныхъ имени: Барсины, Арсинои, и Статиры,—уже вступивъ, во время согдіанскаго похода, въ бракъ съ Роксаною, дочерью бактрійскаго князя Оксіатра. По случаю своей свадьбы съ дочерью Дарія Александръ устроилъ большое торжество, и съ намѣреніемъ праздновалъ свой бракъ съ величайшею роскошью, чтобы самымъ торжественнымъ образомъ показать македонянамъ и персамъ сліяніе ихъ въ одинъ народъ. Принцессы и знатныя женщины вышедшія за мужъ за македонянъ, принадлежавшихъ къ древнимъ фамиліямъ, также невѣсты воиновъ Александра, получили значительное приданое изъ государственной казни. Кромѣ того онъ заплатилъ долги всѣхъ своихъ воиновъ и военачальниковъ, на сумму по меньшей мѣрѣ въ двадцать тысячъ талантовъ (около двадцати семи милліоновъ р. сер.). Наконецъ были награждены всѣ отличившіеся во время похода: Певкесту и Леоннату, спасшимъ жизнь царя въ городѣ Малловъ, и на-

чальнику флота Неарху Александръ велѣлъ поднести золотые вѣнка, считавшіеся самымъ почетнымъ знакомъ отличія у грековъ. Время, проведенное въ брачныхъ торжествахъ и раздачѣ наградъ войску, закончилось трагическимъ событіемъ. Одинъ старый индійскій браминъ и факиръ Каланъ послѣдовалъ за македонскимъ войскомъ до самой Сузы. Македоняне любили этого страннаго человѣка, и самъ Александръ, занимавшійся изученіемъ индійской философіи, охотно бесѣдовалъ съ нимъ. Въ Сузѣ Каланъ заболѣлъ въ первый разъ въ своей жизни, и, сообразно индійскому воззрѣнію на жизнь, рѣшился тотчасъ же предупредить страданія своего тѣла добровольною смертью. Александръ, не успѣвъ убѣдить Калана оставить это намѣреніе, приказалъ устроить ему, по индійскому обычаю, костеръ, и почтить его смерть самымъ торжественнымъ образомъ. Каланъ сжегъ себя съ совершеннымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, которое часто встрѣчается у благочестивыхъ индусовъ, и основывается на особенностяхъ ихъ религіи и міросозерцанія.

И персидская нація и македонскіе полководцы приняли подарки Александра, по случаю брачнаго торжества, какъ новое доказательство его заботливости о нихъ. Совершенно иначе смотрѣло на эти вещи большинство македонскихъ воиновъ, не хотѣвшихъ дѣлиться съ персами плодами своихъ завоеваній. Недовольство ихъ сдѣлалось еще замѣтнѣе когда Александръ принялъ въ свою армію тридцать тысячъ туземцевъ, набранныхъ въ различныхъ провинціяхъ во время похода въ Индію, обучилъ по македонски и во всемъ сравнялъ ихъ съ македонянами. Послѣ этого настроеніе духа македонскаго войска сдѣлалось весьма опаснымъ для Александра, и, повидимому, воины ждали только благопріятнаго случая выразить свое недовольство. Случай скоро представился, когда Александръ, во время своего похода въ Вавилонъ прибывъ въ лежащій при Тигрѣ городъ Описъ, хотѣлъ тамъ отпустить изъ войска ветерановъ. Воины видѣли въ этомъ только хитрость, посредствомъ которой царь

думалъ удалить изъ войска безпокойныхъ людей и еще усилить значеніе азіатцевъ. Когда Александръ объявилъ войску свое рѣшеніе, поднялся громкій крикъ и ропотъ. Всѣ македоняне и греки, находившіеся въ войскѣ, объявили, что они не станутъ болѣе служить, что царь долженъ дать отставку всѣмъ имъ, и набрать свое войско изъ однихъ азіатцевъ. Въ этомъ явномъ бунтѣ Александръ обнаружилъ спокойствіе и ловкость истинно опытнаго полководца. Представившись строгимъ, онъ вошелъ въ средину бунтующаго войска, велѣлъ арестовать тридцать солдатъ, которыхъ считалъ зачинщиками, и отвести ихъ на казнь. Доказавъ этимъ свою рѣшимость и твердость, Александръ обратился къ войскамъ съ рѣчью, въ которой выставилъ свои и своего отца заслуги, и старался показать что македоняне ничего бы не достигли безъ него, а онъ и безъ нихъ будетъ очень могуществен. Потомъ, приказавъ имъ разойтись, отправился въ свое жилище, и недопускалъ туда ни одного македонянина. Персидскимъ же войскамъ велѣлъ окружить царскій дворецъ, передалъ имъ всѣ караулы и должности при себѣ, торжественно назвалъ нѣкоторыхъ персовъ своими друзьями, и позволилъ имъ являться къ нему во всякое время.

Такой образъ дѣйствій Александра произвелъ сильное впечатлѣніе на македонянъ. Македонскіе воины изъявили раскаяніе, пришли ко дворцу; просили царя о прощеніи, обѣщаясь выдать зачинщиковъ заговора и впредь безусловно повиноваться. Достигнувъ своей цѣли, царю не зачѣмъ было болѣе разыгрывать комедію, которая, при большей энергіи со стороны воиновъ, могла очень плохо кончиться для него. Черезъ два дня онъ снова показался македонянамъ, сказалъ имъ, что считаетъ ихъ своими друзьями, устроилъ большой пиръ, на который пригласилъ девять тысячъ македонянъ, и своею заботливостью объ отправляемыхъ на родину воинахъ далъ имъ новое доказательство неизмѣнности своего расположенія къ нимъ. Каждый изъ ветерановъ получилъ не только сумму, нужную на путевыя издержки до прибытія въ Македонію,

но еще подарокъ приблизительно въ тысячу триста пятьдесятъ руб. Царь также взялъ на свое попеченіе ихъ дѣтей, рожденныхъ отъ азіатокъ, и торжественно обѣщалъ воспитать ихъ какъ македонянъ; а имъ самимъ даровалъ почетное право, въ теченіе всей ихъ жизни, на всѣхъ праздникахъ и публичныхъ играхъ носить вѣнцы и занимать первыя мѣста. Кратеръ, которому поручено было привести ветерановъ на родину, благополучно достигъ Македоніи.

16. Событія въ Греціи въ послѣдніе годы жизни Александра.

Александръ не безъ особенныхъ соображеній поручилъ отвести ветерановъ на родину Кратеру, близко знакомому съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Македоніи и Греціи. Антипатръ уже давно былъ не въ ладу съ Олимпіадой, которая не хотѣла отказаться отъ своего вліянія на управленіе Македоніею, и постоянно жаловалась своему сыну на правителя царства. Самъ Александръ не совсѣмъ довѣрялъ Антипатру, узнавъ о заключеніи имъ тайнаго союза съ этолійцами. Вслѣдствіе такихъ отношеній къ Антипатру царь и рѣшился вызвать его изъ Македоніи, а на его мѣсто назначить Кратера.

Чтобы предупредить волненія, которыя могли возникнуть въ Греціи, Александръ приказалъ объявить на олимпійскихъ играхъ всѣмъ греческимъ государствамъ, чтобы они возвратили на родину своихъ изгнанниковъ, (324 г. до Р. Х.,). Эта мѣра, сопровождавшаяся угрозою употребить въ случаѣ неповиновенія силу, доставила царю во всѣхъ греческихъ государствахъ множество приверженцевъ. Число изгнанниковъ, возвратившихся вслѣдствіе этого приказанія на родину, простиралось до тридцати тысячъ, хотя цифру эту и нельзя считать достовѣрною. Самый же фактъ имѣлъ большое значеніе для Греціи и для политики Александра. Аѳиняне и этолійцы хотѣли непослушаться повелѣнія Александра: первые лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ изгнали всѣхъ жителей острова Самоса,

а послѣдніе выгнали жителей города Эніады и раздѣлили между собой ихъ земли. Поставленные теперь въ затруднительное положеніе, оба народа стали тайно готовиться къ войнѣ. Аѳиняне, кромѣ того, послали къ царю пословъ, которые хотя оказывали ему божескія почести и льстили, подобно посланникамъ другихъ государствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были представить ему, что возвращеніе изгнанниковъ на родину должно произвести большія замѣшательства. Какъ неблагосклонно принялъ Александръ просьбу аѳинянъ, и какъ мало думалъ онъ объ ея исполненіи, видно уже изъ того, что посольство аѳинскаго народа, было принято послѣ всѣхъ другихъ посольствъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ то время какъ повелѣніе Александра ставило аѳинянъ въ затруднительное положеніе, приверженцы Александра воспользовались для изгнанія изъ Аѳинъ оратора Демосѳена процессомъ Гарпала, прежняго главнаго хранителя персидскихъ сокровищъ. Исторія Гарпала представляетъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, изъ которыхъ можно видѣть, какъ вредно дѣйствовали на нравственность богатства востока, легко добываемыя при Александрѣ и входившія во всеобщее обращеніе. Она показываетъ также, что демократическія государства Греціи находились совершенно во власти корыстолюбивыхъ демагоговъ, старавшихся только удовлетворить своей жадности и другимъ страстямъ, не заботясь объ общемъ благѣ. Въ царствованіе Филиппа Гарпалъ, въ то время какъ Олимпіада и ея сынъ находились въ немилости, принялъ вмѣстѣ съ Птолемеемъ, Неархомъ и другими знатными македонянами такое живое участіе въ Александрѣ, что подвергся съ своими друзьями изгнанію изъ отечества. Считая долгомъ наградить всѣхъ пострадавшихъ за него, Александръ, по восшествіи на престолъ, далъ имъ первыя мѣста въ войскѣ. Гарпалъ по своимъ тѣлеснымъ недостаткамъ не годился для военной службы, и Александръ сдѣлалъ его своимъ казначеемъ, къ чему, повидимо-

му, онъ былъ тѣмъ болѣе способенъ, что еще при Филиппѣ управлялъ финансами.

Александръ былъ такого высокаго мнѣнія о Гарпалѣ и его способностямъ къ финансовымъ дѣламъ, что считалъ его совершенно незамѣнимымъ по этой части; но Гарпалъ не оправдалъ довѣрія и безсовѣстно поступалъ со всѣми, отъ кого долженъ былъ получать деньги. Передъ битвою при Иссѣ, онъ бѣжалъ изъ Азіи съ ввѣренною ему казною, и поселился въ Мегарѣ, гдѣ со всею страстью предавался чувственнымъ наслажденіямъ. Черезъ нѣсколько времени прощенный Александромъ изъ благодарности къ прежнимъ его услугамъ, Гарпалъ возвратился весною 331 г. въ Азію, снова получилъ свою прежнюю должность, и ему же порученъ былъ надзоръ за всѣми сокровищами, привезенными изъ Сузы, Пасаргады и Персеполя въ Экбатану. Пока былъ живъ Парменіонъ, управлявшій Мидіею и могшій наблюдать за главнымъ казначеемъ, Гарпалъ, кажется, не рѣшался на воровство въ значительныхъ размѣрахъ. Но когда его не стало, и Александръ отправился въ Бактрію, Гарпалъ не могъ уже болѣе противиться окружающимъ его соблазнамъ, и, обкрадывая ввѣренную ему государственную казну, простиравшуюся до ста восьмидесяти тысячъ талантовъ (около двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ р.), тратилъ громадныя суммы на любовницъ и пиры. Когда по возвращеніи Александра изъ Индіи назначено было произвести строгое слѣдствіе надъ всѣми недобросовѣстными чиновниками, Гарпалъ, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ, захвативъ съ собою до пяти тысячъ талантовъ (около $6^1/_2$ милліоновъ руб.) и взявъ шеститысячный отрядъ наемниковъ. Послѣднее обстоятельство даетъ его бѣгству какой-то загадочный видъ, но вѣроятно онъ увѣрялъ, что получилъ приказаніе отвезти въ Европу часть царской казны подъ сильнымъ прикрытіемъ.

Вмѣстѣ съ своими наемниками Гарпалъ отплылъ въ Грецію, и высадившись на берегъ тотчасъ же отпустилъ ихъ. Спрятавъ

бóльшую часть своихъ сокровищъ въ одномъ изъ городовъ Пелопоннеса, онъ съ остальною отправился искать пріюта въ Аѳинахъ. Аѳины доставили ему желанное убѣжище, потому что онъ привлекъ на свою сторону посредствомъ подкупа нѣкоторыхъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ, и сдѣлалъ народу предложеніе положить принесенныя имъ сокровища въ аѳинскую государственную казну. Гарпалъ раздавалъ всѣмъ богатые подарки, и Гиперидъ, Демадъ вмѣстѣ со многими другими не упустили удобнаго случая обогатиться. Антипатръ потребовалъ отъ аѳинянъ, чтобы они выдали преступника вмѣстѣ съ его сокровищами. Вмѣсто того, чтобы выполнить это приказаніе, аѳиняне удержали деньги, говоря, что желаютъ сохранить ихъ и передать самому царю, и, поднявъ по смерти Александра оружіе противъ македонянъ, воспользовались ими для сформированія военныхъ силъ. Гарпала они рѣшились арестовать и держать въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока самъ Александръ не скажетъ имъ, что съ нимъ дѣлать. Во время переговоровъ объ этомъ, Демосѳенъ, по разсказамъ незаслуживающимъ впрочемъ вѣроятія, былъ поставленъ однажды въ самое затруднительное положеніе, и сдѣлался смѣшнымъ въ глазахъ своихъ согражданъ. Когда шли совѣщанія передъ народомъ о Гарпалѣ, Демосѳенъ, котораго послѣдній подкупилъ будто бы золотымъ кубкомъ, наполненнымъ суммою до 27.000 рублей, явился въ собраніе съ обвязанною шеею, и сказалъ, что не можетъ говорить вслѣдствіе горловой опухоли. Но враги его острили надъ нимъ, говоря, что онъ боленъ не горловой, а золотою опухолью.

Черезъ нѣсколько времени по предложенію самого Демосѳена былъ начатъ ареопагомъ процессъ противъ всѣхъ лицъ, подкупленныхъ Гарпаломъ. Многіе оказались виновными и были казнены или заключены въ темницу. Въ это дѣло по проискамъ Гиперида и другихъ враговъ былъ замѣшанъ и Демосѳенъ. Всѣ его усилія спасти себя остались тщетными; онъ былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ уплатѣ значительной суммы; по всей вѣроятности великій ораторъ, ненавистный македонскому двору, былъ просто

принесенъ въ жертву интересамъ государства. Не будучи въ состояніи выплатить наложенной на него пени, онъ былъ заключенъ въ темницу, откуда впрочемъ черезъ нѣсколько дней ему удалось бѣжать. Гарпалъ также бѣгствомъ скрылся отъ наказанія, но вскорѣ палъ отъ руки убійцы. Онъ былъ убитъ однимъ спартанцемъ на островѣ Критѣ, куда бѣжалъ съ своими сокровищами, хранившимися въ Пелопоннесѣ.

17. Послѣдній годъ жизни Александра.

Распространивъ свое господство до самой Индіи, Александръ началъ строить громаднѣйшіе планы. Онъ приготовлялся къ походу въ Аравію, намѣреваясь присоединить эту страну къ своему царству; хотѣлъ сдѣлать Тигръ судоходнымъ и заложить при устьѣ его большую гавань; построилъ большой флотъ, съ которымъ Неархъ долженъ былъ объѣхать Аравію и установить сообщеніе между Индомъ, Персіею и восточною Африкою; наконецъ приказалъ снова воздвигнуть въ Вавилонѣ разрушенный древній храмъ Бела, и имѣлъ намѣреніе сдѣлать этотъ городъ своею резиденціею, центромъ цивилизованнаго міра, величайшимъ и роскошнѣйшимъ городомъ всего свѣта. Но преждевременная смерть великаго царя разрушила всѣ эти планы.

По увольненіи ветерановъ, Александръ удалился въ Экбатану, гдѣ въ теченіе восьми дней устраивалъ великолѣпнѣйшіе праздники. Во время этихъ празднествъ заболѣлъ и умеръ Гефестіонъ. Александръ былъ сильно опечаленъ смертью человѣка, бывшаго всегда самымъ вѣрнымъ и любимымъ его другомъ. Историки, собиравшіе интересные и трогательные анекдоты изъ жизни и подвиговъ Александра, воспользовались и этимъ обстоятельствомъ, чтобы въ ущербъ исторической истинѣ занять своихъ читателей и доставить имъ удовольствіе романическимъ разсказомъ. Они говорятъ, что Александръ съ горя почти совсѣмъ лишился разсудка, приказалъ казнить врача, лечившаго его друга, разрушилъ храмъ

Эскулапа въ наказаніе за то, что этотъ богъ не помогъ Гефестіону, затѣмъ предпринялъ для облегченія своей печали походъ противъ персидскихъ горныхъ народовъ, и въ память смерти Гефестіона совершенно истребилъ ихъ. Арріанъ, самый достовѣрный изъ всѣхъ историковъ Александра, сочиненія которыхъ сохранились до насъ, основательно опровергаетъ всѣ эти разсказы, какъ недостойные великаго царя, и совершенно несоотвѣтствующіе его характеру. Но нѣтъ сомнѣнія, что Александръ совершилъ похороны своего друга съ такою пышностью и расточительностью, которыя показываютъ, что македонскій завоеватель Азіи во время покоренія этой части свѣта самъ поддался любви восточныхъ жителей ко всему исполинскому и чрезмѣрному. Тѣло Гефестіона съ торжествомъ было отвезено въ Вавилонъ, и тамъ похоронено.

Вскорѣ послѣ смерти Гефестіона, возвращаясь въ Вавилонъ, Александръ воспользовался этимъ походомъ для покоренія остававшихся еще независимыми дикихъ народовъ, которые тревожили западныя пограничныя горы собственной Персіи. Это были коссеи. Они были совершенно покорены, и хищническія гнѣзда ихъ разрушены впродолженіе сорокодневнаго похода. Во время дальнѣйшаго шествія Александра, и въ самомъ Вавилонѣ, къ нему являлись послы отъ всѣхъ народовъ запада, до которыхъ дошла молва о его подвигахъ, для принесенія поздравленій и подарковъ, или какъ аѳиняне для представленія своихъ просьбъ и желаній. Тутъ были послы греческихъ государствъ, различныхъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ, обитающихъ къ сѣверу отъ нихъ кельтовъ, нѣкоторыхъ италъянскихъ народовъ, карѳагенянъ и многихъ полуобразованныхъ африканскихъ племенъ. Въ то время какъ Александръ наслаждался пріемомъ различныхъ посольствъ, появленіе которыхъ убѣждало его въ томъ, что слава его подвиговъ проникла ко всѣмъ народамъ извѣстныхъ тогда странъ, разныя предзнаменованія и предсказанія и непреодолимая скорбь о своемъ любимцѣ, напоминали ему о непостоянствѣ всякаго человѣческаго величія и непрочности всѣхъ его гигантскихъ плановъ. Однако до послѣдней

минуты своей жизни онъ оставался вѣренъ самому себѣ, занимался управленіемъ громаднаго своего царства, и особенно надзоромъ за работами, начатыми имъ для возвращенія всего прежняго величія и блеска странамъ, бывшимъ когда-то центрами Вавилонскаго и Ассирійскаго царствъ, и для установленія лучшихъ путей сообщенія черезъ посредство Эвфрата и Тигра, каналовъ и другихъ гидравлическихъ сооруженій.

Когда большая часть войскъ, предназначавшихся для похода въ Аравію, собралась въ Вавилонъ, и окончены были приготовленія къ похоронамъ Гефестіона, Александръ оказалъ послѣднія почести своему другу. Онъ приказалъ построить для его тѣла костеръ, вышиною около двухъ сотъ футовъ, великолѣпно украшенный золотомъ, пурпуромъ, картинами и изваяніями, и стоившій не менѣе двѣнадцати тысячъ талантовъ (около 16 милліоновъ рублей сер.). Этотъ колоссальный костеръ былъ сожженъ среди торжественныхъ церемоній и пѣсней. Александръ принесъ своему другу, котораго онъ приказалъ провозгласить полубогомъ, роскошныя жертвы, и въ продолженіе многихъ дней совершалъ разнаго рода торжества.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этой церемоніи умеръ и самъ Александръ. Онъ въ теченіе всей своей жизни оставался другомъ своихъ полководцевъ и постоянно принималъ участіе въ ихъ общественныхъ удовольствіяхъ. Эти люди, большинство которыхъ выучилось пить еще при Филиппѣ, были преданы неумѣренному, а въ жаркихъ странахъ вдвойнѣ вредному употребленію вина. Не подлежитъ сомнѣнію, что неумѣренный образъ жизни, соединенный съ усиленными занятіями, гибельно дѣйствовалъ на здоровье Гефестіона и былъ причиною ранней его смерти; но, не смотря на увѣренія нѣкоторыхъ историковъ, сомнительно, чтобы и Александръ, подобно своимъ полководцамъ, предавался этой страсти и тѣмъ ускорилъ свою смерть. Александръ охотно присутствовалъ на пирахъ своихъ полководцевъ, потому что любилъ откровенную бесѣду, но сравнительно съ ними пилъ очень мало. Вообще питье не

было у него страстью, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ всегда оставался властелиномъ своихъ страстей и былъ трезвъ, когда нужно было дѣйствовать. Александръ не принадлежалъ, по словамъ одного древняго историка, къ разряду обыкновенныхъ людей, которые, достигнувъ славы, теряютъ власть надъ собой, опьяненные ея сладостью.

Послѣ нѣсколькихъ пирушекъ, на которыхъ Александръ присутствовалъ, онъ почувствовалъ разстройство; но, не смотря на то, принялъ приглашеніе одного изъ своихъ товарищей, потому что находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ не хотѣлъ оскорблять отказомъ любимаго полководца. Онъ оставался на пирѣ до глубокой ночи, на слѣдующій день заболѣлъ лихорадкою, и черезъ недѣлю умеръ, не сдѣлавъ распоряженія относительно престолонаслѣдія. Разсказъ о томъ, что передъ своею смертью на вопросъ, кому онъ оставляетъ царство, Александръ отвѣчалъ: "достойнѣйшему", чистая выдумка, принадлежащая къ числу тѣхъ анекдотовъ, которыми искажена жизнь великаго человѣка.

Тѣло Александра должно было отвезти въ оазисъ Аммонія, и тамъ похоронить. Прошло два года, прежде чѣмъ была готова для него золотая гробница и великолѣпная колесница. Наконецъ, оно было привезено въ торжественной процессіи изъ Вавилона въ Египетъ, гдѣ его принялъ тогдашній владѣтель этой страны, полководецъ Александра, Птолемей. Вмѣсто того, чтобы положить его въ храмъ Юпитера Аммонскаго, хитрый Птолемей, умѣвшій извлекать изъ всего пользу для своей власти, приказалъ воздвигнуть въ собственной своей резиденціи Александріи священное зданіе, названное семою, въ которомъ онъ похоронилъ тѣло великаго царя.

18. Александръ какъ основатель всемірной монархіи и вліяніе его завоеваній на духъ грековъ и Востока.

Александръ начерталъ планъ соединенія восточнаго міра съ западнымъ, грековъ съ варварами и, посредствомъ цѣлаго ряда

вновь основанныхъ въ Азіи греческихъ городовъ, хотѣлъ сблизить конечный пунктъ восточной цивилизаціи, вѣчно въ тѣсныхъ границахъ вращающееся міровоззрѣніе и чисто созерцательный образъ жизни индусовъ съ постоянно стремящимся впередъ, ни чѣмъ не удовлетворяющимся и всегда дающимъ новыя формы самой жизни, духомъ Запада. Преждевременная смерть Александра не позволила ему осуществить главной цѣли своихъ стремленій, но его вліяніе не погибло, и изъ того что онъ сдѣлалъ развился новый родъ образованности, составляющій характеристическую черту слѣдующаго періода. Востокъ въ теченіе цѣлаго столѣтія боролся съ занесенными въ него и чуждыми ему греческими элементами, наконецъ оттолкнулъ ихъ отъ себя, и снова впалъ въ свое прежнее состояніе; напротивъ того, греческій бытъ, сообразно своей европейской природѣ, принялъ въ себя принесенные въ него чуждые элементы. Въ Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи, — гдѣ изъ завоеваній Александра возникли новыя царства съ греческими властителями,— образовалось изъ смѣшенія греческаго и восточнаго элементовъ и вслѣдствіе расширенія познаній о мірѣ нѣчто совершенно новое, различное въ различныхъ странахъ и сдѣлавшееся средоточіемъ, около котораго вращалась въ послѣдующее время исторія культуры человѣчества.

Александръ какъ будто перевелъ Грецію и Македонію въ Азію; вскорѣ по его смерти, греческіе властители, раздѣлившіе его царство, въ такой степени поощряли искусства и науки въ своихъ владѣніяхъ, что съ тѣхъ поръ духъ и центръ могущества грековъ переселились въ Переднюю Азію и Египетъ. Такимъ образомъ эта часть міра выиграла, а Греція и Македонія потеряли отъ завоеваній Александра. Погруженный въ изнѣженность Востокъ принялъ въ себя греческую цивилизацію и энергію, греки же и особенно македоняне, въ то время еще не совершенно испорченные, пріобрѣли только богатство и склонность къ распутству. Если бы планъ Александра вполнѣ осуществился, Европа пострадала бы еще болѣе. Востокъ усвоилъ бы всѣ драгоцѣнныя качества души и тѣла евро-

пейскихъ народовъ, а Греція и Македонія, напротивъ того, получили бы одно золото и страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ. Побѣжденные сдѣлались бы побѣдителями, а эти послѣдніе утратили бы благороднѣйшія блага человѣчества, — свободу, равенство передъ закономъ и природное человѣческое право. Впрочемъ Востокъ выигралъ гораздо болѣе, чѣмъ потеряла Греція, потому что Александръ принесъ гораздо болѣе греческаго къ персамъ, чѣмъ персидскаго къ грекамъ.

Быстраго развращенія нравовъ между македонянами никакъ не слѣдуетъ приписывать только вліянію завоеваній Александра; причиною того были еще два особенныя обстоятельства, имѣющія одинаковое дѣйствіе на всѣ народы и во всѣ времена. Вездѣ, гдѣ переходъ отъ полуцивилизованнаго состоянія къ высшей образованности, и отъ бѣдности къ богатству, совершается внезапно, народы теряютъ простоту и чистоту нравовъ и дѣлаются нравственно испорченными. Въ новѣйшее время примѣромъ тому служитъ одинъ изъ европейскихъ народовъ. Второе обстоятельство, содѣйствовавшее быстрому поврежденію македонскихъ нравовъ, заключалось въ томъ, что когда грубость и чистое варварство находятся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ чрезмѣрною утонченностью, какъ это было тогда съ македонянами, нравственность народа скоро должна глубоко пасть. Какъ велико еще было во времена Александра варварство во Ѳракіи и Иллиріи—странахъ, граничащихъ съ Македоніею, — можно судить уже потому, что у нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ племенъ были тогда въ употребленіи человѣческія жертвы.

Очеркъ введенныхъ Александромъ учрежденій и управленія царствомъ весьма важенъ для познанія господствовавшаго тогда духа времени, и можетъ при томъ служить объясненіемъ его собственныхъ стремленій. Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаютъ вниманія его отношенія къ войску и къ тѣмъ различнымъ народамъ, изъ которыхъ оно было составлено. Войско, еще прежде чѣмъ Александръ принялъ въ него азіатцевъ, состояло изъ весьма

разнородныхъ частей. Въ составъ его входили жители всѣхъ македонскихъ провинцій, иллирійцы, ѳракійцы и греки изъ большей части государствъ этой націи. Послѣдніе были наемники, навербованные государствами, контингенты которыхъ они составляли, или набранные намѣстникомъ Александра въ Македоніи и его полководцами между малоазійскими греками. Богатства, добытыя Александромъ во время походовъ, дѣлали эти вербовки очень легкими, а роскошные подарки, раздававшіеся при всякомъ случаѣ солдатамъ, дѣлали македонскую военную службу во время похода еще заманчивѣе. Александръ дѣйствовалъ чрезвычайно умно, отсылая отъ времени до времени на родину небольшіе отряды, щедро награжденные; онъ очень хорошо понималъ, что возвращеніе ихъ на родину естественно приманитъ къ нему другихъ, и что греки и македоняне, удивляясь разсказамъ о богатствѣ немногихъ, возвратившихся домой, забудутъ объ участи гораздо бо́льшаго числа тѣхъ, которые погибли въ битвахъ, или, неся гарнизонную службу, загнаны въ отдаленнѣйшія страны свѣта.

Изъ всего войска Александра одни только македоняне, связанные рожденіемъ и обычаями съ своимъ царемъ, имѣли общіе съ нимъ интересы. Всѣхъ другихъ онъ долженъ былъ привлекать и привязывать къ себѣ особенными средствами. Эти средства, касавшіяся также и македонянъ, были различнаго рода; кромѣ привѣтливости, составлявшей существенную черту въ характерѣ Александра, для той же цѣли ему служили еще денежные подарки и почетные знаки. Нѣкоторые примѣры всего лучше покажутъ, какъ ловко умѣлъ онъ пользоваться этими средствами, и какъ щедръ былъ, когда дѣло шло о наградахъ войску. Послѣ битвы при Арбелѣ, каждый македонскій всадникъ получилъ въ подарокъ по сту сорока рублей, а каждый не македонскій — по сто пятнадцати; въ пѣхотѣ каждый воинъ фаланги получилъ по сорока два рубля, а греческимъ наемникамъ было выдано не взачетъ жалованье за два мѣсяца. Когда во время похода изъ Вавилона къ Сузѣ прибыло къ войску изъ Европы шестнадцати тысячное подкрѣпленіе,

Александръ тотчасъ же принялъ мѣры чтобы привязать къ себѣ эти новыя войска, и одушевить еще болѣе старыя. На одномъ смотру онъ роздалъ воинамъ особыя награды, которыя можно сравнить съ нашими медалями, назначилъ многихъ на высшія мѣста, распорядился о доставленіи войскамъ новыхъ удобствъ, и придалъ новую бодрость войску тѣми мелочами, которыя такъ привязываютъ простаго солдата къ своему полководцу. По смерти Дарія, каждый всадникъ получилъ въ подарокъ по тысячѣ триста, а каждый пѣхотинецъ по двѣсти двадцати рублей. Александръ продожалъ выказывать такую щедрость и во все время своихъ походовъ. Увольняя воиновъ, сдѣлавшихся неспособными къ службѣ, онъ всегда надѣлялъ ихъ почетными знаками отличія и денежными подарками. По возвращеніи изъ Индіи, первою заботою Александра было наградить своихъ товарищей по оружію; и тутъ въ признаніи за македонянами той доли участія въ побѣдахъ, какая имъ принадлежала, точно также высказался великій духъ Александра, какъ и во всѣхъ учрежденіяхъ, касавшихся цѣлыхъ государствъ и народовъ. Уже прежде было сказано, что Александръ далъ богатое приданое персіянкамъ, выданнымъ имъ за мужъ за своихъ полководцевъ и за десять тысячъ воиновъ, великолѣпно отпраздновалъ ихъ свадьбу. вмѣстѣ съ своею собственною, роздалъ двадцать семь милліоновъ рублей на уплату долговъ своего войска, и наградилъ заслуги нѣкоторыхъ начальниковъ такими знаками отличія, какими награждались обыкновенно побѣдители на олимпійскихъ играхъ.

Во всемъ, что касалось отношеній чужеземныхъ войскъ къ македонянамъ, всегда составлявшимъ ядро арміи, Александръ поступалъ весьма осторожно. Для поддержанія между ними различія, онъ пользовался тѣми же самыми средствами, какія въ наши дни такъ удачно были употребляемы Наполеономъ; какъ послѣдній держалъ постоянно войско другихъ народовъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ господствующей націи, преданность которой была для него всего важнѣе, такъ дѣлалъ и Александръ съ греками. Ихъ

также онъ осыпалъ знаками отличія, но при раздачѣ высшихъ мѣстъ остерегался предпочитать македонянамъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлалъ онъ исключенія, какъ напримѣръ, для Эвмена, родомъ изъ Кардіи, греческой колоніи въ Ѳракіи, блестящія заслуги котораго заставили царя отступить отъ общаго правила, но македоняне все-таки завидывали и ненавидѣли чужестранца, отличеннаго Александромъ.

Чтобы держать покоренные народы въ зависимости, Александръ употреблялъ средства, соотвѣтствовавшія ихъ національнымъ особенностямъ и извѣстнымъ обстоятельствамъ. Грецію держали въ зависимости дружественныя отношенія къ ней Александра, а отчасти собственная ея демократія и неразлучный съ нею духъ безпокойства. Не довѣряя вполнѣ этому свободолюбивому народу, Александръ для надзора за нимъ оставилъ съ войскомъ въ Македоніи опытнѣйшаго полководца и государственнаго человѣка своего отца. Относительно ѳракійскихъ племенъ онъ слѣдовалъ политикѣ Филиппа, — взявъ съ собой въ Азію всѣхъ ихъ вождей и правителей, возбуждавшихъ его опасеніе. Азіатскіе народы онъ держалъ въ зависимости своими гарнизонами, или другими средствами. Мало-азійскимъ грекамъ онъ оставилъ управленіе ихъ внутренними дѣлами, въ твердомъ убѣжденіи, что врожденный этому народу духъ партій продолжитъ свое существованіе и ослабитъ ихъ силы; кромѣ того, въ важнѣйшіе города Малой-Азіи были поставлены македонскіе гарнизоны. Въ тоже время, онъ назначалъ намѣстниковъ, смотрѣвшихъ за жителями своихъ провинцій совершенно иначе, чѣмъ персидскіе сатрапы. Прочія части персидскаго царства онъ поручалъ управленію македонянъ, но послѣ битвы при Арбелѣ, ставъ обращаться съ покоренными уже не какъ съ народомъ побѣжденнымъ и сравнявъ ихъ съ македонянами, онъ выбиралъ и туземцевъ въ намѣстники и другія должностныя лица провинцій. Александръ былъ тѣмъ болѣе расположенъ къ этому, что греки и македоняне нерѣдко злоупотребляли ввѣренною имъ властью для удовлетво-

ренія своего корыстолюбія. Такъ поступали напримѣръ его сборщики податей Клеоменъ въ Египтѣ и Филоксенъ въ западной части Малой Азіи. Поэтому онъ началъ призывать къ управленію страною туземцевъ, и далъ, напримѣръ, послѣ битвы при Арбелѣ, персу Митрину, сдавшему ему городъ Сарды, намѣстничество Арменіи. Впрочемъ само собою разумѣется, что неслыханная до тѣхъ поръ въ Азіи мысль обходиться съ побѣжденными какъ съ побѣдителями, болѣе чѣмъ все другое, должна была привязывать жителей къ новому своему владыкѣ.

Александръ удержалъ раздѣленіе на сатрапіи, но уничтожилъ стѣснительныя подати натурой, существовавшія при персидскомъ владычествѣ, и строго разграничилъ управленіе военною, гражданскою частью и финансами. Какъ тягостны были подати натурою и какъ много облегчилъ Александръ уничтоженіемъ ихъ положеніе страны, можно видѣть изъ одного основнаго закона, относившагося до стола персидскаго царя. Каждая область, въ которой находился царь, должна была доставлять часть припасовъ для ежедневнаго обѣда при дворѣ, какъ это дѣлалось у германскихъ императоровъ, французскихъ и англійскихъ королей съ девятаго по четырнадцатое столѣтіе. Подобно феодальнымъ баронамъ, и персидскіе вельможи злоупотребляли этимъ обычаямъ, грабя жителей, для содержанія себя и своей свиты. Всѣмъ получавшимъ содержаніе отъ двора было раздаваемо страшное множество съѣстныхъ припасовъ, и чего не могли съѣсть они сами, то приказывали относить домой для своей прислуги. На счетъ провинцій кормились не только придворные и первые сановники, но и всѣ войска, слѣдовавшія за дворомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ греческихъ сочиненіяхъ говорится, что число лицъ, ежедневно получавшихъ пищу при дворѣ на счетъ провинцій, въ которыхъ останавливался дворъ, простиралось до пятнадцати тысячъ человѣкъ, а ежедневная подать для нихъ до четырехъ сотъ талантовъ (полмилліона руб. сер.) Если эта цифра и преувеличена, то самое преувеличеніе уже показываетъ неразумность учрежденія и

стѣснительность его для подданныхъ. Въ тоже время изъ нея видно, какое благодѣяніе оказалъ Александръ жителямъ персидскаго царства, уничтоживши этотъ варварскій поборъ.

Александръ отмѣнилъ также часть нелѣпыхъ и унизительныхъ церемоній, бывшихъ въ обыкновеніи на пиршествахъ персидскаго двора. На нихъ никогда не приглашалось болѣе двѣнадцати человѣкъ. Царь, если онъ звалъ кого-нибудь къ столу, сидѣлъ за занавѣсомъ, устроеннымъ такъ что изъ за него царю можно было видѣть своихъ гостей, оставаясь невидимымъ для послѣднихъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ обѣдалъ въ одной комнатѣ съ ними, и тогда не сидѣлъ вмѣстѣ съ гостями, но лежалъ на подушкѣ, и бросалъ имъ кушанья въ знакъ своего благоволенія. Приглашаемые на царскія пирушки пили другое вино, чѣмъ самъ царь, и отпускались по домамъ совершенно пьяные. Совсѣмъ иначе было при дворѣ Александра. Онъ обыкновенно издерживалъ на свой столъ отъ двухсотъ пятидесяти до трехсотъ рублей, хотя съ нимъ обѣдало постоянно отъ шестидесяти до семидесяти человѣкъ его свиты, съ которыми онъ обходился по товарищески, и за столомъ господствовали свобода и равенство.

Когда впослѣдствіи Александръ началъ въ своемъ придворномъ этикетѣ все болѣе и болѣе слѣдовать восточнымъ обыкновеніямъ, перемѣна, обнаружившаяся въ его собственномъ характерѣ, была виною тому только отчасти. Онъ имѣлъ также въ виду поощреніе промышленности и торговли. Александръ постоянно думалъ о томъ какъ бы возвысить искусства и оживить торговлю, но это было невозможно безъ блестящаго и большаго придворнаго штата; введеніемъ его онъ и хотѣлъ установить взаимныя отношенія между роскошью и промышленностью. Открываемыя или пролагаемыя имъ дороги, изслѣдованіе еще мало извѣстныхъ рѣкъ, расчищеніе болѣе извѣстныхъ руслъ, и экспедиціи для открытія сообщенія моремъ, все это клонилось къ той же самой цѣли. Заботами и разумностью, съ которою онъ старался извлечь пользу изъ своихъ завоеваній и соединить въ одно результаты жизни и

науки всѣхъ народовъ и временъ, Александръ сдѣлалъ болѣе чѣмъ кто нибудь для развитія и распространенія всѣхъ искусствъ, имѣющихъ примѣненіе въ жизни. Благодаря ему слѣдующій періодъ сдѣлался временемъ высшаго процвѣтанія и географическаго распространенія ремеслъ и торговой дѣятельности стараго свѣта.

Александръ далъ новый толчокъ военному искусству. Онъ былъ первымъ полководцемъ въ исторіи, устроившимъ инженерную часть въ томъ родѣ, какъ нынѣ. Его генеральный штабъ раздѣлялся на географическое и топографическое отдѣленія. Начальникомъ инженеровъ былъ Аминтъ, сообщившій, подобно многимъ другимъ полководцамъ Александра, въ своемъ дневникѣ добытые имъ во время похода въ Азію результаты относительно познанія народовъ и странъ. Александръ приказывалъ повсюду измѣрять разстоянія и величину переходовъ, опредѣлять географическое положеніе странъ, и составить генеральную карту своихъ походовъ. Все это дѣлалось людьми свѣдущими, результаты ихъ трудовъ были вполнѣ достовѣрны, и составляли еще во время Страбоны, жившаго непосредственно передъ р. Х., самый лучшій источникъ для познанія Индіи и восточной Персіи. Описанія же, составленныя для большинства публики Онесикритомъ и самимъ Неархомъ, въ высшей степени невѣрны, и наполнены преднамѣренной ложью и преувеличеніями. Объ усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ Александромъ въ военныхъ учрежденіяхъ своего отца, и о примѣненіи къ своему войску всего, что онъ находилъ у различныхъ покоренныхъ имъ народахъ, было уже сказано прежде. Что касается фортификаціи и вообще приложенія математики и механики къ военному дѣлу то, по увѣренію древнихъ, карѳагеняне и славные своими заслугами въ мореходномъ искусствѣ родосцы, то еесть, два торговыхъ государства, первые приложили къ этому дѣлу математическія науки. Филиппъ и Александръ не только воспользовались ихъ открытіями и приложеніями, но пошли еще далѣе. Послѣдній отправился въ походъ съ людьми, образованными въ школѣ Полiида, искуснаго инженера его отца.

Какъ способны были они и какъ усовершенствовалась при Александрѣ та часть военнаго искусства, которую мы называемъ артиллерею, видно изъ тѣхъ указанныхъ нами выше средствъ, которыми были побѣждены опытные въ этомъ дѣлѣ тиряне. (т. II, стр. 323).

Цивилизующее вліяніе предпріятій Александра распространилось также на изящныя искусства и науки. Они были и косвенно возбуждены этими предпріятіями, но и самъ Александръ прямо старался поднять ихъ и оказывать имъ покровительство. Великій царь любилъ науки и искусства, развивалъ себя ими, и понималъ ихъ важность для облагороженія людей и даже для матеріальной жизни. Любовь къ поэзіи, которая не можетъ быть чужда благородной и великой душѣ, была въ немъ врожденная. Онъ высказалъ ее не только тѣмъ, что всегда имѣлъ при себѣ, какъ настольную свою книгу, тщательно пересмотрѣнный Аристотелемъ списокъ Иліады Гомера, и назначилъ для храненія его знаменитую драгоцѣнную шкатулку Дарія, доставшуюся македонянамъ послѣ битвы при Иссѣ, но и многими собственными поэтическими опытами, которыми онъ занимался въ часы досуга. Александръ любилъ и другія изящныя искусства, былъ знатокомъ всѣхъ ихъ, и всегда поощрялъ и награждалъ таланты и заслуги. Какъ развитъ былъ у него вкусъ къ музыкѣ, видно изъ разсказа о впечатлѣніи, произведеннымъ на него игрой Антигенида на флейтѣ: Александръ былъ такъ пораженъ и воспламененъ мелодіею боевой битвы, которую разыгрывалъ передъ нимъ Антигенидъ, что вскочилъ съ своего мѣста, взялся за оружіе, и пропѣлъ присутствовавшимъ нѣсколько словъ изъ спартанской военной пѣсни. Любовь его къ ваянію и живописи, и то уваженіе, съ какимъ онъ обращался къ Лисиппу и Апеллессу, извѣстны всѣмъ (т. II, стр. 288).

Все это конечно показываетъ вкусъ Александра къ истинной поэзіи и искусству, однако нельзя отрицать и того, что на развитіе ихъ онъ имѣлъ не совсѣмъ благотворное вліяніе, хотя

и тратилъ большія суммы на поддержаніе искусствъ и поощреніе художниковъ, и назначилъ между прочимъ тринадцать милліоновъ рублей для улучшенія и возстановленія храмовъ въ Греціи. Въ дѣйствительности онъ пробуждалъ въ поэтахъ только умѣнье льстить, и портилъ пластическія искусства соединеніемъ ихъ съ восточнымъ элементомъ, въ которомъ, какъ справедливо говоритъ одинъ древній историкъ, цѣнность матеріала предпочитается изяществу формы, и отъ того притупляется истинный вкусъ къ искусству; потому что человѣкъ отъ сильнаго изумленія передъ громадою золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, не можетъ дойти до созерцанія самаго искусства и восторга передъ нимъ. Для украшенія основанныхъ или вызванныхъ имъ къ новой жизни городовъ, Александръ призвалъ въ Азію множество отличныхъ греческихъ художниковъ, и такимъ образомъ перемѣстилъ въ Вавилонъ и Сузу то, что принадлежало Греціи и могло процвѣтать только подъ греческимъ небомъ. Смерть его, а также и то обстоятельство, что резиденція царствъ, образовавшихся изъ его завоеваній, находилась на берегу Средиземнаго моря, были счастливыми событіями для европейскаго образованія, потому что черезъ это уцѣлѣли основныя его черты — разнообразіе, развитіе и жизнь. Изъ всѣхъ искусствъ Александръ всего менѣе понималъ въ архитектурѣ. Это видно уже изъ постройки громаднаго костра, назначеннаго для сожженія тѣла Гефестіона, который могъ произвести впечатлѣніе только своею высотою, удивительнымъ разнообразіемъ украшеній и громадностью потраченныхъ на него денегъ. Непониманіе Александра въ архитектурѣ выказывалось и тѣмъ, что для совѣщаній о постройкахъ, онъ призывалъ преимущественно архитектора Динократа, отличавшагося своею любовью къ фантастическому и къ низкой лести. Значеніе его какъ художника можно всего лучше видѣть изъ его предложенія обратить мысъ Аѳонскій въ статую Александра, которая въ одной рукѣ держала бы цѣлый городъ съ десятью тысячами жителей, а въ другой — большую раковину, изъ которой текла бы въ море неизсякающая

рѣка. Идея эта была совершенно достойна древнихъ египтянъ, колоссальныя пирамиды и исполинскіе сфинксы которыхъ, возбуждаютъ чувство удивленія, но не могутъ возбудить любви къ себѣ. Такъ посмотрѣлъ на это предложеніе и Александръ. Онъ далъ художнику очень умный отвѣтъ: „оставь Аѳонъ такимъ, какимъ онъ есть, довольно и того, что уже одинъ царь увѣковѣчилъ на немъ свою глупую гордость“ (т. I, стр. 369). Александръ понималъ, подобно Бонапарте, (du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas) что въ этомъ планѣ великое и смѣшное близко граничатъ другъ съ другомъ, и что выполненіемъ его можно подвергнуться насмѣшкамъ всѣхъ разумныхъ людей; не смотря на то жалкая лесть все-таки произвела на него впечатлѣніе, и впослѣдствіи онъ поручилъ художнику Диπократу управленіе работами въ египетской Александріи и другихъ городахъ.

Отношенія Александра къ наукѣ были такія же, какъ и отношенія его къ искуству: онъ любилъ истинную науку, признавалъ ея значеніе, и тратилъ большія суммы на ея поддержку, но вообще вредилъ ея развитію. Александръ понималъ и уважалъ Аристотеля, былъ очень щедръ къ нему, и поддерживалъ его труды по части естественной исторіи, какъ немногіе поддерживаютъ ученыя занятія; онъ не только бралъ съ собою во время своихъ походовъ ученыхъ, которые дѣлали наблюденія для Аристотеля, приказывалъ ловить неизвѣстныхъ животныхъ и посылалъ ихъ къ Аристотелю, но и лично принималъ участіе въ великомъ планѣ послѣдняго — создать систематическую и основанную на опытѣ естественную исторію. Глубокая любовь Александра къ познаніямъ высказывается въ стараніи, съ какимъ онъ, во время своего похода, стремился узнать индійскую мудрость, и въ его уваженіи и внимательности къ аѳинянамъ. Изъ этого можно видѣть, что для него казались достойными одинаковаго вниманія два противоположныхъ рода жизни, которые самымъ характеристическимъ образомъ выражаются съ одной стороны въ аѳинской живости, и въ свойственномъ индійцамъ застоѣ жизни — съ другой. Онъ самъ при

своемъ свиданіи съ Діогеномъ (т. II. стр. 261) очень ясно высказалъ это, когда выразилъ ту мысль, что для высокой души есть только два рода величія — овладѣть міромъ, или быть способнымъ обойтись безъ него. Наконецъ и науку, какъ и истинное искусство, Александръ поддерживалъ съ удивительною щедростью, и предложилъ напримѣръ однажды платонику Ксенократу громадную сумму въ пятьдесятъ талантовъ (шестьдесятъ восемь тысячъ р. сер.) которыхъ послѣдній впрочемъ не принялъ (т. II. стр. 250).

Такимъ образомъ во всемъ, что сдѣлалъ Александръ для науки, высказывается великій духъ его съ самой блестящей стороны; но литературу онъ все таки лишилъ ея прежней самостоятельности и поставилъ въ зависимость отъ характера правительственныхъ лицъ. Кромѣ Аристотеля и Ксенократа, онъ награждалъ еще Анаксарха и Пиррона (т. II. стр. 353), жалкаго лжеца и льстеца Онесикрита наравнѣ съ истинно талантливыми людьми, и вообще поощрялъ богатыми подарками ту науку, которая умѣетъ ставить призракъ истины на мѣсто самой истины и природы.

19. Аристотель и его отношенія къ греческой образованности.

Ни одинъ человѣкъ, — исключая развѣ основателей міровыхъ религій, — не имѣлъ такого громаднаго вліянія на духовную жизнь цѣлаго человѣчества, какъ Аристотель, наставникъ Александра. Его великое значеніе отразилось на всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, и посредствомъ своей философіи онъ сдѣлался законодателемъ не только для всего Запада и христіанской религіи, но и для Востока и исламизма. Родившись въ македонскомъ городѣ Стагирѣ, Аристотель на семнадцатомъ году своей жизни отправился въ Аѳины, и сдѣлался ученикомъ Платона. По смерти своего учителя, онъ жилъ въ Малой Азіи, до тѣхъ поръ, пока Филиппъ II не вызвалъ его въ Македонію для воспитанія молодаго Александра.

Основатель новаго македонскаго государства понималъ достоинство и величіе человѣка, духъ котораго былъ свободенъ отъ всего фантастическаго и мечтательнаго, стремился только къ реальному, возможному и выполнимому. Поручивъ воспитаніе своего сына Аристотелю, Филиппъ показалъ въ этомъ точно также свое величіе, какъ и въ основаніи греко-македонской монархіи. Аристотель прибылъ къ македонскому двору, когда Александру было двѣнадцать или четырнадцать лѣтъ, и разстался съ своимъ воспитанникомъ только при началѣ его похода въ Азію. Онъ удалился въ Аѳины, гдѣ основалъ философскую школу въ лицеѣ, заведеніи, похожемъ на академію и соединенномъ съ гимнастическою школою. Отъ тѣнистыхъ аллей этого заведенія, называющихся на греческомъ языкѣ перипатоями, т. е. мѣстами для прогулки, а можетъ быть отъ обыкновенія Аристотеля преподавать ученіе свое во время этихъ прогулокъ, философія его получила названіе перипатетической. По смерти Александра враги старались обвинить философа передъ народомъ и правительствомъ въ безбожіи и неуваженіи къ государственной религіи. Аристотель былъ принужденъ оставить Аѳины, и вскорѣ послѣ того умеръ (322 г. до р. Х.) въ эвбейскомъ городѣ Халкидѣ.

Въ высшей степени интересно и важно то обстоятельство, что одно и тоже время произвело и Аристотеля — генія, обнимавшаго своею мыслію всѣ знанія, и давшаго новый видъ всѣмъ наукамъ — и Александра—героя, способнаго понять и обладавшаго возможностью осуществить все, и поставило ихъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Аристотель и Александръ обнимали своимъ духомъ, первый — міръ внутренній, а послѣдній — внѣшній; оба хотѣли покорить ихъ себѣ и дать имъ новый видъ. Они хорошо знали и понимали другъ друга, и между самыми стремленіями ихъ существовала прямая связь. Аристотель выбиралъ для Александра людей, способныхъ выполнять его намѣренія, давалъ ему совѣты въ государственныхъ дѣлахъ, и посылалъ книги для чтенія; Александръ въ свою очередь, не жалѣя ни издержекъ, ни лич-

ныхъ трудовъ, отряжалъ различныхъ лицъ изъ своей свиты для содѣйствія изслѣдованіямъ Аристотеля.

Александру хотѣлось соединить въ своемъ царствѣ все, что было великаго во всемірной исторіи, съ самаго ея начала, — чудеса временъ первобытныхъ, силу вѣковъ героическихъ и греческую мудрость слѣдующихъ столѣтій. Онъ стремился слить въ одно цѣлое формы жизни и идеи Востока съ духомъ Запада, связать другъ съ другомъ, посредствомъ частыхъ сношеній, всѣ народы, страны, климаты, земли и, при помощи греческой цивилизаціи, соединить весь міръ въ одно монархическое государство, въ которомъ господствовалъ бы разумъ, а не грубая сила. Тѣ же самыя идеи преслѣдовалъ и Аристотель въ великой области науки и знанія. Онъ хотѣлъ систематическою философіею соединить въ одно цѣлое духовныя стремленія всѣхъ родовъ, временъ и странъ. Съ исчезновеніемъ непосредственной жизни чувства миновалось время поэзіи, и та поэзія, въ которой сознавалась теперь нужда и которая одна могла имѣть мѣсто въ эпоху преобладанія жизни разсудочной, должна была получить для себя правила и образцы отъ поэзіи прежней, возникшей изъ вдохновенія; Аристотель далъ для этого средства, написавъ первую теорію стихотворнаго искусства. Естествоиспытаніе шло до тѣхъ поръ или путемъ чисто теоретическимъ, или только практическимъ, и оба эти методы еще не были соединены другъ съ другомъ; Аристотель соединилъ ихъ, собралъ всѣ прежнія наблюденія, дополнилъ ихъ своими собственными, создалъ научный языкъ и систему, и сдѣлался творцомъ естественныхъ наукъ. Государственныя науки до времени Александра обработывались также или практически, или чисто теоретически; Аристотель и тутъ соединилъ теорію съ практикою, и выполнилъ еще одну задачу, ходомъ самыхъ событій предложенную этимъ наукамъ. Исторія предшествующихъ вѣковъ показала, что, съ развращеніемъ нравовъ, увеличеніемъ государствъ и развитіемъ внѣшней жизни, большинство народа становится мертвымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, слѣдовательно и демократиче-

ское начало дѣлается одною мечтою, а аристократія унизительна для человѣчества. Греки стремились уже къ началамъ монархическимъ, и лучшіе между ними, еще до Аристотеля, высказывали это стремленіе. Но монархія съ справедливыми и твердыми законами, исполнителемъ которыхъ былъ бы царь, представлялась имъ невозможною, и потому самъ Платонъ понималъ монархическое начало только какъ начало идеальное. Царствованіе Филиппа II показало возможность монархіи, а Аристотель объяснилъ средства, съ помощью которыхъ она стала дѣйствительностью. Онъ изслѣдовалъ формы правленія и законы всѣхъ государствъ, сравнивалъ ихъ между собою, и предложилъ начала, на которыхъ можно было построить цѣлое, приложимое къ большому государству. Тоже самое, что сдѣлалъ Аристотель для формъ и идей жизни государственной, для наукъ естественныхъ и стихотворнаго искусства, сдѣлалъ онъ и для реторики, нравственныхъ ученій о человѣкѣ и философскихъ познаній вообще; однимъ словомъ, онъ нашелъ новыя формы мысли, расширилъ область духовной жизни, далъ ей болѣе твердыя основы и болѣе общее направленіе, и создалъ философію, которая по его смерти, въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій, была наставницею человѣчества.

Эту разъясненную и приведенную Аристотелемъ въ строгую систему греческую мудрость, образованность и опытность жизни, Александръ хотѣлъ соединить съ пышностью, богатствомъ, громадностью и фантастичностью Востока и первобытной древности, и сдѣлать свое царствованіе осуществленіемъ высшаго человѣческаго образованія и высшихъ человѣческихъ стремленій. Но судьба распорядилась иначе. Какъ ни велико было вліяніе такой личности, какъ Александръ, на ходъ міровыхъ событій, но его стремленія не осуществились, потому что для выполненія ихъ было недостаточно силъ и кратковременной жизни одного человѣка; нужно было пройти вѣкамъ и свершиться многимъ событіямъ, прежде чѣмъ Востокъ и Западъ могли быть совершенно измѣнены и преобразованы, сдѣлаться способными вос-

принять чуждые имъ элементы и слиться другъ съ другомъ. Къ Аристотелю судьба была благосклоннѣе; его стремленія осуществились, потому что онъ только мыслилъ, а не дѣйствовалъ: въ области духовной жизни значеніе силъ человѣка простирается гораздо далѣе, чѣмъ въ области міра внѣшняго. Философія его сдѣлалась основаніемъ изслѣдованій и познаній позднѣйшихъ столѣтій, которыя получили чрезъ него всѣ результаты, выработанные греческой жизнію и наукою, такъ что новое, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и новѣйшее время, только дополняетъ и умножаетъ то, что было выработано его мыслью и собрано его изслѣдованіями; наконецъ многія изъ его положеній и теперь даже прямо могутъ быть принимаемы за непреложную истину.

Оцѣнивать дѣятельность Аристотеля, разбирать отношеніе его къ образованію человѣческаго духа, и перечислять все то, что сдѣлано имъ, значитъ излагать исторію всѣхъ наукъ и искусствъ, и описывать всю государственную жизнь древнихъ. Но для этого нуженъ столь же великій духъ, какимъ былъ духъ Аристотеля. Для насъ довольно будетъ показать, какъ велико было его вліяніе, и указать, какъ понимали Аристотеля и пользовались его дѣятельностью послѣдующіе вѣка.

Аристотель положилъ основаніе всѣмъ частямъ философіи, создалъ для нея новый языкъ, ввелъ философію, — которая до него была только популярнымъ средствомъ къ образованію, — въ собственно ей принадлежащую сферу, и свелъ въ одно строго систематическое цѣлое всѣ тогдашнія познанія грековъ, къ какой бы области наукъ они ни относились. Если бы важнѣйшія изъ сочиненій Аристотеля не затерялись, уцѣлѣвшія дошли до насъ въ ихъ настоящемъ видѣ, а не въ формѣ отрывочныхъ сборниковъ его изреченій, безъ всякой внутренней связи, то, безъ всякаго сомнѣнія, мы увидали бы тогда, что имъ написано было по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній вдвое больше книгъ, чѣмъ сколько дошло до насъ, и что въ однѣхъ изъ нихъ онъ оставилъ для потомства результаты разныхъ наблюденій тогдашняго вре-

мени, умноженные и приведенные въ систему имъ самимъ, а въ другихъ занимался обработкою философской или чисто разумной стороны ихъ. Многихъ своихъ сочиненій Аристотель по всей вѣроятности не обнародовалъ, или потому, что считалъ ихъ далеко не совершенными, или потому, что въ нихъ содержалось ученіе, предназначавшееся имъ только для немногихъ, избранныхъ учениковъ. Сочиненія эти, завѣщанныя Аристотелемъ одному изъ его учениковъ, Теофрасту, были переданы послѣднимъ при его смерти, Секпсису, наслѣдники котораго хранили ихъ какъ семейную драгоцѣнность. Опасаясь, что цари пергамскіе, подданными которыхъ они были, всякими средствами увеличивая свои придворныя библіотеки, отнимутъ у нихъ это сокровище, они спрятали книги, написанныя Аристотелемъ, въ сырую подземную кладовую. Тутъ пролежали онѣ болѣе ста лѣтъ, пока ихъ не купилъ одинъ аѳинянинъ, Апелликонъ, когда бо̀льшая часть ихъ была уже истреблена сыростью и насѣкомыми. Вскорѣ послѣ того библіотека Апелликона попала въ руки Суллы, который перевезъ ее въ Римъ, приказалъ переписать сочиненія Аристотеля, и нѣкоторыя изъ нихъ подарилъ Андронику Родосскому, издавшему ихъ въ свѣтъ. Но и изъ этихъ уцѣлѣвшихъ сочиненій очень многіе пропали впослѣдствіи.

Аристотель оставилъ методъ, прежде употреблявшійся греками при философскихъ изслѣдованіяхъ, и проложилъ совершенно новую дорогу для всѣхъ отраслей знанія. Вмѣсто того, чтобы составлять сначала теорію, и подводить потомъ подъ нее сдѣланные опыты, Аристотель въ основаніе своихъ изслѣдованій полагалъ всегда опытъ, и на немъ построилъ свою систему. Арабы и христіане среднихъ вѣковъ, смотрѣвшіе на сочиненія Аристотеля, какъ на единственный истинный критеріумъ всякой науки, снова оставили этотъ методъ, и, не понимая великаго философа, сдѣлали самыя его сочиненія источникомъ одностороннихъ умствованій и ничтожныхъ силлогизмовъ; но съ теченіемъ времени, когда духъ Аристотеля начиналъ правильнѣе постигаться человѣчествомъ,

эти философскія гаерства въ свою очередь подверглись должному осмѣянію, какъ ничтожныя и лишенныя всякаго содержанія.

Для ближайшаго послѣ Аристотеля времени особенное значеніе имѣли его труды по математическимъ наукамъ, достигшимъ въ ту эпоху высокой степени совершенства; Аристотель первый далъ имъ научныя основанія. Математика и всѣ тѣ науки, которыя, какъ напримѣръ физика и астрономія, не могутъ развиваться безъ нея, были отдѣлены имъ одна отъ другой, и разграничены съ большою точностью по своимъ спеціальнымъ предметамъ. На его логическихъ изслѣдованіяхъ основано зданіе математики, воздвигнутое въ слѣдующемъ періодѣ. До него наука эта была тѣсно связана съ философіею природы, что мѣшало ея дальнѣйшему развитію; Аристотель провелъ между ними раздѣльную черту, и первый подраздѣлилъ математику на чистую и прикладную, отдѣлилъ отъ нея ариѳметику, постоянно смѣшивавшуюся у пиѳагорейцевъ и платониковъ съ геометріею, и этимъ не мало способствовалъ тому, что слѣдующая эпоха сдѣлалась временемъ процвѣтанія математическихъ наукъ. Прикладныя математическія знанія, т. е. механика, статика и оптика, считавшіяся прежде простыми ремеслами, были выведены Аристотелемъ изъ этого униженія и возведены на степень наукъ. Его глубокій взглядъ на эти науки, замѣтный и въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ, заслуживаетъ тѣмъ бóльшаго удивленія, что Аристотель не имѣлъ передъ собою никакихъ вѣрныхъ наблюденій по этой области знанія, находившагося еще въ состояніи младенчества. Химію, физику и теоретическую астрономію, также не имѣвшія никакихъ научныхъ основаній, Аристотель и ученые, непосредственно послѣ него занимавшіеся ими въ Египтѣ, Сиріи, Родосѣ и Пергамѣ, создали вновь, и довели ихъ, можно сказать, до той точки, отъ которой эти науки пошли далѣе только уже въ наше время. Наконецъ сочиненія, въ которыхъ Аристотель старался объяснить явленія и законы природы, возбуждали у арабовъ и средневѣковыхъ христіанскихъ народовъ удивленіе, какъ самое послѣднее слово есте-

ствознанія. Они одни и въ послѣдующія вѣка заставляли человѣческую мысль стремиться къ познанію міровыхъ законовъ и возбуждали въ ней старанія проникнуть въ тайны природы.

Въ естественной исторіи труды предшественниковъ Аристотеля доставили ему гораздо болѣе пособій, чѣмъ въ области наукъ математическихъ и физикѣ; здѣсь въ особенности помогали ему дружба Александра и любовь послѣдняго къ наукѣ. Въ естественной исторіи, передъ глазами Аристотеля находились наблюденія многихъ вѣковъ, и въ сочиненіяхъ поэтовъ, историковъ своего народа, и въ разныхъ книгахъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ земледѣліе и охоту, онъ могъ найти очень хорошія замѣчанія объ образѣ жизни животныхъ и уходѣ за ними. Еще въ періодъ необразованности, всѣ народы имѣютъ уже нѣкоторый запасъ точныхъ свѣдѣній объ окружающихъ ихъ животныхъ, а проницательные и остроумные греки дополнили наблюденія, сдѣланныя прежде различными народами, и привели ихъ въ соотношеніе съ другими своими познаніями. Это видно изъ превосходныхъ сравненій, встрѣчающихся у ихъ поэтовъ, и изъ замѣчаній, попадающихся въ исторіи Геродота. Народъ, подобно грекамъ, разсѣянный въ различныхъ климатахъ, на всемъ пространствѣ отъ Дона до Кирены въ Африкѣ, привыкшій постоянно жить подъ открытымъ небомъ,— народъ, въ которомъ самые знатные и богатые были всегда ближе къ природѣ, чѣмъ высшія сословія новыхъ народовъ, конечно долженъ былъ имѣть гораздо болѣе побужденій и случаевъ дѣлать наблюденія надъ міромъ животныхъ, нежели мы. Но до тѣхъ поръ, пока естественная исторія не сдѣлалась у грековъ наукою, они конечно принимали за истину разнаго рода басни изъ области естествознанія, и оставляли безъ всякой повѣрки разныя народныя повѣрья.

Такимъ образомъ для описанія органическаго міра Аристотель нашелъ для себя пособія во множествѣ сдѣланныхъ до него наблюденій, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи ему не нужно было все вновь созидать и въ первый разъ приниматься за опы-

ты. До него было кое что сдѣлаво даже по званію внутренняго строенія организмовъ. Хотя анатомія человѣческаго тѣла явилась только въ послѣдующую эпоху, а о сравнительвой анатоміи въ то время ве имѣли никакого повятія, одвако предсказавія, произносившіяся по внутренностямъ жертвенвыхъ животвыхъ, составляли что-то въ родѣ науки о внутреннемъ строеніи животваго организма, а въ медицинѣ давно уже было стремленіе дополвить ведостатокъ свѣдѣвій въ анатоміи человѣка изслѣдованіями надъ ввутревнимъ организмомъ животныхъ. Но, не смотря ва нѣкоторое знакомство съ міромъ животныхъ, все же не доставало особой самостоятельвой вауки естествеввой исторіи, чувствовалась веобходимость въ системѣ, научвомъ языкѣ и точвомъ, философскомъ опредѣленіи понятій о классѣ, родѣ, видѣ и ведѣлимомъ. Недостатокъ этотъ былъ пополвенъ Аристотелемъ, который сдѣлался творцемъ и освователемъ и въ естественной исторіи. Онъ ваучилъ тому, какъ раздѣлять животныхъ, что при этомъ дѣлѣвіи существенно, и что не существенно, какъ посредствомъ опредѣлевныхъ, небольшихъ характеристикъ разграничивать различные виды животвыхъ, отличать ихъ отъ рода, и собралъ въ одно всѣ прежнія ваблюденія, дополнивъ ихъ новыми. Въ этой области Аристотель, подобво Геродоту, сдѣлалъ открытія, въ послѣдующія времена долго считавшіяся за басви, во въ наше время, и отчасти только вслѣдствіе ваблюдевій новѣйшихъ путешественвиковъ и естествоиспытателей, признанныя за истину.

Важнѣйшія заслуги Аристотеля состоятъ въ его трудахъ по философіи, въ тѣсвомъ смыслѣ этого слова; впрочемъ, перечисленіе всѣхъ его заслугъ повело бы насъ слишкомъ далеко, и потребовало бы отъ читателей множество спеціальныхъ философскихъ свѣдѣній. Замѣтимъ только, что въ средвіе вѣки философія Аристотеля сдѣлалась на всемъ западѣ источникомъ разныхъ хитросплетеній и софизмовъ, и такимъ образомъ произвела много зла между христіанскими народами, отнявъ у тогдашняго времени много благороднѣйшихъ силъ и плодотворвѣйшей

дѣятельности. Этого злоупотребленія и его вредныхъ послѣдствій нельзя ни отрицать, ни извинять; но было бы несправедливо вмѣнять ихъ въ вину Аристотелю.

Изъ чисто философскихъ сочиненій Аристотеля особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя касаются логики или ученія о законахъ разсудочной дѣятельности, потому что, при составленіи ихъ, Аристотель, кромѣ чисто философской цѣли, имѣлъ въ виду еще и приготовительное образованіе для государственной жизни. Эти сочиненія, въ которыхъ логика была развита Аристотелемъ такъ высоко, что и до настоящаго времени она не много подвинулась впередъ, принадлежатъ къ категоріи греческихъ твореній, особенно важныхъ для исторіи вліянія литературы на государственную жизнь. Какъ всѣ философскія секты, существовавшія въ древности, начинали мало по малу открывать свои школы для образованія ораторовъ и государственныхъ дѣятелей такъ и Аристотель въ своихъ сочиненіяхъ о реторикѣ и логикѣ старался изложить наставленія для управленія государствомъ, потому что безъ логики и вообще философскаго образованія рѣчь дѣлается однимъ словопреніемъ или пустой болтовнею. Но въ то время, какъ другія философскія школы преимущественно думали только о томъ, какъ бы сдѣлать оратора искуснымъ діалектикомъ, Аристотель смотрѣлъ на логику единственно какъ на приготовительную науку, которая должна быть основою дальнѣйшаго его образованія, и написалъ поэтому особенныя сочиненія о реторикѣ. Аристотель, для котораго идеаломъ государственнаго дѣятеля былъ такой человѣкъ, какъ Демосѳенъ, въ двухъ, тѣсно связанныхъ одинъ съ другимъ, отдѣлахъ своего сочиненія, училъ оратора чего и какимъ образомъ онъ долженъ былъ касаться въ своихъ рѣчахъ. Къ сожалѣнію, часть его реторическихъ сочиненій не дошла до насъ, но и уцѣлѣвшія даютъ лучше всѣхъ другихъ древнихъ книгъ о реторикѣ понятіе о сущности древняго ораторства; потому что Аристотель не хотѣлъ, подобно другимъ учителямъ реторики, выставлять свое сочиненіе образцомъ краснорѣчія, и укра-

шеніями своей рѣчи не сбиваетъ, подобно Цицерону и Квинтиліану, читателей и не удаляется отъ цѣли

Изъ прочихъ сочиненій Аристотеля, его поэтика или теорія стихотворнаго искусства, имѣетъ большое значеніе для образованія человѣческаго рода, но пріобрѣла сильное вліяніе только въ концѣ среднихъ вѣковъ, и слѣдовательно принадлежитъ къ исторіи новѣйшихъ временъ, поэты которыхъ, особенно французскіе, почти до самыхъ нашихъ дней мучились надъ расположеніемъ своихъ стихотворныхъ произведеній по правиламъ, даннымъ Аристотелемъ.

Сочиненіе Аристотеля о нравственности или такъ называемая этика заключаетъ не одно только философское разсужденіе о добрѣ и злѣ, какъ о понятіяхъ отвлеченныхъ, но относится также къ частной жизни, и вмѣстѣ составляетъ введеніе въ ученіе Аристотеля о государствѣ. Авторъ исходитъ отъ той мысли, что жизнь государства и жизнь частнаго гражданина имѣютъ одну и ту же цѣль, и что цѣль эта въ обоихъ случаяхъ достигается одними и тѣми же средствами. Наука о государствѣ, говоритъ Аристотель, должна основываться на этикѣ, или на ученіи о добродѣтели, объ истинномъ счастіи и о тѣхъ свойствахъ, которыя должны принадлежать каждому человѣку, желающему достигнуть добродѣтели и счастія. Чтобы показать, какъ Аристотель прилагаетъ это ученіе къ политикѣ и смотритъ на свою этику, какъ на введеніе въ науку о государствѣ, мы обратимъ вниманіе только на заключеніе этого сочиненія. Изложивъ свой взглядъ на счастіе, и представивъ способы достиженія его, онъ говоритъ, что вся его теорія останется безплодною, если не перейдетъ въ жизнь, а это возможно только тогда, когда государство, въ которомъ живутъ люди, будетъ устроено такъ, что ни одинъ человѣкъ не станетъ мѣшать другому достигать общей для нихъ цѣли, счастія. Чтобы показать, наконецъ, какъ Аристотель рѣшаетъ вопросъ о счастіи, добродѣтели, и свойствахъ человѣка, необходимыхъ для до-

стиженія того и другаго, можно привести въ примѣръ отрывокъ изъ того мѣста его этики, гдѣ онъ показываетъ безуміе людей, стремящихся только къ призраку счастія, и потому не достигающихъ истиннаго счастія. „Счастіе,“ говоритъ Аристотель, „не есть только свойство человѣческаго естества, оно не какая нибудь дѣятельность, имѣющая для себя матеріальную цѣль, но, подобно добродѣтели, принадлежитъ къ тѣмъ свойствамъ, которыхъ должно искать ради ихъ самихъ, а не ради матеріальныхъ цѣлей; сущность истиннаго счастія состоитъ въ томъ, что оно удовлетворяется самимъ собою и не нуждается ни въ чемъ другомъ. Какъ добро и справедливость осуществляются только ради себя самихъ, такъ надобно сказать и о томъ, что называютъ счастіемъ. Даже и удовольствія ищутся людьми ради нихъ самихъ: но человѣкъ, предаваясь нѣкоторымъ изъ нихъ, вредитъ себѣ еще прежде, чѣмъ получаетъ отъ нихъ какую нибудь выгоду, и тратитъ часто свое здоровье и имущество. Обыкновенное представленіе о счастіи вводитъ многихъ въ заблужденіе, потому что большая часть людей, которые по общему мнѣнію считаются счастливыми, находятъ свое счастіе въ томъ, что убиваютъ свое время на разныя увеселенія; эти люди, отличающіеся богатствомъ или властью, представляются глазамъ большинства идеаломъ счастія. Но не слѣдуетъ такъ смотрѣть на нихъ, потому что ни высокое званіе, ни богатство, не имѣютъ сами по себѣ ни разумности, ни добродѣтели, которыми только и обусловливается истинная и полная достоинства дѣятельность человѣка. Скорѣе должно утверждать, что знатные и богатые потому и прибѣгаютъ къ чувственнымъ удовольствіямъ, что не понимаютъ истинно чистыхъ удовольствій, достойныхъ благороднаго и свободно образованнаго человѣка. Не должно думать, что эти удовольствія заслуживаютъ какого нибудь предпочтенія; вѣдь и дѣтямъ кажется, что нравящееся имъ больше всего, въ тоже время есть и лучшее. Но какъ дитя и человѣкъ совершеннолѣтній придаютъ вещамъ различное достоинство, такъ

точно разнятся въ понятіяхъ о счастіи обыкновенный человѣкъ, и тотъ, кто обладаетъ благородствомъ натуры и образованіемъ."

Объ устройствѣ и учрежденіяхъ государствъ, Аристотель написалъ сочиненіе, не дошедшее до насъ; это очень жаль, потому что познанія наши о государственныхъ формахъ древности были бы несравненно обширнѣе и полнѣе, если бъ оно сохранилось до нашего времени. Сочиненіе это заключало въ себѣ описаніе всѣхъ существовавшихъ тогда формъ государственнаго устройства, какія только могъ изслѣдовать Аристотель. Весьма вѣроятно, что въ немъ были изложены учрежденія не менѣе ста пятидесяти восьми различныхъ государствъ. До насъ дошло другое сочиненіе Аристотеля подъ заглавіемъ „Политика," въ которомъ онъ, вмѣсто описанія дѣйствительно существующихъ формъ правленія, излагаетъ теоретически, какое государственное устройство, по его наблюденіямъ, представляется самымъ лучшимъ. Это сочиненіе по своему предмету имѣетъ сходство съ „Политіею" Платона, но по своей цѣли совершенно различно отъ него. Аристотель не ищетъ какъ Платонъ идеала государства и не хочетъ устроивать человѣческій бытъ на началахъ чистаго разума, но строго держится въ границахъ даннаго, дѣйствительнаго и выполнимаго, изслѣдуетъ, какая изъ извѣстныхъ на опытѣ формъ государственнаго устройства заслуживаетъ наибольшаго предпочтенія. Аристотель написалъ часть своего сочиненія даже прямо въ опроверженіе идей Платона, и старается уничтожить его идеалъ, какъ неосуществимый въ жизни. Теорія государственнаго устройства Аристотеля, основанная на извѣстныхъ по опыту учрежденіяхъ нѣкоторыхъ народовъ, близко подходя къ дѣйствительно существовавшимъ формамъ правленія очень важна для изученія исторіи; она отчасти дополняетъ собою недостатокъ выше упомянутаго сочиненія, потому что Аристотель постоянно подтверждаетъ свои взгляды и положенія примѣрами зъ государственнаго устройства различныхъ греческихъ государствъ, и не рѣдко указываетъ историческое основаніе учрежденій. Въ главныхъ чертахъ сочиненіе это расположе-

но слѣдующимъ образомъ. Аристотель говоритъ сначала о простѣйшихъ естественныхъ отношеніяхъ человѣка, предшествующихъ каждому соединенію людей въ государства и служащихъ основаніемъ существованія и прочности послѣднихъ, напримѣръ объ отношеніяхъ между мужемъ и женою, отцемъ и дѣтьми, господиномъ и слугою и пр.; далѣе изображаетъ различныя формы государственнаго устройства и его аномаліи, указываетъ причины ихъ паденія, предлагаетъ средства для ихъ поддержанія, и наконецъ, на основаніи данныхъ, выведенныхъ изъ опыта и разума, представляетъ государство, которое кажется ему возможно-лучшимъ и ближе всего подходящимъ къ идеалу.

По словамъ Аристотеля, существуютъ только три формы государственнаго устройства, но каждая изъ нихъ представляетъ уклоненія отъ своей нормы, такъ что всѣ существующія формы правленія можно раздѣлить на шесть классовъ. Въ государствѣ управляетъ или одинъ человѣкъ, или только немногіе, или многіе. Если во всѣхъ трехъ случаяхъ правительство поставляетъ себѣ главною задачею общее благо, то соотвѣтственная государственная форма бываетъ монархіей, аристократіей, или тѣмъ, что Аристотель называетъ политіею или правленіемъ гражданъ, т. е. разумною демократіею. Если же одинъ, или немногіе, или многіе управляютъ государствомъ только въ видахъ собственной пользы, то форма правленія уклоняется уже отъ своей нормы, и бываетъ деспотизмомъ, олигархіей, или тѣмъ, что Аристотель неправильно называетъ просто демократіею. Изъ всѣхъ этихъ шести видовъ государственнаго устройства, описанныхъ Аристотелемъ очень обстоятельно, со ссылками на греческія государства, самымъ лучшимъ онъ считаетъ политію или такое государственное устройства, гдѣ преимущества даются личными заслугами, а не рожденіемъ, и гдѣ правятъ многіе, но не всѣ, какъ въ государствахъ демократическихъ.

Далѣе Аристотель представляетъ изслѣдованіе, какимъ образомъ каждая изъ этихъ шести формъ правленія можетъ сохраняться въ

своемъ первоначальномъ видѣ и обезпечить себя отъ паденія, и показываетъ потомъ главныя причины ихъ упадка и гибели. Упадокъ демократіи зависитъ, по его воззрѣнію, отъ легко распространяющейся испорченности нравовъ между руководителями народа или демагогами. Олигархіи угрожаютъ паденіемъ двѣ главныя причины: или сами правители такъ притѣсняютъ народъ, что одному человѣку бываетъ легко сдѣлаться вождемъ народа, или же, по недостатку единодушія или неравенству могущества между ними, одинъ изъ нихъ становится во главѣ народа и захватываетъ власть въ свои руки. Въ аристократіи являются волненія тогда, когда власть мало по малу переходитъ въ руки немногихъ лицъ, или правители оскорбляютъ людей почтенныхъ и значительныхъ по своему вліянію, или недопускается къ почетнымъ мѣстамъ какой-нибудь сильный и предпріимчивый человѣкъ, или же наконецъ когда обнаруживается значительное неравенство богатства между членами правительственнаго класса. Политіи или самой лучшей и свободной правительственной формѣ, какъ и аристократіи, угрожаетъ паденіемъ всякое уклоненіе отъ требованій закона и справедливости.

Взгляды Аристотеля на монархію, — къ которой онъ чувствуетъ симпатію, какъ къ формѣ, установленной въ его время ходомъ самыхъ событій,—и на ея уклоненіе отъ своей нормы или на деспотизмъ, заслуживаютъ обстоятельнаго изложенія. Незнакомый съ современной идеей монархіи, совершенно неизвѣстной грекамъ, Аристотель и не могъ имѣть ее въ виду, приводя разные примѣры монархическихъ учрежденій и отношеній. Первоначальное происхожденіе монархіи онъ старается отыскать въ желаніи лучшихъ найти себѣ защиту противъ худшихъ. По этому изъ среды лучшихъ выбирается царь, при чемъ обращается вниманіе на духовныя преимущества, отличающія его отъ прочихъ, на совершенные имъ подвиги, свидѣтельствующіе о благородствѣ его души, или наконецъ на происхожденіе его изъ такой фамиліи, въ которой часто встрѣчались эти преимущества. Совершенно на оборотъ бываетъ, по мнѣнію Ари-

стотеля, въ деспотіи, гдѣ правитель выбирается народомъ противъ благородныхъ и знатныхъ, для защиты массы отъ притѣсненій со стороны послѣднихъ. Что это бываетъ дѣйствительно такъ, Аристотель старается доказать исторіей, которая говоритъ что всѣ деспоты греческихъ государствъ были сначала демагогами, и получили власть въ свои руки, заподозривъ аристократическую часть гражданъ въ глазахъ народа.

Аристотель указываетъ на двѣ главныя причины паденія монархіи. „Это государственное устройство," говоритъ онъ, „падаетъ или отъ того, что люди, участвующіе въ правленіи, не имѣютъ между собою единодушія, или же приближаютъ свое правленіе къ деспотизму, т. е. стараются, вопреки законамъ, захватить болѣе и болѣе власти въ свои руки."

При изображеніи тираннін и деспотическаго правленія въ Греціи, Аристотель, сообразно философской цѣли своихъ изслѣдованій, предлагаетъ подобно Маккіавелли, въ его извѣстномъ сочиненіи „Правитель", хотя и совершенно съ другимъ намѣреніемъ, средства, помощью которыхъ греческій тираннъ можетъ удержаться на престолѣ и предохранить свою власть отъ потрясеній. Маккіавелли былъ республиканецъ, смотрѣлъ на итальянскихъ государей какъ на узурпаторовъ, презиралъ людей и христіанство, или вѣрнѣе, папство, и жилъ въ вѣкъ обмана, хитрости, насилій и грабежей; нѣтъ ничего удивительнаго, что въ своемъ сочиненіи онъ серьёзно говорилъ о томъ, какимъ образомъ можно послѣдовательно осуществить господствовавшую тогда систему деспотизма, и изгонялъ изъ области политики всякую нравственность и право. Напротивъ того, Аристотель, сочувствуя монархическимъ формамъ правленія, описываетъ происхожденіе деспотизма въ Греціи и средства употребляемыя имъ для своей поддержки такими красками, что возбуждаетъ ужасъ къ нему во всякомъ грекѣ, еще не испытавшемъ что такое деспотизмъ. Всѣ мысли и усилія греческаго деспота, говоритъ Аристотель, должны быть направлены къ тому, чтобы раздражать одно сословіе противъ другаго и возбуждать въ

подданныхъ недовѣріе другъ къ другу, такъ чтобы они не могли возстать противъ него, или воспитывать ихъ въ рабскихъ и низкихъ чувствахъ, а болѣе всего прибѣгать ко лжи и обманамъ. Въ этихъ ироническихъ совѣтахъ душа греческаго деспота является столь же страшною и ненавистною. какъ и въ знаменитомъ мѣстѣ Платона, гдѣ онъ съ анатомическою вѣрностью открываетъ передъ нами сердце греческаго тиранна, и высказываетъ его внутреннія, затаенныя мысли.

Посвятивъ большую часть своего сочиненія изображенію существующихъ между людьми дѣйствительныхъ отношеній и формъ государственной жизни, и подвергнувъ ихъ анализу, Аристотель переходитъ къ предмету, составляющему главное содержаніе изслѣдованій Платона, и на основаніи опыта строитъ такое государство, которое, по его воззрѣніямъ, лучше и осуществимѣе другихъ на практикѣ. Но прежде этого, онъ отвѣчаетъ на вопросъ, разобранный довольно обстоятельно въ этикѣ, въ чемъ состоитъ цѣль человѣческой жизни, и какія существуютъ средства для ея достиженія? Цѣль эту и основаніе нашего счастія, онъ находитъ во внутреннемъ достоинствѣ и добродѣтели человѣка, и указываетъ на высокое его назначеніе коротко и логично, безъ пиѳагорейской или платонической мечтательности. „Каждый,“ говоритъ Аристотель, „легко доходитъ до убѣжденія, что онъ достаточно добродѣтеленъ, какъ бы мало ни былъ такимъ въ дѣйствительности; но къ богатству, силѣ, славѣ и подобнымъ предметамъ стремятся до безконечности, и жаждутъ ихъ безъ мѣры. Я хочу сказать людямъ, находящимся въ такомъ заблужденіи,—и это докажетъ имъ и самый опытъ,—что мы не можемъ сохранить добродѣтели посредствомъ матеріальныхъ благъ, а, напротивъ того, сами эти блага сохраняются нами посредствомъ добродѣтели. Опытъ покажетъ имъ, на чемъ основывается счастливая жизнь человѣка — на добродѣтели или на счастливой обстановкѣ. Они убѣдятся, что счастіе всегда достается людямъ, отличающимся добрыми свойствами души и сердца, хотя и не обладающимъ значительными матеріаль-

ными благами, а не тѣмъ, которые хотя и богаты послѣдними, но за то скудны первыми".

Доказавъ что въ жизни государства и частнаго человѣка все совершается по однимъ законамъ, Аристотель говоритъ, что государственныя учрежденія должны имѣть въ виду одну цѣль—доставленіе всѣмъ гражданамъ жизни основанной на началахъ справедливости и возможно бо́льшаго счастія. Государства, прибавляетъ онъ, какъ и частные люди, легко поддаются тому ложному убѣжденію, что счастіе состоитъ въ однихъ только пріобрѣтеніяхъ и въ одномъ владѣніи, и потому даже въ самыхъ знаменитыхъ и прославленныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, каковы напримѣръ учрежденія спартанскія и критскія, все направлено къ возможно большему распространенію своей власти надъ другими государствами. Ложность этого убѣжденія, продолжаетъ Аристотель, очевидна для всякаго, но очень трудно показать, какъ устроить государство такимъ образомъ, чтобы главною цѣлью стремленій его самого и каждаго гражданина была добродѣтель и истинное счастье. Затѣмъ онъ переходитъ къ разсужденію о средствамъ, какими можно достигнуть такого устройства, и опредѣляетъ ихъ очень подробно относительно пространства и положенія территоріи, народонаселенія, имущества государства, занятій его гражданъ и зависящаго отъ занятій участія частныхъ лицъ въ правленіи, также относительно воспитанія и образованія гражданъ, и даже положенія столицы и ея укрѣпленій. Къ сожалѣнію окончаніе этого сочиненія не дошло до насъ, да и въ уцѣлѣвшихъ частяхъ его есть много пропусковъ. —

Ученіе Аристотеля или перипатетическая философія скоро распространилась между греками, и получила перевѣсъ надъ платонизмомъ, потому что была гораздо глубже, практичнѣе, и шла къ монархическому вѣку несравненно лучше, чѣмъ идеализмъ Платона, разсчитанный больше на аристократовъ и на образованныя фамиліи, прежде имѣвшія власть въ своихъ рукахъ. По смерти Аристотеля, главою перипатетической философіи и пред-

ставителемъ ея школы, устроенной въ Аѳинахъ, сталъ ученикъ и другъ Аристотеля Теофрастъ, уроженецъ города Эфеса на островѣ Лесбосѣ, умершій въ 286 г. до р. Х. на восемьдесятъ пятомъ, а по другимъ извѣстіямъ на сто шестомъ году, жизни. Онъ стоитъ въ точно такихъ же отношеніяхъ къ Аристотелю, какъ старые академики къ Платону. Теофрастъ продолжалъ то, что̀ началъ его учитель, и старался дополнить пробѣлы, находившіеся въ его сочиненіяхъ. Аристотель не писалъ объ ариѳметикѣ, потому его ученикъ составилъ особенное сочиненіе о ней. Также точно написалъ онъ исторію математики, которой только мѣстами касался Аристотель. Въ ботаникѣ Теофрастъ также доканчивалъ начатое его наставникомъ. Аристотель разсматривалъ растенія только въ физіологическомъ отношеніи, разбиралъ ихъ внутреннее устройство и жизнь, но не описывалъ и не дѣлилъ ихъ по классамъ; Теофрастъ избралъ себѣ задачею послѣднее, и старался сдѣлать для ботаники тоже самое, что Аристотель уже сдѣлалъ для классификаціи и описанія царства животныхъ. Впрочемъ, сочиненіе Теофраста о растеніяхъ въ наше время не можетъ имѣть такого значенія, какъ исторія животныхъ, составленная Аристотелемъ, потому что въ ботаникѣ греками было сдѣлано гораздо меньше, чѣмъ въ зоологіи, а наше время, по самому устройству и быту новыхъ государствъ, должно и можетъ быть сдѣлано для ботаники несравненно болѣе, чѣмъ для изученія дикихъ животныхъ.

Подъ заглавіемъ „Нравственныя характеристика“ Теофрастъ написалъ сочиненіе, повидимому противорѣчащее нашему замѣчанію, что всѣ его сочиненія служатъ только дополненіемъ къ трудамъ Аристотеля; но, разсмотрѣвъ обстоятельнѣе эти характеристики, мы увидимъ, что и онѣ вышли изъ того же направленія, какъ и прочія сочиненія Теофраста. Аристотель построилъ систему нравственности и соединилъ ее съ наукою о государствѣ; Теофрастъ старался пояснить наглядными примѣрами положенія своего учителя. Его „характеристики“ замѣчательны еще въ другомъ отношеніи: при составленіи ихъ Теофрастъ былъ про-

никнутъ тѣмъ духомъ, который былъ господствующимъ въ его время и сильно разнился отъ духа прежнихъ эпохъ. Тогда между греками появилось такъ называемое образованное общество, дававшее тонъ другимъ кружкамъ; это общество чувствовало не столько отвращеніе къ самимъ порокамъ и недостаткамъ, сколько остерегалось обнаруживать ихъ въ себѣ и стыдилось смѣшной ихъ стороны. Такъ какъ оно считалось образцовымъ, то Теофратъ и написалъ свое сочиненіе собственно для него, а не для народа, и, имѣя его въ виду, старался предостерегать своих читателей не столько отъ самыхъ пороковъ, сколько отъ тѣхъ смѣшныхъ положеній, въ которыхъ они ставятъ человѣка. Поэтому, его „Характеристики" состоятъ изъ такихъ отличительныхъ чертъ и сценъ греческой жизни, въ которыхъ порокъ или недостатокъ представляется явно антипатичнымъ, несноснымъ для общества, низкимъ и смѣшнымъ; своими сарказмами, направленными противъ человѣческихъ недостатковъ, Теофрастъ хотѣлъ преимущественно преподать своимъ читателямъ наставленія въ хорошемъ образѣ жизни, а не собственно въ нравственности и добродѣтели. До какой степени подобное пониманіе и представленіе нравственной жизни подходитъ къ состоянію, въ какомъ находилось современное Теофрасту обществу, можно видѣть изъ того, что въ вѣкъ Людовика XIV, во многихъ отношеніяхъ похожій на вѣкъ Теофраста, Лабрюеръ написалъ совершенно сходное и проникнутое тѣми же стремленіями сочиненіе, которое не только было принято тогда съ одобреніемъ, но и причислено къ лучшимъ произведеніямъ французской національной литературы. Сочиненіе Теофраста отличается отъ сочиненій Лабрюера тѣмъ же, чѣмъ отличается грекъ отъ француза: первый писалъ просто, неметодично, и безъ всякихъ прикрасъ, такъ что казался небрежнымъ, — второй отличался блескомъ своихъ фразъ, методичностью и искуственностью.

X. ГРЕЦІЯ И МАКЕДОНСКОЕ ЦАРСТВО

ПО СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

1. Событія въ Азіи до смерти Эвмена.

Александръ умеръ, не сдѣлавъ никакого опредѣленнаго распоряженія относительно своего царства. У него не оставалось ни одного родственника, котораго македоняне безусловно признавали бы законнымъ наслѣдникомъ, и который могъ бы предъявить безспорныя права на престолъ. Кромѣ его матери Олимпіады и сестры Клеопатры, вдовы царя эпирскаго, семейство Александра состояло изъ двухъ его женъ Роксаны, дочери одного бактрійскаго князя, и Барсины, дочери персидскаго вельможи Артабаза, изъ несовершеннолѣтняго сына послѣдней, Геркулеса, слабоумнаго своднаго брата Александрова Филиппа Арридея, двухъ сестеръ его отъ другой матери Ѳессалоники и Кинаны, изъ которыхъ первая была еще дѣвушкой, а вторая уже вдовою Аминта, убитаго при восшествіи на престолъ Александра, и наконецъ изъ дочери послѣдней Эвридики, вскорѣ по смерти Александра вступившей въ бракъ съ Филиппомъ Аррадеемъ. Черезъ три мѣсяца послѣ кончины Александра, Роксана родила сына, названнаго Александромъ Эгомъ. Только одна Роксана въ глазахъ македонянъ и грековъ считалась законною супругою Александра; Бар-

сина была военно-плѣнницею или по греческимъ понятіямъ рабынею; греки никогда не давали сыну рабыни участія въ политическихъ правахъ націи, а сословные предразсудки македонянъ еще менѣе допускали это. О правахъ Филиппа Арридея, мать котораго была ѳессалійской танцовщицей, и слѣдовательно принадлежала по понятіямъ грековъ къ презрѣнному сословію, — не могло быть и рѣчи; онъ былъ слишкомъ глупъ для того, чтобы при тогдашнемъ положеніи дѣлъ сдѣлаться царемъ.

Весьма естественно, что при такихъ обстоятельствахъ, войско или вѣрнѣе полководцы распорядились царствомъ и престоломъ, и наслѣдіе Александра сдѣлалось мало по малу ихъ добычею. Опасаясь македонскаго войска, преданнаго роду своего царя, полководцы не тотчасъ раздѣлили между собой царство, но, установивъ регентство, стали мало по малу подготовлять все, что могло служить къ ихъ собственному возвышенію. Самыми вліятельными изъ нихъ были такъ называемые тѣлохранители, или по нашему маршалы, Александра: Леоннатъ, Лисимахъ, Аристонъ, Пердикка, Птолемей и Питонъ. Антипатръ, со времени смерти Филиппа II пользовавшійся почти царскими почестями, и Кратеръ были въ то время такъ далеко отъ Вавилона, гдѣ рѣшался вопросъ о судьбѣ царства, что не могли имѣть вліянія на его рѣшеніе. Изъ числа прочихъ полководцевъ игралъ нѣкоторую роль только Мелеагръ, одинъ изъ главныхъ вождей фаланги. Маршалы рѣшились дожидаться до тѣхъ поръ, пока родитъ Роксана, и учредили временное правленіе, во главѣ котораго сталъ Пердикка, которому Александръ на смертномъ одрѣ своемъ далъ свой перстень съ печатью, и тѣмъ самымъ какъ бы указалъ, что назначаетъ его будущимъ правителемъ царства. Такое истолкованіе показалось македонянамъ, составлявшимъ пѣхоту фаланги, только средствомъ, съ помощью котораго Пердикка хотѣлъ проложить себѣ дорогу къ престолу. Они объявили себя противъ него, и, по внушенію своего начальника Мелеагра, провозгласили царемъ жившаго тогда въ Вавилонѣ Филиппа Арридея, который

могъ быть превосходнымъ орудіемъ для осуществленія властолюбивыхъ плановъ Мелеагра. Съ большимъ трудомъ и не безъ кровопролитія ихъ заставили примириться съ полководцами. Филиппъ Арридей хотя и признанъ былъ царемъ, но въ то же время удержаны были права на престолъ и за будущимъ ребенкомъ Роксаны. Антипатру и Кратеру было поручено управленіе европейскими дѣлами, Пердикка получилъ достоинство, соотвѣтствовавшее званію оберъ-гофмейстера при новѣйшихъ дворахъ, съ которымъ соединялось главное началство надъ всею гвардіею, и онъ же былъ поставленъ во главѣ правленія въ Азіи; наконецъ, Мелеагръ, какъ старшій полководецъ послѣ Пердикки, былъ назначенъ его помощникомъ. Такимъ образомъ Пердикка и Мелеагръ были удовлетворены, но отношенія между Филиппомъ и сыномъ Роксаны остались неопредѣленными.

Вскорѣ послѣ того Пердикка приказалъ умертвить около трехсотъ македонянъ, особенно замѣченныхъ во время бунта, и его главнаго виновника Мелеагра, а чтобы обезопасить себя отъ зависти и властолюбія прочихъ полководцевъ, побудилъ ихъ къ новому дѣлежу ввѣренныхъ имъ провинцій. Такимъ образомъ значительнѣйшіе и опаснѣйшіе противники его были разлучены другъ отъ друга, и тѣмъ легче могли быть истреблены имъ порознь. Птолемей былъ слѣланъ правителемъ Египта; Антигону, отличающемуся отъ другихъ Антигоновъ прозваніемъ криваго, дана была сатрапія Фригія, а Леоннату поручено намѣстничество въ Малой Фригіи, лежащей къ западу отъ Великой Фригіи; Эвменъ, грекъ по рожденію, но возведенный Филиппомъ и Александромъ на почетное мѣсто македонской аристократіи, былъ назначенъ намѣстникомъ Каппадокіи и Пафлагоніи; Питонъ, котораго не должно смѣшивать съ носившимъ то же самое имя правителемъ страны нижняго Инда, получилъ Мидію; Неоптелемъ — Арменію; управленіе Македоніею было раздѣлено между Антипатромъ и Кратеромъ, а смежная съ нею Ѳракія отдана Лисимаху. Прочіе назначенные тогда правители не имѣли никакого значенія.

Намѣстничество Эвмена сначала должно было еще покорить силою. Оно состояло изъ Пафлагоніи и Каппадокіи, лежащихъ на сѣверѣ и въ срединѣ Малой Азіи; грубые и энергическіе жители этихъ земель, защищенные множествомъ горъ, окружающихъ ихъ родину, только съ большимъ трудомъ могли быть покорены. Персы, охотно оставлявшіе въ побѣжденныхъ странахъ туземныя формы правленія, довольствовались тѣмъ, что назначали имъ правителя, обязаннаго нести по отношенію къ персидскому царю нѣкоторыя обязанности и взносить подати, но во всемъ остальномъ совершенно независимаго. Изъ всей этой страны Александру подчинилась только небольшая часть; да и она теперь была снова завоевана владѣтелемъ остальной страны Аріаратомъ II, воспользовавшимся смутами начавшимися по смерти Александра. Такимъ образомъ Эвмену приходилось завоевывать свою провинцію. Леоннатъ и Антигонъ, правители смежныхъ провинцій, получили отъ правителя царства Пердикки порученіе — поддерживать его въ этомъ дѣлѣ, но отказались. Эвменъ съ однимъ своимъ войскомъ не могъ одолѣть Аріарата, и на помощь къ нему пошелъ самъ Пердикка, поддерживавшій его потому, что изъ всѣхъ полководцевъ одинъ только Эвменъ былъ дѣйствительно преданъ ему. Другіе полководцы ненавидѣли Эвмена, какъ не-македонянина, который очень хорошо понималъ, что ему невозможно будетъ остаться на своемъ мѣстѣ, если государство не удержится за царствующей династіей. Только ею могъ онъ держаться, и потому долѣе и преданнѣе всѣхъ полководцевъ сражался за ея интересы, и видѣлъ въ Пердиккѣ не властолюбиваго полководца, стремившагося похитить себѣ тронъ, а министра слабоумнаго Филиппа Арридея и опекуна сына Роксаны. Пердикка съ своей стороны долженъ былъ выказывать ему благосклонность и заботиться о его возвышеніи, потому, что Эвменъ могъ быть для него очень полезенъ своею храбростью, опытностью, знаніемъ военнаго дѣла, дипломатическою изворотливостью и ловкостью; самъ Александръ постоянно употреблялъ его для дипломатическихъ порученій, кромѣ военныхъ дѣлъ.

Аріаратъ не могъ бороться противъ Эвмена и Пердикки; онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Утвердивъ за своимъ другомъ его провинцію, Пердикка открыто обнаружилъ свои планы, и потребовалъ отчета у правителя Великой Фригіи, Антигона, въ томъ, что онъ, не смотря на полученное имъ приказаніе, не далъ Эвмену никакой помощи. Антигонъ не могъ бороться противъ соединенныхъ силъ правителя царства и намѣстника Каппадокіи, бѣжалъ изъ своей провинціи, и искалъ спасенія у Антипатра и Кратера въ Европѣ. Соединивъ его провинцію съ провинціей Леонната, убитаго на войнѣ, происходившей въ Европѣ, Пердикка отдалъ ихъ другу своему Эвмену, и развелся съ Никеею, дочерью Антипатра, чтобы посредствомъ предполагаемаго супружества съ сестрою Александра, Клеопатрою, проложить себѣ дорогу къ престолу. Потомъ онъ сталъ готовиться къ походу противъ Птолемея, правителя Египта, подъ тѣмъ предлогомъ, что тотъ удержалъ тамъ трупъ Александра, но въ дѣйствительности потому, что хотѣлъ изгнать его оттуда. Птолемей тотчасъ обратился къ Антипатру и Кратеру, и заключилъ съ ними и находившимся въ бѣгствѣ Антигономъ союзъ противъ опаснаго для нихъ правителя царства.

Весною 321 года до р. Х. Пердикка выступилъ противъ Египта. Эвменъ, съ навербованнымъ въ Малой Азіи войскомъ, былъ оставленъ въ своей провинціи для удержанія союзниковъ Птолемея, и въ подкрѣпленіе получилъ еще часть македонскаго войска. Всѣмъ другимъ намѣстникамъ провинцій, находившихся по сю сторону горы Тавра, было дано приказаніе, считать его своимъ начальникомъ и поддерживать войсками. Въ то время, какъ Пердикка былъ занятъ завоеваніемъ Египта, Антипатръ и Кратеръ переправились черезъ Геллеспонтъ въ Азію. Положеніе Эвмена было очень затруднительно, потому что онъ весьма основательно не довѣрялъ своимъ македонскимъ войскамъ, и кромѣ того, въ самомъ началѣ войны, долженъ былъ вступить въ борьбу съ подчиненнымъ ему Неоптолемомъ, намѣстникомъ Ар-

меніи, старавшимся произвести возмущеніе. Неоптолемъ былъ разбитъ и бѣжалъ къ Антипатру. Вскорѣ послѣ того Эвменъ вступилъ въ битву съ частью македонскаго войска подъ начальствомъ Кратера, при которомъ находился и Неоптолемъ (лѣтомъ 321 года до р. X). Эвменъ, войско котораго состояло большею частью изъ азіатцевъ, побѣдилъ македонскія войска своихъ противниковъ, и оба непріятельскіе полководца, Кратеръ и Неоптолемъ, были убиты въ битвѣ. Послѣ этой побѣды, Эвменъ сдѣлался полнымъ властителемъ Малой Азіи, и Антипатръ не смѣлъ уже бороться съ нимъ одинъ.

Пердикка не былъ такъ счастливъ, какъ Эвменъ. Онъ безпрепятственно вступилъ въ Египетъ, но нашелъ тамъ Птолемея, расположившагося лагеремъ со всею своею силою въ окрестностяхъ Пелузіума, подъ прикрытіемъ одного изъ рукавовъ Нила. Болотистая почва этой мѣстности сдѣлана была еще болѣе непроходимою посредствомъ искуственныхъ каналовъ. Войско Пердикки не охотно шло противъ Птолемея, а самъ Пердикка былъ очень неостороженъ въ обращеніи съ солдатами, и такъ какъ войскамъ его приходилось много терпѣть во время похода въ Египтѣ, то не удивительно, что Пердикка вскорѣ былъ окруженъ измѣнниками. Онъ напрасно пытался перейти въ трехъ мѣстахъ Нилъ, сдѣлалъ неудачное нападеніе на укрѣпленіе, храбро защищаемое Птолемеемъ, и наконецъ часть его войска, счастливо переведенная на одинъ изъ острововъ Нила, была отрѣзана отъ него внезапнымъ разливомъ рѣки. Когда, не смотря на всѣ эти неудачи, Пердикка продолжалъ дѣлать свои безполезныя нападенія, сопряженныя съ большими потерями, въ войскѣ вспыхнуло давно подготовленное возстаніе нѣкоторые изъ полководцевъ Пердикки, тайно вступившіе въ заговоръ съ Птолемеемъ, умертвили его (лѣтомъ 321).

Послѣ убійства Пердикки, Птолемей прекратилъ всѣ враждебныя дѣйствія, и самъ явился въ лагерѣ бывшихъ своихъ противниковъ, для совѣщанія съ ними, какъ съ своими старыми

боевыми товарищами, о судьбѣ царства. Онъ былъ довольно хитеръ для того, чтобы не искать власти и достоинства правителя царства, которыя легко могъ бы получить тогда: онъ хорошо понималъ, что въ Египтѣ былъ непобѣдимъ, а принявъ титулъ правителя, запутается въ бездну спорныхъ вопросовъ, и можетъ лишиться даже владычества надъ Египтомъ. Вмѣсто того, онъ условился съ другими полководцами относительно учрежденія новаго регентства, главою котораго былъ назначенъ Питонъ, и рѣшено было умертвить друзей Пердикки. Они дѣйствительно были обвинены передъ македонскимъ войскомъ, какъ враги народа, и осуждены имъ на смерть. Въ числѣ осужденныхъ находился и Эвменъ, вѣсть о побѣдѣ котораго надъ Кратеромъ дошла въ лагерь черезъ два дня послѣ убійства Пердикки.

Послѣ того войско оставило Египетъ и подъ предводительствомъ Питона пошло въ персидскій городъ Трипарадисъ, куда были приглашены также Антипатръ и Антигонъ. Питонъ былъ не въ силахъ исполнять трудныя обязанности регента, и властолюбивой Эвридикѣ, находившейся съ своимъ супругомъ при войскѣ, безъ большихъ усилій удалось возбудить противъ него солдатъ и принудить его отказаться отъ власти. Правителемъ государства войско сдѣлало Антипатра, и подъ руководствомъ его было произведено новое распредѣленіе намѣстничествъ (осенью 321 г. до р. X). Птолемей удержалъ Египетъ по той же самой причинѣ, по какой страна по ту сторону Инда осталась за индійскими раджами Поромъ и Таксиломъ, т. е. просто потому, что не было возможности отнять у него то, что онъ уже имѣлъ. Важное намѣстничество Вавилонія была отдана игравшему до сихъ поръ только второстепенную роль, но впослѣдствіи получившему огромное значеніе полководцу Селевку. Питонъ снова сдѣлался намѣстникомъ Мидіи, а Антигонъ получилъ свои прежнія провинціи. Остальныя вновь назначенные намѣстники не имѣли никакого вліянія на ходъ дальнѣйшихъ событій.

Послѣ новаго дѣлежа провинцій, Антипатръ возвратился въ Европу. Онъ взялъ съ собою всю царскую фамилію, кромѣ Клеопатры, оставшейся въ Азіи и перенесшей свое мѣстопребываніе въ Сарды. Удаляясь, онъ поручилъ Антигону продолженіе войны съ Эвменомъ и его сторонниками, и отдалъ ему подъ начальство все македонское войско, находившееся въ Азіи. Антипатръ очевидно не имѣлъ никакихъ властолюбивыхъ плановъ, потому что въ противномъ случаѣ не сталъ бы такъ покровительствовать Антигону. Эвменъ, послѣ смерти Пердикки, овладѣлъ всею Малою Азіею; Алкетъ, братъ, и Атталъ, шуринъ убитаго Пердикки, укрѣпились въ недоступныхъ горахъ Писидіи; всѣ остальные приверженцы Пердикки также удалились въ Малую Азію. Но у нихъ недостало политическаго такта, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ Эвменомъ, котораго по своей гордости они не хотѣли признать своимъ начальникомъ и руководителемъ; Антигонъ легко побѣдилъ ихъ и за свою неразумную гордость они поплатились смертью, или долговременнымъ плѣномъ (319 г. до р. X). Пять лѣтъ держался Эвменъ противъ своихъ враговъ, и пріобрѣлъ такую славу въ войнѣ съ ними, что греки и римляне ставили его на ряду съ величайшими полководцами древности. Ему приходилось бороться не только съ превосходными силами своихъ враговъ, но и съ измѣнниками въ его собственномъ войскѣ. Еще въ началѣ войны съ Антигономъ, онъ проигралъ одну битву отъ того, что одинъ изъ подчиненныхъ ему начальниковъ въ самомъ пылу сраженія перешелъ къ непріятелю. Въ этой битвѣ Эвменъ потерялъ до восьми сотъ человѣкъ убитыми и весь обозъ, но искуснымъ отступленіемъ ушелъ отъ гнавшагося за нимъ Антигона, и счастливо достигъ границъ Каппадокіи. На пути, часть его войска перешла къ непріятелю, а остальная, за исключеніемъ не болѣе тысячи человѣкъ, была распущена имъ самимъ. Съ этимъ-то незначительнымъ отрядомъ онъ бросился въ построенную на крутыхъ скалахъ крѣпость Нору.

Въ своей горной крѣпости Эвменъ слишкомъ полгода держался противъ Антигона, который тотчасъ началъ правильную осаду. Въ это время умеръ Антипатръ (319 г. до р. X.), и Антигонъ предложилъ своему противнику миръ на выгодныхъ условіяхъ. Смерть Антипатра совершенно измѣнила положеніе дѣлъ. Антипатръ назначилъ своимъ преемникомъ въ управленіи Македоніею и регенствѣ Полисперхона, и властолюбивый сынъ Антипатра Кассандръ присоединился къ Антигону, который могъ теперь сбросить маску повиновенія царствующей фамиліи и сдѣлаться самостоятельнымъ правителемъ. Для этой цѣли Антигону необходимо было привлечь къ себѣ Эвмена, чтобы употребить въ свою пользу блестящіе таланты этого полководца. Онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, предложилъ ему снова намѣстничество Каппадокіи, и уже готовъ былъ заключить договоръ съ Эвменомъ; но послѣдній, разгадавъ истинные виды Антигона, медлилъ принять его сторону, потому что въ договорѣ было только вскользь упомянуто о царствующей фамиліи. Во время переговоровъ Эвменъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, бѣжалъ изъ Норы (319 г. до р. X.). Онъ собралъ въ Каппадокіи новыя войска, и получилъ посольство отъ Полисперхона, предлагавшаго ему мѣсто главнокомандующаго надъ войскомъ противъ Антигона, полномочіе созвать къ себѣ всѣ македонскія войска, стоявшія въ Малой Азіи, и взять нужныя деньги изъ царской казны, находившейся тогда въ Киликіи, въ крѣпости Киндѣ, защищаемой отрядомъ вѣрныхъ приверженцевъ царствующей фамиліи. По представленіи имъ подписаннаго царскимъ именемъ повелѣнія, сумма эта была ему выдана, тогда какъ Антигонъ ничего не могъ получить оттуда.

Эвменъ скоро собралъ значительное войско, и тѣснилъ изъ Малой Азіи Антигона, который успѣлъ поставить правителя государства Полисперхона въ весьма затруднительное положеніе. Для поддержанія вѣрности въ солдатахъ Эвменъ сдѣлалъ странное распоряженіе: онъ приказалъ устроить палатку и

помѣстить въ ней тронъ и всѣ знаки царскаго достоинства; эта палатка должна была быть воображаемымъ мѣстомъ царской власти. Всякое утро, начальники войска входили въ нее для принесенія жертвы на находившемся тамъ жертвенникѣ, и потомъ, какъ бы въ невидимомъ присутствіи самого царя, совѣщались о дѣлахъ. Но, несмотря на всѣ старанія привязать къ себѣ солдатъ, Эвменъ не могъ долго держаться противъ Антигона и его союзниковъ. Онъ удалился во внутреннюю Азію, чтобы заставить намѣстниковъ отдаленнѣйшихъ провинцій повиноваться своему фантастическому царю и принять участіе въ войнѣ съ властолюбивымъ Антигономъ; онъ хотѣлъ также взять находившіяся въ Сузѣ сокровища. Обѣ цѣли были достигнуты съ успѣхомъ. Благодаря раздачѣ сокровищъ начальникамъ и славѣ пріобрѣтенной Эвменомъ въ послѣдніе годы, онъ получилъ рѣшительное вліяніе въ военномъ совѣтѣ, управлявшемъ дѣлами; но восточно-азіатскіе намѣстники со времени смерти Александра привыкли къ совершенному произволу, и соединеніе съ ними имѣло то вредное вліяніе, что скоро въ войскѣ Эвмена начались раздоры.

Лѣтомъ 317 г. до р. Х. Антигонъ вступилъ въ восточную Азію и, поддерживаемый войсками Селевка и Питона, проникъ въ собственную Персію. Появленіе его возстановило на нѣкоторое время въ лагерѣ Эвмена исчезнувшее единство; Антигонъ былъ отраженъ съ большою потерею, и долженъ былъ совершить трудное отступленіе въ Мидію, чтобы перезимовать тамъ. По удаленіи его, въ войскѣ Эвмена и его союзниковъ снова начались прежнія несогласія, и ему стоило большихъ трудовъ держаться во главѣ соединенныхъ военныхъ силъ. Когда Антигонъ снова вторгнулся въ собственную Персію, Эвменъ поспѣшилъ ему на встрѣчу, и далъ сраженіе, въ которомъ оба войска, почти равныя числительностью, сражались съ одинаковою храбростью. Битва осталась нерѣшенною, но Антигонъ потерялъ гораздо больше Эвмена убитыми и ранеными.

Послѣ этого сраженія война нѣкоторое время продолжалась безъ замѣтнаго перевѣса на той или другой сторонѣ. Антигонъ и Эвменъ, старавшіеся превзойти другъ друга искусными движеніями, находились оба въ затруднительномъ положеніи, потому что сражались уже не съ дикими или полуобразованными варварами, какъ это было во времена Александра, а предводительствовали греками и македонянами, противъ грековъ же и македонянъ. Но Эвменъ оказался однако выше Антигона: кромѣ непріятеля, онъ долженъ былъ бороться и съ измѣнниками, находившимися въ его войскѣ, и палъ только вслѣдствіе заговора.

Между нѣкоторыми союзными съ Эвменомъ намѣстниками и его полководцами составился тайный заговоръ, въ то самое время, когда Антигонъ приближался къ нему со всѣмъ своимъ войскомъ. Эвменъ былъ такъ отваженъ, что, не смотря на угрожавшую ему измѣну, вступилъ въ бой съ непріятелемъ. И это сраженіе осталось нерѣшительнымъ, но Антигонъ завладѣлъ обозомъ, сокровищами, женами и дѣтьми той части македонянъ, которая составляла центръ непріятельской арміи, и это то погубило Эвмена. Солдаты его, подстрекаемые находившимися въ заговорѣ начальниками, вступили въ переговоры съ Антигономъ, который сказалъ имъ, что въ цѣлости возвратитъ все ихъ имущево, если только они выдадутъ ему Эвмена. Они тотчасъ завладѣли своимъ полководцемъ и передали его непріятелю. Антигонъ не зналъ убить ли ему своего несчастнаго противника, или оставить живымъ и воспользоваться имъ какъ хорошимъ совѣтникомъ. Неархъ, давно уже приставшій къ Антигону и сопровождавшій его въ походахъ, совѣтовалъ ему послѣднее, но измѣнившіе Эвмену военачальники и македонскія войска, выдавшія его, не соглашались на это. Они потребовали чтобы Антигонъ убилъ своего плѣнника (январь, 316 г. до р. X.) Полководцы, руководившіе заговоромъ противъ Эвмена, какъ люди опасные, были также вскорѣ или убиты или удалены Антигономъ. Отъ невѣрнаго же войска, измѣнившаго своему полководцу, какъ отъ

ненадежныхъ и привыкшихъ къ неповиновенію солдатъ, Антигонъ избавился чисто по восточному: онъ одарилъ его деньгами, и подъ почетнымъ предлогомъ послалъ въ Арахосію, давъ намѣстнику провинціи тайное приказаніе раздѣлить его на небольшіе отряды, и потомъ истребить мало по малу тяжелою службою.

2. Событія въ Греціи до смерти Олимпіады.

Какъ исторія Азіи въ первыя шесть лѣтъ по смерти Александра вся вращается около Пердикки, Эвмена и Антигона, такъ Антипатръ и его сынъ Кассандръ были главными лицами событій, совершавшихся тогда въ Македоніи и Греціи. Тотчасъ по смерти царя началась война, грозившая македонянамъ уничтоженіемъ ихъ господства надъ Европой. Аѳиняне и этолійцы, раздраженные насильственнымъ возвращеніемъ своихъ изгнанниковъ и потерею Самоса и Эніады (т. II, стр. 381), еще при жизни Александра начали готовиться къ войнѣ. Но до тѣхъ поръ, пока македонскій царь былъ живъ, приготовленія аѳинянъ велись аѳинскимъ гражданиномъ Леостеномъ, какъ его частное предпріятіе. Этотъ человѣкъ который могъ бы занять мѣсто на ряду съ лучшими полководцами всѣхъ временъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность бывши начальникомъ наемниковъ, и потому имѣлъ полную возможность дѣлать всѣ приготовленія къ предстоявшей войнѣ, не возбуждая подозрѣнія. Онъ тайно велъ переговоры съ этолійцами, потихоньку вербовалъ наемниковъ въ спартанскомъ городѣ Тенарѣ, бывшемъ тогда главнымъ сборнымъ мѣстомъ греческихъ авантюристовъ, и раздавалъ имъ деньги, пользуясь сокровищами помѣщенными Гарпаломъ въ аѳинское казначейство. Какъ только до Аѳинъ долетѣла вѣсть о смерти Александра, народное собраніе, не смотря на все противодѣйствіе богатыхъ людей, благосостояніе которыхъ сильно возвысилось въ послѣдніе десять лѣтъ мира, рѣшилось начать войну. Тогда въ послѣдній разъ аѳиняне почувство-

вали энтузіазмъ, такъ часто одушевлявшій ихъ предковъ, и показали себя достойными славы, завѣщанной имъ отцами. Они издали манифестъ, съ объявленіемъ войны, въ которомъ торжественно возвѣщалось, что аѳиняне станутъ сражаться за свободу Греціи и теперь, какъ встарину противъ варваровъ при Мараѳонѣ и Саламинѣ, не щадя ни имущества ни жизни, и рѣшились принести все въ жертву для освобожденія Грецію; что македонскіе гарнизоны должны быть изгнаны изъ всѣхъ городовъ, что всѣ аѳиняне, моложе сорока лѣтъ отъ роду, выступятъ въ походъ, оставивъ дома только три филы (т. I, стр. 315 и 331) для защиты аѳинской территоріи, и въ возможно кратчайшее время будетъ снаряженъ сильный флотъ. Это рѣшеніе аѳинскаго народа было сообщено особыми посольствами всѣмъ греческимъ государствамъ, и Леостену дано приказаніе выступить въ походъ съ своими наемниками.

Леостенъ съ восемью тысячами наемниковъ отправился изъ Тенары въ страну этолійцевъ, примкнувшихъ къ его войску въ числѣ семи тысячъ человѣкъ. Къ союзу противъ македонянъ тотчасъ или вскорѣ послѣ того присоединились и другія государства Греціи, кромѣ коринѳянъ, спартанцевъ и беотійцевъ. Коринѳянамъ препятствовалъ принять участіе въ возстаніи македонскій гарнизонъ, еще со временъ Филиппа занимавшій ихъ городъ; спартанцамъ не хотѣлось вести войну подъ предводительствомъ аѳинянъ, къ тому же, послѣ несчастной битвы при Мегалополѣ, они должны были выдать заложниками пятьдесятъ изъ своихъ почетнѣйшихъ гражданъ, находившихся во власти Антипатра; а беотійцевъ удерживали отъ союза съ греками разныя эгоистическія соображенія: обогатившись на счетъ ѳиванцевъ вскорѣ по восшествіи на престолъ Александра, они, въ случаѣ пораженія македонянъ, должны были опасаться возстановленія могущества Ѳивъ. Кромѣ греческихъ государствъ противъ Македоніи поднялись нѣкоторыя ѳракійскія и иллирійскія племена.

Съ своими наемниками и этолійцами Леостенъ отправился къ Термопиламъ, гдѣ къ нему примкнулъ аѳинскій отрядъ, состояв-

шій изъ пяти тысячъ пяти-сотъ гражданъ и двухъ тысячъ наемниковъ, и войска другихъ союзныхъ государствъ. Подъ начальствомъ Леостена вскорѣ собралось до тридцати тысячъ человѣкъ. Антипатръ также поспѣшилъ своими вооруженіями, и послалъ сказать Кратеру, — находившемуся тогда въ Киликіи, — чтобы онъ поспѣшилъ съ своими ветеранами въ Македонію. Оставивъ въ Македоніи небольшой отрядъ для защиты страны отъ ѳракійцевъ и иллирійцевъ, Антипатръ съ остальными своими силами, простиравшимися всего до четырнадцати тысячъ человѣкъ, двинулся къ Термопиламъ, чтобы съ помощью македонскихъ гарнизоновъ сосѣднихъ ѳессалійскихъ городовъ удержать грековъ отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Вскорѣ по прибытіи, онъ былъ вынужденъ Леостеномъ дать сраженіе, проигралъ его, и искалъ спасенія въ сосѣднемъ, хорошо укрѣпленномъ городѣ Ламіи, отъ котораго и вся эта война получила названіе ламійской. Здѣсь онъ рѣшился держаться до полученія помощи изъ Азіи; но Леостенъ, осадившій Ламію, принудилъ Антипатра, у котораго недостало съѣстныхъ припасовъ, начать съ нимъ переговоры о сдачѣ. Они не повели впрочемъ ни къ чему, потому что Леостенъ, къ которому примкнули уже очень многіе ѳессалійскія государства подъ предводительствомъ храбраго полководца Менона, настоятельно требовалъ безусловной сдачи. Антипатръ былъ уже доведенъ до послѣдней крайности, когда два случайныя обстоятельства, помѣшавшія грекамъ взять городъ, пробудили въ немъ новыя надежды. Сначала разошлись по домамъ всѣ этолійцы, потому что неизвѣстное намъ событіе потребовало ихъ присутствія на родинѣ, а вскорѣ умеръ и самъ Леостенъ (въ концѣ 323 г. до р. Х.).

Смерть Леостена была страшною потерею для союзниковъ; онъ принадлежалъ къ отличнѣйшимъ греческимъ полководцемъ того времени, и, пользуясь полнымъ довѣріемъ наемниковъ и вооруженныхъ гражданъ, былъ незамѣнимъ и въ этомъ отношеніи. Какъ живо чувствовали это сами греки, видно изъ тѣхъ почестей, какія оказали

аѳиняне павшему герою: они воздавали ему почести какъ полубогу, и великій аѳинскій ораторъ того времени, Гиперидъ, долженъ былъ по приказанію народа произнести надъ его гробомъ похвальную рѣчь. Главнокомандующимъ на мѣсто Леостена былъ назначенъ аѳинянинъ Антифилъ, который талантами мало уступалъ своему предшественнику, но не могъ замѣнить его, потому что событія стали принимать болѣе благопріятный для македонянъ оборотъ. Леоннатъ, намѣстникъ Малой Фригіи, которому Антипатръ не задолго передъ тѣмъ обратился съ просьбою о помощи, тотчасъ же выступилъ съ своими войсками, и около времени смерти Леостена уже достигъ Геллеспонта. Кратеръ съ своими ветеранами былъ еще далеко, но флотъ, на которомъ они должны были переѣхать въ Европу, подъ начальствомъ ветерана Клита соединился съ кораблями Антипатра и оспаривалъ у аѳинскаго флота господство надъ моремъ. Услышавъ, что Леоннатъ спѣшитъ на выручку Ламіи, Антифилъ снялъ осаду города и пошелъ на встрѣчу намѣстнику Фригіи, который, проходя по Македоніи, увеличилъ числительность своего войска до двадцати двухъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ. Противники сошлись на небольшой равнинѣ южной Ѳессаліи, и, благодаря превосходству силъ и храбрости ѳессалійской конницы, побѣда осталась за греками. Самъ Леоннатъ лишился жизни въ битвѣ. Но къ счастью побѣдителей, у Антифила не было достаточно войскъ, чтобы воспользоваться побѣдою: большая часть союзниковъ съ началомъ зимы разошлась по домамъ, а остальная состояла почти вся изъ воиновъ, набранныхъ только при самомъ началѣ войны; у Антипатра же было постоянное, правильно-организованное войско.

На другой день, послѣ битвы, явился Антипатръ, собралъ остатки разбитаго войска, и соединилъ ихъ съ своею арміею. Какъ опытный и предусмотрительный полководецъ, онъ избѣгалъ сраженія, придвинулся къ границамъ Македоніи, и умѣлъ удерживать грековъ до прибытія къ нему Кратера съ десятью тысячами ветерановъ и нѣсколькими тысячами новобранцевъ. Соединившись съ

Кратеромъ, Антипатръ былъ спасенъ, имѣя болѣе войскъ чѣмъ союзники. Аѳиняне и ѳессалійцы оказались достойными своей древней славы, упорно держались противъ превосходныхъ силъ непріятеля, состоявшихъ изъ отборныхъ македонскихъ войскъ, и ежедневно вступали въ стычки, избѣгая рѣшительной битвы. Наконецъ Антипатръ заставилъ ихъ принять сраженіе при городѣ Краннонѣ (322 г. до р. X). Исходъ его былъ такъ нерѣшителенъ, что обѣ стороны могли хвалиться побѣдою, но, не смотря на то, день этотъ навсегда рѣшилъ вопросъ о свободѣ Греціи. Вожди союзнаго войска, считая невозможностью выдержать борьбу со всѣми македонскими силами, предложили заключить миръ, но Антипатръ соглашался на него только подъ условіемъ, чтобы каждое государство вело съ нимъ переговоры отдѣльно. Это требованіе и сознаніе превосходства македонянъ лишили грековъ всей энергіи, и союзъ ихъ мало по малу сталъ распадаться. Кратеръ и Антипатръ покоряли одинъ за другимъ ѳессалійскіе города, давая ѳессалійцамъ и другимъ незначительнымъ государствамъ миръ только на самыхъ унизительныхъ условіяхъ, и въ короткое время достигли того, что аѳиняне и этолійцы, покинутые всѣми союзниками, разошлись по домамъ.

Аѳиняне быстро пали съ той высоты, на которую ихъ минутно подняло исполненное энтузіазма воспоминаніе о прежнемъ величіи, и должны были теперь хлопотать о смягченіи своей несчастной участи переговорами. Пора дѣятельности людей, сердце которыхъ билось двойнымъ біеніемъ при мыслѣ о свободѣ, людей, лозунгомъ которыхъ, какъ Леостена, было свобода или смерть! — миновалась безвозвратно; наступило время умныхъ и осторожныхъ дипломатовъ, надѣявшихся еще и подъ чужимъ господствомъ сохранить хотя тѣнь свободы. Въ ихъ руки передали Аѳины свою судьбу. Низкаго Демада, не за долго передъ тѣмъ объявленнаго въ народномъ собраніи лишеннымъ чести, упрашивали теперь, какъ человѣка имѣвшаго большія связи между македонянами, вступиться за свое отечество и именемъ его вести переговоры съ непріятелемъ.

Въ помощь ему данъ былъ Фокіонъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ политическихъ дѣятелей своего времени, понимавшій, что развращеніе гражданъ дѣлало невозможнымъ сохраненіе республиканской формы правленія. Онъ былъ очень друженъ съ Антипатромъ, и всѣ ожидали отъ его посольства тѣмъ болѣе важныхъ результатовъ, что вопросъ шелъ теперь не только о заключеніи мира, но, собственно говоря, о томъ, чтобы вымолить пощаду у стараго деспотическаго полководца.

Антипатръ заключилъ миръ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Аѳинянамъ было приказано измѣнить свои формы правленія по указаніямъ Антипатра, впустить македонскій гарнизонъ въ гавань Мунихію, выдать своихъ величайшихъ ораторовъ, Демосѳена и Гиперида, заплатить всѣ военныя издержки и еще нѣкоторую сумму денегъ въ видѣ пени, и наконецъ отказаться отъ послѣднихъ своихъ владѣній въ другихъ странахъ. Совершеннаго уничтоженія аѳинскаго государства не было въ планахъ Антипатра, потому что замыслы Пердикки настоятельно требовали присутствія его въ Азіи. 19 сентября 322 г. вступилъ въ Мунихію македонскій гарнизонъ, и началось исполненіе жестокихъ мѣръ, предписанныхъ Антипатромъ. Демократія была обращена въ такую форму правленія, которую и Платонъ и Аристотель считали самою дурною. Господство передано было въ руки денежной аристократіи, и только граждане, владѣвшіе не менѣе какъ пятью стами р. (на наши деньги) могли принимать участіе въ управленіи, всѣ остальные были лишены политическихъ правъ. Какой важный переворотъ произвела эта мѣра, и какъ бѣдны были тогда Аѳины, можно видѣть уже изъ того, что изъ двадцати одной тысячи свободныхъ гражданъ, находившихся тогда въ Аѳинахъ, только девять тысячъ могли, на основаніи этихъ условій, принять участіе въ правленіи. Большинство аѳинянъ, потерявшихъ политическія права, покинули свое отечество, и были поселены Антипатромъ во Ѳракіи.

При паденія самостоятельности Аѳинъ лишились жизни и великіе ораторы Демосѳенъ и Гиперидъ. Послѣдній силою сво-

ей рѣчи умѣлъ пробудить въ аѳинянахъ прежнюю страстную любовь къ свободѣ и воодушевлялъ ихъ энергію во время Ламійской войны, а Демосѳенъ, изгнанный передъ тѣмъ изъ Аѳинъ (т. II стр. 385), отправился изъ Мегары въ Пелопоннесъ, для содѣйствія аѳинскимъ посламъ въ возбужденіи греческихъ государствъ къ участію въ войнѣ. Черезъ нѣсколько времени народное собраніе уничтожило приговоръ объ изгнаніи великаго оратора, и онъ былъ торжественно перевезенъ въ Аѳины на кораблѣ, принадлежавшемъ государству. Еще до окончанія переговоровъ Фокіона съ Антипатромъ, Демосѳенъ, Гиперидъ и другіе предводители анти-македонской партіи спаслись бѣгствомъ изъ Аѳинъ, потому выдать ихъ Антипатру было невозможно; но, по предложенію подлаго Демада, они были приговорены къ смерти. Актеръ Архій, такой же негодяй какъ и Демадъ, принялъ порученіе Антипатра исполнить приговоръ, произнесенный надъ истинными патріотами-эмигрантами. Взявъ съ собою македонскихъ солдатъ, онъ отыскалъ Демосѳена въ Калавріи, а прочихъ въ Эгинѣ. Послѣдніе были приведены имъ къ Антипатру въ цѣпяхъ, и приговорены къ мучительной казни; Демосѳенъ, желая избѣжать позора, умертвилъ себя. Онъ скрылся въ храмъ, но не находя и тамъ убѣжища, принялъ заранѣе приготовленный ядъ, и умеръ передъ алтаремъ (322 г. до р. X.) Убійцы Гиперида и Демосѳена получили впослѣдствіи заслуженное наказаніе. Архій впалъ въ крайнюю бѣдность и долгое время влачилъ жалкую и позорную жизнь; Демадъ же вскорѣ послѣ этого вступилъ въ тайный союзъ съ Пердиккою, и когда это открылось, Кассандръ, сынъ Антипатра, приказалъ убить измѣнника, умертвивъ на его рукахъ его сына.

Антипатръ отправился въ Пелопоннесъ, чтобы обезсилить и тамошнія государства введеніемъ у нихъ олигархіи, а потомъ, въ сопровожденіи Кратера, двинулся въ Этолію. Опытные полководцы вступили въ эту гористую страну съ тридцатитысячнымъ войскомъ, но встрѣтили здѣсь такое упорное сопротивленіе, какого не оказывало имъ ни одно греческое государство. При при-

ближеніи македонянъ, этолійцы покинули свои жилища въ равнинахъ и долинахъ, и ушли съ семействами въ свои скалистыя горы. Македоняне нѣсколько разъ пытались овладѣть этими замками, но постоянно были отражаемы съ потерею; тогда они укрѣпились въ долинахъ и, отрѣзавъ подвозъ припасовъ къ этолійцамъ, привели ихъ въ отчаянное положеніе. Этолійцы были бы навѣрное принуждены скоро покориться, еслибы къ Антипатру и Кратеру не явился нечаянно Антигонъ, какъ бѣглецъ, и не убѣдилъ ихъ что имъ угрожаетъ со стороны Пердикки страшная опасность, если они не двинутся тотчасъ же въ Азію. Заключивъ выгодный для этолійцевъ миръ, македонскіе полководцы немедленно двинулись черезъ Македонію въ Азію.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи этого мира, этолійцы снова нарушили его, воспользовавшись тѣмъ, что Антипатръ съ лучшею частью македонскаго войска былъ занятъ тогда войною въ Азіи; и въ числѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ они вторглись въ Ѳессалію. Здѣсь къ нимъ присоединилась большая часть жителей, подъ предводительствомъ извѣстнаго со времени ламійской войны Менона изъ Фарсала, такъ что войско ихъ увеличилось до двадцати шести тысячъ пятисотъ человѣкъ. Старый полководецъ Полисперхонъ, котораго оставилъ Антипатръ намѣстникомъ въ Македоніи, съ трудомъ могъ бы противиться соединеннымъ силамъ ѳессалійцевъ и этолійцевъ и защитить Македонію отъ ихъ вторженія, если бы неожиданный случай не вывелъ его изъ затруднительнаго положенія: этолійцы, получивъ извѣстіе, что сосѣди ихъ акарнанцы вторглись въ Этолію и производятъ тамъ грабежи, поспѣшили на помощь родинѣ. По удаленіи ихъ, Полисперхону не трудно уже было побѣдить ѳессалійцевъ. Самъ Менонъ вскорѣ лишился жизни, а войска его были разбиты. Такимъ образомъ еще до возвращенія Антипатра изъ Азіи, миръ былъ водворенъ и македонское владычество въ Греціи возстановлено.

Въ 320 г. до р. Хр. Антипатръ возвратился въ Македонію и умеръ въ началѣ слѣдующаго года, почти восьмидесяти лѣтъ отъ

роду. Своими преемниками въ регентствѣ и управленіи Македоніею онъ назначилъ стараго боеваго товарища и друга Полисперхона и сына своего Кассандра, поставивъ двадцати-трехлѣтняго, пылкаго Кассандра въ зависимость отъ осторожнаго Полисперхона. По смерти Антипатра между ними тотчасъ же возникли раздоры: Кассандръ объявилъ притязаніе на полный объемъ власти отца, какъ на свое наслѣдство, пріобрѣлъ въ самой Македоніи значительную партію и старался найти приверженцевъ въ другихъ странахъ. Онъ расположилъ къ себѣ Птолемея, привлекъ на свою сторону Антигона и другихъ намѣстниковъ въ Азіи, еще до разрыва съ Полисперхомъ замѣстилъ начальника македонскаго гарнизона въ Аѳинахъ Менилла своимъ другомъ Никаноромъ, и заключилъ тѣсный союзъ съ аристократическою партіею въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ городахъ. Даже Эвридика, супруга слабоумнаго Филиппа, благопріятствовала ему, потому что Антипатръ и его другъ Полисперхонъ отстранили ее отъ всякаго участія въ управленіи, а послѣдній, вскорѣ послѣ начала открытой вражды съ Кассандромъ, даже пригласилъ соперницу ея Олимпіаду, удаленную Антипатромъ въ Эпиръ, возвратиться въ Македонію и принять участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Кассандръ тайно оставилъ Македонію и удалился къ Антигону, отъ котораго тѣмъ скорѣе могъ ожидать помощи, что Птолемей уже обѣщалъ ему свою поддержку, а Антигонъ не хотѣлъ признавать власти царской фамиліи, въ интересахъ которой дѣйствовалъ Полисперхонъ.

Полисперхонъ былъ превосходный полководецъ на второстепенномъ мѣстѣ, но плохой правитель; умный, предпріимчивый Кассандръ былъ по своимъ связямъ очень опаснымъ противникомъ. Для борьбы съ нимъ Полисперхонъ вступилъ въ союзъ съ матерью Александра и Эвменомъ, величайшимъ врагомъ Антигона, и въ то же время употребилъ всѣ усилія, чтобы утвердиться въ Греціи. Для достиженія послѣдней цѣли, онъ издалъ именемъ слабоумнаго царя декретъ о возстановленіи демократіи во всѣхъ греческихъ государствахъ, съ цѣлью раздражить повсюду народъ

противъ находившихся въ союзѣ съ Кассандромъ олигарховъ. Декретъ этотъ возбудилъ сильное волненіе во всей Греціи; народъ, получивъ власть, хотѣлъ кровью отмстить своимъ притѣснителямъ. Отъ распоряженія, сдѣланнаго Полисперхономъ, потерпѣли въ особенности Аѳины, гдѣ, со времени окончанія ламійской войны, во главѣ правленія стоялъ благородный Фокіонъ, питавшій сочувствіе къ олигархіи,—человѣкъ, прославившійся больше своимъ образомъ мыслей, чѣмъ дѣлами. Онъ пользовался довѣріемъ Антипатра и употреблялъ власть свою, основанную на этомъ довѣріи, на благо своихъ согражданъ, такъ что время его управленія государствомъ, не смотря на македонское иго, считается самою счастливою эпохою для внѣшняго благосостоянія Аѳинъ. Когда другъ Кассандра Никаноръ принялъ начальство надъ македонскимъ гарнизономъ, Фокіонъ вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія, но декретъ о свободѣ, изданный Полисперхономъ, погубилъ его. Одновременно съ возстановленіемъ демократіи, Никаноръ получилъ приказаніе вернуться съ своими войсками въ Македонію и возвратить городу полную самостоятельность. Никаноръ не послушался приказанія, и, когда аѳиняне захотѣли снова ввести демократію, грозилъ имъ мщеніемъ Кассандра, приближавшагося къ нимъ съ значительнымъ войскомъ. Не успѣвъ испугать этимъ аѳинянъ и поддерживаемый олигархами, онъ внезапно захватилъ гавань Пирей, и теперь, имѣя въ своей власти два укрѣпленныхъ пункта, еще упорнѣе отказывался выступить изъ Аѳинъ, не смотря на настоятельныя требованія аѳинянъ и грозное приказаніе очистить городъ, присланное ему Олимпіадою отъ имени ея внука. Наконецъ сынъ Полисперхона, Александръ, явился съ небольшимъ отрядомъ передъ Аѳинами, но, опасаясь народа, захватившаго въ свои руки власть, счелъ за лучшее вступить въ союзъ съ олигархами и не предпринимать никакихъ серьёзныхъ мѣръ для изгнанія Никанора. Между тѣмъ демократы предали суду своего революціоннаго трибунала Фокіона и другихъ олигарховъ, большая часть которыхъ искали

спасенія въ бѣгствѣ и нашли убѣжище въ лагерѣ Александра. Отсюда въ скоромъ времени они удалились къ Полисперхону, прибывшему тогда въ Фокиду. Вмѣстѣ съ ними явилось туда посольство и отъ демократической партіи, и онъ долженъ былъ теперь открыто взять чью нибудь сторону. Вѣсть о скоромъ прибытіи Кассандра и надежда лишить его всякаго вліянія въ Аѳинахъ принесеніемъ олигарховъ въ жертву побудили правителя государства предать ихъ въ руки бурныхъ демократовъ. Онъ приказалъ заковать въ цѣпи Фокіона и его друзей, и отвезти въ Аѳины. Народное собраніе приговорило ихъ къ смертной казни, и одинъ изъ лучшихъ людей тогдашней Греціи долженъ былъ за свою ошибку поплатиться жизнью. Фокіона заставили выпить ядъ за то, что, обманувшись положеніемъ вещей и запутанностью тогдашнихъ обстоятельствъ, онъ искалъ для себя и своего роднаго города спасенія въ томъ, что погубило его самого. Подобно Сократу, онъ покорился своей участи съ твердостью и спокойствіемъ (318).

Черезъ четыре дня послѣ смерти Фокіона прибылъ въ Пирей Кассандръ. Онъ грозилъ городу со стороны Мунихіи и Пирея, между тѣмъ какъ Полисперхонъ окружилъ его своимъ двадцати пяти тысячнымъ войскомъ, желая помѣшать дальнѣйшимъ движеніямъ Кассандра. Простоявъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, онъ поручилъ наблюденіе за Кассандромъ своему сыну, а самъ съ большею частію войска отправился въ Пелопоннесъ. Здѣсь онъ изгналъ изъ многихъ городовъ олигарховъ, но долго безъ всякаго успѣха осаждалъ городъ Мегалополь въ Аркадіи, и потерялъ при этомъ большую часть своихъ войскъ, замѣнить которую было для него чрезвычайно трудно. Вслѣдъ за тѣмъ и весь его флотъ былъ уничтоженъ Антигономъ. Эти неудачи лишили Полисперхона всего его политическаго значенія, и дали надъ нимъ перевѣсъ Кассандру. Аѳиняне подчинились Кассандру когда онъ отрѣзалъ ихъ отъ моря, и такимъ образомъ лишилъ возможности добывать себѣ пропитаніе и средства къ наслажденіямъ,

о которыхъ господствовавшая тогда демократія заботилась еще болѣе, чѣмъ о своемъ господствѣ. Кассандръ предложилъ очень выгодныя условія мира. Онъ ограничился занятіемъ Мунихіи, и не настаивалъ на неприкосновенности введеннаго его отцемъ правленія, предоставивъ полныя политическія права всякому, владѣвшему имуществомъ въ двѣсти двадцать р. сер. (на наши деньги) и поставивъ выборъ главы республиканскаго правительства въ зависимость отъ своего утвержденія (318 г. до р. Х.).

Аѳиняне избрали своимъ правителемъ Димитрія Фалерейскаго, который за пять лѣтъ передъ тѣмъ вмѣстѣ съ Фокіономъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на политическія дѣла, а съ этихъ поръ въ продолженіе десяти лѣтъ господствовалъ надъ Аѳинами, и занималъ въ государствѣ почти такое же положеніе, какое нѣкогда имѣлъ ораторъ Ликургъ; но теперь положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Хотя всѣ граждане, владѣвшіе имуществомъ въ двѣсти двадцать руб. сер., слѣдовательно почти всѣ, кромѣ самой бѣдной части населенія, принимали участіе въ управленіи, однако власть Димитрія, пользовавшагося поддержкою Кассандра и македонскаго гарнизона въ Мунихіи, была навсегда обезпечена отъ постоянныхъ перемѣнъ, составляющихъ существенную принадлежность демократической формы правленія. Правительство оставалось республиканскимъ только по имени, въ дѣйствительности же было совершенно монархическимъ, такъ что господство Димитрія въ Аѳинахъ можетъ служить доказательствомъ справедливости словъ Аристотеля, утверждавшаго, что возможно соединеніе монархическаго принципа съ сохраненіемъ свободы государства. Правленіе Димитрія по своей важности для исторіи нравовъ того времени заслуживаетъ подробной характеристики.

Ученый и риторъ, Димитрій отличался гладкостью и простотою слога своихъ произведеній и искусствомъ говорить съ изяществомъ о всевозможныхъ предметахъ. Эта способность и любовь его къ искусствамъ и наукамъ вообще превосходно шли къ той безнравственной роли, которую онъ взялъ на себя, какъ властитель Аѳинъ.

Къ особенностямъ общественной жизни того времени принадлежитъ черта, что, вмѣстѣ съ страшною испорченностью нравовъ, поэзія, философія и искусства составляли тогда настоятельную потребность для всѣхъ состояній и возрастовъ. Нельзя оставить безъ вниманія и того, что тогдашніе аѳинскіе риторы совершенно также, какъ въ началѣ прошлаго столѣтія Вольтеръ и его друзья, расточали сильнымъ міра сего похвалы, имѣвшія для послѣднихъ туже цѣну, какую во времена древней свободы Греціи имѣлъ почетный вѣнецъ для побѣдителей на олимпійскихъ играхъ. Аѳинскіе поэты и философы, театральныя представленія, празднества и мистеріи главнаго города Греціи поддерживали свою прежнюю славу, и похвала изъ устъ аѳинянъ казалась высшею почестью привыкшимъ къ лести правителямъ. Поэтому аѳиняне и увлеченные ихъ примѣромъ остальные греки взялись тогда за туже роль, какую играли они въ теченіе многихъ столѣтій подъ римскимъ владычествомъ, въ качествѣ слугъ во времена республики, и въ качествѣ повелителей, какъ любимцы императоровъ, во времена имперіи. Они наполняли дома богачей въ качествѣ ловкихъ и остроумныхъ свѣтскихъ людей, превосходныхъ профессоровъ, управляющихъ и наставниковъ, тунеядцевъ и домашнихъ поэтовъ. Имѣя въ виду эту характеристическую черту того времени, мы поймемъ, что Димитрій Фалерейскій могъ дѣлать что ему угодно, и въ тоже время быть любимымъ, почитаемымъ и превозносимымъ до небесъ аѳинянами, и что черезъ нѣсколько времени, когда онъ былъ изгнанъ другимъ, подобнымъ ему властителемъ, аѳиняне были способны ругать, ненавидѣть и даже осудить его на смерть. Аѳиняне расточали свои похвалы, ожидая за это подарковъ и развлеченій, и всякій, кто бы онъ ни былъ, щедро раздававшій имъ все это, дѣлался ихъ кумиромъ.

Димитрій Фалерейскій игралъ только второстепенную роль при Фокіонѣ. Когда съ приближеніемъ Полисперхона олигархи были вытѣснены демократами, онъ поступилъ гораздо умнѣе Фокіона, бѣжавъ тогда къ полководцу Кассандра Никанору, принявшему

его подъ свою защиту, тогда какъ Фокіонъ, ища убѣжища у Полисперхона и его сына, былъ выданъ ими. Кассандръ поставилъ его во главѣ правленія, и Димитрій, не смотря на участіе бѣднаго класса въ управленіи, съумѣлъ вполнѣ утвердить свое господство, благодаря поддержкѣ македонскаго гарнизона и тогдашнему духу аѳинскаго народа. Аѳины обѣднѣли, но издавна привыкли къ роскоши и безнравственности; Димитрій сыпалъ имъ огромныя деньги, и всячески поощрялъ развитіе ихъ чувственности. Аѳинянамъ нравился болѣе, хотя бы и деспотическій, но за то роскошный и расточительный властитель, чѣмъ прежнее владычество ихъ собственной аристократіи; ради денегъ и наслажденій они должны были болѣе сочувствовать господству Димитрія, чѣмъ приближавшемуся къ идеямъ Платона нравственному правленію Фокіона.

Кассандръ и Птолемей смотрѣли на Димитрія, какъ на полезнаго союзника, и давали ему такія огромныя денежныя суммы, что, вмѣстѣ съ доходами Аѳинъ, онъ имѣлъ ежегодно въ своемъ распоряженіи до тысячи двухъ сотъ талантовъ (около милліона шестисотъ тысячъ руб. сер.) Съ помощью этихъ денегъ, Димитрій имѣлъ возможность вести самую развратную и расточительную жизнь. Прежде онъ жилъ очень умѣренно и даже питался весьма скудною пищею, но, сдѣлавшись правителемъ Аѳинъ, сталъ тратить македонскія и египетскія субсидіи на свои удовольствія, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ на пользу города или на содержаніе солдатъ, для чего собственно онѣ и предназначались. Онъ устроивалъ великолѣпные пиры, роскошь которыхъ доходила до того, что поваръ его, собирая въ теченіе двухъ лѣтъ остатки отъ обѣдовъ, нажилъ себѣ два большихъ помѣстья. Его столовыя были устланы прекраснѣйшими коврами; самъ онъ мазался драгоцѣннымъ масломъ, красилъ волосы свои подъ цвѣтъ бѣлокурыхъ и бѣлился. Димитрій угощалъ и веселилъ своихъ сластолюбивыхъ аѳинянъ, ежедневно приглашалъ къ себѣ множество гостей, и своею расточительностью, блескомъ и нарядами превосходилъ все, видѣнное до тѣхъ поръ въ Аѳинахъ. Онъ соблазнялъ женщинъ, посѣщалъ

знаменитыхъ аѳинскихъ гетеръ, сдѣлавшихся въ то время просто публичными женщинами, и выдумывалъ новые костюмы; словомъ, — подобно людямъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ многихъ новѣйшихъ народовъ, — дѣлалъ все, что только могло удовлетворять чувственнымъ наслажденіямъ, сохраняя однако то, что по понятіямъ этихъ прилизанныхъ и примазанныхъ существъ называется приличіемъ. Онъ покровительствовалъ всѣмъ искусствамъ и наукамъ, которыя только могутъ процвѣтать въ такія времена, какимъ была его эпоха, очень похожая на современную намъ, не чувствовалъ никакого желанія дѣлать такія издержки, какія дѣлалъ Периклъ будучи главою аѳинскаго народа, не хотѣлъ и слышать о новыхъ храмахъ, театрахъ и бывшихъ въ употребленіи въ старину блестящихъ постановкахъ на сцену комедій и трагедій. Минутная польза и наслажденіе были для него единственными предметами, на которыя онъ не щадилъ никакихъ денегъ. Во всѣхъ празднествахъ и художественныхъ произведеніяхъ онъ цѣнилъ только доставляемыя ими забавы и чувственныя наслажденія, а не истинно-высокое и достойное человѣка чувство, возбуждаемое и поддерживаемое искусствами. Какую же пользу могъ послѣ этого извлечь городъ изъ его расточительности? Напротивъ, своимъ примѣромъ онъ растлилъ духъ и нравственность аѳинскаго народа, хотя самъ издавалъ законы противъ роскоши, представляя изъ себя блюстителя нравственности. Не смотря на все это, онъ пріобрѣлъ себѣ такую благосклонность нравственно упавшихъ аѳинянъ, что въ короткое время они воздвигли въ честь его до трехсотъ шестидесяти статуй.

Таково было состояніе Аѳинъ, въ продолженіе десятилѣтняго управленія городомъ Димитрія Фалерейскаго, покровительствуемаго Кассандромъ. Самъ Кассандръ, по утвержденіи Димитрія, оставилъ Аѳины, и направилъ всѣ свои усилія, чтобы укрѣпить свою власть низверженіемъ Полисперхона. Когда противникъ его, потерявъ большую часть своего войска, ушелъ съ остатками его изъ Пелопоннеса, нѣкоторые греческіе города тотчасъ же перешли на сто-

рону Кассандра сами или были взяты имъ силою. Послѣ того, Кассандръ удалился въ Македонію, покореніе которой облегчили ему жестокости Олимпіады. Эвридика, вступившая въ переговоры съ Кассандромъ, по удаленіи Полисперхона совершенно завладѣла правленіемъ; но Полисперхонъ изъ Пелопоннеса отправился въ Эпиръ въ намѣреніи привести въ Македонію Олимпіаду и внука ея Александра, котораго отвезла туда его мать Роксана, боясь козней Эвридики. Царь Эакидъ, дядя Олимпіады, поддержалъ Полисперхона своимъ войскомъ, но Эвридика тотчасъ же отправила къ Кассандру въ Пелопоннесъ гонца, и вывела на встрѣчу приближавшихся къ ней враговъ находившіяся въ Македоніи войска. Арміи встрѣтились на границахъ страны. Ими командовали Олимпіада и Эвридика, — одинаково мстительныя и властолюбивыя, — старавшіяся, подобно разъяреннымъ фуріямъ, погубить другъ друга. Передъ самымъ началомъ сраженія, Олимпіада явилась къ войску Эвридики, указала на Роксану, юнаго Александра и самую себя, и этимъ обезоружила свою противницу. Войска не захотѣли напасть на мать, супругу и сына своего великаго царя, вступили съ своими соотечественниками въ переговоры, и вскорѣ соединились съ ними. Покинутая Эвридика и супругъ ея были взяты въ плѣнъ, и попались во власть страшной Олимпіады. Чтобы удовлетворить свою ярость, она приказала мучить ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Филиппъ Арридей и Эвридика были заключены въ тѣсную темницу, гдѣ имъ выдавалось ежедневно лишь такое количество пищи, какое нужно было, чтобы умертвить ихъ самою медленною смертью. Узнавъ, что мучительныя страданія несчастныхъ возбуждаютъ въ войскѣ сожалѣніе и неудовольствіе, Олимпіада приказала умертвить Филиппа стрѣлами, а Эвридикѣ послала кинжалъ, веревку и ядъ, чтобы она избрала себѣ родъ смерти. Эвридика повѣсилась на собственномъ своемъ поясѣ (317 г. до р. Х.). Такимъ образомъ сама мать Александра подала первый примѣръ убійству лицъ царской фамиліи, и дала этимъ поводъ къ истребленію всѣхъ ея членовъ.

Кровожадная женщина, нравъ которой не смягчили и самыя лѣта, продолжала свои жестокости въ Македоніи надъ приверженцами своей противницы. Сто знатнѣйшихъ македонянъ, въ числѣ которыхъ находился и братъ Кассандра, были казнены ею. Ярость Олимпіады доходила до того, что она приказала разрыть могилу другаго сына Антипатра и предала его прахъ поруганію.

Кассандръ получилъ вѣсть о смерти Эвридики и возвращеніи Олимпіады во время осады одного города въ Аркадіи, и тотчасъ же поспѣшилъ съ войскомъ въ Македонію. Прибывъ туда, онъ отправилъ одного изъ своихъ полководцевъ противъ Полисперхона, а самъ съ остальными войсками двинулся къ крѣпости Пиднѣ, гдѣ заперлась Олимпіада съ своею падчерицею Ѳессалоникою, внукомъ Александромъ и матерью этого ребенка Роксаною. Олимпіада потеряла всякую надежду на спасеніе, потому что Полисперхонъ былъ оттѣсненъ полководцемъ Кассандра и потерялъ часть своихъ войскъ, а царю эпирскому, Эакиду, помѣшало подать ей помощь возстаніе его подданныхъ. Послѣ долгой осады Олимпіада должна была отдаться въ руки непріятеля, и получила вполнѣ заслуженное наказаніе. Рѣшившись избавиться отъ злодѣйки, но не смѣя отдать приказанія умертвить мать Александра Великаго, Кассандръ старался придать убійству ея видъ законности, предавъ ее суду. Онъ научилъ родственниковъ лицъ казненныхъ по ея приказанію обвинить ее передъ войскомъ, которое по македонскимъ обычаямъ имѣло право произносить смертные приговоры. Войско приговорило Олимпіаду къ смерти, но солдаты, которымъ поручено было выполнить надъ нею приговоръ, отказались отъ этого. Тогда Кассандръ воспользовался мстительностью обвинителей царицы, которую они и побили каменьями (316 г. до р. Х.) Роксана и Александръ Эгъ, по приказанію Кассандра, были заключены въ крѣпость Амфиполь, гдѣ они содержались подъ строгимъ надзоромъ и жили какъ частныя лица; Ѳессалоника, также попавшаяся въ его руки, сдѣлалась его женою. Полисперхонъ, войска котораго большею частью перешли къ Кассандру, спасся

бѣгствомъ въ Этолію, а оттуда въ Пелопоннесъ, гдѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Александромъ, продолжалъ еще держать въ своей власти Коринѳъ и нѣкоторые другіе города.

3. Борьба за обладаніе царствомъ Александра отъ смерти Олимпіады до умерщвленія Роксаны и ея сына.

Судьба міра—какъ видно изъ разсказанныхъ нами событій—зависѣла въ то время отъ солдатъ и ихъ предводителей. Поэтому мы должны прервать нить расказа, чтобы бросить взглядъ на тогдашній характеръ военнаго искусства и качества самого войска. Знакомство съ тѣмъ и другимъ имѣетъ огромную важность и для познанія господствовавшаго тогда духа времени, потому что вслѣдствіе развитія военнаго дѣла возникали новыя искусства и промышленныя занятія, а существовавшія прежде получали новое направленіе и болѣе сильный толчокъ къ движенію. Война имѣла тогда огромное вліяніе на государственную жизнь: судьба государствъ зависѣла отъ солдатъ и ихъ начальниковъ, какъ и въ наше время, а финансовая часть пріобрѣла огромную важность, потому что войско состояло большей частью изъ наемниковъ и было только мертвымъ механизмомъ. Главнѣйшими условіями существованія государствъ сдѣлались деньги и войско, а не живая сила и духъ гражданъ, какъ въ славныя времена республиканской жизни.

Уже со временъ Ификрата, навербованныя войска все болѣе и болѣе замѣняли собою войска состоявшія изъ гражданъ, а по смерти Александра Великаго храбрость почти совершенно исчезла въ массѣ населенія греческихъ государствъ. Даже войско, выведенное Леостеномъ въ ламійской войнѣ, состояло преимущественно изъ наемниковъ, хотя и нельзя отрицать, что аѳиняне въ послѣдній разъ были проникнуты тогда національнымъ энтузіазмомъ. Напротивъ того, ядро войскъ Филиппа и Александра, хотя и на нихъ надо смотрѣть какъ на постоянныя вой-

ска въ современномъ смыслѣ этого слова, составляла національная милиція, которая несла военную службу только въ продолженіе опредѣленнаго времени и для извѣстныхъ цѣлей, имѣла вліяніе на государственное управленіе, и сохраняла за собою право суда. Все это измѣнилось съ смертью Александра; арміи разныхъ властителей, боровшихся за обладаніе его царствомъ, составлялись или изъ наемныхъ войскъ или изъ неимѣвшихъ своей воли подданныхъ, и были собственностью тѣхъ владѣтелей, которымъ служили. Изъ всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ царства Александра, одни только этолійцы имѣли національное войско; поэтому они и получали все большее и большее вліяніе въ войнахъ послѣдующаго времени, а въ позднѣйшемъ періодѣ греческой исторіи сдѣлались однимъ изъ главнѣйшихъ государствъ Греціи, прежде не имѣвъ почти никакого значенія.

Обращаясь снова къ изложенію хода событій, необходимо для яснаго пониманія исторіи четырнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Эвмена, помнить, что важнѣйшими дѣятелями того времени были Антигонъ, сынъ его Димитрій Поліоркетъ, Птолемей, Селевкъ, Кассандръ и Лисимахъ. Всѣ прочіе намѣстники играли только второстепенныя роли. Вслѣдствіе побѣды надъ Эвменомъ, Антигонъ сдѣлался владѣтелемъ Азіи, вытѣснивъ вскорѣ Селевка, единственнаго человѣка, который могъ быть для него опасенъ; остальные намѣстники признали его верховнымъ правителемъ царства. Въ Европѣ Кассандръ пріобрѣлъ перевѣсъ надъ Полисперхономъ, и владѣлъ частью Греціи. Лисимахъ, намѣстникъ Ѳракіи, занятый борьбою съ дикими племенами страны, полными тогда духа независимости, не могъ еще имѣть значительнаго вліянія на ходъ событій. Напротивъ того, Селевкъ, намѣстникъ Вавилона, и Птолемей, владѣтель Египта, пріобрѣли огромное значеніе какъ для Азіи, такъ и для Европы; оба они съумѣли тогда утвердить за собою владычество надъ своими провинціями, и, не стремясь, какъ Антигонъ, къ господству надъ

всѣмъ царствомъ Александра, не были принуждены, подобно последнему, раздроблять свои силы, и такимъ образомъ среди шума и запутанности тогдашнихъ событій, одни изъ всѣхъ полководцевъ Александра, удержали за собою и своимъ потомствомъ добытую ими власть.

Послѣ побѣды надъ Эвменомъ, Антигонъ обратилъ все вниманіе на сокровища, находившіяся въ Сузѣ. Онъ поручилъ Селевку покорить провинцію, резиденціею которой была Суза, и обѣщалъ ему присоединить ее къ вавилонскому намѣстничеству. По прибытіи туда Антигона, Селевкъ передалъ ему городъ со всѣми сокровищами, и такимъ образомъ доставилъ ему средства къ продолженію войны. Въ Сузѣ Антигонъ нашелъ столько наличныхъ денегъ и драгоцѣнностей, что вся сумма собранная тамъ и въ Мидіи простиралась до двадцати пяти тысячъ талантовъ. Кромѣ того онъ завладѣлъ десятью тысячами талантовъ, находившихся въ царскомъ казначействѣ въ Квиндѣ, въ Киликіи, и, выжимая ежегодно отъ подчиненныхъ ему намѣстниковъ еще до одиннадцати тысячъ талантовъ, въ одинъ годъ собралъ слишкомъ сорокъ шесть тысячъ талантовъ, т. е. до шестидесяти милліоновъ рублей на наши деньги. Завладѣвъ при помощи Селевка сокровищами Сузы, онъ старался теперь разными хитростями и обманами погубить этого человѣка, который послѣ Эвмена и Птолемея былъ самымъ хитрымъ изъ всѣхъ полководцевъ Александра. Антигонъ не только нарушилъ свое обѣщаніе относительно намѣстничества, но, бывши вмѣстѣ съ Селевкомъ въ Вавилонѣ, всячески искалъ случая поссориться, обращаясь съ нимъ какъ съ подчиненнымъ. Раздраживъ Селевка своимъ обращеніемъ, Антигонъ хотѣлъ арестовать его, желая совершенно избавиться отъ него, но послѣдній успѣлъ спастись бѣгствомъ (316 г. до р. Х.).

Бѣжавшій намѣстникъ нашелъ убѣжище въ Египтѣ у Птолемея. Съ тѣхъ поръ какъ властолюбивый Антигонъ сдѣлался властелиномъ всей Азіи, Птолемею стала угрожать опасность, къ отраженію которой онъ долженъ былъ готовиться. По этой при-

чинѣ онъ принялъ къ себя Селевка, и склонилъ Кассандра и Лисимаха, которымъ грозила такая же опасность со стороны Антигона, вступить съ нимъ въ союзъ противъ общаго врага. Союзъ этотъ повелъ за собой долголѣтнюю войну противъ Антигона, всячески старавшагося одолѣть своихъ враговъ. Онъ поднялъ дикія ѳракійскія племена и лежащія на берегахъ Ѳракіи греческіе приморскіе города противъ Лисимаха, который принужденъ былъ заняться усмиреніемъ своей собственной страны, и не могъ уже и думать о поддержаніи своихъ союзниковъ. Чтобы недопускать Кассандра въ Азію, Антигонъ вовлекъ его въ войну съ Греціею, заключилъ союзъ съ старымъ Полисперхономъ, котораго возбудилъ отъ бездѣйствія, послалъ посольство объявить свободу всѣмъ греческимъ государствамъ, и отправилъ въ Пелопоннесъ искуснаго дипломата съ огромною суммою денегъ, чтобы произвести повсюду волненія и призвать грековъ къ оружію противъ Кассандра. Кассандръ былъ такъ занятъ всѣми этими дѣлами, что во время всей войны не могъ явиться въ Азіи, а отправилъ туда только малочисленный отрядъ, и даже самъ былъ бы поставленъ въ большое затрудненіе, если бы не съумѣлъ подкупить Александра, сына Полисперхона, и склонить его на союзъ съ врагами его отца.

Главныя свои силы Антигонъ направилъ противъ Птолемея, который владѣлъ уже нѣсколько лѣтъ Египтомъ, Сиріею и Финикіею, и, имѣя огромный флотъ, сдѣлался для властелина Азіи самымъ опаснымъ изъ противниковъ. Антигонъ съ лучшею частью своихъ войскъ бросился въ Сирію и Финикію, покорилъ эти страны, и, не щадя издержекъ, занялся въ ихъ гаваняхъ постройкою флота, при содѣйствіи своего стараго друга, опытнаго моряка Неарха. Птолемей поддерживалъ противниковъ Антигона въ Пелопоннесѣ и возставшаго противъ него намѣстника Каріи, Асандра. Задержанный въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ осадою города Тира, жители котораго и теперь какъ прежде показали примѣръ геройскаго мужества, Антигонъ только голодомъ прину-

дилъ ихъ наконецъ подчиниться (314 до р. Х.). По занятіи Тира, Антигонъ поручилъ вести войну въ Сиріи своему, прославившемуся впослѣдствіи, двадцатитрехъ-лѣтнему сыну Димитрію, получившему прозваніе Поліоркета (завоевателя городовъ), а самъ отправился противъ Асандра, котораго и усмирилъ въ продолженіе одного года. Еще до возвращенія Антигона въ Сирію, Птолемей, по совѣту Селевка, соединилъ всѣ свои силы, чтобы снова овладѣть этою страною. Оба противника Антигона сошлись съ сыномъ его при городѣ Газѣ. Молодой, честолюбивый и пылкій Димитрій былъ такъ раздраженъ потерею Кипра, которымъ не задолго передъ тѣмъ завладѣлъ Птолемей, что, вопреки совѣту своихъ полководцевъ, рѣшился напасть въ открытомъ полѣ на двухъ отличнѣйшихъ полководцевъ, воспитанныхъ въ школѣ Александра. Птолемей и Селевкъ одержали надъ нимъ полную побѣду. Вся Сирія, Финикія и Палестина сдѣлались добычею побѣдителей (312 г. до р. Х.). Воспользовавшись пораженіемъ Димитрія Поліоркета, удалившагося съ остатками своего войска въ Киликію, Селевкъ безъ всякаго труда снова покорилъ свое намѣстничество Вавилонъ, разсѣялъ войска намѣстника Мидіи, спѣшившаго въ Вавилонъ поддержать тамъ власть Антигона, и съ тѣхъ поръ удерживалъ за собою господство надъ отдаленнымъ востокомъ. Покореніемъ Вавилона онъ положилъ основаніе царству, перешедшему послѣ къ его потомкамъ или селевкидамъ; годъ этого покоренія сдѣлался началомъ особаго лѣтосчисленія, введеннаго вскорѣ послѣ того въ царствѣ Селевка и носившаго названіе эры селевкидовъ.

Птолемей еще въ томъ же году потерялъ всѣ свои завоеванія. Димитрій, пополнившій въ Киликіи свое войско, вступилъ въ Сирію, разбилъ на голову посланное ему на встрѣчу войско Птолемея, и, въ соединеніи со своимъ отцомъ, поспѣшившимъ къ нему изъ Малой Азіи, двинулся далѣе. Птолемей былъ слишкомъ остороженъ, чтобы дать сраженіе соединеннымъ войскамъ противниковъ, и, покинувъ всѣ свои завоеванія, вернулся въ Египетъ, гдѣ онъ былъ непобѣ-

димъ. Антигонъ рѣшился однако слѣдовать за нимъ и туда, но, пославъ сначала часть своего войска противъ кочевыхъ бедуиновъ каменистой Аравіи, гдѣ потерялъ множество солдатъ, принужденъ былъ по возвращеніи къ нему остатковъ этого отряда отложить свой походъ въ Египетъ вслѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій изъ Вавилона. Сынъ его Димитрій, посланный съ девятнадцатью тысячами противъ Селевка, хотя и овладѣлъ Вавилономъ, гдѣ Селевкъ оставилъ незначительный гарнизонъ, но своими жестокостями и опустошеніями возбудивъ противъ себя всеобщую ненависть, еще усилилъ привязанность жителей Вавилона къ Селевку, обращавшемуся съ ними чрезвычайно кротко. Не видя никакой возможности покорить Вавилонію, Антигонъ вызвалъ своего сына въ Сирію.

Вслѣдъ за этими событіями военныя дѣйствія прекратились; единственный историкъ древности, оставившій намъ свѣдѣнія объ окончаніи тогдашней войны между Антигономъ и его противниками, утверждаетъ даже, что въ 311 г. до р. X. былъ заключенъ формальный миръ. Извѣстія этого нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ; но если и дѣйствительно тогда былъ заключенъ миръ, то исторія послѣдующихъ лѣтъ показываетъ, что полководцы не придавали ему никакого значенія. Во всякомъ случаѣ взаимныя отношенія лицъ, подъ именемъ правителей государства и намѣстниковъ его раздѣлившихъ между собою царство Александра, остались вообще такими же, какими были и прежде, съ тѣмъ только исключеніемъ, что Селевкъ снова возстановилъ свою власть надъ Вавилоніею.

Подобно тому, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ споръ о верховномъ владычествѣ надъ Македоніею между Кассандромъ и Полисперхономъ окончился убійствомъ Филиппа Арридея, Эвридики и Олимпіады, такъ и настоящая война азіатскихъ намѣстниковъ за обладаніе своими провинціями повлекла за собою насильственную смерть двухъ другихъ членовъ царскаго дома. Въ войскахъ всѣхъ намѣстниковъ находилось много македонянъ, и,

пользуясь ихъ преданностью царскому роду, Антигонъ, чтобы повредить своимъ противникамъ, въ продолженіе войны показывалъ видъ, что сражается за своего царя, которымъ вездѣ превозглашалъ малолѣтняго сына Роксаны, Александра Эга. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны исчезла всякая побудительная причина къ притворству, а подраставшій царь сдѣлался помѣхою для плановъ Антигона и другихъ намѣстниковъ, стремившихся къ самостоятельному господству, и угрожалъ сдѣлаться впослѣдствіи опаснымъ ихъ соперникомъ. Это подало поводъ къ умерщвленію Роксаны и ея сына. Въ обнародованныхъ мирныхъ условіяхъ, онъ назывался царемъ царства; но вскорѣ послѣ того и мать и сынъ были лишены жизни по тайному взаимному согласію всѣхъ намѣстниковъ, или же потому, что Кассандръ, во власти котораго находились обѣ жертвы, считалъ опаснымъ для своей власти оставлять въ живыхъ ребенка, публично признаннаго царемъ. Вскорѣ по заключеніи мира Кассандръ приказалъ тайно умертвить и похоронить маленькаго Александра и Роксану, и только впослѣдствіи времени узналъ объ этомъ народъ.

4. Борьба за обладаніе царствомъ Александра отъ смерти Роксаны до битвы при Саламинѣ на островѣ Кипрѣ.

Миръ, заключенный между намѣстниками, продолжался недолго; никто изъ нихъ не придавалъ ему никакого значенія, и спокойныя времена наступили только тогда, когда властолюбивые полководцы достигли цѣли своихъ желаній, или погибли въ своихъ стремленіяхъ къ ней. Война продолжалась съ краткими перерывами въ различныхъ частяхъ царства. Впрочемъ для рѣшенія ея имѣли съ тѣхъ поръ значеніе только Греція и западъ Азіи. Крайняя часть востока, напротивъ того, была отодвинута на заднiй планъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 311 и 310 году до нашего лѣтосчисленія Селевкъ утвердился въ своей провинціи Вавилоніи и сталъ подчинять себѣ все, лежавшія на востокъ отъ нея

намѣстничества до самой Индіи. Это обстоятельство на долгое время не дозволяло Селевку принимать участія въ дѣлахъ запада, и Антигонъ, безопасный со стороны этого противника, могъ сосредоточить всѣ свои силы въ Передней Азіи.

Интересы различныхъ намѣстниковъ царства Александра сосредоточивались преимущественно въ Греціи; отношенія къ этой странѣ были чрезвычайно запутаны, такъ что прослѣдить связь событій въ греческихъ государствахъ и городахъ для насъ всего труднѣе. Стараясь съ самаго начала войны замѣшать въ нее Грецію, Антигонъ приказалъ объявить свободу всѣмъ греческимъ городамъ. Птолемей съумѣлъ однако разстроить планы своего противника, объявивъ вскорѣ послѣ того грекамъ тоже самое отъ своего имени. Онъ, подобно Антигону, послалъ свои войска въ Грецію, сдѣлавшуюся театромъ войны между Антигономъ, Кассандромъ, Полисперхономъ, Птолемеемъ и различными греческими государствами. Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ 311 г. до р. Х. намѣстниками, была признана самостоятельность всѣхъ греческихъ городовъ, но ни одинъ изъ полководцевъ не вывелъ изъ нихъ своихъ гарнизоновъ, и положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось. Изъ событій того времени въ Греціи, особеннаго вниманія заслуживаютъ два обстоятельства: способъ, которымъ Кассандръ побудилъ стараго, отжившаго свой вѣкъ Полисперхона умертвить одного изъ немногихъ оставшихся еще въ живыхъ членовъ семейства Александра, и появленіе на политическомъ поприщѣ человѣка съ чистыми и благородными стремленіями, среди всеобщаго господства самолюбія и геніальной безнравственности.

Полисперхонъ привлекъ на свою сторону вдову Александра, Барсину съ ея сыномъ Геркулесомъ, и назвалъ послѣдняго, какъ единственнаго оставшагося въ живыхъ потомка царя, властителемъ всего царства. Онъ пріобрѣлъ этимъ расположеніе приверженцевъ царствовавшаго дома и собралъ довольно значительное войско, чтобы отправить съ нимъ въ Македонію молодаго Геркулеса, которому въ эпоху заключенія мира было всего семнадцать лѣтъ.

Кассандръ выступилъ къ нему на встрѣчу, но считая битву дѣломъ рискованнымъ, потому что многіе изъ его солдатъ были расположены къ сыну Александра, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ вступилъ въ переговоры съ Полисперхономъ, внушая ему что возвышеніе Геркулеса будетъ опасно для нихъ обоихъ, и что они легко могутъ потерять вслѣдствіе того все свое значеніе. Этими соображеніями и подаркомъ въ сто тридцать пять тысячъ руб. сер. на наши деньги онъ убѣдилъ слабодушнаго старика, и довелъ его до того, что онъ заключилъ съ нимъ тайный союзъ и обѣщалъ умертвить Геркулеса. Геркулесъ былъ удавленъ вмѣстѣ съ своею матерью, а Полисперхонъ остался обманутымъ. Кассандръ повидимому предоставилъ ему обѣщанное по договору господство надъ Пелопоннесомъ, но онъ встрѣтилъ тамъ сильное противодѣйствіе, вскорѣ потерялъ все свое значеніе, и не имѣлъ уже никакого вліянія на ходъ міровыхъ событій.

Въ эти печальныя времена, когда полководцы Александра старались отнять другъ у друга власть посредствомъ насилій, обмановъ, убійствъ и другихъ преступленій, на политическое поприще выступилъ человѣкъ, который одинъ питалъ искреннее и горячее сочувствіе къ свободѣ Греціи. Это былъ племянникъ Антигона, Птолемей. Его нравственныхъ принциповъ мы тоже не можемъ положительно считать безусловно чистыми, но безспорно онъ былъ руководимъ болѣе благородными побужденіями, чѣмъ вооруженные разбойники, сражавшіеся тогда за обладаніе престоломъ. Въ 313 году Птолемей былъ посланъ своимъ дядею въ Грецію и, въ противоположность всѣмъ тогдашнимъ полководцамъ, желалъ пріобрѣсти себѣ безсмертную славу возстановленіемъ свободы греческихъ государствъ и ихъ старинныхъ формъ правленія, завоевывая государства и города не для Антигона или для себя самого, а для возвращенія имъ свободы. Вскорѣ по высадкѣ на берегъ онъ освободилъ отъ македонскаго ига Беотію и всѣ страны до самой Этоліи, но, приблизившись съ тѣмъ же намѣреніемъ къ границамъ Аттики, получилъ отъ своего дяди приказаніе возвратиться въ Пе-

лопоннесъ. Онъ послушался его, но продолжая и здѣсь поступать также точно, какъ въ средней Греціи, заставилъ полководца, начальствовавшаго тогда въ Пелопоннесѣ войсками Антигона, передать ему Элиду съ находившимися въ ней похищенными священными сокровищами, и даровалъ свободу этому и всѣмъ государствамъ, которыя завоевалъ. Послѣ заключенія мира между намѣстниками, онъ не переставалъ дѣйствовать сообразно своимъ убѣжденіямъ, хотя Антигонъ и не придавалъ никакого значенія статьѣ мирнаго договора, объявлявшей свободными всѣхъ грековъ въ Европѣ и Азіи. Разсердившись на своего племянника за то, что онъ, не вводя въ завоеванныя имъ города гарнизоны, вмѣсто того употреблялъ ввѣренныя ему войска на дѣло дѣйствительнаго освобожденія Греціи, Антигонъ поссорился съ нимъ, и приказалъ ему возвратиться въ Азію. Тогда Птолемей отложился отъ своего дяди, и сдѣлалъ весьма неосторожный шагъ, рѣшившись присоединиться къ владѣтелю Египта, который уже прежде провозглашалъ свободу грековъ и въ мирномъ договорѣ еще разъ призналъ ее. Птолемей египетскій принялъ благороднаго освободителя Греціи чрезвычайно ласково, но, переманивъ войска его на свою сторону, приказалъ умертвить ихъ предводителя (309 г. до р. X).

Роль освободителя Греціи, которую разыгрывалъ такъ неудачно племянникъ Антигона, вскорѣ послѣ того принялъ на себя сынъ послѣдняго, Димитрій Поліоркетъ, человѣкъ совершенно другаго характера, убѣжденій и нравовъ. Птолемей египетскій стремился распространить свою власть въ Греціи, и, овладѣвъ важными городами Коринѳомъ и Сикіоновъ, поставилъ въ нихъ гарнизоны и въ особенномъ мирномъ договорѣ заключилъ съ Кассандромъ условія касательно владѣній своихъ въ Пелопоннесѣ. Вскорѣ за тѣмъ (308 г. до р. X.) онъ вступилъ въ переговоры о бракѣ съ Клеопатрой, сестрою Александра Великаго, которая съ двоюродною сестрою своею Ѳессалоникой, супругою Кассандра, только одна изъ всей царской фамиліи оставалась еще въ живыхъ; но при самомъ началѣ этихъ переговоровъ, Клеопатра, жившая въ Сар-

дахъ, одномъ изъ городовъ, осажденныхъ войсками Антигона была найдена убитою. Антигонъ приказалъ казнить ея служанокъ какъ убійцъ, и похоронить съ царскими почестями тѣло принцессы; никто однако не сомнѣвался въ томъ, что виновникомъ убійства былъ самъ Антигонъ. Черезъ годъ онъ снарядилъ флотъ для нападенія на Птолемея и Кассандра въ Греціи съ гораздо большими силами чѣмъ прежде, но сначала рѣшился овладѣть Аѳинами, и оттуда уже подчинить себѣ всю остальную Грецію. Исполненіе этого предпріятія, начинавшагося подъ предлогомъ освобожденія Греціи, онъ поручилъ сыну своему Димитрію Поліоркету. Съ двумя стами пятидесятью большихъ кораблей, многочисленнымъ войскомъ и огромною суммою, простиравшеюся до семи милліоновъ руб. сер. на наши деньги, Димитрій, въ концѣ весны 307 г., вышелъ въ море и неожиданно явился передъ Аѳинами. Малочисленный македонскій гарнизонъ не былъ въ состояніи защищать въ одно и тоже время Пирей и Мунихію, и Димитрій безъ большаго труда овладѣлъ первымъ, а черезъ нѣсколько времени и Мунихіей, взявъ въ плѣнъ находившіяся тамъ македонскія войска.

Объявивъ аѳинянамъ, что онъ пришелъ освободить ихъ, Димитрій Поліоркетъ былъ принятъ въ Аѳинахъ съ восторгомъ. Прежній правитель города, Димитрій Фалерейскій былъ очень радъ, что нашелъ у него защиту отъ ненависти народа, который тотчасъ же перешелъ на сторону Димитрія Поліоркета и сталъ преслѣдовать своего прежняго идола. Димитрій Фалерейскій подъ сильнымъ прикрытіемъ былъ отведенъ въ Беотію, отправился оттуда къ Кассандру, а послѣ смерти его удалился въ Египетъ, гдѣ своими трудами и устройствомъ разныхъ ученыхъ учрежденій сдѣлалъ для исторіи человѣчества гораздо болѣе пользы, чѣмъ во все свое десятилѣтнее владычество. Послѣ его бѣгства изъ Аѳинъ воздвигнутыя ему триста шестьдесятъ статуй были разбиты, а самъ онъ заочно приговоренъ къ смерти. Съ такой же яростью преслѣдовалъ народъ его друзей и приверженцевъ. Димитрій Поліоркетъ медлилъ своимъ вступленіемъ въ го-

родъ до тѣхъ поръ, пока не освободилъ отъ македонскаго гарнизона сосѣдняго города Мегары. Вступленіе его въ Аѳины было въ высшей степени торжественно, и раздававшіеся громкіе радостные крики были началомъ цѣлаго ряда подлостей аѳинянъ, унизившихся до роли самыхъ жалкихъ и низкихъ льстецовъ.

Личность Димитрія и первое время пребыванія его въ Аѳинахъ такъ знаменательны для исторіи нравовъ того времени, что необходимо представить полную характеристику этого страннаго человѣка и поведеніе аѳинянъ въ отношеніи къ нему. Отличаясь подобно Алкивіаду тѣлесною силою и красотою, одаренный большими талантами, Димитрій соединялъ въ себѣ ловкость, дѣятельность и военныя дарованія съ любовью къ приключеніямъ и самою необузданною безнравственностью. Проницательный и энергичный во всѣхъ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, за свою изобрѣтательность заслужившій названіе Поліоркета, — завоевателя городовъ — онъ въ тоже время былъ до того преданъ всякаго рода чувственнымъ наслажденіямъ, что даже и въ тотъ безнравственный вѣкъ никто другой не могъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Въ продолженіе всей своей жизни, онъ не имѣлъ ни одной руководящей, основной идеи, ни одной опредѣленной политической цѣли, ища только приключеній и случая блеснуть своею геніальностью, и желая въ одно и тоже время соединить въ себѣ свойства Алкивіада, Ахиллеса и Александра. Грекамъ онъ явился вѣстникомъ и возстановителемъ свободы, но это было одною аффектаціею, потому что любовь къ свободѣ не могла существовать въ сердцѣ, наполненномъ стремленіями и страстями деспота, сладострастіемъ распутника и надменнымъ хвастовствомъ восточнаго повелителя. Аѳиняне вѣрили конечно всему, что говорилъ или приказывалъ говорить имъ Димитрій, и почитали полубогомъ человѣка, презрительно смѣявшагося надъ всякою законностью и добродѣтелью.

Торжественно вступивъ въ Аѳины, Димитрій явился передъ народнымъ собраніемъ, и объявилъ ему, что городъ и народъ сво-

бодны и могутъ возстановить свою прежнюю демократическую форму правленія, самъ же онъ будетъ помогать имъ въ дѣлѣ возвращенія ихъ прежняго владычества на морѣ, и немедленно прикажетъ раздать гражданамъ сто пятьдесятъ тысячъ мѣръ хлѣба. Нѣтъ ничего страннаго и удивительнаго, что развращенные аѳиняне обожали тридцатилѣтняго царевича, очаровывавшаго ихъ словами свободы, раздававшаго хлѣбъ и горстями сыпавшаго передъ ними деньги, и старались превзойти другъ-друга въ предложеніи народному собранію самыхъ безумныхъ постановленій о томъ, какія почести ему слѣдуетъ воздавать. Но всякій, хорошо знающій людей и судящій о принципахъ Димитрія не по словамъ его, а по дѣламъ, изумится тому, какъ греческіе историки могли думать что этотъ безнравственный, молодой искатель приключеній, дѣйствительно хотѣлъ тогда освободить Грецію. Въ своей безумной лести аѳиняне зашли такъ далеко, что привѣтствовали Димитрія и его отца не только какъ царей, но и какъ боговъ. Такимъ образомъ, аѳиняне первые изъ грековъ дали полководцамъ Александра царскій титулъ, и первые провозгласили богами людей за ихъ силу и блескъ. Для Антигона и Димитрія былъ назначенъ особый жрецъ, ихъ подвиги приписаны Минервѣ, богинѣ хранительницѣ города, и на томъ мѣстѣ, гдѣ Димитрій сошелъ съ корабля, былъ воздвигнутъ жертвенникъ, передъ которымъ ему воздавались почести, подъ именемъ нисходящаго бога, данномъ нѣкогда Юпитеру. Число филъ или округовъ, на которые дѣлились граждане, было увеличено еще двумя, названными по именамъ Антигона и Димитрія; одинъ изъ мѣсяцевъ названъ былъ Димитріонъ, а послѣдній день его Димитріада. Такія то безсмысленныя почести воздавали аѳиняне своему мнимому освободителю. Онъ распутничалъ въ Аѳинахъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, не заботясь о судьбѣ остальной Греціи, пока наконецъ отецъ не приказалъ ему возвратиться въ Азію. Лишь только онъ оставилъ Аѳины, какъ обнаружилось вліяніе несчастнаго подарка, сдѣланнаго имъ городу, воз-

становленіемъ въ немъ демократіи. Вся власть очутилась въ рукахъ низшихъ классовъ, или тѣхъ изъ демагоговъ, которые лучше всего умѣли льстить толпѣ. Но никто въ этомъ отношеніи не могъ сравниться съ Стратокломъ, человѣкомъ развратнымъ, котораго Димитрій предпочиталъ всѣмъ аѳинянамъ. Предоставленіе такому человѣку преобладающаго вліянія на народъ, и учрежденіе въ Аѳинахъ такого правленія, которое доставляло возможность подобнымъ людямъ забирать въ свои руки управленіе государствомъ, было безъ сомнѣнія самымъ дурнымъ дѣломъ Димитрія во время его перваго пребыванія въ Аѳинахъ.

Димитрій былъ отозванъ отцомъ для того, чтобы произвести съ большимъ флотомъ нападеніе на островъ Кипръ, гдѣ Птолемей собралъ значительныя военныя силы. Онъ высадился на берегъ Кипра, разбилъ брата Птолемея, Менелая, въ рѣшительной битвѣ, и осадилъ потомъ главный городъ острова Саламинъ съ сухаго пути и съ моря (306 до р. X.). Здѣсь Димитрій въ первый разъ примѣнилъ на практикѣ свои свѣдѣнія по части механики, построивъ удивительныя машины, давшія ему прозвище завоевателя городовъ. Этими изобрѣтеніями Димитрій пріобрѣлъ себѣ гораздо большее значеніе въ всемірной исторіи, чѣмъ своими военными подвигами, и потому они заслуживаютъ подробнаго описанія. Во времена Димитрія собственно стратегія, или искусство сражаться въ открытомъ полѣ, была до извѣстной степени усовершенствована, тогда какъ искусство осады крѣпостей и морская война были еще далеко не развиты. Димитрій обратилъ особенное вниманіе на то и другое, и значеніе его изобрѣтеній сдѣлалось тѣмъ важнѣе, что имѣло вліяніе и на гражданскую жизнь, въ которой механика впервые получила тогда общее приложеніе въ промышленности. Въ искусствѣ мореплаванія Димитрій прошелъ самую лучшую школу подъ руководствомъ своего близкаго родственника и великаго адмирала Александра-Неарха, командовавшаго флотомъ его отца и пріобрѣвшаго всѣ свои

знанія въ Родосѣ, тогдашнемъ средоточіи морскаго искусства грековъ.

Еще болѣе отличался Димитрій въ фортификаціи, и изобрѣтенія его въ области этой науки имѣли такое значеніе, что весь позднѣйшій періодъ древности бралъ себѣ за образецъ его и людей, трудами которыхъ онъ пользовался при постройкѣ своихъ машинъ. Искусство свое въ изобрѣтеніи и приложеніи къ дѣлу машинъ Димитрій особенно выказалъ два раза, при осадѣ Саламина и нападеніи на Родосъ, сдѣланнымъ годомъ позже. При осадѣ Саламина, Димитрій, находившійся въ дружбѣ со всѣми великими математиками своего времени, вызвалъ къ себѣ изъ Азіи множество художниковъ и ремесленниковъ, и приказалъ имъ строить машины и укрѣпленія разныхъ родовъ и величины; главная машина, изобрѣтенная и впервые примѣненная имъ тогда къ осадному искусству, называлась гелеполь, т. е. покорительница городовъ. Она состояла изъ постройки, во сто пятьдесятъ футовъ вышины, семьдесятъ пять длины и ширины, была раздѣлена на девять этажей, и приводилась въ движеніе колесами и блоками четырнадцати футовъ въ поперечникѣ. Въ нижнемъ этажѣ были поставлены метательныя машины, кидавшія стрѣлы и камни въ полтора центнера вѣсомъ такимъ образомъ, что они падали отвѣсно; въ среднихъ этажахъ были машины, бросавшія камни въ горизонтальномъ направленіи; а въ самомъ верхнемъ находились небольшія метательныя машины. вокругъ которыхъ оставлено было для дѣйствованія ими мѣсто для двухъ сотъ человѣкъ. Все зданіе представляло страшную батарею — башню, которая могла быть приближена къ стѣнамъ непріятеля, и градомъ своихъ выстрѣловъ производила страшныя опустошенія въ его рядахъ, въ то время какъ устроенные по обѣимъ сторонамъ ея и защищенные навѣсами тараны разбивали самыя стѣны. При устройствѣ этой машины, Димитрій не предусмотрѣлъ только одного обстоятельства, которое повлекло за собою совершенное разрушеніе ея. Онъ не позаботился предохранить это зданіе отъ огня, и въ то время, какъ непріятельскія стѣны были уже пробиты,

осажденные спасли свой городъ, зажегши гелеполь. Машина сгорѣла до тла, а вмѣстѣ съ тѣмъ погибло и множество людей. Не смотря на эту неудачу, осада Саламина продолжалась энергически, и завоеваніемъ города Димитрій былъ обязанъ не своимъ машинамъ, но рѣшительной морской битвѣ, на которую вынудилъ его Птолемей. Послѣдній поспѣшилъ со всѣмъ своимъ флотомъ для освобожденія Саламина, и далъ Димитрію передъ входомъ въ Саламинскую гавань величайшую изъ всѣхъ морскихъ битвъ, упоминаемыхъ въ исторіи древности (306 г. до р. X.). Димитрій одержалъ блистательную побѣду; самъ онъ потерялъ только двадцать кораблей, но захватилъ у непріятеля сорокъ большихъ военныхъ судовъ и болѣе ста транспортныхъ, пустилъ ко дну около восьмидесяти военныхъ судовъ и кромѣ того взялъ въ плѣнъ до десяти тысячъ человѣкъ изъ высадившагося на берегъ войска. Сдача Саламина и завоеваніе всего Кипра были прямыми послѣдствіями побѣды. Вѣстникъ, посланный Димитріемъ къ своему отцу съ извѣстіемъ о побѣдѣ, Аристодемъ Милетскій привѣтствовалъ Антигона словами: "Да здравствуетъ царь Антигонъ!", и Антигонъ съ тѣхъ поръ не только самъ усвоилъ себѣ титулъ царя, но и отвѣтъ своему сыну послалъ съ надписью: "къ царю Димитрію". Примѣру его тогда же послѣдовали Птолемей, Селевкъ и Лисимахъ; только Кассандръ не дѣлалъ этого, и хотя позволялъ другимъ называть себя царемъ, но самъ не употреблялъ царскаго титула въ своихъ подписяхъ.

5. Борьба за обладаніе царствомъ Александра отъ битвы при Саламинѣ до сраженія при Ипсѣ.

Первымъ предпріятіемъ Антигона и его сына, по завоеваніи Кипра, былъ походъ противъ Египта, для покоренія котораго оба они собрали всѣ свои силы. Антигонъ, съ 80 т. пѣхоты, 18 т. конницы и восьмидесятью тремя слонами, хотѣлъ напасть на царство Птолемея съ сухаго пути, а Димитрій, съ полутораста

военныхъ, сотней транспортныхъ судовъ и со всѣми возможными машинами и орудіями,—со стороны моря. Эти громадныя приготовленія замедлили начало похода до самой осени. Въ это время Птолемей успѣлъ оправиться отъ пораженія при Саламинѣ и устроить укрѣпленія на границахъ своей страны, а флотъ Димитрія подвергался большой опасности, потому что нападеніе на Египетъ должно было совершиться въ бурное осеннее время, и флотъ, отъ котораго завнсѣлъ исходъ всего предпріятія, могъ не иначе какъ съ большою опасностью приблизиться къ египетскимъ берегамъ. Когда Антигонъ прибылъ съ своимъ войскомъ къ дельтѣ, Димитрій уже потерялъ множество кораблей отъ трехъ бурь; несмотря на то, онъ всячески старался поддерживать своего отца и переправить войско его черезъ рукавъ Нила, но всѣ его попытки произвести высадку на берегъ остались безплодными, вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ тогда вѣтровъ, и положеніе Антигона сдѣлалось весьма опасно. Птолемей съ неутомимой энергіей сторожилъ всѣ пункты, гдѣ непріятель могъ переправиться черезъ рѣку, всѣ попытки Антигона подвинуться впередъ были напрасны, въ лагерѣ его господствовалъ страшный голодъ, число перебѣжчиковъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и, чтобъ не испытать участи Пердикки, онъ принужденъ былъ наконецъ оставить страну. Не достигнувъ никакихъ результатовъ, потерявъ множество людей и лошадей, Антигонъ и Димитрій возвратились въ Сирію; хотя отступленіе ихъ и было добровольное, однако Птолемей праздновалъ его различными торжествами, какъ будто одержалъ самую блистательную побѣду.

Чего неудалось сдѣлать Антигону и Димитрію теперь, того хотѣли они достигнуть въ слѣдующемъ году (305), рѣшившись вытѣснить Птолемея съ моря, уничтожить египетскую торговлю и такимъ образомъ ослабить силы своего противника. Для выполненія этого плана, имъ нужна была помощь города Родоса, пріобрѣвшаго громадное вліяніе во время войнъ за царство Александра. Между тѣмъ какъ Александрія и другіе приморскіе города, при-

надлежавшіе различнымъ владѣтелямъ, терпѣли отъ каждой войны убытки въ своей торговли, Родосъ постоянно оставался нейтральнымъ, сохраняя искусною политикою дружественныя отношенія со всѣми намѣстниками. Антигонъ и Димитрій приказали родосцамъ, которые вели очень дѣятельную торговлю съ египтянами, прервать всякое сношеніе съ ними; какъ ни льстили имъ ловкіе купцы, какъ ни старались расположить къ себѣ обоихъ царей, воздвигая въ честь ихъ статуи, но Антигонъ и Димитрій настаивали на своемъ требованіи и, чтобы придать ему болѣе вѣсу, отправили каперовъ противъ родосскихъ кораблей. Когда родосцы стали защищаться и захватили въ плѣнъ нѣсколько каперовъ, оба царя грозили имъ своею местью. Разными предложеніями старались они смягчить разгнѣванныхъ царей; но Антигонъ и Димитрій ничего не хотѣли слушать, и требовали, чтобы родосцы дали имъ сто заложниковъ и впустили въ свои гавани флотъ Димитрія. Понимая очень хорошо, что исполненіе этого требованія лишило бы ихъ и самостоятельности и всего значенія, родосцы рѣшились защищаться до послѣдней крайности.

Такъ возникла война, въ которой Димитрій, предводительствуя всѣми силами своего отца, выказалъ свои блестящіе военные таланты. Съ флотомъ изъ трехъ сотъ семидесяти большихъ и тысячи мелкихъ судовъ и войскомъ болѣе чѣмъ въ сорокъ тысячъ явился онъ передъ Родосомъ, и началъ ту замѣчательную осаду, въ которой родосцы противопоставили генію, силѣ и громаднымъ приготовленіямъ самаго знаменитаго изъ полководцевъ того времени, особенно по части фортификаціи, ловкость и искусство гражданъ, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ, геройство свободнаго народа и дружную дѣятельность сознающей свою силу націи. Трудно сказать, кто въ этой борьбѣ заслуживаетъ большаго удивленія, — покоритель городовъ Димитрій, или родосцы. Въ самомъ началѣ войны, послѣдніе выгнали изъ своего города всѣхъ неспособныхъ къ войнѣ, а находившимся у нихъ иностранцамъ предоставили на выборъ выѣхать изъ города или принять участіе въ борь-

бѣ съ непріятелемъ. Послѣ всѣхъ этихъ мѣръ, въ городѣ осталось всего до шести тысячъ гражданъ и тысяча метэковъ и иностранцевъ способныхъ защищать его; число это было увеличено обѣщаніемъ дать свободу и право гражданства каждому рабу, который станетъ храбро сражаться во время осады. Наконецъ было обѣщано, что тѣ, которые падутъ въ битвѣ, будутъ похоронены съ почестями, и городъ принялъ на себя попеченіе объ участи ихъ семействъ.

Оборона Родоса имѣетъ такое же отношеніе къ нападенію на него Димитрія, какое знаменитая защита Гибральтара генераломъ Эллiотомъ противъ французовъ въ 1782 году къ изобрѣтенію и практическому примѣненію пловучихъ батарей. Первыя нападенія на Родосъ были сдѣланы со стороны моря. На носу своихъ кораблей Димитрій поставилъ метательныя машины, которыя бросали стрѣлы почти на версту. Затѣмъ онъ построилъ родъ пловучихъ батарей, которыя защищены были громадными навѣсами и пловучими башнями, высотою своею превышавшими самыя стѣны гавани. Родосцы быстро возвысили свои стѣны, поставили на плотинахъ и корабляхъ своихъ такія же метательныя машины, и посредствомъ камней, бросаемыхъ изъ этихъ машинъ, а также съ помощью огня и меча, отражали всѣ нападенія непріятелей. Послѣ долгой, часто возобновлявшейся борьбы, Димитрій оставилъ попытку овладѣть городомъ со стороны моря, и началъ дѣлать страшныя приготовленія на сухомъ пути, употребивъ для нихъ до тридцати тысячъ работниковъ. Онъ приказалъ построить гелеполь, высотою почти въ двѣсти футовъ и въ сто футовъ длиною и широтою, и чтобы предохранить его отъ дѣйствія огня велѣлъ обшить его желѣзомъ и мокрыми кожами. Зданіе это стояло на восьми колесахъ, спицы которыхъ имѣли въ толщину четыре фута, и приводилось въ движеніе соединенными силами тысячи четырехъ сотъ или, по другимъ извѣстіямъ, трехъ тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, Димитрій подвелъ подъ Родосъ подкопы, съ помощью которыхъ едва не разрушилъ часть стѣнъ. Но ничто не

могло устрашить храбрыхъ родосцевъ, которые своей упорною защитою и мѣрами, принятыми противъ осаждающихъ, привели непріятеля въ совершенное смущеніе. Своими подкопами они парализировали всѣ дѣйствія Димитрія, постоянно бросали на осаждающихъ камни, метательные дротики и раскаленныя стрѣлы, и, не смотря на желѣзную обшивку гелеполя, непремѣнно бы сожгли его, еслибы Димитрій не поспѣшилъ откатить его назадъ.

Этихъ немногихъ данныхъ достаточно, чтобы показать, что при осадѣ и оборонѣ Родоса были примѣнены всѣ орудія, какія только могли дать той и другой сторонѣ математическія и механическія науки, при тогдашнемъ своемъ развитіи. Въ продолженіе цѣлаго года Димитрій пытался различными способами овладѣть Родосомъ, и, убѣдившись наконецъ въ невозможности достигнуть этого въ короткое время и безъ большихъ потерь, искалъ только удобнаго предлога, чтобы снять осаду и вступить съ родосцами въ переговоры. Предлогъ этотъ дало ему посольство этолійцевъ, которые просили у него немедленной помощи противъ Кассандра. Родосцы съ своей стороны охотно сдѣлали все, что только позволяла имъ честь, чтобы избавить своего врага отъ стыда за напрасно устроенныя имъ громадныя сооруженія, трату огромныхъ суммъ, и гибель безчисленнаго множества народа, принесеннаго въ жертву безъ всякой пользы. При посредничествѣ этолійскаго посольства былъ заключенъ миръ, по условіямъ котораго Родосъ признавался свободнымъ городомъ, но обязывался поддерживать Антигона и Димитрія во всѣхъ ихъ войнахъ, за исключеніемъ только войны съ Птолемеемъ, и дать имъ заложниками сто гражданъ. По удаленіи Димитрія, родосцы немедленно исполнили данныя ими обѣщанія относительно рабовъ и убитыхъ гражданъ, и въ благодарность Лисимаху и Кассандру, помогавшимъ имъ во время осады присылкою съѣстныхъ припасовъ, воздвигли въ честь ихъ статуи. Птолемея же они назвали богомъ, посвятили ему священную рощу, находившуюся вблизи города, и дали прозваніе сотера или спасителя,—про-

званіе, которымъ онъ и отличается въ исторіи отъ другихъ царей, носившихъ одно съ нимъ имя. Такъ граждане свободнаго греческаго города назвали богомъ новаго повелителя Египта, и оказали ему божественныя почести гораздо раньше египтянъ, сдѣлавшихся давно уже рабами. Но этотъ свободный народъ былъ въ тоже время и торговый народъ, для котораго барышъ былъ выше всего, и который такъ подло льстилъ Птолемею вслѣдствіе того же разсчета, по которому обращалъ всякое выраженіе благодарности ему и другимъ царямъ въ средство украшать свой городъ и поощрять искусства.

Отъ Родоса Димитрій поплылъ въ Грецію, гдѣ Кассандръ и Полиспархонъ продолжали распространять свои завоеванія, а первый даже осадилъ Аѳины. Димитрій (въ концѣ 304 г. до р. Х.) присталъ къ берегамъ Беотіи, и однимъ своимъ появленіемъ заставилъ Кассандра снять осаду Аѳинъ и удалиться въ Ѳессалію. Заключивъ союзъ съ этолійцами противъ Кассандра и Полиспархона, Димитрій отправился въ Аѳины, гдѣ его приняли еще съ большими почестями, чѣмъ въ первый разъ. Онъ провелъ въ Аѳинахъ цѣлую зиму, предаваясь такимъ распутствамъ, которыя превосходили все дѣланное имъ за три года передъ тѣмъ. Въ эти три года характеръ его сильно измѣнился, онъ возвратился въ Аѳины, окруженный всѣмъ что есть изнѣженнаго и дурнаго въ азіатской роскоши, и основалъ въ нихъ резиденцію новаго царства, образованнаго имъ въ Греціи подъ предлогомъ ея освобожденія. И сами аѳиняне, вслѣдствіе возстановленія буйной демократіи и вліянія жалкихъ личностей, игравшихъ роль государственныхъ людей, глубоко упали въ своихъ нравахъ. Впрочемъ въ этотъ разъ Димитрій дѣйствительно былъ для нихъ освободителемъ, потому что раздраженный Кассандръ грозилъ имъ своею местью.

Аѳиняне превзошли себя въ подлости и лести. При въѣздѣ Димитрія въ городъ, они объявили ему, что одна богиня покровительница Аѳинъ можетъ достойно принять его, какъ гостя, и

развратнѣйшему человѣку, какого только помнитъ исторія съ временъ Алкивіада до герцога регента французскаго, былъ отданъ для жительства священнѣйшій храмъ аѳинянъ. Святилище Минервы, почитаемой цѣломудренною и дѣвственною богинею, сдѣлалось теперь мѣстомъ самаго страшнаго разврата. Одинъ древній писатель говоритъ, что, сохраняя еще уваженіе къ прежнему мѣстопребыванію наукъ и искусствъ, онъ не рѣшается изобразить жалкое состояніе тогдашняго общества, потому что ему стыдно разсказывать о тѣхъ мерзостяхъ, которыя совершались аѳинянами и Димитріемъ; но и онъ не могъ умолчать о томъ, что въ священнѣйшемъ храмѣ, посвященномъ дѣвственности, дѣлались тогда совершенно открыто самыя гнусныя мерзости. Ни одна женщина, ни одна дѣвушка не была безопасна отъ необузданной страстности Димитрія. Безстыдство этого человѣка зашло такъ далеко, что однажды въ посланіи къ аѳинянамъ онъ предлагалъ до семидесяти тысячъ р. сер. (на наши деньги) за удовлетвореніе своего сладострастія. Подобнаго рода предложенія повторялись потомъ еще не разъ, и потому народное собраніе запретило гражданамъ, подъ страхомъ наказанія, передавать народу посланія Димитрія. Но лишь только стало извѣстно, что это опредѣленіе разсердило Димитрія, какъ аѳиняне уничтожили его и рѣшили казнить или изгнать изъ отечества гражданъ, сдѣлавшихъ такое предложеніе или поддерживавшихъ его.

Въ началѣ весны (303 года) Димитрій началъ свои дѣйствія въ Пелопоннесѣ. Называя себя освободителемъ Греціи, онъ изгналъ египетскіе и македонскіе гарнизоны изъ Сикіона, Коринѳа, Аргоса и другихъ городовъ, гдѣ ему оказывали почти такія же божескія почести, какъ въ Аѳинахъ, и, — подобно Филиппу и Александру, — созвалъ греческое народное собраніе въ Истмѣ. Сюда явились, кромѣ безчисленнаго множества частныхъ лицъ, депутаты шестнадцати мнимо свободныхъ городовъ, выбравшіе Димитрія неограниченнымъ полководцемъ греческой земли въ войнѣ противъ Кассандра; онъ собралъ войско въ шесть-

десятъ пять тысячъ, къ которому присоединились еще двадцать пять тысячъ грековъ. По возвращеніи его весной въ Аѳины, униженіе аѳинянъ превзошло всякія границы. Себя самихъ и все, что было дорогаго и святаго, отдали они въ руки сладострастнаго распутника, встрѣчали его жертвоприношеніями и процессіями, славили въ хвалебныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ Димитрій назывался высшимъ изъ боговъ, и пѣли эти гимны даже въ своихъ частныхъ домахъ. Развратникъ снова поселился въ священнѣйшемъ храмѣ города, и осквернилъ его неслыханною безнравственностью. Онъ не стыдился публично оказывать уваженіе знаменитой аѳинской публичной женщинѣ того времени, Ламіѣ, и однажды, въ присутствіи гражданъ, принесшихъ ему деньги, истребованныя имъ отъ города, отдалъ этой развратницѣ триста пятьдесятъ тысячъ р. с., сказавъ: „купи себѣ на нихъ бѣлилъ". Впрочемъ не одни аѳиняне унижались передъ наглымъ развратниковъ: жители Аргоса воздавали ему такія же почести, сикіонцы устроивали въ честь его богослуженія и годовые праздники, а ѳиванцы, желая угодить ему, воздвигли въ своемъ городѣ храмъ въ честь Ламіи. Безнравственность и пустота жизни, какъ видно изъ всего этого, господствовали тогда во всей Греціи. Древніе писатели оставили намъ подробный списокъ знаменитыхъ публичныхъ женщинъ того времени, пользовавшихся такою же громкою славою, какъ цари или полководцы той эпохи. Поэты и правители наперерывъ старались обезсмертить имена этихъ женщинъ, и дошедшіе до насъ разсказы о поступкахъ ихъ превосходятъ все, что мы знаемъ изъ исторіи другихъ подобныхъ же временъ.

Лѣтомъ 302 г. Димитрій, какъ главный полководецъ Греціи, началъ свой походъ противъ владѣтеля Македоніи Кассандра, у котораго уже были отняты всѣ греческія владѣнія, за исключеніемъ Ѳессаліи. Не имѣя союзниковъ, Кассандръ не надѣялся устоять противъ него, и обратился съ просьбою о мирѣ къ Антигону; но получилъ въ отвѣтъ, что долженъ сдаться безусловно. Отвѣтъ этотъ, которымъ Антигонъ объявилъ себя единственнымъ

наслѣдникомъ Александра, а прочихъ намѣстниковъ своими вассалами, относясь также точно къ Селевку, Птолемею и Лисимаху, какъ и къ Кассандру, спасъ послѣдняго отъ угрожавшей ему опасности. Четыре властителя заключили между собой союзъ, и снова загорѣлась всеобщая война, участь которой должна была рѣшиться въ Азіи, потому что союзники съ самаго начала перенесли театръ военныхъ дѣйствій въ эту часть свѣта. Лисимахъ вторгнулся въ Малую Азію черезъ Геллеспонтъ, Селевкъ выступилъ противъ Антигона съ востока, а Птолемей съ запада. Между тѣмъ Димитрій вступилъ въ Ѳессалію и встрѣтился тутъ съ Кассандромъ, который всячески старался уклоняться отъ битвы.

Видя неизбѣжность рѣшительной борьбы, Антигонъ призвалъ обратно въ Азію своего сына, отплывшаго въ концѣ 302 г. со всѣмъ своимъ войскомъ въ Малую Азію. По удаленіи его Кассандръ тоже отправилъ туда, подъ предводительствомъ Плейстарха столько войска, сколько могъ послать, не ослабляя себя, а самъ остался въ Европѣ. Въ Малой Азіи соединились войска Лисимаха и Селевка, и Антигона и Димитрія; Птолемей же медленно подвигался черезъ Сирію, выжидая, по своей обыкновенной хитрости, чѣмъ все это кончится. Судьба Азіи была рѣшена битвою при Ипсѣ (лѣтомъ 301 г.), въ которой участвовали войска Антигона, Димитрія, Лисимаха и Селевка (въ Европѣ война продолжалась почти тридцать лѣтъ, пока наконецъ водворился нѣсколько прочный порядокъ вещей). У Антигона было семьдесятъ тысячъ пѣхоты и десять тысячъ конницы, пѣхота его противниковъ состояла только изъ шестидесяти четырехъ тысячъ, а конница изъ десяти тысячъ пятисотъ человѣкъ, но у Антигона было не болѣе семидесяти пяти слоновъ, тогда какъ у Селевка число ихъ простиралось до четырехсотъ или четырехсотъ восьмидесяти. Антигонъ потерпѣлъ совершенное пораженіе, но трудно опредѣлить отъ чего оно произошло. Одни думаютъ, что онъ побѣжденъ былъ отъ того, что не сохранилъ обычнаго хладнокровія и спокойствія, и не распоряжался сраженіемъ одинъ, но

слушался совѣтовъ своего сына. Другіе сваливаютъ всю вину на Димитрія, который, разбивъ часть непріятельскаго войска, увлекся преслѣдованіемъ ея, вмѣсто того, чтобы вернуться на помощь отцу, стѣсненному противниками. Третьи наконецъ полагаютъ, что битву рѣшило превосходство непріятельскихъ слоновъ. Какъ бы то ни было, но едва ли могъ Антигонъ лучше кончить жизнь свою, какъ павъ на полѣ битвы. Побѣдители приказали похоронить съ царскими почестями трупъ восьмидесятилѣтняго старца.

Пораженіемъ при Ипсѣ могущество Антигона было совершенно уничтожено; Димитрій спасъ изъ всего войска только пять тысячъ пѣхоты и четыре тысячи конницы, бѣжавъ съ ними въ Эфесъ, гдѣ находился его флотъ. Отсюда онъ отплылъ въ Аѳины. Побѣдители раздѣлили между собою царство своего противника. Птолемей, не принимавшій никакого участія въ битвѣ, и потому не получившій ничего при раздѣлѣ, присвоилъ себѣ Финикію и часть Сиріи, но не могъ вытѣснить гарнизоновъ Димитрій изъ Тира и Сидона. Селевкъ и Лисимахъ не оспаривали у него этихъ странъ, раздѣливъ между собой остальное царство Антигона: первому досталась вся Малая Азія до Тавра, на долю Лисимаха пришлись земли, лежащія по ту сторону горъ, а братъ Кассандра, Плейстархъ получилъ Сицилію.

6. Послѣдующая судьба Кассандра и его сыновей, Димитрія Поліоркета и Лисимаха.

Изъ Эфеса Димитрій отправился въ Грецію, но не успѣлъ еще высадиться на берегъ, какъ къ нему явились послы изъ Аѳинъ и объявили, что аѳиняне не пустятъ его къ себѣ, рѣшившись не пускать болѣе въ городъ царей. Аѳиняне очень хорошо знали его, и понимали, что возстановленіе греческой свободы служитъ ему только предлогомъ для прикрытія честолюбивыхъ плановъ. Димитрій овладѣлъ однако нѣкоторыми пелопоннесскими городами, покорилъ Коринѳъ, имѣвшій въ то время большое значеніе и, об-

ладая значительнымъ флотомъ и нѣкоторыми важными приморскими пунктами въ Малой Азіи, Кипрѣ, Киликіи и Финикіи, сдѣлался властелиномъ на морѣ. Онъ напалъ на берега Ѳракіи и, ограбивъ ихъ, пріобрѣлъ богатую добычу, которая дала ему возможность навербовать новыя наемныя войска. Такимъ образомъ, даже послѣ пораженія при Ипсѣ, Димитрій все еще оставался страшнымъ противникомъ, особенно для Лисимаха, не имѣвшаго флота. Чтобы обезпечить себя съ моря и защитить свои берега отъ нападенія, послѣдній заключилъ союзъ съ Птолемеемъ египетскимъ, и, для упроченія этого союза, женился на его дочери Арсиноѣ. Это заставило также и Селевка, незадолго передъ тѣмъ завоевавшаго Сирію и тѣснимаго теперь съ юга и съ сѣвера, искать себѣ союзниковъ. Кассандръ, находившійся въ далекой Македоніи, и при томъ имѣвшій незначительное число кораблей, не могъ быть ему полезенъ; напротивъ того, Димитрій, владѣя значительнымъ флотомъ и приморскими городами, былъ для него важнымъ союзникомъ. Селевкъ обратился къ нему и старался привлечь его къ себѣ, женившись на дочери его Стратоникѣ, славившейся своею красотою во всей древности.

Димитрій съ радостью принялъ предложеніе Селевка, и немедленно отправился съ своею дочерью въ Сирію. На дорогѣ онъ присталъ къ берегамъ Киликіи, выгналъ оттуда Плейстарха, и завладѣлъ царскими сокровищами, оставшимися въ Квиндѣ. Союзъ Селевка съ Димитріемъ, угрожая владѣтелю Египта, заставилъ его примириться съ обоими союзниками. Переговоры длились не долго, потому что перемиріе было одинаково выгодно для обѣихъ сторонъ, лишая и Лисимаха поддержки египетскаго флота котораго одного боялся Поліоркетъ. Димитрій женился на Птолемаидѣ, дочери Птолемея, и далъ заложниковъ въ обезпеченіе того, что не будетъ тревожить египетскихъ кораблей. Но, не смотря ни на родственныя связи, ни на договоръ, скрѣпленный клятвою, каждый изъ нихъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обогащаться на счетъ другихъ. Димитрій тотчасъ же поплылъ въ Пе-

лопоннесъ, и началъ воевать съ тамошними союзниками Птолемея. Птолемей вскорѣ привлекъ на свою сторону одного изъ заложниковъ Димитрія, эпирскаго князя Пирра, выгнаннаго изъ отечества, помогалъ ему деньгами и войсками покорить Эпиръ и въ лицѣ его выставилъ опаснаго соперника Димитрію. Селевкъ грозилъ при первомъ удобномъ случаѣ завладѣть финикійскими и киликійскими городами, принадлежащими Димитрію.

Димитрій снова, какъ и прежде, старался сдѣлать Грецію центромъ своего государства. Теперь повидимому обстоятельства благопріятствовали попыткѣ его сдѣлать нападеніе на Аѳины, на что онъ не рѣшился тотчасъ послѣ битвы при Ипсѣ. Кассандръ сдѣлалъ нападеніе на Аттику, но былъ отбитъ храбрымъ и благороднымъ Олимпіодоромъ, которому помогали этолійцы. Тогда владѣтель Македоніи вздумалъ другими путями достигнуть своей цѣли. Онъ вошелъ въ сношенія съ вліятельнѣйшимъ аѳинскимъ демагогомъ Лахаресомъ, и убѣдилъ его захватить въ свои руки власть, надѣясь черезъ человѣка, который долженъ былъ искать опоры не въ народѣ, а въ наемникахъ и иностранныхъ войскахъ, поставить въ зависимость отъ себя Аѳины. Лахаресъ управлялъ сурово и жестоко, но его правленіе не долго держалось и пало со смертью Кассандра (въ концѣ 297 г. до р. X.). Около того же времени Димитрій началъ свои дѣйствія противъ Пелопоннеса. Узнавъ о смерти Кассандра, онъ поспѣшилъ въ Аттику и осадилъ Аѳины. Аѳиняне такъ боялись Лахареса, что не смѣли возстать противъ его жестокихъ солдатъ даже и тогда, когда Димитрій отрѣзалъ отъ города подвозъ съѣстныхъ припасовъ и осажденнымъ угрожала самая бѣдственная участь. Видя невозможность держаться далѣе, Лахаресъ, переодѣвшись крестьяниномъ бѣжалъ изъ Аѳинъ, захвативъ съ собой сокровища, и былъ умерщвленъ въ Беотіи (295 г.).

Аѳины страшились мести Димитрія; но онъ, тотчасъ по вступленіи, объявилъ собравшемуся народу, что прощаетъ его, и приказалъ раздать сто тысячъ мѣръ хлѣба голоднымъ жителямъ горо-

да. Въ благодарность за то аѳиняне, кумиромъ которыхъ онъ снова сталъ, постановили въ народномъ собраніи подарить ему гавани Пирей и Мунихію. Димитрій послалъ въ эти города сильные гарнизоны, и такимъ образомъ господствовалъ теперь надъ главнымъ городомъ Греціи. Владѣя моремъ, малоазійскими приморскими городами, Киликіею, островомъ Кипромъ и главными городами Финикіи, онъ сдѣлался бы господиномъ всей Греціи, еслибъ удалась попытка его завоевать Спарту. Но Птолемей, Лисимахъ и Селевкъ не могли допустить образованія такого сильнаго государства. Каждый изъ нихъ напалъ на какую нибудь изъ отдѣльныхъ частей владѣній Димитрія: Лисимахъ завладѣлъ принадлежащими ему малоазійскими приморскими городами, Птолемей покорилъ большую часть Кипра, Селевкъ занялъ Киликію и Финикію. Димитрій, между тѣмъ, разбилъ спартанское войско, выступившее противъ него въ Аркадіи, вторично побѣдилъ его вблизи Спарты, которой угрожало неминуемое паденіе, когда извѣстіе о предпріятіяхъ враговъ заставило его снять осаду Спарты.

Вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Азію, Димитрій предпочелъ упрочить сначала свое владычество надъ средней и сѣверной Греціей, и, воспользовавшись представлявшимися событіями, сдѣлаться царемъ Македоніи, гдѣ шла борьба между сыновьями Кассандра Антипатромъ и Александромъ. Старшій сынъ, боясь чтобъ Ѳессалоника, любившая болѣе младшаго сына, не оставила престолъ своему любимцу, рѣшился умертвить родную мать, и послѣдняя женщина царствующаго рода была убита руками собственнаго сына (295 г. до р. Х.). Преступленіе это, возбудивъ противъ Антипатра всеобщее негодованіе, заставило его бѣжать къ Лисимаху, на дочери котораго, Эвридикѣ, онъ былъ женатъ, въ надеждѣ съ его помощью овладѣть Македоніей. Александръ, опасаясь возвращенія брата, обратился къ Димитрію, и царю эпирскому Пирру. Оба обѣщали оказать ему содѣйствіе и выступили въ походъ съ своими войсками. Эпирскій царь покорилъ уже часть Македоніи, а Димитрій появился на границахъ

этой страны, когда безчеловѣчный Антипатръ задумалъ убить своего затя, но самъ былъ наказанъ за то смертью. Теперь Александръ не нуждался болѣе въ чужой помощи, и всячески старался избавиться отъ союзниковъ; эпирскому царю онъ уступилъ часть Македоніи, а Димитрія хотѣлъ умертвить коварнымъ образомъ. Димитрій, желая завладѣть престоломъ Македоніи, замышлялъ тоже самое противъ Александра. Оба, во время своего пребыванія въ Ларисеѣ, строили тайные козни, но опытный Димитрій перехитрилъ молодаго царя. На слѣдующій день послѣ совершенія убійства, Димитрій велѣлъ собраться войскамъ Александра и объявилъ имъ о своемъ злодѣйствѣ. Онъ съумѣлъ привлечь ихъ на свою сторону, и почти всѣ они перешли къ нему (294 г. до р. Хр.).

Такимъ образомъ обагренный кровью престолъ Македоніи достался Димитрію Поліоркету. Изъ всего развратнаго семейства Антипатра и Кассандра выказала благородство только жена Димитрія, Фила, сестра Кассандра. Не смотря на пренебреженіе со стороны Димитрія, на постоянныя оскорбленія, предпочтеніе, оказываемое имъ не только другимъ женамъ, но даже и любовницамъ, Фила все таки любила его и была привязана къ нему. Когда Димитрій завоевывалъ Пелопоннесъ и осаждалъ Спарту, она защищала островъ Кипръ противъ Птолемея, и, уступая шагъ за шагомъ превосходству непріятельскихъ силъ, упорно обороняла городъ Саламинъ, но была взята въ плѣнъ. Освобожденная Птолемеемъ, она поспѣшила къ своему невѣрному мужу,—забывая ради своего сына, Антигона Гоната, всѣ оскорбленія Димитрія и предпочтеніе, оказываемое имъ не только тремъ другимъ женамъ (сестрѣ Пирра Деидаміѣ, аѳинянкѣ Эвридикѣ, и дочери Птолемея Птолемаидѣ), но и безчисленному множеству любовницъ,—и сдѣлалась посредницею между имъ и македонянами, которые покорились Димитрію главнымъ образомъ, какъ зятю любимаго ихъ полководца Антипатра. Впрочемъ Македонія, народонаселеніе которой страшно уменьшилось вслѣдствіе азіатскихъ похо-

довъ Александра и другихъ войнъ, дѣлалась теперь добычею всякаго, кто только имѣлъ возможность навербовать войско.

Если бы гордость Димитрія могла удовлетвориться господствомъ надъ Греціей и Македоніей, по всей вѣроятности онъ остался бы властителемъ этихъ странъ, не смотря на то, что противниками его сдѣлались теперь Пирръ, этолійцы, а вскорѣ Лисимахъ, Селевкъ и Птолемей. Но властолюбивый, жаждущій приключеній Димитрій стремился къ болѣе обширнымъ предпріятіямъ. Съ своими новыми подданными онъ обращался жестоко и презрительно, и, напримѣръ, однажды не хотѣлъ читать поданнаго ему прошенія и въ глазахъ просителя бросилъ его въ воду. Обольщенный своимъ счастіемъ, онъ тратилъ громадныя суммы на свой дворъ, и, вооруживъ огромное войско и флотъ, хотѣлъ снова покорить азіатское царство своего отца. Нападеніе, сдѣланное на Македонію Пирромъ во время его болѣзни, выказало какъ мало могъ онъ разсчитывать на македонянъ, съ которыми обращался такъ дурно. Эпирскій царь завладѣлъ тогда почти всей страной, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей. Но Димитрій былъ неисправимъ; тотчасъ по выздоровленіи, выгнавъ Пирра изъ Македоніи, онъ по прежнему злоупотреблялъ своею властью и продолжалъ свои безумныя приготовленія къ азіатской войнѣ. Скоро снаряженъ былъ флотъ изъ 500 кораблей и сто двѣнадцати тысячное войско готово было выступить въ походъ. Но едва окончены были эти страшныя приготовленія, призракъ его деспотической власти разсѣялся какъ туманъ. Въ виду угрожавшей имъ опасности, Селевкъ, Птолемей и Лисимахъ возобновили прежній союзъ, къ которому приступилъ также Пирръ, и внезапно съ различныхъ сторонъ напали на общаго врага. Лисимахъ вторгся въ Македонію съ сѣвера, Пирръ — съ запада, а флотъ Птолемея появился у береговъ Греціи. По всей вѣроятности они вступили также въ переговоры и съ войскомъ Димитрія, которое, тотчасъ по приближеніи непріятеля, оставило своего царя. Димитрій искалъ спасенія въ бѣгствѣ, утративъ

господство надъ Македоніей, которою онъ владѣлъ въ теченіе семи лѣтъ; оставленный всѣми и окруженный измѣнниками онъ поспѣшно бѣжалъ въ Грецію (287). Его благородная жена Фила приняла ядъ, чтобы не видѣть униженія и бѣгства любимаго человѣка. Македонію раздѣлили между собою Пирръ и Лисимахъ.

Событіями этими воспользовался благородный аѳинянинъ Олимпіодоръ, для освобожденія роднаго города. Поднявъ знамя возстанія, онъ возбудилъ энергію своихъ согражданъ и, ставъ во главѣ ихъ, напалъ на македонскій гарнизонъ, выгналъ его изъ города, но самъ былъ убитъ въ сраженіи. Димитрій, появившись вскорѣ передъ Аѳинами съ своими греческими войсками, осадилъ городъ, но принужденъ былъ отступить безъ успѣха. Предоставивъ свои греческія владѣнія сыну своему Антигону Гонату, онъ отправился искать приключеній въ Азію, взявъ съ собой одиннадцать тысячъ человѣкъ. Онъ рѣшался начать съ такимъ незначительнымъ отрядомъ предпріятіе, для котораго не задолго передъ тѣмъ считалъ необходимымъ снарядить огромный флотъ и собрать 112-тысячное войско, потому, что теперь имѣлъ дѣло только съ Лисимахомъ. Самъ Лисимахъ былъ занятъ въ это время въ Македоніи, но его сынъ, храбрый и благородный Агатоклъ, находившійся тогда въ Азіи съ сильнымъ войскомъ, выступилъ на встрѣчу Димитрію, тотчасъ послѣ его высадки. Агатоклъ не вступалъ въ сраженіе съ противникомъ, но отрѣзалъ его отъ моря, препятствовалъ подвозу съѣстныхъ припасовъ и преслѣдовалъ шагъ за шагомъ Димитрія, который въ короткое время потерялъ восемь тысячъ человѣкъ. Съ остаткомъ своего отряда этотъ авантюристъ искалъ спасенія во внутренности Малой Азіи, но, не видя и здѣсь спасенія, предалъ себя въ руки Селевка, прося его защиты. Селевкъ приказалъ намѣстнику пограничной провинціи своего царства радушно принять его и снабдить всѣмъ необходимымъ. Но Димитрій отплатилъ за эту доброту неблагодарностью, внезапно

напалъ на войска Селевка и сталъ грабить провинціи его до самой Сиріи. Это заставило Селевка выступить противъ него съ своими войсками. Димитрій скоро былъ побѣжденъ, и стѣсненный противникомъ долженъ былъ сдаться въ плѣнъ (286 г. до р. Х.). Его постигла лучшая участь, чѣмъ можно было ожидать въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Селевкъ приказалъ съ нимъ обращаться по царски, отдалъ ему укрѣпленный городъ, давалъ деньги на содержаніе его двора, и хотя приказывалъ сторожить его, но не стѣснялъ его свободы. Димитрій прожилъ тутъ три года, проводя все свое время въ охотѣ, ѣздѣ, питьѣ и игрѣ, и, заболѣвъ наконецъ, умеръ 283 г. до р. Х., на 54 году жизни.

Вскорѣ послѣ смерти Димитрія была отдана въ руки Селевка и судьба Лисимаха. Упрочивъ разумнымъ управленіемъ и счастливыми войнами власть свою во Ѳракіи, Лисимахъ пріобрѣлъ при низверженіи Димитрія половину Македоніи, а вскорѣ отнялъ у Пирра и остальную часть этой страны. Послѣднія дни слабаго старика были опечалены несчастными семейными отношеніями. У Лисимаха было четыре жены. Первая, одрисская царевна, родила ему двухъ сыновей, Агатокла и Александра. Отъ второй жены, Никеи, сестры Кассандра, прежде обрученной съ Пердиккой, онъ имѣлъ двухъ дочерей: Эвридику, вышедшую за мужъ за Антипатра, сына Кассандра, и Арсиною, вышедшую за мужъ за сына и преемника Птолемея египетскаго. Третьей его женой была персіянка Амастра, племянница Дарія Кодомана, бывшая прежде за мужемъ за Кратеромъ, а по смерти его за Діонисіемъ, владѣтелемъ города Гераклеи на Понтѣ. Лисимахъ, не имѣвшій отъ нея дѣтей, очень любилъ ее, но изъ государственныхъ разсчетовъ женился на дочери Птолемея Арсиноѣ, родившей ему трехъ сыновей. Этотъ бракъ причинилъ Лисимаху горькія страданія. Амастра не хотѣла болѣе жить съ Лисимахомъ, удалилась въ свой владѣтельный городъ Гераклею, и тамъ была убита своими

властолюбивыми сыновьями, дѣтьми Діонисія. Лисимахъ, сохранившій привязанность къ Амастрѣ, отмстилъ ея смерть казнью матереубійцъ.

До сихъ поръ счастье благопріятствовало Лисимаху, который не запятналъ себя ни однимъ преступленіемъ, хотя въ тоже время и не отличался никакими особенными качествами; но женидьба на Арсиноѣ довела его до совершенія преступленія и была причиной его несчастій. Арсиноя находилась въ какомъ-то странномъ положеніи при дворѣ своего стараго, больнаго мужа. Пасынокъ ея, наслѣдникъ престола Агатоклъ, уже давно былъ женатъ на ея сводной сестрѣ Лисандрѣ, а родной братъ Птолемей Керавнъ, выгнанный отцемъ изъ Египта, нашелъ радушный пріемъ при дворѣ Лисимаха. Оба они, какъ дѣти ненавистной имъ мачихи, были для нея бѣльмомъ на глазу, а они въ свою очередь смотрѣли на нее какъ на своего врага. Кромѣ того, Арсиноя никакъ не могла примириться съ мыслію, что престолъ долженъ былъ перейти не къ ея дѣтямъ, а къ Агатоклу и его сыну, дѣтямъ ея сводной сестры. Разсказываютъ также, что она была влюблена въ Агатокла, который съ презрѣніемъ отвергнулъ ея любовь. Честолюбіе, семейная ненависть, отвергнутая любовь или вѣрнѣе жажда мести за неудовлетворенное сладострастіе сдѣлали изъ Арсинои совершенную фурію. Вмѣстѣ съ своимъ сводным братомъ Птолемеемъ Керавномъ, способнымъ на всякое преступленіе, она стала всячески интриговать противъ ненавистнаго ей Агатокла, возбуждала въ своемъ слабомъ старомъ мужѣ недовѣріе къ его благородному сыну, и вселила въ немъ наконецъ мысль, что Агатоклъ хочетъ его убить. Лисимахъ поспѣшилъ предупредить мнимое намѣреніе своего сына, и велѣлъ удавить его.

Смертъ благороднаго и всѣми любимаго царевича возбудила всеобщее негодованіе противъ стараго царя. Лисимахъ, одураченный Арсиноей и совершившій по ея наущенію страшное

преступленіе, сдѣлался теперь жестокимъ тиранномъ. Съ ужасомъ замѣчалъ онъ всеобщее раздраженіе противъ себя, — особенно сильно выказавшееся въ Малой Азіи, которою долго управлялъ Агатоклъ — и, желая подавить враждебное настроеніе умовъ насильственными мѣрами, велѣлъ казнить многихъ друзей и приверженцевъ своего сына. Жена Агатокла Лисандра и любимый ея братъ Александръ бѣжали съ дѣтьми своими отъ жестокостей слабаго царя, и искали спасенія у Селевка. Къ нему перешли также очень многіе изъ войска, стоявшаго въ Малой Азіи; Филетеръ, которому Лисимахъ поручилъ охраненіе своихъ сокровищъ, находившихся въ мизійскомъ городѣ Пергамѣ, захвативъ отъ 11 до 12 милліоновъ р. с. на наши деньги, также отправился къ царю Вавилоніи и Сиріи. Селевкъ, уже давно желавшій завладѣть Малой Азіей, не могъ найти болѣе благопріятнаго случая для выполненія своихъ плановъ.

Еще прежде чѣмъ битва рѣшила участь царства Лисимаха. онъ ясно понялъ невозможность борьбы съ Селевкомъ, и къ великому горю узналъ тогда, что велѣлъ казнить невиннаго сына. Когда Селевкъ началъ противъ него войну, малоазійскіе города сдавались ему одинъ за другимъ, и Лисимахъ долженъ былъ спѣшить походомъ, чтобы спасти хотя остатки своихъ владѣній въ Азіи. Онъ сошелся съ противникомъ на границахъ Фригіи и далъ ему битву на равнинѣ Курупедія, при самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Самъ Лисимахъ въ началѣ сраженія получилъ смертельную рану, и все его войско, послѣ непродолжительной битвы, положило оружіе (281 г. до р. Х.) Тѣло его оставалось въ продолженіе нѣсколькихъ дней на полѣ сраженія, пока сынъ его Александръ не выпросилъ позволеніе похоронить его. Трупъ Лисимаха вѣроятно не нашли бы, еслибъ около него не отыскали собаку убитаго царя, защищавшую его отъ дикихъ звѣрей. Александръ приказалъ перевезти тѣло въ Лисимахію во Ѳракію, и тамъ воздвигнулъ гробницу своему отцу, убитому на восьмидесятомъ году жизни. Селевкъ вскорѣ послѣ этой битвы

перешелъ черезъ Геллеспонтъ, и покорилъ европейскія владѣнія своего противника.

Счастіе Селевка было также непродолжительно: онъ питалъ змѣю въ своей собственной груди. Названный нами египетскій царевичъ, — которому греки за его запальчивость дали названіе Керавна (молнія), — по неизвѣстнымъ намъ причинамъ оставилъ дворъ Лисимаха, бѣжалъ къ Селевку, и былъ принятъ имъ очень ласково. Этотъ безнравственный человѣкъ, повсюду заносившій съ собой развратъ, и былъ убійцею Селевка. Вѣроятно Селевкъ, овладѣвъ Ѳракіей и Македоніей, пріобрѣлъ себѣ тѣмъ враговъ въ солдатахъ Лисимаха и приверженцахъ Агатокла, которые хотѣли удержать эти страны за ихъ законными наслѣдниками, и Птолемей Керавнъ, сопровождавшій его въ этомъ походѣ, воспользовался господствовавшимъ неудовольствіемъ для составленія заговора и умерщвленія царя. Когда Селевкъ, на походѣ въ Лисимахію, подошелъ къ древнему, одиноко стоявшему жертвеннику и сталъ передъ нимъ молиться, Птолемей пронзилъ его сзади копьемъ. Такъ умеръ основатель династіи селевкидовъ или Сирійскаго царства на семьдесятъ третьемъ году жизни (280 г. до р. X). Войска его частью разсѣялись, частью вернулись назадъ въ Азію, войска же Лисимаха, соединенныя послѣ сраженія при Курупедіи съ войсками Селевка, перешли на сторону убійцы, который вслѣдъ за совершеннымъ преступленіемъ поспѣшилъ въ главный городъ Ѳракіи и тамъ, во главѣ преданнаго ему отряда, провозгласилъ себя царемъ. Македоняне признали его своимъ властителемъ, лишь только онъ показался въ ихъ странѣ съ своими войсками. Сынъ Селевка, Антіохъ I хотѣлъ мстить за смерть своего отца, но распаденіе сирійскаго войска, мѣры, принятыя противъ него Птолемеемъ Керавномъ, и отпаденіе всѣхъ небольшихъ городовъ Малой Азіи, помѣшали ему въ этомъ, и даже вынудили его заключить съ убійцей миръ, по которому онъ призналъ Птолемея Керавна владѣтелемъ Ѳракіи и Македоніи.

Какъ при убійствѣ Селевка Птолемей Керавнъ открыто оскор-

билъ святость религіи, такъ поступками своими съ семействомъ Лисимаха онъ попралъ всѣ обязанности кровнаго родства. Судьба вдовы Агатокла и ея сына неизвѣстна; жена Лисимаха, Арсиноя, сводная сестра Птолемея Керавна, заперлась съ своими дѣтьми въ укрѣпленномъ македонскомъ городѣ Кассандреѣ. Желая овладѣть этимъ городомъ и обезопасить себя со стороны дѣтей Лисимаха, Птолемей предложилъ руку своей сводной сестрѣ, обѣщая ей смотрѣть на царство какъ на собственность ея сыновей и раздѣлить съ нею власть. Все это подтвердилъ онъ торжественною клятвою, и Арсиноя согласилась выдти за него. Но едва совершенъ былъ бракъ и Кассандрея перешла въ его руки, какъ Птолемей велѣлъ убить дѣтей Арсинои на рукахъ матери. Сама она послана была въ заточеніе на островъ Самотракію, откуда скоро бѣжала въ Египетъ, и вышла тамъ замужъ за своего брата Птолемея II, втораго царя новаго Египетскаго царства.

КОНЕЦЪ 2-ГО ТОМА.